МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

1

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume one

THE PUPPET MASTERS

GLORY ROAD

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга первая

КУКЛОВОДЫ
ДОРОГА ДОБЛЕСТИ

Издательская фирма «Полярис»
1994

ББК 84.7США
Х15

The Puppet Masters
Copyright © **1940, 1942, 1950, 1951** by Robert A. Heinlein

Glory Road
Copyright © **1963** by Robert A. Heinlein

Кукловоды
© **1991** А. Корженевский,
перевод на русский язык

Дорога доблести
© **1991** В. Ковалевский, Н. Штуцер
перевод на русский язык

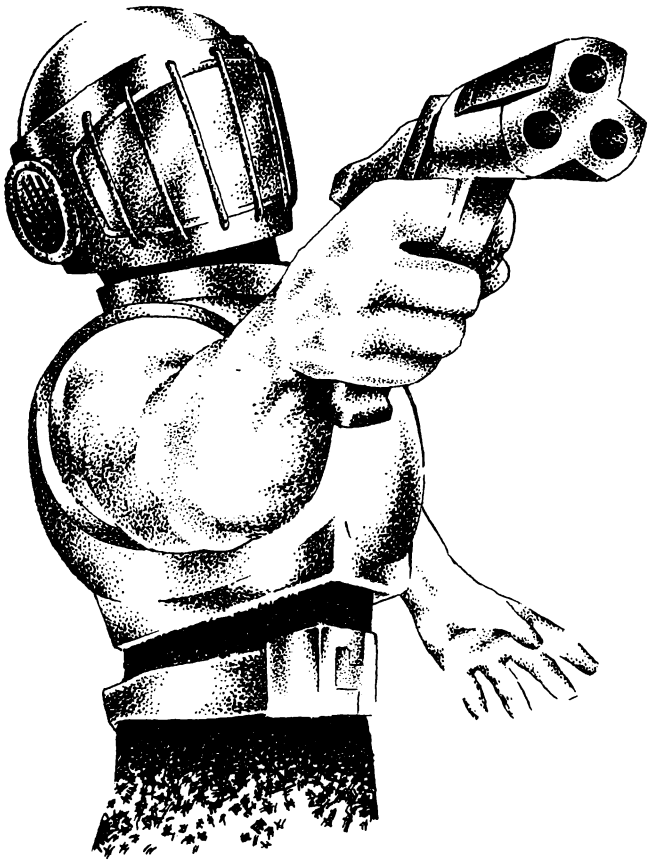
© **1992** Издательская фирма «Полярис»,
составление, оформление, название серии

Книга выпущена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Х $\frac{4703040100—045}{94}$ **Без объявл.**

ISBN 5-88132-095-6

КУКЛОВОДЫ

1

Действительно ли они разумны? Я имею в виду, сами по себе. Не знаю и не думаю, что мы когда-нибудь узнаем.

Если это всего лишь инстинкт, мне очень хотелось бы надеяться, что я не доживу до того дня, когда нам придется столкнуться с такими же, но *разумными* тварями. Потому что я знаю, кто проиграет. Я, вы. Так называемое человечество.

Для меня все началось рано утром — слишком рано — 12 июля 67 года: телефон зазвонил так пронзительно, что и мертвый бы, наверное, проснулся. Надо заметить, что наш Отдел пользуется особыми аппаратами; аудиореле имплантировано под кожей за левым ухом и работает за счет костной звукопроводимости. Я принялся было ощупывать себя, потом вспомнил, что оставил аппарат в кармане пиджака в другом конце комнаты.

— Ладно, — проворчал я. — Слышу. Выключи этот клятый зуммер.

— Чрезвычайное положение, — произнес голос у меня в ухе. — Срочно явиться в Отдел.

Я коротко посоветовал, как им поступить с их чрезвычайным положением, но голос не унимался:

— Немедленно явиться к Старику.

Так бы сразу и говорили.

— Иду, — ответил я и резко вскочил — аж в глазах потемнело. Прошел в ванную и ввел под кожу

микрокапсулу «Гиро». Пока вибростойка вытрясала из меня душу, стимулятор сделал свое дело, и из ванной я вышел новым человеком — ну почти новым, так скажем. Осталось только прихватить пиджак.

На базу я попал через одну из стоек в туалете на станции метро Макартур. Разумеется, вы не найдете наше заведение в телефонной книге. Строго говоря, нас вообще нет. Выдумка, иллюзия. Еще туда можно попасть через крохотный магазинчик с вывеской «Редкие марки и монеты». Тоже не пытайтесь — вам наверняка постараются всучить там какую-нибудь старинную марку.

Короче, искать нашу контору бесполезно. Как я и говорил, нас просто нет.

Существуют вещи, которые не может знать ни один руководитель государства — например, насколько хороша его разведывательная служба. Понятно это становится только когда она его подводит. Чтобы этого не произошло, есть мы. Так сказать, подтяжки для дяди Сэма. В ООН о нас никогда не слышали, да и в ЦРУ тоже — надеюсь. А все, что о нашей организации знаю я, это полученная подготовка и задания, на которые посылает меня Старик. Интересные, в общем-то, задания, если вам все равно, где вы спите, что едите и как долго проживете. Будь я поумней, давно бы уволился и нашел себе нормальную работу.

Только вот со Стариком тогда работать больше не доведется. А для меня это много значит. Хотя начальственной твердости ему, конечно, не занимать. Этот человек вполне способен сказать:

— Парни, нам нужно удобрить вот это дерево. Прыгайте в яму, и я вас засыплю.

Мы прыгнем. Все как один.

И если у него будет хотя бы пятидесятитрехпроцентная уверенность, что это Дерево Свободы, он похоронит нас заживо.

Старик поднялся из-за стола и, прихрамывая, двинулся мне навстречу с этакой зловещей ухмылкой на губах. Большой голый череп и крупный римский нос делали его похожим то ли на Сатану, то ли на Панча.

— Привет, Сэм, — сказал он. — Мне, право, жаль, что пришлось вытащить тебя из постели.

Черта с два ему жаль, конечно.

— У меня отпуск, — коротко ответил я.

— Верно, и ты все еще в отпуске. Мы отправляемся отдыхать.

У Старика весьма своеобразные представления об отдыхе, поэтому я, разумеется, не поверил.

— Ладно. Теперь меня зовут Сэм. А фамилия?

— Кавано. А я теперь твой дядюшка Чарли. Чарлс М. Кавано; пребываю на заслуженном отдыхе. И познакомься — это твоя сестра Мэри.

Я, как вошел, сразу заметил, что он в комнате не один, но Старик, когда хочет, умеет приковывать к себе внимание целиком и удерживать его сколько нужно. Теперь же я взглянул на свою «сестру» внимательно и невольно задержал взгляд. Оно того стоило.

Стало понятно, почему для работы вместе он назначил нас братом и сестрой: ему так хлопот меньше. Как профессиональный актер не может намеренно испортить диалог, так и агент, получивший инструкции, уже не может выйти из заданного образа. Короче, удружил: такую девушку — и мне в сестры!

Высокая, стройная, но спереди все как положено. Хорошие ноги. Широкие — для женщины — плечи. Огненно-рыжие волнистые волосы и, как бывает только у рыжих от рождения, что-то от ящерицы в форме черепа. Не то чтобы красавица, но очень даже симпатичная. И взгляд такой внимательный, оценивающий.

В общем, мне сразу захотелось опустить крыло и пуститься в брачный танец. Наверно, по мне это было заметно, потому что Старик сказал:

— Спокойно, Сэмми, спокойно. Сестра, конечно, в тебе души не чает, и ты ее тоже любишь, но чисто по-родственному. Ты заботлив и галантен до тошноты. Как говорится, старая добрая Америка.

— Боже, неужели все так плохо? — спросил я, не сводя глаз с «сестры».

— Хуже.

— А, черт, ладно. Привет, сестренка. Рад познакомиться.

Она протянула мне руку — твердую и ничуть не слабее, чем у меня.

— Привет, братец.

Глубокое контральто! Моя слабость. Черт бы побрал Старика!

— Могу добавить, — продолжил он, — что сестра тебе дороже собственной жизни. Чтобы защитить ее от опасности, ты готов даже умереть. Мне не очень приятно сообщать тебе это, Сэмми, но, по крайней мере в настоящий момент, сестра для организации важнее, чем ты.

— Понятно, — ответил я. — Спасибо за деликатность.

— Сэмми...

— О'кей, она — моя обожаемая сестра. Я защищаю ее от собак и посторонних мужчин. Когда начинаем?

— Сначала зайди в «Косметику». Они сделают тебе новое лицо.

— Пусть лучше сделают новую голову. Ладно, увидимся. Пока, сестренка.

Голову мне, конечно, новую не сделали, зато примостили мой персональный телефон у основания черепа и заклеили сверху волосами. Шевелюру выкрасили в тот же цвет, что и у новоявленной сестры, осветлили кожу и сделали что-то такое со скулами и подбородком. Из зеркала на меня уставился самый настоящий рыжий — такой же, как сестра. Я смотрел на свои волосы и пытался вспомнить, какого же цвета они были изначально, много-много лет назад. Затем мне пришло в голову, что и с сестренкой могли сделать что-нибудь в таком же духе. Но может, она и в самом деле так выглядит? Хорошо бы...

Я надел приготовленный костюм, и кто-то сунул мне в руку заранее уложенную дорожную сумку. Старик и сам, очевидно, побывал в «Косметике»: на голове у него вился бело-розовый пух. Лицо ему тоже изменили. Не скажу точно, что, но теперь мы, без сомнения, выглядели родственниками — троица законных представителей этой странной расы рыжеволосых.

— Пошли, Сэмми, — сказал Старик. — Я все расскажу в машине.

Мы выбрались в город новым маршрутом, о котором я еще не знал, и оказались на стартовой платформе Нортсайд, высоко над Нью-Бруклином, откуда открывался вид на Манхэттенский кратер.

Я вел машину, а Старик говорил. Когда мы вышли из зоны действия городской службы управления движением, он велел запрограммировать направление на Де-Мойн, штат Айова, после чего я присоединился к Мэри и «дядюшке Чарли» в салоне. Первым делом Старик поведал нам наши легенды.

— Короче, мы — беззаботная, счастливая семейка, туристы, — закончил он. — И если нам придется столкнуться с чем-то непредвиденным, так мы себя и ведем — как любопытные бестолковые туристы.

— А ради чего все это затевалось? — спросил я. — Или на месте будем разбираться?

— М-м-м... Возможно.

— О'кей. Хотя на том свете чувствуешь себя гораздо лучше, если знаешь, за что туда попал, а, Мэри?

Мэри промолчала. Редкое для женщины качество — умение молчать, когда нечего говорить. Старик бросил на меня оценивающий взгляд и спросил:

— Сэм, ты слышал о летающих тарелках?

— Э-э-э...

— Ну полно тебе! Ты ведь учил историю.

— А, эти... Повальное помешательство на тарелках, еще до Беспорядков? Я думал, ты имеешь в виду что-то недавнее и настоящее. Тогда были просто массовые галлюцинации...

— Ой ли?

— Я, в общем-то, не изучал статистическую аномальную психологию специально, но уравнения, кажется, помню. Тогда само время было ненормальное; человека, у которого все шарики на месте, могли запросто запереть в психушку.

— А сейчас, по-твоему, наступило царство разума, да?

— Ну, утверждать не стану... — Я порылся у себя в памяти и нашел нужный ответ. — Вспомнил: оценочный интеграл Дигби для данных второго и более высокого порядка! Вероятность того, что летающие тарелки — за вычетом объясненных случаев — лишь галлюцинация, равна по Дигби 93,7 процента. Я запомнил, потому что это был первый случай, когда сообщения об инопланетянах собрали, систематизировали и оценили. Одному богу известно, зачем правительство затеяло этот проект.

Старик выслушал меня и с совершенно невинным видом сказал:

— Держись за сиденье, Сэмми: мы едем осматривать летающую тарелку. И может быть, мы, как и положено настоящим туристам, даже отпилим кусочек на память.

2

— Семнадцать часов... — Старик сверился с часами на пальце, — ...и двадцать три минуты назад неопознанный космический корабль приземлился в окрестностях Гриннелла, штат Айова. Тип неизвестен. Форма дискообразная, около ста пятидесяти футов диаметром. Откуда — неизвестно, но...

— Они что, не отследили траекторию? — перебил я.

— Нет, не отследили, — ответил Старик. — Вот фотография с космической станции «Бета».

Я взглянул на снимок и передал Мэри. Обычная, не очень четкая фотография с высоты пяти тысяч миль. Деревья, как мох, тень облака, испортившая самую хорошую часть снимка, и серый круг — возможно, и в самом деле космический аппарат, но с таким же успехом это мог быть резервуар для нефти или даже пруд.

Мэри вернула фото, и я сказал:

— Похоже на большой шатер. Что еще нам известно?

— Ничего.

— Как ничего? Спустя семнадцать часов? Там должно быть полно наших агентов!

— Посылали. Двое были в окрестностях, и четверо отправились к объекту. Никто не вернулся. Я очень не люблю терять агентов, особенно когда это не дает никаких результатов.

Я вдруг осознал, насколько серьезная сложилась ситуация: Старик решил поставить на карту свой собственный мозг, рискуя потерять всю организацию, ибо он и есть Отдел. Мне стало не по себе. Обычно агент обязан спасать свою шкуру — чтобы выполнить задание и сообщить результаты. В данном случае получалось, что вернуться с результатом должен был Старик,

вторая по значимости — Мэри, а сам я — не дороже скрепки. Радоваться тут, понятно, нечему.

— Один из наших сотрудников успел-таки кое-что сообщить, — продолжил Старик. — Он отправился к месту посадки, изображая обычного зеваку, и передал по личному телефону, что это, по всей видимости, и в самом деле космический корабль. Затем сообщил, что постарается подобраться ближе, за полицейский кордон. Последнее, что он сказал, было: «Вот они. Маленькие существа, примерно... » — и больше ни слова.

— Маленькие человечки?

— Он сказал «существа».

— А сообщения из других источников?

— Полно. Студия стереовещания из Де-Мойна направила туда съемочную группу. Все снимки, что они передали, были сделаны с воздуха и издалека. На всех — только дискообразный объект. Затем в течение двух часов — ни снимков, ни новостей, а после этого крупные планы и новое объяснение.

Старик замолчал.

— И что? — спросил я.

— Оказывается, это розыгрыш. Космический корабль якобы собран из жести и пластика двумя подростками в лесу неподалеку от фермы, где они живут. А первые репортажи были переданы комментатором, который и подговорил их на это дело, чтобы устроить сенсацию. Его, мол, уже уволили, а сообщение о пришельцах из космоса — не более чем очередная «утка».

Я поежился.

— «Утка», значит. И тем не менее мы потеряли шестерых сотрудников. Наша задача — отыскать их?

— Нет. Я думаю, мы их уже не найдем. Нам нужно узнать, почему месторасположение объекта на этом снимке не совпадает с тем, что сообщили в новостях, и почему стереостанция Де-Мойна на два часа прервала передачи.

— Я бы хотела поговорить с этими подростками, — сказала Мэри, нарушив молчание впервые за всю поездку.

Я опустил машину на дорогу в пяти милях от Гринелла, и мы принялись искать ферму Маклэйнов: в

новостях виновниками всего этого переполоха были названы Винсент и Джордж Маклэйны. Найти ферму оказалось несложно. На первой же развилке стоял щит с надписью: «К КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ — СЮДА», а чуть дальше уже теснились припаркованные по обеим сторонам дороги машины — наземные, летающие и даже трифибии. У поворота к ферме работали две стойки, где торговали прохладительными напитками и сувенирами, а движением руководил полицейский.

— Остановись, — сказал Старик. — Нам тоже посмотреть не помешает, а?

— Точно, дядюшка, — согласился я.

Старик выпрыгнул из машины, взмахнул тростью и двинулся вперед. Я помог Мэри выбраться, и она на мгновение прижалась ко мне, опершись на руку. Каким-то образом ей удавалось выглядеть одновременно и глупо, и застенчиво.

— Какой ты сильный, братишка, — сказала она, глядя на меня.

Мне сразу захотелось ей наподдать. Один из агентов Старика — в роли сентиментальной простушки. Ну прямо как улыбка у тигра.

«Дядя Чарли» во всю изображал обеспеченного старого придурка на отдыхе — приставал к людям с расспросами, суетился, цеплялся к полицейскому.

Затем купил у стойки сигару и, когда мы подошли, небрежно махнул рукой с дымящейся сигарой в сторону сержанта.

— Инспектор говорит, это надувательство, мои дорогие. Местные мальчишки подшутили. Едем дальше?

Мэри сделала разочарованное лицо.

— Что, никакого космического корабля нет?

— Почему же? Есть — если, конечно, это можно назвать космическим кораблем, — ответил полицейский. — Идите за толпой, там найдете. И я пока еще сержант.

Мы миновали пастбище, дальше начинался редкий лес. Пройти за ворота фермы стоило доллар, и многие сразу поворачивали обратно, поэтому люди на тропе встречались редко. Я держался настороже и страстно желал, чтобы вместо радиотелефона у меня на затылке были глаза. Дядя Чарли и сестренка шли впереди, Мэри

без умолку несла какие-то глупости. Мне показалось, что она даже выглядит теперь меньше ростом и моложе. Наконец мы добрались до поляны и увидели «космический корабль».

Больше ста футов диаметром, но сделан — явно на скорую руку — из тонкой жести и листового пластика, выкрашенного серебрянкой. Формой — как две суповые тарелки одна на другой. Кроме этого, и смотреть не на что. Тем не менее Мэри пискнула:

— О, как здорово!

Из люка на вершине этой чудовищной конструкции высунул голову парнишка лет восемнадцати-девятнадцати с глубоким устойчивым загаром на прыщавом лице.

— Хотите посмотреть внутри? — спросил он и добавил, что это будет стоить еще пятьдесят центов с каждого.

Дядя Чарли решил раскошелиться. У самого люка Мэри в нерешительности остановилась. Оттуда вынырнула еще одна прыщавая физиономия — точная копия первой. Парни хотели помочь Мэри спуститься, но она вдруг отпрянула, и я тут же оказался рядом, решив, что лучше помогу ей сам. Однако в данном случае я на девяносто девять процентов руководствовался профессиональными соображениями, потому что нутром чуял здесь какую-то опасность.

— Там темно, — дрожащим голосом произнесла Мэри.

— Не бойтесь, — сказал второй парень. — Мы сегодня весь день тут людей водим. Меня, кстати, зовут Винс Маклэйн. Ну, идите же, девушка.

Дядя Чарли опасливо заглянул в люк, словно заботливая курица, сопровождающая выводок на прогулке.

— Там могут быть змеи, — решил он. — Мэри, тебе лучше туда не ходить.

— Да что вы! Какие змеи?! — принялся уговаривать нас первый Маклэйн.

— Ладно, джентльмены, деньги оставьте себе. — Дядя Чарли взглянул на палец с часами. — Мы уже опаздываем, дорогие мои. Пошли.

По тропе я опять шел позади них — постоянно настороже, аж волосы на затылке дыбом встали.

Сели в машину, и, едва тронулись с места, Старик строго спросил:

— Ну? Что вы заметили?

Я парировал вопросом на вопрос:

— Насчет первого сообщения никаких сомнений? Того, что оборвалось?

— Абсолютно.

— Этой штукой агента не обманешь даже в темноте. Он видел другой корабль.

— Разумеется. Что еще?

— Сколько, по вашему, может стоить этот розыгрыш? Новая жесть, краска и, судя по тому, что я заметил внутри, несколько кубометров бруса для крепежа...

— Продолжай.

— На этой ферме только что вывески не хватает — «Заложено». Ясное дело, они не сами оплачивали эту шуточку.

— Безусловно. А ты, Мэри?

— Вы заметили, дядюшка, как они со мной обращались?

— Кто? — резко спросил я.

— Полицейский и эти двое парней. Когда я прикидываюсь этакой обаятельной милашкой, с мужчинами обязательно должно что-то происходить. Здесь же — никакой реакции.

— По-моему, они обратили на тебя внимание, — возразил я.

— Ты не понимаешь. Я просто чувствую реакцию. Всегда чувствую. Что-то с ними не так. Они словно мертвецы. Или евнухи — если ты догадываешься, что я имею в виду.

— Гипноз?— предположил Старик.

— Возможно. Или действие наркотиков.

Мэри озадаченно нахмурилась.

— Хм... — Старик задумался, потом сказал: — Сэмми, на следующем разъезде сверни налево. Нам нужно осмотреть место в двух милях к югу отсюда.

— Место посадки, вычисленное по фотоснимку?

— А что же еще?

Однако добраться нам туда не удалось. Мост впереди рухнул, а разогнаться, чтобы перескочить реку по

воздуху, было негде, да и правила дорожного движения для летающих машин этого не разрешали. Мы заехали с юга по единственной оставшейся дороге, но там нас остановил полицейский. Сказал, что проезда нет из-за пожара. Кустарник, мол, горит, и если мы поедем дальше, нам придется участвовать в тушении. И вообще, ему положено бы отправить меня туда сразу.

Мэри захлопала ресницами и наврала, что ни она, ни дядюшка Чарли не умеют водить машину. Полицейский смилостивился и оставил нас в покое.

Отъехав от заграждения на дороге, я спросил:

— А этот как?

— Что как?

— Евнух?

— Ни в коем случае! Очень симпатичный мужчина.

Меня это задело.

Взлетать Старик запретил. Видимо, это и в самом деле было бы бесполезно. Мы отправились в Де-Мойн и вместо того, чтобы оставить машину у заставы, заплатили за программу до студии местного стереовещания. «Дядюшка Чарли» принялся скандалить, и мы прорвались-таки в кабинет главного управляющего: Старик врал на ходу, хотя, может быть, «Чарлс М. Кавано» и в самом деле был какой-нибудь шишкой в Федеральном управлении связи.

Очутившись в кабинете, Старик продолжал строить из себя Высокое Начальство.

— Что это за глупый розыгрыш с летающей тарелкой, сэр? Я требую четкого ответа и предупреждаю, что от этого может зависеть судьба вашей лицензии.

Управляющий, небольшого роста, сутулый человечек, однако, не испугался; подобные угрозы, видимо, лишь действовали ему на нервы.

— Мы передали опровержение по всем каналам, — сказал он. — Нас просто подставили. Но виновный уже уволен.

— Этого явно недостаточно, сэр.

Человечек — фамилия его была Барнс — пожал плечами.

— А чего еще вы от нас ожидаете. Мы что, должны его повесить?

Дядя Чарли ткнул в его сторону сигарой.

— Предупреждаю, сэр, со мной шутки плохи. Я совсем не убежден, что два молодых олуха и младший репортер могли самостоятельно провернуть этот возмутительный розыгрыш. Тут пахнет деньгами, сэр. Да-да, и немалыми. А теперь скажите-ка мне, что именно вы...

Мэри сидела рядом со столом Барнса. Она сделала что-то со своим нарядом и уселась в такой позе, что мне сразу вспомнилась эта картина Гойи — "Маха обнаженная". Спустя несколько секунд она подала Старику сигнал — большой палец вниз.

Барнс вроде бы не должен был этого заметить: мне казалось, что он смотрит только на Старика. Однако заметил. Он повернулся к Мэри, лицо его словно помертвело, а рука потянулась к ящику стола.

— Сэм! Стреляй! — коротко приказал Старик.

Я выстрелил. Луч отжег ему ноги, и туловище Барнса грохнулось на пол. Не самый удачный мой выстрел: я думал прожечь дыру в животе.

Пальцы Барнса все еще тянулись к упавшему пистолету, и я отпихнул оружие носком ботинка. Человек с отстреленными ногами уже не жилец, однако умирает не сразу, и я хотел избавить его от мучений, но тут Старик рявкнул:

— Не трогать! Мэри, назад!

Он осторожно, словно кошка, обследующая незнакомый предмет, подобрался ближе. Барнс протяжно выдохнул и замер. Старик потыкал его тростью.

— Босс, пора сваливать, а? — сказал я.

Не оборачиваясь, он ответил:

— Здесь ничуть не опасней, чем где-то еще. Возможно, их в этом здании полно.

— Кого «их»?

— Откуда я знаю? Их, таких вот, как этот. — Он указал на тело Барнса. — Нам как раз и нужно узнать, кто они такие.

Мэри судорожно всхлипнула и выдохнула:

— Он еще дышит. Смотрите!

Тело лежало лицом вниз. Пиджак на спине медленно поднимался и опадал, словно легкие Барнса продолжали работать. Старик присмотрелся и ткнул в спину тростью.

— Сэм. Иди-ка сюда.

Я подошел.

— Раздень его. Только в перчатках. И осторожно.

— Взрывное устройство?

— Не болтай. И осторожно.

Должно быть, Старик догадывался, в чем дело. Я всегда думал, что у него в голове компьютер, который делает верные логические заключения, даже когда фактов всего ничего — как эти ученые парни, что восстанавливают облик доисторических животных по одной-единственной косточке. Я натянул перчатки — специальные перчатки: в таких можно и кипящую кислоту перемешивать, и на ощупь определить рельеф на монете — затем принялся переворачивать Барнса, чтобы растегнуть пиджак.

Спина у него по-прежнему шевелилась. Мне это совсем не понравилось — неестественно как-то, — и я приложил руку между лопаток.

У нормального человека там позвоночник и мышцы. Здесь же было что-то мягкое и податливое. Я резко отдернул руку.

Мэри молча подала мне ножницы со стола Барнса, и я разрезал пиджак. Под ним оказалась тонкая рубашка, а между рубашкой и кожей, от шеи и до середины спины было что-то еще — толщиной около двух дюймов, отчего и казалось, что человек сутулится, или на спине у него небольшой горб.

Но эта штука пульсировала.

На наших глазах «горб» медленно пополз со спины, прочь от нас. Я протянул руку, чтобы задрать рубашку, но Старик стукнул тростью мне по пальцам.

— Ты все-таки реши, что тебе нужно, — сказал я, потирая костяшки пальцев.

Он молча засунул трость под рубашку, поворочал и мало-помалу задрал рубашку к плечам. Теперь уже ничто не мешало разглядеть эту тварь.

Серая, чуть просвечивающая, с раскинувшейся по всему телу системой каких-то органов — бесформенная, но определенно живая тварь. Она перетекла на бок Барнса и, неспособная продвинуться дальше, застыла между рукой и грудной клеткой.

— Бедняга, — тихо произнес Старик.

— А? *Это*?

— Нет. Барнс. Когда все это закончится, напомните мне, что ему полагается «Пурпурное сердце». Надо будет проследить. *Если* закончится. — Старик выпрямился и принялся расхаживать по кабинету, словно напрочь забыл про тварь, которая примостилась под рукой мертвого Барнса.

Я попятился, не спуская с твари взгляда и держа ее под прицелом. Быстро передвигаться она, похоже, не могла, летать, видимо, тоже, но кто ее знает, на что она способна. Мэри подошла, прижалась ко мне плечом, словно ища утешения, и я обнял ее свободной рукой.

На маленьком столике рядом с рабочим столом Барнса лежала стопка круглых коробок со стереопленкой. Старик взял одну, вытряхнул кассету и вернулся к нам.

— Это, я думаю, подойдет.

Он поставил коробку на пол рядом с серой тварью и принялся загонять ее внутрь, подпихивая тростью. Вместо этого тварь перетекла еще глубже под руку Барнса и спряталась под телом почти целиком. Я взял труп за другую руку и оттащил в сторону. Тварь сначала цеплялась, но потом шлепнулась на пол. Мы с Мэри настроили оружие на минимальную мощность и под руководством Старика все-таки загнали тварь в коробку, поджигая пол то с одной стороны, то с другой. Тварь заполнила коробку почти до краев, и я тут же закрыл ее крышкой.

Старик сунул коробку под руку.

— Что ж, вперед, мои дорогие.

На пороге кабинета он обернулся, «попрощался» с Барнсом, затем закрыл дверь, остановился у стола секретарши и сказал:

— Я зайду к мистеру Барнсу завтра... Нет, я еще не знаю во сколько. Предварительно позвоню.

И мы неторопливо двинулись к выходу: Старик прижимал к себе левой рукой коробку, я настороженно вслушивался, не поднял ли кто тревогу. Мэри без умолку болтала, вовсю изображая красивую дурочку. Старик даже остановился в фойе купить сигару и расспросил клерка, как доехать до нужного нам места — этакий добродушный старикан, немного бестолковый, но с чрезвычайно высоким самомнением.

Сев в машину, он сказал, куда ехать, и предупредил, чтобы я не превышал скорость. Спустя некоторое время мы остановились у авторемонтной мастерской и заехали в гараж. Старик велел позвать управляющего и, когда тот явился, сказал:

— Машина срочно нужна мистеру Малоне.

Этой кодовой фразой я и сам не раз пользовался: через двадцать минут от машины останутся только безликие запчасти в ящиках на полках.

Управляющий окинул нас взглядом, отослал двоих механиков из кабинета и коротко ответил:

— Сюда, пожалуйста, через эту дверь.

Мы очутились в квартире престарелой супружеской пары, где я и Мэри стали брюнетами, а Старик вернул свою лысину. У меня появились усы. Мэри, надо заметить, выглядела с темными волосами ничуть не хуже, чем с рыжими. Вариант «Кавано» отбросили: Мэри превратилась в медсестру, я — в шофера на службе у богатого старика-инвалида — как положено, с пледом и вечными капризами.

На улице нас ждала новая машина. Назад добрались спокойно. Возможно, нам даже незачем было менять морковного цвета шевелюры. Я настроил экран на студию Де-Мойна, но, если полиция и обнаружила труп мистера Барнса, репортеры об этом еще не знали.

Мы двинулись прямиком в кабинет Старика и там открыли коробку. Перед этим Старик послал за доктором Грейвсом, руководителем биологической лаборатории Отдела, и все делалось при помощи механических манипуляторов.

Оказалось, нам больше нужны не манипуляторы, а противогазы: кабинет заполнила вонь разлагающейся органики. Пришлось захлопнуть коробку и включить вентиляцию на полную.

— Что это за чертовщина? — спросил Грейвс, брезгливо наморщив нос.

Старик вполголоса выругался.

— Это я у тебя хочу узнать. Работать в скафандрах, в стерильном боксе, и я запрещаю думать, что эта тварь уже мертва.

— Если она жива, то я — королева Анна.

— Кто тебя знает? Но рисковать я запрещаю. Это — паразит, способный присасываться, например, к человеку и управлять его действиями. Происхождение и метаболизм почти наверняка инопланетные.

Грейвс фыркнул.

— Инопланетный паразит на человеке? Это просто смешно. Слишком различные биохимические процессы.

— Черт бы тебя побрал с твоими теориями! — ворчливо произнес Старик. — Когда мы его взяли, он прекрасно чувствовал себя на человеке. Если по-твоему это означает, что организм земной, тогда я хочу знать, откуда он взялся и где искать остальных. Хватит предположений. Мне нужны факты.

— Будут тебе факты! — раздраженно ответил биолог.

— Шевелись. И забудь про то, что тварь мертва. Может быть, этот аромат — просто защитная реакция. Живая она чрезвычайно опасна. Если тварь переберется на кого-то из твоих сотрудников, мне, скорее всего, придется его убить.

Последняя фраза несколько поубавила Грейвсу гонору, и он молча вышел.

Старик откинулся на спинку кресла, тяжело вздохнул и закрыл глаза. Спустя минут пять открыл и сказал:

— Сколько таких вот «горчичников» могло прибыть на космическом корабле размерами с эту тарелку, что мы видели?

— А был вообще корабль? — спросил я. — Фактов пока немного.

— Немного, но и их достаточно. Корабль был. И до сих пор есть.

— Нам нужно было обследовать место посадки.

— Там бы нас и похоронили. Те шестеро парней тоже не дураки были. Отвечай на вопрос.

— Размеры корабля все равно ничего не говорят о его грузоподъемности, когда не знаешь тип двигателя, дальность перелета и какие условия нужны пассажирам... Гадаешь, когда петля начнет затягиваться? Я думаю, их несколько сотен, может быть, несколько тысяч.

— М-м-м... да, пожалуй. А это значит, что в Айове сейчас бродят несколько тысяч зомби. Или «евнухов»,

как назвала их Мэри. — Старик на секунду задумался. — Но как пробраться мимо них в гарем? Нельзя же в самом деле перестрелять всех сутулых в Айове. — Он едва заметно улыбнулся. — Разговоры пойдут.

— Могу подбросить другой занятный вопросец, — сказал я. — Если вчера в Айове приземлился один корабль, то сколько таких приземлится завтра в Северной Дакоте? Или в Бразилии?

— Да уж... — Старик погрустнел. — Веревочка-то коротка.

— В смысле?

— До петли всего ничего осталось. Идите пока, ребятки, погуляйте. Может, это последняя возможность. Но с базы не уходить.

Я отправился в «Косметику», вернул себе прежний цвет кожи и нормальные черты лица, отмок в ванной и побывал у массажиста, затем — прямиком в наш бар. Решил выпить и разыскать Мэри. Я, правда, не представлял себе, как она будет выглядеть — блондинка, брюнетка или рыжеволосая, — но ни секунды не сомневался, что узнаю ножки.

Оказалось, волосы у нее рыжие. Мэри сидела за отгороженным столиком. Выглядела она практически так же, как в тот момент, когда я увидел ее впервые.

— Привет, сестренка, — сказал я, собираясь устроиться рядом.

— Привет, братец. Забирайся, — ответила она с улыбкой и подвинулась.

Я выбил на клавиатуре виски с водой и спросил:

— Ты и в самом деле так выглядишь?

Она покачала головой.

— Бог с тобой. В действительности у меня две головы и полоски как у зебры. А ты?

— Меня мамаша еще в детстве придушила подушкой, так что я до сих пор не знаю.

Она снова окинула меня оценивающим взглядом.

— Ее нетрудно понять. Но у меня нервы покрепче, так что все в порядке, братишка.

— Спасибо на добром слове, — ответил я. — И знаешь, давай оставим эти глупости насчет брата и сестры. А то я как-то скованно себя чувствую.

— По-моему, тебе это только на пользу.

— Мне? Да я так тихий. И ласковый. — Я мог бы еще добавить, что с такими девушками лучше волю рукам не давать: если ей не понравится, глядишь, и без рук можно остаться. У Старика другие не работают.

Она улыбнулась.

— Да ну? Зато я не ласковая. Во всяком случае, сегодня. — Мэри поставила бокал на стол. — Допивай лучше и закажи еще.

Что я и сделал. Мы продолжали сидеть рядом, просто наслаждаясь теплом и покоем. При нашей профессии такие минуты выпадают не часто, и от этого их еще больше ценишь.

Ни с того ни с сего подумалось, как хорошо Мэри выглядела бы во втором кресле у камина. Работа у меня такова, что раньше я никогда всерьез не думал о супружестве. Да и к чему? На свете полно симпатичных девчонок. Но Мэри сама была агентом; с ней и поговорить можно по-человечески. Я вдруг понял, что чертовски одинок и тянется это уже очень давно.

— Мэри...

— Да?

— Ты замужем?

— Э-э-э.. А почему ты спрашиваешь? Вообще-то, нет. Но какое тебе... Какое это имеет значение?

— Имеет, — упрямо сказал я.

Она покачала головой.

— Я серьезно. Вот взгляни на меня: руки, ноги на месте, совсем не стар еще и всегда вытираю ноги в прихожей. Чем не пара?

Она рассмеялась, но вполне добродушно.

— Лучше готовиться надо. Я думаю, сейчас ты импровизировал.

— Точно.

— Ладно, прощаю. Но знаешь, хищник, тебе следует поработать над техникой. Совсем ни к чему терять голову и предлагать женщине брачный контракт только из-за того, что тебя один раз отшили. Кто-нибудь поймает на слове.

— Но я серьезно, — сказал я обиженно.

— Да? И какое содержание ты предлагаешь?

— О черт! Если ты настаиваешь на таком контракте, то я и на это согласен. Можешь полностью сохранить

свой заработок, и я готов переводить тебе половину моего, если, конечно, ты не подашь в отставку.

Она покачала головой.

— Мне незачем будет настаивать на подобного рода контракте с человеком, за которого я сама захочу выйти замуж...

— Я так и думал.

— Просто я пыталась доказать, что это у тебя не всерьез. — Мэри подняла взгляд и добавила уже мягче, нежнее: — Хотя, может быть я ошибаюсь.

— Ошибаешься.

Она снова покачала головой.

— Агентам не следует жениться.

— Агентам следует жениться только на агентах.

Мэри хотела что-то ответить, но неожиданно выражение лица у нее изменилось. В то же мгновение мой телефон за ухом заговорил голосом Старика, и я понял, что она тоже прислушивается.

— Срочно ко мне в кабинет, — приказал Старик.

Мы молча встали. В дверях Мэри остановилась и посмотрела мне в глаза.

— Вот именно поэтому говорить сейчас о супружестве просто глупо. У нас работа не закончена. Пока мы разговаривали, ты постоянно думал о деле, и я тоже.

— Я не думал.

— Не играй со мной! Сэм... Представь себе, что ты женат и, проснувшись, вдруг обнаруживаешь одну из тех тварей на плечах твоей жены. Представь, что она управляет твоей женой. — В ее глазах промелькнул ужас. — Или представь, что я увидела на плечах у тебя...

— Готов рискнуть. И я не позволю им подобраться к тебе.

Она прикоснулась к моей щеке.

— Верю.

Когда мы вошли к Старику, он поднял взгляд и сказал:

— Отлично. Поехали.

— Куда? — спросил я. — Или мне не следовало задавать этот вопрос?

— В Белый дом. К Президенту. А теперь заткнись.

Тут мне уже ничего не оставалось.

3

В начале лесного пожара или эпидемии всегда есть возможность предотвратить беду минимальными усилиями, если действовать четко и своевременно. И Старик уже решил, что нужно сделать Президенту: объявить на всей территории страны чрезвычайное положение, окружить Де-Мойн и окрестности кордонами и стрелять в каждого, кто попытается выбраться оттуда. А затем начать выпускать жителей по одному, непременно обыскивая, чтобы найти всех паразитов. Одновременно задействовать радарные службы, ракетчиков и космические станции на выявление и уничтожение других неопознанных кораблей.

Предупредить весь мир, попросить о помощи, но не очень-то церемониться с международными законами, потому что речь идет о выживании человечества в борьбе против инопланетных захватчиков. И не важно, откуда они взялись — с Марса, с Венеры, со спутников Юпитера или вообще из другой звездной системы. Главное — отразить нападение.

Старик обладал уникальным даром: факты удивительные и невероятные он подчинял логике с такой же легкостью, как и самые обыденные. Вы скажете, не бог весь какой дар? Но большинство людей, сталкиваясь с чем-то таким, что противоречит житейской логике, вообще перестают соображать; фраза «Я просто не могу в это поверить» звучит заклинанием как для интеллектуалов, так и для недоумков.

А вот для Старика это пустой звук. И к его мнению прислушивается Президент.

Охрана из секретной службы работает серьезно. Рентгеноскоп сделал «бип», и мне пришлось сдать лучемет. Мэри оказалась просто ходячим арсеналом: машина подала сигнал четыре раза, потом еще коротко булькнула, хотя я готов был поклясться, что ей даже корешок от налоговой квитанции негде спрятать. Старик отдал трость сам.

Наши аудиокапсулы выявил и рентгеноскоп, и детектор металла, но хирургические операции — это уже за

пределами компетенции охраны. Они торопливо посовещались, после чего их начальник решил, что предметы, имплантированные под кожей, оружием можно не считать. У нас взяли отпечатки пальцев, сфотографировали сетчатку и тогда только провели в приемную. Но сразу к Президенту пустили одного Старика.

Спустя какое-то время нам тоже позволили войти. Старик нас представил, и я смущенно промямлил что-то в ответ. Мэри лишь сдержанно поклонилась. Президент сказал, что рад с нами познакомиться, и «включил» свою знаменитую улыбку — ту самую, что вы часто видите на экране телевизора, — отчего мне сразу поверилось, что он действительно рад встрече. Я вдруг почувствовал себя тепло, спокойно и перестал смущаться.

Первым делом Старик велел доложить обо всем, что я делал, видел и слышал, выполняя последнее задание. Добравшись до того места в рассказе, где мне пришлось убить Барнса, я попытался поймать взгляд Старика, но он смотрел куда-то в пространство, и я не стал упоминать о приказе стрелять. Сказал просто, что убил Барнса, защищая второго агента, Мэри, когда управляющий телестудией потянулся за пистолетом. Старик тут же меня перебил:

— Полный отчет!

Пришлось добавить про его приказ стрелять. Президент перевел взгляд на Старика, но больше никак не отреагировал. Я рассказал о паразите и, поскольку никто меня не останавливал, обо всем, что случилось после.

Затем настала очередь Мэри. Она довольно сбивчиво пыталась объяснить Президенту, почему рассчитывает на какую-то реакцию со стороны нормальных мужчин — реакцию, которой не было у молодых Маклэйнов, полицейского и Барнса, — но тут он сам пришел ей на помощь. Президент улыбнулся и сказал:

— Милая девушка, я вам охотно верю.

Мэри покраснела, Президент дослушал ее до конца, уже с серьезным выражением лица, и на несколько минут задумался. Затем обратился к Старику:

— Эндрю, твой отдел всегда оказывал мне неоценимую помощь. Случалось, отчеты, что ты присылал, поворачивали развитие истории...

Старик фыркнул.

— Значит, «нет», так?

— Я этого не говорил.

— Но собирался.

Президент пожал плечами.

— Я хотел предложить, чтобы твои молодые люди нас на время оставили. Ты, конечно, гений, Эндрю, но и гении ошибаются.

— Видишь ли, Том, я предвидел подобную реакцию. И поэтому привез с собой свидетелей. Это не гипноз и не наркотические галлюцинации. Можешь вызвать своих психологов — пусть попробуют поймать их на лжи.

— Я не сомневаюсь, что в подобных вещах ты разбираешься даже лучше, чем любой из моих специалистов. Взять, например, вот этого молодого человека — чтобы выгородить тебя, он готов пойти на риск быть обвиненным в убийстве. Ты буквально вдохновляешь на преданность, Эндрю. А что касается молодой леди — право же, Эндрю, я не могу начать военные действия, опираясь только на женскую интуицию.

Мэри шагнула вперед.

— Господин Президент, — сказала она убежденно, — я абсолютно уверена в том, что говорю. Я всегда это чувствую. Не могу объяснить, как именно, но те люди не имели ничего общего с нормальными мужчинами.

— Да, но вы упускаете из виду вполне очевидное объяснение — возможно, это и в самом деле, извиняюсь, «евнухи». Такие несчастные, увы, встречаются. И по законам вероятности вам запросто могли встретиться четверо за один день.

Мэри умолкла. Зато заговорил Старик:

— Черт побери, Том! — Я даже вздрогнул: ну разве можно так разговаривать с Президентом? — Я ведь знал тебя еще в те дни, когда ты работал в сенатской комиссии, а сам я был у тебя главной ищейкой. И ты прекрасно понимаешь, что я не пришел бы к тебе с подобной сказкой, если бы мог найти какое-то другое объяснение. Как насчет космического корабля? Что там внутри? Почему я не мог попасть на место посадки? — Старик вытащил снимок, сделанный с космической станции «Бета», и сунул его под нос Президенту.

Это, однако, не произвело на него никакого впечатления.

— Ну как же, факты... Мы оба с тобой неравнодушны к фактам. Но кроме твоего Отдела у меня есть и другие источники информации. Вот этот снимок, например. Ты, когда звонил, особо подчеркивал важность фотоснимка. Однако местоположение фермы Маклэйнов, указанное в земельных книгах округа, полностью совпадает с координатами объекта на этой фотографии. — Президент поднял взгляд и посмотрел на Старика в упор. — Я однажды заблудился в окрестностях своего собственного загородного дома. А ты, Эндрю, даже не знаешь тех мест.

— Том...

— Что, Эндрю?

— Ты случайно не сам ездил проверять карты округа?

— Нет, разумеется.

— Слава богу, а то бы у тебя на плечах уже висело фунта три пульсирующего желе — и тогда Соединенным Штатам конец! Можешь не сомневаться: и клерк в столице округа, и агент, которого ты послал, уже таскают на плечах таких паразитов. Да, и шеф полиции Де-Мойна, и редакторы местных газет, и авиадиспетчеры, и полицейские — короче, все люди на всех ключевых постах. Том, я не знаю, с чем мы столкнулись, но они-то наверняка понимают, что из себя представляем мы, и планомерно отсекают нервные клетки социального организма прежде, чем эти клетки смогут послать сигналы. Или же взамен истинной, выдают ложную информацию, как в случае с Барнсом. Так что, господин Президент, вы должны немедленно отдать приказ о жесточайших карантинных мерах в этом регионе. Другого пути нет!

— Да, Барнс... — тихо повторил Президент. — Эндрю, я надеялся, что мне не придется прибегать к этому... — Он щелкнул тумблером на селекторе. — Дайте мне станцию стереовещания в Де-Мойне, кабинет управляющего.

Экран на столе засветился почти сразу. Президент нажал еще одну кнопку, и включился большой настенный экран. Перед нами возник кабинет управляющего станцией, где мы побывали всего несколько часов назад.

Почти весь экран заслоняла фигура человека — и это был Барнс.

Или его двойник. Если мне случается убивать кого-то, эти люди никогда не восстают из мертвых. Увиденное меня потрясло, но я все же верю в себя. И в свой лучемет.

— Вы меня вызывали, господин Президент? — Судя по голосу человек был несколько ошарашен оказанной ему честью.

— Да, благодарю вас. Мистер Барнс, вы узнаете этих людей?

На лице Барнса появилось удивленное выражение.

— Боюсь, нет. А должен?

Тут вмешался Старик.

— Скажите ему, чтобы пригласил своих секретарей и помощников.

Президент удивился, но просьбу выполнил. В кабинете появились еще несколько человек — в основном, девушки, — и я сразу узнал секретаршу, что сидела в приемной Барнса. «Ой, да это же Президент», — пискнула вдруг одна из девушек.

Нас никто не узнал. В отношении меня и Старика это не удивительно, но Мэри выглядела так же, как и тогда, и я не сомневаюсь, что у любой женщины, которая ее видела, образ Мэри врезался в память навсегда.

И еще я заметил: все они сутулились.

После этого Президент нас просто выпроводил.

Прощаясь, он положил руку Старику на плечо и сказал:

— В самом деле, Эндрю, республика выстоит. Худобедно мы ее вытянем.

Спустя десять минут мы уже стояли на холодном ветру на платформе Рок-Крик. Старик словно стал меньше ростом и действительно постарел.

— Что теперь, босс?

— А? Для вас — ничего. Отдыхайте до дальнейших распоряжений.

— Я бы хотел еще раз заглянуть к Барнсу.

— В Айову не суйся. Это приказ.

— М-м-м... А что ты собираешься делать, если не секрет?

— Собираюсь махнуть во Флориду. Лягу на горячий песок и буду ждать, пока весь мир не полетит к чертям. Если у тебя хватит ума, ты поступишь так же. Времени осталось совсем немного.

Он расправил плечи и двинулся прочь. Я обернулся, но Мэри уже ушла. На платформе ее не было. Я догнал Старика и спросил:

— Прошу прощения, босс, а где Мэри?

— А? Отдыхает, надо полагать. Все. Меня не беспокоить.

Я хотел было разыскать Мэри по отдельской системе связи, но вспомнил, что не знаю ни ее настоящего имени, ни кода, ни идентификационного номера. А скандалить и требовать, чтобы мне нашли ее по описанию, просто глупо. Только в «Косметике» знают, как на самом деле выглядит агент, но они ничего не скажут. Сам я знал только, что она дважды была на задании рыжеволосой и выглядела — на мой вкус — как объяснение, «почему мужчины дерутся». Попробуйте закодировать такую информацию в телефонный аппарат!

Короче, я просто снял себе комнату.

4

Проснулся я уже в сумерках и от нечего делать просто смотрел в окно, наблюдая, как оживает с приходом ночи столица. Огибая мемориальный комплекс, уходила вдаль река. Выше по течению, за границей округа, в воду добавляли флуоресцин, и от этого река светилась в ночи переливами розового, янтарного и алого цветов. По ярким полосам сновали туда-сюда прогулочные катера, до отказа набитые парочками, у которых, без сомнения, «одно на уме».

На суше, то здесь, то там, посреди старых зданий зажигались прозрачные купола, отчего город становился похож на какую-то сказочную страну огней. К востоку, где в свое время упала бомба, старых домов не было вообще, и весь район казался огромной корзиной разукрашенных пасхальных яиц — вернее, гигантских скорлупок, освещенных изнутри.

Наверно, мне приходилось видеть столицу ночью чаще, чем большинству людей, и я никогда об этом не задумывался. Но сегодня у меня возникло такое чувство, будто это «в последний раз». Только не от красоты сдавливало горло — от понимания, что там, внизу, под покровом мягкого света, — люди, живые люди, личности, и все заняты обычными своими делами, любят, ссорятся, как кому нравится, — короче, каждый делает, черт побери, что ему хочется, как говорится, под виноградником своим и под своей смоковницей, и никто не испытывает страха.

Я думал обо всех этих людях, и мне виделась совсем другая картина: милые добрые люди, но у каждого — присосавшийся за плечами паразит, который двигает их ногами и руками, заставляет говорить, что ему нужно, и идти, куда ему хочется. Подумав об этом, я дал клятву: если победят паразиты, я лучше погибну, но не позволю такой твари ездить у меня на спине. Агенту Отдела это не сложно, достаточно откусить ноготь, а если руки связаны или еще что, есть множество других способов. Старик планирует на все случаи жизни.

Но он планировал подобные штуки совсем для иных целей, и я это знал. Наше с ним дело — охранять безопасность людей, а вовсе не сбегать, когда приходится слишком туго.

Но сделать сейчас я все равно ни черта не мог. Я отвернулся от окна и подумал, что мне, пожалуй, не хватает компании. В комнате оказался стандартный каталог «эскорт-бюро» и «агентств моделей», какой можно найти почти в каждом большом отеле; я полистал его и захлопнул. Веселые подруги меня совсем не интересовали, я хотел видеть только одну-единственную девушку, ту самую, неприступную. Вот только где ее искать?

Я всегда ношу с собой пузырек с пилюлями «Темпус-фугит»* — встряска для рефлексов не раз, бывало, помогала мне справиться с трудными ситуациями. И что бы там ни писали всякие паникеры, эти пилюли вовсе не вырабатывают патологического пристрастия, как, например, гашиш.

---

* Время летит (*лат.*). (Здесь и далее примечания переводчика.)

Хотя, конечно, какой-нибудь пурист мог бы сказать, что я пристрастился, потому что я иногда принимал их, чтобы свободные сутки казались неделей отпуска. И мне нравилось легкое эйфорическое ощущение, которое они вызывали. Но главное — это свойство растягивать субъективное время в десять и более раз, дробить его на мельчайшие отрезки, за счет чего в те же календарные сроки можно прожить гораздо дольше. Да, разумеется, я знаю эту жуткую историю о человеке, который состарился и умер за один месяц, потому что принимал пилюли одну за другой, но я пользуюсь ими лишь изредка.

А может быть, тот человек знал, что делал. Он прожил долгую счастливую жизнь — не сомневайтесь, счастливую — и в конце концов умер тоже счастливым. Какая разница, что солнце вставало для него только тридцать раз? Кто ведет счет счастью и устанавливает правила?

Я сидел, глядя на пузырек с пилюлями, и думал, что там достаточно — по моему личному времени — года на два. Забраться бы в нору и закрыть вход...

Я вытряхнул на ладонь две штуки, налил стакан воды. Затем сунул их обратно в пузырек, нацепил пистолет и аппарат связи, вышел из отеля и направился в Библиотеку Конгресса.

По дороге остановился в баре и посмотрел последние новости. Из Айовы ничего не было, но с другой стороны, когда в Айове вообще что-нибудь случается?

В библиотеке я сразу прошел в справочный отдел и занялся каталогом, выискивая с помощью «мигалок» нужные темы: от «летающих тарелок» к «летающим дискам», потом к «проекту «Блюдце», через «огни в небе», «кометы», «диффузионную теорию возникновения жизни», две дюжины тупиковых маршрутов и всякую околонаучную муру для чокнутых. Где руда, а где пустая порода? Только со счетчиком Гейгера и определишь. Тем более, что самая нужная информация прячется, возможно, под семантическим кодом где-нибудь между баснями Эзопа и мифами о затерянном континенте.

Однако через час я все-таки подобрал целую стопку селекторных карточек, вручил их весталке за стойкой,

и та принялась скармливать их машине. Наконец она закончила и произнесла:

— Большинство пленок, что вы заказали, уже выданы. Остальные документы доставят в зал 9-А. На эскалатор, пожалуйста.

В зале 9-А работал только один человек. Этот человек поднял голову и сказал:

— Ну и ну! Волк собственной персоной. Как ты меня вычислил? Я была уверена, что ушла чисто.

— Привет, Мэри, — сказал я.

— Привет, — ответила она, — и всего хорошего. Я все еще не ласкова, и мне нужно работать.

Я разозлился.

— Знаешь что, грубиянка, тебе это может показаться странным, но я пришел сюда отнюдь не ради твоих, без сомнения, прекрасных глаз. Время от времени я тоже, случается, работаю. Но можешь успокоиться: как только мои пленки прибудут, я смоюсь отсюда к чертовой матери и найду себе другой зал. Пустой.

Вместо ответной вспышки она вдруг смягчилась.

— Извини, Сэм. Женщине порой приходится выслушивать одни и те же слова сотни раз. Садись.

— Нет уж, спасибо. Я все-таки пойду. Мне нужно работать.

— Останься, — попросила она. — Видишь, тут написано: если ты унесешь пленки из того зала, куда они доставлены, сортировочная машина просто перегорит от натуги, а главный библиотекарь совсем рехнется.

— Я, когда закончу, верну их сюда.

Она взяла меня за руку, и я почувствовал, как у меня по коже побежали приятные теплые мурашки.

— Ну, пожалуйста, Сэм. Извини меня.

Я сел и ухмыльнулся.

— Теперь меня никто не заставит уйти. Я не выпущу тебя из вида, пока не узнаю твой номер телефона, адрес и настоящий цвет волос.

— Волк, — мягко сказала Мэри. — Ты никогда не узнаешь ни одного, ни другого, ни третьего.

Она демонстративно уткнулась в визор проекционной машины, словно меня рядом и не было.

Труба пневмодоставки звякнула, и в приемную корзину посыпались заказанные кассеты. Я сложил их

стопкой рядом с соседней машиной, но одна покатилась, ударилась в стопку кассет, что просматривала Мэри, и они рассыпались по столу. Я взял, как мне показалось свою пленку, взглянул сначала на одну сторону, где стоял серийный номер и точечный код для селекторной машины, перевернул, прочел название и положил в свою стопку.

— Эй! Это моя!

— Черта с два, — ответил я вежливо.

— Моя! Я собиралась смотреть ее следующей.

Вообще-то, до меня рано или поздно всегда доходит. Мэри, понятное дело, пришла сюда не ради истории обувного дизайна. Я взял еще несколько ее кассет и прочел названия.

— Вот значит, почему нужные мне кассеты оказались на руках. Однако ты много чего пропустила. — И я придвинул ей свою стопку.

Мэри просмотрела названия и свалила свои в общую кучу.

— Мы их поделим, или каждый будет смотреть все?

— Пополам, чтобы отсеять мусор, а все важное будем смотреть вместе, — решил я. — Поехали.

Даже после того как я своими глазами увидел паразита на спине бедняги Барнса, после заверений Старика о том, что «тарелка» действительно приземлилась, я оказался не готовым к тем горам фактов, что можно обнаружить в информационных завалах обычной публичной библиотеки. Черт бы побрал Дигби с его оценочной формулой! Факты неопровержимо свидетельствовали, что Землю посещали инопланетные корабли, причем неоднократно.

Множество сообщений было зарегистрировано еще до выхода человечества в космос — начиная с семнадцатого века и даже раньше, хотя вряд ли можно считать достоверными сообщения тех времен, когда «наука» означала ссылки на Аристотеля. Первые систематизированные данные появились в 40-е и 50-е годы двадцатого века. Следующий всплеск пришелся на 80-е. Я заметил некую закономерность и начал выписывать даты. Выходило, что странные объекты в небе появлялись в большом количестве примерно с тридцатилетней периодичностью, хотя, возможно, специалист по стати-

стической обработке данных дал бы более точный ответ.

Тема летающих тарелок была напрямую связана с «таинственными исчезновениями», и не только потому, что обе они входили в один и тот же раздел с морскими змеями, кровавыми дождями и прочими необъяснимыми явлениями. Существовало множество подтвержденных документами примеров, когда пилоты, преследовавшие «тарелки», бесследно исчезали — официальные инстанции давали в таких случаях наиболее «простые» объяснения: разбился и не найден.

Мне в голову пришла новая мысль, и я решил проверить, есть ли у таинственных исчезновений тридцатилетний цикл, и если так, не совпадает ли он с циклическим движением какого-нибудь из объектов звездного неба. Уверенности в успехе у меня не было: слишком много данных и мало отклонений, поскольку очень большое число людей исчезает в год по другим причинам. Однако статистический учет велся долгие годы, и не все записи погибли во время бомбежек. Я взял на заметку, что надо будет отправить эти данные для профессиональной оценки.

За ночь работы мы с Мэри не обменялись и тремя словами. Затем, потягиваясь, встали. Я одолжил ей мелочь, чтобы опустить в машину и сделать микрокопии тех записей, которые она отметила (и почему женщины никогда не носят с собой мелочь?), и выкупил свои кассеты.

— Ну, и каков приговор? — спросил я.

— Я чувствую себя, как воробей, который построил симпатичное гнездышко в водосточном желобе.

Я процитировал окончание стишка и сказал:

— Видимо, с нами будет то же самое: ничему не научившись, мы опять построим гнездо в желобе.

— Ни за что! Сэм, надо что-то делать! Тут прослеживается четкая закономерность, и на этот раз они хотят остаться.

— Может быть. Я лично думаю, ты права.

— Но что же делать?

— Лапушка, пришло время тебе понять, что в стране слепых даже одноглазому приходится не сладко.

— Не будь циником. Времени нет.

— Верно, нет. Пошли.

До рассвета оставалось совсем немного, и библиотека практически опустела.

— Знаешь что? — сказал я. — Давай возьмем бочонок пива, отвезем ко мне в отель и все это хорошенько обговорим.

Она покачала головой.

— Только не к тебе.

— Черт! Это же по делу!

— Поехали ко мне домой. Всего две сотни миль. Я приготовлю завтрак.

Я вовремя вспомнил цель своей жизни и улыбнулся.

— Лучшая идея за всю ночь. Но если серьезно: почему не ко мне в отель? Полчаса сэкономим.

— А чем тебе не нравится моя квартира? Я ведь не кусаюсь.

— Жаль. Но все-таки с чего вдруг такая перемена?

— М-м-м... Может быть, я хотела показать тебе медвежьи капканы у моей кровати. А может быть, доказать, что я умею готовить. — На ее щеках появились маленькие ямочки.

Я остановил такси, и мы отправились к ней домой.

Закрыв дверь, она первым делом старательно обследовала квартиру, затем повернулась и сказала:

— Повернись. Хочу пощупать твою спину.

— Какого...

— Повернись!

Я заткнулся, и она простучала костяшками пальцев мои плечи.

— Теперь проверь меня.

— С удовольствием! — Однако я уже понял, к чему все это, и сделал, что положено и как положено. Под платьем не оказалось ничего, кроме хорошенькой девушки и нескольких смертоносных игрушек.

Она повернулась ко мне лицом и облегченно вздохнула.

— Вот поэтому я и не хотела ехать к тебе в отель. Теперь я впервые с тех пор, как увидела эту тварь на спине управляющего станцией, уверена, что мы в безопасности. Квартира полностью герметична. Уходя, я всегда отключаю воздух, и до моего прихода она — как сейф в подвале банка.

— А как насчет вентиляционных отдушин?

— Я не включала систему кондиционирования. На этот раз просто открыла один из запасных баллонов, что стоят на случай налета. Можешь ни о чем не беспокоиться. Что тебе приготовить?

— Может быть, судьба пошлет мне едва-едва прожаренный бифштекс?

Судьба оказалась благосклонна. За едой мы смотрели программу новостей, но из Айовы по-прежнему ничего не было.

5

Медвежьи капканы я так и не увидел: Мэри просто заперла дверь в спальню. Спустя три часа она меня разбудила, и мы позавтракали во второй раз. Затем чиркнули сигаретами, и я включил теленовости. Кроме претенденток на звание мисс Америка, там все равно ничего не показывали. В другое время это не оставило бы меня равнодушным, но поскольку никто из них не сутулился, а горб под купальником скрыть просто невозможно, передача не казалась важной.

— И что дальше? — спросил я.

— Нужно систематизировать факты и ткнуть Президента в них носом.

— Как?

— Нужно снова его увидеть.

— Как? — повторил я.

Ответа у нее не было.

— Видимо, у нас есть только один путь: через Старика.

Я попытался связаться с ним, используя оба наших кода, чтобы Мэри тоже участвовала в разговоре, но в ответ услышал:

— Первый заместитель Олдфилд. Выкладывайте.

— Мне нужен Старик.

Короткая пауза, затем:

— По личному делу или по служебному?

— Пожалуй, по личному.

— По личным вопросам я вас соединять не стану, а все служебные можете решать со мной.

Очень хотелось сказать, что я о нем думаю, но я сдержался и просто дал отбой. Потом набрал еще один код, специальный код Старика, этим сигналом его из могилы поднять можно, но не дай бог кому-то из агентов воспользоваться кодом без важного повода.

Старик ответил очередью ругательств.

— Босс, — перебил я его, — это насчет Айовы...

Он сразу утихомирился.

— Да?

— Мы с Мэри накопали за ночь кое-какие данные и хотим все это обсудить.

Вновь ругательства. Он распорядился передать данные в аналитический отдел и добавил, что при следующей встрече оторвет мне уши.

— Босс! — повысил голос я.

— А?..

— Если вы хотите все бросить, мы готовы сделать то же самое. Мы с Мэри можем подать в отставку прямо сейчас. Я это вполне серьезно.

Мэри вскинула брови, но промолчала. Старик тоже долго молчал и наконец выдавил усталым голосом:

— Отель «Палмглейд», на севере Майами-Бич.

— Едем.

Я заказал такси, и мы поднялись на крышу. Следуя моим указаниям, водитель сделал крюк над океаном, чтобы не терять времени в густых транспортных потоках над Каролиной, так что добрались мы довольно быстро.

Старик лежал с мрачным выражением лица и, пока мы докладывали, задумчиво просеивал песок между пальцами. Я даже прихватил с собой «ящик», чтобы он мог просмотреть запись.

Когда мы дошли до тридцатилетнего цикла, Старик вскинул взгляд, но промолчал и, лишь когда я упомянул возможную корреляцию с цикличностью исчезновений, связался с Отделом.

— Дайте мне аналитическую службу. Питер? Привет. Мне нужен график необъяснимых исчезновений, начиная с 1800 года. А? Сгладишь известные факторы и отбросишь стабильный уровень. Мне нужны скачки и спады. Когда? Два часа назад. Чего ты еще ждешь?

Он поднялся на ноги, позволив мне вручить ему трость, и сказал:

— Ладно, пора обратно.

— В Белый дом? — с надеждой спросила Мэри.

— Что? Когда ты подрастешь? У вас нет ничего такого, что могло бы убедить Президента.

— А... а что же тогда?

— Не знаю. И если ничего в голову не приходит, лучше пока помолчи.

У Старика была машина, и на обратном пути мне пришлось вести. Передав управление автопилоту, я сказал:

— Босс, кажется я придумал, что может убедить Президента.

Старик фыркнул, но приготовился слушать.

— План такой: послать двух агентов в Айову, скажем, меня и еще кого-то. Второй агент будет постоянно снимать меня телекамерой. Ваша задача — заставить Президента смотреть.

— А предположим, ничего не случится?

— Ну, уж я позабочусь, чтобы случилось. Отправлюсь прямо к месту посадки, прорвусь. У вас будут снимки настоящего корабля, с близкого расстояния, и их увидят прямо в Белом доме. А затем я отправлюсь в контору Барнса и займусь этой сутулой компанией. Буду сдирать рубашки прямо перед камерой. Никаких там нежностей — срывать и разоблачать.

— Ты понимаешь, что шансов у тебя не больше, чем у мыши на кошачьем съезде?

— Думаю, это не так. Ничего сверхчеловеческого в них нет. Спорить готов, они могут ровно столько, сколько может тело человека, попавшего под их власть. Я не собираюсь в мученики, но так или иначе снимки добуду.

— Х-м-м...

— Неплохой план, — вставила Мэри. — Я буду вторым агентом. Я умею...

Мы со Стариком одновременно сказали «нет», и я сразу же покраснел: не моя прерогатива. Мэри продолжила:

— Я хотела сказать, что это вполне логичный выбор, поскольку я обладаю... э-э-э... даром выявлять мужчин, которых оседлали паразиты.

— Нет, — повторил Старик. — Там, куда он собрался, они все с паразитами. Во всяком случае, я буду так считать, пока не получу доказательств обратного. И потом, я приготовил для тебя другое задание.

Мэри следовало бы помолчать, но она спросила:

— Какое? Что может быть важнее?

— Другая работа тоже важна, — сказал Старик спокойно. — Я назначаю тебя телохранителем Президента.

— О! — Она на секунду задумалась. — Однако, босс... я не уверена, что сумею выявить женщину с паразитом. У меня... э-э-э... другая специализация.

— Что ж, значит, мы уберем оттуда всех секретарш. И, Мэри... тебе придется следить за самим Президентом тоже.

Снова короткая пауза.

— Но предположим, я обнаружу, что каким-то образом ему все-таки подсадили паразита?

— Тогда ты сделаешь что необходимо, место Президента займет вице-президент, а тебя расстреляют за измену. Однако вернемся к первому плану. Мы пошлем Джарвиса с камерой и добавим Дэвидсона, чтобы держал его под прицелом. Пока Джарвис будет снимать тебя, Дэвидсон будет следить за ним, а ты, если удастся, не забывай поглядывать на Дэвидсона.

— Значит, думаете, нам это удастся?

— Нет, в общем-то, но любой план лучше, чем никакого. И может быть, это их немного расшевелит.

Мы — Джарвис, Дэвидсон и я — отправились в Айову, а Старик тем временем поехал в Вашингтон. Перед самым отъездом Мэри отвела меня в сторону, затем притянула за уши, крепко поцеловала и сказала:

— Обязательно возвращайся, Сэм.

Я расчувствовался, как пятнадцатилетний мальчишка.

Дэвидсон приземлил машину сразу за рухнувшим мостом, что мы обнаружили в первую поездку. Я указывал, куда ехать, пользуясь картой, где было отмечено настоящее место посадки космического корабля. В качестве отправной точки мост подходил идеально. За две десятых мили к востоку от места мы свернули с дороги и двинулись к цели напрямик, через кустарник.

Вернее сказать, в направлении цели. Впереди раскинулась огромная выгоревшая поляна, и мы решили пройтись пешком. Место, указанное на снимке с орбиты, располагалось как раз в центре пожарища, но никакой летающей тарелки там не было. А чтобы доказать, что она тут приземлялась, понадобился бы, наверное, специалист получше меня. Пожар уничтожил все следы.

Джарвис старательно заснял поляну, но я уже понял, что слизняки в очередной раз нас обставили. По дороге к машине нам встретился престарелый фермер. Мы, как было условлено, держались настороже.

— Ничего себе пожарчик, — заметил я, заходя сбоку.

— Да уж, — сокрушенно ответил он. — Две мои лучшие дойные коровы сгорели, беда прямо. А вы из газеты?

— Да, — согласился я, — но, похоже, мы приехали впустую.

Мне очень не хватало Мэри. Я не знал, что и думать: может, конечно, этот тип всегда сутулится... Но если Старик прав насчет корабля — а он *должен* быть прав, — то этот с виду деревенский простофиля знает о нем и, следовательно, покрывает пришельцев. А значит, у него на спине — паразит.

Я решил, что должен попытаться. Поймать живого паразита и заснять его для Белого дома было гораздо проще в лесу, чем где-нибудь в людном месте. Я бросил взгляд на своих товарищей: они ждали моего сигнала; Джарвис снимал непрерывно.

Когда фермер повернулся, я сбил его с ног, упал сверху и вцепился в рубашку. Джарвис подскочил ближе и приготовился снимать крупным планом. Фермер не успел и охнуть, а я уже задрал на нем рубашку.

На спине ничего не было — ни паразита, ни каких-либо следов. И в других местах тоже: мы проверили.

Я помог ему подняться, отряхнул одежду — он весь перепачкался в пепле — и пробормотал:

— Виноват, прошу прощения...

Фермер трясся от злости.

— Чтоб тебе пусто было, ты... ты... — Видимо, он даже не мог сходу подобрать для меня достаточно сильных выражений, только губы дрожали. — Я на вас

в полицию пожалуюсь! А будь мне лет на двадцать поменьше, так я бы и сам всех троих отделал!

— Извини, отец, ошибка вышла.

— Ошибка! — В лице его что-то вдруг изменилось, и я подумал, что он вот-вот заплачет. — Возвращаюсь из Омахи, а тут дом сгорел, половины стада нет, да еще и зять куда-то запропастился. Выхожу посмотреть, что за чужаки тут ходят по моей земле, а меня только что на куски не рвут. Ничего себе ошибка! И куда мир катится?!

Наверно, я мог бы ему объяснить куда, но не стал. Хотел предложить ему денег, чтобы как-то загладить вину, но он ударил меня по руке, и деньги полетели на землю. Поджав хвосты, мы убрались.

Уже на дороге Дэвидсон спросил:

— Ты уверен, что все идет как надо?

— Положим, я могу ошибиться, — сердито ответил я, — но ты когда-нибудь слышал, чтобы ошибался Старик?

— М-м-м... нет. Куда теперь?

— В студию стереовещания. Там-то уж точно ошибки не будет.

Служащий заставы у въезда в Де-Мойн мешкал и не поднимал барьер. Он проверил по своей записной книжке, взглянул на наши номерные пластины и сказал:

— Шериф сообщил, что эта машина в розыске. Давайте направо.

— Направо, так направо, — не стал спорить я, дал футов тридцать назад и выжал газ на полную. Машины у нас в Отделе и особо крепкие, и особо мощные, что оказалось весьма кстати: барьер тоже сделали на совесть. Миновав заставу, я даже не притормозил.

— Уже интересно, — произнес Дэвидсон несколько удивленно. — Ты по-прежнему уверен, что все идет как надо?

— Хватит трепаться, — прикрикнул я. И запомните, вы, оба: скорее всего, мы оттуда не выберемся. Но мы обязаны заснять и передать все, что произойдет.

— Как скажешь, босс.

Если нас кто и преследовал, то я гнал так быстро, что все преследователи остались позади. Перед входом в студию машина резко затормозила, мы выскочили и бросились вперед. Тут уже не до мягких методов «дядюшки Чарли». Мы просто влетели в лифт, и я нажал кнопку этажа, где размещался кабинет Барнса, поднялись и оставили лифт открытым. Секретарша в приемной попыталась нас остановить, но мы, не обращая на нее внимания, двинулись дальше. Девушки за другими столами оторвались от работы и уставились на нас. Я подошел к двери Барнса и дернул за ручку. Заперто. Я повернулся к его секретарше.

— Где Барнс?

— Простите, как мне доложить? — Бесстрастно и вежливо.

Я скользнул взглядом по ее плечам. Так и есть, горб. Боже, подумал я, ну уж теперь-то наверняка. Она была здесь, когда я убил Барнса.

И перегнувшись через стол я задрал ее кофточку.

Точно! Я не мог ошибиться. Уже во второй раз я смотрел на живого паразита.

Она сопротивлялась, царапалась и даже пыталась меня укусить. Я ударил ее по шее, едва не вмазавшись в слизняка, и она обмякла. Затем я ткнул ее тремя пальцами в живот, развернул и заорал:

— Джарвис! Крупный план!

Этот идиот копался с камерой, повернувшись ко мне своим толстым задом, затем выпрямился и сказал:

— Все. Накрылась.

— Чини! Быстро!

В дальнем конце приемной поднялась из-за стола стенографистка и выстрелила в камеру. Попала, но Дэвидсон тут же срезал ее своим лучом. И словно по сигналу, сразу шесть человек бросились на него. Оружия у них, похоже, не было, и они просто навалились на него все вместе.

Я все еще держал секретаршу и стрелял из-за стола. Уловив краем глаза какое-то движение, повернулся и обнаружил в дверях кабинета Барнса — «Барнса номер два». Я выстрелил ему в грудь, чтобы наверняка зацепить паразита, который, без сомнения, сидел у него на спине.

Дэвидсон уже стоял на ногах, а к нему ползла одна из машинисток, похоже, раненая. Он выстрелил ей в лицо, и девушка рухнула на пол. Следующий разряд полыхнул у меня чуть не над самым ухом.

— Спасибо! — крикнул я. — Сматываемся. Джарвис, быстрее!

Лифт по-прежнему стоял открытый, и мы вбежали в кабину. Я тащил на руках секретаршу Барнса. Дверь захлопнулась, и мы поехали вниз. Дэвидсон дрожал, Джарвис стоял весь белый.

— Спокойно. Вы стреляли не в людей. В тварей вроде этой, — сказал я, приподнял секретаршу и взглянул ей на спину.

Тут мне чуть плохо не стало. Образец, который я хотел доставить живьем, исчез. Соскользнул на пол, видимо, и в суматохе куда-то утек, спрятался.

— Джарвис, ты хоть что-нибудь снял?

Тот покачал головой.

Там, где раньше сидел паразит, вся спина у девушки была покрыта сыпью — словно множество крошечных булавочных уколов. Я опустил ее на пол. Она еще не пришла в себя, и мы оставили ее в кабине лифта. В холле было все спокойно, и по пути на улицу никто не пытался нас остановить.

У машины стоял полицейский и выписывал извещение на штраф.

— Здесь стоянка запрещена, приятель, — сказал он, вручая мне бумажку.

— Извините, — ответил я, расписался в квитанции и рванул прочь. Затем выбрал место, где поменьше транспорта, и взлетел прямо с городской улицы, успев подумать, что за это полицейский выпишет, наверное, мне еще один штраф. Набрав высоту, мы сменили номерные знаки и идентификационный код. Старик все просчитывает заранее.

Однако на этот раз он, похоже, считал, что я провалил операцию. Я попытался доложить о результатах еще на обратном пути, но он меня перебил и приказал возвращаться в Отдел. Когда мы явились, Мэри была с ним. Старик выслушал отчет, лишь изредка прерывая его недовольным ворчанием.

— Сколько вы видели? — Спросил я под конец.

— Передача оборвалась, когда вы сбили барьер, — сказал он. — И то, что было передано, не произвело на Президента никакого впечатления.

— Видимо, да.

— Он велел тебя уволить.

Я весь напрягся.

— Я могу и сам...

— Помолчи! — прикрикнул Старик. — Я ему сказал, что он может уволить меня, а со своими подчиненными я буду разбираться сам. Ты, конечно, балбес, но сейчас ты мне нужен.

— Спасибо.

Мэри все это время бродила по кабинету. Я пытался поймать ее взгляд, но ничего не получалось. Затем она остановилась за спиной Джарвиса и подала Старику такой же знак, как в кабинете у Барнса.

Я двинул Джарвиса рукояткой лучемета по голове, и он обмяк в кресле.

— Назад, Дэвидсон! — рявкнул Старик, направив ему в грудь пистолет. — Как насчет него, Мэри?

— С ним все в порядке.

— А он?

— Сэм чист.

Старик ощупывал нас взглядом, и я, признаться, никогда еще не чувствовал себя так близко к смерти.

— Задрать рубашки! — приказал он с мрачным видом.

Мы подчинились, и Мэри оказалась права. Я начал сомневаться, пойму ли сам, что произошло, когда у меня на спине вдруг окажется паразит.

— Теперь он! — приказал Старик. — Перчатки!

Мы растянули Джарвиса на животе и осторожно срезали на спине одежду. Все-таки нам удалось заполучить живой образец.

6

Меня чуть не стошнило. От одной только мысли, что эта тварь ехала со мной в машине от самой Айовы. Я, вообще-то, не брезглив, но тот, кто видел паразита и знает, что это такое, меня поймет.

Справившись с тошнотой, я сказал:

— Давайте сгоним его. Может быть, мы еще спасем Джарвиса.

Хотя на самом деле я так не думал. Почему-то мне казалось, что человек, на котором прокатилась такая тварь, уже потерян для нас навсегда.

Старик жестом отогнал нас в стороны.

— Забудьте о Джарвисе.

— Но...

— Хватит! Если его вообще можно спасти, то несколько минут погоды не сделают. В любом случае... — Он умолк. Я тоже промолчал, поскольку и так знал, что Старик имеет в виду: когда речь идет о безопасности Соединенных Штатов, жизнь сотрудника Отдела ничего не стоит.

С пистолетом на изготовку Старик ждал, наблюдая за тварью на спине Джарвиса. Затем сказал Мэри:

— Свяжись с Президентом. Особый код — три ноля семь.

Мэри прошла к его столу. Я слышал, как она говорит что-то в глушитель, но не очень прислушивался, пристально разглядывая паразита. Тот не шевелился и не пытался уползти.

Мэри оторвалась от аппарата и доложила:

— Я не могу связаться с ним, сэр. На экране один из его помощников, мистер Макдоно.

Старик поморщился. Этот Макдоно, весьма неглупый и приятный в общении человек, с тех пор как начал работать в Белом доме, прославился своим упрямством и несговорчивостью. Президент частенько использовал его в качестве буфера.

Нет, в настоящее время с Президентом связаться нельзя. Нет, и передать сообщение тоже. Нет, мистер Макдоно не превышает свои полномочия. Старик не входит в список исключений, если таковой вообще существует. Да, мистер Макдоно, безусловно, готов организовать встречу. Как насчет следующей пятницы? Что? Сегодня? Исключено. Завтра? Невозможно.

Старик отключил аппарат. Вид у него был такой, словно его хватил удар. Затем он дважды глубоко вздохнул, чуть посветлел лицом и сказал:

— Дейв, пригласи сюда доктора Грейвса. Остальные отойдите подальше.

Грейвс взглянул на спину Джарвиса, пробормотал: «Интересно» и опустился рядом на одно колено.

— Назад!

Грейвс вскинул взгляд.

— Но должен же я...

— Молчать и слушать! Да, ты должен обследовать это существо. Но во-первых, мне нужно, чтобы оно оставалось в живых. Во-вторых, ты должен позаботиться, чтобы оно не сбежало. И в-третьих, твоя задача — это собственная безопасность.

— Я его не боюсь. Я...

— Бойся! Это приказ.

— Я хотел сказать, что мне нужно будет подготовить что-то вроде инкубатора, куда мы поместим существо после того, как снимем с носителя. Очевидно, ему необходим кослород, но не в чистом виде: похоже, оно получает кислород через носителя. Может быть, тут подойдет большая собака.

— Нет! — резко возразил Старик. — Оставь все как есть.

— Э-э-э... Этот человек доброволец?

Старик промолчал, а Грейвс продолжил:

— В подобных опытах могут использоваться только добровольцы. Это вопрос профессиональной этики...

Похоже, ученых парней просто невозможно приучить к порядку.

— Доктор Грейвс, — тихо сказал Старик, — каждый агент в нашей организации добровольно делает все, что я сочту необходимым. Будьте добры исполнять мои распоряжения. Принесите носилки. И действуйте предельно осторожно.

Когда Джарвиса унесли, мы с Дэвидсоном и Мэри отправились в бар выпить, что было совсем не лишнее. Дэвидсона буквально трясло, и, когда первая рюмка не помогла, я попытался успокоить его сам.

— Послушай, Дэйв, мне тоже не по себе от того, что нам пришлось сделать. Эти девушки... Но другого выхода у нас не было. Пойми же, наконец.

— Паршиво все вышло? — спросила Мэри.

— Ужасно. Я не знаю, скольких мы убили. Не было времени осторожничать. Но мы стреляли не в людей; это паразиты, захватчики. — Я повернулся к Дэвидсону. — Хоть это ты понимаешь?

— В том-то и дело. Они в самом деле уже не люди... Если бы дело требовало, я бы, наверно, смог... наверно, смог бы даже своего брата застрелить. Но они просто не люди. Ты стреляешь, а они ползут и ползут. Они... — Дэвидсон смолк.

Мэри переполняла жалость. Спустя какое-то время он ушел. Мы с Мэри продолжали говорить, пытаясь придумать, что делать дальше, но все безуспешно. Потом она сказала, что хочет спать, и отправилась в женскую палату. В тот вечер Старик приказал всем сотрудникам ночевать на базе, так что и мне не оставалось ничего другого. Я прошел на мужскую половину и залез в свой спальный мешок.

Разбудил меня сигнал тревоги. Сирена еще не смолкла, а я уже оделся, и тут динамики системы оповещения взревели голосом Старика: «Радиационная и газовая тревога! Закрыть все входы и выходы! Всем собраться в конференц-зале! Немедленно!».

Поскольку я выполнял оперативную работу, никаких обязанностей на базе у меня не было, и я направился прямиком в штаб. Старик, мрачный, как тень, собирал всех в зале. Я хотел спросить, что случилось, но полтора десятка других агентов, клерков, стенографисток и прочих оказались там раньше меня. Спустя какое-то время Старик отправил меня к охраннику у входа узнать, сколько людей находится на базе. Затем провел перекличку и стало ясно, что все от старой мисс Хайнс, секретарши Старика, до официанта из бара собрались в зале. Все, кроме дежурного охранника и Джарвиса. Тут ошибок быть не должно: за теми, кто входит и выходит, у нас следят четче, чем в банке за деньгами.

После переклички меня отправили за охранником. Но чтобы убедить его оставить пост, пришлось связаться оттуда по телефону с самим Стариком. Лишь после этого он запер дверь и отправился за мной. Когда мы вернулись, Джарвиса тоже уже привели в зал. Рядом с ним стояли доктор Грейвс и еще один человек из лаборатории. Джарвис был в больничном халате, явно в

сознании, но, видимо, под действием какого-то препарата.

Я начал догадываться, в чем дело. Старик повернулся к собравшимся и, держась на расстоянии, извлек пистолет.

— Один из паразитов-захватчиков находится среди нас, — начал он. — Для кого-то из вас этим все сказано. Остальным же объясню, поскольку от полного взаимодействия и беспрекословного повиновения каждого зависит наша безопасность и безопасность всего человечества.

Он кратко, но ужасающе точно обрисовал ситуацию и закончил следующими словами:

— В общем, паразит почти наверняка находится в этой комнате. Один из нас выглядит как человек, но на самом деле — автомат, подвластный воле опаснейшего врага.

В зале послышалось бормотание. Люди украдкой переглядывались, некоторые пытались встать подальше от других. Секунду назад мы были одной командой, теперь же в зале оказалась толпа, где каждый подозревал всех остальных. Я и сам вдруг обнаружил, что невольно отодвигаюсь от стоящего рядом человека, хотя знал бармена Рональда не один год.

Грейвс прочистил горло.

— Шеф, я предпринял все необходимые меры...

— Помолчи. Выведи Джарвиса вперед. Сними с него халат.

Грейвс умолк, и они с помощником сделали как приказано. Джарвис почти не реагировал на происходящее. Видимо, Грейвс и в самом деле накачал его транквилизаторами.

— Поверните его, — распорядился Старик.

Джарвис не сопротивлялся. На плечах и на шее у него остался след паразита — мелкая красная сыпь.

— Теперь вы видите, где он сидел.

Когда Джарвиса раздели, люди зашептались, и кто-то из девушек смущенно захихикал. Теперь же в зале воцарилось гробовое молчание.

— А сейчас мы будем ловить слизняка! — произнес Старик. — Более того, он нам нужен живьем. Вы все видели, где паразит седлает человека. Предупреж-

даю: если кто-то его спалит, я сам пристрелю виновного. Если придется стрелять, чтобы поймать носителя, то только по ногам. Сюда! — С этими словами Старик направил лучемет на меня.

На полпути от толпы до него он велел остановиться.

— Грейвс! Посади Джарвиса у меня за спиной. Нет! Халат оставь на месте. — Затем снова ко мне: — Оружие на пол!

Ствол его лучемета смотрел прямо мне в живот. Я медленно достал свой и отпихнул его ногой метра на два в сторону.

— Раздеться!

Приказ, мягко говоря, не самый привычный, но лучемет помог мне избавиться от смущения. Хотя, конечно, когда раздеваешься догола на глазах у людей, девичье хихиканье из толпы совсем не повышает настроения. Одна из девушек прошептала: «Неплохо», другой голос ответил: «А по-моему, слишком костляв». Я покраснел.

Оглядев меня с ног до головы, Старик приказал поднять с пола пистолет.

— Прикроешь меня. И следи за дверью. Теперь ты! Дотти-забыл-фамилию. Твоя очередь.

Дотти работала в канцелярии. Оружия у нее, разумеется, не было, но в тот день она пришла в длинном, до пола, платье. Дотти сделала шаг вперед, остановилась и замерла.

Старик повел лучеметом.

— Давай, раздевайся!

— Вы что, всерьез? — недоуменно спросила она.

— *Быстро!*

Дотти чуть не подпрыгнула на месте.

— Вовсе не обязательно на меня орать. — Она закусила губу, расстегнула пряжку на поясе и упрямым тоном добавила: — Я думаю, мне за это полагаются премиальные. — Затем швырнула платье в сторону.

— К стене! — Старик злился. — Теперь Ренфрю!

После испытания, выпавшего на мою долю, мужчины действовали быстро и деловито, хотя некоторые все же стеснялись. Что касается женщин, то кое-кто хихикал, кое-кто краснел, но никто особенно не возражал. Спустя двадцать минут почти все в зале разделись. Я в жизни не видел столько квадратных ярдов «гусиной

кожи», а разложенного на полу оружия хватило бы на целый арсенал.

Когда дошла очередь до Мэри, она быстро, без ужимок разделась, но, даже оставшись в чем мать родила, держалась спокойно и с достоинством. Ее вклад в «арсенал» оказался гораздо больше, чем у любого из нас. Я решил, что она просто влюблена в оружие.

В конце концов все, кроме самого Старика и его секретарши — старой девы, разделись, но паразита ни на ком не было. Я думаю, Старик немного побаивался мисс Хайнс. С недовольным видом он потыкал тростью гору одежды, затем поднял взгляд на свою секретаршу.

— Теперь вы, мисс Хайнс, пожалуйста.

Ну, подумал я, здесь без применения силы не обойдешься.

Мисс Хайнс стояла неподвижно и глядела Старику прямо в глаза — этакая статуя, символизирующая оскорбленное достоинство.

Я шагнул ближе и процедил:

— А как насчет вас, босс? Раздевайтесь.

Он бросил на меня удивленный взгляд.

— Я серьезно, — добавил я. — Теперь вас только двое. Паразит у кого-то из вас. Скидывайте шмотки.

Когда надо, Старик способен подчиниться неизбежному.

— Разденьте ее, — буркнул он и с мрачным видом принялся расстегивать молнию на брюках.

Я сказал Мэри, чтобы взяла двух женщин и раздела мисс Хайнс. Старик уже спустил брюки до колен, и тут мисс Хайнс рванула к выходу.

Между нами стоял Старик, и я не мог стрелять из опасения попасть в него, а все остальные агенты в зале оказались без оружия. Видимо, это не случайно: Старик опасался, что кто-нибудь из них не сдержится и выстрелит, а слизняк нужен был ему живым.

Когда я бросился за мисс Хайнс, она уже выскочила за дверь и понеслась по коридору. Там я, конечно, мог бы в нее попасть, но тут просто не сработала реакция. Во-первых, эмоции так быстро не переключишь: ведь это по-прежнему была старая добрая Леди Хайнс, секретарша босса, та самая, что не раз отчитывала меня за грамматические ошибки в отчетах. А во-вторых, если у

нее на спине сидел паразит, он нужен был нам живым, и я не хотел рисковать.

Она нырнула в какую-то дверь, и снова я промедлил — просто в силу привычки, поскольку дверь вела в женский туалет.

Впрочем, это задержало меня лишь на мгновение. Я рывком распахнул дверь, с оружием на изготовку влетел внутрь... И меня тут же двинули над правым ухом чем-то тяжелым.

О следующих нескольких секундах у меня нет ясных воспоминаний. Видимо, я на какое-то время потерял сознание. Помню борьбу и крики: «Осторожней!», «Черт! Она меня укусила!», «Руки не суй!». Затем кто-то уже спокойно: «За ноги и за руки, только осторожно». Кто-то еще спросил: «А с ним что?», и в ответ послышалось: «Позже. Он просто потерял сознание».

Когда мисс Хайнс унесли, я еще не полностью пришел в себя, но уже чувствовал, как возвращаются силы. Сел, осознавая, что нужно срочно сделать что-то важное. Затем, шатаясь, встал и направился к двери. Осторожно выглянул — там никого не было — и бросился по коридору прочь от конференц-зала.

Очутившись во внешнем проходе, я вдруг понял, что не одет, и метнулся в мужскую палату. Схватил чью-то одежду и напялил на себя. Ботинки оказались малы, но в тот момент это не имело значения.

Я снова бросился к выходу, нашел выключатель, и дверь распахнулась.

Мне уже казалось, что моего побега никто не заметит, но, когда я был в дверях, кто-то крикнул мне вслед: «Сэм!». Я выскочил за порог и оказался перед шестью дверьми, бросился в одну из них, за ней были еще три. К катакомбам, что мы называем базой, ведет целая сеть туннелей, похожих на переплетенные спагетти. В конце концов я вынырнул на одной из станций метро, в киоске, где торговали фруктами и дешевыми книжками, кивнул хозяину, вышел из-за прилавка и смешался с толпой.

Затем сел на реактивный экспресс, идущий на север, но на первой же остановке сошел. Перебрался на

платформу, откуда отправлялся экспресс в обратном направлении, и встал у кассы, выбирая, у кого из этих раззяв будет бумажник потолще. Выбрал какого-то типа, сел на его поезд, потом сошел на одной с ним остановке и в первом же темном переулке двинул ему по затылку. Теперь у меня появились деньги и я был готов действовать. Я не понимал, для чего мне деньги, но знал, что для следующего этапа они нужны.

7

В глазах у меня немного двоилось, словно я смотрел на мир сквозь подернутую рябью воду, но при этом я не испытывал ни удивления, ни любопытства. Просто двигался, как лунатик, без единой мысли о том, что собираюсь делать, хотя на самом деле не спал и понимал, кто я, где я и кем работал в Отделе. Но, даже не зная дальнейших своих планов, я всегда осознавал, что делаю в данный момент, и нисколько не сомневался, что эти действия необходимы.

По большей части я не испытывал никаких эмоций, разве что удовлетворение от работы, которую нужно сделать. Но это на сознательном уровне. Где-то глубоко-глубоко в душе я мучительно переживал свое несчастье, мне было страшно, меня терзало чувство вины, однако все это глубоко, далеко, где-то в заваленном, запертом уголке души. Я едва осознавал, что во мне сохранились эти чувства, и никакого влияния они на меня не оказывали.

Я знал, что меня видели, когда я уходил с базы. «Сэм!» — это кричали мне. Под таким именем меня знали только двое, но Старик воспользовался бы настоящим. Значит, меня видела Мэри. Хорошо, думал я, что она показала мне, где живет. К ее следующему появлению нужно будет подготовить там ловушку. А до того я должен делать свое дело и следить, чтобы меня не поймали.

Используя все свое умение скрываться от преследования, я двигался через район складов. Вскоре показалось подходящее здание. На табличке у входа значилось: «*Сдается верхний этаж. Обращаться к агенту по*

аренде на первом этаже». Я осмотрел склад, запомнил адрес и быстро вернулся назад на два квартала, к почтовому отделению «Вестерн Юнион», а оттуда с первого же свободного аппарата отправил сообщение: *«Высылайте два контейнера малышей. Переговоры закончены. Скидка та же. Грузополучатель Джоел Фриман»*. Добавил адрес склада, и сообщение ушло в агенство «Роско и Диллард», Де-Мойн, штат Айова.

Светящаяся вывеска ресторана быстрого обслуживания на улице напомнила мне, что я голоден, но ощущение сразу же угасло, и больше я об этом не вспоминал. Вернувшись на склад, я выбрал в дальнем конце первого этажа угол потемнее и устроился там, ожидая, когда откроется контора.

Смутно помню, что до самого утра меня мучил повторяющийся кошмарный сон, где что-то давило на меня и сжимало со всех сторон.

В девять появился агент по аренде, и я снял верхний этаж, заплатив сверху за то, чтобы он предоставил мне помещение немедленно. Затем поднялся, отпер склад и стал ждать.

Примерно в десять тридцать прибыли мои контейнеры. Когда люди из службы доставки ушли, я вскрыл контейнер, достал одну ячейку, прогрел и подготовил. После этого снова отыскал агента.

— Мистер Гринберг, не могли бы вы подняться на минутку ко мне? Я хотел показать, где мне нужно изменить освещение.

Он поворчал, но согласился. Я закрыл за ним дверь и подвел к открытому контейнеру.

— Вот здесь. Вы наклонитесь и сразу увидите, что я имею в виду. Мне бы нужно...

Едва он наклонился, я сжал его крепким захватом, задрал пиджак и рубашку, свободной рукой перенес наездника из ячейки ему на спину и подержал еще немного, чтобы он успокоился. Затем отпустил, заправил рубашку и отряхнул пыль с пиджака. Когда он пришел в себя, я спросил:

— Какие новости из Де-Мойна?

— Что тебя интересует? Ты долго был без контакта?

Я начал объяснять, но он меня перебил:

— Давай не будем тратить время и переговорим напрямую.

Гринберг задрал рубашку, я сделал то же самое, и мы уселись на закрытом контейнере спиной к спине, чтобы наши хозяева могли соприкоснуться. В мыслях у меня осталась пустота, и я даже не знаю, как долго продолжался разговор. Помню только, я неотрывно смотрел на муху, вьющуюся у облепленной пылью паутины.

Следующей нашей добычей стал управляющий зданием. Им оказался здоровенный швед, и мы едва справились с ним вдвоем. После этого мистер Гринберг позвонил хозяину и настоял, чтобы тот приехал и сам осмотрел кое-какие дефекты складского помещения — я уж не знаю, что именно он ему говорил, потому что в это время мы с управляющим открывали и прогревали новые ячейки.

Владелец здания оказался важной птицей, и все мы, включая и меня, почувствовали удовлетворение. Он принадлежал к престижному Конституционному клубу, а список его членов читается как «Кто есть кто в финансах, правительстве и промышленности».

Близился полдень, время было дорого. Управляющий отправился купить для меня одежду и саквояж, а заодно отправил шофера владельца склада к нам наверх. В двенадцать тридцать мы с владельцем отбыли на его машине в город. В саквояже рядом со мной покоились двенадцать наездников в ячейках, уже готовые.

В книге посетителей владелец склада записал: «Дж. Хардвик Поттер с гостем». Слуга хотел забрать у меня саквояж, но я сказал ему, что мне необходимо поменять перед ленчем сорочку. Мы копошились перед зеркалом в туалетной комнате, пока там не осталось никого, кроме служителя, а затем «завербовали» его и отправили сообщить менеджеру клуба, что одному из гостей стало плохо.

Став нашим, менеджер принес еще один белый халат, и я превратился в нового служителя туалетной комнаты. У меня оставалось только десять наездников, но контейнеры должны были вскорости доставить со склада прямо в клуб. Вместе с первым служителем мы использовали все десять еще до того, как наплыв чле-

нов клуба, прибывающих на ленч, пошел на убыль. Один из гостей вошел в туалет невовремя, и мне пришлось его убить. Труп мы запихали в шкаф для швабр. После этого наступило затишье, поскольку контейнеры все еще не привезли. У меня начались было голодные спазмы, но вскоре боль ослабла, хотя и не пропала совсем. Я сообщил об этом менеджеру, и он велел принести для меня ленч в свой кабинет. Контейнеры прибыли как раз, когда я заканчивал.

Посетителей стало теперь меньше, и мы шаг за шагом захватывали клуб, а к четырем после полудня уже все — члены клуба, их гости и обслуживающий персонал — были с нами. После чего мы начали обрабатывать вновь прибывших прямо в фойе, куда их впускал швейцар. Ближе к концу дня менеджер позвонил в Де-Мойн, чтобы прислали еще контейнеры. И в тот же вечер мы заполучили крупную добычу, можно сказать, приз — заместителя министра финансов. Настоящая победа, ибо Министерство финансов США, помимо всего прочего, отвечает и за безопасность Президента.

8

Захват одной из ключевых фигур администрации я воспринял с каким-то отвлеченным удовлетворением и больше об этом не думал. Мы — я имею в виду людей-рекрутов — почти совсем не думали, мы лишь знали, что надлежит сделать, но понимали это уже в действии, как вышколенная лошадь, которая получает команду, выполняет и всегда готова к следующему распоряжению седока.

Неплохое сравнение, но все же не полное. Повелители-наездники получали в свое распоряжение не только разум, но и память, и жизненный опыт каждого из нас. Мы же и общались за них друг с другом, иногда понимая, о чем речь, иногда нет. Разговорное общение шло через нас, слуг, но мы никак не участвовали в более важных, прямых контактах непосредственно между хозяевами. Во время таких совещаний мы просто сидели

и тихо ждали, пока наши повелители не наговорятся, затем заправляли одежду и делали, что приказано.

К словам, что слетали с моих губ по воле хозяина, я имел отношения не больше, чем, скажем, телефон, говорящий чьим-то голосом. Аппарат связи, и только. Как-то спустя несколько дней после того, как меня «завербовали», мне случилось передавать менеджеру клуба инструкции о поставках ячеек с наездниками. При этом я краешком сознания уловил, что приземлились еще три корабля, но в памяти остался лишь один адрес в Нью-Орлеане.

Однако я совсем об этом не думал, просто продолжал свою работу «помощника мистера Поттера по особым поручениям», проводя целые дни — а иногда и ночи — в его кабинете. Возможно даже, что мы поменялись ролями: я нередко отдавал устные распоряжения и самому Поттеру. Хотя не исключено, что и сейчас я понимаю общественные взаимоотношения паразитов не лучше, чем тогда.

Я знал — и так же знал мой хозяин, — что мне опасно показываться на улицах. Собственно, он знал столько же, сколько я. Через меня ему стало известно, что Старик знает о моей «вербовке» и не остановит поисков до тех пор, пока меня не поймают или не убьют.

Странно, что мой хозяин не подыскал себе нового носителя и попросту не убил меня: «рекрутов» у нас было куда больше, чем наездников. Причем они не испытывали ничего похожего на человеческую щепетильность. Повелители-наездники, только-только извлеченные из транзитных ячеек, часто наносили своим носителям увечья; мы всегда уничтожали таких носителей и подбирали новых. С другой стороны, станет ли опытный ковбой менять вышколенную рабочую лошадь? Возможно, только поэтому меня прятали, и я остался жив.

Спустя какое-то время город оказался в наших руках, и мой хозяин начал выводить меня на улицу. Я не хочу сказать, что у каждого появился горб, нет. Людей было слишком много, а хозяев слишком мало. Но все ключевые позиции в городе занимали теперь наши «рекруты» — от полисмена на углу до мэра и началь-

ника полицейского управления, не говоря уже о мелких городских начальниках, священниках, членах советов директоров крупных компаний и значительной части руководства связью и средствами массовой информации. Большинство населения продолжало жить обычной жизнью, не только не обеспокоенное этим «маскарадом», но и ничего о нем не подозревающее.

Разумеется, до тех пор, пока кто-то из них не оказывался по той или иной причине на пути у хозяина. В таких случаях их просто устраняли.

Наших хозяев заметно сдерживали трудности общения на большом расстоянии. Они могли поддерживать связь лишь по обычным каналам при помощи человеческой речи, а если не было уверенности, что это безопасно, им приходилось прибегать к кодированным сообщениям вроде того, что я послал о первой поставке контейнеров. Очевидно, такого общения через слуг им было недостаточно, и, чтобы скоординировать действия, часто возникала необходимость в непосредственных контактах между хозяевами.

На одну из таких конференций меня отправили в Нью-Орлеан.

Утром я, как обычно, вышел на улицу, отправился к стартовой платформе в жилом квартале и вызвал такси. После короткого ожидания мою машину подняли на пусковую установку. Я уже собрался сесть, но тут подскочил какой-то шустрый старикан и забрался в такси первым.

Я получил приказ избавиться от него и сразу же второй: действовать осторожно и осмотрительно.

— Извините, сэр, — сказал я, — но эта машина занята.

— Точно, — ответил старик. — Я ее и занял.

— Вам придется найти себе другую, — попытался урезонить его я. — И покажите-ка номер вашего билета.

Тут ему деваться было некуда. Номер такси совпадал с номером на моем билете. Однако он и не думал уходить.

— Вам куда? — требовательно спросил он.

— В Нью-Орлеан, — ответил я, впервые узнав, куда направляюсь.

— Тогда вы можете забросить меня в Мемфис.

Я покачал головой.

— Это мне не по пути.

— Да там всего на пятнадцать минут дольше. — Он, похоже, злился и с трудом держал себя в руках. — Вы не имеете права забирать общественный транспорт в единоличное пользование! Водитель! Объясните этому человеку правила!

Водитель вытащил из зубов зубочистку.

— А мне все равно. Взял, отвез, привез. Сами разбирайтесь, а то я пойду к диспетчеру, чтобы дал мне другого пассажира.

С секунду я стоял в нерешительности, не получая никаких инструкций, затем полез в такси.

— В Нью-Орлеан. С остановкой в Мемфисе.

Водитель пожал плечами и просигналил на башню в диспетчерскую. Второй пассажир сопел и не обращал на меня никакого внимания.

Когда мы поднялись в воздух, он открыл свой кейс и разложил на коленях бумаги. Я без всякого интереса наблюдал за ним, затем чуть изменил позу, чтобы легче было достать пистолет. Но этот тип моментально протянул руку и схватил меня за запястье.

— Не торопись, сынок.

Я вдруг узнал сатанинскую улыбку самого Старика.

У меня хорошая реакция, но тут информация шла от меня к хозяину, осмыслялась и возвращалась обратно. Не знаю, насколько велика задержка, но пытаясь вытащить свое оружие, я уже почувствовал, как в ребра мне ткнулся широкий ствол лучемета.

— Спокойнее.

Другой рукой он прижал что-то к моему боку. Укол — и по всему телу разлилось теплое оцепенение. Препарат «Морфей». Я сделал еще одну попытку достать пистолет и рухнул лицом вперед.

Откуда-то доносились голоса. Меня грубо перевернули, потом кто-то сказал: «Эй, осторожней! А то эта обезьяна тебя цапнет!». Другой голос: «Не беспокойся. У нее перерезаны сухожилия». Снова первый: «Да, но зубы-то у нее остались».

Да, промелькнуло у меня в голове, если кто-то из вас окажется рядом, я непременно укушу. Насчет сухожилий тоже казалось все верно: ни руки, ни ноги меня не слушались. Хотя больше всего раздражало, что меня называли обезьяной. Это просто непорядочно — обзывать человека, когда он не в состоянии постоять за себя.

Потом я почему-то вдруг всплакнул и снова провалился в сон.

— Ну как, сынок, тебе уже лучше?

Старик задумчиво разглядывал меня, облокотившись на спинку кровати. Он стоял по пояс голый. На груди у него вились седые волосы.

— Э-э-э... да, пожалуй. — Я попытался сесть и не смог.

Старик зашел сбоку.

— Видимо, мы можем снять ремни, — сказал он, копаясь с застежками. — Очень не хотелось, чтобы ты поранился или еще что... Вот так.

Я сел, растирая затекшие мышцы.

— Ладно. Ты что-нибудь помнишь? Докладывай.

— А что я должен...

— Тебя захватили. Ты помнишь, что происходило после того, как на тебя попал паразит?

Мне вдруг стало страшно, безумно страшно, и я вцепился в постель.

— Босс! Они знают о нашей базе! Я сам им сообщил.

— Нет, об этой не знают, — спокойно ответил он, — потому что это другая база. Старую я эвакуировал. Так что об этой им ничего неизвестно. Во всяком случае, хотелось бы надеяться. Значит, ты все помнишь?

— Конечно, помню. Я выбрался отсюда — в смысле, со старой базы — через... — Мысли понеслись вперед, обгоняя слова, и неожиданно я вспомнил, как держал в руке живого наезника, собираясь пересадить его на спину агенту по аренде...

Меня стошнило. Старик вытер мне губы и мягко сказал:

— Продолжай.

Я с трудом сглотнул.

— Босс, они повсюду! Город у них в руках.

— Знаю. То же самое в Де-Мойне. В Миннеаполисе, в Сент-Поле, в Нью-Орлеане, в Канзас-Сити. Может быть, еще где-то. Пока нет информации, но я не могу быть везде сразу. — Он нахмурился и добавил: — Это как бег в мешках. Мы проигрываем, и очень быстро. Даже в тех городах, о которых нам известно, мы ничего не можем сделать.

— Боже! Почему?

— Ты сам должен понимать. Потому что «более опытные и мудрые» по-прежнему не убеждены. Потому что, когда паразиты захватывают город, там все остается по-прежнему.

Я уставился на него в недоумении, и Старик поспешил меня успокоить:

— Не бери в голову. Ты у нас — первая удача. Первый, кого нам удалось вернуть живым. И теперь выясняется, что ты все помнишь. Это очень важно. И твой паразит тоже первый, которого нам удалось поймать и сохранить в живых. У нас появился шанс уз...

Должно быть, у меня на лице читался неприкрытый ужас. Мысль о том, что мой хозяин жив и, может быть, сумеет снова мной завладеть, была просто невыносима.

Старик встряхнул меня за плечи.

— Успокойся, — мягко произнес он. — Ты еще не совсем окреп.

— *Где он?*

— А? Паразит-то? Не беспокойся. Мы нашли тебе дублера и пересадили его на орангутанга. Кличка — Наполеон. Он под надежной охраной.

— *Убейте его!*

— Бог с тобой. Он нужен нам живым, для изучения.

Видимо, со мной приключилось что-то вроде истерики, и Старик ударил меня по щеке.

— Соберись. Чертовски неприятно беспокоить тебя, пока ты не выздоровел, но я должен. Нам нужно записать все, что ты помнишь, на пленку. Так что соберись и начинай.

Я кое-как справился с собой и начал обстоятельный доклад обо всем, что мог припомнить. Описал, как снял складской этаж и как «завербовал» свою первую жертву, затем, как мы перебрались в Конституционный клуб. Старик только кивал.

— Логично-логично. Ты и для них оказался хорошим агентом.

— Ты не понимаешь, — возразил я. — Сам я вообще ни о чем не думал. Знал, что происходит в данный момент, но это все. Будто... э-э-э... будто я... — Слов не хватало.

— Не важно. Дальше.

— После «вербовки» менеджера клуба все пошло гораздо легче. Мы брали их прямо у входа и...

— Имена?

— Да, конечно. М.Гринберг, Тор Хансен, Хардвик Поттер, его шофер Джим Вэйкли, небольшого роста такой служитель в туалетной комнате, которого все звали «Джейк», но от него пришлось избавиться: его хозяин просто не отпускал ему времени позаботиться о самом необходимом. Менеджер — я так и не узнал его имени... — Я на несколько секунд умолк, стараясь припомнить всех «рекрутов». — О боже!

— Что такое?

— Заместитель министра финансов!

— Вы взяли и *его*?

— Да. В первый же день. И я не знаю, сколько прошло времени. Боже, шеф, ведь Министерство финансов *охраняет Президента*!

На том месте, где сидел Старик, уже никого не было.

Я без сил откинулся на спину. Заплакал, уткнувшись в подушку, и вскоре уснул.

9

Проснулся я с жутким привкусом во рту, с больной головой и предчувствием неминуемой беды. Но по сравнению с тем, что было раньше, можно сказать, я чувствовал себя отлично.

— Как, уже лучше? — спросил рядом чей-то веселый голос.

Надо мной склонилась миниатюрная брюнетка. Очень даже симпатичная — видимо, я и в самом деле чувствовал себя лучше, поскольку сразу это отметил. Но одета она была довольно странно: белые шорты, нечто

невесомое, чтобы поддерживать грудь, и металлический панцирь, закрывающий шею, плечи и позвоночник.

— Да, пожалуй, — признался я, скорчив физиономию.

— Неприятный вкус во рту?

— Как после встречи Балканского кабинета министров.

— Держи-ка. — Она вручила мне стакан с каким-то лекарством. Рот немного обожгло, но неприятный привкус сразу пропал. — Нет-нет, не глотай. Выплюнь, и я принесу тебе воды.

Я послушался.

— Меня зовут Дорис Марсден, — сказала она. — Я твоя дневная сиделка.

— Рад познакомиться, Дорис, — ответил я и снова окинул ее взглядом. — Слушай, а что это за странный наряд? Нет, мне нравится, конечно, но ты как будто из комикса сбежала.

Она хихикнула.

— Я и сама чувствую себя словно девица из кордебалета. Но ты привыкнешь. Я, во всяком случае, уже привыкла.

— Мне нравится. Но с чего вдруг?

— Приказ Старика.

Я вдруг понял, в чем дело, и мне сразу стало хуже.

— А теперь ужинать, — сказала Дорис, переставляя мне на колени поднос.

— Я совсем не хочу есть.

— Открывай рот, — твердо сказала она, — а то я вывалю все это тебе на голову.

В перерыве между ложками — пришлось-таки есть в порядке самообороны — я успел выдохнуть:

— Я вообще-то в порядке. Одна доза «Гиро», и я встану на ноги.

— Никаких стимуляторов, — категорично ответила она, запихивая мне следующую ложку. — Специальная диета и отдых, а под конец дня — снотворное. Распоряжение доктора.

— А что со мной?

— Истощение, длительное голодание, цинга в начальной стадии. А кроме того, чесотка и вши — но с этими бедами мы уже справились. Теперь ты все зна-

ешь, но если скажешь доктору, что это я проболталась, мне придется сказать, что ты врешь. Переверни.

Я перевернулся на живот, и она стала менять повязки. Оказалось, у меня полно воспалившихся болячек. Подумав о том, что она сказала, я попытался вспомнить, как жил при хозяине.

— Не дрожи, — сказала она. — Что, плохие воспоминания?

— Нет, все в порядке, — ответил я.

Насколько я помнил, есть мне доводилось не чаще чем раз в два или три дня. Мыться? Вспомнить бы... Нет, за это время я вообще не мылся! Брился, правда, каждый день и надевал свежую сорочку: хозяин понимал, что этого требовали условия «маскарада». Но зато ботинки я не снимал с тех самых пор, как украл их на старой базе, а они еще вдобавок и малы были.

— Что у меня с ногами? — спросил я.

— Слишком много будешь знать, скоро состаришься, — ответила Дорис.

Вообще-то я люблю сиделок: они всегда спокойны, общительны и терпеливы. Ночной сестре, мисс Бриггс, с ее лошадиной физиономией до Дорис было, конечно, далеко. Она носила такой же наряд из музыкальной комедии, в каком щеголяла Дорис, но никаких шуточек по этому поводу себе не позволяла, и походка у нее была как у гренадера. У Дорис, слава богу, при ходьбе все очаровательно подпрыгивало.

Ночью я проснулся от какого-то кошмара, но мисс Бриггс отказалась дать мне вторую таблетку снотворного, хотя и согласилась, чтобы убить время, сыграть со мной в покер. Выиграла у меня половину месячного жалования. Я пытался узнать у нее что-нибудь о Президенте, но это оказалось невозможным. Она делала вид, что вообще ничего не знает о паразитах и летающих тарелках, хотя наряд ее объяснялся только одной причиной.

Тогда я спросил, что передают в новостях. Она ответила, что была слишком занята и ничего не видела, а когда я попросил поставить мне в комнату стереовизор, сказала, что нужно будет спросить у доктора,

который прописал мне «полный покой». Я поинтересовался, когда смогу увидеть этого самого доктора, но тут раздался сигнал вызова, и она ушла.

Я сразу подтасовал колоду, чтобы ей достались хорошие карты, не требующие прикупа, — так мне не пришлось бы передергивать.

Позже я уснул и проснулся, лишь когда мисс Бриггс принесла мокрую марлю, чтобы я умылся, и хлопнула ею меня по лицу. Затем она помогла мне приготовиться к завтраку, который принесла уже Дорис. За едой я пытался выведать у нее какие-нибудь новости, но так же, как и с мисс Бриггс, ничего не добился. Сиделки норой ведут себя так, будто работают не в больнице, а в яслях для умственно отсталых детей.

После завтрака заглянул Дэвидсон.

— Мне сказали, что ты здесь. — На нем были только шорты и ничего больше, если не считать бинтовой повязки на левой руке.

— Это уже больше, чем сказали мне, — пожаловался я. — Что у тебя с рукой?

— Пчела ужалила.

Он явно не хотел говорить, при каких обстоятельствах его полоснули из лучемета, — что ж, его дело.

— Вчера здесь был Старик. Вылетел отсюда пулей. Ты его после этого видел?

— Видел.

— И что?

— Все нормально. Сам-то как? Психологи уже допустили тебя к секретным материалам?

— А что, кто-то во мне сомневается?

— Спрашиваешь! Бедняга Джарвис так и не оклемался.

— Серьезно? — Почему-то мысль о Джарвисе не приходила мне до сих пор в голову. — И как он сейчас?

— Никак. Впал в коматозное состояние и умер. Через день после твоего побега. В смысле, после того как тебя захватили. — Дэвидсон смерил меня взглядом. — У тебя здоровья, видно, хоть отбавляй.

Я, однако, совсем этого не чувствовал. Накатила слабость, и я заморгал, борясь с подступающими слезами. Дэвидсон сделал вид, что ничего не заметил.

— Видел бы ты, что тут было, когда ты смылся! Старик рванул за тобой, если можно так выразиться, в одном пистолете и насупленных бровях. И наверно, поймал бы, да полиция помешала, и пришлось его самого выручать. — Дэвидсон ухмыльнулся.

Я слабо улыбнулся в ответ. Было в этой сцене что-то одновременно возвышенное и комичное: Старик в чем мать родила несется спасать мир от смертельной опасности.

— Жаль, я не видел. А что еще случилось в последнее время?

Дэвидсон пристально посмотрел на меня и сказал:

— Подожди минуту.

Он вышел из палаты, но вскоре вернулся.

— Старик сказал, можно рассказать. Что тебя интересует?

— Все! Что произошло вчера?

— Вот вчера-то меня как раз и прижгли. — Он повел забинтованной рукой. — Повезло еще, потому что троих других агентов убили. В общем, шороху много было.

— А Президент? У него...

Тут в палату ворвалась Дорис.

— Вот ты где! — накинулась она на Дэвидсона. — Я же сказала лежать. Тебе давно пора быть в госпитале. Машина ждет уже десять минут.

Дэвидсон встал, улыбнулся и ущипнул ее за попку здоровой рукой.

— Без меня все равно не начнут.

— Ну быстрее же!

— Иду.

— Эй! — крикнул я. — А что с Президентом?

Дэвидсон оглянулся через плечо.

— С ним-то? С ним все в порядке, ни единой царапины.

Через несколько минут вернулась рассержанная Дорис.

— Пациенты! — произнесла она так, будто это бранное слово. — Я ему должна была двадцать минут назад укол сделать, чтоб подействовало еще до больницы. А сделала, только когда он в машину садился.

— Что за укол?

— А он не сказал?

— Нет.

— М-м-м,... в общем-то, никакого секрета тут нет. Ему левую кисть ампутируют и пересаживают новую.

— Ого!

Теперь он, подумал я, уже и не расскажет, чем кончилось, потому что увидимся мы не скоро: когда руку пересаживают, это не шутка; его дней десять под наркозом продержат. Снова решил попытать Дорис.

— А что со Стариком? Он ранен? Или раскрыть эту тайну будет против ваших священных правил?

— Говоришь много, — строго ответила она и сунула мне стакан с какой-то мутно-белой жижей. — Пора еще раз подкрепиться и спать.

— Рассказывай, а то я выплюну все обратно.

— Старик? Ты имеешь в виду шефа Отдела?

— Кого же еще?

— С *ним*, слава богу, все в порядке. — Она состроила недовольную физиономию. — Не приведи господь такого пациента.

10

Еще дня два или три меня держали в постели и обращались со мной как с ребенком. Впрочем, я не возражал: последние несколько лет мне просто не доводилось отдыхать по-настоящему. Болячки заживали, и вскоре мне предложили — вернее, приказали — делать легкие упражнения, не покидая палаты.

Потом как-то заглянул Старик.

— Ну-ну, симулируешь, значит?

Я залился краской, но все же нашелся:

— Какая неблагодарность, черт побери! Достань мне штаны, и я тебе покажу, кто симулирует.

— Остынь. — Старик просмотрел мою больничную карту, потом сказал Дорис: — Сестра, принесите этому человеку шорты. Я возвращаю его на действительную службу.

Дорис уперла руки в бока и заявила:

— Вы, может, и большой начальник, но здесь ваши приказы не имеют силы. Если лечащий врач...

— Хватит! Принесите ему какие-нибудь подштаники.

— Но...

Старик подхватил ее на руки, поставил к двери и, хлопнув по попке, сказал:

— Быстро!

Она вышла, недовольно бормоча, и вскоре вернулась с доктором.

— Док, я послал ее за штанами, а не за врачом, — добродушно сказал Старик.

Тот юмора не оценил и ответил довольно холодно:

— А я бы попросил вас не вмешиваться в лечебный процесс и не трогать моих пациентов.

— Он уже не ваш пациент. Я возвращаю его на службу.

— Да? Сэр, если вам не нравится, как я справляюсь со своими обязанностями, я могу подать в отставку.

Старик парировал тут же:

— Прошу прощения, сэр. Иногда я слишком увлекаюсь и забываю о принятом порядке вещей. Не будете ли вы так любезны обследовать этого пациента? Если его можно вернуть на службу, он нужен мне как можно скорей.

У доктора на щеках заиграли желваки, однако он сдержался.

— Разумеется, сэр.

Он долго изучал мою карту, затем проверил рефлексы.

— Ему еще потребуется время, чтобы восстановить силы... Но можете его забирать. Сестра, принесите пациенту одежду.

«Одежда» состояла из шорт и ботинок. Но на базе все были одеты точно так же, и, признаться, при виде людей с голыми плечами, без паразитов, у меня даже на душе становилось спокойнее. О чем я сразу сказал Старику.

— Ничего лучше мы пока не придумали, — проворчал он, — хотя база теперь напоминает пляж, полный курортников. Если мы не справимся с этой нечистью до зимы, нам конец.

Мы остановились у двери с надписью: «Биологическая лаборатория. Не входить!»

Я попятился.

— Куда это мы идем?

— Взглянуть на твоего дублера, на обезьяну с твоим паразитом.

— Так я и думал. Нет уж, увольте. — Я почувствовал, что дрожу.

— Послушай, сынок, — терпеливо сказал Старик, — тебе нужно перебороть себя. И лучше будет, если ты не станешь уходить от встречи. Знаю, тебе нелегко. Я сам провел несколько часов, разглядывая эту тварь и пытаясь привыкнуть к ее виду.

— Ты ничего не знаешь. Не можешь знать! — Меня так трясло, что пришлось опереться о косяк.

— Да, видимо, когда у тебя на спине паразит, это все воспринимается по-другому. Джарвис... — Он замолчал.

— Вот именно, черт побери! По-другому! И ты меня туда не затащишь.

— Нет, я не стану этого делать. Но очевидно, врач был прав. Возвращайся, сынок, и ложись обратно. — Старик шагнул за порог.

Он сделал три или четыре шага, когда я позвал:

— Босс!

Старик остановился и повернулся ко мне с непроницаемым лицом.

— Я иду, — добавил я.

— Может быть, не стоит?

— Справлюсь. Просто это трудно... вот так сразу... Нервы...

Мы пошли рядом, и Старик участливо взял меня под локоть. Прошли еще одну запертую дверь и очутились в помещении с влажным теплым воздухом.

Обезьяну поместили в клетку. Ее торс удерживало на месте сплошное переплетение металлизированных ремней. Руки и ноги безвольно висели, словно она не могла ими управлять. Обезьяна подняла голову и зыркнула на нас горящими ненавистью и разумом глазами. Затем огонь во взгляде угас, и перед нами оказалось обычное животное, в глазах — тупость и боль.

— С другой стороны, — тихо сказал Старик.

Я бы не пошел, но он все еще держал меня за руку. Обезьяна следовала за нами взглядом, но ее тело надежно удерживала рама с ремнями. Зайдя сзади, я увидел...

Хозяин. Тварь, которая бог знает сколько ездила у меня на спине, говорила моим языком, думала моим мозгом. Мой хозяин.

— Спокойно, — сказал Старик. — Ты привыкнешь. Отвернись пока, это помогает.

Действительно помогло. Я несколько раз глубоко вздохнул и попытался сдержать бьющееся сердце. Потом заставил-таки себя смотреть на паразита.

Ужас, собственно, вызывает не сам его вид. И дело не в том, что ты знаешь о способностях паразитов: то же самое чувство я испытал и в первый раз, еще до того, как узнал, что это за твари. Я попытался объяснить свои мысли Старику, и он кивнул, не отрывая глаз от паразита.

— Да, у других то же самое. Безотчетный страх, как у птицы перед змеей. Возможно, их основное оружие. — Он посмотрел в сторону, словно даже его дубленые нервы не выдержали такого зрелища.

Я тоже не трогался с места, заставляя себя привыкать и пытаясь удержать завтрак внутри. Говорил себе, что теперь хозяин уже не страшен, что он ничего не может мне сделать. Затем отвел взгляд и обнаружил, что Старик наблюдает за мной.

— Ну как? Уже легче?

Я снова взглянул на хозяина.

— Немного. Но больше всего на свете я хочу его убить. Убить всех их! Я бы всю свою жизнь убивал и убивал этих тварей. — Меня опять начало трясти.

Старик задумался, глядя на меня, затем протянул свой пистолет.

— Держи.

Я не сразу понял, в чем дело. Своего оружия у меня не было, поскольку мы пришли сюда прямо из больничной палаты. Я взял пистолет и бросил на Старика вопросительный взгляд.

— Э-э-э... зачем?

— Ты же хочешь ее убить. Если тебе это нужно, вперед. Убей. Прямо сейчас.

— Ха! Но ты же говорил, что тварь нужна для изучения.

— Нужна. Но если ты считаешь, что должен ее убить, убей. Это ведь твой хозяин. Если для того, чтобы вновь стать человеком, ты должен ее убить, не стесняйся.

«Вновь стать человеком». Мысль звучала в мозгу, как набат. Старик знал, какое мне нужно лекарство. Я уже не дрожал. Оружие, готовое извергать огонь и убивать, лежало в ладони как влитое. Мой хозяин...

Я убью его и вновь стану свободным человеком. Если хозяин останется в живых, этого никогда не произойдет. Мне хотелось уничтожить их всех, отыскать и выжечь всех до единого, но, первым делом, *этого*...

Мой хозяин... Повелитель. До тех пор, пока я его не убью. Почему-то мне показалось, что, останься я с ним один на один, мне ничего не удастся сделать, что я замру и буду покорно ждать, пока он не переползет ко мне на спину и не устроится, захватывая мой мозг, всего меня.

Но теперь я мог его убить!

Уже без страха, с переполняющим меня ликованием я прицелился.

Старик по-прежнему смотрел на меня.

Я опустил оружие и неуверенно спросил:

— Босс, положим, я убью этого паразита. А другой есть?

— Нет.

— Но ведь он нужен.

— Да.

— Тогда... Черт, зачем ты дал мне пистолет?

— Ты сам знаешь. Если тебе нужно, убей. Если сумеешь обойтись, тогда им займется Отдел.

Я *должен* был. Даже если мы убьем всех остальных, пока будет жив этот, я так и не перестану трястись в темноте от страха... А что касается других, то в одном только Конституционном клубе можно взять сразу дюжину. Убью этого, и мне уже ничего не страшно: я сам поведу туда группу захвата. Учащенно дыша, я снова поднял пистолет.

Затем отвернулся и кинул его Старику. Тот поймал оружие на лету и спросил:

— В чем дело?

— А? Не знаю. Когда я уже совсем собрался нажать на курок, мне стало достаточно просто знать, что я могу это сделать.

— Я тоже так решил.

На душе у меня стало тепло и спокойно, словно я только что уничтожил врага или был с женщиной, словно я действительно убил эту тварь. Я мог повернуться к ней спиной и даже не злился на Старика.

— Черт, у тебя все решено заранее! Как тебе нравится выступать в роли кукловода?

Но он шутки не принял.

— Это не про меня. Обычно я лишь вывожу человека на дорогу, которой он сам хочет идти. А настоящий кукловод — вот он.

Я обернулся.

— Да... Кукловод. Только ты думаешь, что знаешь, насколько точно угадал, но это не так. И я надеюсь, никогда не узнаешь.

— Я тоже, — сказал он серьезно.

Теперь я мог смотреть на хозяина без содрагания и, не отводя взгляда, сказал:

— Босс, когда вы с ним закончите, я его убью.

— Заметано.

Прервал нас человек, который неожиданно влетел в лабораторию. В шортах и в белом лабораторном халате он выглядел довольно глупо. Не Грейвс, другой. Кстати, Грейвса я больше никогда не видел: наверно, Старик его просто съел.

— Прошу прощения, шеф, я не знал, что вы здесь. Я...

— Да, я здесь, — перебил его Старик и направил пистолет ему в живот. — Почему ты в халате?

Человек посмотрел на пистолет с таким выражением лица, будто происходящее показалось ему неудачной шуткой.

— Э-э-э... Так я же работал. Не ровен час обольешься чем, а там у нас растворы бывают...

— Снять!

— А?

Старик повел пистолетом и сказал мне:

— Приготовься.

Человек торопливо скинул халат. На плечах у него ничего не было, красной сыпи на спине тоже.

— Теперь ты возьмешь этот халат и к чертовой матери сожжешь,— приказал Старик. — А затем вернешься к работе.

Залившись краской, человек шмыгнул к двери, но у порога остановился и спросил:

— Шеф, вы уже готовы к этой э-э-э... процедуре?

— Скоро буду. Я дам знать.

Когда дверь за ним закрылась, Старик, тяжело вздохнув, убрал пистолет и проворчал:

— Вот так всегда. Отдаешь приказ. Знакомишь всех. Заставляешь каждого расписаться. Можно даже вытатуировать приказ на их хилых мощах, и все равно находится какой-нибудь умник, который считает, что его это не касается. Ученые...

Я снова повернулся к своему хозяину. Вид его по-прежнему вызывал у меня отвращение, но теперь оно сопровождалось обостренным — и не совсем, по правде говоря, неприятным — ощущением опасности.

— Босс, — спросил я, — а что вы собираетесь с ним делать?

— Я хочу его допросить.

— В смысле... Как это? Обезьяна ведь не...

— Да, обезьяна говорить не может. Нам придется найти добровольца. Человека.

Когда я сообразил наконец, что он имеет в виду, ужас охватил меня почти с прежней силой.

— Неужели вы и в самом деле... Это невозможно, такого даже врагу не пожелаешь!

— Возможно! И я на это пойду. Что должно быть сделано, будет.

— Вы не найдете добровольца!

— Одного уже нашли...

— Да ну! И кто же это?

— ...но я не хотел бы использовать того человека. Мне нужен другой.

Сама мысль об этом казалась мне отвратительной, и я не стал скрывать своих чувств.

— Доброволец он или нет, это все равно грязное дело. Ладно, один у вас есть, но второго такого психа вы долго искать будете.

— Может быть, — согласился Старик. — Но тем не менее я не хотел бы использовать первого добровольца. А допрос нам необходим, сынок: мы ведем войну при полном отсутствии разведывательных данных. Мы не знаем нашего врага, не можем вести с ним

переговоры. Нам неизвестно, откуда он и что из себя представляет. Все это мы должны выяснить, потому что от этого зависит наше выживание. Говорить с паразитом можно *только* через человека. Значит, так мы и сделаем. Но мне по-прежнему нужен доброволец.

— А что ты так на меня смотришь?

— Да вот, смотрю.

Я, в общем-то, задал вопрос в шутку, но он ответил таким тоном, что я чуть заикаться на начал.

— Ты... Да ты с ума сошел! Нужно было убить эту заразу, когда ты дал мне свой пистолет. Знал бы заранее, что ты задумал, так бы и сделал. Но чтобы я добровольно позволил снова посадить паразита себе на спину — нет уж, увольте.

Он продолжал, словно и не слышал меня:

— Кто угодно тут не подойдет. Нужен человек, который сможет это выдержать. Джарвис, как оказалось, был недостаточно крепок, сломался. А ты все-таки выжил.

— Я? Да, один раз выжил. Но второй раз я просто не вынесу.

— Но у тебя больше шансов остаться в живых, чем у кого-то еще. Ты уже доказал, что способен, что тебе это по силам, а если взять кого-то другого, я рискую потерять агента.

— С каких пор это начало тебя беспокоить? — съязвил я.

— Поверь, это беспокоит меня всегда. Я даю тебе последнюю возможность решить: согласен ли ты на эксперимент, зная, что это необходимо, что у тебя больше всех шансов и что пользы от тебя будет больше, чем от других, потому что у тебя уже есть опыт? Или ты предпочитаешь, чтобы вместо тебя рисковал своей психикой и своей жизнью какой-то другой агент?

Я попытался объяснить ему, что у меня на душе. Мысль о том, что я умру, находясь во власти паразита, была просто невыносима. Почему-то мне казалось, что такой смертью я заранее обрекаю себя на бесконечные муки в аду. Но еще хуже было бы вновь почувствовать на спине паразита и остаться в живых. Вот только нужные слова никак не шли на язык, и я беспомощно пожал плечами.

— Можешь меня уволить, но есть какие-то пределы тому, что человек может вынести. Я не соглашусь.

Он повернулся к интеркому на стене.

— Лаборатория, мы сейчас начинаем. Поторопитесь.

— А объект? — донеслось из динамика, и я узнал голос человека, что влетел незадолго до этого в комнату.

— Первый доброволец.

— Значит, взять стенд поменьше? — с сомнением спросил человек.

— Да. Тащите все сюда.

Я двинулся к двери.

— Далеко собрался? — резко спросил Старик.

— Как можно дальше отсюда, — так же резко ответил я. — Я не хочу в этом участвовать.

Он схватил меня за руку и рывком развернул.

— Придется тебе остаться. Ты знаешь о них больше всех, и твои советы могут оказаться полезными.

— Отпусти.

— Ты останешься — либо по своей воле, либо я прикажу тебя связать, — раздраженно сказал Старик. — Я сделал скидку на болезнь, но твои фокусы мне надоели.

У меня уже не осталось сил спорить.

— Что ж, ты здесь главный.

Лаборанты вкатили в комнату кресло на колесиках, хотя, по правде сказать, этот предмет обстановки больше напоминал электрический стул: ремни для запястий, локтей, лодыжек и колен, крепления у пояса и груди, но спинка была срезана, чтобы плечи жертвы оставались открытыми.

«Кресло» установили рядом с клеткой обезьяны, затем убрали ближнюю к нему стенку. Обезьяна наблюдала за приготовлениями внимательным взглядом, но по-прежнему не могла пошевелить безвольно висящими конечностями. Тем не менее, когда сняли стенку клетки, мне снова стало не по себе, и я остался на месте только из опасения, что Старик действительно прикажет меня связать. Лаборанты закончили приготовления и отошли в сторону. Открылась дверь, и в комнату вошли еще несколько человек, среди них Мэри.

Я растерялся. Мне очень хотелось ее увидеть, и я пытался отыскать ее через медсестер, но они или действительно не знали, кто она, или получили на этот счет какие-то распоряжения. Теперь мы наконец встретились, но при таких обстоятельствах... Черт бы побрал Старика! Ну зачем приглашать на такое «представление» женщину, пусть даже женщину-агента? Должны же быть какие-то рамки.

Мэри бросила на меня удивленный взгляд, затем кивнула. Меня это немного задело, но я все понял: не время и не место для пустых разговоров. Выглядела она отлично, только очень серьезно. На ней был такой же наряд, как у сиделок, но без этого нелепого шлема и панциря на спине. Вместе с ней в комнату вошли несколько мужчин с записывающей и прочей аппаратурой.

— Готовы? — спросил начальник лаборатории.

— Да, поехали, — ответил Старик.

Мэри подошла к «креслу» и села. Двое лаборантов опустились на колени и принялись застегивать ремни. Я смотрел на все это словно в оцепенении. Затем схватил Старика за руку, отшвырнул в сторону и, подскочив к креслу, раскидал лаборантов.

— Мэри, — крикнул я, — ты с ума сошла! Вставай.

Старик выхватил пистолет и навел на меня.

— Прочь, — приказал он. — Вы, трое, взять его и связать!

Я поглядел на пистолет, на Мэри. Она не двигалась — ноги у нее уже были пристегнуты — и только смотрела на меня полным сочувствия взглядом.

— Ладно, Мэри, вставай, — тупо сказал я. — Мне захотелось посидеть.

Лаборанты убрали первое кресло и принесли другое. То, что приготовили для Мэри, мне не подходило: оба делались точно по фигуре. Со всеми затянутыми ремнями ощущение возникало такое, будто меня залили в бетон. Спина чесалась невыносимо, хотя никого мне пока туда не посадили.

Мэри в комнате уже не было. Я не видел, как она ушла, да это и не имело значения. Когда приготовления закончились, Старик положил руку мне на плечо и сказал:

— Спасибо, сынок.

Я промолчал.

Как пересаживали мне на спину паразита, я не видел. И не особенно интересовался. Впрочем, даже если бы мне захотелось посмотреть, ничего бы не вышло: я просто не мог повернуть голову. Обезьяна один раз взревела, потом завизжала, и кто-то крикнул: «Осторожней!»

Затем наступила такая тишина, словно все затаили дыхание. Спустя секунду что-то влажное опустилось мне на шею, и я потерял сознание.

Очнулся я со знакомым ощущением нахлынувшей вдруг энергии. Я понимал, что влип, но рассчитывал как-нибудь выкрутиться. Страха не было: я испытывал презрение и не сомневался, что как-то их перехитрю.

— Ты меня слышишь? — громко спросил Старик.

— Орать-то зачем? — ответил я.

— Ты помнишь, зачем ты здесь?

— Вы хотите задавать вопросы. За чем дело стало?

— Что ты из себя представляешь?

— Глупый вопрос. Во мне шесть футов один дюйм, в основном мышцы и совсем немного мозга. Вешу я...

— Не о тебе речь. Ты знаешь, с кем я говорю — *ты*!

— В игры играем?

Старик ответил не сразу.

— Видимо, нет смысла притворяться, что я не знаю, что ты за существо...

— Но ты и в самом деле не знаешь.

— Однако мы изучали тебя все это время, что ты жил на спине у обезьяны. И кое-какую информацию, которая дает мне преимущество, мы уже получили. Во-первых, — он принялся загибать пальцы, — тебя можно убить. Во-вторых, ты чувствуешь боль. Тебе не нравится электрический ток, и ты не выносишь жара, который способен вынести даже человек. В-третьих, без носителя ты беспомощен. Я могу приказать, чтобы тебя сняли, и ты умрешь. В-четвертых, ты ничего не можешь сделать без носителя, а он сейчас совершенно неподвижен. Попробуй ремни на прочность. Так что ты или будешь отвечать на наши вопросы, или умрешь.

Я уже попробовал ремни и обнаружил, что порвать их действительно невозможно. Впрочем, это меня не

беспокоило: вернувшись к хозяину, я почувствовал себя на удивление спокойно — ни забот, ни волнений. Мое дело было служить и только, а дальше будь что будет. Один ремень на лодыжке вроде был затянут слабее остальных: возможно, мне удастся вытащить ногу... Затем я проверил еще раз ремни на руках. Может, если полностью расслабиться...

Сразу последовали указания — или я сам принял решение: в такой ситуации это одно и то же. Никаких разногласий между мной и хозяином не было: мы думали и действовали как одно целое. Короче, инструкции это или собственное решение, но я знал, что побег сейчас не удастся. Обводя комнату взглядом, я пытался определить, кто из присутствующих вооружен. Возможно, только Старик: значит, уже легче.

Где-то в глубине души затаилось ноющее чувство вины и отчаяния, знакомое лишь слуге, действующему по воле инопланетного паразита, но я был слишком занят, чтобы переживать.

— Итак, — сказал Старик. — Ты будешь отвечать на вопросы сам или придется тебя заставлять?

— Какие вопросы? — спросил я. — До сих пор я не слышал ни одного вразумительного вопроса.

Старик повернулся к лаборанту.

— Дай-ка мне разрядник.

Я все еще испытывал ремни и как-то даже не обратил внимания на эту фразу. Если бы удалось притупить его бдительность, чтобы пистолет оказался в пределах досягаемости, — при условии, конечно, что я сумею высвободить руку, — тогда, может быть...

Он протянул руку с гибким хлыстом куда-то мне за спину, и я почувствовал дикую, ослепляющую боль. В комнате, мне показалось, стало темно, словно кто-то щелкнул выключателем. Меня раздирало на куски, и на мгновение я даже потерял связь с хозяином.

Затем боль схлынула, оставив после себя только обжигающее воспоминание. Но не успел я собраться с мыслями, как хозяин снова подчинил меня своей воле. Впервые за все то время, что я был у него в подчинении, меня охватило беспокойство: его дикий страх и боль отчасти передались и мне.

— Ну как, по́нравилось? — спросил Старик.

Страх, однако, исчез, и я снова чувствовал лишь безмятежное равнодушие, хотя по-прежнему внимательно следил за своими врагами. Запястья и лодыжки тоже уже не болели.

— Зачем ты это сделал? — спросил я. — Разумеется, ты можешь причинить мне боль, но зачем?

— Чтобы ты отвечал на вопросы.

— Так задавай их.

— Что вы за существа?

Ответ появился у меня не сразу. Старик уже потянулся за разрядником, когда я услышал свой собственный голос:

— Мы — народ.

— Какой народ?

— Единственный народ. Мы изучали вас и знаем теперь вашу жизнь. Мы... — Я неожиданно замолчал.

— Продолжай, — мрачно приказал Старик и повел в мою сторону разрядником.

— Мы пришли, чтобы принести вам...

— Принести что?

Я хотел говорить: хлыст разрядника покачивался ужасающе близко. Но не хватало слов.

— Принести вам мир, — вырвалось у меня.

Старик фыркнул.

— Мир, — продолжил я, — и покой, радость... радость подчинения. — Я снова умолк. Слово «подчинение» не годилось. Я мучился, словно пытался говорить на чужом языке: — Радость... нирваны.

Это слово подходило гораздо лучше. Я чувствовал себя как собака, которую погладили по голове за то, что она принесла палку. Только что хвостом не вилял.

— Значит, так, я понимаю, — сказал Старик. — Если мы подчинимся, вы обещаете человечеству, что будете заботиться о нас и мы будем счастливы. Правильно?

— Абсолютно!

Старик задумался, остановив взгляд где-то у меня над плечом, затем плюнул на пол.

— Знаешь, — произнес он медленно, — нам, человечеству, уже не раз предлагали такую сделку. Из этого никогда ни черта не выходило.

— Попробуй сам, — посоветовал я. — Это очень быстро, и тогда ты поймешь.

На этот раз он взглянул мне в глаза.

— Может, мне так и следовало поступить. Может быть, я обязан испытать это не на... испытать это на себе. Не исключено, что когда-нибудь испытаю. Позже. А сейчас, — Старик вновь заговорил быстро и деловито, — сейчас ты будешь отвечать на вопросы. Если будешь отвечать сразу и правдиво, ничего с тобой не случится. Будешь медлить — я увеличу ток. — И он взмахнул хлыстом разрядника.

Я съежился, почувствовав поражение. На какое-то мгновение мне показалось, что он согласится, и я уже начал планировать побег.

— Так, — сказал Старик. — Откуда вы прилетели?

Молчание. Ни малейшего желания отвечать.

Хлыст придвинулся ближе.

— Издалека! — выкрикнул я.

— Это и так понятно. Где находится ваша база, ваша родная планета?

Старик выждал и сказал:

— Видимо, придется подстегнуть твою память.

Я тупо следил за ним; в голове — ни единой мысли. Но тут к нему обратился один из помощников.

— Что такое? — отозвался Старик.

— Возможно, здесь какие-то семантические трудности, — сказал помощник. — Различные представления об астрономии.

— Откуда? Паразит знает столько же, сколько знает его носитель. Это мы уже доказали. — Однако он опустил разрядник и задал вопрос по-другому. — Ладно. Солнечная система-то уж тебе точно знакома. Ваша планета находится в этой солнечной системе?

Я помедлил, потом ответил:

— Нам принадлежат все планеты.

Старик выпятил губу и задумчиво произнес:

— Интересно, что ты имеешь в виду... Впрочем, ладно. Пусть хоть вселенная целиком. Но где ваше гнездо? Откуда прилетели корабли?

Сказать мне было нечего, и я молчал.

Старик взмахнул рукой — и я почувствовал короткий удар током.

— Говори, черт бы тебя побрал! С какой вы планеты? С Марса? С Венеры? С Юпитера? С Сатурна? С Урана? Нептуна? Плутона?

Когда он называл очередную планету, я отчетливо видел их, хотя сам ни разу не бывал дальше орбитальных станций. И мгновенно понял, когда Старик назвал именно ту, что нужно. Но мысль будто выдернули у меня, едва она возникла.

— Говори! — продолжал допытываться Старик. — Иначе я угощу тебя током.

— Ни с одной из них,— услышал я свой собственный голос. — Наша планета гораздо дальше.

Он взглянул на паразита у меня за плечами, потом мне в глаза.

— Ты лжешь. Придется тебе стать честным.

— Нет! Нет!

— Что ж, попытаемся. Вреда от этого не будет. — Он медленно завел руку с разрядником мне за спину. В мыслях снова вспыхнул ответ, и я уже собрался его выдать, но тут мне сдавило горло, а затем резануло болью.

Боль не утихала, меня рвало на куски, и чтобы остановить боль, я пытался говорить, но стальная рука по-прежнему давила горло.

Сквозь пелену боли я узнал склонившегося надо мной Старика. Лицо его дрожало и расплывалось.

— Достаточно? — спросил он. Я начал говорить что-то, но поперхнулся, и сразу накатило удушье. Последнее, что я видел, это приближающийся хлыст разрядника.

Затем меня-таки разорвало, и я умер.

Надо мной склонились несколько человек, и кто-то из них сказал:

— Он приходит в себя.

Затем в поле зрения вплыло лицо Старика.

— Ты в порядке, сынок? — спросил он участливо.

Я отвернулся.

— На бок, пожалуйста, — произнес другой голос. — Мне надо ввести ему стимулятор.

Человек опустился рядом со мной на колени, затем встал, посмотрел на свои руки и вытер их о шорты.

«Гиро», промелькнула мысль, или еще что-нибудь в этом духе. Так или иначе, препарат подействовал, и я ожил. Даже сел без посторонней помощи. Мы все еще

были в той же комнате с клеткой, и рядом стояло это проклятое кресло. Я попытался встать. Старик хотел мне помочь, но я его оттолкнул.

— Не трогай меня!

— Извини, — ответил он, затем приказал: — Джонс! Возьми Ито и давайте за носилками. Отнесете его в палату. Док, ты отправляешься с ним.

— Разумеется. — Человек, что вводил стимулятор, хотел поддержать меня за руку, но я не позволил.

— Оставьте меня в покое!

Врач посмотрел на Старика, тот пожал плечами и жестом приказал всем отойти. Я сам доковылял до двери, затем открыл вторую дверь и выбрался в коридор. Остановился, посмотрел на свои запястья, на лодыжки и решил, что мне так и так нужно в лазарет. Дорис что-нибудь сделает, и, может быть, мне удастся заснуть. Чувствовал себя так, словно только что провел пятнадцать раундов на ринге и все их проиграл.

— Сэм... Сэм!

Знакомый голос. Мэри подбежала и остановилась, глядя на меня большими, влажными от слез глазами.

— Боже, Сэм.. Что они с тобой сделали? — произнесла она, всхлипывая, так что я едва разобрал слова.

— Ты еще спрашиваешь? — ответил я и из последних сил залепил ей пощечину. — Стерва.

Моя палата оказалась свободной, но Дорис нигде не было. Я закрыл дверь и улегся на кровать лицом вниз, стараясь ни о чем не думать и не обращать внимания на боль. Потом за спиной у меня кто-то охнул, и я открыл один глаз: у кровати стояла Дорис.

— Что произошло? — воскликнула она, и я почувствовал ее мягкие прикосновения. — Боже, бедный, да что же это... Лежи, не двигайся. Я позову врача.

— Нет!

— Но тебе нужен врач.

— Я не хочу его видеть. Ты лучше сама.

Она молча вышла из палаты, но вскоре — во всяком случае, мне показалось, что прошло совсем немного времени, — вернулась и начала обмывать мои раны. Когда Дорис касалась спины, я едва сдерживался, чтобы не закричать. Но все закончилось быстро: она наложила бинты и сказала:

— Теперь на спину, осторожно...

— Я лучше останусь лицом вниз.

— Нет, — твердо сказала она. — Нужно, чтобы ты выпил лекарство...

В конце-концов я оказался на спине — в основном, ее стараниями, — выпил это лекарство и спустя какое-то время уснул. Помню, что вроде бы просыпался, видел у кровати Старика и костерил его на чем свет стоит. Врача, кажется, тоже видел. Но возможно, это был сон.

Разбудила меня мисс Бриггс, и вскоре Дорис принесла завтрак — все как раньше, словно я и не покидал больничной койки. Внешне я, в общем-то, неплохо отделался, хотя ощущение было такое, будто меня сбросили в бочке с Ниагарского водопада. На руках и ногах, где я порезался о застежки «кресла», бинты, но кости остались целы. Душа — вот где болело больше всего.

Не поймите меня неверно. Старик вправе посылать нас на любое опасное задание — такова работа. Но то, что он со мной сделал... Он знал меня как облупленного и попросту загнал в угол, заставил пойти на то, на что я никогда не согласился бы сам. А затем безжалостно использовал. Мне и самому случалось применять силу, чтобы заставить человека говорить. Иногда, бывает, просто деваться некуда. Но тут совсем другое, можете мне поверить.

Больше всего я переживал из-за Старика. Мэри?.. Кто она мне, в конце концов? Так, просто еще одна симпатичная крошка. Роль приманки ей удалась, и как же я ее за это ненавидел! Конечно, ничего плохого в том, что она пользуется в работе своей женственностью, нет; Отделу просто не обойтись без женщин-агентов. Шпионки всегда были, а молодые и симпатичные во все времена пользовались одними и теми же средствами.

Но она не должна была соглашаться играть в эту игру против своего же коллеги — во всяком случае, против меня.

Не очень логично, по-вашему? Мне, однако, все казалось логичным, и я решил, что с меня довольно. Операцию «Паразит» пусть заканчивают сами. В Ади-

рондаке, в горах, у меня была небольшая хижина с запасом замороженных продуктов примерно на год. Пилюль, растягивающих время, тоже достаточно. Короче, я решил, что отправлюсь туда и наглотаюсь пилюль, а мир пусть спасается без меня — или катится ко всем чертям.

А если кто подойдет ближе чем на сотню ярдов, он либо покажет мне голую спину, либо останется лежать на месте с большой прожженной дырой в груди.

11

Кому-то я должен был рассказать о своем решении, и слушать меня выпало Дорис. То, что со мной сделали, ее не то что возмутило — вывело из себя. Она ведь бинтовала мои раны. По работе ей, конечно, приходилось видеть и хуже, но сейчас это сделали *свои же*. Когда я рассказал, что думаю об участии Мэри, Дорис спросила:

— Я так понимаю, что ты хотел жениться на ней?

— Да. Глупо, правда?

— Она наверняка знала, что делает. Это просто нечестно. — Дорис прервала на секунду массаж, и глаза ее засверкали. — Я эту рыжую никогда не видела, но, если увижу, всю физиономию ей расцарапаю!

Я улыбнулся.

— Ты славная девушка, Дорис. Надо полагать, ты бы такого не сделала.

— О, мне тоже случалось обводить мужчин вокруг пальца. Но если бы я сделала что-нибудь хоть отдаленно похожее, мне бы, наверно, даже в зеркало на себя смотреть было противно... Ну-ка перевернись, я займусь другой ногой.

Вскоре заявилась Мэри. Сначала я услышал Дорис:

— Туда нельзя.

Голос Мэри:

— Мне нужно.

— Ну-ка назад, — прикрикнула Дорис. — А то я повыдергаю тебе твои крашеные лохмы.

За дверью началась возня, затем я услышал звук пощечины и крикнул:

— Эй, что там происходит?

На пороге они появились вместе. Дорис тяжело дышала, волосы у нее были в беспорядке. Мэри, несмотря на инцидент за дверью, держалась с достоинством, но на щеке у нее краснело пятно размером с ладонь Дорис.

Дорис наконец перевела дух:

— Убирайся! Он не хочет тебя видеть.

— Я бы хотела услышать это от него, — ответила Мэри.

Я посмотрел на них обеих и сказал:

— Ладно, чего уж там. Раз она здесь... Я все равно хотел ей кое-что сказать. Спасибо, Дорис.

— Когда ты поумнеешь? — буркнула она и вылетела за дверь. Мэри подошла к кровати.

— Сэм...

— Меня зовут не Сэм.

— Я до сих пор не знаю твоего настоящего имени.

Времени объяснять ей, что родители наградили меня именем Элихью, не было, и я сказал:

— Какая разница? Сойдет и Сэм.

— Сэм, — повторила она, — дорогой мой...

— Я не твой и не дорогой.

— Да, я знаю, — сказала она, склоняя голову. — Но почему? Сэм, я хочу понять, почему ты меня возненавидел. Может быть, я не смогу уже ничего изменить, но мне нужно знать.

Я возмущенно фыркнул.

— И ты еще спрашиваешь? После того, что ты со мной сделала? Мэри, ты, возможно, холодна как рыба, но отнюдь не глупа.

Она покачала головой.

— Все наоборот, Сэм. Я совсем не холодна, но часто бываю глупой. Ну посмотри на меня, пожалуйста. Я знаю, что они с тобой сделали. Знаю, что ты пошел на это, чтобы избавить от пытки меня, и очень тебе благодарна. Но я не понимаю, почему ты меня ненавидишь. Я ведь не просила тебя и не хотела, чтобы ты это делал.

Я промолчал.

— Ты мне не веришь?

Приподнявшись на локте, я сказал:

— Я думаю, ты сама себя убедила, что так оно и есть. Но я могу тебе сказать, как это было на самом деле.

— Скажи, пожалуйста.

— Ты села в это чертово кресло, прекрасно понимая, что я не позволю им проводить эксперимент на тебе. Ты *знала* это, как бы ты ни убеждала себя теперь в обратном. Старик не мог заставить меня — ни угрозой оружия, ни даже под действием наркотиков. А ты могла. И заставила. Заставила меня сделать нечто такое, на что я сам никогда бы не пошел. Мне легче умереть было, чем вновь посадить себе на плечи эту мерзость, эту грязь. И все из-за тебя!

Мэри становилась все бледнее и бледнее; в обрамлении волос ее лицо казалось чуть ли не зеленым. Затем она опомнилась, выдохнула и спросила:

— Ты действительно в это веришь, Сэм?

— А что, это неправда?

— Сэм, все было не так. Я не знала, что ты придешь. Удивилась даже. Но не могла отступить, потому что обещала.

— «Обещала», — съязвил я. — Как школьница прямо.

— Едва ли школьница.

— Неважно. И правда ли то, что ты не знала о моем присутствии, тоже не имеет значения. Главное другое: мы оба там были, и ты не могла не понимать, что произойдет, если ты поступишь, как поступила.

— Вот оно в чем дело, — Мэри немного выждала. — Значит, ты так это видишь, и я не могу оспаривать факты.

— Пожалуй.

Довольно долго она стояла не двигаясь. Я молчал. Наконец Мэри сказала:

— Сэм... ты когда-то говорил, что хочешь на мне жениться.

— Это давно было.

— Я и не ожидала, что ты вновь предложишь. Но я хотела сказать... Независимо от того, что ты обо мне думаешь, я хочу, чтобы ты знал: я очень благодарна за то, что ты ради меня сделал. И... Сэм, я уже ласковая. Ты меня понимаешь?

Я усмехнулся.

— Боже правый, женщины никогда не перестанут меня удивлять. Вы почему-то думаете, что всегда можно просто сбросить счет и начать по новой с одной этой козырной карты. — Я насмешливо улыбался, а она тем временем заливалась краской. — Только на этот раз ничего не выйдет. Не беспокойся, я не воспользуюсь твоим щедрым предложением.

— Что ж, я сама напросилась... — сказала она ровным тоном. — Тем не менее все сказанное остается в силе. И это, и если я могу сделать для тебя еще что-то...

Я откинулся на подушку.

— Вообще-то, можешь.

Ее лицо засветилось надеждой.

— Да, Сэм.

— Оставь меня в покое. Я устал, — сказал я и отвернулся.

После полудня заглянул Старик. Увидев его, я в первое мгновение обрадовался: Старика трудно не любить. Затем все вспомнилось, и радость померкла.

— Я хочу с тобой поговорить, — начал он.

— Нам не о чем разговаривать. Убирайся.

Он словно бы и не заметил моей резкости, прошел в палату, сел.

— Не возражаешь, если я присяду?

— Похоже, ты уже сидишь.

Это он тоже пропустил мимо ушей.

— Знаешь, сынок, ты у меня один из лучших сотрудников, но иногда делаешь поспешные выводы.

— Можешь на этот счет больше не беспокоиться, — ответил я. — Как только доктор меня выпишет, я подаю в отставку.

Старик просто не слышал того, что ему не хотелось слышать.

— Ты торопишься и совершаешь ошибки. Возьми, например, эту девушку, Мэри...

— Какую еще Мэри?

— Ты отлично понимаешь, о ком я говорю. Тебе она известна под фамилией Кавано.

— Сам ее возьми.

— Не зная подробностей, ты наговорил ей черт-те чего. Расстроил ее. Возможно, лишил меня очень способного агента.

— Да? Я прямо слезами обливаюсь.

— Послушай-ка, мальчишка, у тебя нет никаких оснований напускаться на нее со своими обвинениями. Ты просто не знаешь, что произошло.

Я промолчал: попытки объяснить что-то — плохой способ обороны.

— Мне-то ясно, о чем ты думаешь, — продолжал Старик. — Ты считаешь, что она позволила использовать себя в качестве наживки. Но это не совсем так. Она ничего тут не решала. Все это спланировал я.

— Знаю.

— Тогда почему ты злишься на нее?

— Потому что без ее помощи у тебя ничего бы не вышло. Это, конечно, очень благородно я твоей стороны — взять всю вину на себя, но ничего не выйдет.

— По-моему, ты все понимаешь, кроме самого главного: Мэри ничего не знала.

— Черт с два! Она была там.

— И что? Сынок, я тебе когда лгал?

— Нет, — признал я, — но если будет нужно, я думаю, ты сделаешь это, не моргнув глазом.

— Может быть, я заслужил такие слова, — сказал Старик. — Да, я солгу кому-то из своих, если того потребует безопасность страны. Но до сих пор мне не приходилось этого делать, потому что я специально отбирал людей, которые на меня работают. В данном случае безопасность страны этого не требует, я не лгу, и тебе придется самому решать, правду я говорю или нет. *Мэри ничего не знала.* Она не знала, что ты будешь в лаборатории. Не знала, почему ты там оказался. Не знала, наконец, что еще не решено, кто сядет в кресло. И не подозревала, что я не собираюсь проводить эксперимент на ней, только потому что в качестве подопытного мне подходишь только ты — даже если бы пришлось приказать, чтобы тебя связали и усадили силой. Я бы сделал это, но мой план сработал и ты согласился сам. Вот тебе и «черта с два»! Она не знала даже, что тебя выписали.

Очень хотелось ему поверить, поэтому я изо всех сил сопротивлялся. А насчет того, станет ли он врать... Не исключено, что его понимание заботы о безопасности страны включает в себя и необходимость как мож-

но скорее вправить мозги двум первоклассным агентам. Мыслит Старик весьма неординарно.

— Смотри мне в глаза! — добавил он. — Я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу: во-первых, все, включая и меня, очень признательны тебе за то, что ты сделал, — независимо от мотивов твоего поступка. Я составил рапорт и не сомневаюсь, что тебе дадут медаль. Это останется в силе, даже если ты уйдешь из Отдела. Только не воображай себя этаким героем...

— И не думаю!

— ...потому что на самом деле медаль достанется не тому, кому следовало. По справедливости, ее должна была получить Мэри... Спокойно! Я еще не закончил. Тебя пришлось заставить, но я не критикую: на твою долю и без того выпало немало. Но настоящим, убежденным добровольцем оказалась Мэри. Садясь в кресло, она вовсе не ждала избавления в последнюю секунду, и у нее были все основания полагать, что, даже оставшись в живых, она потеряет рассудок, а это еще страшнее. Но Мэри согласилась, потому что она — героическая натура, а ты, сынок, немного до нее не дотягиваешь.

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Знаешь, большинство женщин чертовски глупы и наивны. Тем не менее они могут побольше нашего. Самые храбрые из них храбрее нас, самые способные — способнее, а самые сволочные — сволочнее. Я это к тому говорю, что Мэри в данном случае проявила больше мужества, чем ты сам, а ты взял и обидел ее.

У меня в голове уже все перепуталось, и я не мог решить, правду он говорит или опять водит меня за нос.

— Может быть, я сорвался не на того человека. Но если все было так, как ты сказал...

— Именно так.

— ...это тебя совсем не красит. То, что ты сделал, выглядит тогда еще хуже.

Обвинение он принял не дрогнув.

— Сынок, мне очень жаль, если я потерял после этого твое уважение, но я, как любой командир во время боя, не могу быть особенно разборчив. Мне еще тяжелее, потому что приходится сражаться другим оружием. Знаешь, есть люди, которые просто не способны,

когда нужно, пристрелить свою собаку. Я способен. Может быть, это скверно, но такая уж у меня работа. Если ты когда-нибудь окажешься на моем месте, тебе тоже придется так поступать.

— Едва ли это когда-нибудь случится.

— Думаю, тебе надо отдохнуть и обдумать все это.

— Я возьму отпуск. Бессрочный.

— Как скажешь.

Он поднялся было, но я его остановил:

— Подожди...

— Да?

— Ты мне кое-что обещал. Насчет паразита... Ты сказал, что я смогу убить его, сам. Вы с ним уже закончили?

— Да, но...

Я сел в постели.

— Никаких «но». Дай мне твой лучемет. Я сделаю это прямо сейчас.

— Это невозможно. Он мертв.

— Что? Ты же мне обещал!

— Знаю. Но он сдох, когда мы пытались заставить тебя — в смысле, его — говорить.

Меня вдруг разобрал смех. Я захохотал и никак не мог остановиться. Старик встряхнул меня за плечи.

— Перестань! А то тебе плохо станет. Мне жаль, что так вышло, но ничего смешного тут нет.

— Ну как же? — ответил я, всхлипывая и хихикая. — Смешнее я в жизни ничего не слышал. Столько канителили — и все впустую. Сам обгадился, меня с Мэри воссорил — и все впустую.

— Ха! С чего ты взял?

— А? Ну я-то знаю. Ты от меня — от нас — ничего не добился. Ничего нового тебе узнать не удалось.

— Черта с два!

— Что «черта с два»?

— Ты даже не представляешь себе, насколько успешным оказался эксперимент. Верно, мы ничего не добились от самого паразита, но выяснили кое-что у тебя.

— У меня?

— Вчера. Ночью мы накачали тебя наркотиками, загипнотизировали, сняли запись мозговой активности — короче, выжали и повесили сушиться. Перед смертью

паразит многое тебе сообщил, и, когда ты от него освободился, гипноаналитик вытянул из тебя всю информацию.

— Например?

— Например, где эти твари живут. Теперь мы знаем, откуда они прилетели, и можем нанести ответный удар. Титан, шестой спутник Сатурна.

Когда он сказал это, я вновь почувствовал, как сжимается у меня горло, и понял, что он прав.

— Ты, разумеется, сопротивлялся, — рассказывал дальше Старик. — Пришлось привязать тебя к кровати, чтобы ты совсем себя не изувечил. Тебе и без того досталось.

Он закинул покалеченную ногу на кровать и чиркнул спичкой. Видимо, ему изо всех сил хотелось прежних добрых отношений. Что до меня, то и я, в общем-то, не хотел уже ссориться; голова кружилась, и очень многое нужно было осмыслить. Титан... Далековато, конечно. Пока люди побывали только на Марсе, если не считать экспедицию Сигрейвса в систему Юпитера, но эта экспедиция так и не вернулась.

Однако если будет нужно, мы сумеем добраться до Титана. Добраться и выжечь этот их гадюшник!

Старик наконец встал и проковылял к двери, но я остановил его:

— Папа...

Я не называл его так уже долгие годы. Он остановился и обернулся с удивленным, беззащитным выражением на лице.

— Да, сынок.

— Почему вы с мамой назвали меня Элихью?

— Э-э-э... Так звали твоего деда по линии матери.

— Хм. Не самая веская причина, я бы сказал.

— Возможно, ты прав.

Он повернулся, но я снова задержал его.

— Пап, а какой была мама?

— Мама? Я не знаю, как тебе объяснить. Но знаешь... они с Мэри очень похожи. Да, очень. — И он вышел, не дав мне возможности спросить еще что-нибудь.

Я отвернулся к стене и спустя какое-то время понял, что уже совсем успокоился.

12

Когда меня выписали, я отправился искать Мэри. Кроме слов Старика, у меня по-прежнему ничего не было, но теперь мне начало казаться, что я и в самом деле выставил себя полным идиотом. Я не ждал, что она обрадуется моему появлению, но хотелось как-то оправдаться.

Вы, возможно, скажете, что разыскать высокую красивую рыжеволосую девушку ничего не стоит: ее, мол, все должны помнить. Но агенты-оперативники то и дело исчезают на задания, а у сотрудников базы не принято болтать лишнего. В отделе личного состава со мной просто не стали разговаривать и направили в оперативный отдел, то есть к Старику, что меня совсем не устраивало.

Еще большую подозрительность мои расспросы вызвали у дежурного, который следит за теми, кто прибывает и отбывает. Я чувствовал себя как шпион в своем собственном Отделе.

Потом мне пришло в голову обратиться в лабораторию. Начальника я не нашел, и пришлось говорить с заместителем. Тот сделал вид, что вообще ничего не знает о девушке, участвовавшей в проекте «Интервью», почесался и занялся своими бумагами. Выбора не оставалось, и я пошел к Старику.

За столом мисс Хайнс сидела новая секретарша. Мисс Хайнс я, кстати, так больше и не видел, но расспрашивать о ее судьбе тоже не стал. Просто не хотел знать. Новая секретарша ввела мой личный код, и — о чудо! — Старик оказался на месте и согласился меня принять.

— Ты чего пришел? — ворчливо спросил он.

— Подумал, что у тебя, может, есть для меня какая-нибудь работа, — ответил я, хотя собирался сказать совсем другое.

— Вообще-то, я как раз собирался тебя вызвать. Ты и так уже долго прохлаждаешься. — Он гавкнул что-то в интерком и встал. — Пошли.

Я вдруг почувствовал себя совершенно спокойно.

— В «Косметику»?

— Сегодня сойдет и твоя собственная физиономия. Мы едем в Вашингтон. — Тем не менее мы зашли в «Косметику», но только для того, чтобы переодеться в уличную одежду. Я получил пистолет, а заодно там проверили мой аппарат связи.

Охранник на входе заставил нас оголить спины, и лишь после этого позволил подойти и отметиться. Мы поднялись наверх и оказались на одном из нижних уровней Нью-Филадельфии.

— Надо понимать, этот город чист? — спросил я Старика.

— Если ты действительно так думаешь, у тебя совсем мозги заржавели, — ответил он. — Гляди в оба.

Расспросить его подробней уже не удалось. Присутствие такого большого числа полностью одетых людей здорово действовало на нервы. Я невольно сторонился прохожих и выискивал взглядом сутулых. А подниматься в переполненном лифте до стартовой платформы вообще казалось безумием. Когда мы нырнули наконец в машину и Старик набрал код, я ему так и сказал.

— Куда, черт побери, смотрят власти? Мы только что прошли мимо полицейского, и у него, ей богу, был горб!

— Возможно. Очень даже возможно.

— Вот тебе раз. Я-то думал, у тебя все схвачено, и их теснят на всех фронтах.

— У тебя есть какое-то предложение?

— Да это же проще простого. Даже если начнутся морозы, никто не должен ходить с закрытой спиной до тех пор, пока мы не убедимся, что перебили всех паразитов.

— Верно.

— Так в чем... Послушай, а Президент знает, что происходит?

— Знает.

— Тогда чего же он ждет? Ему нужно объявить военное положение и начать действовать.

Старик задумчиво разглядывал сельский пейзаж внизу.

— Сынок, ты что, серьезно считаешь, что этой страной управляет Президент?

— Нет, конечно. Но он единственный, кто может что-то сделать.

— Хм-м... Знаешь, премьера Цветкова иногда называют «пленником Кремля». Как бы там ни было, а наш Президент такой же пленник Конгресса.

— Ты хочешь сказать, что Конгресс ничего не предпринял?

— Последние несколько дней, после того как мы предотвратили покушение на Президента, я занимался тем, что помогал ему убедить конгрессменов. Тебе никогда не приходилось выступать в роли ответчика перед комиссией Конгресса, сынок?

Я попытался представить себе общую картину. Получалось, что мы сидим на месте, как додо, дураки дураками, и если не стронемся с места, человечество просто вымрет — так же, как додо.

— Пора тебе осознать, наконец, политические реалии. Конгресс, случалось, отказывался действовать перед лицом и более очевидной опасности. А в данном случае опасность совсем не очевидна. Доказательств очень мало, да и не каждый в них поверит.

— А как насчет заместителя министра финансов? Они же не могут просто проигнорировать случившееся.

— Ой ли? У заместителя министра сорвали паразита со спины прямо в Белом доме, в восточном крыле, и при этом пришлось убить двух его охранников из секретной службы. Но сам достопочтенный джентльмен лежит теперь в больнице с нервным потрясением и вообще не помнит, что с ним произошло. Министерство финансов сообщило, что предотвращена попытка покушения на Президента. По сути верно, но они представили все в ином свете.

— И Президент при этом промолчал?

— Его советники предложили ему выждать. Большинство из них колеблется, а в обеих палатах полно людей, которые только и ждут, когда он совершит какую-нибудь серьезную ошибку. Политическая борьба между партиями — это тебе не шуточки.

— Боже, по-моему в такое время просто нельзя заниматься политическими маневрами!

Старик удивленно поднял брови.

— Это по-твоему.

В конце-концов я задал вопрос, ради которого и пришел к нему в кабинет: где Мэри?

— Странно, что ты спрашиваешь, — буркнул он. Я промолчал, и он добавил: — Там, где ей положено быть. Она охраняет Президента.

Первым делом мы направились на закрытое заседание специального комитета из представителей обеих палат. Когда мы туда явились, на стереоэкране как раз показывали моего приятеля — антропоида по кличке Наполеон — сначала его с титанцем на спине, а затем крупным планом самого титанца. Паразиты похожи один на другого как две капли воды, но я знал, чей этот, и был просто счастлив, что он уже мертв.

Потом показали меня. Я увидел, как меня привязывают к креслу, и выглядел я, чего уж там говорить, не лучшим образом: когда человек действительно напуган, это его не красит. Титанца сняли с обезьяны и пересадили на мою голую спину. Я — на экране — тут же потерял сознание, после чего чуть не потерял сознание в зале. Описывать дальше не стану: тошно.

Но в конце концов я увидел, как тварь сдохла. Ради этого стоило посмотреть и все остальное.

Запись кончилась, и председатель произнес:

— Итак, джентльмены?

— Господин председатель!

— Слово предоставляется джентльмену из Индианы.

— Без всякого предубеждения к вопросу, хочу, тем не менее, заметить, что в Голливуде делают комбинированные съемки и получше.

В зале загомонили и кто-то крикнул: «Тише! Тише!»

После этого вызвали для дачи свидетельских показаний руководителя биологической лаборатории, а затем пригласили к стойке меня. Я назвал свое имя, постоянный адрес, должность и ответил на несколько очень поверхностных вопросов о моем пребывании под властью титанцев. Вопросы читали по бумажке, и больше всего меня задело то, что мои ответы их, в общем-то, не интересовали. Трое из членов комитета читали во время слушания газеты.

Из зала мне задали вопросы только двое.

Один сенатор спросил:

— Мистер Нивенс... Ваша фамилия действительно Нивенс?

Я подтвердил.

— Мистер Нивенс, из ваших слов я понял, что вы занимаетесь оперативной работой.

— Да.

— Надо полагать, в ФБР?

— Нет. Мой начальник отчитывается непосредственно перед Президентом.

Сенатор улыбнулся.

— Так я и думал. А теперь, мистер Нивенс... вы ведь профессиональный актер, не так ли? — И он сделал вид, что сверяется со своими бумагами.

Видимо, я пытался отвечать слишком правдиво. Хотел объяснить, что действительно играл летом один сезон, но тем не менее я самый что ни на есть настоящий агент-оперативник. Бесполезно.

— Достаточно, мистер Нивенс. Спасибо.

Второй вопрос задал пожилой сенатор, которому хотелось знать мое мнение о расходовании денег налогоплательщиков на вооружение для других стран — при этом он пространно изложил свои собственные взгляды. У меня к этой проблеме отношение сложное, но высказаться мне все равно не дали. Секретарь сразу же заявил:

— Вы свободны, мистер Нивенс.

— Послушайте, — попытался отстоять свое я, — вы, похоже, считаете, что вас хотят обмануть. Ну так принесите сюда детектор лжи! Или допросите меня под гипнозом. А то это заседание больше походит на дурную шутку.

Председатель комитета стукнул молоточком.

— Вы свободны, мистер Нивенс!

Я сел.

Старик говорил, что цель этого совместного заседания — подготовка резолюции о введении военного положения и предоставлении Президенту чрезвычайных полномочий. Но похоже было, что от нас отмахнулись еще до голосования.

— Плохи наши дела, — сказал я Старику.

— Не обращай внимания, — ответил он. — Президент понял, что тут ничего не выйдет, едва только узнал состав комитета.

— И что нам теперь делать? Ждать, когда паразиты захватят весь Конгресс?

— Президент собирается обратиться за полномочиями непосредственно к Конгрессу.

— Он их получит?

Старик промолчал и нахмурился еще больше.

Совместное заседание обеих палат Конгресса было секретным, но мы присутствовали по прямому указанию Президента и сидели на маленьком балкончике позади трибуны. Открыли заседание с соблюдением всех формальностей, затем «поставили в известность» Президента. Он явился сразу же, в сопровождении своих помощников и телохранителей, но охрана теперь состояла из наших людей.

Мэри тоже оказалась в свите. Кто-то поставил рядом с Президентом складное кресло для нее; она делала пометки в своем блокноте и то и дело вручала Президенту какие-то бумаги — короче, изображала секретаршу. Но на этом маскарад заканчивался. Выглядела она словно Клеопатра в теплую ночь — одним словом, так же неуместно, как кровать в церкви. Внимание на нее обращали не меньше, чем на Президента.

Я перехватил ее взгляд, и она улыбнулась. Я тоже расплылся в улыбке, но Старик тут же ткнул меня в бок. Пришлось возвращаться с небес на землю.

Президент четко и последовательно объяснил Конгрессу ситуацию. Прямолинейностью и логикой доклад больше напоминал отчет о конструкторских разработках — и примерно в такой же мере был эмоционален. Президент просто излагал факты. Затем отложил текст и продолжил:

— Ситуация складывается столь необычная и страшная, столь далекая от всего того, с чем приходилось сталкиваться стране, что для преодоления кризиса я вынужден просить Конгресс о предоставлении широких полномочий. В некоторых районах необходимо будет ввести военное положение. На какое-то время нам придется пойти на значительное ущемление гражданских прав. Свобода перемещения должна быть ограничена. Неприкосновенность от обысков и арестов долж-

на уступить место праву на безопасность для всех. Поскольку любой гражданин, независимо от его положения в обществе и лояльности, может против своей воли оказаться прислужником нашего тайного врага, всем гражданам придется смириться с некоторым ограничением прав и в какой-то мере поступиться личным достоинством до полной победы над чумой. Я с тяжелым сердцем прошу Конгресс утвердить эти крайне необходимые меры.

Президент сел.

Настроение зала определить обычно не сложно. Они были явно обеспокоены, но все же Президент не убедил их до конца. Вице-президент поглядывал на лидера сенатского большинства: по договоренности он должен был предложить резолюцию.

Не знаю, то ли лидер большинства покачал головой, то ли просигналил еще как-то, но на трибуну он не поднялся. Неловкая пауза затягивалась, а из зала то и дело выкрикивали: «Господин Президент!» и «Тихо! Тихо!»

Вице-президент, не замечая других желающих выступить, предоставил слово члену своей партии, сенатору Готлибу. Этот «гвардейский конь» проголосует даже за свое собственное линчевание — главное, чтобы оно было включено в программу партии. Начал Готлиб с заверений собравшихся в своей крайней преданности Конституции, «Биллю о правах» и чуть ли не Гранд-Каньону. Затем скромно упомянул свою долгую службу и очень высоко отозвался о месте Америки в истории. Я поначалу подумал, что он просто тянет время, пока команда выработает новые формулировки, но потом вдруг понял, к чему все это говорится: он предлагал изменить порядок работы заседания с тем, чтобы отстранить в порядке импичмента и предать суду Президента Соединенных Штатов!

Видимо, не до одного меня дошло не сразу: сенатор так густо пересыпал свою речь трескучими ритуальными фразами, что трудно было понять, в чем суть его предложения. Я посмотрел на Старика.

Тот не отрывал глаз от Мэри.

Она в свою очередь смотрела на него, словно ей не терпелось сообщить какую-то важную новость.

Старик выхватил из кармана отрывной блокнот, что-то торопливо нацарапал, сложил записку и кинул ее Мэри. Она поймала записку налету, прочла и передала Президенту.

Тот сидел с совершенно беззаботным видом, словно и не замечал, как один из его старых друзей на глазах у всего Конгресса крошит в капусту главу государства и с ним безопасность республики. Он прочитал записку, медленно повернул голову и взглянул на моего шефа. Старик кивнул.

Президент подтолкнул локтем вице-президента. Тот наклонился, и они о чем-то зашептались.

Готлиб все еще гремел. Вице-президент постучал молоточком.

— Прошу прощения, сенатор.

На лице у Готлиба промелькнуло удивление, но он тут же с собой справился.

— Я еще не закончил.

— Я ни в коем случае не хочу лишать вас слова. Но в силу важности предмета вашего выступления вас просят пройти на трибуну.

Готлиб бросил на вице-президента недоуменный взгляд, но все же двинулся вперед. Кресло Мэри загораживало ведущие на трибуну ступеньки, но вместо того, чтобы просто подвинуться, она вдруг засуетилась, потом подняла кресло и повернулась, совсем преградив сенатору путь. Готлиб остановился, и она, покачнувшись, задела его. Тот поймал ее за руку — отчасти чтобы и самому удержаться на ногах. Мэри что-то сказала, он ответил, но слов никто не расслышал. Наконец Готлиб прошел к трибуне.

Старик дрожал, как гончая, завидевшая добычу. Мэри подняла взгляд и кивнула.

— Взять его!— сказал Старик.

В то же мгновение я перемахнул через барьер и в прыжке обрушился на Готлиба. Старик успел крикнуть: «Перчатки!», но времени не было. Я одним рывком разодрал пиджак на спине сенатора, — и увидел под рубашкой пульсирующее тело паразита. Я рванул рубашку — и теперь его могли видеть все.

Чтобы зафиксировать то, что творилось в зале в последующие несколько секунд, не хватило бы и десят-

ка стереокамер. Я двинул Готлиба по голове, чтобы не трепыхался. Мэри придавила ему ноги. Президент вскочил и крикнул: «Вот! Теперь вы все видите!». Вице-президент тоже стоял, но в полной растерянности лишь стучал своим молоточком. Конгресс превратился в толпу, мужчины кричали, женщины визжали. Старик громогласно раздавал приказы президентской охране.

Спустя какое-то время оружие в руках телохранителей и стук молоточка утихомирили страсти, и в зале воцарилось некое подобие порядка. Слово взял Президент. Случай, сказал он, дал конгрессменам возможность увидеть врага своими глазами. Все могут подойти по очереди и посмотреть на пришельца с самого большого спутника Сатурна. Не дожидаясь реакции на свое предложение, он указал на первый ряд и попросил всех сидящих там подняться.

Весь первый ряд двинулся на трибуну.

Мэри оставалась рядом. Люди проходили мимо нас, и одна женщина даже впала в истерику. Когда прошли человек двадцать, я заметил, что Мэри снова подала знак Старику, и на этот раз даже чуть опередил его приказ. Конгрессмен оказался молодым и здоровым, из бывших морских пехотинцев — могла бы завязаться драка, но двое наших стояли рядом, и мы уложили его вместе с Готлибом.

После этого, несмотря на протесты со стороны некоторых конгрессменов, началась повальная проверка. Женщин я хлопал по спине и одну поймал сразу. Чуть позже решил, что поймал еще одну, но, к моему смущению, оказалось, что я ошибся и принял за паразита складки жира. Мэри выявила еще двоих, затем очень долго — около трехсот человек — никто не попадался. Очевидно, носители оттягивали развязку, оставаясь в конце зала.

Восьмерых вооруженных охранников, даже если со мной, Мэри и Стариком получалось одиннадцать стволов, было явно мало, и если бы секретариат не организовал подкрепление, большинство паразитов сумели бы уйти. С помощью дополнительной охраны мы поймали тринадцать слизняков, десять из них живьем. Из носителей только один был тяжело ранен, остальные, можно сказать, не пострадали.

13

Разумеется, Президент получил чрезвычайные полномочия, и Старик стал его главнокомандующим de facto. Наконец-то мы могли двигаться вперед. У Старика уже был готов достаточно простой план. Карантин, который мы предлагали, пока зараза еще не расползлась из Де-Мойна, теперь вряд ли бы помог. Прежде чем начинать сражение, нужно было узнать, где враг. Но правительственные агенты не могут проверить двести миллионов человек, люди должны сделать это сами.

Поэтому первым этапом операции «Паразит» планировался режим «Голая спина». Смысл состоял в том, что все — абсолютно все — должны раздеться до пояса и оставаться раздетыми до тех пор, пока титанцы не будут обнаружены и уничтожены. Женщинам, конечно, можно носить бюстгальтеры с застежкой на спине: в конце концов, паразит не может спрятаться под тонкой лямочкой.

К речи, с которой Президент собрался выступить по стереовидению, мы подготовили специальный фильм. Быстрыми действиями удалось сохранить в живых семь паразитов, что мы поймали в священных залах Конгресса, и все они жили теперь на спинах животных-носителей. Мы решили показать их и частично, без наиболее отвратительных фрагментов, запись моего допроса. Планировалось, что сам Президент появится перед камерами в шортах, а манекенщицы в приложении продемонстрируют образцы одежды этого сезона для «модно раздетых граждан», включая и панцирь для головы и спины, защищающий человека даже во сне.

Все это, непрерывно глотая черный кофе, мы приготовили за одну ночь. В качестве «убойного» финала программы планировался фрагмент заседания Конгресса, обсуждающего чрезвычайное положение, где все — и мужчины, и женщины — сидят с голыми спинами.

За двадцать восемь минут до эфира Президенту позвонили из здания Конгресса. Я при этом присутствовал, поскольку Старик с Президентом работали всю ночь, а меня держали при себе для различных поручений. Мы все были в шортах, поскольку в Белом доме

уже вступил в силу режим «Голая спина». Президент даже не стал глушить от нас свои реплики в трубку.

— Да, — ответил он. — Ты уверен? Хорошо, Джон, что ты посоветуешь?... Ясно. Нет, я думаю, это не пойдет... Видимо, мне лучше явиться самому. Скажи им, пусть подготовятся. — Президент оттолкнул от себя аппарат и приказал одному из своих помощников: — Передай, пусть немного задержат эфир. — Затем повернулся к Старику. — Пойдем, Эндрю. Нам нужно в Капитолий.

Он послал за своим камердинером и направился в гардеробную рядом с кабинетом. Вскоре вышел, уже полностью одетый как для важного государственного мероприятия, но ничего не стал объяснять. Все остальные как были в «гусиной коже» так и двинулись в Капитолий.

Там снова шло совместное заседание, и у меня возникло такое чувство, будто я оказался в церкви без штанов: все конгрессмены и сенаторы были одеты как обычно. Потом я заметил, что курьеры щеголяют в одних шортах, без рубашек, и мне стало немного легче.

Некоторым, очевидно, легче умереть, чем потерять достоинство. Сенаторы здесь среди первых, да и конгрессмены не отстают. Они дали Президенту полномочия, которые он запрашивал, режим «Голая спина» тоже обсудили и одобрили. Но никто не хотел понимать, что это касается и их самих. В конце концов, их ведь уже досмотрели и признали чистыми. Возможно, кто-то и осознавал, что это не бог весть какой довод, но никому не хотелось быть инициатором публичного стриптиза. Они сидели одетые и уверенные в себе.

Поднявшись на трибуну, Президент выждал до полной тишины в зале, а затем медленно и спокойно начал раздеваться. Оставшись голым по пояс, он повернулся спиной к залу, расставил руки, и лишь после этого заговорил.

— Я сделал это, чтобы вы могли видеть: руководитель государства не стал пленником врага. — Президент выдержал паузу. — А как насчет *вас*?

Последнее слово он выкрикнул, окинув взглядом весь зал, затем ткнул пальцем в младшего секретаря.

— Например, ты, Марк Каммингс! Ты лояльный гражданин Соединенных Штатов или зомби, работающий на захватчиков? Рубашку, быстро!

— Господин Президент... — С места поднялась Чарити Эванс из штата Мэн. С виду — симпатичная учительница. Я сразу заметил, что она хотя и полностью одета, но на ней вечернее платье. До пола, но с таким вырезом, что дальше некуда. Она повернулась, словно манекенщица: выше поясницы спина была голая.

— Этого достаточно, господин Президент?

— Вполне достаточно, мадам.

Каммингс с красным как свекла лицом расстегивал пиджак. В центре зала встал еще кто-то — сенатор Готлиб. Выглядел он так, словно ему лучше было бы остаться на больничной койке: серые щеки запали, губы совсем посинели. Но держался он прямо и с невероятным достоинством последовал примеру Президента. Затем обернулся, показывая спину всем собравшимся: после паразита на спине еще оставалась красная сыпь.

— Вчера вечером, — произнес он, — я стоял в этом зале и говорил вещи, которые в обычных обстоятельствах меня не заставили бы сказать даже под пыткой. Вчера вечером я не принадлежал самому себе. Сегодня я — это я. Вы что, не видите, что Рим горит? — Неожиданно у него в руке появился пистолет. — Всем встать, черт бы вас побрал! Если через две минуты я не увижу чью-то голую спину, стреляю!

Люди рядом с ним попытались схватить его за руки, но он отмахнулся пистолетом как мухобойкой, разбив одному из них лицо. Я тоже выхватил пистолет, приготовившись его поддержать, но в этом уже не было необходимости. Все и без того поняли, что он опасен, как разъяренный бык, и вокруг него мгновенно образовалось пустое пространство.

На несколько секунд все замерли, а потом вдруг принялись скидывать одежду, словно духоборы. Один человек метнулся было к выходу, но его тут же сбили с ног. У него, правда, паразита не оказалось, но зато мы поймали троих других. В эфир Президент вышел на десять минут позже, и Конгресс начал первое за всю историю заседание «с голыми спинами».

14

«Заприте двери!»

«Закройте заслонки в каминах!»

«Ни в коем случае не ходите в неосвещенных местах!»

«Остерегайтесь толп!»

«Человек в пиджаке — враг: стреляйте!»

На страну обрушилась лавина пропаганды. Одновременно на всей территории с воздуха проводился поиск летающих тарелок. Все службы слежения за околоземным пространством несли постоянное боевое дежурство. Воинские подразделения, от десантников до ракетных частей, ждали наготове, чтобы по первому приказу уничтожить любой неопознанный летающий объект.

В незараженных районах люди снимали рубашки, кто добровольно, кто под принуждением, осматривались и не находили никаких паразитов. Они следили за новостями, недоумевали и ждали, когда правительство объявит, что опасность миновала. Но ничего нового не происходило, и у людей — как у простых людей, так и у официальных лиц — стали появляться сомнения: стоит ли, мол и дальше бегать по улицам в костюмах для загара?

Зараженные области? Как ни странно, сообщения оттуда почти не отличались от сообщений из других мест.

Во времена господства радио такого бы не случилось: вашингтонская станция, откуда передали экстренное сообщение, просто перекрыла бы всю страну. Но стереовидение работает на волнах гораздо более коротких и требует релейных станций в пределах прямой видимости, поэтому местные студии обслуживаются местными же станциями — цена, которую мы платим за многоканальное вещание и высокое качество изображения.

В зараженных районах всеми телестанциями заправляли паразиты и люди просто не услышали предупреждения правительства.

Тем не менее к нам в Вашингтон поступало множество сообщений, свидетельствовавших о том, что нас там слышали. Из Айовы, например, шли такие же доклады, как, скажем, из Калифорнии. Губернатор Айовы

одним из первых откликнулся на обращение Президента и пообещал полную поддержку. Они даже передали запись выступления губернатора перед избирателями, где он был по пояс голый. Губернатор стоял лицом к камере, и меня так и подмывало сказать ему, чтобы повернулся спиной. Затем пошло изображение с другой камеры: на экране появилась спина крупным планом, а из динамика слышался все тот же голос губернатора. Мы смотрели передачу в президентском конференц-зале. Президент велел Старику оставаться при нем. Я остался за компанию, а Мэри по-прежнему несла бессменное дежурство. Кроме нас, присутствовали шеф секретной службы Мартинес и верховный главнокомандующий, маршал авиации Рекстон.

Президент досмотрел передачу до конца и повернулся к Старику.

— И что же, Эндрю? Мне показалось, именно Айову ты предлагал окружить кордоном.

Старик пробормотал что-то неразборчивое.

— Насколько я понимаю... — сказал маршал Рекстон. — Хотя у меня и не было времени, чтобы разобраться в ситуации досконально, но я думаю, они ушли в подполье. Возможно, нам придется прочесывать подозрительные районы дюйм за дюймом.

— Прочесывать Айову копну за копной, мне совсем не улыбается, — пробурчал Старик.

— Как же вы предлагаете справиться с этой проблемой, сэр?

— Прежде всего надо понять, с кем мы имеем дело. Они не могут уйти в подполье, потому что им обязательно нужны носители.

— Что ж... Предположим, это действительно так. Как по-вашему, сколько в Айове паразитов?

— Откуда мне, черт побери, знать? Они со мной не поделились этими сведениями.

— Но если предположить по максимуму? Если...

— У вас нет никаких оснований для подобных предположений, — перебил Старик маршала. — Неужели вы не поняли, что титанцы выиграли еще один раунд?

— Э-э-э...

— Мы только что слушали губернатора. И нам дали взглянуть на его спину — скорее всего, на чью-то

чужую спину. Но вы заметили, что он ни разу не повернулся перед камерой?

— Повернулся, — сказал кто-то. — Я сам видел.

— У меня, во всяком случае, создалось впечатление, что он повернулся, — медленно произнес Президент. — Ты хочешь сказать, что губернатор Паккер тоже во власти паразитов?

— Безусловно. Вы видели именно то, что они хотели показать. Перед тем как он повернулся, пошло изображение другой камеры, но люди практически никогда не обращают на это внимания. Можете не сомневаться, господин Президент: сообщение из Айовы сфабриковано.

Президент задумался. Заговорил Мартинес:

— Это невозможно. Допустим, что обращение губернатора к избирателям — подделка; для хорошего актера, в конце концов, это совсем не сложная роль. Но мы могли выбрать любой из множества каналов стереовещания Айовы. Как насчет тех репортажей с улиц Де-Мойна? Только не говорите мне, что можно «сфабриковать» сотни по пояс голых людей, расхаживающих по улицам! Или ваши паразиты занимаются еще и массовым гипнозом?

— Насколько мне известно, такой способностью они не обладают, — согласился Старик. — Иначе нам точно крышка. Но с чего вы взяли, что это Айова?

— Э-э-э... Ну как же? Ведь передача шла по каналам вещания Айовы.

— И что это доказывает? Вы заметили названия улиц? По виду типичная улица с магазинами в центре города. И если не обращать внимания на слова комментатора, то какой город мы видели?

Шеф службы безопасности замер с открытым ртом. У меня почти идеальная зрительная память, как и положено агенту, и я мысленно прокрутил еще раз только что увиденный сюжет. Мало того, что я не мог сказать, какой это город — Мемфис, Сиэтл, Бостон или что-то еще. В Америке большинство городских центров похожи друг на друга как стандартные парикмахерские.

— Не напрягайтесь, — сказал Старик. — Я специально выискивал какие-нибудь характерные особенности, но и мне это не удалось. Объяснение тут очень простое: видеостанция Де-Мойна записала уличную сцену

с голыми спинами, что транслировал какой-нибудь другой, незахваченный, город и передала ее по своему каналу с собственными комментариями. При этом они вырезали все, что могло дать какую-то привязку к местности, и мы проглотили наживку, ничего не заподозрив. Враг отлично нас знает, джентльмены. Всю кампанию они разработали до мельчайших деталей и готовы переиграть нас, какой бы ход мы не сделали.

— Но, может быть, ты просто паникуешь, Эндрю? — сказал Президент. — Есть и еще одно объяснение: вдруг титанцы просто перебазировались куда еще?

— Они по-прежнему там, — категорично заявил Старик, — но это, конечно, ничего не доказывает. — Он махнул рукой на стереоэкран.

Мартинес поежился.

— Черт-те что! Вы утверждаете, что мы не можем получить из Айовы ни одного достоверного сообщения, словно эта территория оккупированна.

— Так оно и есть.

— Но я был в Де-Мойне только два дня назад. Там все было нормально. Ладно, я не сомневаюсь, что ваши паразиты существуют, хотя сам ни одного не видел. Но давайте тогда отыщем их и вырвем эту заразу с корнем вместо того, чтобы сидеть на месте и придумывать фантастические объяснения.

Старик устало вздохнул и сказал:

— Чтобы захватить страну, достаточно подчинить себе связь. Вам, мистер Мартинес, лучше поторопиться, а то вы останетесь вообще без связи.

— Но я только...

— Это ваша работа, вот и вырывайте их с корнем! — перебил его Старик. — Я вам уже сказал, что они в Айове. И в Нью-Орлеане, и еще в десятке других мест. Свою работу я сделал. — Он встал. — Господин Президент, в моем возрасте нелегко обходиться так долго без сна. Не доспав, я, бывает, срываюсь. Могу я немного отдохнуть?

— Да, конечно, Эндрю.

На самом деле Старик никогда не срывается, и я думаю, Президент знал это. Он просто заставляет срываться других.

Тут снова заговорил Мартинес:

— Подождите! Вы позволили себе кое-какие необоснованные утверждения. Я бы хотел устроить проверку прямо сейчас. — Он повернулся к главнокомандующему. — Рекстон!

— Э-э-э.. Да, сэр.

— Там около Де-Мойна недавно построена база. Форт как его там, названный в честь этого, не помню...

— Форт-Паттон.

— Точно. Нечего тянуть. Пусть нас соединят по линии связи командования.

— С изображением.

— Разумеется, с изображением, и мы покажем этому... Я хочу сказать, мы увидим истинное положение дел в Айове.

С разрешения Президента маршал подошел к стереоэкрану, связался со штабом службы безопасности и приказал вызвать дежурного офицера в Форт-Паттоне, штат Айова.

Спустя несколько минут на экране появился молодой офицер на фоне приборов центра связи. Он сидел по пояс голый, а звание и род войск были обозначены на фуражке. Мартинес с победной улыбкой повернулся к Старику.

— Ну что, видите?

— Вижу.

— Чтобы вы убедились до конца... Лейтенант!

— Да, сэр! — Молодой офицер несколько ошарашенно переводил взгляд с одной знаменитости на другую. Передача и прием были отлично синхронизированы; изображение смотрело именно туда, куда переводил глаза дежурный.

— Встаньте и повернитесь, — приказал Мартинес.

— Э-э-э... Есть, сэр. — Он с удивленным видом повиновался, но при этом верхняя часть тела скрылась из поля зрения передающей камеры Мы видели его голую спину, но только чуть выше поясницы.

— Черт! — не сдержался Мартинес. — *Сядьте* и повернитесь!

— Есть, сэр! — Молодой человек, казалось, смутился, потом добавил: — Секунду, я увеличу угол зрения камеры.

Изображение вдруг расплылось, и по стереоэкрану забегали радужные полосы, однако голос офицера все еще был слышен:

— Вот... Так лучше, сэр?

— Черт побери, мы вообще ничего не видим!

— Не видите? Секундочку, сэр.

Неожиданно экран ожил, и в первое мгновение я решил, что наладилась связь с Форт-Паттоном. Но на этот раз на экране появился майор, и кабинет за его спиной казался больше.

— Штаб службы безопасности, сэр, — доложило изображение. — Дежурный офицер связи, майор Донован.

— Майор, — произнес Мартинес сдержанно, — у нас был разговор с Форт-Паттоном. Что произошло?

— Да, сэр, я следил на контрольном экране. Небольшие технические неполадки. Мы сейчас же восстановим связь.

— Поторопитесь!

— Есть, сэр. — Экран зарябил и погас.

Старик встал.

— Ладно, я пошел спать. Позвоните мне, когда устранят эти «небольшие технические неполадки».

Я, честное слово, не хотел, чтобы у вас создалось впечатление, будто Мартинес глуп. Никто поначалу не верил, на что способны эти твари. Нужно увидеть хотя бы одного паразита своими глазами — и тогда уже вы поверите всей душой.

У маршала Рекстона с головой тоже, разумеется, все в порядке. Они попытались связаться еще с несколькими частями в пораженных районах, и, убедившись, что «технические неполадки» возникают слишком удобно для паразитов, проработали всю ночь. Около четырех утра они позвонили Старику, а тот вызвал меня.

Все собрались в том же кабинете — Мартинес, Рекстон, еще двое шишек и Старик. Когда я подошел, явился Президент в махровом халате. Мэри следовала за ним по пятам. Мартинес начал что-то говорить, но Старик его перебил:

— Ну-ка покажи спину, Том.

Мэри просигналила, что все в порядке, но Старик сделал вид, что не замечает ее.

— Я серьезно, — добавил он.

— Ты прав, Эндрю, — сказал Президент спокойно и, скинув халат до пояса, предъявил голую спину. — Если я не буду показывать пример, то как мне тогда добиться поддержки от всех остальных?

Мартинес и Рекстон утыкали всю карту страны булавками: красные — для пораженных районов, зеленые — для чистых и еще несколько янтарных. Айова напоминала щеки больного корью. Нью-Орлеан и округ Тич выглядели не лучше. Канзас-Сити тоже. Верхняя часть системы Миссури-Миссисипи от Миннеаполиса и Сент-Пола до самого Сент-Луиса уже находилась во власти врага. Ниже к Нью-Орлеану красных булавок становилось меньше, но зеленых не было. Красное пятно расползлось вокруг Эль-Пасо, и еще два выделялись на восточном побережье.

Президент подошел и осмотрел карту.

— Нам понадобится помощь Канады и Мексики, — сказал он. — Оттуда есть какие-нибудь сообщения?

— Ничего достоверного, сэр.

— Канада и Мексика — это только начало, — серьезно произнес Старик. — Нам понадобится помощь всего мира.

— Видимо, — сказал Рекстон. — А как насчет России?

На этот вопрос никто ответить не мог. Слишком большая страна, чтобы оккупировать, и слишком большая, чтобы не обращать внимания. Третья мировая война не решила никаких связанных с Россией проблем, да и никакая война не сможет их решить. Однако паразиты могут устроиться там, как у себя дома.

— Когда время подойдет, мы с этим разберемся, — сказал Президент и провел пальцем по карте. — Связь с восточным побережьем нормальная?

— Похоже, все в порядке, сэр, — сказал Рекстон. — Видимо, они не трогают транзитные сообщения. Тем не менее я распорядился перевести всю военную связь на спутниковую трансляцию. — Он взглянул на палец с часами. — Сейчас работает станция «Гамма».

— Хм-м-м... Эндрю, а могут эти твари захватить космическую станцию? — спросил Президент.

— Откуда мне знать? — раздраженно ответил Старик. — Я понятия не имею, на что способны их корабли. Скорее всего, они попытаются сделать это, заслав туда лазутчиков на ракетах, доставляющих припасы.

Завязалась дискуссия о том, захвачены ли уже космические станции или нет: режим «Голая спина» на них не распространялся. Хотя мы и финансировали их, и строили сами, формально они считались территорией ООН.

— На этот счет можете не беспокоиться, — сказал Рекстон.

— Почему? — спросил Президент.

— Наверно, я единственный из всех собравшихся, кому довелось служить на орбитальной станции. И могу сказать, джентльмены, там всегда одеваются так же, как одеты сейчас мы. Появиться на станции полностью одетым — это все равно что здесь выйти в пальто на пляж. Однако мы сейчас убедимся. — И он отдал распоряжение своему помощнику связаться со станцией.

Президент вернул взгляд на карту.

— Насколько нам известно, вся эта зараза расползается отсюда, — сказал он, ткнув пальцем в Гриннелл в штате Айова.

— Насколько нам известно, — согласился Старик.

— О боже! — выдохнул я, и все повернулись ко мне.

— Продолжай, — сказал Президент.

— До того как меня спасли, было еще три посадки. Это я знаю совершенно точно.

Старик уставился на меня в полном недоумении.

— Ты уверен, сынок? Я полагал из тебя выжали все, что можно.

— Конечно, уверен.

— Почему ты об этом не сказал?

— Просто я до сих пор ни разу об этом не вспоминал. — Я попытался объяснить им, каково это — находиться во власти паразита, когда знаешь, что происходит, но все кажется тебе будто в тумане, одинаково важным и в то же время одинаково неважным. От этих воспоминаний мне даже не по себе стало. Я, вообще-то,

не из слабонервных, но рабство у титанцев бесследно не проходит.

— Не волнуйся, сынок, — сказал Старик, а Президент успокаивающе улыбнулся.

— Главный вопрос в том, где они приземлились. Может быть, мы сумеем захватить корабль, — сказал Рекстон.

— Сомневаюсь. При первой посадке они замели следы буквально в считанные часы, — ответил Старик и задумчиво добавил: — Если это была первая посадка.

Я подошел к карте и попытался вспомнить, даже вспотел. Затем указал на Нью-Орлеан.

— Один, я почти уверен, сел здесь, — сказал я, продолжая есть карту глазами. — А про два других не знаю.

— Вы что, не можете вспомнить? — взвился Мартинес. — Думайте, молодой человек, думайте!

— Я действительно не знаю. Мы никогда не знали, что планируют хозяева, практически никогда. — Я напрягся так, что у меня голова заболела, затем показал на Канзас-Сити. — Сюда я посылал несколько сообщений, но опять-таки не знаю, то ли это заказы на доставку ячеек, то ли еще что.

Рекстон взглянул на карту.

— Будем считать, что около Канзас-Сити тоже была посадка. Я поручу своим специалистам разобраться. Если рассматривать это как задачу по анализу материально-технического снабжения противника, мы, возможно, выясним, где сел еще один корабль.

— Или не один, — поправил его Старик.

— А? Да. Или не один. — Рекстон повернулся и застыл у карты.

16.

Задним умом все крепки. Когда приземлилась первая тарелка, угрозу можно было устранить одной бомбой. Когда Старик, Мэри и я проводили разведку в районе Гриннелла, мы сами могли бы уничтожить всех паразитов, если бы только знали, где их искать.

Если бы режим «Голая спина» ввели хотя бы к концу первой недели, одного этого оказалось бы достаточно, чтобы справиться с захватчиками. А так, мы быстро поняли, что в качестве наступательной меры режим себя не оправдал. Как способ обороны, он был полезен: незараженные районы, во всяком случае, такими и оставались. В отдельных случаях мы даже добились успехов в наступлении: удалось очистить зараженные, но не захваченные полностью города. Вашингтон, например, и Нью-Филадельфию. Нью-Бруклин, где я мог указать конкретные адреса. Все восточное побережье на карте стало зеленым.

Но по мере поступления информации из центральных районов страны в середине карты расползалось большое красное пятно. Теперь, когда настенную карту с булавками заменила огромная, с масштабом десять миль на дюйм, электронная панель во всю стену конференц-зала, сердце страны горело ярким рубиновым огнем. Панель, разумеется, только дублировала сигналы из военного ведомства; оригинал находился на одном из подземных ярусов Нового Пентагона.

Страна разделилась на две части, словно какой-то гигант пролил на равнинные области в центре красную краску. По краям захваченной паразитами полосы шли две янтарные ленты — только там на самом деле велись активные действия, в местах, где в пределах прямой видимости был возможен прием стереопередач как вражеских станций, так и тех, что еще оставались в руках свободных людей. Одна начиналась неподалеку от Миннеаполиса, огибала с запада Чикаго и с востока Сент-Луис, а дальше змеилась через Теннесси и Алабаму к Мексиканскому заливу. Вторая тянулась через Великие равнины и заканчивалась у Корпус-Кристи. Эль-Пасо находился в центре еще одной красной зоны, не соединенной с основной.

Я сидел один и пытался представить себе, что происходит в этих пограничных районах. Президент отправился на встречу Кабинета министров и взял с собой Старика. Рекстон со своими чинами отбыл чуть раньше. Я остался ждать, просто потому, что шататься без дела по Белому дому как-то не тянуло. Сидел и с волнением глядел на панель-карту, где янтарные огни то и дело

сменялись красными и, гораздо реже, красные — зелеными или янтарными.

Мне очень хотелось знать, как посетитель без официального статуса может получить в Белом доме завтрак. Встал я в четыре утра, но с тех пор выпил только чашечку кофе, приготовленного камердинером Президента. Еще больше хотелось в туалет. Наконец я не выдержал и начал пробовать двери. Первые две оказались запертыми, но третья вела как раз туда, куда нужно. Поскольку таблички «Исключительно для Президента» там не было, я решил воспользоваться.

Когда я вернулся, в зале меня ждала Мэри.

Я захлопал глазами.

— Я думал, ты с Президентом.

— Меня вытурили, — сказала она, улыбнувшись. — Там пока Старик.

Я решился.

— Знаешь, я давно хотел поговорить с тобой, но до сих пор все не удавалось. Похоже, я э-э-э... Короче, мне не следовало... Я имею в виду, что Старик сказал... — Я умолк, обнаружив, что здание тщательно отрепетированной речи лежит в руинах, и наконец выдавил: — В общем, я был не прав.

Она тронула меня за руку.

— Сэм. Ну что ты, успокойся. Из того, что ты знал, выводы у тебя сложились вполне логичные. Но для меня самое главное, что ты сделал это ради меня. Остальное не имеет значения, и я счастлива, что у нас все по-старому.

— Э-э-э... Только не будь такой благородной и всепрощающей. Это невыносимо.

Она весело улыбнулась, но эта улыбка показалась мне уже не такой мягкой как первая.

— Сэм, мне кажется, тебе нравится, чтобы в женщинах было немного стервозности. Хочу тебя предупредить, я это умею. Ты, видимо, еще переживаешь из-за той пощечины. Мы можем рассчитаться. — Она протянула руку и легонько шлепнула меня по щеке. — Ну вот, мы в расчете, и можешь об этом забыть.

Выражение ее лица внезапно изменилось. Она размахнулась и — я думал, у меня голова отвалится.

— А это, — произнесла она зловещим шепотом, — за ту, что я получила от твоей подружки!

В ушах у меня звенело, комната плыла перед глазами. Впечатление было такое, будто меня огрели дубиной. Мэри смотрела настороженно и непокорно — даже зло, если раздутые трепещущие ноздри о чем-нибудь говорят. Я поднял руку, и она напряглась, но я просто хотел потрогать щеку.

— Она вовсе не моя подружка, — сказал я растерянно.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно расхохотались. Мэри обняла меня за шею, затем, все еще смеясь, уронила голову на правое плечо.

— Прости, Сэм, — произнесла она, борясь со смехом. — Каюсь, ты ничем этого не заслужил. Во всяком случае, мне следовало сдержаться и не бить тебя так сильно.

— Черта с два ты в чем-то раскаиваешься, — проворчал я. — Так вломила, что чуть шкуру не содрала.

— Сэм, бедненький, — Мэри дотронулась до горячей щеки. — Она в самом деле не твоя подружка?

— Да нет же, что и обидно. Хотя я старался.

— Не сомневаюсь. А кто же твоя подружка?

— Ты, колдунья.

— Теперь да, — подтвердила она. — Вся твоя. Если ты согласен. Я уже говорила тебе. Оплачена, куплена — можешь брать.

Она чуть наклонилась, ожидая поцелуя, но я ее оттолкнул.

— Бог с тобой, женщина! В таком виде ты мне не нужна.

Ее это не остановило.

— Я неправильно выразилась. Оплачена, но не куплена. Я здесь, потому что сама этого хочу. Ну теперь-то ты меня поцелуешь?

Она уже целовала меня один раз. Теперь же она сделала это по-настоящему. Я почувствовал, что тону в каком-то теплом золотистом тумане, откуда мне совсем не хотелось возвращаться. Наконец я оторвался от нее и выдохнул:

— Видимо, мне лучше сесть.

— Спасибо, Сэм, — сказала она и усадила меня на диван.

— Мэри, — сказал я, спустя какое-то время, — дорогая, я думаю, ты можешь здорово меня выручить.

— Да? — с готовностью отозвалась она.

— Как тут у них заполучить завтрак? Я умираю с голода.

Мэри удивленно вскинула брови, потом сказала:

— Я сейчас.

Не знаю, как она это сделала, — может быть, просто забралась на кухню Белого дома и взяла, что понравилось, — но вскоре вернулась с горой сандвичей и двумя бутылками пива.

Уписывая третий кусок хлеба с копченым мясом я спросил:

— Как ты думаешь, долго они еще будут совещаться?

— Думаю, как минимум, два часа. А что?

— Тогда... — Я проглотил последний кусок, — ...у нас есть время сбежать, найти регистрационную контору, пожениться и вернуться назад, прежде чем Старик нас хватится.

Мэри молчала, разглядывая пузырьки в своей бутылке пива.

— Что скажешь?— не отставал я.

— Я сделаю, как ты пожелаешь, — ответила она, поднимая взгляд. — Можешь во мне не сомневаться. Но лучше будет подождать.

— Ты не хочешь выходить за меня?

— Сэм, я думаю, ты еще не готов жениться.

— Говори за себя!

— Не сердись, дорогой. Я — твоя, с контрактом или без, в любое время, в любом месте. Но ты меня совсем не знаешь. Лучше сначала привыкни: вдруг передумаешь?

— У меня нет такой привычки.

Она посмотрела на меня и отвела печальный взгляд в сторону. Я почувствовал, что краснею.

— То были особые обстоятельства, и теперь такого с нами еще сто лет не случится. Я был сам не свой, и...

— Я знаю, Сэм, — остановила она меня. — Тебе незачем оправдываться. Я не убегу от тебя, и, пожалуйста, не думай, что я осторожничаю. Просто увези меня куда-нибудь на выходные, а еще лучше — переселяйся ко мне. Если решишь, что я подхожу, у тебя будет достаточно времени сделать из меня «порядочную женщину», как говорила моя прабабушка, хотя одному богу известно, зачем это нужно.

Вид у меня, должно быть, был невеселый. Она накрыла мою руку своей и сказала серьезным тоном:

— Взгляни на карту, Сэм.

Я повернул голову. Красного цвета даже прибавилось: зона вокруг Эль-Пасо стала больше.

— Давай сначала разберемся с этим делом, хорошо? После, если не передумаешь, ты снова сделаешь мне предложение. А пока у тебя будут все права и никаких обязательств.

Казалось бы, чего еще желать? Но мне хотелось совсем другого. Странно, но приходит время, когда мужчина, который всю жизнь считал, что супружество хуже чумы, вдруг решает, что на меньшее он просто не согласен. С чего бы это?

Когда совещание закончилось, Старик прихватил меня с собой и повел прогуляться. Да, именно прогуляться, хотя мы дошли только до Мемориальной скамьи Баруха. Там Старик сел и с мрачным выражением лица долго вертел в руках свою трубку. Духота стояла, как бывает только в Вашингтоне, и в парке почти никого не было.

— Сегодня в полночь начинается операция «Ответный удар», — сказал он наконец, затем помолчал и добавил: — Мы выбрасываем десант на все ретрансляционные станции, телестудии, редакции и отделения связи в «красной» зоне.

— Неплохо, — отозвался я. — Сколько людей участвуют в операции?

Не отвечая на вопрос, Старик произнес:

— Мне это совсем не нравится.

— В смысле?

— Видишь ли... Президент вышел в эфир и приказал гражданам Соединенных Штатов раздеться до пояса.

Однако нам стало известно, что его обращение не достигло пораженных районов. Что дальше?

Я пожал плечами.

— Видимо, операция «Ответный удар».

— Операция еще не началась. Думай. Прошло больше суток. Что должно было произойти, но не произошло?

— А я должен догадываться?

— Должен, если ты хоть чего-то стоишь сам по себе. Держи. — Он протянул мне ключ от машины. — Сгоняй в Канзас-Сити и хорошенько осмотрись. Держись подальше от теле- и радиостанций, от полицейских и... Короче, ты знаешь их тактику лучше меня. Держись подальше от *этих*. Но все остальное осмотри внимательно и не вздумай попасться им в лапы. — Старик взглянул на перстень с часами и добавил: — Тебе нужно вернуться не позже половины двенадцатого. Вперед.

— Не так много времени, чтобы осмотреть весь город, — пожаловался я. — Только на то, чтобы добраться туда, уйдет часа три.

— Больше, — сказал Старик. — Не превышай скорость и не привлекай к себе внимания.

— Ты же знаешь, черт побери, что я вожу машину очень осторожно.

— Двигай!

Я двинул. Машина — та же самая, на которой мы прибыли, — стояла на платформе Рок-Крик-Парк. Движения почти не было, и я поинтересовался у диспетчера, в чем дело.

— Все грузовые и коммерческие перевозки приостановлены, — ответил он. — Чрезвычайное положение... Кстати у тебя есть пропуск?

Я мог бы связаться со Стариком и получить пропуск в два счета, но беспокоить его из-за таких мелочей себе дороже. Поэтому я просто сказал:

— Проверь машину.

Диспетчер пожал плечами и ввел номер машины с свой компьютер. Видимо, моя догадка оказалась верной, потому что он удивленно вскинул брови и сказал:

— Ну и дела! Ты не иначе как в президентской охране работаешь.

Взлетев, я запрограммировал нужное направление, набрал максимально допустимую скорость и, откинув-

шись на сиденье, задумался. Каждый раз, когда при переходе из одной системы транспортного контроля в другую, машину цеплял радарный луч, панель управления отзывалась коротким «бип», но экран оставался чистым. Очевидно, даже при объявленном чрезвычайном положении машина Старика могла передвигаться где угодно. Я попытался представить себе, что произойдет, если я проскользну на этой машине в «красную зону, и тут до меня дошло, что имел в виду Старик, когда спрашивал: «Что дальше?»

Мы привыкли думать о связи как о телевизионных каналах и радиовещании. Но «связь» означает *любое* движение информации, включая и тетушку Мэми, которая направляется в Калифорнию посплетничать. Паразиты захватили электронные средства связи, однако новости невозможно остановить одними только этими мерами; они лишь замедляют распространение новостей. Следовательно, если паразиты планировали удержать власть в занятых регионах, захват электронных средств связи — это лишь первый шаг.

Какой будет следующий? Они наверняка что-то придумали, и, поскольку я также попадал под определение «связь», мне следовало подумать о том, как их обмануть, иначе — прощай, свобода: Миссисипи и «красная» зона приближались с каждой минутой. Что, интересно, случится, когда кодовый сигнал моей машины уловит станция слежения, захваченная паразитами?

Я решил, что в воздухе будет достаточно безопасно. Главное — не дать им узнать, где я приземлился. Казалось бы, элементарно.

Но не все так просто, когда имеешь дело со службой транспортного контроля, которую иногда называют «воздушным ситом». Разработчики утверждали, что на всей территории Соединенных Штатов даже бабочка не упадет без того, чтобы не сработала автоматическая поисково-спасательная система. Это, конечно, преувеличение, но и я не бабочка.

Пешком я сумел бы пересечь, наверно, любую границу — ни заборы, ни электронные системы, ни патрули, ни комбинированные методы охраны меня не остановят. Но как сделать это незаметно, когда летишь в машине, которая каждые семь минут оставляет позади

один градус долготы? Машина на может состроить глупую невинную физиономию. Однако если я отправлюсь пешком, Старик получит доклад дай бог к концу сентября, а он нужен ему к полуночи.

Как-то разоткровенничавшись, Старик сказал, что он никогда не дает агентам подробных инструкций. Человеку, мол, нужно дать задание, а там пусть сам барахтается. Я тогда заметил, что его метод, должно быть, очень расточителен в смысле людских ресурсов.

— Пожалуй, — признался он. — Но другие методы еще хуже. Я верю в людей и отбираю тех, кто умеет выживать.

— По какому, интересно, принципу, — спросил я, — ты их отбираешь?

Губы его изогнулись в зловещей ухмылке.

— Это те, которые возвращаются с заданий.

«Элихью, — сказал я себе, подлетая к «красной» зоне, — еще немного, и тебе станет ясно, умеешь ли ты выживать... И чтобы ему пусто было!»

Запрограммированный курс пролегал по дуге мимо Сент-Луиса и вел к Канзас-Сити. Но Сент-Луис находился в красной зоне. Карта показывала, что Чикаго все еще в зеленой. Янтарная линия уходила на запад где-то под Ханнибалом в штате Миссури, а мне хотелось пересечь Миссисипи на своей территории: над рекой шириной в милю машину будет видно на радарном экране, как осветительную ракету над пустыней.

Я просигналил в наземную службу, запросил разрешения на спуск до уровня местного движения и, не дожидаясь ответа, рванул вниз, затем перешел на ручное управление, снизил скорость и полетел на север.

На подлете к Спингфилду я, держась поближе к земле, свернул на запад и с выключенным ответчиком, медленно пересек реку над самой водой. Знаю-знаю, в воздухе сигнал ответчика не отключается, но у нас в Отделе не совсем обычные машины. Короче, я надеялся, что люди на местной радарной станции, если и засекут сигнал, то примут меня за лодку.

Я не знал, в чьих руках управление движением на этом берегу, и уже собрался включить ответчик, решив, что так будет легче вписаться в транспортный поток, но тут увидел впереди небольшой разрыв береговой линии.

Никакого притока на карте не было, и я рассудил, что это или залив, или новый, еще не отмеченный канал. Опустив машину чуть ли не на воду, я направился туда. Узкий приток петлял то влево, то вправо; местами кроны деревьев почти смыкались над головой, отчего я чувствовал себя, как пчела в тромбоне, но радарная «тень» получалась идеальная, и если меня кто и заметил раньше, то теперь след машины наверняка потерялся.

Правда, спустя несколько минут я и сам заблудился. Канал змеился, сворачивал, возвращался, и, управляя машиной вручную, я попросту потерял счет поворотам. Я чертыхался и жалел, что у меня не трифибия, которую можно посадить на воду. Однако вскоре в деревьях появился просвет, а за ним полоска ровной земли. Я рванул туда и так резко затормозил, что меня чуть не разрезало ремнем надвое. Машина приземлилась, и мне уже не нужно было изображать зубатку в мутной воде.

Что делать дальше? Где-то недалеко наверняка есть шоссе. Можно отыскать его и двигаться по земле.

Но это глупо, потому что нет времени. Мне просто необходимо было лететь. Знать бы только, кто здесь контролирует транспортную сеть: свободные люди или паразиты?

Стерео я не включал от самого Вашингтона и теперь попытался отыскать новости, но безуспешно. Передавали все, что угодно, кроме новостей. Лекция доктора медицины Миртл Дулайтли «Почему мужья начинают скучать» (спонсор — компания по производству гормональных препаратов «Утаген»); трио певичек, исполняющих «Если ты имеешь в виду, что я думаю, то чего же ты ждешь?»; очередной эпизод из бесконечного сериала «Лукреция познает жизнь» и так далее.

Доктор Миртл выступала полностью одетой. Трио, как и следовало ожидать, было почти раздето, но они ни разу не повернулись спиной. С Лукреции то срывали одежду, то она снимала ее сама, но едва это случалось, или план менялся, или гас свет, и я никак не мог проверить, голая ли у нее спина, — в смысле, есть ли там наездник.

Впрочем, это все равно не имеет значения. Программы могли записать задолго до того, как Президент объявил о режиме «Голая спина». Я щелкал переклю-

чателем каналов, пытаясь отыскать новости, и тут наткнулся на елейную улыбку ведущего какой-то программы. Тот был полностью одет.

Вскоре до меня дошло, что это одна из тех глупых викторин с раздачей призов. Ведущий говорил: « ...и какая-нибудь счастливица, сидящая сейчас у экрана, получит — причем совершенно бесплатно — автоматический домашний бар с шестью функциями производства «Дженерал Атомикс». Кто же это будет? Вы? Вы? Или, может быть, *вы*?» Он повернулся к камере спиной, и я увидел его плечи. Даже под пиджаком было заметно, какой он сутулый — чуть ли не горб на спине. Выходило, что я уже в красной зоне.

Выключив стерео, я заметил, что за мной наблюдают. Неподалеку стоял мальчишка лет девяти. В одних трусах. Впрочем, в его возрасте это совершенно нормально. Я опустил ветровое стекло.

— Эй, парень, где тут шоссе?

— Дорога на Мейкон будет там. Э-э-э... мистер, а это у вас «кадиллак-молния», да?

— Точно. А где это «там»?

— А прокатите?

— Времени нет.

— Возьмите меня с собой, и я покажу.

Я сдался. Когда он забирался на сиденье, я открыл дорожную сумку и достал брюки, рубашку и пиджак.

— Может, мне не стоит одеваться? Люди здесь носят рубашки?

Он смерил меня сердитым взглядом.

— Носят, конечно. Вы куда, думаете, прилетели, мистер? В Арканзас?

Я снова спросил насчет шоссе.

— А можно мне будет нажать кнопку, когда будем взлетать, а?

Пришлось объяснить, что взлетать мы не будем. Он надулся, но все же согласился показать, куда ехать. По пересеченной местности машина шла с трудом, и мне приходилось вести очень внимательно. Мальчишка несколько раз велел сворачивать. Наконец я затормозил и сказал:

— Ты покажешь мне все-таки, где шоссе, или тебе надрать уши?

Он открыл дверцу и выскользнул из машины.

— Эй! — крикнул я.

Мальчишка обернулся и махнул рукой: «Туда!» Я развернул машину и, хотя совсем уже не ожидал, обнаружил шоссе всего в пятидесяти ярдах. Паршивец заставил меня сделать почти полный круг.

Шоссе, конечно, оказалось еще то — ни грамма резины в покрытии. Однако какая-никакая, а дорога, и я двинулся на запад. На все маневры у меня ушел целый час.

Мейкон, штат Миссури, выглядел слишком нормальным, и это настораживало. О режиме «Голая спина» тут явно не слышали. Я начал думать, что, может быть, достаточно будет осмотреть этот городишко и рвануть, пока не поймали, назад. Двигаться в глубь территории, захваченной паразитами, мне совсем не улыбалось. Поджилки тряслись, и очень хотелось дать ход.

Однако Старик сказал: «Канзас-Сити». Я обогнул Мейкон по кольцевой дороге, и выехал на взлетную полосу на западе. Пристроился в очередь на взлет и направился в Канзас-Сити вместе с беспорядочным роем фермерских вертолетов и машин. Приходилось держаться местных ограничений скорости, но это безопасней, чем лезть в магистральный поток с ответчиком, который выдаст мою машину на первом же контрольном пункте. Взлетную полосу обслуживала автоматика, и похоже было, мне удалось вписаться в транспортный поток Миссури, не вызвав ни у кого подозрений.

17

Канзас-Сити практически не пострадал при бомбардировке — только на востоке, где был городок Индепенденс. Соответственно его и не отстраивали заново. С юго-востока можно доехать прямо до Своуп-Парка, но там нужно выбирать: либо ставить машину на стоянку, либо платить за въезд в сам город. Или же можно попасть туда воздухом, но опять-таки приходится делать выбор: либо садиться на поле на северном берегу реки и добираться до города туннелями, либо лететь до одной из стартовых платформ в деловом центре к югу от Мемориального холма.

Я решил не лететь. Не хотелось, чтобы машину засекла следящая система. Туннели мне тоже не нравятся, да и лифты на стартовых платформах: там легко устроить человеку ловушку. Честно говоря, мне вообще не хотелось появляться в городе.

Проехав по шоссе номер 40, я подкатил к заставе у бульвара Мейер. Очередь выстроилась довольно длинная, и, едва сзади подъехала следующая машина, у меня возникло ощущение, что я в ловушке. Однако служащий заставы принял деньги, даже не взглянув на меня. Я, правда, смотрел на него очень внимательно, но так и не понял, есть у него наездник или нет.

Облегченно вздохнув, я миновал заставу, но меня сразу же остановили снова. Впереди резко опустился барьер, и я едва успел затормозить. В окно тут же сунул голову полицейский.

— Проверка безопасности, — сказал он. — Выходите.

Я попытался возразить, но он терпеливо объяснил:

— В городе проводится неделя безопасности. Вот квитанция на машину. Получите ее за барьером. А вам — вон в ту дверь. — Полицейский махнул рукой в сторону здания у дороги.

— Зачем?

— Проверка зрения и рефлексов. Не задерживайте очередь.

В памяти у меня сразу вспыхнула карта, где Канзас-Сити светился красным. Я не сомневался, что город полностью контролируют паразиты, и следовательно, этот добродушный полицейский наверняка таскает на плечах наездника. Но выхода не было — разве что застрелить его и взлететь прямо отсюда. Я подчинился. Недовольно ворча, выбрался из машины и медленно двинулся к зданию. Поставили его наспех, и даже дверь там, как в старину, открывалась вручную. Я толкнул дверь ногой, посмотрел по сторонам и вверх, вошел и оказался в пустой приемной еще с одной дверью.

— Войдите, — крикнули из-за двери.

Держась по-прежнему настороже, я шагнул в кабинет. Там сидели двое мужчин в белых халатах, на лбу у одного из них блестело зеркальце.

— Это займет всего минуту. Идите сюда, — сказал врач с зеркальцем и закрыл за мной дверь. Я услышал, как щелкнул замок.

Устроились они тут даже лучше, чем мы в Конституционном клубе. Прямо на столе стояли транзитные ячейки с хозяевами, уже прогретые и готовые к пересадке. Второй врач протянул ячейку первому — для меня, — но так, чтобы я не видел наездника. В принципе, они и не должны были вызывать у жертвы никаких подозрений: врачи часто работают со всякими непонятными приборами.

Я не сомневался, что меня пригласят сесть и наклониться к окуляру прибора для проверки зрения. «Врач» будет меня отвлекать, заставляя читать контрольные цифры, а его «ассистент» тем временем приладит мне наездника. Тихо, спокойно, без ошибок.

Как я узнал за время своей собственной «службы», для пересадки вовсе не обязательно оголять спину жертвы. Достаточно посадить хозяина на шею, и спустя секунду рекрут сам поправит одежду, чтобы спрятать паразита.

— Сюда, пожалуйста, — повторил приглашение «врач». — Глазами к окуляру.

Я быстро подошел к лабораторному столу, где стоял тестер, и резко повернулся.

«Ассистент» двигался на меня с готовой ячейкой в руке, и, когда я повернулся, он наклонил ее к себе, чтобы я не видел, что внутри.

— Доктор, — сказал я. — У меня контактные линзы. Может быть, снять?

— Не надо, — нетерпеливо ответил он. — Давайте не будем терять время.

— Но, доктор, я бы хотел, что бы вы проверили, насколько хорошо они подходят. С левой линзой что-то не так... — Я поднял руки и оттянул веки вверх и вниз. — Вот видите...

— Здесь у нас не клиника, — сердито произнес «врач». — Садитесь, пожалуйста...

Теперь они оба оказались в пределах досягаемости. Я резко опустил руки и ухватил их что было сил между лопаток. Под халатами чувствовалось что-то мягкое, податливое, и меня передернуло от отвращения.

Как-то раз я видел, как наземная машина сбила на дороге кота: беднягу подбросило вверх с раскинутыми лапами и выгнутым в другую сторону позвоночником. С этим несчастными произошло примерно то же самое. Оба изогнулись в болезненном спазме, затем обмякли, вырвались у меня из рук и повалились на пол — возможно, уже замертво.

В дверь постучали.

— Минутку! — отозвался я. — Врач сейчас занят.

Стук прекратился. Убедившись, что дверь заперта, я склонился над «врачом», задрал на нем халат и проверил, что стало с его хозяином.

Вместо живой твари на спине «врача» расползлось отвратительное месиво. То же самое произошло и с наездником «ассистента», что меня вполне устраивало: если бы паразиты остались живы, мне пришлось бы сжечь их лучеметом, а сделать это, не задев носителей, не так просто. Я оставил людей на полу. Может быть, они умерли, может выжили, и их вновь захватили титанцы, — не знаю, но помочь им я тогда ничем не мог.

А вот хозяева в ячейках — это совсем другое дело. Я настроил оружие на максимум и полоснул широким лучом по столу. У стены стояли еще два полных контейнера — их я поливал огнем до тех пор, пока дерево не обуглилось.

В дверь снова постучали. Я торопливо осмотрелся, соображая, куда бы спрятать лежащих на полу людей, но деть их было некуда, и я решил прорываться к машине. Однако у самой двери что-то меня остановило. Не хватало одной детали.

Я огляделся, но ничего подходящего не нашел. Можно было бы использовать халаты «врача» и его «ассистента», но почему-то не хотелось. Затем мне на глаза попался чехол от прибора для проверки зрения. Я скинул куртку, сложил чехол в несколько раз и, запихав его под рубашку, пристроил между лопаток. С застегнутой курткой получался горб как раз нужного размера.

Так и вышел на улицу — « ...испуганный, для всех чужой, в холодном мире, созданном не мной».

Хотя, по правде сказать, я чувствовал себя совсем иначе.

Еще один полицейский проверил мою квитанцию, бросил на меня пристальный взгляд и жестом приказал садиться в машину. Когда я сел за руль, он сказал:

— Поедешь в управление полиции: это у мэрии.

— Управление полиции, у мэрии, — повторил я и тронулся с места. Проехал немного в указанном направлении, затем свернул на шоссе Николс и, выбрав место, где движение было поменьше, нажал кнопку, меняющую номерные пластины. Номер, под которым меня зарегистрировали у заставы, возможно, уже разыскивали, и я очень жалел, что не могу сменить заодно и цвет машины и ее очертания.

Еще до пересечения шоссе с магистраль Макджи я свернул у разъезда и затерялся на боковых улицах. По местному времени было 18 : 00; через четыре с половиной часа меня ждали в Вашингтоне.

18

Что-то в городе было не так. Что-то неуловимое выдавало его, словно передо мной разворачивалось действие плохо поставленной пьесы. Я попытался понять, в чем дело, но безуспешно.

На окраинах Канзас-Сити множество жилых кварталов, построенных век и более назад. Дети носятся по лужайкам, старики сидят на скамейках у своих домов, как сидели их деды и прадеды. Если в округе и есть бомбоубежища, то их не видно. Массивные старинные дома непривычного вида, поставленные давно почившими умельцами, — сам их вид внушает ощущение покоя и безопасности. В это время дня в самый раз выпить пива, полить лужайку, поболтать с соседями. Проезжая мимо одного из таких домов, я увидел женщину, согнувшуюся над клумбой. Она была в купальнике с открытой спиной — явно без паразита, и двое ребятишек, что крутились возле нее, тоже. Что же здесь не так?

Погода стояла очень жаркая. Я вглядывался в прохожих, высматривая женщин в купальниках и мужчин в шортах. Люди в этих местах издавна придерживаются довольно строгих нравов, и не одеваются по погоде, как, скажем, в Лагуна-Бич или Корал-Гейблс. Полностью одетый взрослый человек ни у кого не вызовет здесь недоуменных взглядов. Поэтому люди в Канзас-Сити одеваются и так, и этак. Однако пропорции были явно не те. Да, полно ребятишек в одних шортах, но на протяжении нескольких миль я заметил только пятерых женщин и двоих мужчин с голой спиной.

А их должно быть по меньшей мере пять сотен.

Вот и разгадка. Хотя под некоторыми пиджаками и не скрывались паразиты, простая прикидка давала более девяноста процентов населения во власти захватчиков.

Они не просто контролировали Канзас-Сити, а буквально переполняли его. Пришельцы не только заняли все ключевые посты в городе — они стали жителями города.

Мне неудержимо хотелось взлететь прямо с места и на максимальной скорости рвануть прочь из красной зоны. Паразиты знали, что я ускользнул из ловушки у заставы и наверняка уже искали меня. Возможно, я был последним свободным человеком, разъезжающим по городу на машине, а вокруг — одни лишь враги!

Я едва справился с собственными паническими мыслями. Агент, позволяющий себе так заводиться, ни на что не годен и вряд ли сумеет выкарабкаться, случись ему попасть в какую-нибудь сложную ситуацию. Но воспоминания о том, каково это — быть во власти паразита, все еще сохраняли силу, и победа над собой далась мне нелегко.

Сосчитав до десяти, я успокоился и попытался сообразить, в чем же здесь дело. Видимо, я все-таки ошибался. Паразитов просто не может быть так много: в Канзас-Сити около миллиона жителей. Вспомнился мой собственный опыт: как мы отбирали рекрутов и вели учет каждому новому носителю. Разумеется, там мы зависели от поставок ячеек, тогда как рядом с Канзас-Сити почти наверняка опустилась летающая тарелка. И все же, получалась какая-то ерунда. Чтобы

наводнить город наездниками, нужно дюжину тарелок или даже больше. А если бы их было так много, орбитальные станции наверняка проследили бы их посадочные траектории.

Может быть, корабли пришельцев просто не видны на наших радарах? Мы не знали, на что паразиты способны в техническом плане, а делать предположения, основываясь на собственных представлениях о возможностях науки, и глупо, и опасно.

Однако выводы, которые напрашивались из всего увиденного, противоречили здравому смыслу. Следовательно, прежде чем докладывать, необходимо еще раз проверить. Пока было ясно лишь одно: даже заполнив почти весь город, они тем не менее сохраняли маскарад, и жители Канзас-Сити выглядели как свободные люди. Может быть, я и не настолько сильно выделяюсь.

Не выбирая особенно направления, я проехал еще с милю и обнаружил, что приближаюсь к торговому району, раскинувшемуся у Плаза. Сразу свернул, где толпы, там и полиция. Сворачивая, я заметил общественный плавательный бассейн. Запомнил все, что видел, поехал дальше и, только миновав несколько кварталов, задумался над новой информацией. Собственно, ее было немного: всего лишь вывеска «Закрыто в связи с окончанием сезона».

Бассейн, закрытый в самое жаркое время лета? Конечно, это может объясняться и какими-то естественными причинами. Плавательные бассейны прогорали в прошлом и будут прогорать еще. Но закрывать такое дело без крайней необходимости, когда оно приносит наивысшую прибыль, противоречит экономическому здравому смыслу. Это случается чрезвычайно редко. Однако именно здесь маскарад мог затрещать по швам, а закрытый бассейн вызовет меньше подозрений, чем открытый, но никем не посещаемый. Ясно, что в своих действиях паразиты старательно учитывают человеческую точку зрения. Да что там говорить, я сам был одним из них!

Значит, первое — ловушка у въезда в город; второе — слишком мало людей в купальных костюмах; третье — закрытый плавательный бассейн.

Вывод: паразитов гораздо больше, чем кто-либо мог себе представить.

Заключение: операция «Ответный удар» планировалась, исходя из неверных оценок; толку в ней не больше, чем в охоте на носорога с рогаткой.

Контраргумент: увиденное мной невозможно.

Мне живо представилось, как шеф секретной службы Мартинес со сдержанным сарказмом разносит мой доклад, не оставляя от него камня на камне. Да, видимо, чтобы убедить Президента прислушаться к докладу вопреки логичным возражениям его официальных советников, нужны доказательства посерьезнее, и добыть их необходимо прямо сейчас. Ведь, даже нарушив все законы движения транспорта, я вряд ли доберусь до Вашингтона быстрее, чем за два с половиной часа.

Но что же делать? Ехать в центр, смешаться с толпой, а потом заявить Мартинесу, что я, мол, уверен: почти все мужчины, встретившиеся мне на пути, носят на себе паразитов? Как я это докажу? И если уж на то пошло, как я сам в этом удостоверюсь? До тех пор пока титанцы старательно изображают, что «все как обычно», и доказательств-то, считай, никаких нет. Разве что обилие сутулых людей и почти полное отсутствие обнаженных плеч.

Мне показалось, я достаточно хорошо представляю себе, как они заполнили город — главное тут, чтобы хватило ячеек с наездниками. При выезде из города наверняка будет еще одна ловушка, и такие же устроены на стартовых платформах. Каждый, кто отсюда уезжает, становится новым агентом, каждый, кто сюда приезжает, новым рабом.

На углу улицы я заметил газетный принт-автомат «Канзас-Сити Стар». Развернулся, подъехал, вышел из машины и сунул в щель автомата десятицентовик. Несколько секунд нервного ожидания, и из автомата выползла готовая газета.

«Стар», как всегда, была скучна и респектабельна: никаких сенсаций, ни одного упоминания о чрезвычайном положении или о режиме «Голая спина». Статья на первой полосе называлась «Вспышка на Солнце нарушает телефонную связь», а чуть ниже шло шрифтом помельче: «Солнечная активность изолирует город от

внешнего мира». И огромное, на три колонки, цветное полустереофото Солнца с обезображенным космической сыпью лицом. Неожиданное, но вполне убедительное объяснение, почему какая-нибудь Мэми Шульц, сама еще без паразита, не может дозвониться бабушке в Питтсбург.

Я сунул газету под руку, надеясь позже изучить ее поподробней, повернулся к машине, но тут из-за угла бесшумно скользнула полицейская машина и остановилась поперек дороги перед самым носом моей. Полицейские машины притягивают толпы, словно магнит: секунду назад на улице никого не было, теперь же неизвестно откуда набежали люди, и полицейский двигался в мою сторону. Рука у меня невольно дернулась к пистолету, но я сдержался: ведь почти все вокруг были в такой же степени опасны.

Полисмен подошел и остановился.

— Ваше водительское удостоверение. — Более-менее вежливо.

— Сию минуту, — не стал спорить я. — Оно на приборной доске в машине.

Я шагнул мимо него, словно и не сомневался, что он последует за мной. На какое-то мгновение полисмен замер в нерешительности, а затем все же клюнул. Я провел его между двумя машинами к своей и убедился, что он без напарника — за это отступление от человеческих обычаев паразитов можно было только поблагодарить. Но что более важно, теперь между толпой и мной оказалась моя машина.

— Вот, — сказал я, указывая внутрь, — оно прикреплено к приборной доске.

Он снова на мгновение застыл, затем посмотрел, куда я показываю, и этой доли секунды мне хватило, чтобы воспользоваться отработанным недавно приемом. Я схватил его левой рукой между лопаток и сдавил горло изо всех сил.

Полицейского словно взрывом подбросило — такой сильный был спазм. Он еще падал на землю, а я уже вскочил в машину и выжал газ.

Очень, кстати, вовремя. Маскарад «лопнул», как в приемной у Барнса: толпа ринулась на меня со всех сторон. Одна женщина успела схватиться за дверцу и

цеплялась футов пятьдесят, наверное, пока машина не набрала скорость. Обгоняя другие машины и уворачиваясь от встречных, я уже приготовился взлетать, но по-прежнему не хватало места.

Впереди показался поворот. Я свернул налево, но сразу понял, что напрасно: кроны деревьев почти смыкались над дорогой, и взлетать было негде. Следующая улица — еще хуже. Пришлось сбросить скорость. Я все еще искал место пошире, чтобы взлететь, но теперь двигался не быстрее, чем разрешено в черте города. Волнение немного улеглось, и вдруг сообразил, что меня никто не преследует.

Тут же вспомнилось пребывание под хозяином. Паразиты ограничены возможностями своих носителей; исключение составляет только их способность к «прямому общению». Они видят лишь то, что видят люди, а информацию получают и передают посредством их же органов либо технических средств, что доступны людям. Вряд ли кто-то из паразитов на углу разыскивал именно мою машину; скорее всего, о ней знал только тот, который оседлал полицейского, а с ним я уже разделался. Теперь, конечно, меня ищут остальные, но возможностей у них не больше, чем у их носителей. Следовательно, и думать о них можно не больше чем о случайных очевидцах; иначе говоря, не принимать всерьез; скрылся и забыл.

Однако у меня оставалось всего полчаса, и я наконец решил, что возьму с собой в качестве доказательства — пленника, человека, который был здесь под паразитом и может рассказать, что происходит в городе. Короче, нужно вывезти живого носителя.

Для этого надо его поймать, по возможности не причинив носителю вреда, убить или убрать наездника и вывезти человека в Вашингтон. Времени, чтобы тщательно планировать свои действия, не оставалось. Действовать нужно было на ходу. И едва я принял решение, на тротуаре впереди показался человек. Видимо, он возвращался домой, к ужину. Я подъехал ближе и крикнул:

— Эй!

— Да? — Человек остановился.

— Я только что из мэрии, — сказал я. — Нет времени объяснять. Садись в машину, переговорим напрямую.

— Из мэрии? О чем вы?

— Планы изменились. Не трать времени. Садись!

Человек попятился. Я вскочил и схватил его за пиджак на спине.

Никакого результата. Под рубашкой — лишь нормальная костлявая человеческая плоть. Но человек завопил.

Я нырнул обратно в машину и рванул прочь. Отъехав на несколько кварталов, снизил скорость и задумался. Может, у меня нервы не в порядке, и титанцы уже мерещатся мне даже там, где их нет?

Чушь! Вспомнился Старик с его неукротимым пристрастием к фактам. Ловушка на заставе, купальники, бассейн, полицейский у принт-автомата — эти факты не вызывали у меня никаких сомнений, а последняя неудача говорила лишь о том, что мне случайно попался тот самый один из десяти — или какое у них тут соотношение, — которого паразиты еще не захомутали. Я прибавил скорость и двинулся на поиски новой жертвы.

Мужчина средних лет, поливающий из шланга лужайку, — выглядело это так естественно, что я чуть не проехал мимо. Однако времени оставалось совсем мало, и на нем был свитер с подозрительной выпуклостью на спине. Если бы я сразу заметил его жену на веранде, наверняка бы не остановился: она была в юбке и в лифчике от купальника — понятное дело, без паразита.

Когда я затормозил, мужчина поднял голову.

— Я только что из мэрии, — заученно повторил я. — Нам нужно срочно переговорить напрямую. Садись.

— Пойдем в дом, — ответил он. — В машине нас могут увидеть.

Я хотел отказаться, но этот тип уже повернулся и пошел к дому. Когда я догнал его, он прошептал:

— Осторожно. Женщина пока не с нами.

— Твоя жена?

— Да.

Мы остановились на крыльце, и мужчина сказал:

— Дорогая, это мистер О'Киф. Нам нужно обсудить кое-какие дела. Мы будем в кабинете.

— Хорошо, дорогой, — ответила она с улыбкой. — Добрый вечер, мистер О'Киф. Душно сегодня, правда?

Я согласился, и она снова занялась своим вязанием. Мы прошли в дом и направились в кабинет. Поскольку маскарад еще соблюдался, он пропустил меня вперед, как гостя. Мне не хотелось поворачиваться к нему спиной, и, наверно, поэтому я был готов к удару, когда он двинул меня ребром ладони по шее. Я рухнул вперед, хотя удар не причинил мне вреда, и перекатился на спину.

В учебном центре, если мы, оказавшись на полу, пытались встать, нас били мешками с песком, и наука запомнилась. Я остался лежать, приготовившись ударить его ногами, если он на меня бросится. Очевидно, у него не было оружия, но свой лучемет я достать не мог. Однако в кабинете оказался настоящий камин — с кочергой, лопаткой и щипцами — и мужчина боком продвигался туда. Чуть дальше, чем я мог дотянуться, стоял маленький журнальный столик. Я дернулся на полу, схватил столик за ножку и швырнул. Попал ему прямо в лицо, когда он схватился за кочергу. А мгновение спустя я налетел на него сам.

Его хозяин умирал в моих сжатых пальцах, человека, получившего последний жуткий приказ, сотрясали конвульсии, и тут вдруг с диким испуганным воплем в дверях появилась жена. Я вскочил, ударил ее, и она, мгновенно умолкнув, повалилась на пол.

Потерявшего сознание человека на удивление трудно поднять с пола, а он еще и тяжелый оказался. К счастью, я тоже силой не обижен и, переваливаясь, затрусил со своим пленником на руках к машине. Очевидно, звуков борьбы не слышал никто, кроме его жены, но ее крики встревожили чуть не весь квартал. Из домов по обеим сторонам улицы выскакивали люди. Пока они были еще далеко, но я благодарил судьбу, что догадался оставить дверцу открытой.

Спустя секунду я об этом пожалел: мальчишка вроде того, что морочил мне голову у реки, влез на сиденье и тыкал пальцем кнопки на приборной панели. Ругаясь на

чем свет стоит, я бросил пленника в салон и схватил мальчишку. Тот упирался, но я все же выдернул его с сиденья и швырнул — прямо в руки первому из преследователей. Пока он отдирал от себя мальчишку, я успел прыгнуть в машину и рванул с места, даже не закрыв дверь и не пристегнув ремни. На первом же повороте дверца захлопнулась сама, но я чуть не слетел с сиденья. Проехав какое-то время прямо, я умудрился пристегнуть ремень, затем срезал еще угол и, едва не сбив наземную машину, дал ходу.

Выскочил на широкий бульвар — кажется, Пасео, — и ткнул кнопку «Взлет». Возможно, из-за меня столкнулись несколько машин, но беспокоиться об этом было некогда. Еще не набрав высоты, я повернул на восток. Над Миссури шел на ручном управлении и истратил все запасные стартовые ускорители. Видимо, эти безответные действия в нарушение всех правил движения и спасли мне жизнь. Где-то над Колумбией, едва я спалил последний движок, машину тряхнуло взрывной волной. Кто-то пустил ракету-перехватчик, и она взорвалась чуть не у меня на хвосте.

Больше, к счастью, по мне не стреляли, а то без дополнительных ускорителей я был как утка на воде. Правая турбина начала перегреваться — возможно, от близкого взрыва или просто от натужной работы, — но еще минут десять я гнал с прежней скоростью и молча молился, чтобы она не развалилась. Когда Миссисипи осталась позади, а индикатор перегрева уполз в «опасную» часть шкалы почти до конца, пришлось-таки турбину отключить, и машина полетела на одной только левой. Больше трехсот миль она вытянуть так не могла, но красная зона уже осталась позади.

Все случилось так быстро, что мне даже некогда было взглянуть, как там мой пассажир. Он лежал, раскинув руки, на полу салона, и я не знал, мертв он или только без сознания. Но теперь мы оказались в зоне, контролируемой свободными людьми, да и мощности уже не хватало на незаконное превышение скорости, так что никаких причин вести машину вручную не было. Я включил ответчик, дал запрос на регистрацию в общем транспортном потоке и, не дожидаясь

ответа, переключил управление на автоматику. Затем перебрался в салон и осмотрел своего пленника.

Он еще дышал. На лице краснела здоровенная ссадина, но вроде бы я ничего ему не сломал. Хотел привести его в чувство — шлепнул пару раз по щекам, пощипал за мочки ушей — однако ничего не помогало. Мертвый паразит уже начал вонять, но его просто некуда было деть. В конце концов я оставил пассажира в покое и вернулся на водительское сиденье.

Часы на панели показывали 21 : 37 по Вашингтону, а лететь оставалось больше шестисот миль. Даже без учета того, что нужно еще сесть, добраться до Белого дома и разыскать Старика, получалось, что я смогу доложиться чуть позже полуночи, а значит, слишком поздно, и Старик, как пить дать, устроит мне разнос.

Я попытался завести правую турбину. Черта с два. Возможно, она замерзла. Но может быть, это и к лучшему: скоростной двигатель, если он неисправен или разбалансирован, может просто взорваться. Оставив турбину в покое, я попробовал вызвать Старика по оперативной связи.

Оказалось, мой аппарат не работает. Наверно, я ударил его во время одной из «разминок», что навязали мне паразиты. Сунув аппарат обратно в карман, я подумал, что день складывается на редкость неудачно — в такие дни, как говорят, даже с постели вставать не стоит. Затем включил коммуникатор на приборной панели и принялся вызывать наземную транспортную службу.

Экран засветился, и передо мной возникло изображение молодого человека — я с облегчением отметил, что он сидит по пояс голый.

— Наземная служба. Зона Фокс-одиннадцать. Какого черта вы делаете в воздухе? Я пытался связаться с вами с того самого момента, как вы вошли в мою зону.

— Сейчас некогда объяснять, — сказал я. — Срочно соедините меня с ближайшим армейским подразделением. Дело не терпит отлагательств!

На лице у него появилась неуверенность, но тут экран мигнул, и сразу возникло новое изображение, на этот раз военный центр связи. На душе стало тепло и спокойно, потому что все как один там сидели тоже по пояс голые, включая и молодого офицера на первом

плане. Я готов был расцеловать его, но вместо этого лишь сказал:

— У меня важное сообщение. Соедините меня через Пентагон с Белым домом.

— Кто вы такой?

— Сейчас нет времени! Я агент секретной службы, но мои документы вам все равно ничего не скажут. Поторопитесь!

Возможно, я уговорил бы этого офицера, но его вытеснил из поля зрения камеры командир.

— Немедленно приземляйтесь!

— Послушайте, капитан, — сказал я. — У меня срочное сообщение. Вы должны соединить...

— А у меня приказ! — отрубил он. — Уже три часа, как гражданским машинам запрещено подниматься в воздух. Немедленно приземляйтесь!

— Но я должен...

— Если вы не приземлитесь, вас собьют. Мы отслеживаем вашу траекторию. Я запускаю ракету — она взорвется в полумиле впереди. Любой другой маневр, кроме захода на посадку, — и следующая будет ваша.

— Да, послушайте же вы, наконец! Я приземлюсь, но мне нужно...

Он просто отключился, и я остался перед пустым экраном.

Первая ракета взорвалась даже ближе чем в полумиле. Пришлось садиться.

Посадка вышла не очень удачная, но все обошлось: и я, и пассажир остались целы. Ждать пришлось недолго. Меня осветили ракетами и, не успел я проверить приборы, как рядом начали приземляться военные машины. Меня потащили в штаб, где я лично встретился с тем капитаном. Он даже дал мне поговорить с Белым домом. Правда, уже после того, как его психологи допросили меня под гипнозом и привели в чувство дозой стимулятора. К тому времени в Вашингтоне было 1 : 13. Операция «Ответный удар» началась один час и тринадцать минут назад.

Старик выслушал мои выводы, пробурчал что-то неразборчиво и мрачно, затем сказал, чтобы я отыскал его утром.

19

Операция «Ответный удар» провалилась, как не проваливалась никакая другая в истории американской армии. Не операция, а «пшик». Десант планировался ровно в полночь сразу более чем в 9600 точках, в перечень которых входили редакции газет, диспетчерские транспортные службы, релейные телестанции и прочие важные учреждения. Группы состояли из отборных парашютистов-десантников и техников — последние, чтобы наладить связь с захваченными пунктами.

После чего все местные станции должны были передать обращение Президента. Предполагалось, что на отвоеванных у врага территориях сразу же вступит в силу режим «Голая спина». И все. Война закончена, останется мелкая подчистка.

В двадцать пять минут после полуночи начали поступать первые доклады о том, что такие-то и такие пункты захвачены. Чуть позже пошли просьбы о подкреплениях с других точек. К часу ночи были высланы последние резервные подразделения, но в Вашингтоне по-прежнему считали, что операция развивается успешно, — но столько успешно, что в некоторых случаях командиры соединений сами вылетали в районы боевых действий и докладывали с мест.

Больше о них никто ничего не слышал.

Красная зона поглотила ударную группировку, словно ее и не было. Одиннадцать с лишним тысяч боевых машин, более ста шестидесяти тысяч десантников и техников, семьдесят один старший офицер — стоило ли продолжать? Соединенные Штаты потерпели самое страшное со времен Черного Воскресенья поражение. Я не собираюсь критиковать Мартинеса, Рекстона, объединенный штаб и тем более этих бедолаг-десантников. Операция планировалась исходя из представлений, которые в то время казались правильными; положение требовало быстрых, решительных действий с привлечением лучших людей.

Наверно, только после рассвета, как я понимаю, до Мартинеса и Рекстона наконец дошло, что победные рапорты попросту сфабрикованы их же людьми. Нашими людьми, но уже захваченными в рабство и участву-

ющими в маскараде. После моего доклада, который опоздал больше чем на час и уже не мог остановить операцию, Старик пытался убедить их не посылать в красную зону подкрепления, но они несколько ошалели от успеха и хотели поскорее добиться чистой победы.

Старик просил Президента, чтобы тот настоял на визуальных проверках, однако связь с оперативными группами поддерживалась через орбитальную станцию «Альфа», и каналов для видеоинформации не хватало.

— Что вы паникуете? — огрызнулся Рекстон. — Как только мы отберем у них местные релейные телестанции, наши парни подключатся к наземной трансляционной сети, и у вас будет столько видеоподтверждений, сколько вы захотите.

Когда Старик попытался объяснить, что к тому времени будет уже поздно, Рекстон не выдержал:

— Черт бы вас побрал! Вы что, хотите, чтобы я положил еще тысячу человек только для того, чтобы у вас не тряслись поджилки?

Президент его поддержал.

К утру они получили свои «видео-подтверждения». Телевизионные станции в центральных регионах страны гнали в эфир все те же заезженные передачи: «Мэри-Солнышко желает вам доброго утра», «Завтрак с Браунами» и прочую чепуху. Обращение Президента не прозвучало ни по одному каналу, и ни одна станция не признала, что произошло что-то необычное. К четырем утра доклады десантников подразделений вообще перестали поступать, а лихорадочные попытки Рекстона связаться с ними ни к чему не привели. Ударная группировка «Освобождение» просто прекратила свое существование. Spurlos versenkt *.

Со Стариком я увиделся только в одиннадцать. Он выслушал мой теперь уже более обстоятельный доклад, ни разу не перебив, и даже не отчитал меня — отчего я почувствовал себя почти совсем гнусно.

Но едва он собрался вернуться к своим делам, я спросил:

— Как насчет пленного? Он подтвердил мои выводы?

---

* Бесследно исчезла; как в воду канула (*нем.*).

— Он-то? Пока без сознания. Врачи полагают, он не выживет.

— Я бы хотел его увидеть.

— Занимайся лучше своим делом.

— Э-э-э... У тебя есть для меня какое-то дело?

— Думаю, тебе нужно... Нет, лучше вот что: сгоняй в зоопарк. Там тебе кое-что покажут, и ты сразу увидишь все, что узнал в Канзас-Сити, в новом свете.

— В смысле?

— Найдешь доктора Хораса, заместителя директора. Скажешь, что ты от меня.

Доктор Хорас, небольшого роста, приятный, общительный человечек, здорово напоминавший одного из своих бабуинов, сразу направил меня к доктору Варгасу, специалисту по экзобиологии, тому самому Варгасу, что участвовал во второй экспедиции на Венеру. Он-то и показал мне, что случилось. Если бы мы со Стариком вместо того, чтобы рассиживать на скамейке у Белого дома, отправились в Национальный зоопарк, мне просто не пришлось бы лететь в Канзас-Сити. Десяток паразитов, что мы поймали в Конгрессе, плюс еще два, пойманные на следующий день, были отправлены в зоопарк и пересажены на человекоподобных обезьян — в основном, на шимпанзе и орангутангов. С гориллами решили не рисковать.

Директор распорядился запереть их в больничном корпусе. Двух шимпанзе, Абелардо и Элоизу, которые и раньше жили вместе, разделять не стали и поместили в одну клетку. Это, кстати, лишний раз доказывает, как трудно нам перестроить свою психологию, когда мы имеем дело с титанцами. Даже люди, которые пересаживали паразитов, воспринимали результат как обезьян, а не как титанцев.

В соседнем вольере размещалась семья больных туберкулезом гиббонов. Из-за болезни их не использовали в качестве носителей, и никакого сообщения между вольерами не было. Друг от друга они отделялись выдвижной перегородкой на замке, а вентиляция у каждого была отдельная. Однако на следующее утро перегородка оказалась выдвинута, а гиббоны и шимпанзе — вместе. Каким-то образом Абелардо и Элоиза открыли замок. Замки там специальные, обезьяны от-

крыть их не могут, но против «обезьяны-плюс-титанца» они не устояли.

Итак, пять гиббонов, два шимпанзе и два титанца. Но на следующий день ученые обнаружили семь обезьян и *семь* паразитов.

Известно об этом стало за два часа до моего отлета в Канзас-Сити, но Старику вовремя не сообщили, иначе он бы уже знал, что Канзас-Сити наводнен пришельцами. Да и я бы, видимо, догадался. Если бы Старику сказали про гиббонов, операция «Ответный удар» так бы и не началась.

— Я видел обращение Президента, — сказал доктор Варгас. — Не вы ли тот человек... Я имею в виду, не вы ли...

— Да-да. Тот самый, — ответил я коротко.

— Тогда вы очень многое можете рассказать нам об этом феномене.

— Наверно, должен бы, но, к сожалению, не могу, — медленно признал я.

— Хотите сказать, что, пока вы были их... э-э-э... пленником, вам не доводилось наблюдать размножение делением?

— Верно. — Я задумался. — Во всяком случае, мне так кажется.

— Но насколько я понял, после разделения э-э-э... жертвы сохраняют все воспоминания.

— Это и так, и не так... — Я попытался объяснить ему то странное, как бы отрешенное состояние, в котором пребывает человек во власти хозяина.

— Возможно, это случается во время сна.

— Может быть. Но кроме сна, есть другие периоды, которые трудно вспомнить. Это их прямые «конференции».

— Конференции?

Я объяснил, и у него загорелись глаза.

— О, вы имеете в виду конъюгации!

— Нет, я имею в виду «конференции».

— Очевидно, мы говорим об одном и том же. Как же вы не понимаете? Конъюгации и деление... Они размножаются по собственной воле, когда позволяет наличие свободных носителей. Надо полагать, один контакт на одно деление. Затем, когда появляется возможность, происходит деление, и буквально в считанные

часы появляется два новых взрослых паразита. Может быть, даже быстрее.

Если он прав, — а, глядя на гиббонов, в этом трудно было усомниться, — тогда почему мы в Конституционном клубе так зависели от поставок? Или, может быть, я ошибаюсь? На самом деле, я мало что тогда понимал. Делал только то, что приказывал хозяин, и видел только то, что попадало на глаза. Но, во всяком случае, стало понятно, откуда в Канзас-Сити столько паразитов. Имея в наличии космический корабль с запасом транзитных ячеек и достаточно большое «стадо» носителей, титанцы просто начали размножаться, пока не догнали числом землян.

Допустим, в том корабле, который, по нашим предположениям приземлился около Канзас-Сити, прилетела тысяча паразитов. Допустим также, что при благоприятных условиях они делятся каждые двадцать четыре часа.

Первый день — тысяча паразитов.

Второй день — две тысячи.

Третий день — четыре тысячи.

К концу первой недели, то есть на восьмой день, их будет сто двадцать восемь тысяч.

Через две недели — больше шестнадцати миллионов.

Однако нам ничего о них неизвестно точно. Может быть, они способны делиться чаще. Может, один корабль способен доставить десять тысяч ячеек. Или больше. Или меньше. Допустим, они начали с десяти тысяч и делятся каждые двенадцать часов. Через две недели получится...

БОЛЬШЕ ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ ТРИЛЛИОНОВ!!! Цифра просто не укладывалась в голове. Совершено чудовищная цифра. На всей Земле не наберется столько носителей, даже если к людям приплюсовать обезьян.

Похоже, на нас обрушится целая лавина паразитов. Причем очень скоро. Даже в Канзас-Сити я не чувствовал себя так уверенно.

Доктор Варгас представил меня доктору Макилвейну из Смитсоновского института. Макилвейн занимался сравнительной психологией и, по словам доктора Варгаса, именно он написал книгу «Марс, Венера, Земля:

исследование побудительных мотиваций». Варгас ожидал, что это произведет на меня впечатление, но я книгу не читал. И вообще, как можно изучать мотивации марсиан, если все они вымерли еще до того, как мы слезли с деревьев?

Ученые принялись спорить о чем-то своем, а я продолжал наблюдать за гиббонами. Затем Макилвейн спросил:

— Мистер Нивенс, а как долго длятся эти «конференции»?

— Конъюгации, — поправил его Варгас.

— Конференции, — повторил Макилвейн. — Этот аспект более важен.

— Но позвольте, доктор, — не уступал Варгас, — конъюгация — это способ обмена генами, посредством которого мутации распространяются на...

— Антропоцентризм, доктор! Вы не можете с уверенностью утверждать, что эта форма жизни имеет гены.

Варгас покраснел.

— А вы хотите предположить что-то еще?

— Сейчас нет. Но повторяю, доктор, вы оперируете недостоверными аналогиями. У всех без исключения форм жизни есть только общая характеристика — стремление выжить.

— И размножаться, — добавил Варгас.

— А предположим, существо бессмертно, и ему не нужно размножаться?

— Но... — Варгас пожал плечами и махнул рукой в сторону обезьян. — Мы ведь уже знаем, что они размножаются.

— Я все же думаю, — ответил Макилвейн, — что это не размножение. Мне кажется, что мы имеем дело с единым организмом, который стремится захватить для себя побольше жизненного пространства. Согласитесь, доктор, зиготы, гаметы — к этому порой так привыкаешь, что начисто забываешь о возможности существования и других принципов.

— Но во всей Солнечной системе... — начал было Варгас.

— Антропоцентризм, терроцентризм, солоцентризм, — перебил его Макилвейн, — это все провинциальные

подходы. Возможно, эти существа прилетели к нам из другой звездной системы.

— Ничего подобного! — вставил я. В мозгу вдруг вспыхнуло изображение Титана, и одновременно мне снова сдавило горло.

На мою реплику никто не обратил внимания. Макилвейн продолжал:

— Возьмите, к примеру, амебу. Кстати, по сравнению с нами, эта форма жизни проще, но гораздо более успешна в плане эволюции. Мотивационная психология амебы...

Дальше я слушать не стал. Свобода слова есть свобода слова, и, если человеку хочется, он может сколько угодно рассуждать о «психологии» амебы, но слушать это никто не обязан.

Затем они занялись экспериментами, что несколько подняло их в моих глазах. Варгас распорядился перевести бабуина с паразитами на спине в клетку с шимпанзе и гиббонами. Едва новичок оказался в клетке, они все сошлись в круг спиной к спине и устроили переговоры от паразита к паразиту.

— Вот видите! — Макилвейн ткнул пальцем в сторону клетки. — Эти «конференции» нужны им не для размножения, а, прежде всего, для обмена информацией. Временно разделенный на части организм вновь соединяется.

То же самое мог сказать им и я, только без этой трескучей терминологии: хозяин, который долго был без контакта со своими, первым делом вступает в прямые переговоры.

— Гипотеза! Где доказательства? — фыркнул Варгас. — Сейчас у них просто нет возможности размножаться. Джордж!

Он подозвал бригадира лабораторных рабочих и велел доставить еще одну обезьяну.

— Маленького Эйба? — спросил бригадир.

— Нет, мне нужна обезьяна без паразита. Знаешь что, пусть будет Краснокожий.

— Док, может, не надо Краснокожего? Жалко, — попытался возразить бригадир.

— Ничего с ним не сделается.

— Может, лучше Сатану? Все равно противный, зараза.

— Ладно, давай его сюда.

Привезли Сатану, черного как уголь шимпанзе. Возможно, в других обстоятельствах он бывал агрессивен, но сейчас вел себя очень тихо. Когда его запустили в клетку к обезьянам с паразитами, он прижался спиной к дверце и жалобно заскулил. Мы словно казнь наблюдали. Я держал себя в руках — человек, в конце концов, ко всему привыкает, — но панический страх обезьяны оказался заразительным: захотелось сбежать.

Поначалу обезьяны с паразитами просто смотрели на Сатану, не отрывая глаз, — ну прямо суд присяжных, — и продолжалось это довольно долго. Повизгивание Сатаны сменилось низкими стонами, и он закрыл лицо руками.

— Смотрите, доктор! — вдруг воскликнул Варгас.

— Что? Где?

— Люси, старая самка. Вон там. — Он указал рукой.

Видимо, у чахоточных гиббонов она была за главного. Люси стояла спиной к нам, и мы увидели, что паразит у нее на загривке собрался в ком, а затем на нем появилась радужная линия — прямо посередине. Паразит начал делиться. Сначала появилась трещина как на лопнувшем яйце, и всего через несколько минут процесс деления закончился. Один из новых паразитов устроился по центру на позвоночнике Люси, второй медленно пополз вниз. Обезьяна присела на корточки, почти касаясь задом пола, и паразит с легким шлепком плюхнулся на бетон. Затем заскользил к Сатане. Тот хрипло взвыл и полез на потолок.

И что вы думаете? Они отрядили команду, чтобы его притащили обратно, — двух гиббонов, шимпанзе и бабуина. Сатану оторвали от решетки, стащили вниз и разложили на полу.

Паразит подполз ближе.

Когда до Сатаны осталось фута два, он медленно вырастил псевдоподию — гибкое щупальце, которое тянулось и извивалось, словно змея. Щупальце взвилось в воздух и хлестнуло Сатану по ноге. Остальные

обезьяны тут же его отпустили, но черный шимпанзе продолжал лежать без движения.

Титанец притянул себя щупальцем, устроился на ноге, а затем медленно пополз вверх. Когда он добрался до основания позвоночника, Сатана сел. Потом встряхнулся и двинулся к остальным обезьянам.

Варгас и Макилвейн опять затеяли яростный спор. Происшедшее их, видимо, совсем не тронуло, а у меня возникло дикое желание крушить и уничтожать — мстить за себя, за Сатану, за всех обезьяноподобных.

Макилвейн утверждал, что мы стали свидетелями совершенно нового, в принципе незнакомого человеку явления: разумное существо, достигшее в ходе эволюции бессмертия и продолжающее себя в каждой отдельной личности. Или в групповой личности — здесь они сами начали путаться. Макилвейн предположил, что это существо хранит воспоминания с момента его формирования как вида. Затем он сравнил паразита с четырехмерным червем в пространстве-времени, отдельные части которого переплетены в единый организм, и тут их понесло в такие дебри, что слушать их стало просто невыносимо.

Я же своего мнения не имел, но и не особенно на этот счет беспокоился. Паразитов я воспринимал только в одном плане: мне хотелось убивать их, и как можно больше.

20

Как ни странно, когда я вернулся в Белый дом, Старик оказался свободен: Президент отбыл на закрытую сессию ООН. Я рассказал Старику, что видел и какое впечатление произвели на меня Варгас и Макилвейн.

— Ну прямо как бойскауты, которые хвастаются друг перед другом альбомом. По-моему, они даже не понимают, насколько все серьезно.

Старик покачал головой.

— Ты их недооцениваешь, сынок. Если кто и сумеет найти выход, то на них надежды больше, чем на нас с тобой.

— Ха! — сказал я (хотя, может быть, тогда прозвучало более крепкое словцо). — Дай бог, чтобы они паразитов своих не растеряли.

— А тебе уже рассказали про слона?

— Про какого слона? Они мне вообще ничего не рассказали. Я их, похоже, мало интересовал; они больше друг другом занимались.

— Ты просто не понимаешь, что такое «увлеченность исследователя». А насчет слона... Одна обезьяна с наездником каким-то образом сбежала. Позже раздавленный труп обезьяны нашли в слоновнике. И один из слонов исчез.

— Ты хочешь сказать, что где-то в окрестностях бродит *слон с паразитом*? — Мне чуть плохо не стало, когда я представил себе эту картину: все равно что танк с кибернетическим мозгом.

— Слониха, — поправил меня Старик. — Ее нашли в Мэриленде. Она спокойно поедала на поле капусту. Уже без паразита.

— И куда же он делся? — Я невольно огляделся по сторонам.

— В деревне неподалеку пропала летающая машина. Я думаю, что паразит уже где-то по ту сторону Миссисипи.

— Кто-нибудь из людей пропал?

Он пожал плечами.

— Это свободная страна, так что кто знает? Одно радует: паразиты не могут скрываться на человеке за пределами красной зоны.

Последняя его реплика заставила меня вновь задуматься о том, что я увидел в зоопарке, но не осознал сразу. Смутная догадка маячила совсем близко, но никак не давалась в руки. Старик тем временем продолжал:

— Правда, нам потребовались довольно суровые меры, чтобы заставить людей соблюдать режим «Голая спина». Президент до сих пор получает заявления протеста — в основном, от всяких блюстителей нравственности. А тут еще и Национальная ассоциация галантерейщиков подключилась.

— В смысле?

— Можно подумать, что мы делаем это, чтобы распродать их дочерей по борделям. Была тут недавно одна делегация, «Матери республики» или еще что-то в таком же духе.

— И что, Президент вынужден тратить свое время на *это*? Сейчас?

— Нет. Их принимал Макдоно. Но он и меня потащил. — Старик скривился. — Мы им сказали, что они не увидят Президента, пока не разденутся догола. Только это их и остановило.

Беспокоившая меня мысль наконец оформилась.

— А знаешь, может быть, и до этого дойдет.

— До чего?

— Придется заставлять людей раздеваться.

Старик закусил губу и задумался.

— На что ты намекаешь?

— А нам точно известно, что паразит может присасываться к человеку только на плечах?

— Тебе лучше знать.

— В том-то и дело. Мне казалось, я знаю, но теперь совсем не уверен. Пока я был... э-э-э... с ними, мы так и делали. Однако... — Я подробно рассказал Старику, что произошло, когда Варгас подсадил беднягу Сатану к титанцам. — Обезьяна начала двигаться, едва паразит дополз до основания позвоночника. Я уверен, титанцы предпочитают присасываться к головному мозгу, но не исключено, что они с таким же успехом могут спрятаться у человека в штанах, вытянув небольшой отросток до спинного мозга.

— Хм... Помнишь, сынок, тот первый раз на базе, когда я заставил всех раздеться догола? Как ты догадываешься, это не случайно.

— Видимо, ты был прав. Они могут прятаться на теле человека где угодно. Взять хотя бы эти твои «семейные трусы». Там запросто может пристроиться паразит, а люди просто решат, что у тебя отвислый зад.

— Хочешь, чтобы я разделся?

— Я придумал проверку получше — «канзасский захват». — Может, это и прозвучало как шутка, но я говорил на полном серьезе. И, не дав ему опомниться, с размаху хватил пятерней с полусогнутыми пальцами пониже спины.

Старик не стал возмущаться, а взял и проверил меня тем же способом.

— Однако это тоже не дело, — грустно заметил он, когда мы сели. — Нельзя же в самом деле ходить по улицам и лупить по мягким частям всех женщин подряд.

— Может быть, придется, — сказал я. — Иначе все должны будут ходить голыми.

— Ладно, мы проведем кое-какие эксперименты.

— В смысле? — спросил я.

— Помнишь, у нас были эти панцири, закрывающие плечи и позвоночник? Толку от них не много, разве что спокойнее себя чувствуешь. Так вот я хочу попросить доктора Хораса пристроить обезьяне такой же панцирь, чтобы только ноги оставались открытыми, и посмотрим тогда, что получится. Можно еще и с другими частями тела поэкспериментировать.

— М-да. Но может, не стоит брать для этого обезьян, босс?

— Почему?

— Э-э-э... слишком уж они на людей похожи.

— Черт побери, нельзя же приготовить омлет...

— ... не разбив яиц. Знаю. Но эта затея мне все равно не нравится.

21

Следующие несколько дней я выступал перед всякими пентагоновскими шишками, отвечал на их дурацкие вопросы о том, что титанцы едят на ленч, и объяснял, как лучше подступиться к человеку, которого оседлал паразит. Меня представляли в качестве «эксперта», но добрая половина «учеников» почему-то считала, что они знают о титанцах гораздо больше, чем я.

Тем временем паразиты надежно удерживали красную зону, но не могли выбраться оттуда незамеченными, во всяком случае, мы на это надеялись. Сами мы тоже не пытались больше проникнуть на их территорию, потому что, как ни крути, каждый паразит держал в заложниках одного из наших людей. От ООН помощи ждать не приходилось. Президент предложил им ввести режим «Голая спина» на всей планете, но участники сессии мялись, хмыкали, нерешительно переглядывались и в конце концов переадресовали предложение специальному комитету для дополнительной проверки. На самом деле нам просто никто не верил. В доме пожар, но люди понимают это, только когда горит

прямо под ногами. Врагу такая ситуация, понятно, на руку.

Некоторые страны, впрочем, защищали сами национальные традиции. Финн, который два дня подряд откажется от сауны в компании своих друзей, на третий уже вызовет подозрения. У японцев насчет наготы тоже никаких комплексов. В относительной безопасности были южные моря и значительная часть Африки. Во Франции сразу после третьей мировой войны стал невероятно популярен нудизм — во всяком случае, по выходным, — так что паразиту там просто негде спрятаться. Зато в тех странах, где традиционная стыдливость еще сохраняла силу, титанец мог скрываться до тех пор, пока его носитель не протухнет. Это относилось к самим Соединенным Штатам, Канаде, Англии — особенно к Англии.

В Лондон были отправлены воздухом три паразита (вместе с обезьянами). Как я понимаю, король, вслед за американским Президентом, решил показать своему народу пример, однако премьер-министр, подстрекаемый архиепископом Кентерберийским, просто запретил ему. Сам архиепископ даже не удосужился взглянуть на титанцев: моральный облик, мол, гораздо важнее любых мирских напастей. Средства массовой информации об этой истории умолчали, и, может быть она не соответствует действительности, но, как бы там ни было, нежные британские телеса по-прежнему укрыты от холодных взглядов чужеземцев.

Русская пропаганда набросилась на нас, едва правительство определило свое отношение к данному вопросу. Все происшедшее они охарактеризовали как «безумную фантазию американских империалистов». И почему, подумалось мне, титанцы не напали сначала на Россию? Страна для них просто идеальная. Или... Может, они давно уже напали? Но тогда изменилось ли там хоть что-нибудь?

Самого Старика я все это время не видел. Задания мне передавал его заместитель Олдфилд. Соответственно я не знал, что охрана Президента передана другим

людям и Мэри вернулась на базу. В баре Отдела мы встретились с ней совершенно случайно.

— Мэри! — крикнул я, споткнулся и чуть не полетел на пол.

На ее губах медленно расцвела сладостная улыбка. Она подвинулась, чтобы я сел рядом, и прошептала:

— Здравствуй, милый!

Мэри не спрашивала, чем я занимался, не дулась за то, что я пропал, и даже не жаловалась, что меня не было слишком долго. Что прошло, то прошло.

Зато я тараторил без умолку:

— Нет, это просто замечательно! А я думал, ты по-прежнему укладываешь Президента спатки. Давно ты здесь? Когда тебе обратно? Слушай, давай я тебя чем-нибудь угощу? О, у тебя уже есть. — Я начал было выстукивать на клавиатуре заказ для себя, но рюмка появилась на столе сама. — О! Как она здесь оказалась?

— Я сделала заказ, когда увидела тебя в дверях.

— Мэри, я тебе уже говорил, что ты бесподобна?

— Нет.

— Тогда слушай: ты бесподобна!

— Спасибо.

— Надолго ты освободилась? — продолжал болтать я. — Слушай, а как бы тебе несколько дней отдохнуть? Не могут же они держать тебя на работе двадцать четыре часа в сутки, неделю за неделей, совсем без передышки? Я сейчас пойду к Старику и скажу ему...

— Меня отпустили отдохнуть, Сэм.

— ...все, что я о нем... А?

— Меня отпустили.

— Серьезно? Надолго?

— До вызова. Сейчас все увольнения до вызова.

— Но... И давно ты отдыхаешь?

— Со вчерашнего дня. Сижу здесь и жду тебя.

— Со вчерашнего дня! — Весь предыдущий день мне пришлось читать пентагоновским шишкам лекции, глупые лекции, которые совершенно их не интересовали. Я вскочил. — Жди меня здесь. Я сейчас вернусь.

Когда я влетел в кабинет Олдфилда, он оторвался от бумаг и устало спросил:

— Ну тебе-то чего еще нужно?

— Шеф, я насчет этого сеанса вечерних сказок, который запланировали для меня на сегодня. Его лучше отменить.

— С какой стати?

— Я заболел. Мне давно полагается отпуск по болезни, и я хочу им воспользоваться.

— У тебя, по-моему, с головой не все в порядке.

— Точно. С головой. Голоса чудятся. Все за мной следят. И мне постоянно снится, что я опять у титанцев. — Последнее, впрочем, было чистой правдой.

— С каких это пор помешательство стало препятствием для работы в Отделе? — Он явно ждал, как я выкручусь.

— Слушай, ты меня отпустишь или нет?

Олдфилд покопался в своих бумагах, нашел нужную и порвал ее на куски.

— О'кей. Телефон держи под рукой. Тебя могут вызвать в любую минуту. А теперь проваливай.

Что я и сделал. Едва я вошел, Мэри подняла взгляд и снова расцвела в улыбке.

— Хватай свои вещи. Мы уходим, — сказал я.

Она даже не спросила куда, просто встала. Я поднял свою рюмку, сделал один глоток и пролил чуть не все остальное. Мы даже словом перекинуться не успели, как оказались наверху, на пешеходном уровне. Только тут я спросил:

— Так. Где ты хочешь, чтобы мы поженились?

— Сэм, мы ведь это уже обсуждали.

— Конечно, теперь мы просто это сделаем. Так где?

— Сэм, дорогой мой, я сделаю, как ты скажешь. Но я по-прежнему против.

— Почему?

— Знаешь, Сэм, поедем ко мне? Я тебе обед приготовлю.

— О'кей, приготовишь, но не там. И сначала мы поженимся.

— Ну пожалуйста, Сэм...

— Давай-давай, парень. Она уже сдается, — посоветовал кто-то рядом.

Я оглянулся и увидел, что вокруг собралась довольна приличная толпа зрителей, махнул рукой и сердито крикнул:

— Вам, что, делать всем нечего? Шли бы лучше выпили!

В толпе лишь бесстрастно прокомментировали:

— Я бы на его месте согласился.

Я схватил Мэри за руку, молча потащил к такси и, только когда мы забрались в машину, обиженно спросил:

— Ладно. Почему ты не хочешь за меня замуж? У тебя есть какие-то причины?

— Но зачем, Сэм? Я и так твоя. Тебе не нужен контракт.

— Как зачем? Затем, что я тебя люблю, черт побери!

Мэри какое-то время молчала, и я уже начал думать, что чем-то обидел ее. Потом наконец ответила, но так тихо, что я едва ее расслышал.

— Раньше ты мне этого не говорил, Сэм.

— Как же? Не может быть.

— Нет, я уверена, что не говорил. Почему?

— М-м-м... Не знаю. Видимо, по недосмотру. И я не совсем понимаю, что означает слово «любовь».

— Я тоже, — тихо произнесла она. — Но мне нравится, как ты это говоришь. Скажи еще раз, а?

— Э-э-э... О'кей. Я тебя люблю. Я люблю тебя, Мэри.

— Сэм...

Она прижалась ко мне и задрожала от волнения. Я чуть встряхнул ее.

— А ты?

— Я? О, я тоже тебя люблю, Сэм. С тех самых пор...

— С каких пор?

Я думал, она скажет, что с тех пор, как я заменил ее в операции «Интервью», но оказалось, нет.

— Я полюбила тебя, когда ты залепил мне пощечину.

Ну где тут логика?

Машина медленно курсировала вдоль коннектикутского побережья. Я разбудил водителя и попросил доставить нас в Вестпорт, где мы сразу же направились в мэрию. Я подошел к стойке в бюро санкций и лицензий и обратился к клерку:

— Мы можем здесь пожениться?

— Это как пожелаете, — ответил он. — Охотничьи лицензии налево, лицензии на собак направо. А здесь золотая середина. Надеюсь.

— Что ж, отлично. — сказал я серьезно. — Будьте добры, оформите нам лицензию.

— Конечно. О чем речь? Каждый должен испытать это хотя бы один раз в жизни, как я всегда говорил моей старухе. — Он достал бланк. — Ваши серийные номера, пожалуйста.

Мы назвали номера.

— Так. Не регистрировал ли кто-то из вас брак в другом штате?

Нет, не регистрировал.

— Вы уверены? Если после регистрации обнаружатся другие контракты, этот утратит силу.

Мы снова подтвердили, что оба никогда не вступали в брак.

— Какой срок? Возобновляемый контракт или на всю жизнь? Если больше десяти лет, такса такая же, как на всю жизнь. Если меньше шести месяцев, то это не ко мне: можете получить упрощенный контракт у авторегистратора вон там, у стены.

— На всю жизнь, — тихо ответила Мэри.

Клерк удивленно вскинул брови.

— Леди, вы уверены, что делаете правильный выбор? Возобновляемый контракт с автоматическим продлением столь же постоянен, но если вы передумаете, вам не придется обращаться в суд.

— Вы слышали, что сказала леди?

— О'кей-о'кей. Финансовая политика определяется одной из сторон, взаимным согласием или закрепляется контрактом?

— Контрактом, — ответил я, и Мэри кивнула.

— Контрактом так контрактом, — согласился он, пробежав пальцами по клавиатуре принтера. — Теперь самый главный вопрос: кто платит и сколько? Содержание или дарственный фонд?

— Содержание, — ответил я, поскольку на дарственный фонд моих сбережений просто не хватило бы.

— Ни то, ни другое, — твердо сказала Мэри.

— В смысле? — удивился клерк.

— Ни то, ни другое, — повторила она. — Это не денежный контракт.

Клерк откинулся на спинку стула.

— Леди, вы совершаете ошибку, — попытался уговорить он Мэри. — Джентльмен, как вы слышали, готов платить содержание, и он совершенно прав.

— Нет.

— Может быть, вам лучше посоветоваться сначала со своим адвокатом? В фойе есть общественный коммуникатор.

— Нет!

— Чтоб мне сдохнуть тогда, если я понимаю, зачем вам нужен контракт!

— Я тоже не понимаю, — успокоила его Мэри.

— Вы хотите сказать, что он вам не нужен?

— Нужен. Запишите, как я сказала: «Без содержания».

Клерк с беспомощным видом склонился над принтером.

— Теперь, видимо, все. Проще не бывает, — сказал он и забубнил: — Клянетесь-ли-вы-оба-что-изложенные-выше-факты-верны-что-вы-регистрируете-это-соглашение-по-собственной-воле-и-не-под-влиянием-наркотических-препаратов-что-никаких-скрытых-обязательств-и-прочих-юридических-препятствий-к-заключению-и-регистрации-брака-не-существует?

Да, клянемся; да, по собственной; нет, не под влиянием; нет не существует.

Клерк выдернул лист из принтера.

— Пожалуйста, отпечатки больших пальцев. О'кей, с вас десять долларов, включая федеральный налог.

Я расплатился, и он сунул контракт в копировальную машину.

— Копии будут высланы по адресам, соответствующим вашим серийным номерам. Все. Какого рода церемонию вы предпочитаете? Могу я чем-нибудь помочь?

— Мы не хотим никаких религиозных церемоний, — ответила Мэри.

— Тогда я могу посоветовать как раз то, что вам нужно. Старый добрый доктор Чамли. Никакого предпочтения ни одной из религий, лучшее стереосопровождение в городе, все четыре стены и настоящий оркестр. Полный набор удовольствий, включая плодородие и прочее, но все чинно, с достоинством. Плюс личные отеческие советы. После него вы действительно почувствуете себя семьей.

— Нет, — теперь это сказал я.

— Да полно вам! — принялся уговаривать меня клерк. — Подумаете о молодой леди. Если она сдержит свои обязательства по контракту, второго шанса у нее не будет. Каждая девушка заслуживает, чтобы у нее была свадьба. И честное слово, я не бог весть какие комиссионные получаю.

— Вы сами можете нас поженить? Да? — спросил я. — Тогда вперед. И давайте покончим с этой процедурой.

— А вы что не знали? — удивленно ответил он. — В этом штате люди женятся сами. Вы уже женаты, поскольку поставили отпечатки пальцев на лицензии.

Я сказал «О!», Мэри промолчала, и мы вышли на улицу.

На посадочной площадке к северу от города я взял напрокат машину — развалюхе исполнилось лет десять, но там стоял автопилот, так что нас она вполне устраивала. Мы облетели город по кругу, срезали над Манхэттенским кратером, и я запрограммировал автоматику. Меня переполняло счастье, и в то же время я ужасно волновался, но затем Мэри меня обняла... Не знаю уж, сколько прошло времени, но скоро — слишком скоро — послышалось «БИП! бип-бип БИП!» радиомаяка в моей хижине. Я высвободился из объятий и направил машину на посадку.

— Где это мы? — спросила Мэри сонным голосом.

— Над моей хижиной в горах, — ответил я.

— Я даже не знала, что у тебя есть хижина. Думала, мы летим ко мне.

— Там же полно капканов! И кстати, это теперь не моя хижина, а наша.

Она снова меня поцеловала, и я чуть не врезался при посадке в землю. Мне пришлось уделить несколько минут машине, а Мэри тем временем выбралась и пошла вперед. Я ее догнал уже у дома.

— Бесподобно, милый!

— Адирондак! Этим все сказано, — согласился я.

Солнце висело над самым горизонтом, а легкая дымка, окутавшая горы, придавала пейзажу какой-то особенный, удивительно объемный вид.

Мэри обернулась.

— Да. Только я не природу имела в виду, а твой дом. Давай зайдем?

— Конечно. Только это, скорее, просто хижина.

В общем-то, так она и планировалась. Внутри даже бассейна не было. Приезжая сюда, я хотел, чтобы город оставался где-то там, далеко позади. Корпус стандартный, из стали и стеклопластика, но снаружи обшит особо прочными плитами — тоже пластик, но в форме бревен. Внутри — все просто: одна большая гостиная с настоящим камином, мягкими коврами и низкими креслами. Все необходимое оборудование марки «компакто спешиал» находилось под фундаментом: кондиционер, энергоблок, фильтры, аудиооборудование, водоснабжение и канализация, радиационные датчики, сервомеханизмы — все, кроме морозильника и кухонного оборудования, упрятано вниз, и ни забот, ни хлопот. Даже стереоэкраны не сразу заметишь, пока они не включены. Почти настоящая бревенчатая хижина, но с водопроводом.

— Очень милая хижина, — сказала Мэри серьезным тоном. — Большой роскошный дом мне бы, наверно, не понравился.

— Значит, нас уже двое. — Я набрал комбинацию на шифрозамке, дверь разошлась в стороны, и Мэри прошмыгнула внутрь. — Эй! Ты куда?

Она вернулась на порог.

— Что такое, Сэм? Я что-то сделала не так?

— Еще бы! — Я вытащил ее на улицу, затем поднял на руки, перенес через порог, поцеловал и поставил. — Вот, теперь ты у себя дома.

Когда мы вошли, включился свет. Мэри обвела гостиную взглядом, повернулась и бросилась мне на шею.

— Дорогой...

Спустя какое-то время, она меня отпустила и принялась бродить по комнате, останавливаясь то тут, то там, приглядываясь, трогая вещи.

— Знаешь, Сэм, если бы я планировала обстановку сама, получилось бы то же самое.

— У меня, к сожалению, только одна ванная, — признался я. — Будем жить в суровых полевых условиях.

— Меня это вполне устраивает. Я даже счастлива; теперь я знаю, что ты не водил сюда своих женщин.

— Каких женщин?

— Сам знаешь каких. Если бы ты задумал этот дом как любовное гнездышко, здесь была бы вторая ванная комната.

— Тебя не проведешь.

Она не ответила и ушла на кухню. Спустя секунду оттуда донесся радостный визг.

— Что случилось? — спросил я, направляясь к ней.

— Я совсем не ожидала найти в холостяцком доме такую кухню.

— А я, кстати, неплохо готовлю. Мне хотелось хорошую кухню, вот я и купил все, что нужно.

— Бесподобно! Но теперь готовить для тебя буду я.

— Хорошо, это твоя кухня. Распоряжайся. Но может быть, ты хочешь сначала сполоснуться? Я пропущу тебя вперед. А завтра мы выпишем каталог и закажем еще одну ванную. Ее доставят воздухом.

— Иди первым, — сказала она. — Я пока поставлю обед.

Домашняя жизнь началась у нас так гладко и естественно, словно мы были женаты уже несколько лет. Нет, я не говорю, что медовый месяц прошел скучно или что мы не узнали друг о друге ничего нового — ни в коем случае. Но мы уже знали достаточно, особенно Мэри, отчего и казалось, что нашей семье не первый год.

В памяти те дни сохранились не очень ясно. Помню только ощущение счастья. Видимо, я успел забыть, что это такое, или просто не понимал раньше. Да, случалось, кто-то вызывал у меня интерес. Случалось, я увлекался. Это славно, забавно, весело, но счастлив я ни с кем не был.

Мы ни разу не включали стерео и ничего не читали. Никого не видели и ни с кем не говорили. Только на второй день сходили пешком до поселка, потому что мне хотелось показаться на людях с Мэри. На обратном пути мы проходили мимо хибары местного отшельника Старого Джона, по прозвищу Горный Козел, который присматривал за моим домом, и, увидев его, я помахал рукой.

Он помахал в ответ. Одет Джон был как обычно: старая армейская куртка, вязаная шапка, шорты и сандалии. Я хотел предупредить его насчет режима «Голая спина», но передумал и вместо этого крикнул:

— Пришли ко мне Пирата!

— Кто такой Пират, дорогой? — спросила Мэри.

— Увидишь.

Едва мы вернулись домой, появился Пират, здоровый хулиганистый кот: дверца, что я для него сделал, открывалась на его «мяу». Он вошел, высказал все, что думает о хозяевах, которые исчезают слишком надолго, затем простил и ткнулся мордой мне в ноги. Я потрепал его по спине, и Пират отправился обследовать Мэри. Та опустилась на колени, пытаясь привлечь его звуками, которые издают обычно люди, понимающие кошачьи повадки, однако Пират оставался на месте и долго ее разглядывал, не скрывая своей подозрительности. Затем вдруг прыгнул на руки и, заурчав, уткнулся в подбородок.

— Ну, слава богу, — произнес я с облегчением. — А то я уж думал, что он не разрешит тебя оставить.

Мэри посмотрела на меня и улыбнулась.

— Не беспокойся. Я сама на две трети кошка.

— А еще на треть кто?

— Узнаешь.

С тех пор Пират почти все время оставался с нами; Мэри он уделял внимания даже больше, чем мне. Я его выгонял только из спальни — Мэри и кот протестовали, но тут я был неумолим.

Мэри очень неохотно говорила о прошлом, — видимо, считала, что это ни к чему. Она слушала, когда я говорил о себе, но свое прошлое обсуждать отказывалась. Как-то раз, когда я пристал к ней с расспросами, она просто сменила тему, сказав:

— Пойдем полюбуемся закатом.

— Каким закатом? — недоуменно спросил я. — Мы же только что позавтракали. — Однако эта путаница со временем вернула меня в реальный мир. — Мэри, сколько мы уже здесь?

— А это имеет значение?

— Еще как имеет. Прошло, наверно, больше недели. Наши телефоны могут зазвонить в любую минуту — и все: назад, на галеры.

— Да, но зачем беспокоиться заранее?

Однако я уже не мог успокоиться. Мне загорелось узнать, какое сегодня число. Можно было, конечно, включить стерео, но там наверняка наткнешься на сводку новостей, а это себе дороже: я все еще притворялся, что мы с ней в каком-то другом мире, где нет никаких титанцев.

— Мэри, — спросил я. — У тебя есть «Темпус»? Много?

— Ни одной пилюли.

— Ладно. У меня хватит на двоих. Давай растянем наш отпуск. Вдруг нам осталось всего двадцать четыре часа? Можно превратить их в целый месяц субъективного времени.

— Не надо,

— Но почему? Нам только и остается, что старое доброе carpe diem *.

Она накрыла ладонью мою руку и посмотрела в глаза.

— Не надо, дорогой, это не для меня. Я хочу прожить каждое мгновение своей жизни, не беспокоясь о следующем. — Наверно, я выглядел очень упрямо, и она добавила: — Если хочешь принимать «Темпус», я не возражаю, но, пожалуйста, не уговаривай меня.

— Бог с тобой! Неужели ты думаешь, я тебя брошу и буду веселиться один?

Она промолчала, и надо заметить, это отличный способ выигрывать споры.

Не то чтобы мы часто спорили. Если я из-за чего-то заводился, Мэри обычно поддавалась, но в конце концов выходило, что не прав я. Несколько раз я пытался разговорить ее, заставить рассказать о себе — нужно же мне знать о своей жене хоть что-то, — и на один из моих вопросов о прошлом она задумчиво ответила:

— Иногда мне кажется, что у меня и вовсе не было детства. Может, оно мне просто приснилось?

Я спросил напрямик, как ее зовут.

---

* Лови день, лови мгновение (*лат.*).

— Мэри, — ответила она спокойно.

— Это твое настоящее имя? — я уже давно сказал ей свое, но она по-прежнему звала меня Сэмом.

— Конечно, настоящее. С тех пор как ты меня назвал этим именем, я — Мэри.

— Ладно, ты моя дорогая и любимая Мэри. А как тебя звали раньше?

В глазах у нее промелькнула какая-то затаенная боль, но она ответила:

— Одно время я носила имя Аллукьера.

— Аллукьера, — повторил я, наслаждаясь необычным звучанием. — Аллукьера. Какое странное и красивое имя — Аллукьера! В нем есть что-то величественное. Моя дорогая Аллукьера.

— Теперь меня зовут Мэри. — Как отрубила.

Я понимал, что где-то, когда-то с ней случилось какое-то ужасное событие и память о нем до сих пор отзывается болью. Но видимо, мне просто не суждено было о нем узнать. Что ж, нет значит нет. Она моя жена, какая есть, такая и есть — мы вместе и навсегда. От одного того, что она рядом, на душе становилось тепло и светло, а это, право же, не так мало.

Я продолжал называть ее Мэри, но имя, которое она носила в прошлом, не давало мне покоя. Аллукьера... Аллукьера... Меня не оставляло впечатление, что где-то я его слышал.

И неожиданно я вспомнил. Настойчивая мысль все ж таки раскопала информацию на дальних полках памяти, заваленных всяким бесполезным хламом, от которого невозможно избавиться. Была в свое время то ли секта, то ли колония... Они пользовались искусственным языком и даже имена детям давали новые, придуманные... Точно. Уитманиты. Анархистско-пацифистский культ. Их вышибли из Канады, но они не смогли закрепиться даже в Литл-Америке *. Когда-то мне попала в руки книга, написанная их пророком, «Энтропия радости», где было полно псевдоматематических формул, указывающих путь к достижению счастья.

---

* Антарктида, шельфовый ледник Росса.

В мире все «за счастье» так же, как все «против греха», но культисты пострадали из-за принятых у них обрядов. Свои сексуальные проблемы они решали очень древним и не совсем обычным по современным понятиям способом, что создавало взрывоопасную ситуацию, с какой бы культурой ни соприкасались уитманиты. Даже Литл-Америка была недостаточно далеко, и, если я правильно помню, остатки культистов эмигрировали на Венеру. Но в таком случае никого из них уже нет в живых.

Короче, думать об этом — только забивать голову. Если Мэри была уитманиткой или выросла в их среде, это ее дело. И уж, конечно, я не допущу чтобы какая-то там культистская философия нарушала согласие в семье; брак, в конце концов, не купчая, а жена — не собственность.

22

В следующий раз, когда я упомянул «Темпус», Мэри не стала спорить, но предложила ограничиться минимальной дозой. Вполне приемлемый компромисс — увеличить дозу никогда не поздно.

Чтобы препарат подействовал быстрее, я приготовил инъекции. Принимая «Темпус», я обычно слежу за часами, и, когда секундная стрелка замирает, это означает, что мне уже достаточно. Но в хижине не было часов, а наши перстни остались где-то на столе. Мы лежали обнявшись на широком низком диване у камина и до самого рассвета так и не заснули.

Накатило ощущение тепла и покоя, но сквозь легкий туман пробивалось беспокойство, что препарат не подействовал. Потом я заметил, что восходящее солнце замерло на месте. За окном повисла птица, и, если вглядываться довольно долго, можно было заметить, что крылья у нее движутся.

Я посмотрел на жену. Пират устроился у нее на животе, свернувшись калачиком и сложив лапы вместе. И Мэри, и Пират, похоже, заснули.

— Как насчет завтрака? — спросил я. — Я умираю с голода.

— Готовь, — ответила Мэри. — Если я пошевелюсь, Пират проснется.

— Но ты поклялась любить меня, почитать и кормить завтраками.

Я наклонился и пощекотал ей пятку. Мэри вскрикнула и резко поджала ноги. Пират подскочил вверх и с недоуменным мяуканьем шлепнулся на пол.

— Ну зачем ты? — сказала Мэри. — Из-за тебя я слишком резко дернулась и обидела Пирата.

— Не обращай на него внимания, женщина. В конце концов, ты вышла замуж за меня. — Однако я понимал, что не прав. Когда рядом есть кто-то, кто не принимал «Темпус», двигаться нужно крайне осторожно. По правде сказать, я просто забыл про кота. Ему наверняка казалось теперь, что мы скачем и дергаемся, как пьяные суматошные зайцы. Я хотел приласкать его и заставил себя двигаться медленнее.

Куда там. Пират бросился к своей дверце. Я мог бы его остановить — ведь для меня он не бежал, а еле полз, — но решил, что не стоит, а то он напугается еще сильнее. Просто оставил его в покое и отправился на кухню.

Должен заметить, что Мэри был права: в медовый месяц «Темпус Фугит» себя не оправдывает. Почти экстатическое ощущение счастья, что я испытывал до того, тонуло теперь в вызванной наркотиком эйфории. «Темпус» дает очень много, но и потеря была совершенно реальной: естественное чудо я променял на химическую подделку. В общем-то, день — или месяц — прошел неплохо, но лучше бы я держался за настоящее чувство.

К вечеру действие препарата кончилось. Как это всегда бывает после «Темпуса», я чувствовал себя немного раздраженно, однако нашел перстень с часами и занялся проверкой рефлексов. Убедившись, что все вернулось в норму, проверил Мэри, после чего она сообщила, что у нее действие препарата прекратилось минут двадцать назад, — получилось, дозы я отмерил довольно точно.

— Хочешь попробовать еще? — спросила она.

Я поцеловал ее и ответил:

— Нет. По правде говоря, я рад, что все кончилось.

— И я рада.

У меня разыгрался бешеный аппетит (тоже обычное после «Темпуса» дело), и я сообщил об этом Мэри.

— Сейчас, — сказала она. — Я только позову Пирата.

Весь прошедший день — или «месяц» — я о нем даже не вспоминал; одно слово — эйфория.

— Не беспокойся. Он часто пропадает на целый день.

— Раньше этого не случалось.

— При мне случалось.

— Боюсь, Пират на меня обиделся. Наверняка обиделся.

— Он, скорее всего, у Старого Джона. Пират, когда на меня обижается, всегда уходит к нему. Ничего с ним не случится.

— Но уже поздно. Вдруг его сцапает лиса? Если ты не возражаешь, я выгляну и позову его. — Она направилась к двери.

— Накинь что-нибудь, — крикнул я. — Там холодно!

Мэри вернулась в спальню, надела пеньюар, что я купил для нее, когда мы ходили в поселок, и вышла за дверь. Я подбросил в камин дров и отправился на кухню. Раздумывая над меню, я услышал голос Мэри: «Вот негодник! Ну что же ты? Я же из-за тебя беспокоюсь». Таким тоном отчитывают только маленьких детей и кошек.

— Тащи его сюда и закрой дверь! Только пингвинов не пускай! — крикнул я из кухни.

Мэри ничего не ответила. Не услышав, как дверь сходится, я вернулся в гостиную. Она стояла у порога, но Пирата с ней не было. Я хотел что-то сказать, и тут поймал ее взгляд. В глазах Мэри застыл невыразимый ужас.

— Мэри! — позвал я и двинулся к ней.

Она вздрогнула, словно только что меня заметила, и бросилась к двери. Двигалась Мэри как-то судорожно, рывками, а когда она повернулась ко мне спиной, я увидел ее плечи.

Под пеньюаром торчал горб.

Не знаю, как долго я стоял на месте. Наверно, лишь долю секунды, но в памяти это мгновение осталось раскаленной добела вечностью. Я прыгнул и схватил ее

за руки. Мэри обернулась, но теперь я увидел в ее глазах не бездонные колодцы ужаса, а два мертвых омута.

Она попыталась ударить меня коленом, но я изогнулся, и мне досталось не так сильно. Да, я знаю, что опасного противника бесполезно хватать за руки, но ведь это была *моя жена*. Не мог же я просто швырнуть ее на пол и добить одним ударом.

Однако у паразита подобных сомнений на мой счет не было. Мэри — вернее, эта тварь — пыталась прикончить меня, используя все свое — ее — умение, а мне приходилось думать, как бы не убить ее. Не дать ей убить меня, уничтожить паразита, не дать ему перебраться ко мне, чтобы я мог спасти Мэри, — не так-то это просто, когда обо всем нужно думать одновременно.

Я выпустил одну ее руку и ударил Мэри по скуле. Она этого словно и не заметила. Я снова обхватил ее, теперь и руками, и ногами, чтобы она не могла двигаться, и мы повалились на пол. Мэри оказалась сверху. Она попыталась меня укусить, и пришлось ударить ее головой в лицо.

Мне удавалось сдерживать ее только потому что я был сильнее. Затем я попытался парализовать ее, воздействуя на болевые точки, но она знала их не хуже меня, и мне еще повезло, что я сам не оказался парализованным.

Оставалось одно: раздавить самого паразита. Но я уже знал, какое жуткое действие это оказывает на носителя. Мэри может умереть, и даже в лучшем случае, если она останется в живых, последствия будут ужасны. Нужно было бы лишить ее сознания, а паразита сначала снять, а потом только убить... Согнать его огнем или стряхнуть.

Согнать огнем...

Однако додумать я не успел, потому что Мэри впилась зубами мне в ухо. Я перекинул правую руку и схватил паразита.

Никакого результата. Пальцы наткнулись на плотный кожистый панцирь — все равно что футбольный мяч пытаться раздавить. Когда я дотронулся до паразита, Мэри дернулась и оторвала мне кусок уха, но это был

не спазм. Паразиту ничего не сделалось, и он по-прежнему держал Мэри в своей власти.

Попробовал поддеть его, но он держался как присоска: я даже палец не мог просунуть.

Мэри, однако, тоже времени не теряла, и мне здорово от нее досталось. Я перекатил ее на спину и, все еще сжимая в захвате, умудрился встать на колени. Пришлось освободить ее ноги, чем она тут же воспользовалась, но зато я сумел перегнуть Мэри через колено, поднялся и волоком потащил ее к камину. Она билась, как разъяренная пума, и едва не вырвалась. Но все же я дотащило ее, схватил за волосы и выгнул плечами над огнем.

Я хотел только обжечь паразита, чтобы он, спасаясь от жара, отцепился. Но Мэри так яростно сопротивлялась, что я потерял опору, ударился головой о верхний край камина и уронил ее на раскаленные угли.

Она закричала и выпрыгнула из огня, увлекая меня за собой. Еще не очухавшись от удара, я вскочил на ноги и увидел, что она лежит на полу. Ее прекрасные волосы горели.

Пеньюар тоже вспыхнул. Я бросился гасить огонь руками и обнаружил, что паразита на ней уже нет. Обернулся, продолжая сбивать пламя ладонями, и увидел его на полу у камина. Рядом стоял, принюхиваясь, Пират.

— Брысь! — крикнул я. — Пират! Пошел вон!

Кот поднял голову и бросил на меня вопросительный взгляд. Я снова повернулся к Мэри и, только убедившись, что нигде больше не тлеет, встал. Даже не успел проверить, жива ли она. Чтобы не хватать паразита голыми руками — слишком рискованно, — нужно было взять совок у камина и...

Пират застыл в какой-то неестественно жесткой позе, а паразит уже устраивался у него на загривке. Я прыгнул и, падая, успел схватить его за задние лапы, когда он, повинуясь воле титанца, сделал первое движение.

Хватать взбесившегося кота голыми руками по меньшей мере безрассудно, а удержать, если им управляет паразит, просто невозможно. До камина было несколько шагов, но он за считанные секунды разодрал когтями и зубами мне все руки. Из последних сил я сунул кота

в огонь. Мех на нем вспыхнул, пламя обволокло мои руки, но я держался до тех пор, пока паразит не свалился прямо на раскаленные угли. Только тогда я вытащил Пирата и положил на пол, но он уже не трепыхался. Я загасил тлеющую шерсть и вернулся к Мэри.

Она еще не пришла в себя. Я опустился на пол, рядом с ней и заплакал.

За час я сделал, что мог, для Мэри. Слева волосы сгорели у нее начисто, плечи и шея были в ожогах. Однако, пульс бился сильно, а дышала она, пусть часто и неглубоко, но ровно. Я продезинфицировал и забинтовал ожоги — на всякий случай я держу в хижине все необходимое — и ввел ей снотворного. Затем занялся Пиратом.

Он лежал там же, у камина, но выглядел просто ужасно. Ему досталось гораздо больше, чем Мэри, и еще, возможно, у него обгорели легкие. Я думал, он уже мертв, но когда я тронул его рукой, Пират поднял голову.

— Извини, дружок, — прошептал я, и он тихо мяукнул в ответ.

Я обработал и забинтовал его ожоги, но побоялся вводить снотворное. После этого прошел в ванную и взглянул на себя в зеркало.

Ухо уже не кровоточило, и я решил его не трогать. Но руки... Я сунул их под горячую воду, заорал, затем высушил под струей воздуха, что тоже оказалось очень больно. Но забинтовать их я все равно не сумел бы, да и не хотелось: наверняка придется еще что-то делать.

В конце концов я вылил по унции крема от ожогов в две пластиковые перчатки и надел их на руки. В креме содержалось обезболивающее, и, в общем, стало терпимо. Я подошел к стереофону и позвонил местному врачу. Объяснил, что случилось, что я сделал сам, и попросил подъехать.

— *Ночью?* — спросил он. — Вы, должно быть, шутите.

Я сказал, что совсем не шучу.

— Это невозможно. Ваш случай уже четвертый в округе, и ночью здесь никто не выходит на улицу. Завтра с утра я первым делом заеду к вам и осмотрю вашу жену.

Я посоветовал ему катиться к дьяволу, прямо с утра, и выключил стереофон.

В первом часу ночи Пират умер. Я похоронил его сразу же — чтобы Мэри не видела, в каком он виде. Руки от лопаты болели нещадно, но яма для него нужна была совсем небольшая. Я постоял немного над могилой, попрощался и пошел в дом. Мэри лежала без движения. Придвинув кресло к кровати, я сел дежурить. Старался не заснуть, но несколько раз, кажется, проваливался в полудрему. В общем, не помню.

23

Под утро Мэри начала ворочаться и стонать. Я обнял ее и зашептал:

— Я здесь родная, здесь. Все в порядке. Сэм с тобой.

Она открыла глаза, и в них уже знакомый мне ужас. Затем она увидела меня и успокоилась.

— Сэм! Мне такой жуткий сон приснился!

— Все уже в порядке.

— А почему ты в перчатках? — Мэри вдруг заметила на себе бинты; что-то в ее лице дрогнуло, и она все поняла. — Это был не сон!

— Нет, родная, не сон. Но ты не бойся. Я его убил.

— Убил? Ты уверен, что он мертв?

— Абсолютно.

— Иди ко мне, Сэм. Обними меня крепко-крепко.

— Тебе будет больно.

— Все равно обними.

Я обнял ее, стараясь не давить на обгоревшие плечи. Спустя какое-то время она перестала дрожать.

— Извини, дорогой. Я всего лишь слабая женщина.

— Ну что ты! Видела бы ты, в каком я был виде, когда меня спасли от паразита.

— Я видела. Но ты должен рассказать мне, что случилось. Я помню, как ты запихивал меня спиной в камин, и это все.

— Извини, ничего другого мне уже не оставалось. Я хотел снять паразита, и по-другому никак не получалось.

— Я знаю, Сэм, знаю, дорогой. И очень тебе благодарна за то, что ты сделал. От всего сердца благодарна. Ты снова меня спас.

У нас у обоих стояли на глазах слезы. Наконец я справился с собой, шмыгнул носом и продолжал:

— Ты не ответила, когда я тебя позвал. Я вышел в гостиную и сразу увидел тебя.

— Да, помню. Я так сопротивлялась!

— Я знаю, что сопротивлялась. Ты хотела уйти, — сказал я, глядя ей в глаза. — Но как тебе это удалось? Когда паразит на спине, это конец, с ним невозможно справиться.

— Да, мне не удалось... Но я старалась изо всех сил.

Каким-то образом Мэри сумела воспротивиться воле паразита, а это невозможно. Уж я-то знаю. Тем не менее я догадывался, кому обязан победой. Пусть она сдерживала паразита лишь чуть-чуть, но без этого я бы наверняка с ним не справился, поскольку просто не мог драться с Мэри так, как на самом деле умею.

— Надо было, конечно, взять фонарь, — продолжила она, — но знаешь, Сэм, мне и в голову не пришло, что здесь тоже опасно.

Я кивнул. Мне тоже казалось, что здесь, в горах, совершенно безопасно, как под одеялом или в крепких объятиях.

— Пират прибежал сразу же. Но я не видела этой твари, пока не коснулась, а потом было уже поздно. — Мэри вдруг села. — А где Пират, Сэм? С ним ничего не случилось? Позови его.

Пришлось рассказать. Она выслушала меня с застывшим лицом, кивнула и больше о нем не заговаривала. Я же решил переменить тему:

— Ну раз ты проснулась, я приготовлю тебе завтрак.

— Стой!

Я остановился.

— Не уходи. Я ни за что не выпущу теперь тебя из вида. И я сама приготовлю завтрак.

— Черта с два. Ты останешься в постели и будешь вести себя как послушная девочка.

— Подойди ко мне и сними перчатки. Я хочу посмотреть, что у тебя с руками.

Перчатки я снимать не стал, даже думать об этом не мог, потому что обезболивающее почти уже не действовало.

— Так я и знала, — мрачно произнесла Мэри. — У тебя ожоги еще хуже, чем у меня.

В общем, завтрак готовила она. Более того, она одна его и ела — мне самому ничего, кроме кофе, не хотелось. Но я настоял, чтобы она тоже пила много жидкости: ожоги на большой площади — это не шутка. Позавтракав, Мэри отодвинула от себя тарелку и сказала:

— Знаешь, Сэм, я ни о чем не жалею. Теперь я тоже знаю, каково это. Теперь мы оба знаем.

Я тупо кивнул. Как говорится, и в радости, и в горе...

Мэри встала.

— Видимо, надо возвращаться.

— Да, — согласился я. — Нужно скорее доставить тебя к врачу.

— Я не это имела в виду.

— Знаю. — Обсуждать тут было нечего. Мы оба понимали, что «музыка кончилась» и пора возвращаться на работу. Развалюха, на которой мы прилетели, попрежнему стояла на посадочной площадке у дома, увеличивая с каждым днем плату за прокат. На то, чтобы сжечь тарелки, все выключить и собраться, у нас ушло не больше трех минут.

Поскольку я с такими руками ни на что не годился, машину вела Мэри.

— Давай сразу вернемся в Отдел, — предложила она, когда мы взлетели. — Там и подлечат, и все новости расскажут. Или руки болят слишком сильно?

— Нет, летим в Отдел, — согласился я.

Хотелось узнать, что происходит, и поскорее вернуться к работе. Я попросил Мэри включить «ящик», но аппаратура в машине оказалась под стать самой машине: мы даже звук не могли поймать. Хорошо еще автопилот работал, иначе ей пришлось бы вести машину вручную.

Меня не оставляла в покое одна мысль, и я решил посоветоваться с Мэри:

— Как ты думаешь, паразит ведь не станет забираться на кота просто так, без какой-то цели?

— Видимо нет.

— Тогда почему он оказался у Пирата на спине? Здесь должна быть какая-то логика. Все, что они делают, логично — пусть даже у этой логики довольно мрачный привкус.

— Но здесь тоже все логично. С помощью кота они поймали человека.

— Да. Но как это можно планировать? Неужели их настолько много, что они позволили себе разъезжать на кошках в надежде на случайную встречу с человеком? Хотя... — Я вспомнил Канзас-Сити и вздрогнул.

— Почему ты спрашиваешь об этом меня, дорогой? Какой из меня аналитик?

— Брось прикидываться скромной девочкой и подумай лучше вот о чем: откуда этот паразит взялся? К Пирату он попал от другого носителя. От кого? Я так думаю, что это Старый Джон, Горный Козел. Больше Пират никого к себе не подпускает.

— Старый Джон? — Мэри закрыла на секунду глаза. — Нет я не помню особых ощущений. Мы стояли слишком далеко.

— Больше некому. В поселке все соблюдали режим, а Старый Джон был в куртке. Следовательно, паразит оседлал его еще до введения режима «Голая спина». Только зачем титанцам одинокий отшельник, живущий черт-те где в горах?

— Чтобы поймать тебя.

— Меня?

— Точнее, чтобы вернуть тебя.

Могло быть и так. Возможно, что каждый человек, которому удалось от них уйти, становится вроде как меченым. В таком случае те полтора десятка конгрессменов, что мы спасли, подвергаются серьезной опасности. Не забыть бы упомянуть об этом нашим аналитикам...

С другой стороны, может быть, им нужен именно я. Что такого во мне особенного? Да, тайный агент. Но что более важно, мой хозяин знал все, что мне известно о Старике, и, следовательно, понимал, в каких мы отношениях. В моем представлении, Старик был их главным

противником, и мой паразит знал, что я так думаю, поскольку он имел доступ к любым моим мыслям.

Он даже встречался со Стариком, разговаривал с ним. Однако стоп. *Этот* паразит сдох. И теория рухнула.

И снова встала из руин.

— Мэри, — спросил я, — ты ведь так и не была у себя дома с тех пор, как мы там последний раз завтракали?

— Нет. А что?

— Не возвращайся туда ни в коем случае. Я помню, как думал, когда был с ними, что надо устроить там ловушку.

— Но ты не устроил?

— Нет. Но возможно, это сделал кто-то другой. Не исключено, что еще один «Старый Джон» сидит там, как паук в паутине, и ждет, когда ты придешь. Или когда я приду. — Я объяснил ей про Макилвейна и его теорию «групповой памяти». — В тот раз я подумал, что он просто фантазирует, — любимое занятие всех ученых. Но сейчас мне кажется, это единственная гипотеза, с которой согласуются все факты, — если только не предполагать, что титанцы глупы и надеются на одну удачу. Но, разумеется, они не глупы.

— Подожди-ка, Сэм. По теории Макилвейна, каждый паразит — это как бы все остальные паразиты, так? Другими словами, тварь, что захватила меня вчера вечером, в такой же степени тварь, которая ездила на тебе, как и та, которая на самом деле... Боже, я запуталась. Но я имею в виду...

— Да, примерно так. По отдельности они самостоятельные особи, но после прямых переговоров происходит обмен памятью, и они становятся похожими как две капли воды. Если это действительно так, то вчерашний паразит помнит все, что я знал. Разумеется, если у него были прямые переговоры с моим или с каким-то другим титанцем, который с ним общался — пусть даже через длинную цепочку, — после того, как он меня оседлал. А зная их повадки, я думаю, наверняка общался. Он... Я имею в виду, первый... Нет, знаешь что, пусть их будет трое: Джо, Мо и, например, э-э-э... Герберт. Гербертом назовем вчерашнего. Мо пусть будет...

— Зачем ты даешь им имена, если они не самостоятельные личности? — спросила Мэри.

— Просто для того, чтобы... А впрочем, ладно, это все ерунда. Но если Макилвейн прав, то на Земле сейчас сотни тысяч, а может быть, миллионы паразитов, которые знают, кто мы такие, как нас зовут, как мы выглядим, где твоя квартира, где моя и где наша хижина. Мы у них как в справочнике.

— Но... — Мэри нахмурилась. — Это же ужасно, Сэм. Откуда они могли знать, что мы появимся в хижине? Мы ведь никому не говорили. Неужели они просто устроили ловушку и ждали?

— Должно быть. Мы не знаем, что для паразитов ожидание. Возможно, они воспринимают время совсем по-другому.

— Как венерианцы, — сказала она.

Я кивнул. Венерианцы, случается, «женятся» на своих же праправнучках, причем прародитель может оказаться даже моложе — здесь, разумеется, все зависит от того, кто как впадает в спячку.

— В любом случае мы должны сообщить все это — и догадки тоже — нашим аналитикам. Пусть парни порезвятся, — может, что и надумают.

Я хотел было добавить, что Старику теперь нужно быть особенно осторожным, поскольку охотятся, в конечном итоге, именно на него, но тут впервые с начала нашего отпуска зажужжал аппарат связи. Я ответил и услышал перекрывавший оператора голос Старика:

— Явиться лично!

— Уже летим, — сообщил я. — Будем примерно через полчаса.

— Нужно быстрее. Ты пройдешь через «К-5», Мэри пусть явится через «Л-1». Поторопитесь. — И он отключился, прежде чем я успел спросить, откуда ему известно, что Мэри со мной.

— Ты слышала? — спросил я ее.

— Да. Меня тоже соединили.

— Похоже, вот-вот начнется веселье.

Только после приземления до меня дошло, насколько сильно все вокруг изменилось. Мы исправно соблю-

дали режим «Голая спина», но понятия не имели о режиме «Загар». Едва мы вышли из машины, нас остановили двое полицейских.

— Стоять на месте! — приказал один из них. — Не двигаться!

Если бы не манеры и не оружие в руках, я бы в жизни не догадался, что это полиция. Кроме ремней, ботинок и узеньких — чисто символических — плавок, на них ничего не было. Я даже не сразу заметил номерные бляхи на поясах.

— Так, — распорядился первый полицейский, — вылезай из штанов, приятель.

Видимо, я слишком мешкал, и он рявкнул:

— Быстро! Двоих таких сегодня уже застрелили, и у тебя есть шанс стать третьим.

— Сделай, как они говорят, Сэм, — спокойно сказала Мэри.

Я сделал. На мне остались только ботинки и перчатки. Чувствовал я себя полным идиотом, но, снимая шорты, ухитрился спрятать в них аппарат связи и пистолет. Один из полицейских заставил меня повернуться и его напарник сказал:

— Он чист. Теперь дама.

Я начал было натягивать шорты, но меня остановил первый полицейский.

— Эй! Ты что, неприятностей захотел? Не вздумай их надевать!

— Боюсь, меня тогда заберут за появление в общественном месте в непристойном виде, — попытался урезонить его я.

Полицейский удивился, потом заржал и повернулся к своему напарнику.

— Ты слышал, Скай?

Напарник решил объяснить:

— Слушай, приятель, ты сам знаешь правила, так что лучше не выпендривайся. По мне, так хоть шубу надевай, тогда тебя точно заберут — только сразу в морг. Парни из добровольческих формирований не так терпеливы, могут и сразу пристрелить. — Он повернулся к Мэри. — Теперь вы, леди, пожалуйста.

Мэри без разговоров стала стягивать шорты, но тут полицейский смилостивился.

— Достаточно, леди. С этим фасоном все ясно. Просто повернитесь, медленно.

— Благодарю вас, — ответила Мэри и послушно повернулась. Полицейский подметил верно: и шорты, и лифчик на ней были из тех, что напыляются из баллончика.

— А как насчет бинтов? — спросил первый.

— У нее сильные ожоги, — ответил я. — Вы что, сами не видите?

Он с сомнением посмотрел на толстую, неровно намотанную повязку и пробормотал:

— Хм-м... А откуда я знаю, что это действительно ожоги?

— А что же еще? — Я чувствовал, что зарываюсь, но не мог сдержаться: в конце концов речь шла о *моей* жене. — Черт побери, а волосы? Она что, по-вашему, сожгла такие волосы, только чтобы вас одурачить?

— *Эти* все могут, — с угрозой произнес первый полицейский.

— Карл прав, — сказал второй, более терпеливый. — Извините, леди, но придется проверить повязку.

— Вы не имеете права! — вспылил я. — Мы как раз едем к врачу. Вы...

— Помоги мне, Сэм, — перебила меня Мэри.

Я заткнулся и дрожащими от ярости руками принялся отгибать повязку с одной стороны. Тот, что был постарше, присвистнул и сказал:

— О'кей, я удовлетворен. Карл?

— Я тоже, Скай. Однако, как это вас угораздило?

— Расскажи, Сэм.

Когда я закончил рассказ, старший заметил:

— Вы еще легко отделались... В смысле, что вообще спаслись, мэм... Значит, теперь еще и кошки? Про собак я уже слышал. И про лошадей. Но кто бы мог подумать, что обычная кошка тоже может таскать паразита, а? — На лице у него словно сгустилась тень. — У нас дома есть кошка, и теперь придется от нее избавиться. Детишки, понятное дело, расстроятся.

— Да, тяжело, — посочувствовала Мэри.

— Всем сейчас тяжело. Ладно, друзья, вы свободны.

— Подождите-ка, — сказал первый. — Скай, если она пойдет по улице с такой повязкой на спине, кто-нибудь наверняка пришкворит ее из лучемета.

Второй полицейский почесал подбородок.

— Тоже верно. Видимо, придется вызвать вам патрульную машину.

Что они и сделали. Я расплатился за взятую напрокат развалюху и доехал с Мэри до ее входа в Отдел — через служебный лифт в одном из небольших отелей. Чтобы избежать лишних вопросов, мы вошли в лифт вместе. Она спустилась до нижнего уровня, который даже не значился на кнопках, а я поднялся, уже один, обратно. Можно было пройти в Отдел с ней, но Старик приказал мне возвращаться через «К-5».

Очень хотелось снова надеть шорты. В патрульной машине и от машины до служебного входа в отель, в сопровождении полицейских, которые решили довести нас до места, чтобы никто случайно не подстрелил Мэри, я еще чувствовал себя нормально, но для того, чтобы выйти на люди без штанов, когда ты один, выдержки требуется несравненно больше.

Впрочем, я зря беспокоился. Идти мне было недалеко, но и за эти несколько минут я увидел достаточно, чтобы понять: древняя привычка человечества прятать тело под одеждой канула в Лету. Большинство мужчин носило такие же лоскутки с завязками, как и полицейские, но я оказался не единственным голым человеком на улице. Один мне запомнился особенно хорошо: он стоял, прислонившись к столбу, и буквально сверлил холодным взглядом каждого, кто проходил мимо. Кроме сандалий и нарукавной повязки с буквами «ДФ», на нам ничего не было, но в руках он держал полицейскую винтовку марки «оуэнс». По дороге мне встретились еще трое таких, и я подумал, что очень вовремя решил нести шорты в руке.

Обнаженных женщин было мало, но остальные могли с таким же успехом щеголять в чем мать родила — тоненькие бюстгальтеры и прозрачные трусики все равно ничего не прикрывали. Главное, чтобы нигде не мог спрятаться паразит. Большинство женщин, правда, выглядели гораздо лучше в тогах — так, во всяком случае, мне показалось сначала. Но даже это впечатление скоро исчезло. На некрасивые тела я обращал не больше внимания, чем на побитые такси. Глаз их просто не замечал. И точно так же, похоже, вели себя все остальные.

ные — с полным безразличием. Кожа, мол, она и есть кожа, ну и что?

Когда я вернулся в Отдел, меня сразу пропустили к Старику. Он оторвал взгляд от бумаг и буркнул:

— Что-то ты долго.

— Где Мэри? — спросил я вместо ответа.

— В лазарете. Залечивает ожоги и диктует рапорт. Ну-ка покажи, что у тебя с руками.

— Нет уж, я их лучше врачу покажу, — сказал я. — Что тут у вас происходит?

— Если бы ты хоть изредка слушал новости, — проворчал Старик, — тогда бы тебе не пришлось спрашивать, что происходит.

24

На самом деле я даже рад, что мы ни разу не включили стерео, иначе наш медовый месяц кончился бы, не успев начаться. Пока мы с Мэри рассказывали друг другу, какой у каждого из нас замечательный избранник, человечество едва не проиграло войну. Мои подозрения насчет того, что паразит может управлять носителем, прячась на теле жертвы в любом месте, полностью подтвердились. Это доказали экспериментально еще до нашего отлета в горы, однако отчет прошел мимо меня. Но Старик знал. Президент, разумеется, тоже, и все высшее руководство.

Вы скажете, нет ничего проще. На смену режиму «Голая спина» приходит режим «Загар», и население страны дружно скидывает одежду, оставаясь в чем мать родила.

Черта с два! Когда начались Скрантонские беспорядки, новая информация все еще держалась под грифом «совершенно секретно». Только не спрашивайте меня почему. Наше правительство стремится засекретить все, до чего, по мнению «мудрых» государственных мужей и всяческих бюрократов, мы еще не доросли. Им, мол, лучше знать, что нужно делать. Скрантонские беспорядки могли кого угодно убедить, что в зеленой зоне полно паразитов, но даже после этих событий режим «Загар» ввели не сразу.

Насколько я понимаю, ложные сигналы воздушной тревоги передали на восточном побережье на третий день нашего медового месяца. Властям потребовалось довольно много времени, чтобы разобраться в ситуации, хотя с самого начала было ясно, что освещение не может отключиться «случайно» сразу в стольких бомбоубежищах. Я с ужасом думаю о том, как все эти люди сидели в кромешной тьме, дожидаясь сигнала отбоя, а проклятые зомби, перебираясь от одного к другому, преспокойно насаживали им паразитов. В некоторых бомбоубежищах, очевидно, добились стопроцентных результатов.

На следующий день начались беспорядки в других городах. Страну охватил страх. Строго говоря, первая добровольческая акция произошла, когда некий отчаявшийся гражданин попытался, угрожая оружием, проверить полицейского. Это был житель города Олбани Морис Т.Кауфман; полицейского звали Малькольм Макдональд. Спустя полсекунды Кауфман погиб от руки полицейского, но Макдональд тут же последовал за ним — толпа разорвала его на куски вместе с паразитом. Однако по-настоящему добровольческое движение оформилось, когда за организацию дежурств взялись на местах уполномоченные по гражданской обороне.

Поскольку во время воздушной тревоги уполномоченным полагается оставаться наверху, почти никто из них не попался в лапы титанцам, однако в большинстве своем, они считали, что ответственны за случившееся. Впрочем, добровольцев хватало и помимо отрядов гражданской обороны: голых вооруженных людей с повязками уполномоченных по гражданской обороне или буквами «ДФ» было на улицах примерно поровну. И те и другие, случалось, стреляли по любому, у кого замечали что-то подозрительное под одеждой, — сначала стреляли, а разбирались после.

Пока мне залечивали руки, я входил в курс дела. Доктор ввел мне небольшую дозу «Темпуса», и я около часа — субъективного времени прошло почти трое суток — сидел, просматривая стереопленки на сверхскоростном проекторе. Эта аппаратура до сих пор не

продается населению, хотя известно, что кое-где студенты пользуются аналогичной техникой во время сессий. При работе с ней надо лишь подогнать скорость демонстрации к субъективной скорости восприятия. Глаза устают ужасно, но в моей работе это вещь незаменимая.

Поначалу с трудом верилось, что так много событий произошло за такой короткий срок. Взять, например, собак. Люди из добровольческих формирований стреляли их, едва завидев, даже если на них не было паразитов. Не сейчас, значит, после захода солнца, она нападет на человека, и титанец просто поменяет в темноте носителя.

Ну что это за мир, где нет веры собакам?!

Кошек, похоже, титанцы почти не использовали. Бедняга Пират стал редким исключением. Однако в зеленой зоне мало кто видел теперь собак днем. Они просачивались к нам из красной зоны по ночам, пробирались в темноте и на заре прятались. Порой так успешно, что их ловили даже на океанских побережьях. Поневоле вспомнишь об оборотнях.

Среди прочих я просмотрел несколько десятков кассет с записями стереопередач из красной зоны. Все их можно было разделить на три группы по времени выхода в эфир: период маскарада, когда паразиты продолжали «нормальное» вещание; короткий период контрпропаганды, когда титанцы пытались убедить жителей зеленой зоны, что правительство сошло с ума; и последние дни, когда они вообще перестали притворяться.

По версии доктора Макилвейна, собственная культура у титанцев отсутствует; они паразитируют и в этом смысле тоже, просто перестраивая под себя ту культуру, которую встречают. В частности, они вынуждены поддерживать хотя бы на минимальном уровне хозяйственную деятельность своих жертв, иначе им придется голодать вместе с носителями. И паразиты действительно сохраняли в захваченных районах прежние экономические отношения — правда, с некоторыми вариациями, которые для нас совершенно неприемлемы. Например, они перерабатывали поврежденных носителей или просто лишних людей на удобрения. Однако в целом фермеры оставались фермерами, механики — механи-

ками, а банкиры — банкирами. Последнее кажется глупым, но специалисты утверждают, что экономическая система, основанная на разделении труда, обязательно требует бухгалтерского учета.

Другое дело — зачем они сохраняли наши развлечения. Или потребность в развлечениях носит всеобщий характер? В целом их выбор человеческих забав, которые они сохранили и «улучшили», характеризует нас самих не с лучшей стороны, хотя кое-что тут заслуживает внимания — например, корриды в Мексике, где быку представлялись равные шансы с матадором.

Но почти все остальное просто мерзко, и я не хочу на этом останавливаться. Мне, одному из немногих, довелось видеть записи без купюр, но я смотрел их профессиональным взглядом. Хотелось бы надеяться, что Мэри, которая тоже проходила инструктаж, ничего этого не видела. Впрочем, она, если и видела, все равно не скажет.

Было там и еще кое-что. До сих пор не уверен, стоит ли упоминать об этих позорных, отвратительных фактах, но чувствую, что должен: среди прислужников титанцев встречались и люди (если их можно так назвать) без паразитов. Перебежчики. Предатели.

Я всей душой ненавижу титанцев, но, будь у меня выбор, первым делом свернул бы шею одному из этих.

Войну с паразитами мы проигрывали. Наши методы годились лишь для того, чтобы сдерживать их распространение, и при этом далеко не всегда гарантировали успех. Вступить в открытую борьбу означало бы бомбить собственные города, причем без всякой уверенности, что такими мерами можно избавиться от паразитов. Нам нужно было оружие, которое убивало бы титанцев, но не причиняло вреда людям, что-то такое, от чего люди, скажем, теряли бы сознание или временно лишались способности сопротивляться. Тогда мы могли бы вторгнуться в захваченные районы и спасти своих сограждан. Но такого оружия не существовало, хотя ученые работали не покладая рук. Тут идеально подошел бы какой-нибудь «сонный газ», но нам, видимо, повезло, что такой газ не был известен до начала

нападения, иначе паразиты наверняка использовали бы его против нас. Нельзя забывать, что в распоряжении титанцев была такая же, если не большая, доля военной мощи Соединенных Штатов, как и у свободных людей.

В шахматах это называется пат, но время работало на них. В зеленой зоне хватало идиотов, которые предлагали обрушить на города в долине Миссисипи массированный ядерный удар и попросту стереть их с лица земли, но это все равно что вылечить рак губы, отрезав больному голову. В противовес им выступали такие же идиоты, которые не видели паразитов, не верили в них и считали все происходящее неким тираническим замыслом Вашингтона. Этих, из второй категории, с каждым днем становилось все меньше, но не потому что они меняли свои убеждения — просто очень уж старались люди из добровольческих формирований.

Был и третий тип — этакие открытые, без предрассудков деятели, которые считали, что с титанцами можно вести переговоры и устанавливать деловые отношения. Одна такая делегация, направленная секретным совещанием представителей оппозиционной партии в Конгресе, даже попыталась провести идею в жизнь. В обход Государственного департамента они связались с губернатором Миссури по телевизионному каналу, наспех проложенному через янтарную зону, и им пообещали дипломатическую неприкосновенность. *Титанцы* пообещали, но они поверили. Делегация вылетела в Сент-Луис, и больше их никто не видел. Правда, они неоднократно посылали нам сообщения. Я как-то проглядел одно такое — воодушевляющая речь, общий смысл которой можно было бы выразить фразой: «Давайте все к нам! Вода отличная!»

Но разве скот когда подписывал соглашения с мясозаготовителями?

Северная Америка оставалась пока единственным известным местом высадки титанцев. Организация Объединенных Наций ничего не предпринимала, только передала в наше распоряжение космические станции и переехала в Женеву. Голосованием при двадцати трех воздержавшихся было решено считать наше бедствие

«гражданскими беспорядками», после чего секретариат обратился ко всем странам, членам организации, с просьбой оказывать любую посильную помощь законным правительствам Соединенных Штатов, Мексики и Канады.

Бесшумная тайная война продолжалась, и сражения часто проигрывались раньше, чем мы узнавали, что они начались. Обычное оружие годилось разве что при наведении порядка в янтарной зоне — теперь две ничейные полосы тянулись через всю страну от канадских лесов до мексиканских пустынь. Днем там бывали только наши патрули. Ночью же, когда они отступали, через границу пытались пробраться к нам собаки — понятное дело с паразитами.

За всю войну только один раз использовалось ядерное оружие, чтобы уничтожить летающую тарелку, которая приземлилась неподалеку от Сан-Франциско, к югу от Берлингейма. Уничтожили ее в полном соответствии с действующей военной доктриной, но в данном случае сама доктрина подверглась резкой критике: тарелку нужно было захватить для изучения. Сам я, правда, больше симпатизировал тем, кто сначала стрелял, а разбирался после.

К тому времени, когда действие «Темпуса» стало ослабевать, я уже достаточно хорошо представлял себе положение Соединенных Штатов, но даже в Канзас-Сити мне не приходило в голову, что наши дела идут настолько скверно. На страну, словно плотный туман, опустился Страх. Друзья стреляли в друзей, жены разоблачали мужей и так далее. Малейший слух о появлении титанца вмиг собирал на улице толпу, и суд Линча стал обычным явлением. Постучав ночью кому-нибудь в дверь, можно было, скорее всего, получить пулю. Все честные люди оставались по ночам дома, а по улицам бродили только собаки.

От того, что в большинстве случаев слухи о титанцах не подтверждались, ситуация не становилась менее опасной. И вовсе не эксгибицизм заставлял так много людей ходить нагишом, хотя режим «Загар» допускал узенькие обтягивающие трусы и бюстгальтеры. Даже самый минимум одежды вызывал подозрительные взгляды, а подозрения случалось, приводили к слишком поспешным действиям. Панцири для позвоночников и плеч

никто уже не носил: титанцы быстро научились делать такие же, но использовали в своих целях. Особенно запомнился мне случай с девушкой в Сиэтле. На ней были только босоножки, а в руке — средних размеров женская сумочка, но один из добровольцев-патрульных — видимо, у него уже нюх на паразитов развился — заметил, что она не выпускает сумочку из правой руки, даже когда достает мелочь.

Девушка осталась жива: он отстрелил ей руку у запястья. Возможно, ей уже пересадили новую, поскольку этих «запасных частей» хватало теперь с избытком. Когда патрульный открыл сумочку, паразит тоже был еще жив, но прожил он всего несколько секунд.

Почти сразу после этого эпизода действие «Темпуса» прекратилось, о чем я и сообщил сестре.

— Не беспокойтесь, — ответила она. — Это вредно. А теперь, пожалуйста, поработайте пальцами на правой руке.

Пока я сгибал и разгибал пальцы, они с врачом за считанные минуты напылили мне суррогатную кожу.

— Для грубой работы пользуйтесь перчатками, — сказал врач. — Через неделю придете ко мне.

Я поблагодарил их и отправился в штаб. Первым делом мне хотелось отыскать Мэри, но оказалось, что она все еще в «Косметике».

25

— Как руки? — спросил Старик.

— Ничего. Фальш-кожа на неделю. Завтра мне прирастят ухо.

Он нахмурился.

— Времени нет, чтоб прижилось. Тебе нужно будет зайти в «Косметику». Пусть сделают искусственное.

— Я и без уха пока могу, — сказал я. — Зачем мне искусственное? Или ты задумал для меня новый образ?

— Не совсем... Однако теперь ты уже знаешь, что происходит в стране, и я хочу знать твое мнение.

«Интересно, что он имеет в виду?» — подумал я, затем сказал:

— Плохи наши дела. Все следят друг за другом. Все равно что в России.

— Хм-м-м... Кстати, если уж мы заговорили о России, куда, по-твоему, легче проникнуть: в Россию или в красную зону?

— В смысле? — Я бросил на него подозрительный взгляд. — С каких это пор ты позволяешь агентам выбирать задания?

— Я просто хотел услышать твое мнение как профессионала.

— М-м-м... У меня слишком мало информации. А что, паразиты уже захватили Россию?

— Вот это-то мне и нужно узнать.

Я вдруг понял, что Мэри была права: агентам не следует жениться.

— В это время года я бы, наверно, отправился через Гуанчжоу. Или ты планируешь выброску с парашютом?

— А с чего ты решил, что я хочу отправить тебя туда? — спросил Старик. — Гораздо проще и легче узнать все в красной зоне.

— Ой ли?

— Наверняка. Если они высаживались где-нибудь еще, кроме этого континента, титанцы в красной зоне знают, где именно. Зачем же тогда лететь за полмира?

Пришлось отложить оформившийся было план, где я фигурировал в качестве индийского торговца, путешествующего с женой, и я задумался о словах Старика. Может быть... Может быть...

— Но как теперь попасть в красную зону? — спросил я. — С пластиковым паразитом на плечах? Меня поймают на первых же прямых переговорах.

— Не сдавайся так сразу. Туда отправились уже четыре агента.

— Они вернулись?

— М-м-м, нет. Пока нет.

— Ты что, решил, что я уже слишком долго числюсь в списке на выплату жалования?

— Я думаю, те четверо применяли неверную тактику.

— Да уж наверно.

— Тут главное убедить их, что ты перебежчик. Как тебе идея?

Идея действительно была сногсшибательная. Я даже не сообразил сразу, что ему ответить.

— Может быть, для начала поручить мне что-нибудь попроще? Могу я, например, поработать сутенером где-нибудь в Панаме? Или порубить для практики несколько человек топором? Входить в роль нужно постепенно.

— Ладно, полегче, — сказал он. — Возможно, это непрактично...

— Да ну тебя!

— ... но ты, я думаю, справился бы. Никто из моих агентов не знает паразитов лучше тебя. И видимо, ты неплохо отдохнул, если не считать, что чуть-чуть прижег пальцы. Хотя, может быть, нам лучше забросить тебя куда-нибудь недалеко от Москвы, чтобы ты осмотрелся там и сообщил свои выводы. В общем, подумай. Два дня у тебя еще есть, так что можешь не дергаться.

— Ну спасибо. Огромное тебе спасибо. — Я решил переменить тему. — Что ты запланировал для Мэри?

— А это разве тебя касается?

— Она — моя жена.

— Знаю.

— Черт побери! Ты не хочешь пожелать мне счастья? Или хотя бы удачи?

— Мне иногда кажется, — произнес он медленно, — что удачи у тебя и так хоть отбавляй. Однако прими мое благословение, если оно чего-то стоит.

— Хм... Спасибо. — До меня иногда не сразу доходит. И как-то мне не приходило до этой минуты в голову, что столь удобным совпадением увольнений мы с Мэри обязаны Старику. — Знаешь, папа...

— Что такое?

Уже второй раз за месяц я назвал Старика папой, и это его, видимо, насторожило.

— Ты ведь с самого начала рассчитывал, что мы с Мэри поженимся, да? У тебя так и было запланировано?

— А? Бог с тобой! Я верю в свободу воли, сынок, и в свободу выбора. Вам обоим полагались увольнительные, а все остальное — случайность.

— Да? Случайностей не бывает. Во всяком случае, когда ты поблизости. Однако ладно. Исходом событий я доволен. А насчет работы...Дай мне немного времени. Я обдумаю, что тут можно сделать. И зайду в «Косметику», поинтересуюсь насчет резинового уха.

26

В конце концов мы решили проникнуть в красную зону. Однако аналитики из Отдела сочли, что у «липового» перебежчика нет никаких шансов. Основной вопрос тут: «Как человек становится перебежчиком? Почему титанцы ему верят?» Ответ напрашивается сам собой: паразит знает мысли своего носителя. Если, подчинив себе мозг человека, титанец чувствует, что тот по природе своей ренегат и готов продаться, тогда, может быть, он сочтет необходимым использовать его не как носителя, а как перебежчика. Но первым делом паразит все-таки проверит, насколько у человека подлая душа.

Мы сделали такой вывод, исходя из чисто человеческой логики, но паразиты должны ей подчиняться, потому что они могут ровно столько, сколько могут их носители. Меня же, по словам наших психоаналитиков, нельзя выдать за перебежчика даже при помощи гипнотического внушения. Узнав об их решении, я совершенно искренне сказал: «Аминь».

Возможно, действия титанцев, «освобождающих» носителей, покажутся вам нелогичными — даже при том, что они знали: эти носители по характеру рабы. Но из них-то и формировалась присягнувшая на верность паразитам пятая колонна. Слово «верность» здесь выглядит как-то нелепо, но в человеческих языках нет специального слова, чтобы охарактеризовать подобную низость. Мы не сомневались, что ренегаты проникают в зеленую зону, но пойди отличи его от нормального человека. В общем, вылавливать их было совсем нелегко.

Долго готовиться к заброске мне не пришлось. Я освежил под гипнозом несколько языков, которые могли пригодиться, причем особый упор сделал на жаргонизмах. Затем получил новую внешность, документы, легенду — короче, новую личность — и большую сумму денег. Для связи мне выдали последнюю модель передатчика, работающего в УКВ диапазоне и размером не больше хлебного батона, — одним словом, прелесть. Плюс энергоблок с идеальной экранировкой, который не учует ни один радиационный счетчик.

Планировалось, что меня забросят сквозь их радарный щит, но под прикрытием мощных помех, которые должны на время «свести с ума» все приборы станций слежения. После чего мне положено было выяснить, захвачен ли русский блок паразитами, и передать информацию на любую из космических станций в пределах видимости. Я имею в виду в пределах видимости приборов. Без них мне станцию не разглядеть, и я не верю, когда люди говорят, что способны отыскать их на небе невооруженным глазом. Выполнив задание, я мог с чистой совестью уходить, уезжать, уползать — короче, правдами и неправдами пробираться за границу. Если сумею.

Однако случилось так, что все эти приготовления оказались ни к чему. В районе городка Пасс-Кристиан села летающая тарелка.

Всего третья тарелка, чья посадка была замечена. Первую, в районе Гринелла, паразиты сумели спрятать; от второй, под Берлингеймом, осталось только радиоактивное воспоминание. Но ту, что села у Пасс-Кристиан, засекли радары и видели на земле.

Засекли ее с космической станции «Альфа», но отметили как «довольно крупный метеорит». Ошибка объясняется высокой скоростью объекта. Примитивные радарные устройства шестидесятилетней давности неоднократно замечали в прошлом летающие тарелки, особенно когда они, двигаясь в атмосфере с небольшой скоростью, проводили разведку. Современные же радары оказались настолько «совершенны», что просто не могли засечь летающую тарелку. Все дело в специализации. Аппаратура транспортного контроля регистрирует только летающие машины в воздухе. Оборонные системы видят только то, что им и положено видеть. Чувствительные приборы работают в интервале от атмосферных скоростей до пяти миль в секунду; более грубые замечают все от низкоскоростных ракет до объектов, движущихся со скоростью около десяти миль в секунду.

Есть и другие системы избирательного действия, но ни одна из них не фиксирует объекты со скоростью больше десяти миль в секунду — кроме орбитальных регистраторов метеоритной активности, а они не подчи-

няются военному ведомству. Потому-то никто сразу и не заподозрил, что этот «гигантский метеорит» может оказаться летающей тарелкой.

Однако ее посадка не осталась незамеченной. Когда тарелка садилась в районе Пасс-Кристиан, в десяти милях от Галфпорта патрулировал побережье красной зоны подводный крейсер «Роберт Фултон». Он двигался, выставив над поверхностью моря одни только рецепторы, и, когда тарелка снизила скорость (по данным орбитальной станции — с пятидесяти трех миль в секунду) до верхнего предела чувствительности радара, на контрольных экранах крейсера вдруг возник новый объект.

Возник из ниоткуда, снизил скорость до нуля и исчез. Но дежурный оператор засек координаты последнего сигнала — оказалось, это в нескольких милях от берега Миссисипи. Капитан крейсера очень удивился: след на экране радара не мог означать космический корабль, поскольку они просто не тормозят с пятидесятикратными перегрузками. Ему не пришло в голову, что паразитам такие перегрузки, возможно, нипочем. Тем не менее он решил разобраться и направил крейсер в устье Миссисипи.

Первый его рапорт гласил: «К западу от Пасс-Кристиан на Миссисипи совершил посадку космический корабль». Второе было еще короче: «Высаживаю группу захвата».

Если бы я в то время не готовился в Отделе к заброске, меня наверняка не взяли бы с собой — все происходило слишком быстро. Зазвонил мой телефон. От неожиданности я ударился головой о корпус проекционной машины и выругался. Тут же послышался голос Старика:

— Ко мне! Быстро!

Отправились мы той же компанией, с которой началась вся эта история много недель — или лет? — назад: Старик, Мэри и я. Только в воздухе, когда мы, нарушая все ограничения по скорости, рванули на юг, Старик объяснил в чем дело.

— Но почему только наша «семейка»? — спросил я. — Туда надо направлять целую десантную часть.

— Уже направлена, — серьезным тоном ответил Старик, затем вдруг ухмыльнулся. — А что ты так беспокоишься? В наступление идет неустрашимое семейство Кавано. А, Мэри?

Я фыркнул.

— Если ты опять хочешь поручить нам роль брата и сестры, тебе лучше подыскать другого агента.

— Ладно, но ты по-прежнему защищаешь ее от собак и посторонних мужчин, — сказал Старик. — Ты понял? И от собак, и от мужчин. Не исключено, сынок, что сегодня решается все.

Он перебрался к пульту связи, задвинул переборку и склонился над коммуникатором. Я повернулся к Мэри. Она прижалась ко мне и шепнула:

— Привет, братишка.

Я сжал ее посильнее.

— Если ты и дальше будешь называть меня «братишкой», кого-то придется отшлепать.

27

Поначалу нас чуть не сбили свои же, затем придали для сопровождения два «Черных ангела», которые и доставили машину к флагманскому кораблю, откуда руководил операцией маршал Рекстон. Мы сравняли скорость с флагманом, и он принял нас на борт, подцепив якорной петлей. Маневр, надо заметить, не для слабонервных.

Рекстон хотел было «отшлепать нас и отослать домой», но со Стариком такие штуки не проходят. В конце концов нас выгрузили прямо в воздухе, и я посадил машину на шоссе у побережья, к западу от Пасс-Кристиан, — могу добавить, что я чуть не поседел, когда при заходе на посадку кто-то выпустил по нашей машине ракету типа «земля-воздух». И вокруг, и над нами продолжался бой, но около самой тарелки было на удивление спокойно.

Инопланетный корабль высился над шоссе всего в сорока ярдах от нас. Выглядел он так же зловеще и убедительно, как глупо и ненатурально смотрелась та подделка из пластика в Айове, — огромный диск, чуть

наклоненный в нашу сторону. При посадке тарелка раздавила дом, один из тех особняков с остроконечными крышами, что строят там вдоль всего побережья, и теперь сидела между развалинами дома и стволом толстенного дерева.

Из-за того что тарелка стояла наклонно, нам хорошо было видно ее верхнюю часть с металлической полусферой около двенадцати футов диаметром в центре — без сомнения, вход в шлюзовую камеру. Полусфера висела футах в шести-восьми над корпусом тарелки. Я не видел, на чем она держится, но полагал, что там должна быть центральная колонна, как у тарельчатого клапана. Почему они не закрылись и не взлетели, тоже было понятно: шлюз искорежила и заклинила своим корпусом «болотная черепаха» — легкий плавающий танк из группы захвата, высаженный с «Роберта Фултона».

Хочу, чтобы вы запомнили эти имена: командир танка лейтенант Гилберт Калхаун из Ноксвилла, механик-водитель Флоренс Берзовская и стрелок Букер Т.У.Джонсон. Когда мы приземлились, все они были уже мертвы.

Едва наша машина опустилась на дорогу, ее окружил взвод десантников под командованием молодого розовощекого офицера, которому явно не терпелось когонибудь пристрелить. Увидев Мэри, он немного поутих, но все равно не разрешил приблизиться к тарелке, пока не получил согласие своего непосредственного командира, который в свою очередь связался с капитаном «Фултона». Учитывая, что тому, скорее всего, пришлось говорить с Вашингтоном, разрешение мы получили довольно быстро.

Ожидая ответа, я наблюдал за сражением в воздухе и, по правде говоря, был рад, что не принимаю в нем участие. Потери ожидались большие, и многие уже полегли. За нашей машиной лежало тело мальчишки — от силы лет четырнадцати. Он все еще сжимал в руках реактивный гранатомет, а его плечи, где еще недавно сидел титанец, покрывала красная сыпь. Я сразу насторожился: возможно, паразит сполз и умер, но кто знает, может, он сумел перебраться на солдата, который заколол мальчишку штыком.

Пока я обследовал тело, Мэри с молодым морским офицером отошли по шоссе в сторону. Опасение, что паразит еще жив и может быть где-то рядом, заставило меня обогнать их.

— Иди в машину, — сказал я.

Она бросила взгляд вдоль шоссе: глаза ее возбужденно блестели.

— Я подумала, что, может быть, мне удастся пострелять.

— Здесь она в безопасности, — сказал молодой офицер. — Мы надежно удерживаем их довольно далеко отсюда.

Я сделал вид, что не слышу его.

— Послушай, ты, кровожадная хищница! Быстро в машину, или я затолкаю тебя туда силой!

— Хорошо, Сэм, — она двинулась к машине и забралась внутрь.

Я повернулся к молодому офицеру.

— Что ты на меня уставился? Не нравлюсь? — Совсем недавно эта местность кишела паразитами, и я здорово нервничал.

— Не особенно. — Он смерил меня взглядом. — Там, откуда я родом, с дамами так не разговаривают.

— Вот и отправлялся бы туда, откуда ты родом, черт побери! — рявкнул я, повернулся и пошел к машине. Старика тоже не было видно, и мне это совсем не нравилось.

Возвращаясь с запада, затормозила рядом санитарная машина.

— Дорога до Паскагулы свободна? — спросил водитель.

Река Паскагула в тридцати милях к востоку от места посадки считалась янтарной зоной: одноименный городок на восточном берегу в устье реки был в зеленой зоне, но в шестидесяти-семидесяти милях к западу по этой же дороге находился Нью-Орлеан, город с самой высокой концентрацией паразитов южнее Сент-Луиса. Враги прибывали оттуда, а наша ближайшая база была в Мобиле.

— Не знаю, не слышал, — ответил я.

Он сжал зубами костяшку пальца.

— А черт, ладно. Сюда прорвался — может, и назад прорвусь.

Турбины взвыли, и он унесся прочь. Я продолжал высматривать Старика.

Хотя на земле сражение переместилось в сторону от тарелки, в воздухе бой продолжался чуть ли не прямо над нами. Я следил за белыми росчерками в небе, пытаясь понять, кто есть кто и как они сами это определяют. Вскоре откуда-то появилась большая транспортная машина, резко затормозила реактивными двигателями, и оттуда посыпались десантники. Издалека я не мог разглядеть, есть у них паразиты или нет, но по крайней мере транспорт появился с востока.

Потом я заметил Старика. Тот разговаривал с командиром группы захвата. Я подошел и вмешался в разговор:

— Босс, по-моему, пора давать ходу. Сюда минут десять назад должны были сбросить атомную бомбу.

— Не беспокойтесь, — сказал командир. — Концентрация паразитов здесь настолько мала, что не заслуживает даже игрушечной бомбы.

Я уже хотел спросить, откуда он знает, что паразиты придерживаются такого же мнения, но вмешался Старик:

— Он прав, сынок.

Затем взял меня за локоть, отвел к машине и добавил:

— Он прав, но совершенно по другой причине.

— В смысле?

— Мы же не бомбили города, которые удерживают паразиты. И они тоже не хотят уничтожать корабль; он нужен им целым и невредимым. Иди к Мэри и помни: собаки и посторонние мужчины.

Я промолчал, хотя он совсем меня не убедил. По правде сказать, я ждал, что от нас вот-вот останутся только щелчки в счетчике Гейгера. Паразиты сражались с полным пренебрежением к опасности, возможно потому, что отдельная личность для них ничего не значит. С чего тогда они будут осторожничать с одним из своих кораблей? Может быть, им гораздо важнее, чтобы тарелка не попала в наши руки.

Мы едва успели дойти до машины, как снова появился тот зеленый офицер. Он отсалютовал Старику и громко произнес:

— Командир распорядился оказывать вам всяческое содействие, сэр. Вы вправе делать все, что захотите.

Судя по тому, как изменилось его отношение к нам, можно было подумать, что вместо ответной радиограммы они получили пылающие письмена от самого господа Бога.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Старик снисходительно. — Мы хотели всего лишь осмотреть захваченный корабль.

— Да, сэр. Прошу за мной, сэр.

Но роль гида ему не удалась. Сначала он никак не мог решить, кого ему нужно сопровождать, Старика или Мэри, но Мэри победила, и первым оказался Старик. Я шел сзади, настороженно глядел по сторонам и старался не думать об этом мальчишке. Места на побережье — если это не ухоженные сады — совсем дикие, практически джунгли. Летающая тарелка плюхнулась как раз в такую чащу, а Старик вел напрямик.

— Осторожнее, сэр. Смотрите под ноги, — сказал офицер.

— Что, паразиты? — спросил я.

Он покачал головой.

— Кобры.

Только змей нам еще и не хватало, но, видимо, я прислушался к его предупреждению и смотрел на землю, когда случилась новая неожиданность.

Я услышал крик, вскинул голову и — помоги нам бог — прямо на нас несся бенгальский тигр.

Мэри, видимо, выстрелила первой. Я — одновременно с молодым офицером, может быть, даже чуть раньше. Старик выстрелил последним. Четыре луча располосовали зверя на столько кусков, что на ковер там уже ничего не осталось. Но, как ни странно, паразит на загривке тигра не пострадал, и я спалил его вторым выстрелом.

— Ну и ну, — удивленно глядя на тигра, произнес офицер. — Я думал, мы с ними всеми разделались.

— Что ты имеешь в виду?

— Один из первых транспортов, что они сюда направляли. Настоящий Ноев ковчег. В кого мы только не стреляли — от горилл до белых медведей. На тебя никогда не бросался буйвол?

— Нет, и надеюсь, судьба избавит меня от таких испытаний.

— На самом деле собаки хуже. На мой взгляд, они все-таки неважно соображают. — Он равнодушно кивнул на мертвого паразита.

Мы быстро миновали заросли и добрались до корабля титанцев — отчего мне совсем не стало спокойнее, хотя ничего пугающего в его облике в общем-то, не было.

Другое дело, что корабль выглядел *не так*. Явно искусственный объект, но и без всяких подсказок было ясно, что сделан он не людьми. Почему? Не знаю, как точнее передать. Поверхность — сплошное темное зеркало, и на нем ни царапины, вообще ни единой отметины. Как его собирали — непонятно. Сплошная гладкая поверхность, и все.

Я даже не мог сказать, что это за материал. Металл? По идее, да, должен бы быть металл. Но что это на самом деле? Далее, поверхность космического корабля только-только с орбиты может быть или безумно холодной или обжигающе горячей от прохождения через атмосферу. Я дотронулся до нее рукой — и ничего не почувствовал: ни холода, ни жара, вообще ничего. И еще я заметил сразу же: такой большой корабль, садящийся с дикой перегрузкой, должен был спалить под собой по крайней мере акра два; здесь же ничего не выгорело, под кораблем остался пышный зеленый кустарник.

Мы поднялись к «грибу» в центре тарелки — к шлюзу, если я правильно понял его назначение. Один край «гриба» зажал «болотную черепаху» — танковую броню смяло, будто коробку, но все же она выдержала. «Черепахи» могут погружаться на глубину до пятисот футов, так что, сами понимаете, они *очень* прочные.

Шляпка «гриба» смяла ее, но шлюз все-таки не закрылся. Хотя на металле — или что это там за материал, из которого паразиты делают свои корабли? — все равно не осталось ни следа.

Старик повернулся ко мне.

— Вы с Мэри подождите здесь.

— Ты что, один туда собрался?

— Да. Возможно, у нас очень мало времени.

Тут заговорил офицер:

— Я должен вас сопровождать, сэр. Приказ командира.

— Что ж, хорошо, — согласился Старик. — Пошли.

Он встал на колени, заглянул внутрь, затем опустился на руках в люк. Мальчишка последовал за ним. Я немного злился на Старика, но оспаривать его решение не стал.

Когда они скрылись в тарелке, Мэри повернулась ко мне:

— Сэм, мне это совсем не нравится. Я боюсь.

Она меня, признаться, удивила. Я сам испытывал страх, но никак не ожидал этого от нее.

— Не беспокойся. Я рядом.

— А мы должны оставаться здесь? Он ведь не сказал этого.

Я обдумал ее слова и решился:

— Если ты хочешь вернуться к машине, я тебя провожу.

— Я... Нет, Сэм, наверно, нам надо остаться. Но ты меня обними.

Я обнял ее и почувствовал, как она дрожит.

Спустя какое-то время — не помню, как долго мы сидели одни, — над краем люка появилась голова Старика и мальчишки-офицера.

Офицер выбрался наружу. Старик приказал ему охранять шлюз, а нас потянул внутрь.

— Пошли. Там не опасно. Вроде бы.

— Черта с два! — сказал я, но послушался, потому что Мэри уже двинулась к люку.

Старик помог ей слезть и сказал:

— Голову не поднимайте. Здесь везде низкие потолки.

Давно известно, что у инопланетян все иначе, не так, как у нас, но мало кому из людей доводилось своими глазами видеть лабиринты Венеры или марсианские

руины, а я не принадлежу к числу даже тех немногих. Сам не знаю, что ожидал увидеть внутри. Не то чтобы там все поражало воображение, но выглядело довольно необычно. Создавался корабль инопланетным разумом, с совершенно иными представлениями о том, как и что нужно делать, разумом, который даже не знал, возможно, о прямых углах и прямых линиях или не считал эти элементы необходимыми. Мы оказались в небольшой, как бы приплюснутой круглой камере и оттуда поползли по змеящейся трубе около четырех футов диаметром: туннель уходил, наверно, в самое сердце корабля и по всей поверхности светился красноватым светом.

В корабле стоял странный, тяжелый запах — словно болотный газ с душком от мертвых паразитов. Это и красноватое свечение, плюс полное отсутствие ощущений тепла или холода под ладонями создавало неприятное впечатление, будто мы не космический корабль обследуем, а ползем по пищеводу какого-то неземного чудовища.

Вскоре труба разделилась, словно артерия, на два прохода, и там мы впервые обнаружили титанского гермафродита-носителя. Он — пускай будет «он» — лежал на спине, будто спящий ребенок с паразитом вместо подушки. На маленьких пухлых губках застыло некое подобие улыбки, и я не сразу догадался, что он мертв.

На первый взгляд, у титанцев и человека больше сходных черт, чем различий. То, что мы ожидали увидеть, как бы заслоняет, что мы видим на самом деле. Взять хотя бы его «рот» — с чего я решил, что они им дышат?

В действительности, даже несмотря на поверхностное сходство — четыре конечности и похожий на голову нарост, — они напоминают нас не больше, чем, скажем, лягушка-бык молодого бычка. Тем не менее что-то в нем было почти человеческое. «Маленький эльф», — подумалось мне. Эльфы со спутника Сатурна.

Увидев это существо, я выхватил пистолет. Старик обернулся и сказал:

— Успокойся. Он мертв. Они все погибли, когда танк нарушил герметизацию.

— Я хотел убить паразита, — не унимался я, держа оружие наготове. — Возможно, он еще жив.

Паразит был без панциря, какой встречался теперь почти у всех, голый и отвратительный.

— Твое дело. Но он никому не причинит вреда. Этот паразит не может выжить на носителе, который дышит кислородом, — сказал Старик, пожав плечами, и полез через мертвого титанца.

Я даже не смог из-за него выстрелить. Мэри, вопреки обыкновению, не выхватила пистолет, а только прижалась ко мне, словно искала защиты и утешения. Дышала она нервно, будто всхлипывала. Старик остановился и терпеливо спросил:

— Ты идешь, Мэри?

Она судорожно вздохнула.

— Пойдем назад! Я не могу здесь!

— Мэри права, — сказал я. — Это работа не для троих агентов, а для целой научной группы со специальным оборудованием.

Старик не обратил на меня никакого внимания.

— Мэри, это необходимо сделать, ты же знаешь. Кроме тебя, некому.

— Что это еще такое? Почему она должна здесь оставаться? — разозлился я.

Он снова пропустил мои слова мимо ушей.

— Мэри?

Каким-то образом ей удалось справиться с собой. Дыхание стало ровным, лицо разгладилось, и она с невозмутимостью королевы, всходящей на эшафот, поползла следом, стараясь не задеть тело, хотя пистолет в руке здорово мешал.

В конце концов мы добрались до большого помещения, которое, по всей вероятности, служило титанцам командным отсеком, — мертвых «эльфов» там оказалось еще больше. Вогнутые стены светились гораздо ярче, чем в туннеле, и были покрыты какими-то наростами с извилинами, похожими на кору головного мозга и столь же непостижимыми. Мне снова почудилось, что сам корабль — это большой живой организм.

Старик не остановился и нырнул в следующий туннель со светящимися красными стенами. Мы ползли по его изгибам, пока туннель не расширился футов до

десяти — даже встать уже можно было. Но это не самое главное: стены стали прозрачными.

За прозрачными панелями по обеим сторонам, извиваясь и переворачиваясь, плавали в питательной среде тысячи и тысячи паразитов. Каждый контейнер освещался мягким рассеянным светом изнутри, и было очень хорошо видно, насколько они велики. Я с трудом сдерживался, чтобы не закричать.

Пистолет дрожал у меня в руке, и Старик закрыл раструб ладонью.

— Не вздумай, — сказал он. — Не приведи господь, они оттуда вырвутся. Эти-то как раз для нас.

Мэри смотрела на паразитов не отрываясь но лицо ее казалось мне слишком уж спокойным. Наверно, она даже не совсем понимала, что видит перед собой. Я посмотрел на нее, на стены этого жуткого аквариума и, теряя терпение, сказал:

— Давайте сматываться отсюда, пока еще есть время, а потом разбомбим их к чертовой матери.

— Нет, — тихо ответил Старик. — Это еще не все. Пошли.

Туннель сузился, затем снова стал шире, и мы оказались в зале чуть меньших размеров. Опять прозрачные стены, и опять что-то за ними плавало.

До меня даже не сразу дошло, что это.

Прямо напротив меня, лицом вниз колыхалось тело мужчины. Тело человека. Земного человека лет сорокапятидесяти. Он плавал, скрестив руки на груди и поджав колени как во сне.

Я смотрел, не в силах отвести взгляд и мучаясь ужасными догадками. Человек был в аквариуме не один — за ним плавали еще: мужчины и женщины, молодые и старые, — но этот почему-то задержал мое внимание. Я думал, что человек мертв, даже сомнений не возникало. Но тут он шевельнул губами — боже, лучше бы это и в самом деле был мертвец.

Мэри бродила вдоль прозрачной стены словно во сне — нет, не во сне, а полностью погруженная в себя, — останавливалась, вглядываясь в мутные, заполненные телами аквариумы.

Старик смотрел только на нее.

— Ну что, Мэри? — спросил он мягко.

— Я не могу их найти, — чуть не плача, произнесла она голосом маленькой девочки и перебежала к другой стене.

Старик схватил ее за руку.

— Ты не там их ищешь, — сказал он на этот раз твердо. — Тебе нужно вернуться к ним. Вспомнить.

— *Но я не помню!* — Как стон.

— Ты должна вспомнить! По крайней мере это ты можешь для них сделать. Тебе нужно вернуться к ним, отыскать их у себя в памяти.

Мэри закрыла глаза, и по ее щекам побежали слезы. Она всхлипывала и судорожно глотала воздух. Я протиснулся между ними и повернулся к Старику.

— Прекрати. Что ты с ней делаешь?

Он оттолкнул меня в сторону и рассерженно прошептал:

— Не лезь, сынок. Сейчас ты *не должен* мне мешать.

— Но...

— Все! — Он отпустил Мэри и отвел меня ко входу. — Стой здесь. Я знаю, что ты любишь жену, знаю, что ненавидишь титанцев, но сейчас не мешай мне. Все будет хорошо. Я обещаю.

— Что ты задумал?

Старик не ответил и отвернулся. Я остался на месте. Хотелось что-то сделать, но я боялся вмешиваться в то, чего не понимаю.

Мэри села на корточки и закрыла лицо руками, как напуганный ребенок. Старик опустился рядом с ней на колени и тронул ее за запястье.

— Назад, возвращайся назад, — донеслось до меня. — Туда, где все это началось.

— Нет... нет... — едва слышно откликнулась Мэри.

— Сколько тебе было лет? Когда тебя нашли, по виду было семь или восемь. Это случилось раньше?

— Да... да, раньше. — Она всхлипнула и упала на пол. — Мама! Мамочка!

— Что говорит мама? — мягко спросил Старик.

— Ничего не говорит. Только смотрит на меня так... странно смотрит. У нее что-то на спине. Я боюсь. Боюсь!

Пригнув голову, я двинулся к ним. Старик, не отрывая глаз от Мэри, махнул рукой, чтобы я оставался на месте, и я в нерешительности остановился на полпути.

— Назад, — приказал он. — Назад!

Обращался он ко мне, и я послушался. Но Мэри тоже.

— Я помню корабль, — пробормотала она. — Большой, сверкающий корабль...

Старик сказал что-то еще. Если она и ответила, я на этот раз не расслышал. Но все равно остался на месте. Происходило явно что-то важное, настолько важное, что целиком захватило внимание Старика даже в окружении врагов.

Он говорил — успокаивающе, но настойчиво. Мэри затихла и словно погрузилась в гипнотический транс. Теперь я слышал ее совершенно отчетливо. Спустя какое-то время ее просто понесло, как бывает, когда срывается какой-то эмоциональный тормоз. Старик лишь изредка направлял рассказ.

Я услышал шорох в туннеле за спиной, и, выхватив пистолет, мгновенно повернулся. На какое-то мгновение мной овладело дикое паническое ощущение, что мы попали в ловушку, и я чуть не пристрелил того молодого офицера, что мы оставили охранять вход.

— Срочно на выход! — произнес он, задыхаясь, затем протолкнулся мимо меня к Старику и повторил от же самое.

Старик зыркнул на него как на смертельного врага.

— Заткнись и не мешай!

— Но, сэр, это необходимо, — настаивал офицер. — Командир приказал немедленно возвращаться. Мы отступаем. Возможно, придется уничтожить этот корабль. Если мы останемся, они разнесут его вместе с нами.

— Хорошо, — неожиданно спокойным тоном произнес Старик. — Иди скажи командиру, что он должен продержаться, пока мы не вернемся. У меня есть жизненно важная информация. Сынок, помоги мне с Мэри.

— Есть, сэр! Но поторопитесь! — Офицер поспешно уполз.

Я подхватил Мэри на руки и донес до воронки, ведущей в туннель. Она ни на что не реагировала, хотя вроде бы была в сознании. У входа я положил ее на пол.

— Придется тащить, — сказал Старик. — Она, видимо, не скоро придет в себя. Знаешь что, давай-ка я пристрою ее тебе на спину, и ты поползешь впереди.

Не обращая на него внимания, я тряхнул Мэри за плечи.

— Мэри! Ты меня слышишь?

Она открыла глаза.

— Да, Сэм.

— Мэри, родная, нам нужно выбираться отсюда — и очень быстро. Ты сможешь ползти?

— Да, Сэм. — Глаза опять закрылись.

Я снова ее встряхнул и крикнул:

— Мэри!

— Да, дорогой. Что такое? Я очень устала.

— Послушай, Мэри, тебе нужно ползти вперед. Иначе нас захватят паразиты. Ты понимаешь?

— Хорошо, дорогой. — Она уже не закрывала глаза, но в них не было ни единой мысли.

Я подтолкнул ее в туннель и пополз следом. Когда она останавливалась, приходилось подгонять ее шлепками. Через камеру со стеклянными стенами, за которыми плавали паразиты, и командный отсек — если это действительно командный отсек — я пронес Мэри на руках, затем снова ползком. На развилке, где на полу лежал мертвый «эльф», она остановилась. Теперь уже у меня не возникало никаких сомнений, что паразит сдох. Но Мэри снова пришлось поддать, чтобы она двигалась вперед.

Худо-бедно этот кошмар закончился, и мы все-таки выползли к шлюзу, где нас ждал молодой офицер. Он помог поднять Мэри: мы со Стариком толкали снизу, он тянул. Затем я подсадил Старика, выкарабкался наверх сам и отобрал Мэри у этого мальчишки. Снаружи уже почти стемнело.

Мы пробрались мимо раздавленного дома, обогнули кустарник и вышли на дорогу. Машины на месте не оказалось, но нас ждала «болотная черепаха», куда мы и втиснулись, не теряя ни одной секунды, потому что бой шел чуть ли не над нашими головами. Командир танка велел задраить люки, и мы рванули к воде. Спустя пятнадцать минут танк вполз в чрево «Фултона».

А еще через час мы высадились на базе Мобил. Нам со Стариком предложили в кают-компании «Фултона» кофе и сандвичи, а Мэри тем временем приводили в себя в женском кубрике. Она присоединилась к нам перед самым прибытием на базу и, похоже чувствовала себя к тому времени вполне нормально.

— Ты как, в порядке, Мэри? — спросил я.

— Конечно, дорогой. А что могло со мной случиться?

С базы мы вылетели на штабной машине в сопровождении нескольких истребителей. Я думал, мы направляемся к себе в Отдел или в Вашингтон, но вместо этого пилот доставил нас на другую базу, скрытую в теле горы, и лихо сел прямо в ангар — гражданским машинам такое просто не под силу, а он, что называется «попал в игольное ушко»: на полной скорости снизился, влетел в пещеру и сразу затормозил.

— Где это мы? — спросил я.

Старик не ответил и выбрался из машины. Мы с Мэри последовали за ним. Ангар был небольшой — всего лишь стоянка для дюжины летающих машин, уловитель и единственная стартовая платформа. Охрана направила нас к двери посреди каменной стены, мы зашли внутрь и оказались в крохотном холле. Голос из динамика тут же приказал нам раздеться. Как ни жаль было расставаться с оружием и телефоном, но пришлось.

Затем мы прошли в следующее помещение, где нас встретил молодой охранник, чье облачение состояло лишь из повязки с тремя шевронами и двумя перекрещенными ретортами. Он повел нас дальше и перепоручил девушке, на которой было и того меньше — только два шеврона. Оба служащих базы, конечно же, обратили внимание на Мэри, каждый по-своему, и мне показалось, что девица-капрал облегченно вздохнула, передав наконец нашу компанию капитану.

— Мы получили ваше сообщение, — сказала женщина-капитан. — Доктор Стилтон уже ждет.

— Благодарю вас, мадам, — ответил Старик. — Куда теперь?

— Секундочку. — Она подошла к Мэри, ощупала ее волосы и извиняющимся тоном добавила: — Приходится быть настороже.

Если она и заметила, что больше половины волос у Мэри искусственные, то никак этого не проявила. У нее самой прическа была по-мужски короткая.

— Ладно, — смилостивилась она. — Идемте.

— Хорошо, — сказал Старик. — Но ты, сынок, останешься здесь.

— Почему это? — спросил я.

— Потому что ты чуть не испортил мне первую попытку. Все. Возражения не принимаются, — отрезал Старик.

— Офицерская кают-компания будет в первом проходе налево, — подсказала капитанша. — Можете подождать там.

Ничего другого мне не оставалось. По пути в кают-компанию я наткнулся на дверь, украшенную красным черепом с костями и надписью: «Осторожно! Живые паразиты. Только для допущенного персонала! Используйте процедуру «А»!» Разумеется, меня бы туда силой не затащили.

В кают-компании прохлаждались трое или четверо мужчин и две женщины. Я нашел свободное кресло и сел, пытаясь сообразить, кем тут нужно быть, чтобы получить рюмку. Спустя несколько минут ко мне присоединился крупный общительный мужчина с цепочкой на шее, на которой болталась бляха с полковничьими звездами.

— Новичок? — спросил он.

Я признался, что да.

— Гражданский эксперт?

— Не знаю, потяну ли я на эксперта, но для оперативной работы вроде бы гожусь.

— А как зовут? Извините за навязчивость, но я отвечаю здесь за режим секретности. Фамилия — Келли.

Я тоже назвался. Он кивнул.

— Вообще-то, я видел, как вы появились на базе. Ладно, мистер Нивенс, а как вы насчет того, чтобы промочить горло?

— Спрашиваете! Кого надо прикончить, чтобы налили?

— ... и насколько я понимаю, — говорил Келли, — режим секретности здесь нужен, как роликовые конь-

ки кобыле. Результаты нашей работы надо публиковать в печати, и как можно скорее.

Я заметил, что он совсем не производит впечатление твердолобого солдафона. Келли рассмеялся.

— Поверьте, далеко не все «твердолобые солдафоны» на самом деле таковы. Они ими только кажутся.

На это я сказал, что да, мол, маршал Рекстон, например, действительно не так прост, как можно было бы подумать.

— Вы с ним знакомы? — спросил Келли.

— Не то чтобы знаком, но мы встречались с ним по работе. Последний раз я видел его сегодня утром.

— Хм... Я никогда не встречался с этим джентльменом лично. Похоже, вы вращаетесь в более высоких сферах, сэр.

Я объяснил, что это всего лишь случайный поворот судьбы, но тем не менее он стал относиться ко мне с гораздо большим уважением.

Спустя какое-то время Келли принялся рассказывать мне о работе лаборатории:

— Сейчас мы знаем об этих мерзких созданиях больше самого дьявола. Но известно ли нам, как уничтожать паразитов, не убивая носителя? Увы. Разумеется, если бы мы могли заманивать их по одному в какую-нибудь камеру и усыплять газом, тогда носители оставались бы целы и невредимы. Но знаете эту старую шутку про то, как ловить птиц? Все, мол, очень просто, если можешь подобраться достаточно близко и насыпать ей на хвост соли. Сам я не ученый — всего лишь полицейский, хотя и числюсь по другому ведомству, — но я разговаривал с теми, кто здесь работает. И одно ясно уже сейчас: для победы в войне нужно биологическое оружие — микроб, который кусает паразита, но не носителя. Вроде бы не так сложно, да? Нам известны сотни болезней, которые смертельны для титанцев — оспа, тиф, сифилис, энцефалит, болезнь Обермейера, чума, желтая лихорадка и так далее. Беда в том, что все они убивают и носителей.

— А нельзя использовать что-нибудь такое, против чего у всех есть иммунитет? — спросил я. — Всем, например, делают прививку от тифа. И почти все вакцинированы от оспы.

— Ничего не выйдет. Если у носителя есть иммунитет, паразиту болезнь не передается. Теперь, когда они научились отращивать себе этот наружный панцирь, все контакты с внешней средой идут у них через носителей. Нет, нам нужно что-то такое, что наверняка убьет паразита, а у человека разве что насморк вызовет.

Я хотел что-то ответить, но тут заметил в дверях Старика, извинился перед Келли и встал из-за столика.

— Что там из тебя Келли выкачивал? — спросил Старик.

— Ничего не выкачивал, — ответил я.

— Это тебе только кажется. Ты знаешь, кто он?

— А должен?

— Да должен бы. Хотя, может, и нет. Он никому не позволяет себя фотографировать. Это знаменитый «Б. Дж. Келли», величайший криминолог современности.

— Тот самый Келли?! Но ведь он не имеет никакого отношения к армии.

— Почему? Возможно, он в запасе. Но я думаю, ты догадываешься теперь, насколько важна эта лаборатория. Пойдем.

— Где Мэри?

— Сейчас тебе к ней нельзя. Она приходит в себя.

— С ней... что-нибудь случилось?

— Я же обещал тебе, что все будет в порядке. Лучше Стилтона в этой области никого нет. Но нам пришлось копать очень глубоко и преодолевать ее сопротивление. Это всегда тяжело для объекта.

Я обдумал его слова и спросил:

— Ты получил, что хотел?

— И да, и нет. Мы еще не закончили.

— А что ты хочешь найти?

Мы шли по одному из бесконечных подземных коридоров базы, потом зашли в небольшой кабинет и сели. Старик нажал клавишу коммуникатора на столе и сказал:

— Частная беседа.

— Да, сэр, — послышалось в ответ. — Мы не будем записывать.

Одновременно на потолке зажегся зеленый сигнал.

— Верить им, конечно, нельзя, — пожаловался Старик, но по крайней мере пленку не будет слушать никто, кроме Келли. Теперь о том, что ты хотел узнать... Хотя,

по правде говоря, я не уверен, что тебе положено это знать. Да, она твоя жена, но душа ее тебе не принадлежит, а то, что нам стало известно, крылось слишком глубоко в душе. Мэри и сама не подозревала, что там есть.

Я молчал, и он продолжал задумчивым, обеспокоенным тоном:

— С другой стороны, может быть, лучше рассказать тебе что-то, чтобы ты понял, о чем я говорю. Иначе начнешь дергать ее, а мне бы этого очень не хотелось. Ты невольно можешь вызвать у нее какой-нибудь нервный срыв. Она вряд ли что-то вспомнит, — Стилтон работает предельно осторожно, — но ты можешь здорово осложнить ей жизнь.

Я глубоко вздохнул и сказал:

— Сам решай.

— Ладно. Я расскажу тебе кое-что и отвечу на твои вопросы — на некоторые из них, — если ты поклянешься никогда не беспокоить на эту тему свою жену. У тебя просто нет нужного опыта.

— Хорошо, сэр. Я обещаю.

— В общем, не так давно на Земле существовала группа людей — культ, можно сказать, — к которым все остальное человечество относилось довольно неприязненно.

— Я знаю. Уитманиты.

— А? Откуда ты узнал? От Мэри? Нет, Мэри не могла ничего тебе рассказать: она сама не помнила.

— Нет, не от Мэри. Сам догадался.

Старик посмотрел на меня с удивлением и уважением одновременно.

— Возможно, я тебя недооценивал, сынок. Да, уитманиты. И Мэри была в детстве с ними, в Антарктике.

— Стоп! Они же перебрались из Антарктики... — я напряг память, и нужная дата вдруг всплыла. — ... в 2034-м!

— Точно.

— Но тогда Мэри должно быть около сорока.

— А тебя это беспокоит?

— В смысле? Нет, видимо. Но этого не может быть.

— На самом деле может. Хронологически ей действительно около сорока. Биологически — примерно два-

дцать пять. А субъективно она еще моложе, потому что у нее нет сознательных воспоминаний о жизни до 2050-го.

— Что ты имеешь в виду? Я могу понять, что она не помнит свое детство, не хочет его вспоминать. Но что означает все остальное?

— То, что я и сказал. Ей ровно столько, на сколько она выглядит... Помнишь ту камеру на корабле титанцев, где она начала что-то вспоминать? Лет десять или даже больше Мэри провела в анабиозе точно в таком же аквариуме.

28

С возрастом я не становлюсь грубее и крепче; скорее наоборот, мягче, сентиментальнее... Мэри, моя любимая жена, плавающая в этой искусственной утробе, не живая, не мертвая — законсервированная, словно саранча в банке, — нет, это было уже слишком.

Откуда-то издалека донесся голос Старика:

— Спокойно, сынок. С ней же все в порядке.

— Ладно... Дальше.

Внешне жизнеописание Мэри выглядело довольно просто, хотя элемент загадочности в нем тоже присутствовал. Ее нашли в болотах под Кайзервилем у северного полюса Венеры. Девочка ничего не могла о себе рассказать и знала только свое имя — Аллукьера. Никто не счел имя важной деталью, да и вряд ли кому пришло в голову искать связь между девочкой-найденышем и крахом уитманитов: еще в 2040-м команда грузового корабля, доставлявшего припасы в их колонию в Новый Сион, сообщила, что там никого не осталось в живых. Целых десять лет времени и двести миль непроходимых джунглей разделяли крохотное поселение Кайзервиль и забытую богом колонию уитманитов.

Неизвестно откуда взявшийся ребенок на Венере? В 2050-м году? Да, событие невероятное, но на планете не нашлось ни одного человека, который заинтересовался бы этим делом и захотел разобраться. Кайзервиль в то время — это горняки, шлюхи, несколько представителей «Двухпланетной компании», и, пожалуй, все. А ког-

да целыми днями ворочаешь на болоте радиоактивную грязь, ни сил, ни желания чему-то удивляться уже не остается.

Девочка росла, называя всех женщин в поселении «мамами» или «тетями», а игрушки ей заменяли покерные фишки. Со временем поселенцы сократили ее имя и стали называть девочку просто Лукки. Старик не сказал, кто платил за ее перелет до Земли, да это и не так важно. Главный вопрос заключался в другом: где она была с тех пор, как Новый Сион поглотили джунгли, и что случилось с колонией уитманитов?

Однако ответ на него хранился только в памяти Мэри — вместе с ужасом и отчаянием.

Незадолго до 2040 года — примерно в то время, когда появились сообщения о летающих тарелках над Сибирью, или на год-два раньше — титанцы обнаружили на Венере колонию Новый Сион. Как раз, видимо, за один сатурнианский год до нападения на Землю. Скорее всего, они прилетели на Венеру не ради землян, а на разведку. Но может быть, и наоборот, титанцы точно знали, где искать колонистов. Нам известно, что они похищали землян в течение двух веков, как минимум, и кто-то из последних пленников мог знать, где находится Новый Сион. Здесь темные воспоминания Мэри ничего не прояснили.

Она видела, как титанцы захватили колонию, как ее родители, которые вдруг потеряли к ней всякий интерес, превратились в зомби. Очевидно, паразиты не использовали Мэри в качестве носителя или же попробовали и отпустили, решив, что слабенькая девочка-несмышленыш ни на что не годится. Так или иначе, она целую вечность — в ее детском восприятии — оставалась в захваченном поселении: забытая, никому не нужная, без ласки и заботы. Ее не трогали, но даже есть девочке приходилось то, что удастся стащить. Титанцы, судя по всему, собирались закрепиться на Венере: в качестве рабов они использовали в основном венериан-цев, а колонисты-земляне большой роли в их планах не играли. Но Мэри присутствовала при том, как ее родителей помещали в анабиотический контейнер — возможно, для использования в дальнейшем против Земли.

В конце концов, она и сама оказалась в таком контейнере. Либо на корабле титанцев, либо на их базе на Венере. Скорее всего, последнее, поскольку после пробуждения она все еще была на Венере. Тут в ее истории много неясностей. Неизвестно, например, отличались ли паразиты для венерианцев от тех, что управляли колонистами-землянами. Возможно, нет: жизнь и на Венере и на Земле имеет одинаковую углеродно-кислородную основу. Судя по всему, способности паразитов изменяться и приспосабливаться к окружающей среде безграничны, однако им приходиться подстраиваться под биохимию носителя. Если бы жизнь на Венере имела кремниево-кислотную основу, как на Марсе, или фторовую, одни и те же паразиты не могли бы использовать и венерианцев и людей.

Но важнее всего было то, что случилось с Мэри после извлечения из «инкубатора». Планы титанцев захватить Венеру провалились — во всяком случае она застала последние дни господства паразитов. Ее начали использовать в качестве носителя сразу же после анабиоза, но она пережила своего паразита.

Почему он умер? Почему провалились планы титанцев? Именно это и пытались узнать Старик с доктором Стилтоном, выискивая ответы в памяти Мэри.

— И это все? — спросил я.

— А по-твоему, мало? — ответил Старик.

— Но тут больше вопросов, чем ответов.

— На самом деле нам известно больше, — сказал он. — Но ты не специалист по Венере и не психолог. Я рассказал тебе, что знаю, чтобы ты понял, зачем нам нужна Мэри, и ни о чем ее не спрашивал. Будь с ней поласковей, на ее долю и так выпало слишком много горя.

Совет я пропустил мимо ушей, решив, что с женой мы поладим без посторонней помощи.

— Чего я не могу понять, так это как ты догадался, что Мэри имеет какое-то отношение к летающим тарелкам, — сказал я. — Надо думать, в тот первый раз ты тоже взял ее с собой не случайно. И оказался прав. Но как тебе это удалось? Только серьезно.

— Сынок, у тебя бывают предчувствия? — озадаченно спросил он.

— Еще бы!

— А что такое предчувствие?

— А? Видимо, ничем на первый взгляд не подкрепленная уверенность в том, что какое-то событие произойдет или не произойдет.

— Я бы сказал, что это результат подсознательного осмысления данных, о наличии которых ты даже не подозреваешь.

— Черная кошка в темном угольном погребе в полночь. У тебя не было вообще никаких данных. И не пытайся меня уверить, что твое подсознание обрабатывает информацию, которую ты получишь только на следующей неделе.

— Вот данные-то как раз были.

— Как это?

— Ты помнишь последнюю процедуру, которой подвергается кандидат перед зачислением в Отдел?

— Личное собеседование с тобой.

— Нет, не то.

— А! Гипноанализ! — Я забыл об этом по той простой причине, что объект и не должен помнить сеанс гипноанализа. — Ты хочешь сказать, что знал что-то о Мэри еще тогда? Значит, это не предчувствие?

— Тоже неверно. У меня было очень мало данных: добраться до информации, что кроется у Мэри глубоко в подсознании, не так-то легко. Кроме того, я успел забыть то немногое, что удалось узнать. Но когда все это началось, мне сразу пришло в голову, что здесь не обойтись без Мэри. Позже я прослушал пленку с ее гипно-интервью еще раз и тогда только понял, что она может знать гораздо больше. Первая попытка ничего не дала. Но я уже не сомневался, что Мэри сможет рассказать что-то еще.

Я задумался.

— Веселую жизнь ты ей устроил, чтобы добраться до этой информации.

— Ничего другого мне не оставалось. Извини.

— Ладно. — Я помолчал, затем спросил: — Слушай, а что было в моем гипно-интервью?

— Тебе этого знать не положено.

— Да брось ты.

— И я не мог бы тебе рассказать, даже если бы захотел. Я его просто не слушал, сынок.

— Как это?

— Распорядился, чтобы пленку прослушал мой заместитель. Он сказал, что для меня там нет ничего интересного. Я и не стал слушать.

— Да? Что ж, спасибо.

Он лишь проворчал в ответ что-то неразборчивое. Мы с ним вечно ставим друг друга в неловкое положение.

29

Паразиты на Венере умерли от какой-то болезни, которую они там подцепили — в этом, по крайней мере, мы почти не сомневались. Поначалу Старик рассчитывал вытащить из летающей тарелки тех людей, что плавали в анабиотических контейнерах, оживить их и допросить, но теперь мы вряд ли могли надеяться, что быстро получим подтверждение: пока Старик рассказывал мне о Мэри, из Пасс-Кристиан сообщили, что тарелку удержать не удалось, и, чтобы она не досталась титанцам, на нее сбросили бомбу.

Короче, другого источника информации, кроме Мэри, у нас не было. Если какая-то болезнь на Венере оказалась смертельной для титанцев, но не принесла вреда людям — Мэри, во всяком случае, выжила, — тогда нам оставалось проверить их все и определить, что это за болезнь. Хорошенькое дело! Все равно что проверить каждую песчинку на берегу моря. Список венерианских болезней, которые не смертельны для человека, а вызывают только легкое недомогание, просто огромен. С точки зрения венерианских микробов, мы, видимо, не слишком съедобны. Если, конечно, у них есть точка зрения, в чем я лично сомневаюсь, что бы там ни говорил доктор Макилвейн.

Проблема осложнялась тем, что на Земле хранилось весьма ограниченное число живых культур болезнетворных микроорганизмов Венеры. Это, в общем-то,

можно было поправить — но лет так за сто дополнительных исследований чужой планеты.

А тем временем приближались заморозки. Режим «Загар» не мог держаться вечно.

Оставалось искать ответ там, где, ученые надеялись, его можно найти, — в памяти Мэри. Мне это совсем не нравилось, но поделать я ничего не мог. Сама Мэри, похоже, не знала, зачем ее вновь и вновь погружают в гипнотический транс. Вела она себя достаточно спокойно, но усталость чувствовалась: круги под глазами и все такое. В конце концов я не выдержал и сказал Старику, что это пора прекращать.

— Ты же сам понимаешь, что у нас нет другого выхода, — тихо сказал Старик.

— Черта с два! Если вы до сих пор не нашли, что искали, то и не найдете уже.

— А тебе известно, сколько требуется времени, чтобы проверить *все* воспоминания человека, даже если ограничиться каким-то отдельным периодом? Ровно столько же, сколько этот период длился! То, что мы ищем, если у нее вообще есть нужная нам информация, может оказаться каким-то едва уловимым штрихом ее воспоминаний.

— Вот именно, «если есть»! — повторил я за ним. — Вы сами в этом не уверены. Знаешь, что... Если с Мэри что-то случится, выкидыш или еще что, я тебе своими руками шею сверну.

— Если мы не добьемся результатов, — сказал он спокойно, — ты сам не захочешь ребенка. Тебе что, понравится, если твои дети станут носителями для титанцев?

Я закусил губу.

— Почему ты оставил меня на базе, а не отправил в Россию?

— Ты нужен мне здесь, рядом с Мэри, чтобы утешать ее и успокаивать, а ты ведешь себя как испорченный ребенок. И кроме того, лететь в Россию уже не нужно.

— Как это? Что случилось? Кто-то из агентов раздобыл информацию?

— Если бы ты, как положено взрослому человеку, хоть изредка интересовался новостями, тебе не пришлось бы задавать глупые вопросы.

Я торопливо вышел, узнал, что происходит в большом мире, и вернулся. Оказалось, что на этот раз я прозевал сообщение об охватившей целый континент Азиатской чуме, втором по значимости событии после нападения титанцев. Эпидемия такого масштаба последний раз была на Земле в семнадцатом веке.

Новости не укладывались в голове. Согласен, они все там в России ненормальные. Но здравоохранение и санитария поставлены у них весьма неплохо; там это делается «под гребенку» и без всяких глупостей. Чтобы в стране разразилась эпидемия, необходимо буквально нашествие крыс, вшей, блох и прочих классических переносчиков заразы. А русские бюрократы даже Китай вычистили до такой степени, что вспышки бубонной чумы и тифа отмечались там теперь редко и лишь в отдельных регионах.

А сейчас оба заболевания быстро распространялись по всей территории Китая, России и Сибири. Положение было настолько критическим, что правительство обратилось в ООН за помощью. Что же произошло?

Ответ напрашивался сам собой. Я посмотрел на Старика.

— Босс, в России действительно полно паразитов.

— Да.

— Ты догадался? Однако, черт, нам теперь нужно торопиться, а то в долине Миссисипи будет то же, что и в Азии. Одна маленькая крыса — и... — Титанцы совершенно не заботились о санитарии. И видимо, с тех пор как они отбросили маскарад, на территории от канадской границы до Нью-Орлеана не мылся ни один человек. Вши... Блохи... — Если мы не найдем выхода, можно с таким же успехом закидать их бомбами. Смерть, по крайней мере, будет не так мучительна.

— Да, пожалуй, — вздохнул Старик. — Может быть, это наилучшее решение. Может быть, единственное. Но ты же сам понимаешь, что мы этого не сделаем. Пока остается хотя бы малейший шанс, мы будем искать выход.

Я задумался. Гонка со временем обрела еще один аспект. Неужели титанцы настолько глупы, что не в состоянии уберечь своих рабов? Может быть, именно по этой причине они вынуждены перебираться с планеты на планету? Потому что портят все, к чему прикоснутся? Потому что со временем их носители вымирают и им нужны новые?

Теории, одни теории. Но одно ясно: если мы не найдем способ уничтожить паразитов, в красной зоне разразится чума, причем очень скоро. Я наконец собрался с духом и решил, что обязательно пойду на следующий сеанс «просеивания памяти». Если в воспоминаниях Мэри есть что-то такое, что поможет расправиться с паразитами, возможно, мне удастся разглядеть это там, где пропустили другие. Понравится это Старику со Стилтоном или нет, но я буду там. В конце концов, мне надоело, что со мной обращаются не то как с принцем-консортом, не то как с нежеланным ребенком.

30

Нас с Мэри поселили в комнатушку, предназначенную для одного офицера. Тесно там было, как на «шведском» столе, заставленном тарелками, но мы не жаловались. На следующее утро я проснулся первым и по привычке проверил, не подобрался ли к ней паразит. Пока я проверял, она открыла глаза и сонно улыбнулась.

— Спи-спи, — прошептал я.

— Я уже проснулась.

— Мэри, ты случайно не знаешь, какой у бубонной чумы инкубационный период?

— А должна?... Слушай, у тебя один глаз чуть темнее другого.

Я ее чуть встряхнул.

— Я серьезно, женщина. Вчера вечером я был в лабораторной библиотеке и кое-что посчитал. По моим прикидкам, паразиты напали на Россию по крайней мере на три месяца раньше, чем на нас.

— Да, я знаю.

— Знаешь? А почему ты ничего не говорила?

— Никто не спрашивал.

— А, черт! Давай вставай. Я проголодался.

Перед выходом я спросил:

— «Вопросы и ответы» в обычное время?

— Да.

— Мэри, а почему ты никогда не рассказываешь о чем они спрашивают?

— Я просто этого не помню, — удивленно сказала она.

— Так я и подумал. Глубокий транс, а потом приказание забыть, да?

— Видимо.

— Хм-м... пора внести в это дело кое-какие коррективы. Сегодня я иду с тобой.

— Хорошо, дорогой, — только и сказала она.

Вся команда, как обычно, собралась в кабинете доктора Стилтона: Старик, сам Стилтон, начальник штаба полковник Гибси, какой-то подполковник и целая орава техников: сержантов, помощников и прочей обслуги. Недаром говорят, что без десятка солдат генерал даже высморкаться не сумеет.

Увидев, что Мэри не одна, Старик удивленно поднял брови, но промолчал. Однако сержант в дверях попытался меня остановить.

— Доброе утро, миссис Нивенс, — сказал он Мэри, затем добавил, обращаясь ко мне: — А вас у меня в списке нет.

— Я себя сам туда включил, — громко объявил я и пролез мимо него.

Полковник Гибси бросил на меня сердитый взгляд, повернулся к Старику и забурчал что-то типа «какого-дьявола-кто-это-такой». Остальные следили за происходящим с застывшими лицами, и только одна девица-сержант не сумела сдержать улыбку.

— Минутку, полковник, — Старик доковылял до меня и так, чтобы только мне было слышно, сказал: — Ты же мне обещал, сынок.

— Я забираю свое обещание. Ты не имел права требовать от меня обещаний, касающихся моей жены.

— Но тебе здесь нечего делать. У тебя нет никакого опыта в подобных делах. Хотя бы ради Мэри, оставь нас.

До этой минуты мне и в голову не приходило оспаривать право Старика присутствовать на сеансе, но неожиданно для себя я заявил:

— Это тебе здесь нечего делать. Ты не психоаналитик, так что давай убирайся.

Старик бросил взгляд на Мэри, но на ее лице не отражалось никаких чувств.

— Ты что, сынок, сырого мяса объелся? — тихо спросил он.

— Опыты проводят над моей женой, и отныне я буду устанавливать здесь правила, — сказал я.

Тут в разговор вмешался полковник Гибси:

— Молодой человек, вы в своем уме?

— А вы что здесь делаете? — Я взглянул на его руки. — Если не ошибаюсь, на вашем перстне монограмма военно-морской разведки. Есть у вас какие-то основания здесь находиться? Вы что, врач? Или психолог?

Гибси выпрямился и расправил плечи.

— Похоже, вы забываете, что это военный объект.

— А вы, похоже, забываете, что ни я, ни моя жена не служим в армии! Пойдем, Мэри. Мы уходим.

— Да, Сэм.

Я обернулся к Старику и добавил:

— Мы сообщим в Отдел, куда переслать нашу корреспонденцию.

Затем направился к двери. Мэри последовала за мной.

— Подожди! — сказал Старик. — В порядке личного одолжения, хорошо?

Я остановился, и он подошел к Гибси.

— Полковник, можно вас на минутку? Я бы хотел переговорить с вами наедине.

Полковник Гибси бросил на меня «трибунальный» взгляд, но вышел вместе со Стариком. Все ждали. Сержантский состав сохранял каменные физиономии, подполковник немного нервничал, а маленькую девицу с сержантской повязкой буквально распирало от смеха. Только Стилтон ничуть не волновался. Он достал бумаги из «входящей» корзины и спокойно принялся за работу.

Минут десять или пятнадцать спустя появился еще один сержант.

— Доктор Стилтон, командир распорядился, чтобы вы начинали работу.

— Отлично, — откликнулся тот, посмотрел на меня и сказал: — Прошу в операционную.

— Стоп! Не так быстро, — остановил я его. — Кто все эти люди? Вот он, например. — Я показал на подполковника.

— А? Это доктор Хазелхерст. Два года на Венере.

— О'кей, он остается. — Тут мне на глаза попалась смешливая девица. — Эй, сестренка, что у тебя тут за обязанности?

— У меня-то? Да я вроде как присматриваю...

— Ладно, этим теперь займусь я. Доктор, может быть, вы сами решите, кто тут нужен, а кто нет?

— Хорошо, сэр.

Оказалось, что кроме подполковника Хазелхерста, ему на самом деле никто не нужен, и мы двинулись в операционную — Мэри, я и двое специалистов.

В «операционной» стояла обычная кушетка, какие можно встретить в кабинете любого психиатра, и несколько кресел. С потолка глядело двойное рыло стереокамеры. Мэри подошла к кушетке и легла. Доктор Стилтон достал впрыскиватель.

— Попробуем начать с того места, где мы остановились в прошлый раз, миссис Нивенс.

— Стойте, — сказал я. — У вас есть записи предыдущих сеансов?

— Разумеется.

— Давайте сначала прокрутим их. Я хочу знать, что вы уже успели.

Он несколько секунд думал, потом сказал:

— Хорошо. Миссис Нивенс, может быть, вы подождете в моем кабинете? Я позову вас позже.

Возможно, во мне еще бродил дух противоречия: после победы над Стариком я здорово завелся.

— Давайте все-таки узнаем, хочет ли она уходить, — сказал я.

Стилтон удивленно вскинул брови.

— Вы просто не понимаете, о чем говорите. Эти записи могут нарушить эмоциональное равновесие вашей жены, даже нанести вред ее психике.

— Подобная терапия вызывает у меня серьезное сомнение, молодой человек, — добавил Хазелхерст.

— Терапия здесь ни при чем, и вы прекрасно это понимаете, — отрезал я. — Если бы вашей целью была терапия, вы использовали бы не наркотики, а метод эйдетической гипнорепродукции.

— Но у нас нет времени, — озабоченно сказал Стилтон. — Ради быстрого получения результатов приходится применять грубые методы. Боюсь, я не могу разрешить объекту видеть эти записи.

— Я с вами согласен, доктор, — снова вставил Хазелхерст.

— А вас, черт побери, никто не спрашивает! — взорвался я. — И нет у вас никакого права разрешать ей или не разрешать. Записи надерганы из мозга моей жены, и они принадлежат ей. Мне надоело смотреть, как вы разыгрываете из себя господа Бога. Я ненавижу эти замашки у паразитов и точно так же ненавижу их у людей. Она сама за себя решит. А теперь потрудитесь узнать ее мнение.

— Миссис Нивенс, вы хотите увидеть записи? — спросил Стилтон.

— Да, доктор, — ответила Мэри. — Очень.

Он явно удивился.

— Э-э-э... как скажете. Вы будете смотреть их одна?

— Вместе с мужем. Вы и доктор Хазелхерст можете остаться, если хотите.

Они, разумеется, остались. В операционную принесли стопку кассет, каждая с наклейкой, где значились дата записи и возраст объекта. Чтобы просмотреть их все, нам потребовалось бы несколько часов, поэтому я сразу отложил в сторону те, что относились к жизни Мэри после 2051 года: они вряд ли могли помочь.

Первые кассеты относились к раннему детству. В начале каждой записи шло изображение объекта — Мэри. Она стонала, ворочалась и едва не задыхалась, как всегда случается с людьми, которых вынуждают возвращаться к неприятным и нежеланным воспоминаниям. И только после этого разворачивалась реконструкция событий — ее голосом и голосами других людей. Больше всего меня поразило лицо Мэри, я имею в виду, на стереоэкране. Мы увеличили изображение, так что

оно придвинулось почти вплотную к нам, и могли следить за мельчайшими изменениями в выражении лица.

Сначала Мэри превратилась в маленькую девочку. Нет, черты лица остались прежними, взрослыми, но я знал, что вижу жену именно такой, какой она выглядела в детстве. Мне сразу подумалось, как хорошо будет, если у нас тоже родится девочка.

Затем выражение ее лица менялось — это начинали говорить другие люди, чьи слова сохранились у нее в памяти. Мы словно смотрели на невероятно талантливого актера, играющего подряд сразу несколько ролей.

Мэри воспринимала записи достаточно спокойно, только незаметно для других сунула свою руку в мою. Когда мы добрались до тех жутких кассет, где ее родители превратились в рабов титанцев, она сжала мои пальцы, но больше никак себя не выдала.

Я отложил в сторону кассеты с надписью «Период анабиотического сна», и мы перешли к следующей группе — от ее пробуждения до спасения на болотах.

Сразу стало ясно, что паразит оседлал ее, едва Мэри пришла в себя после анабиоза. Мертвое выражение лица — это титанец, которому незачем притворяться. Последние передачи из красной зоны были полны таких кадров. А скудность воспоминаний за этот период лишь подтверждала, что Мэри находилась во власти паразита.

Затем, совершенно неожиданно паразит исчез, и она вновь стала маленькой девочкой, больной и испуганной. Сохранившиеся в памяти мысли путались и расплывались, но потом возник новый голос, громкий и чистый:

— Чтоб я сдох, Пит! Здесь маленькая девчонка!

Еще один голос:

— Живая?

И снова первый:

— Не знаю.

Дальше на пленке шли воспоминания о Кайзервиле, ее выздоровление и много других голосов и мыслей.

— Я хотел предложить вам прокрутить еще одну запись из того же периода, — сказал доктор Стилтон, вынимая кассету из проектора. — Они все немного отличаются друг от друга, а период для нас ключевой.

— Почему, доктор? — поинтересовалась Мэри.

— А? Нет, если не хотите, можем, конечно, не смотреть, но именно этот период мы сейчас исследуем. Нам нужно восстановить события и понять, что же случилось с паразитами, почему они умерли. Если мы сумеем узнать, что за болезнь убила титанца, который э-э-э... управлял вами, — убила титанца, но пощадила вас, — тогда нам, возможно, удастся найти оружие против паразитов.

— А вы не знаете? — удивленно спросила Мэри.

— Что? Нет еще, но узнаем. Человеческая память хранит на удивление подробные записи.

— Но я думала, вы уже знаете. Это «девятидневная лихорадка».

— *Что?* — Хазелхерст выскочил из кресла.

— Вы разве не поняли по моему лицу? Это очень характерная деталь — я имею в виду «маску». Там, до... в смысле, в Кайзервиле мне случалось ухаживать за больными «девятидневной лихорадкой», потому что я уже переболела и у меня был иммунитет.

— Что вы на это скажете, доктор? — спросил Стилтон. — Вам приходилось видеть таких больных?

— Больных? Нет. Ко времени второй экспедиции уже появилась вакцина. Но я, разумеется, знаком с клиническими характеристиками.

— А можете вы сделать вывод на основе этих записей?

— Хм-м-м... — Хазелхерст осторожничал. — Я бы сказал, что увиденное совпадает с этой версией, но не доказывает ее.

— Какая еще версия? — резко спросила Мэри. — Я же сказала, что это «девятидневная лихорадка».

— Мы должны быть уверены на все сто процентов, — извиняющимся тоном произнес Стилтон.

— А какие еще доказательства вам нужны? У меня нет на этот счет никаких сомнений. Мне сказали, что, когда Пит и Фриско меня нашли, я была больна. А после я ухаживала за другими больными, но ни разу не заразилась. Я помню их лица перед смертью — точь-в-точь как мое на пленке. Любой, кто хоть однажды видел больного «девятидневной лихорадкой», ни с чем другим эту болезнь не спутает. Что еще вам нужно? Огненные письмена в небе?

За исключением одного раза я никогда не видел Мэри такой рассерженной и сказал про себя: «Так, джентльмены, полегче, а то она вам сейчас задаст!»

— Хорошо, я думаю, вы свою точку зрения доказали вполне убедительно. Но объясните, пожалуйста: мы считали, что у вас нет сознательных воспоминаний об этом периоде жизни, и моя проверка это подтвердила, а теперь вы говорите так, словно все помните.

— Да, теперь помню, — произнесла Мэри несколько озадаченно. — И очень отчетливо. Я не думала об этом долгие годы.

— Кажется, я понимаю. — Стилтон повернулся к Хазелхерсту. — Ну, доктор? У вас есть культура «девятидневной лихорадки»? Ваши люди с ней уже работали?

Хазелхерст смотрел на нас такими глазами, будто его только что двинули по голове.

— Работали?! Нет, конечно! Это исключено! «Девятидневная лихорадка»... С таким же успехом мы можем применять полиомиелит или тиф. Все равно что заусенец рубить топором!

Я тронул Мэри за руку.

— Пойдем, дорогая. Кажется, мы уже испортили им все, что можно.

Она дрожала, и в глазах у нее стояли слезы. Я повел ее сразу в кают-компанию и применил свое лекарство — неразбавленное.

Позже я уложил Мэри вздремнуть, присел рядом, и дождался, когда она заснет. Затем отыскал отца в выделенном ему кабинете.

— Привет!

Он бросил на меня задумчивый взгляд.

— Я слышал, Элихью, ты нашел-таки «горшок с золотом».

— Пусть лучше будет «Сэм», — ответил я.

— Что ж, хорошо, Сэм. Победителей не судят. Однако горшок оказался до обидного мал. «Девятидневная лихорадка»... Неудивительно, что вся колония вымерла вместе с паразитами. Видимо, мы не сможем воспользоваться этим открытием. Нельзя рассчитывать на то,

что все обладают столь же неукротимой волей к жизни, как Мэри.

Я все понимал. При «девятидневной лихорадке» смертность среди невакцинированных землян составляет девяносто восемь с лишним процентов. Среди вакцинированных — ноль, но к нашей ситуации это не относилось. Нам нужна была болезнь, от которой помирали бы паразиты, а не люди.

— Видимо, это не имеет значения, — заметил я. — Месяца через полтора в долине Миссисипи наверняка начнется эпидемия тифа или чумы, может быть, и то и другое сразу.

— Если только паразиты не извлекут урок из положения в Азии и не введут жесткие санитарные меры, — ответил Старик.

Эта мысль настолько меня поразила, что я едва не пропустил мимо ушей его следующую фразу:

— Однако, Сэм, придется тебе разработать план получше.

— *Мне?* Я всего лишь рядовой сотрудник Отдела.

— Был. Теперь ты его возглавляешь.

— Что за чертовщина? О чем ты говоришь? Я ничего не возглавляю, да и не хочу. У меня уже есть босс — ты.

— Босс — это человек, которому дано руководить. Звания и знаки отличия приходят позже. Как ты полагаешь, Олдфилд мог бы меня заменить?

Я покачал головой. Первый заместитель Старика был, скорее, кабинетным руководителем. Он отлично справлялся с задачами, которые на него возлагались, но на «мыслителя» и стратега не тянул.

— Я никогда не продвигал тебя по службе, — продолжал Старик, — потому что был уверен: придет время — и ты сам себя продвинешь. Что и произошло. Ты не принял мое мнение по важному вопросу, навязал мне свою волю и оказался прав.

— О боже, чушь какая! Я просто уперся и заставил вас один раз поступить по-моему. Почему-то вам, умникам, так и не пришло в голову задать свои вопросы единственному настоящему эксперту по Венере в вашем распоряжении — я имею в виду Мэри. Но я вовсе не ожидал найти какие-то ответы. Это просто удача.

Старик задумчиво покачал головой.

— Я не верю в удачу, Сэм. «Удача» — это ярлык, который посредственность наклеивает на достижения гениев.

Я оперся руками о стол и наклонился к Старику.

— О'кей, пусть я гений, но в эту телегу ты меня не запряжешь. Когда все это кончится, мы с Мэри отправляемся в горы растить детишек и котят. Я не собираюсь всю жизнь распекать чокнутых агентов.

Он только сдержанно улыбнулся, и я добавил:

— Пропади она пропадом, такая работа!

— То же самое сказал богу дьявол, когда занял его место. Не принимай это близко к сердцу, Сэм. До поры до времени я останусь в своем кресле. Но хотел бы знать, каковы ваши планы, сэр.

31

Хуже всего было то, что он говорил это всерьез. Я пытался уйти в тень, но ничего не вышло. После полудня все руководство базы и ведущие специалисты собрались на совещание. Меня тоже известили, но я не пошел. Спустя какое-то время в дверях появилась миниатюрная девушка-сержант и вежливо сообщила, что командир ждет. Не могу ли я, мол, поторопиться?

Делать нечего, явился. Но старался не влезать ни в какие дискуссии. Однако отец обладает способностью вести заседания по своему плану, даже если ему не предложили председательствовать; делает он это, пристально глядя на того, чье мнение хотел бы услышать. Очень тонкое умение, поскольку собравшиеся и не подозревают, что их «ведут».

Но я-то его знал. А когда на тебя смотрят все, гораздо легче высказать свое мнение, чем промолчать. Тем более что у меня было свое мнение.

В основном собравшиеся стонали и жаловались по поводу того, что нет никакой возможности использовать «девятидневную лихорадку». Да, конечно, она убивает титанцев. Она даже венерианцев убивает, хотя их можно надвое разрубить и ничего им не делается. Но это верная смерть и для людей. Почти для всех. Моя жена выжила, но для подавляющего большинства исход

может быть только один. Семь, максимум десять дней после инфицирования, и конец.

— Вы что-то хотите сказать, мистер Нивенс? — обратился ко мне командующий базой генерал.

Сам я не вызывался, но отец смотрел только на меня и ждал.

— Мне кажется, — начал я, — здесь слишком много говорилось о нашем отчаянном положении и слишком много прозвучало оценок, основанных только на предположениях. Возможно, на неверных предположениях.

— Например?

Готового примера у меня не было; я, что называется, стрелял с бедра.

— М-м-м... Вот, скажем, все говорят о «девятидневной лихорадке» так, будто эти девять дней абсолютно неизменная характеристика болезни. Что не соответствует истине.

Генерал нетерпеливо пожал плечами.

— Но это просто удобное наименование. По статистике, болезнь протекает в среднем девять дней.

— Да, но откуда вы знаете, что она длится девять дней для паразита?

По ответному ропоту я понял, что опять попал в точку. Мне предложили объяснить, почему я считаю, что лихорадка протекает у паразитов быстрее и какое это имеет значение.

— Что касается первой части вопроса, — начал я, — то в одном только известном нам случае паразит действительно умер раньше, чем истекли девять дней. Намного раньше. Те из вас, кто видел записи воспоминаний моей жены — а на мой взгляд, их видело уже слишком много специалистов, — знают, что паразит оставил ее — предположительно отвалился и сдох — задолго до кризиса, обычно случающегося на восьмой день. Если эксперименты это подтвердят, тогда проблема предстает в совершенно ином свете. Человек, зараженный «девятидневной лихорадкой», может избавиться от паразита, допустим, на четвертый день. У вас остается пять дней, чтобы отловить его и вылечить.

Генерал присвистнул.

— Это довольно рискованный метод, мистер Нивенс. Как вы, например, предлагаете лечить их? Или «отлавливать»? Допустим, мы распространили в красной зоне эпидемию, но после этого потребуются невероятно быстрые действия — кстати, встречающие активное сопротивление, — чтобы разыскать и вылечить пятьдесят миллионов человек, прежде чем они умрут.

Я тут же отшвырнул «горячую картофелину» назад. Наверно, не один «эксперт» сделал себе имя подобным маневром.

— Вторая часть вопроса — это задача для специалистов по тактике и материально-техническому обеспечению, ваша задача. А что касается первой, то вот ваш эксперт. — Я указал на доктора Хазелхерста.

Тот пыхтел, сопел — в общем, я понимал, каково ему быть в центре внимания. Недостаток опыта... необходимость дальнейших исследований... дополнительные эксперименты... Хазелхерст вспомнил, что в свое время велись разработки антитоксина. Однако вакцина оказалась настолько результативной, что он даже не был уверен, доведена ли работа до конца. В заключение Хазелхерст заявил, что изучение венерианских болезней находится пока в зачаточном состоянии.

Генерал перебил его вопросом:

— Насчет этого антитоксина — когда вы сможете узнать точно?

Хазелхерст ответил, что ему нужно позвонить в Сорбонну.

— Звоните. Прямо сейчас, — приказал генерал. — Можете идти.

На следующее утро, еще до завтрака, Хазелхерст появился у нашей двери. Я вышел в коридор.

— Извините, что разбудил вас, — сказал он, — но вы оказались правы насчет антитоксина.

— В смысле?

— Мне уже выслали партию из Парижа. Груз прибудет с минуты на минуту. Надеюсь, антитоксин еще действует.

— А если нет?

— Ну, у нас есть средства, чтобы изготовить еще. В любом случае придется, если этот дикий план будет запущен, — миллионы ампул.

— Спасибо, что сообщили, — сказал я и уже собрался идти в комнату.

— Э-э-э... мистер Нивенс. Есть еще вопрос переносчиков...

— Переносчиков?

— Да, переносчиков инфекции. Мы не можем использовать крыс, мышей и прочих. Вы в курсе, как передается болезнь на Венере? Маленькими летающими коловратками — я имею в виду венерианский эквивалент этого насекомого. Здесь таких нет, а это единственный способ распространить инфекцию.

— Вы хотите сказать, что при всем желании не можете меня заразить?

— Нет, почему же. Я могу ввести вам вирус в кровь. Но мне трудно себе представить, как миллион парашютистов высаживаются в красной зоне и просят людей с паразитами на спине не дергаться, пока им не сделают уколы. — Он беспомощно развел руками.

У меня в голове начал складываться план. Миллионы парашютистов, разом...

— А почему вы обращаетесь ко мне? — спросил я. — Это, скорее, по части медиков или биологов.

— Да, конечно. Я просто подумал... Вам как-то легко удается...

— Спасибо. — Мой мозг пытался решить сразу две задачи одновременно, но получалось что-то вроде автомобильного затора. Сколько, интересно, всего людей в красной зоне? — Скажите-ка мне вот что: допустим, у вас лихорадка. Вы не можете меня заразить?

В высадке не могут участвовать медики: их просто столько нет...

— Это будет нелегко. Если я возьму у себя со слизистой оболочки мазок и он попадет вам в горло, тогда вы, видимо, заболеете. При переливании крови от меня к вам заболеете наверняка.

— Значит, нужен непосредственный контакт, да? — Сколько человек сможет обработать один парашютист с антитоксином? Двадцать? Тридцать? Или больше? — Если этого достаточно, тогда у вас нет никаких проблем.

— Как это?

— А что прежде всего делает паразит, встречаясь с другим, которого он последнее время не видел?

— *Конъюгации!*

— Я всегда называл это «прямые переговоры», но я пользовался неточным термином, который употребляли паразиты. Вы полагаете, болезнь можно передать таким образом?

— Полагаю? Я в этом абсолютно уверен! Мы уже доказали — здесь, в лаборатории, — что при конъюгации происходит обмен белками. Тут уже никто не избежит инфицирования. Мы сможем заразить всю колонию, как одного человека. И как я сам до этого не додумался?

— Вы не очень-то пока настраивайтесь на победу, — сказал я. — Хотя лично я думаю, этот трюк сработает.

— Сработает! Еще как сработает! — Он собрался бежать, но остановился. — Э-э-э... мистер Нивенс, вы не станете возражать... Я знаю, что это слишком большая услуга...

— Что такое? Выкладывайте. — Мне не терпелось вернуться к решению второй проблемы.

— Вы позволите мне объявить об этом методе распространения болезни? Разумеется, приоритет открытия останется за вами, но генерал очень на меня рассчитывает, а это как раз то, что необходимо, чтобы закончить отчет.

Так ему было невтерпеж, что я чуть не рассмеялся.

— Ради бога. В конце концов, это ваша кухня.

— Вы чрезвычайно любезны. Постараюсь не остаться в долгу.

Хазелхерст отправился к себе счастливым человеком. Я тоже. Приятно, когда тебя считают гением, — я начал входить во вкус.

Остановившись в коридоре, я продумал основные моменты большого десанта и только после этого вернулся в комнату. Мэри одарила меня своей райской улыбкой. Я протянул руку и пригладил ее волосы.

— Привет, рыжик. Ты знаешь, что у тебя муж — гений?

— Да.

— Знаешь? Ты никогда мне этого не говорила.
— А ты никогда не спрашивал.

В своем докладе Хазелхерст назвал способ распространения инфекции «вектором Нивенса». Сразу после него меня попросили высказать свои соображения.

— Я согласен с доктором Хазелхерстом, — начал я, — хотя здесь требуется экспериментальное подтверждение. Однако он не остановился на некоторых аспектах проблемы, которые носят не медицинский, а, скорее, тактический характер. Такой важный аспект, как задержка перед высадкой десанта с антитоксином, — можно даже сказать, краеугольный аспект... — Речь я продумал за завтраком, вплоть до драматических пауз; у Мэри, к счастью, нет привычки болтать с утра во время еды. — ... требует начала распространения инфекции сразу во многих точках. Если мы хотим спасти сто процентов населения красной зоны, необходимо, чтобы все паразиты были заражены почти одновременно. Тогда спасательные бригады смогут высадиться в красной зоне *после* того, как паразиты перестанут представлять опасность, но *до* того, как носители пройдут кризисный срок, после которого антитоксин уже бесполезен. Проблема легко поддается математическому анализу... — Сэм, сказал я при этом себе, старый ты шарлатан, тебе самому с такой задачей даже с электронным интегратором за двадцать лет не справиться. — ... и ее следует передать для решения вашему аналитическому отделу. Однако я позволю себе обрисовать проблему хотя бы в общих чертах. Количество векторов обозначим «X», а количество спасателей — «Y». Существует бесконечное число решений этой задачи, но оптимальное решение зависит от возможностей материально-технического обеспечения. Я уже говорил, что здесь необходим точный математический расчет, но, основываясь на собственном, к сожалению, слишком близком знакомстве с их привычками... — Цифры я, как мог, прикинул на логарифмической линейке, но им, разумеется, этого не сказал. — ... полагаю, что нам понадобится...

Все затаили дыхание. Когда я дал для «X» слишком низкую оценку, генерал меня перебил:

— Мистер Нивенс, можете не сомневаться, добровольцев будет столько, сколько нужно.

Я покачал головой.

— Добровольцев тут использовать нельзя, генерал.

— Да, я вас понимаю. Болезнь должна укрепиться в организме, и у добровольцев останется слишком мало времени, чтобы подействовало противоядие. Но эта проблема решается очень просто. Им можно имплантировать желатиновую капсулу с антитоксином или еще что-то. Тут наши люди справятся.

Сделать все это, конечно, несложно, но я возражал против добровольцев по другой причине: отвратительной казалась сама мысль, что этим людям придется подчиняться паразитам.

— Как бы там ни было, использовать добровольцев нельзя. Паразит узнает все, что знает его носитель, и просто не пойдет на прямые переговоры. Он предупредит остальных голосом. Нет, нам придется использовать животных — обезьян, собак, любых животных, которые способны унести паразита, но не могут ничего рассказать. И их должно быть достаточно, чтобы заразить всю опасную зону, прежде чем хотя бы один паразит поймет, что болен.

Затем я вкратце высказал свои соображения по операции «Милосердие».

— Первый этап, операцию «Лихорадка», можно начинать, как только у нас будет достаточно антитоксина. И через неделю после этого на континенте не должно остаться ни одного паразита.

Никто не аплодировал, но атмосфера очень напоминала атмосферу театрального зала после премьеры. Генерал отправился переговорить с маршалом Рекстоном, а после прислал своего помощника с приглашением на ленч. Я ответил согласием, но при условии что приглашение распространяется и на жену.

Когда все вышли, отец подождал меня снаружи.

— Ну как я выступил? — спросил я, стараясь не показывать, что волнуюсь, хотя, кажется, мне это не очень удавалось.

Он затряс головой.

— Сэм, ты их наповал сразил. Тебя пора по стерео показывать.

Меня распирало от удовольствия. За всю речь я ни разу не замялся, и вообще, чувствовал себя теперь совершенно новым человеком.

32

Шимпанзе, за которого я так переживал в Национальном зоопарке — Сатана, — полностью оправдал свою кличку, едва его освободили от паразита. Отец вызвался добровольцем для проверки «теории Нивенса-Хазелхерста», но я уперся, и короткая спичка досталась Сатане. Ни сыновьи чувства, ни их фрейдистская противоположность тут ни при чем, я просто боялся комбинации Старик-плюс-паразит. Мне не хотелось, чтоб он оказался на их стороне, даже в лабораторных условиях: слишком уж Старик хитер и изворотлив. Люди, которые не испытали на себе власть паразитов, не в состоянии понять, насколько враждебно относятся к нам, свободным людям, носители — и при этом сохраняют все свои способности.

Короче, для опытов использовали обезьян. В наше распоряжение передали не только питомцев Национального зоопарка, но и множество других из зоопарков поменьше и нескольких цирков. Сатану инфицировали «девятидневной лихорадкой» в среду, двенадцатого числа. К пятнице он уже заболел, и к нему в клетку поместили другого шимпанзе с паразитом. Титанцы тут же соединились для прямых переговоров, после чего вторую обезьяну снова посадили отдельно.

В субботу шестнадцатого паразит Сатаны съежился и отвалился. Шимпанзе сразу ввели антитоксин. В понедельник сдох второй паразит и его носитель получил свою дозу препарата.

К среде Сатана практически выздоровел, хотя и заметно похудел. Вторая обезьяна, Лорд Фонтлерой, тоже поправлялась. На радостях я дал Сатане банан, и он откусил мне первый сустав на указательном пальце. Обидно, тем более что времени для регенерации не было. Впрочем, я сам виноват: у Сатаны действительно мерзкий характер.

Однако даже это не испортило мне настроения. Я обработал и забинтовал палец, затем бросился искать Мэри. Не нашел и в конце концов отправился в кают-компанию: думал, найду кого-нибудь, с кем можно будет отпраздновать.

Но там никого не оказалось. Все работали в лабораториях, готовились к началу операций «Лихорадка» и «Милосердие». Распоряжением Президента все приготовления велись только на одной этой базе в горах. Обезьян для распространения инфекции — более двухсот — тоже доставили на базу; здесь же «колдовали» над культурой болезнетворных микроорганизмов и антитоксином. Даже пункт для получения иммунной сыворотки разместили в подземном зале, где раньше сотрудники базы играли в ручной мяч.

Миллион с лишним человек для операции «Милосердие», конечно же, там разместиться не могли, но они и не должны были ничего знать до сигнала тревоги перед началом операции, когда каждому из них выдадут пистолет и патронташ с индивидуальными впрыскивателями антитоксина. Тем, кто ни разу не прыгал с парашютом, поможет преодолеть страх сержант, если будет необходимо, пинком. Делалось все возможное, чтобы сохранить подготовку в тайне; проиграть мы могли, если только титанцы узнают о наших планах — от предателя или еще как-то. Слишком много хороших замыслов проваливалось в прошлом потому лишь, что какой-нибудь идиот выбалтывал их жене.

Если бы титанцам стал известен наш план, зараженных обезьян просто перестреляли бы сразу после высадки в красной зоне. Однако за рюмкой виски я позволил себе немного расслабиться. Меня не покидало радостное чувство, и я почти не сомневался, что нам удастся сохранить подготовку в тайне. Все, кто прилетел на базу, должны были оставаться там до самой высадки десанта, а любое общение с внешним миром полностью контролировал полковник Келли.

Что касается утечки информации за пределами базы, то это практически исключалось. Неделей раньше генерал, отец, полковник Гибси и я побывали в Белом доме. Старик долго скандалил, но своего все-таки добился: в конце концов о плане не сообщили даже шефу службы

безопасности Мартинесу. Если Президент или Рекстон не разговаривают во сне, то все должно быть в порядке. Нужно продержаться только неделю.

Хотя и неделя — срок достаточно большой. Красная зона неумолимо расползалась. После сражения у Пасс-Кристиан паразиты перешли в наступление. Теперь граница красной зоны на побережье Мексиканского залива проходила к востоку от Пенсаколы, и похоже было, они на этом не остановятся. А может быть, им надоест преодолевать наше сопротивление, и они решат «истратить» потенциальных носителей, просто забросав наши города атомными бомбами. Радарные службы, конечно, сообщат об угрозе заранее, но они не могут остановить массированное наступление.

Однако я старался не думать о плохом. Ждать оставалось всего неделю...

В кают-компанию вошел полковник Келли и сел рядом.

— Выпить не хотите? — спросил я. — Есть повод.

Он посмотрел на свой огромный живот и сказал:

— Ладно, я думаю, от одного пива мне хуже не станет.

— Берите два. Или сразу дюжину! — Я заказал для него пива и рассказал об успешном эксперименте с обезьянами.

Келли кивнул.

— Да я знаю. Неплохо.

— Всего лишь «неплохо»? Да мы уже на полпути к успеху! Через неделю мы победим!

— И что?

— Как «что»? — Я даже немного разозлился. — Вы сможете одеться и вообще вернуться к нормальной жизни. Или вы думаете, наш план провалится?

— Нет, отчего же? Операция, я думаю, пройдет успешно.

— Тогда почему такой траур?

— Мистер Нивенс, вы сами, очевидно, понимаете, что с таким пузом как у меня не очень-то приятно расхаживать голышом.

— Видимо, да. Но сам я привык, и будет даже жаль, если все станет как прежде. Удобно, да и время экономится.

— Не беспокойтесь, не станет. Ничего уже не изменится.

— Что-то я вас не понимаю. Минуту назад вы сказали, что наш план сработает, а теперь утверждаете, что режим «Загар» останется в силе навсегда.

— С некоторыми изменениями, но останется.

— Как это? Я сегодня не очень хорошо соображаю.

Он выбил на клавиатуре еще одно пиво.

— Мистер Нивенс, я никогда не думал, что мне доведется увидеть, как военный комплекс превращается в лагерь нудистов. А увидев, я уже не жду, что все встанет на свои места. Потому что это невозможно. Ящик Пандоры открывается только в одну сторону. И вся королевская конница, и вся королевская рать...

— Согласен, — ответил я. — В жизни ничего не проходит бесследно, и ничего не становится как было. Но по-моему, вы преувеличиваете. Едва Президент отменит режим «Загар», законы о появлении в общественных местах в непристойном виде снова войдут в силу и человека без штанов, скорее всего, арестуют.

— Надеюсь, этого не произойдет.

— Ха! Вам все-таки нужно решить, чего вам хочется больше.

— А все уже решено за меня. Мистер Нивенс, до тех пор пока существует опасение, что на Земле остался хотя бы один паразит, нормальный человек должен быть готов оголить тело по первому же требованию. Иначе его могут просто пристрелить. Не только на этой неделе или на следующей, а двадцать лет спустя и, может быть, сто. Нет, я не сомневаюсь в успехе операции, однако вы были слишком заняты, чтобы заметить: это меры сугубо локальные и временные. Как, например, быть с амазонскими джунглями? Вы случайно не собираетесь их прочесывать? Но это так, риторические вопросы. На планете около шестидесяти миллионов квадратных миль суши. Этой работе конца не видно. Черт, мы даже с крысами не добились хоть сколько-то заметных результатов, а люди их бьют с незапамятных времен.

— Хотите сказать, что мы затеяли безнадежное дело? — спросил я.

— Безнадежное? Нет, почему же? Закажите себе еще. Я просто пытаюсь убедить вас, что нам предстоит научиться жить с этим кошмаром — так же, как мы научились жить при атомной бомбе.

33

Все собрались в том же президентском конференц-зале Белого дома, и мне сразу вспомнилась ночь после обращения Президента к нации. Присутствовали отец, Мэри, Рекстон, Мартинес, а также генерал из лаборатории, доктор Хазелхерст и полковник Гисби. Все следили за электронной картой на стене; прошло уже четыре с половиной дня от начала операции «Лихорадка», но долина Миссисипи по-прежнему светилась рубиновыми огнями.

Я немного нервничал, хотя в целом заброска обезьян прошла успешно и мы потеряли только три десантные машины. По расчетам каждый паразит за исключением тех, может быть, которым по каким-то причинам не довелось за это время вступить в прямые переговоры, должен был заразиться три дня назад, причем двадцать три процента из них от двух и более векторов. Операция планировалась таким образом, чтобы охватить около восьмидесяти процентов титанцев в первые двенадцать часов — в основном в городах.

Скоро, очень скоро, паразиты начнут дохнуть даже быстрее, чем мухи. Если только мы нигде не ошиблись.

Усилием воли я заставил себя сидеть на месте, но мысли сами возвращались к карте. Что там, за этими рубиновыми огнями? Несколько миллионов мертвых паразитов или всего две сотни мертвых обезьян? Вдруг кто-то напутал в расчетах? Сболтнул лишнего? Или мы допустили в своих рассуждениях ошибку столь глобальную, что до сих пор этого не понимаем?

Неожиданно на красном поле вспыхнул зеленый огонек. Все встрепенулись. Из динамиков стереовизора пошла речь, хотя изображение так и не появилось.

— Говорит станция Дикси, Литл-Рок, — донесся до нас очень усталый голос; говорил явно южанин. — Нам срочно нужна помощь. Все, кто нас слышит, пожалуйста, передайте это сообщение дальше: в Литл-Роке, штат Арканзас, разразилась ужасная эпидемия. Необходимо поставить в известность Красный Крест. Мы были в руках... — Голос растаял — или от слабости, или что-то случилось со связью.

Я наконец вспомнил, что надо дышать. Мэри тронула меня за руку, и я откинулся на спинку кресла, чувствуя, как полегчало на душе. Не просто удовольствие, нет — ощущение великой радости. Вглядевшись в карту внимательнее, я заметил, что зеленый огонек вспыхнул не в самом Литл-Роке, а западнее, в Оклахоме. Вскоре вспыхнули еще два: один в Небраске, другой чуть севернее от канадской границы. Из динамиков донесся новый голос — со звонким новоанглийским произношением. И как его угораздило оказаться в красной зоне?

— Как во время выборов под конец дня, да? — пошутил Мартинес.

— Похоже, но обычно мы не получаем сведений из Мексики, — согласился Президент и указал на карту: в штате Чиуауа загорелись сразу несколько зеленых огней.

— А, черт, верно! Видимо, когда все это закончится, Госдепартаменту придется утрясать не один конфликт, а?

Президент не ответил, и Мартинес, слава богу, умолк. Я посмотрел на Президента. Тот шевелил губами, словно разговаривал сам с собой, затем заметил мой взгляд и произнес вслух:

На вшах побольше ездят вши поменьше,
Зовутся паразиты.
На тех, поменьше, ездят еще мельче
И так ad infinitum *.

Я из вежливости улыбнулся: ситуация — наша во всяком случае — к веселью не располагала.

Президент отвернулся и сказал:

---

* До бесконечности (*лат.*).

— Кто-нибудь будет ужинать? У меня впервые за несколько дней разыгрался аппетит.

К двенадцати часам следующего дня зеленого на карте стало гораздо больше чем красного. Рекстон распорядился установить в зале два монитора с прямым подключением к Новому Пентагону: один показывал сложную диаграмму степени готовности к высадке; другой — расчетное время десантирования. На втором мониторе цифры иногда менялись, но последние два часа время колебалось около 17:43 по Вашингтону.

Рекстон поднялся с места и объявил:

— Я думаю, надо назначить десантирование на 17:45. Господин Президент, если позволите...

— Разумеется, сэр.

Рекстон повернулся к нам со Стариком.

— Если вы, донкихоты, еще не передумали, то пора идти.

Я встал.

— Мэри, ты меня обязательно дождись.

— Где? — спросила она.

Еще раньше мы решили — правда, не без скандала, — что Мэри в операции участвовать не будет.

— Может быть, миссис Нивенс подождет вас здесь? — вмешался Президент. — В конце концов, она уже как член нашей семьи.

— Благодарю вас, сэр. — сказал я.

Полковника Гисби чуть не перекосило.

Спустя два часа мы были над целью, и дверь уже открылась. Мы с отцом шли последними, за молодыми десантниками, которым, собственно, и доставалась настоящая работа. Руки у меня вспотели, и, видимо, от меня просто несло страхом. А кроме того, я ненавижу прыгать с парашютом.

34

С лучеметом в левой руке и вспрыскивателем в правой я перебирался от дома к дому в назначенном мне

квартале — старый район Джефферсон-Сити, почти трущобы, застроенные жилыми домами пятидесятилетней давности. Я успел ввести антитоксин двум с половиной десяткам больных, и еще десятка три с половиной ампул оставалось, а затем нужно было идти к месту сбора у здания муниципалитета. Но по правде сказать, меня уже начинало мутить.

Я знал, зачем прилетел. Нет, не из любопытства. Я хотел своими глазами увидеть, как подыхают паразиты, хотел увидеть их мертвыми, всех, и эта иссушающая душу ненависть пересиливала все другие чувства. Увидел. Достаточно увидел. Теперь мне хотелось только домой — отмыться и забыть.

Работа была не тяжелая, но монотонная и, в общем, не для слабонервных. Ни одного живого паразита я пока не встретил, зато видел множество мертвых. Прижег собаку, у которой, мне показалось, был горб, хотя, может быть, я и ошибся: высадились мы перед закатом, и вскоре стало совсем темно.

Я закончил проверку дома, покричал на всякий случай — вдруг кто откликнется — и вышел на улицу. Никого. Поскольку все слегли от лихорадки, люди на улицах нам почти не встречались. Но на этот раз я увидел человека — редкое исключение. Он шел на заплетающихся ногах прямо на меня, но его пустые глаза, похоже, ничего не замечали. Я крикнул: «Эй!».

Человек остановился.

— У меня есть как раз то, что тебе нужно, — сказал я. — Вытяни руку.

Он попытался меня ударить. Я легко увернулся, двинул его несильно по шее, и он повалился лицом вниз. На спине у него краснела сыпь: совсем недавно там сидел паразит. Я выбрал над почками место почище, воткнул вспрыскиватель и чуть наклонил, чтобы сломать головку ампулы. Они были заряжены под давлением, так что больше ничего не требовалось.

На первом этаже следующего дома оказалось семеро больных, большинство из них в таком плохом состоянии, что я, не говоря ни слова, ввел каждому по дозе и пошел дальше. На втором этаже — то же самое.

На самом последнем — три пустых квартиры. Правда, чтобы убедиться в этом, в одной из них пришлось

выжечь замок. В четвертой жили, если можно так сказать. На полу кухни лежала женщина с пробитой головой. Паразит все еще сидел у нее на плечах, но уже мертвый. Я не стал их трогать и пошел дальше по квартире.

В ванной комнате, в старинной чугунной ванне, сидел, уронив голову на грудь, мужчина средних лет со вскрытыми венами. Мне показалось, что он мертв, но когда я наклонился, мужчина с трудом поднял голову и тупо произнес:

— Вы пришли слишком поздно. Я убил свою жену.

Или слишком рано, подумал я. Судя по тому, сколько крови натекло на дне ванны, по его серому лицу, пятью минутами позже было бы лучше. Я смотрел на него, не зная, стоит ли тратить ампулу. Но тут он едва слышно произнес:

— Моя дочь...

— У вас есть дочь? — громко спросил я. — Где она?

Веки его дрогнули, но он ничего не сказал и снова уронил голову на грудь. Я прикрикнул на него, надеясь, что он очнется, потрогал подбородок и приложил палец к горлу. Пульса не было.

Его дочь лет восьми или около того я нашел в постели в одной из комнат — если бы не болезнь, очень симпатичная девчушка. Она проснулась, заплакала и назвала меня «папочкой».

— Да, папочка здесь. Сейчас папочка тебя вылечит, — сказал я, и ввел ей антитоксин в ногу. Она даже не заметила укола.

Я уже собрался идти, но она попросила пить. Пришлось возвращаться в ванную. Когда я держал стакан у ее губ, пронзительно зазвонил мой телефон, и от неожиданности я пролил немного воды.

— Сынок, ты меня слышишь?

Я притронулся к аппарату связи на поясе и включил.

— Да. Что случилось?

— Я сейчас в небольшом парке к северу от тебя. Нужна твоя помощь.

— Иду.

Поставив стакан, я двинулся к выходу, но в нерешительности остановился, затем вернулся. Нельзя же бы-

ло оставить ее там, чтобы она проснулась и первым делом наткнулась в квартире на своих мертвых родителей. Я взял девочку на руки и отнес на второй этаж, зашел в первую попавшуюся квартиру и положил на диван. Люди в этой квартире сами лежали без движения, но ничего другого мне не оставалось

— Скорее, сынок!

— Иду! — Я метнулся на улицу и, не тратя лишних слов, бросился бегом. Улица, назначенная отцу, шла параллельно моей и граничила с крохотным парком. Обогнув дом, я не заметил отца сразу и пробежал мимо.

— Сюда, сынок. Я в машине! — Теперь я слышал его и в телефоне, и так, а обернувшись, увидел машину, большой летающий «Кадиллак» вроде тех, что обычно использует Отдел. Внутри сидел человек, но в темноте трудно было разглядеть кто.

— Слава богу! Я уж думал, куда ты запропастился.

Голос отца.

Забираясь в машину, я пригнулся, и вот тут-то он двинул меня по затылку.

Придя в себя, я обнаружил, что руки и ноги у меня связаны. Я полулежал во втором водительском сиденье, а Старик вел машину, сидя в первом. Руль на моей стороне был убран вверх. Когда до меня дошло, что мы в воздухе, я очнулся окончательно.

Старик повернулся ко мне и спросил довольным тоном:

— Ну как, уже лучше?

— Пожалуй, — ответил я, глядя на сидящего у него на плечах паразита.

— Извини, что пришлось тебя оглушить. Выбора не было.

— Да, наверно.

— Придется оставить тебя пока связанным. Позже мы придумаем что-нибудь получше. — Он улыбнулся своей такой знакомой зловещей улыбкой, и меня поразило, до чего же сильно проглядывает личность Старика в каждом слове, которое произносит паразит.

Я не стал спрашивать, что означает «что-нибудь получше», — не хотел знать. Вместо этого я принялся

проверять веревки, но Старик постарался на совесть, ничего не скажешь.

— Куда мы летим?

— На юг, — ответил он, склонившись над приборами. — Далеко на юг. Подожди, я задам колымаге программу и тогда объясню тебе все наши планы. — Он еще несколько секунд работал с автопилотом, затем выпрямился. — Ну вот, этого ей хватит, пока не наберем тридцать тысяч.

Упоминание о такой большой высоте заставило меня еще раз взглянуть на приборную панель. Машина не просто походила на специальную, это и была одна из наших переделанных машин.

— Где ты ее взял? — спросил я.

— Отдел держал ее в тайнике в Джефферсон-Сити. Я проверил, и вот, ее действительно никто не нашел. Повезло, да?

У меня, конечно, на этот счет сложилось свое мнение, но я не стал спорить. Я по-прежнему пытался найти выход, хотя шансы вырисовывались от почти безнадежных до нулевых. Пистолет исчез. Свой он, очевидно, держал с другой стороны, подальше от меня.

— Но это еще не все, — продолжал Старик. — Мне посчастливилось быть пойманным, возможно, единственным во всем Джефферсон-Сити здоровым титанцем. Хотя в удачу я, как ты знаешь, не верю. Короче, мы все-таки победим. — Он усмехнулся. — Это очень похоже на сложную шахматную партию, когда играешь сразу за обе стороны.

— Ты не сказал мне, куда мы летим. — Я ничего не мог предпринять, оставалось только говорить.

Он на секунду задумался.

— Во всяком случае, за пределы Соединенных Штатов. Возможно, что, кроме моего хозяина, на всем континенте нет ни одного незаболевшего титанца, и я не хочу рисковать. Полуостров Юкатан нас, видимо, вполне устроит — как раз туда я и направил машину. Во второй раз — а мы обязательно вернемся! — мы не сделаем тех же ошибок.

— Может, ты меня развяжешь, пап? У меня и ноги и руки затекли. Ты же знаешь, что мне можно доверять.

— Подожди, подожди... Всему свое время. Сначала надо запрограммировать автопилот.

Машина все еще поднималась. Даже после доработки в Отделе ей потребовалось время, чтобы набрать тридцать тысяч футов: в конце концов, с контейнера она сошла как обычная серийная модель.

— Похоже, ты забываешь, что я и сам долгое время был под хозяином. Я знаю, что это такое, и могу дать тебе честное слово...

Он только усмехнулся.

— Не учи отца овец воровать. Если тебя развязать сейчас, ты меня убьешь, или мне придется убить тебя. А ты нужен мне живым. Мы с тобой еще погуляем, сынок. Хитрости и решительности нам не занимать, а это как раз то, что нужно.

Я промолчал, и он добавил:

— Кстати, насчет того, что ты знаешь... Почему ты мне ничего не сказал?

— О чем?

— Ты не сказал мне, каково это на самом деле. Я даже не подозревал, сынок, что такое возможно — покой, удовлетворение, благодать. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким счастливым. Разве что... — на лице у него промелькнуло удивленное выражение. — Разве что до того, как умерла твоя мать. Впрочем, сейчас мне даже лучше. Ты напрасно не рассказал мне об этом.

Меня охватил отвращение, и я начисто забыл о тонкой игре, которую пытался вести.

— Может быть, для меня все это совсем не так. Да и для тебя на самом деле тоже, старый ты идиот, только сейчас у тебя на загривке сидит паразит, говорит твоим языком и думает твоим мозгом!

— Не кипятись, сынок, — сказал он мягко, и, черт побери, его голос действительно меня успокоил. — Скоро ты сам все поймешь. Поверь, это наша судьба, наше предназначение. Человечество разделено и постоянно воюет, но хозяева сделают его единым.

Я вдруг подумал, что, верно, и в самом деле есть такие слабоумные, которым эта идея придется по вкусу, — добровольно продать душу за обещание мира и безопасности. Однако промолчал.

— Совсем немного уже ждать осталось, — сказал отец, бросив взгляд на приборную панель. — Сейчас я задам ей направление, и все будет в порядке. — Он настроил автопилот и проверил еще раз приборы. — Следующая остановка — Юкатан. А теперь пора к делу.

Отец поднялся с сиденья и наклонился рядом со мной.

— На всякий случай, — сказал он, затягивая ремень безопасности у меня на поясе.

Я резко поднял колени и ударил его в лицо.

Отец отскочил и бросил на меня беззлобный взгляд.

— Нехорошо, нехорошо. Я мог бы обидеться, но хозяева выше этого. А теперь сиди смирно. — Из носа у него текла кровь, но он даже не остановился, чтобы ее стереть, проверил веревку на руках и на ногах и добавил:

— Сойдет. Потерпи еще немного.

Затем сел на свое место и наклонился вперед, упершись локтями в колени. Теперь мне хорошо было видно его паразита.

Несколько минут ничего не происходило, и я, напрягая силы, пытался хоть немного ослабить веревки — ничего другого не оставалось. Старик, казалось, уснул, но я знал, что он может притворяться.

На твердом кожистом покрытии паразита, посередине, вдруг появилась вертикальная линия. Прямо у меня на глазах трещина становилась шире и шире, и вскоре показалось мерзкое, переливающееся мутными цветами тело этой твари. До меня наконец дошло, что паразит разделился и теперь высасывает из моего отца жизнь и его плоть, чтобы хватило на двоих титанцев.

И в то же мгновение я понял, что моей собственной свободной жизни мне осталось от силы минут пять. Мой новый хозяин уже родился и вот-вот будет готов перебраться ко мне на спину.

Если бы было возможно разорвать путы усилием человеческой плоти, я бы это сделал, но, увы. Старик не обращал на мои потуги никакого внимания. Я даже думаю, что он вообще ничего не замечал. При делении

контроль над носителем наверняка ослабевает, и, видимо, паразиты просто парализуют своих рабов. Старик, во всяком случае, сидел совершенно неподвижно.

К тому времени, когда я, обессилев и потеряв всякую надежду вырваться, сдался, по телу самого паразита уже бежала тонкая серебристая линия — верный признак того, что процесс деления вот-вот закончится. Именно это, пожалуй, и заставило меня думать о другом выходе, если то, что происходило у меня в голове, можно охарактеризовать словом «думать».

Мои руки были связаны за спиной, ноги тоже связаны у лодыжек, и, кроме того, Старик притянул меня за пояс к сидению ремнем безопасности. Но ногам, хотя и связанным вместе от пояса вниз, ничего не мешало. Я сполз по сидению еще ниже, задрал ноги и изо всех сил ударил по приборной панели, включив сразу все стартовые ускорители.

Перегрузка получилась дай бог. Я не знаю, сколько в машине оставалось ускорителей, и поэтому не могу сказать точно, сколько вышло «же», но, в общем, немало. Нас обоих швырнуло назад. Отца гораздо сильнее, поскольку я был пристегнут ремнем. Его бросило на спинку сиденья, и открывшийся, беззащитный паразит оказался как между молотом и наковальней. Короче, он буквально брызнул во все стороны.

Отца выгнуло в этом жутком спазме, что я видел уже три раза, и с искаженным лицом, со скрюченными пальцами откинуло вперед на рулевую колонку.

Машина резко пошла вниз.

Я сидел и смотрел, как она падает, если вообще можно «сидеть», когда висишь привязанный только ремнем у пояса. Если бы тело отца, рухнувшее на приборную панель, не сбило все приборы, я бы еще мог что-то сделать — например, связанными ногами выровнять курс. Пытался, но ничего не вышло. Видимо, управление еще и заклинило.

Альтиметр деловито щелкал. Когда я нашел время взглянуть на прибор, он показывал уже одиннадцать тысяч футов. Затем стало девять... семь... шесть, и мы вышли на последнюю милю.

На высоте полторы тысячи футов включилась радарная блокировка и один за другим выстрелили тормоз-

ные ускорители в носу машины. Каждый раз меня чуть не разрезало ремнем пополам, однако появилась надежда, что теперь машина выровняется и, может быть, я спасусь. Рассчитывать на это было глупо, поскольку отец по-прежнему лежал на рулевой колонке...

Но когда мы врезались в землю, я все еще надеялся.

В себя я начал приходить, почувствовав какое-то мягкое покачивание. Ощущение раздражало, и в голове крутилась только одна мысль: «Когда же это кончится?» Каждое, даже самое легкое движение вызывало нестерпимую боль во всем теле. Я с трудом разлепил один глаз — второй вообще не открывался — и тупо огляделся, пытаясь сообразить, что же вызывает это раздражающее покачивание.

Надо мной был пол машины, но я довольно долго его разглядывал, прежде чем понял, что это такое. К тому времени я начал вспоминать, где нахожусь и что произошло. Вспомнился стремительный полет вниз, удар, и до меня дошло, что мы упали не на Землю, а, видимо, в воду. Может быть, в Мексиканский залив? Я не знал наверняка, да и не до того было.

Мысль об отце отозвалась вспышкой боли и отчаянья.

Надо мной болтались два обрывка ремня безопасности. Руки и ноги по-прежнему были связаны, но одну руку я вроде бы умудрился сломать. Второй глаз таки не открывался, дышалось с трудом. Отца у приборной панели не оказалось, и это меня почему-то удивило. Превозмогая боль, я перекатил голову, чтобы взглянуть на другую часть машины здоровым глазом. Отец, весь в крови, лежал совсем рядом; от моей головы до его было всего фута три. Я уже не надеялся, что он жив, но, наверно, целых полчаса потратил, чтобы проползти эти три фута.

Дополз и остановился лицом к нему, почти касаясь щекой его щеки. Никаких признаков жизни, и судя по тому, как он лежал — изломанный, скомканный словно тряпичная кукла, — на чудо рассчитывать не приходилось.

— Папа, — хрипло позвал я, затем закричал: — Папа!

Веки его дрогнули, но глаза остались закрытыми.

— Привет, сынок. Спасибо... Я тебе очень бла̀годарен... — прошептал он и умолк.

Мне хотелось встряхнуть его, но я ничего не мог, только кричать.

— Папа! Очнись! Ты жив?

Он снова заговорил, но каждое слово давалось ему с болезненным усилием:

— Твоя мать... просила передать тебе... она очень тобой гордилась...

Отец затих, и его дыхание вдруг стало сухим и хриплым — зловещий предсмертный хрип.

— Папа, — закричал я сквозь слезы, — не умирай! Я не смогу без тебя.

Он открыл глаза.

— Сможешь, сынок, сможешь. — Пауза, хриплый натужный вздох, затем: — Мне так больно... — И глаза закрылись.

Я кричал, но больше ничего не мог от него добиться. Затем просто прижался к нему лицом, и по моим щекам, смешиваясь с кровью и грязью, потекли слезы.

35

А теперь мы вычистим Титан!

Все, кто должен был лететь, пишут такие отчеты. Если мы не вернемся, это будет нашим посланием свободному человечеству — тут все, что мы знаем о титанцах и о том, чего в борьбе с ними надо опасаться. Ибо Келли оказался прав: Шалтая-Болтая уже не собрать. Несмотря на успешное завершение операции «Милосердие», нельзя успокаиваться и думать, что все титанцы уничтожены. Только неделю назад на Юконе пристрелили медведя с паразитом на спине.

Отныне человечеству предстоит постоянно быть настороже, особенно лет через двадцать пять — если мы не вернемся, а вместо нас прилетят тарелки. Нам пока неизвестно, почему активность титанцев подчиняется двадцатидевятилетнему циклу сатурнианского года, но это факт. Причина, возможно, очень проста: мы и сами

во многом подчиняемся циклу, совпадающему с земным годом. Будем надеяться, что титанцы по-настоящему активны только в один из периодов своего года. Если так, операция «Возмездие» пройдет легко и быстро. Впрочем, мы на это не рассчитываем. Меня направили, помоги нам Бог, как «специалиста по прикладной экзопсихологии», но, кроме того, я еще и боевая единица, как любой из нас, от капеллана до повара. Мы раз и навсегда должны показать паразитам, что они совершили крупную ошибку, связавшись с самой живучей, самой коварной, самой опасной, самой непокорной — и самой способной — формой жизни в этом секторе космического пространства, с существами, которых можно убить, но не подчинить.

(Я втайне надеюсь, что мы сумеем спасти тех маленьких эльфов-гермафродитов. С эльфами, мне почему-то кажется, мы поладим.)

Справимся мы с ними или нет, человечеству в любом случае придется теперь поддерживать свою заслуженную по части свирепости репутацию. Цена свободы — это готовность вступить в драку — в любое время, в любом месте и с беспредельной храбростью. Если мы не извлечем урок из нашествия паразитов, нам остается только крикнуть: «Эй, динозавры, подвиньтесь-ка! Мы уже готовы вымирать!»

Никому ведь неизвестно, какую еще грязную шутку может сыграть с нами большая вселенная. И паразиты, возможно, покажутся нам простыми, открытыми, дружелюбными парнями по сравнению, скажем, с жителями планет Сириуса. Если это только увертюра, то нам лучше извлечь из нее урок и всерьез приготовиться к первому действию. Мы считали, что вселенная пуста, а нам автоматически отводится роль ее властителей. Даже после «завоевания» космоса мы продолжали заблуждаться, потому что Марс уже умер, а на Венере разум едва зародился. Но если человек претендует на главную роль — или хотя бы на роль уважаемого соседа, — ему придется доказывать себя в борьбе. Перековывать орала обратно на мечи; первый вариант — это бабушкины сказки.

Каждый из участников операции хоть раз, но был в подчинении у паразитов. Только те, кто испытал на себе их власть, знают, как паразиты коварны, как ни на

секунду нельзя терять бдительности — и как нужно ненавидеть. Полет, нам сказали, продлится двенадцать лет, так что у нас с Мэри будет долгий медовый месяц. Да, разумеется, Мэри летит. Почти весь экспедиционный корпус состоит из женатых пар, а что касается остальных, то на каждого одинокого мужчину приходится одинокая женщина. Двенадцать пар — не просто долгое путешествие, это часть жизни.

Когда я сказал Мэри, что мы летим к спутникам Сатурна, она ответила лишь: «Хорошо, дорогой».

Думаю, у нас будет достаточно времени, чтобы вырастить двоих или троих ребятишек. Как говорит отец, раса должна идти дальше, даже если еще не ясно куда.

Я понимаю, что отчет у меня получился не очень связный. Видимо, перед тем, как сдавать, придется его доработать. Но я все изложил, как видел и чувствовал. Война с инопланетной расой — это война психологическая; техника не играет тут главной роли, и, может быть, то, что я думал и чувствовал, будет гораздо важнее, чем то, что я делал.

Отчет я заканчиваю уже на космической станции «Бета», откуда мы должны перейти на крейсер «Мститель». Похоже, у меня не будет времени доработать свое сочинение, так что оставляю его как есть — пусть историки развлекаются. Вчера вечером мы попрощались в Пайкс-Пик-Порт с папой. Он меня сразу поправил:

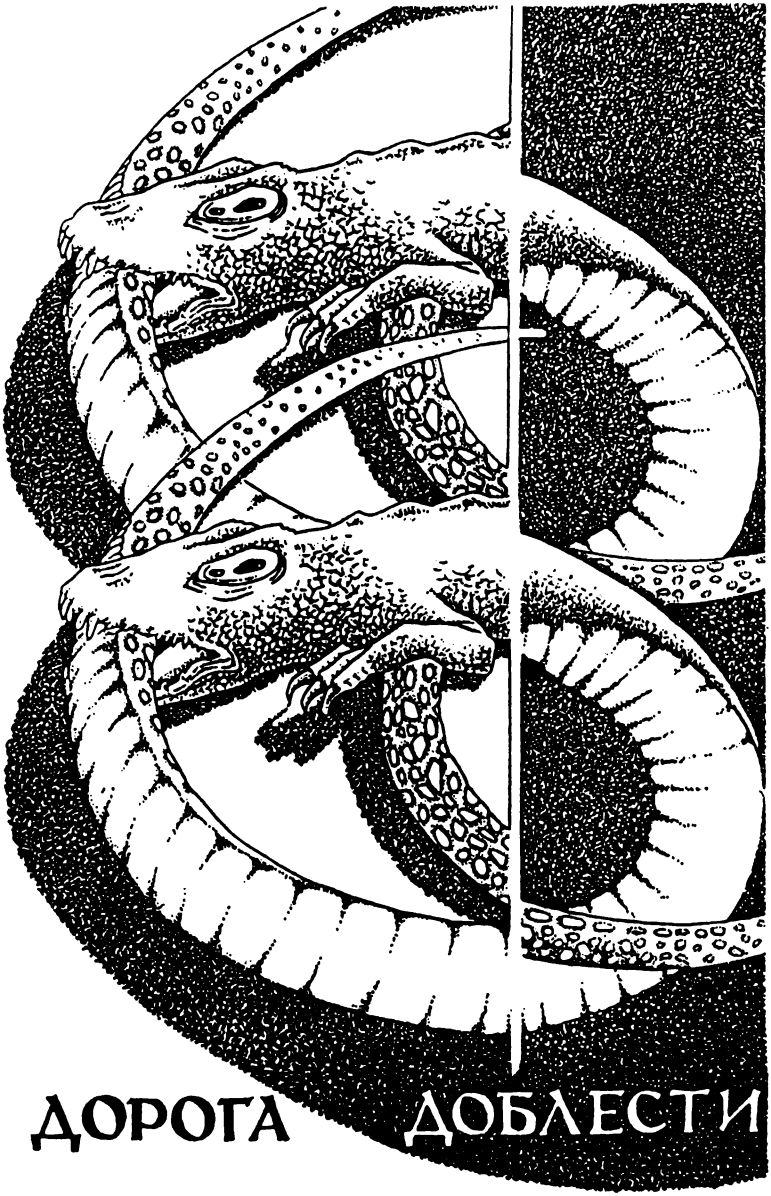
— Не «прощай», а «до свидания». Вы вернетесь, и я собираюсь дотянуть до вашего возвращения, становясь с каждым годом все чудней и ворчливей.

Я сказал, что буду на это надеяться. Он кивнул.

— Вы вернетесь. Ты слишком живуч, чтобы умереть. Я очень верю в тебя и таких как ты, сынок.

С минуты на минуту начнется переброска на крейсер. В душе — волнение и радость. Ну, теперь держитесь, кукловоды — свободные люди летят по вашу душу!

Смерть и разрушение!

ДОРОГА ДОБЛЕСТИ

1

Мне известно такое местечко, где нет ни смога, ни проблемы парковки автомашин, ни демографического взрыва, ни «холодной» войны, ни рекламных передач, ни совещаний на высшем уровне, ни помощи слаборазвитым странам, ни махинаций при уплате налогов, ни самого подоходного налогообложения. Климат там такой, каким похваляются Калифорния и Флорида (хотя на самом деле климат у обоих штатов куда хуже), ландшафт великолепен, люди гостеприимны и доброжелательны к иноземцам, а женщины очаровательны и на удивление готовы ко всем услугам...

И я мог бы туда вернуться. Мог бы...

То был год национальных выборов с обычной предвыборной болтовней (типа «все, что вы можете сделать, я сделаю куда лучше») на фоне бибикающих «спутников». Мне уже стукнуло двадцать один, но я еще не решил, против какой партии следует голосовать.

Вместо этого я позвонил в призывную комиссию и попросил прислать мне повестку. Вообще-то я против призыва в армию примерно на том основании, на котором раки возражают против кипятка: может, и станешь красивым, да по чужой воле. А страну свою я люблю. Даже очень люблю, несмотря на школьную пропаганду, что патриотизм — понятие устарелое. Один из моих прадедов пал под Геттисбергом *, а отец протопал всю дорогу от водохранилища Инчхон **, так что мне эти

---

* Геттисберг — город в Пенсильвании, где в эпоху Гражданской войны (1861—1865) произошло кровопролитное сражение северян и южан.

** Инчхон — город и озеро в Южной Корее, получившие известность в связи с боевыми действиями во время Корейской войны (1950—1953).

новые идейки не по нутру. Я выступал против них на школьных диспутах, пока не схлопотал двойку по обществоведению, после чего заткнулся и благополучно сдал экзамен. Взглядом своим, в угоду учителям, что не могут отличить божий дар от яичницы, я, однако, не изменил.

А вы-то сами из моего поколения? Если нет, то хоть знаете, почему у нас мозги набекрень? Или просто списываете нас со счетов как малолетних преступников?

На эту тему я целое сочинение мог бы написать. Бог ты мой! Да возьмите хоть это: неужто можно ждать от мальчишки, из которого годами выбивают патриотизм, радости при виде повестки «сим уведомляем, что вам надлежит явиться туда-то для зачисления в вооруженные силы Соединенных Штатов»?

А еще болтают про «потерянное поколение»! Я перечел всю эту волынку, что появилась после первой мировой войны — Хемингуэя, Фицджеральда и других, и пришел к выводу, что шум они поднимали из-за сущей ерунды. Мир-то у них был в кармане, так чего было вопить, спрашивается?

Разумеется, впереди у них был и мировой кризис, и Гитлер, так они же о том, что впереди, ничегошеньки не знали! А у нас были и Хрущев, и водородная бомба, о которых мы знали даже слишком много!

Нет, мы не были потерянным поколением. Мы были хуже, мы были «поколением благонамеренных». Не битники. Битниками были считанные сотни на многие миллионы. О, конечно, мы охотно болтали на жаргоне битников, с пеной у рта спорили о результатах опроса «Плейбоя» насчет рейтинга джазовых групп, будто это было бог знает какое важное дело. Мы зачитывались Сэлинджером и Керуаком *, говорили языком, от которого шарахались наши родители. Иногда мы даже одевались как битники. Но мы никогда не думали, что оркестровые барабаны и бороды важнее банковского счета. Нет, мы не были бунтарями. Мы были конформистами, такими, что дальше некуда. Благонамеренность — вот наш тайный пароль! Наши пароли не произносились вслух, но мы следовали им так естественно, как естест-

* Керуак Джек (1922—1969) — один из родоначальников литературы «битников», американский писатель.

венно новорожденный утенок направляется к воде. «С начальством не спорить», «бери пока дают», «не пойман — не вор». Эти формулы обозначали наши высшие цели, наши моральные ценности, входившие в понятие благонамеренности. «Тише едешь — дальше будешь» (наш вклад в Американскую Мечту) вот она, основа устойчивости: если ты едешь тихо — конкуренция исключается.

Но амбиции были и у нас. Да, сэр, были. Оттянуть призыв в армию и окончить колледж. Жениться, заделать ей ребенка, и пусть твоя и ее семья помогают вам, пока ты будешь укреплять свое положение студента, пользующегося отсрочкой. Получить работенку, считающуюся у призывных комиссий престижной, например в какой-нибудь ракетной фирме. Еще лучше стать аспирантом (если твоя или ее семья имеют нужные средства), сделать еще одного ребенка, полностью оставить призывную комиссию в дураках, тем более что докторская степень — прямая дорога к продвижению по службе, к высокой зарплате и к обеспеченной старости.

Ну а если нет беременной жены с богатыми родичами, так сойдут и «4-F»*. Неплохо, например, иметь проколотые барабанные перепонки, а еще лучше — аллергию. У одного из моих соседей была ужасная астма, продолжавшаяся до его двадцатишестилетия. И это вовсе не лажа: у него была аллергия на призывную комиссию. Еще одно недурное средство спасения — убедить военного психиатра, что твои закидоны больше подходят для министерства иностранных дел, чем для армии. Чуть ли не половина моего поколения состоит из лиц, непригодных для службы в строю.

Все это меня не удивляет. Есть старинная картина, на которой изображены сани, мчащиеся сквозь зимний лес, а за ними гонятся волки. Время от времени люди хватают одного из седоков и кидают волкам. И вот все эти льготы — от отсрочек призыва и «альтернативных служб» до разного рода выплат и преимуществ ветеранам — все они весьма похожи на ту картину, где большинство сбрасывает меньшинство волкам, чтобы самим продолжать стремительную гонку за гаражом на

---

* «4-F» — негодный к действительной военной службе (США).

три машины, бассейном и надежным обеспечением после ухода от дел.

Но не думайте — я-то сам тоже не святой. И мне тоже нравятся гаражи на три машины. Вот только моя родня не смогла протащить меня через колледж. Мой отчим служил уоррент-офицером * в ВВС, и его содержания хватало разве что на обувку и одежку для собственных ребятишек. Когда отчима перевели в Германию — как раз за год до моего перехода в последний класс — и мне пришлось поселиться с родной теткой со стороны отца и ее мужем, нам, то есть мне и отчиму, сразу полегчало. В финансовом отношении, правда, лучше мне не стало, так как мой дядюшка выплачивал алименты своей первой жене, что, учитывая калифорнийское законодательство, делало его положение не лучше положения негра на плантации Алабамы до начала Гражданской войны. Сам я получал 35 долларов в месяц как «несовершеннолетний иждивенец умершего ветерана» (а это совсем не то, что «осиротевший в результате войны». Тем пенсия куда выше). Мать была уверена, что смерть отца последовала в результате ранений, но у администрации по делам ветеранов были другие соображения, так что я был всего лишь «несовершеннолетним иждивенцем умершего ветерана».

Разумеется, мои 35 долларов в месяц отнюдь не восполняли тот ущерб, который я наносил продуктовой корзинке моей родни, и считалось, что когда я окончу школу, то сразу перейду на подножный корм. Под ним подразумевалось вступление в армию, но у меня были свои планы. Я играл в футбол и закончил последний класс с рекордным для школ Центральной Калифорнийской долины числом прорывов к воротам противника, а также со сломанным носом, что позволило мне осенью получить место на первом курсе местного колледжа, равно как и работенку «прислуги за все» в его гимнастическом зале со ставкой на 10 долларов больше, чем военная пенсия, да еще с надеждой на чаевые.

---

* Уоррент-офицер — категория командного состава в армии США, занимающая промежуточное положение между офицерами и унтер-офицерами.

Будущее казалось туманным, но ближайшая цель была ясна: ногтями и зубами зацепиться за этот шанс получить специальность инженера. Всячески избегать женитьбы и армии. После окончания колледжа найти работу, гарантирующую освобождение от призыва. Накопить деньжат и получить степень по правоведению, так как еще в Хомстеде, штат Флорида, мой учитель говаривал, что инженеры делают деньги, но большие деньжищи и должности боссов достаются адвокатам. Так что я намеревался сорвать куш в этой игре. Да, сэр, намеревался. Я бы сразу предпочел правоведение, да беда в том, что такого факультета в моем колледже не было.

Однако в конце моего второго года обучения футбол в колледже накрылся. Футбольный сезон не задался — ни одной победы. И хотя «Флэш» Гордон * (такую кличку я приобрел в спортивных кругах) занял отличное место по многим показателям, но, тем не менее, и я и тренер оказались без работы. О, разумеется, до конца года я продолжал крутиться среди баскетболистов, фехтовальщиков и бегунов, но старшекурсник, ответственный за формирование команд, не был заинтересован в баскетболисте ростом всего лишь шесть футов и один дюйм. Этим же летом мне исполнился 21 год, что означало прекращение моего военного пенсиона в 35 долларов. Поэтому сразу же после Дня Труда мне пришлось отступить на заранее подготовленные позиции, то есть сделать тот телефонный звонок, о котором я уже говорил вначале.

Я рассчитывал провести год в ВВС, а затем выдержать конкурс в Академию ВВС, чтобы стать космонавтом и знаменитостью, если уж не удалось сделаться толстосумом. Но то ли ВВС набрали свою квоту, то ли еще что а только я оказался в пехоте, причем так быстро, что еле успел собрать вещички. Тогда я решил заделаться самым лучшим помощником капеллана во всей пехоте и постарался, чтобы в числе моих талантов в бумагах было указано умение печатать на машинке. Если бы требовалось мое мнение, то я бы выбрал

---

* Блистательный, быстрый как молния, но также и показной блеск, бахвальство (*англ.*).

служ[illegible]орт-Карсоне, где аккуратно печатал бы документы в двух экземплярах и учился на вечернем отделении.

Но разумеется, моего мнения никто не спросил.

Вы были когда-нибудь в Юго-Восточной Азии? По сравнению с ней Флорида — самая что ни на есть распроклятая пустыня. Куда ни ступишь — чавкает болото. Вместо тракторов там буйволы, а кусты полны насекомых и стреляющих в тебя туземцев. Впрочем, это была вовсе не война и даже не полицейская акция. Мы считались «военными советниками», но военный советник, убитый четыре дня назад, в жару воняет точно так же, как труп на всамделишной войне.

Меня произвели в капралы. Меня производили семь раз. Каждый раз в капралы.

Мне недоставало правильного отношения к делу. Именно так выразился мой ротный. Мой отец был морским пехотинцем, мой отчим — летчиком. А мои стремления ограничивались должностью помощника капеллана, но обязательно на родине. Что касается пехоты, то от нее меня просто тошнило. Ротный тоже пехоту не уважал. Он был первым лейтенантом и никак не мог пробиться в капитаны, так что каждый раз, как только он начинал по этому поводу метать икру, капрал Гордон терял свои лычки.

Последний раз я их лишился за то, что сказал ротному, будто обращусь к своему конгрессмену с просьбой выяснить, на каком основании я стал единственным в Юго-Восточной Азии солдатом, который вместо того, чтобы вернуться домой в положенное время, останется в армии до пенсионного возраста. Это так взбесило ротного, что он не только разжаловал меня, но и бросился в атаку, стал героем и тут же скончался. Тогда я и заработал этот шрам на сломанном носу, поскольку тоже совершил геройский поступок и наверняка получил бы орден Чести *, будь у меня свидетель.

Пока я отлеживался в госпитале, меня решили демобилизовать.

---

* Орден Чести — высшая награда за непосредственное участие в боевых действиях.

Майор Йан Хей в книге «Война и конец войны» так описывает структуру военной организации: вся военная бюрократия подразделяется на департамент Путаницы, департамент Издевательства и департамент Добрых Волшебниц. Именно на два первых приходится львиная доля военного делопроизводства, тогда как третий — очень маленький и состоит из чинуши женского пола, преимущественно пребывающей в отпуске по болезни.

Когда же эта дама бывает на работе, она изредка откладывает в сторону вязанье, случайно выхватывает из лежащего перед ней списка чью-нибудь фамилию и совершает добрый поступок. Вы уже видели, как со мной обошлись департаменты Путаницы и Издевательства, но на этот раз именно департамент Добрых Волшебниц споткнулся на фамилии рядового Гордона.

Было это так. Когда я узнал, что поеду домой, как только мое лицо заживет (шоколадный братец забыл простерилизовать свое боло *), я попросил, чтобы меня отправили в Висбаден, где находилась семья матери, а не в Калифорнию, откуда призывался. Я не критикую шоколадного братишку, он, верно, вообще не рассчитывал на мое выздоровление и, надо думать, достиг бы своей цели, если бы не был так занят добыванием ротного, что на меня ему немного не хватило времени. Я и сам не стерилизовал свой штык, но ему на это жаловаться не приходится — он только вздохнул и опал, вроде как кукла, которой распороли набитый опилками живот. Я даже благодарен ему, поскольку он не только высыпал иначе кости из стаканчика моей судьбы, так что я попал под дембель, но и подарил мне неплохую идейку.

Он да еще лечащий врач... Врач сказал: «Ты поправишься, сынок. Но шрам у тебя останется, как у гейдельбергского студента».

Это и заставило меня задуматься... Хорошую работу получить без ученой степени нельзя, как нельзя стать штукатуром, если ты не сын или не племянник члена союза штукатуров. Но степень степени рознь. Сэр Исаак Ньютон со степенью, полученной в таком коровьем колледже, как мой, мыл бы пробирки для како-

* Тесак, острый длинный нож.

го-нибудь Джо Тумбфингерса, если бы у Джо была степень из европейского университета.

Так почему бы не Гейдельберг? Я собирался выдоить досуха мои ветеранские привилегии, собирался еще с той самой минуты, как позвонил в свою призывную комиссию.

По словам матушки, в Германии жизнь очень дешева. Так, может, мне удастся превратить ветеранские денежки в докторскую степень? Герр доктор Гордон, со шрамом на лице, из Гейдельберга — это же наверняка лишние три тысячи долларов в год в любой ракетной фирме.

Черт возьми, еще пара дуэлей со студентами добавит настоящие гейдельбергские шрамы к той царапине, которой я уже обладал. Фехтование было одним из моих любимых видов спорта — еще с тех времен, когда я ошивался в гимнастическом зале своего колледжа (хотя там оно котировалось весьма низко). Есть люди, которые панически боятся ножей, штыков, шпаг — словом, всего, чем можно порезаться. У психиатров для этого есть даже специальный термин — боязнь крови. Идиоты, которые гоняют свои машины со скоростью более ста миль по дороге, где скорость ограничена пятьюдесятью, падают в обморок при виде обнаженного лезвия.

Мне это непонятно, и вот почему я жив и даже многократно произведен в капралы. «Военный советник» не может себе позволить дрейфить перед ножами, штыками и тому подобным. Он обязан с ними управляться. Я их никогда не боялся, так как был уверен, что успею сделать с противником то самое, что он намерен сделать со мной. Так всегда и получалось за исключением того случая, когда я разыграл героя, но и эта ошибка не была смертельной. Если бы я уклонился, вместо того чтобы броситься вперед и распороть противнику брюхо, он бы надвое располосовал меня со спины. А так — хороший замах у него не получился, и его огромный резак лишь задел мое лицо, когда сам шоколадный братишка уже валялся на земле, оставив мне на память весьма скверную рану, в которую инфекция попала задолго до того, как прилетели вертолеты. Боли я не почувствовал. Просто голова закружилась, и

я сел прямо в грязь, а когда очнулся, то увидел фельдшера, вливающего мне плазму.

Я даже с удовольствием предвкушал ожидающие меня в Гейдельберге дуэли. Они там надевают специально подбитые ватой костюмы, защищающие тело, руки и шею, а глаза и нос прикрывают такой металлической пластинкой — так что все это не походит на встречу с марксистом-практиком в джунглях. Мне как-то пришлось держать в руках шпагу, какими пользуются в Гейдельберге: она легкая, прямая, с хорошо заточенным лезвием, но с тупым концом! Игрушка, пригодная лишь для нанесения шрамов, от которых девицы писают кипятком.

Я раздобыл карту, и что вы думаете? Гейдельберг оказался прямехонько на дороге в Висбаден. Вот поэтому-то я и потребовал отправки в Висбаден.

Врач сказал: «Ну, ты даешь, парень!» — и заверил мою подпись. Сержант медицинской службы, ведавший госпитальной канцелярией, произнес: «Ничего не выйдет, солдат». Не буду утверждать, что имела место передача денег из рук в руки, но штамп «Препровождается» канцелярия все же поставила. Товарищи по палате сошлись на том, что я кандидат в психушку: Дядя Сэм не привык предоставлять своим рядовым дармовые поездки вокруг света.

Впрочем, я и без того уже так проехался по шарику, что Хобокен * оказался от меня на том же расстоянии, что и Сан-Франциско, а Висбаден — так еще ближе. Однако политика требовала, чтобы демобилизованные возвращались домой именно пароходами и именно через Тихий океан. А военная политика ведь это вроде рака — никто не знает, откуда он берется, а проигнорировать его никак нельзя.

Вот тут-то и проснулся департамент Доброй Волшебницы, которая коснулась меня своей чудесной палочкой.

Я уже готовился ступить на борт корыта под названием «Генерал Джонс», следующего на Манилу, Тайбей, Йокогаму, Перл-Харбор и Сиэтл, когда пришла

---

* Хобокен — порт в Нью-Джерси (Атлантическое побережье США).

бумага, удовлетворявшая все мои желания и даже более того.

Мне предписывалось прибыть в штаб американских оккупационных войск в Гейдельберге на первом же подходящем для этого военно-транспортном средстве и там демобилизоваться согласно собственному желанию и статье такой-то. Неиспользованное отпускное время должно быть предоставлено или оплачено согласно статье такой-то. Вышеупомянутому надлежало вернуться в Штаты в течение 12-ти месяцев, прибегнув для этого к соответствующим военно-транспортным средствам и не предъявляя к правительству США каких-либо новых финансовых претензий.

Сержант, штабной писарь, вызвал меня и показал бумагу, причем его лицо светилось неподдельным восторгом.

— Ты только учти, солдат, что никакого наличного военно-транспортного средства для тебя нет, так что — валяй тащи вещички на «Джонса». Поедешь в Сиэтл, как я тебе и говорил.

Я тут же усек, о чем речь. Единственный за много-много дней транспорт отплыл на Запад в Сингапур тридцать шесть часов назад. Я уставился на бумагу, но в глазах у меня стояла кастрюля с кипящим маслом, а в мозгу билась мысль, что судно успело уйти.

Я отрицательно покачал головой:

— Нагоню «Генерала Смита» в Сингапуре. Будь человеком, сержант, выпиши мне нужные документы.

— Документы выписаны. На «Джонса». В Сиэтл.

— Господи! — протянул я задумчиво. — Пойти, что ли, поплакаться в жилетку капеллану? — И тут я слинял по-быстрому, но отправился не к капеллану, а на аэродром. Здесь мне хватило пяти минут, чтобы выяснить, что ни одного гражданского самолета на Сингапур в нужном мне отрезке времени нет и не будет.

Но был австралийский военно-транспортный самолет «Альбатрос», вылетающий рейсом в Сингапур этой же ночью. Оси * не считались «венными советниками» но ошивались тут же в качестве «военных наблюдате-

---

* Оси (Aussi) — кличка австралийского солдата.

лей». Я нашел командира борта — лейтенанта ВВС — и изложил ему свою ситуацию. Он улыбнулся и сказал:

— Для одного парня местечко всегда найдется. Похоже, вылетаем сразу же после чая. Конечно, если старушка захочет взлететь.

Ну я-то знал, что она «захочет». Ведь это был С-47, весь в пробоинах и налетавший бог знает сколько миллионов миль. Как только я увидел эту раскрашенную в маскировочные цвета и испещренную заплатами птичку, сидевшую на аэродромном поле, я понял, мое счастье еще со мной. Через четыре часа я уже сидел в кресле, а «птичка» катилась по взлетной полосе.

Утром следующего дня я явился на борт военно-транспортного судна «Генерал Смит» промокшим до нитки. «Гордость Тасмании» прорывалась сквозь штормы, а этот тип самолетов имеет один недостаток — они текут. Но кто из испытавших слякоть джунглей будет возражать против чистого дождя?! Хорошей новостью было и то, что судно отходило только вечером.

Сингапур похож на Гонконг, только лежит на равнине. Так что одного дня на осмотр хватает с избытком. Я пропустил стаканчик в «Раффалсе», другой в «Адельфи», промок под дождем в Международном парке отдыха, прошвырнулся по Чанг-Эли, придерживая одной рукой карман с деньгами, а другой — с документами. Здесь же я купил билет Ирландского тотализатора.

Вообще-то я никогда не играю в азартные игры, конечно если мы договорились считать покер чистым искусством. Так что покупку билета следует рассматривать как жертвоприношение богине Счастья или как благодарность ей же за долгий период удачи. Если она отзовется на этот жест ста сорока тысячами американских долларов, что ж, ей не придется долго меня упрашивать. А если нет, так номинальная стоимость билета — один фунт, или два доллара и 80 центов. Заплатил я за него девять сингапурских долларов, или три американских, так что не такой уж убыток понес ради богини Счастья, особенно учитывая, что уже выиграл бесплатное кругосветное путешествие, да еще живьем выбрался из джунглей.

Эти три доллара я тут же сэкономил, так как удачно скрылся с Чанг-Эли, сбежав от других босоногих ходя-

чих «банков», готовившихся всучить мне еще билеты тотализатора, сингапурские доллары и любые другие денежные знаки или даже мою собственную шляпу (если бы я хоть на секунду выпустил ее из виду), вышел на проезжую улицу, остановил такси и велел шоферу отвезти меня в порт. И это было явной победой Духа над Плотью, поскольку завершало долгий спор, который я вел с самим собой на тему: не снять ли с себя тяжелейший биологический стресс. Добрый старый Гордон слишком долго изображал добродетельного скаута, а Сингапур — один из семи Городов Греха, где можно получить все, что пожелаешь.

Не собираюсь утверждать, что все это время я оставался верным Девушке Моей Мечты. Эта юная девица — там на родине — в свое время обучила меня кое-чему, относящемуся к Миру, Плоти и Греху, уложившись в одну-единственную и удивительную ночь накануне того дня, когда я завербовался в армию. Она писала мне чисто дружеские письма, пока я проходил на базе курс военной подготовки, так что я испытываю к ней чувство благодарности. Но отнюдь не считаю себя связанным с ней обетом верности. Вскоре она вышла замуж, теперь у нее пара ребятишек, но оба не от меня.

Главная причина биологического стресса носила географический характер. Эти маленькие, шоколадного цвета братишки, против которых и в союзе с которыми я воевал, имели маленьких и тоже шоколадных сестриц, многие из коих были доступны за деньги, а другие даже pour l'amour ou pour le sport *.

Вот такой был мой «местный колорит» в течение долгого времени. Вы скажите: а сестры милосердия? Ну, они были только для офицеров, а редкие певички или балерины из управления культурно-бытового обслуживания армии США, случайно залетевшие так далеко от родины, были для нас куда недоступнее медсестер.

Что же касается шоколадных крошек, но мои возражения против них относятся не к цвету. У меня самого лицо, за исключением длинного розового шрама, было не менее коричневым, чем у них. Из своего меню я

---

* По любви, ради развлечения *(фр.)*.

исключил их потому, что они уж очень малюсенькие. Я вешу сто девяносто фунтов — одни мускулы без капли жира, — и мне никак не удается убедить себя, что женщина ростом четыре фута десять дюймов и весом менее девяноста фунтов, да еще выглядящая двенадцатилетней, является взрослой и дееспособной. Для меня такое дело не отличается от изнасилования малолетней, и я сразу становлюсь импотентом.

Сингапур — местечко, где можно было найти девицу и достаточно крупных размеров. Но когда я удирал с Чанг-Эли, то внезапно ощутил какое-то разочарование в людях — больших и маленьких, мужчинах и женщинах — и решил прямиком отправиться на судно, что, возможно, спасло меня от оспы, гонореи, мягкого шанкра, проказы, чесотки и дерматофитозиса. Вероятно, это было самое мудрое решение, принятое мной с того времени, когда четырнадцатилетним мальчишкой я отказался от схватки с аллигатором средних размеров.

Таксисту я сказал по-английски, к какому причалу ехать, потом повторил это же специально заученным предложением на кантонском диалекте (с плохим произношением, но китайский язык очень сложен, а в школе у нас кроме немецкого и французского других языков не было) и показал ему план, на котором нужный причал был отмечен и даже назван на английском и китайском языках.

Такой план давали каждому, кто сходил с парохода на берег. В Азии любой таксист достаточно владеет английским, чтобы отвезти тебя в квартал красных фонарей или в лавку, где продаются «редкости», но к нужному причалу они почему-то никогда не находят дороги.

Мой таксист выслушал, глянул на план и сказал: «О'кей. Мак. Я понимаю», после чего рванул с места, резко срезал угол и помчался, кроя последними словами рикш, кули, собак и детей. Я расслабился, радуясь, что мне достался такой таксист — один из тысяч.

Внезапно я подскочил и крикнул, чтобы он остановился.

Надо вам сказать, что я физически не могу заблудиться. Если угодно, можно назвать это экстрасенсорным свойством. Мама же говорила, что у ее сынишки

есть «шишка направления». Как ни называйте, а я только в шесть или семь лет узнал, что есть люди, которые могут заблудиться. Я же всегда знаю, где север, в каком направлении лежит место, с которого я отправился в путь и как далеко я от него нахожусь. Я могу вернуться туда точно по прямой, а могу и по собственным следам, даже в темноте или в джунглях. Именно по этой причине меня столько раз производили в капралы и даже поручали обязанности сержанта. Патрули, которыми я командовал, всегда возвращались обратно, кроме убитых, конечно. Городским ребятам, которым джунгли не пришлись по душе, это весьма импонировало.

А закричал я потому, что таксист повернул направо вместо того, чтобы свернуть налево и уже готовился к новому повороту, дабы вернуться на круги своя.

Такси продолжало набирать скорость. Я снова заорал. Таксист же, казалось, напрочь забыл английский.

Однако несколько позже ему все же пришлось остановиться из-за дорожной пробки. Я вышел из машины, таксист также выскочил из нее и стал что-то визгливо кричать на кантонском диалекте, указывая при этом на счетчик. Вокруг нас собралась толпа китайцев, которая все время росла, причем китайчата уже начали хватать меня за одежду. Я крепко придерживал деньги рукой, но очень обрадовался, увидев полицейского. Я позвал его, и мне удалось привлечь его внимание.

Полицейский протолкался через толпу, помахивая внушительной дубинкой. Это был индус. Я спросил его: «Говоришь по-английски?»

— Еще бы. И даже понимаю по-американски.

Я изложил ему обстоятельства дела и пояснил, что таксист посадил меня у Чанг-Эли, а потом гонял машину по кругу.

Коп* кивнул и заговорил с таксистом на каком-то третьем языке, похоже, на малайском. Потом коп сказал:

— Он не знает английского. Думал, вы велели ехать в Джохор.

Мост, ведущий в Джохор, лежит совсем в другом направлении, чем причал, но тоже еще на территории Сингапура. Я с раздражением буркнул:

---

* Коп — жаргонная кличка полицейских в США.

— Черта с два он не понимает по-английски!

Коп пожал плечами.

— Вы его наняли и, значит, должны оплатить по счетчику. Потом я объясню ему, куда надо ехать, и мы договоримся о цене.

— Да я скорее отправлюсь в ад!

— Вполне возможно. Расстояние до него очень небольшое, особенно в этих кварталах. Думаю, вам все же лучше заплатить. Время простоя бежит быстро.

Иногда приходит час, когда человек должен встать на защиту своих принципов, чтобы потом, бреясь, он мог не стыдиться собственного взгляда. Я побрился еще утром, а потому уплатил восемнадцать с половиной сингапурских долларов за то, что потерял час времени и оказался дальше от места назначения, чем был, когда садился в машину. Таксист требовал еще чаевых, но коп приказал ему заткнуться и ушел вместе со мной.

Обеими руками я держался за карманы с деньгами, документами и с тотализаторным билетом, который я положил к документам. Но моя авторучка исчезла, равно как и носовой платок и ронсоновская зажигалка. Когда же я почувствовал, что чьи-то невидимые пальцы ощупывают браслетку часов, я поспешил согласиться на предложение полицейского, рекомендовавшего мне услуги своего двоюродного брата — человека честного, который отвезет меня к причалу за условленную и умеренную плату. «Брат» оказался под рукой, и через полчаса я уже был на борту своего судна. Нет, никогда не забуду Сингапур — уж больно тут набираешься опыта.

2

Двумя месяцами позже я оказался на Французской Ривьере. Департамент Доброй Волшебницы присматривал за мной на всем пути через Индийский океан, Красное море и далее вплоть до Неаполя. Все это время я вел здоровый образ жизни, каждое утро делал зарядку и загорал, после обеда спал, а вечерами играл в покер. К тому времени, когда мы добрались до Италии, я уже был обладателем великолепного загара и кругленькой суммы.

В самом начале плавания один из игроков спустил все наличные и решил поставить на кон свои билеты Ирландского тотализатора. После непродолжительного спора, билеты превратились в валюту, где каждый билет соответствовал двум американским долларам. К концу путешествия у меня оказались 53 билета.

Перелет из Неаполя во Франкфурт занял всего несколько часов, но за это время департамент Доброй Волшебницы успел передать меня в ведение департаментов Путаницы и Издевательства.

Прежде чем отправиться в Гейдельберг, я завернул в Висбаден, чтобы повидать матушку, отчима и ребятишек, и тут узнал, что они только накануне выехали в Штаты, направляясь на базу ВВС Элмендорф на Аляске.

Тогда я поехал в Гейдельберг и с ходу стал знакомиться с городом, не подозревая, что шлейф невезения уже тянется за мной. Чудесный городок — прекраснейший замок, отличное пиво и крупнотелые девы с румяными щеками и с фигурами, похожими на бутылку кока-колы, в общем, все говорило, что это местечко как никакое другое подходит для получения ученой степени. Я даже начал прицениваться к жилью и познакомился с молодым фрицем в студенческой шапочке и с дуэльными шрамами на лице, не менее страшными, чем мой. Казалось, все шло путем. Свои планы я обсудил с первым сержантом, который отвечал за дембель. Он покачал головой:

— Эх ты бедолага!

Почему? Да потому что Гордону не полагалось никаких ветеранских привилегий. Оказалось — я вовсе и не ветеран. И шрам мой ничего не стоил, и то, что я укокошил людей в стычках больше, чем их можно загнать в... а, неважно куда! Оказывается, эта война вовсе не является войной, и конгресс до сих пор не принял закона, предоставляющего «военным советникам» льготы для получения образования.

Думаю, виноват я сам. Просто всю жизнь слышал о ветеранских привилегиях... Господи, да я сам сидел на одной скамейке в химической лаборатории с парнем, который собирался окончить колледж с их помощью!

Сержант отечески напутствовал меня:

— Не пыли, сынок. Езжай домой, поступи на работу и обожди годик. Не иначе как они примут закон и придадут ему обратную силу, это уж точно. А ты еще молодой.

Вот я и оказался на Ривьере, в штатском, задумав надышаться воздухом Европы, пока не пришло время закругляться и возвращаться домой. Гейдельберг накрылся... Мое жалованье, вернее тот остаток, что я не успел спустить в джунглях, плюс деньги за неиспользованный отпуск плюс выигрыш в покер составляли сумму, которой хватило бы на первый год учебы в университете. А вот до получения степени эти деньги никак нельзя было растянуть. Я ведь рассчитывал, что буду жить на ветеранские дотации, а наличность послужит своего рода страховкой.

Мой пересмотренный план был ясен. Попасть домой, во всяком случае, до начала учебного года. Наличные денежки разойдутся на оплату жилья и пансиона у тетки с дядей, следующее лето где-нибудь подработать и вообще держать нос по ветру. Опасность попасть в армию мне больше не угрожала, так что способы одолеть последний курс колледжа должны были подвернуться, хотя стать герром доктором мне уже не светило.

Колледж, однако, открывался только осенью, а сейчас было лишь начало весны. Поэтому я решительно настроился на знакомство с Европой, прежде чем приложить зубы к граниту науки. Другого такого случая могло и не подвернуться.

Была и еще одна причина, чтобы отложить отъезд — те самые билеты. Подходило время жеребьевки лошадей. Ирландский тотализатор начинается как лотерея. Сначала продаются билеты в количестве достаточном, чтобы обклеить ими Центральный вокзал в Нью-Йорке. Ирландские больницы получают 25% выручки, так что они единственные, кто выигрывает наверняка. Лошадей два десятка. Если твой билет не выиграл лошади, то цена ему как листу оберточной бумаги (хотя какие-то утешительные призы есть и для этой категории). Если ты «получил» лошадь, это еще не значит, что ты выиграл. Некоторые из этих лошадей, может, и до старта не доберутся, а из тех, что выйдут на старт, большая часть приплетется в хвосте. Тем не менее любой билет, «выигравшей» лошади, даже если она, по общему мнению, способна только доковылять до стойла, теперь

приобретает на весь период между жеребьевками и скачками цену в несколько тысяч долларов. Сколько именно тысяч — уж это зависит от рейтинга лошади. Но цены высоки, ведь и самая плохая лошадь, как известно, чудом может прийти первой.

У меня было 53 билета. Если хоть один из них «выиграет» лошадь, я получу столько, что мне хватит на Гейдельберг. И я остался до жеребьевки.

Европа — дешевое местечко. Молодежное общежитие — роскошь для парня, вернувшегося из «райских» кущ Юго-Восточной Азии. Даже Французская Ривьера не так уж недоступна, ежели найти к ней правильный подход. Я не стал снимать апартаменты на La Promenade des Anglais *, а снял крошечную комнатку четырьмя этажами выше и двумя километрами дальше набережной, да еще с общими «удобствами». Конечно, в Ницце есть роскошные клубы, но их вовсе не обязательно посещать, поскольку на пляжах стриптиз ничуть не хуже, чем в клубе, да еще бесплатно. Я не понимал этого высокого искусства до тех пор, пока не увидел, как юная француженка снимает платье и натягивает бикини на глазах у обывателей, туристов, жандармов и собак (не говоря уж обо мне), и все это никак не нарушает снисходительных французских норм, относительно «неприличного обнажения». Ну разве что чуть-чуть нарушает.

Сами же по себе пляжи ужасны. Галька и камни. И все-таки камни лучше, чем грязная жижа джунглей, так что я, натянув плавки, любовался стриптизом и совершенствовал загар. Была весна, туристский сезон еще не начался, народу было мало, зато солнце грело и никаких дождей не предвиделось. Я валялся на солнце, чувствовал себя почти на небесах. А моим единственным приобретением был арендованный в «Американ экспресс»** почтовый ящик, куда мне клали парижские издания «Нью-Йорк геральд трибюн» и «Старз энд страйпз»***.

Я бегло проглядывал страницы, где сообщалось, как бездарно наши правители руководят миром, затем про-

---

* Английская набережная (*фр.*).

** Крупная американская туристическая фирма.

*** «Звезды и полосы». Американская газета военно-патриотического толка.

бегал известия о событиях на «невойне», которую так недавно покинул (о ней писали мало, хотя нам и вдалбливали, что мы «спасаем цивилизацию»), а потом обращался к более стоящим делам: информации об Ирландском тотализаторе или надеждам, что «Старз энд страйпз» развеет дурной сон, будто мне отказано в привилегиях на получение образования.

В конце шли кроссворды и личные объявления. Я всегда внимательно перечитывал этот раздел, позволяющий заглянуть в чужую частную жизнь. Например: «М. Л. позвонить Р. С. до полудня. Деньги». Информация к размышлению — кто кого надул и кто получит денежки!

Вскоре я нашел возможность вести еще более дешевый образ жизни и при этом любоваться еще лучшим стриптизом. Слышали когда-нибудь об Иль дю Леван? Это островок у побережья Ривьеры между Марселем и Ниццей, очень похожий на Каталину. На одном конце острова — деревушка, на другом — ВМС отгородили кусок земли для своих ракетных установок. Все остальное — холмы, пляжи и гроты. Автомобилей нет, нет даже мотоциклистов. Людям, которые сюда приезжают, хочется забыть об остальном мире.

За десять долларов в день тут можно жить так же хорошо, как за сорок в Ницце. Можно заплатить пять центов в сутки за место для палатки и еще один доллар тратить на еду, что я и делал, а если надоест готовить самому, то тут полно дешевых и приятных ресторанчиков.

На острове, как мне кажется, не действуют никакие стесняющие людей правила. Хотя, погодите, одно ограничение есть: перед въездом в деревушку висит объявление «Le Nu Integral Est Formelement INTERDIT» («Полная обнаженность категорически запрещена»). Это означает, что все мужчины и женщины, прежде чем выйти на деревенскую улицу, должны нацепить на себя треугольную тряпочку — cache-sexe *. В других же местах, то бишь в кемпингах и на пляжах, никто ничего не обязан надевать, да и не надевает.

---

* Плавки или бикини (*фр.*).

Исключая отсутствие автомобилей и одежды, Иль дю Леван ничуть не отличается от остальной французской провинции. Тут не хватает пресной воды, но французы ее не пьют, а купаться можно в Средиземном море, после чего покупают на франк пресной воды, с помощью которой смывают морскую соль. Садитесь на поезд в Ницце или в Марселе, сходите в Тулоне, берете билет на автобус до Лаванду, а потом — на катере (час с небольшим) до Иль дю Леван, после чего можете отбросить всякую заботу о своей одежде.

Я обнаружил, что могу покупать вчерашний номер «Геральд трибюн» в деревне, прямо там же («"Au Minimum", m-me Alexandre»*), где я арендовал палатку и другие туристические принадлежности.

Провизию я закупал в «La Brise Marine»**, а лагерь разбил над La Plage des Grottes *** возле самой деревушки. Там я и обосновался, давая отдых нервишкам, а глазам — наслаждение местным стриптизом.

Есть люди, которые не считают женщину венцом божественного творения. Они — «выше секса», им следовало бы родиться устрицами. А по мне, приятно смотреть на любую женщину (даже на шоколадных крошек, хотя они меня и отпугивали). Вся разница в том, что на одних смотреть приятно, а на других — очень приятно. Некоторые толстоваты, другие — худощавы, одни — молоденькие, другие — постарше. Некоторые выглядят так, будто только что вышли из «Folies Bergeres»****. С одной из таких я познакомился и оказалось, что близок к истине — это была шведка, работавшая «nue»***** в одном из парижских кабаре. Она со мной практиковалась в английском, я с ней — во французском, она обещала меня накормить настоящим шведским обедом, когда я приеду в Стокгольм, а я готовил ей обеды на спиртовке, мы напивались vin ordinaire ******, и она требовала, чтобы я рассказал, откуда у меня шрам, так что

---

* «"До минимума", мадам Александра» (*фр.*).

** «Морской бриз» (*фр.*).

*** Пляж у гротов (*фр.*).

**** «Фоли Бержер» — одно из известнейших парижских кабаре.

***** Актриса стриптиза.

****** Дешевое местное вино.

приходилось что-то выдумывать. Марьятта была прекрасным лекарством для солдатских нервишек, и я огорчился, когда ее отпуск истек.

А стриптиз все длился. Спустя три дня после отъезда шведки я сидел на Гротто-бич, облокотясь на скалу, и решал кроссворд, как вдруг почувствовал, что глаза у меня разъезжаются в разные стороны в тщетном усилии оторваться от самой великолепной женщины, какую я когда-нибудь видел.

Женщина или девушка — не знаю. С первого взгляда я дал ей лет 18—20, но потом, когда взглянул на лицо вблизи, она показалась мне не то 18-летней, не то 40-летней, а может и 140-летней. Она обладала безупречной красотой, которая не зависела от возраста. Ну как Елена Прекрасная или Клеопатра. Вполне возможно, что это и была Елена Прекрасная, так как Клеопатрой она быть не могла, это точно — та, как известно, была рыжая, а эта яркая натуральная блондинка. Кожа у нее была золотистой, как корочка у свежеподжаренного гренка, причем на теле ни следа от бикини, а волосы на два тона светлее кожи. Они свободно струились по спине восхитительными волнами и, казалось, никогда не знали ножниц.

Рост высокий, чуть пониже меня и, надо думать, вес тоже поменьше, жира никакого, совсем никакого, кроме той тонкой прокладки под кожей, что так смягчает женские формы, скрывая мускульный каркас. Осанка ее напоминала о ленивой мощи львицы.

Плечи широкие для женщины, почти такие же широкие, как ее полные женственные бедра. Талия могла бы показаться толстоватой у женщины более низкого роста, а у нее она выглядела восхитительно тонкой. Живот не впалый, а соблазнительно круглящийся под тяжелой грудью. Груди... Только ее мощная грудная клетка могла поддерживать тяжесть таких грудей, которые в другой ситуации могли бы показаться слишком роскошными. Они были крепки и высоки и лишь чуть подрагивали в такт шагам, увенчанные розовато-коричневыми сосками — женскими, не девичьими.

Пупок заставлял вспоминать эпитеты древних персидских поэтов, любивших сравнивать его с драгоценными каменьями. Ноги длинные, даже учитывая ее рост; кисти рук и ступни не маленькие, но тонкие и грациоз-

ные. Она вся была изумительно изящна, и просто невозможно было представить ее в какой-нибудь вульгарной позиции. И это при том, что тело ее было столь гибко, что, казалось, она, как кошка, может принять любую, самую невероятную позу.

Ее лицо! Как описать абсолютное совершенство? Разве что сказать, что, увидев такое лицо один раз, вы уже никогда его не забудете. Губы полные, рот довольно большой, слегка изогнутый в легкой улыбке, даже если лицо совершенно спокойно. Губы ярко-красные, но если она и пользовалась косметикой, то так искусно, что я не заметил и следа краски, а это уже делало ее уникальной, так как в этот год все женщины увлеклись макияжем «Континенталь», ненатуральным, как корсет, и наглым, как ухмылка шлюхи.

Нос прямой и крупный. Не какая-нибудь «кнопка». Глаза... Она перехватила мой восхищенный взгляд. Разумеется, женщины готовы к тому, чтобы на них смотрели, готовы как в обнаженном виде, так и в бальном платье. Но такое беззастенчивое разглядывание хоть кому может показаться хамством. Тем не менее я сдался лишь через несколько секунд, стараясь запомнить каждую линию ее тела, каждый его изгиб.

Наши взгляды встретились, она смотрела на меня так же прямо и упорно, как я на нее. Я покраснел, но отвести глаз все равно не смог. Ее глаза были такого темно-голубого цвета, что казались почти черными, во всяком случае были темнее моих — карих. Я хрипло спросил:

— Pardonnez-moi, ma'm'selle *, — и усилием воли отвел взгляд.

Она ответила по-английски:

— О, я не возражаю. Смотрите сколько угодно, — и с ног до головы оглядела меня, так же тщательно изучая мое тело, как я изучал ее. У нее было теплое глубокое контральто, удивительно глубокое, особенно на нижнем регистре.

Потом она сделала два шага и оказалась рядом со мной. Я хотел встать, но она жестом приказала мне сидеть, жестом таким повелительным, будто всю жизнь только и делала, что отдавала приказы.

---

* Извините, мамзель (*фр.*).

— Не вставайте! — произнесла она. Ветерок донес до меня аромат ее тела, по коже побежали мурашки. — Вы — американец?

— Да. — Я готов был побожиться, что она не американка, да и не француженка тоже. У нее не только не было и признака французского акцента, но и... как это сказать... француженки ведь всегда кокетничают, это у них в крови, эта манера интегрирована в саму французскую литературу. В этой же женщине кокетства не было, хотя уже одним фактом своего существования она бросала вам вызов.

Не будучи кокетливой, она обладала редким даром устанавливать интимность в общении. Она разговаривала со мной так, как говорят только старые друзья, знающие сокровенные тайны друг друга, чувствующие себя наедине совершенно естественно. Она задавала мне вопросы, многие из которых были глубоко личными, а я отвечал на них совершенно откровенно, причем мне и в голову не приходило — по какому праву она мне их задает. Имени моего она не спросила, как и я — ее. Впрочем, я вообще ее ни о чем не спрашивал.

Наконец она прекратила допрос, снова осмотрела меня — тщательно и спокойно. Потом задумчиво произнесла:

— Вы прекрасны! — и добавила: — Au 'voir*, — повернулась, прошла по пляжу до кромки воды и уплыла.

Я был слишком ошеломлен, чтобы шевельнуться. Никто еще не называл меня красивым, даже когда мой нос был цел. А уж прекрасным...

Не думаю, что я чего-нибудь достиг бы, попробовав догнать ее, если даже предположить, что эта мысль пришла бы мне в голову. Эта женщина плавала что надо.

3

Я оставался на пляже до самого захода солнца, ожидая, что эта женщина все же вернется. Затем наспех проглотил скромный ужин из хлеба, сыра и вина, нацепил плавки и двинулся в деревню. Там я обошел все

---

* До свидания (*фр.*).

бары и кафе, нигде не обнаружив никаких следов красавицы, и, следуя по этому маршруту, еще заглядывал в незанавешенные окна коттеджей. Когда бистро стали закрываться, пришлось дать отбой и вернуться в палатку, проклиная себя за свою фантастическую тупость (почему, например, я не спросил ее имени, где она живет и где остановилась на острове?). Потом я завернулся в одеяло и заснул.

Проснулся я на рассвете, обежал пляж, позавтракал, снова обежал пляж, «оделся», пошел в деревню, побывал во всех лавчонках и на почте, где купил вчерашнюю «Геральд трибюн».

И вот тут-то мне и пришлось делать самый трудный в моей жизни выбор: я «выиграл» лошадь! Сначала я не поверил глазам, так как не мог же я запомнить все 53 номера. Пришлось мчаться к палатке, искать записную книжку, проверять — действительно, выиграл! Этот номер прочно засел в моей памяти из-за своей легкости: XDV 34555. Я выиграл лошадь!

Это означало сумму в несколько тысяч долларов, но сколько именно, я не знал. Во всяком случае достаточно, чтобы оплатить обучение в Гейдельберге, если я немедленно загоню билет. «Геральд трибюн» приходила сюда с дневным опозданием, то есть жеребьевка состоялась дня два назад, и эта животина вполне могла уже либо ногу сломать, либо покалечиться каким-нибудь другим способом. Мой билет имел цену, только пока «Счастливая Звезда» числилась в списке стартующих. Следовало немедленно добраться до Ниццы, выяснить, где и как можно получить наибольшую цену за билет, и сейчас же его загнать.

Но как же Елена Прекрасная?!

Шейлок с его душераздирающим воплем: «О дочь моя! Мои дукаты!» — вряд ли страдал больше меня.

Пришлось идти на компромисс. Я написал исполненную страдания записку, назвав свое имя, сообщая о неотложном вызове по делам, умоляя ее или дожидаться моего возвращения на следующий день, или оставить записку с указанием, где я могу ее найти. Записку я оставил почтмейстерше вместе с описанием (блондинка, рослая, длинные волосы, великолепная poitrine *) и

---

* Грудь (*фр.*).

двадцатью франками плюс обещание заплатить вдвое, если послание будет передано, а ответ получен. Почтмейстерша сказала, что такой женщины она не видела, но если cette grande blonde * покажется в деревне, то записка ей будет вручена.

В результате всей этой деятельности, у меня осталось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы добежать до палатки, переодеться в городской костюм, забросить прочее имущество к m-me Alexandre ** и успеть на катер. Ну а потом у меня оказалось целых три часа свободного времени, которые я мог посвятить волнующим раздумьям.

Одна из закавык заключалась в том, что «Счастливая Звезда» была отнюдь не дохлятиной. Рейтинг ставил ее на пятое-шестое место. Итак, что делать? Остановиться и получить верную прибыль? Или рискнуть всем и, возможно, не получить ничего?

Решение было трудным. Предположим, я продам билет за десять тысяч долларов. Даже если не пытаться обойти налоговое управление, мне все же выдадут на руки большую часть этой суммы и ее хватит на завершение образования.

Но ведь образование я и без того могу получить и так ли сильно мне хочется поступить в Гейдельбергский университет? Тот студент с дуэльными шрамами по существу-то был настоящий болван со своей фальшивой заносчивостью, опирающейся на поддельную доблесть.

Теперь предположим, что я обожду продавать и схвачу один из главных выигрышей — 50 или даже 140 тысяч долларов!

А знаете ли вы, какой налог платит молодой холостяк с суммы 140 тысяч долларов в Стране Отважных и на Родине Свободных? Сто три тысячи — вот сколько! А ему остается, стало быть, 37 тысяч.

Стоит ли ставить реальные десять тысяч против ненадежных тридцати семи? Шансы, примерно, один к пятнадцати против меня. Ну а предположим, я найду какую-нибудь уловку и обойду налогового инспектора? Тогда ставки будут 10 тысяч против 140, а это уж

---

* Эта крупная блондинка (*фр.*).

** Мадам Александра (*фр.*).

совсем другой коленкор — 140 тысяч не просто деньги для пропитания в период учебы, а состояние, приносящее 4—5 тысяч долларов в год.

И вовсе я не «обирал» Дядю Сэма, ведь США имели такое же моральное право на мой выигрыш (если бы я его получил), как и я — на Священную Римскую империю. Что Дядя Сэм сделал для меня? Он швырнул моего отца в две мировые войны, причем в одной из них не дал нам победить и тем самым куда как затруднил мое поступление в колледж, даже если оставить в стороне вопрос о той роли, которую мой отец мог бы сыграть в духовном развитие сына (этого я не знаю и никогда не узнаю). Затем Дядя Сэм вытурил меня из колледжа и послал сражаться на еще одну «невойну», почти что укокошил меня там и вообще, можно сказать, лишил девичьей невинности.

Так по какому же праву он теперь претендовал на 103 тысячи долларов, оставляя мне какой-то паршивый хвостик? Чтобы одолжить эти деньги какой-нибудь Польше? Или Бразилии? Черта с два!

Способ удержать все деньги (если допустить, что я их выиграл), конечно, был. Например, можно было отправиться в Монако, где налогов вообще нет, а через годик уехать оттуда куда угодно.

Можно хоть в Новую Зеландию. «Геральд трибюн» пестрел своими обычными заголовками, разве что в большей концентрации. Похоже было, что эти парни (ах эти шаловливые детишки), которые верховодят на нашем шарике, решили снова сыграть в мировую войну, только теперь уже с водородными бомбами и межконтинентальными ракетами.

Что ж, если забраться куда-нибудь на юг, ну хотя бы в ту же Новую Зеландию, то будет шанс, что там что-нибудь и останется, когда осядет радиоактивный пепел. А Новая Зеландия, говорят, страна красивая, рыбаки-любители, слыхал, там даже пятифунтовую форель считают мелочью, недостойной того, чтобы нести ее домой.

Сам-то я только раз в жизни поймал двухфунтовую.

И вот, когда мои размышления дошли до этого места, я сделал жуткое открытие. Оказалось, что мне больше не хочется поступать в колледж ни в том случае, если

я выиграю деньги, ни в том случае, если их проиграю. И что я ни в грош не ставлю гараж на три машины, плавательный бассейн или какой-нибудь другой символ высокого статуса или благосостояния. В этом мире все было ненадежно, и лишь одни потрясные дураки и робкие мышата могут думать иначе.

Где-то, еще в джунглях, я растерял амбиции этого рода. В меня слишком часто стреляли, чтобы я сохранил интерес к супермаркетам и загородным участкам или к тому, что сегодня вечером я приглашен на ужин, организованный ассоциацией родителей и учителей, и должен весь день помнить об этом.

Впрочем, все это вовсе не означало, что я собираюсь в монастырь. Я еще жаждал... А вот чего?..

Я жаждал добраться до яйца птицы Рух... Я ничего не имел против сераля, полного прекраснейших одалисок, но куда милее мне было видение клубов пыли из-под колес боевой колесницы и клинка, который никогда не запятнала бы ржавчина. Мне грезились самородки красного золота величиной в кулак, и я с наслаждением воображал, как швыряю своим ездовым собакам подонка, попытавшегося украсть у меня заявку на золотоносный участок. Я мечтал, как вскочу ранним утром, сильный и свежий, как сломаю на турнире пару копий, как присмотрю себе там подходящую девчонку для осуществления моего droit du seigneur * или, наоборот, как смело брошу вызов какому-нибудь барону, посмевшему нахально подмигнуть моей избраннице. А больше всего мне хотелось услышать плеск пурпурной воды о борт «Нэнси Ли» в час утренней вахты, когда ни один звук не нарушает тишины и не видно ничего кроме медленного взмаха крыльев альбатроса, сопровождающего нас вот уже тысячу миль.

Мне мерещились быстрые луны Барсума, я тосковал о плаванье на плоту вниз по Миссисипи, мне хотелось спасаться от разъяренной толпы вместе с герцогом Бриджуотерским и покойным дофином. А еще мне недоставало пресвитера Иоанна и меча Эскалибура, протянутого чьей-то посеребренной лунным светом рукой из глубин сонного озера. Я мечтал о путешествии с

---

* Право первой ночи (*фр.*).

Улиссом и Синдбадом-мореходом, мечтал о стране лотофагов, где стоит вечный полдень*. Я тосковал по романтике и по тому чувству непреходящего изумления, которое было так свойственно мне в далеком детстве. Мне хотелось, чтобы мир снова стал таким, каким нам его обещали, а не той гнусной, вонючей кашей, каков он есть на самом деле.

А ведь у меня был шанс, был — в течение десяти минут вчерашнего вечера. Елена Прекрасная — или как там ее зовут, — и я знал это... и дал этому шансу ускользнуть.

Больше такого шанса у меня не будет никогда.

Поезд въезжал в Ниццу.

В конторе «Американ экспресс» я направился в банковский отдел, открыл свой личный сейф и достал из него билет, чтобы сверить его с номером в «Геральд трибюн». Все так и было — XDV 34555! Чтобы успокоить нервы, я проверил все билеты, они ничего не стоили, как я и думал. Сунув их обратно в сейф, я спросил, не могу ли повидать управляющего.

У меня была денежная проблема, а «Американ экспресс» не только бюро путешествий, но и банк. Меня отвели в кабинет менеджера, и мы представились друг другу.

— Мне нужен совет, — начал я. — Видите ли, я — владелец выигрышного билета Ирландского тотализатора.

Он широко улыбнулся:

— Поздравляю! Вы первый человек за долгое время, который заглянул сюда с приятным известием, а не с жалобой.

— Благодарю. А проблема вот в чем. Я знаю, что билет, выигравший лошадь, стоит кругленькую сумму, пока не начнутся скачки. В зависимости от лошади, конечно.

— Именно так, — подтвердил он. — А какая у вас лошадь?

---

* Здесь и далее Гордон вспоминает героев излюбленных книг американских мальчишек. Чаще всего это герои книг Л. Кэрролла (Черная Королева, Белый Рыцарь, Твидлдам и Твидлди), Марка Твена («Приключения Гекльберри Финна»), Эдгара Берроуза («Владыка Марса», «Дочь тысячи джеддаков»), рассказов Г. Уэллса (в т. ч. «Дверь в стене»), А. Дюма («Три мушкетера») и др.

— Довольно приличная — «Счастливая Звезда», в чем и заключается проблема. Если бы я выиграл «Водородную бомбу» или одного из трех фаворитов, то... вы понимаете? А так я не знаю, держаться ли за этот билет или продать его, и вообще, как правильно рассчитать шансы. Вы не знаете случайно, сколько дают за «Счастливую Звезду»?

Он сложил кончики пальцев «домиком».

— Мистер Гордон, «Американ экспресс» не дает советов по скачкам и не занимается перепродажей билетов тотализатора. Тем не менее... Билет при вас?

Я достал из кармана билет и протянул ему. Билет пережил немало приключений, включая покер, он был помят и захватан потными пальцами. Счастливый номер был виден отчетливо.

Менеджер осмотрел его внимательно.

— А талон к билету у вас?

— При мне его нет, — и я начал объяснять, что дал адрес своего отчима и что мои письма пересылаются на Аляску.

— Это сейчас не так важно, — перебил он меня и потянулся к кнопке звонка. — Алиса, попросите мсье Рено зайти ко мне.

А я получил новую пищу для беспокойства. У меня хватило ума в свое время записать имена и адреса прежних владельцев билетов, и каждый из них обещал прислать мне талоны, но пока ни один не прислал. Может, они уже получены на Аляске? Что касается выигравшего билета, то я проверил — он раньше принадлежал сержанту из Штуттарта. Вероятно, ему придется что-то заплатить, а не согласится — так вывихнуть руку.

Мсье Рено был похож на утомленного школьного учителя.

— Мсье Рено — наш эксперт в делах такого рода, — объяснил мне менеджер. — Будьте добры, дайте ему ваш билет.

Француз осмотрел его, глаза его загорелись, он полез в карман, достал ювелирную лупу и вставил ее в глаз.

— Великолепно! — сказал он. — В Гонконге купили?

— В Сингапуре.

Он кивнул, улыбаясь:

— Это одно и то же.

Менеджер не улыбался. Он открыл ящик стола, вынул оттуда билет тотализатора и протянул его мне.

— Мистер Гордон, этот билет я купил в Монте-Карло. Сравните их, пожалуйста.

Мне билеты показались одинаковыми, только с разными серийными номерами, да еще его билет был новехоньким и похрустывал.

— А зачем их сравнивать?

— Может, это вам поможет? — Менеджер подал мне большую лупу для чтения.

Билеты тотализатора печатаются на особой бумаге, и на них выгравирован портрет в красках. И гравировка, и печать на билетах лучше, чем на денежных знаках в ряде стран.

Я знал, что сколько ни смотри на двойку, в туза она не превратится. Протянул менеджеру его билет:

— Мой поддельный.

— Я этого не говорил, мистер Гордон. Советую вам обратиться к другим экспертам. Например, во Французский банк.

— Да я и сам вижу. Гравировка не такая четкая и ровная, как на вашем. В ряде мест линии прерываются. Лупа показывает, что буквы расплылись. — Я повернулся: — Верно, мсье Рено?

Эксперт пожал плечами с видом ценителя.

— В своем роде дивная работа.

Я поблагодарил и вышел. Конечно, я сверился и во Французском банке, но не потому, что не доверял вынесенному приговору, а потому, что нельзя ни ампутировать ногу, ни выбрасывать на помойку 140 тысяч долларов, не сопоставив мнения экспертов. Этот эксперт даже к лупе не прибегал:

— Подделка, — сказал он. — Цены не имеет.

Вернуться той же ночью на Иль дю Леван я не мог. Я пообедал и зашел повидаться со своей прежней хозяйкой. Моя конура пустовала, и хозяйка разрешила мне в ней переночевать. Заснул я моментально.

Удивительно, но я вовсе не пал духом, как ожидал. Чувствовал я себя хорошо, пожалуй, даже превосходно. Мне удалось испытать ощущение человека, неожи-

данно ставшего богачом, я познакомился с его радостями и с его горестями. Эти чувства оказались любопытными, но мне вовсе не хотелось начинать все сначала, во всяком случае сейчас.

Все тревоги меня покинули. Единственное, что надо решить, это время отъезда домой, но жизнь на острове была так дешева, что с этим можно было и не торопиться. Более всего меня пугало то, что, внезапно уехав в Ниццу, я потерял из виду Елену Прекрасную, cette grande blonde! Si grande... si belle... si majestueuse *! В мечтах о ней я и заснул.

Сначала я планировал попасть на самых ранний поезд в Тулон, а затем на первый утренний катер, но прошлый день съел все мои карманные деньги, а, будучи в «Американ экспресс», я позабыл снять деньги со счета. Забыл я и справиться о письмах. Вообще-то я их не ждал, разве что от матери и от тетки. Единственный мой дружок по армии погиб шесть месяцев назад. И все же я решил забежать за письмами, пока мне будут готовить деньги.

Я разрешил себе обильный завтрак. Французы полагают, что мужчина может начать свой день цикорным кофе с молоком и с рогаликами. Надо думать, это и определяет неустойчивость французской политики. Я выбрал кафе в переулке, рядом с большим газетным киоском, единственным в Ницце, где продавались «Старз энд страйпз», а «Геральд трибюн» появлялся сразу же после поступления на почту. Заказал дыню, две порции натурального кофе, omlette aux herbes fines **, после чего предался кайфу.

«Геральд трибюн» отвлекла меня от сибаритских наслаждений. Заголовки были еще хуже, чем обычно, и напомнили, что мне еще предстоит сражаться с миром за место в нем. Не мог же я вечно торчать на Иль дю Леван.

Но почему бы не остаться там подольше? Мне все еще ничуть не улыбалась перспектива поступления в колледж, а амбициозные желания иметь трехмашинный

---

* Эта крупная блондинка! Такая большая... такая прекрасная... такая импозантная! (*фр.*).

** Омлет с травками (*фр.*).

гараж были мертвы, как тотализаторный билет. Если третья мировая война готовилась перейти в кипящую фазу, то не было никакого смысла становиться инженером, чтобы ишачить в какой-нибудь Санта-Монике за 6—8 тысяч в год, а потом исчезнуть в огненной буре. Наверняка лучше пожить в свое удовольствие, срывая цветы наслаждения, пока есть возможность радоваться, пока есть доллары и время, а затем... что ж, пойду в морскую пехоту, как отец. Быть может, из меня все же наконец получится капрал?

Я раскрыл страницу «личных объявлений».

Сегодня они были что надо. Помимо предложений обучить йоге и закамуфлированных обращений одних инициалов к другим, было несколько таких, которые читались как новеллы. К примеру: «Награда! Вы собираетесь прибегнуть к самоубийству? Передайте мне право аренды на ваше жилище — и вы свои последние дни будете кататься как сыр в масле. Ящик 323, Г. Т.».

Или: «Джентльмен из Индии, не вегетарианец, хочет познакомиться с культурной европейской, африканской или азиатской леди, владеющей спортивной машиной. Цель знакомства — улучшение международных отношений. Ящик 107».

Интересно, как этим можно заниматься в спортивной машине?

Следующее объявление было зловещим: «Гермафродиты всего мира, вставайте! Нам нечего терять, кроме своих цепей. Тел. Опера, 59-09».

А одно объявление начиналось словами: «Вы трус?»

О да, разумеется, в том случае, если дается альтернатива!

Я прочел: «Вы трус? Тогда это не для вас. Срочно требуется храбрый человек, лет 23—25, отличного здоровья, минимум 6 футов ростом; весом около 190 фунтов, хорошо говорящий по-английски и немного по-французски, владеющий всеми видами оружия, желательно с некоторыми познаниями в инженерном деле и математике, любящий путешествовать, не связанный семейными и эмоциональными узами, смелый и решительный, красивый лицом и телом. Постоянное место, высокая оплата, интересные приключения, опасности

гарантируются. Обращаться лично. Дом 17, рю Данте, 2-й этаж, квартира Д».

Насчет лица и фигуры я прочел с некоторым облегчением: мне сначала показалось, что некто, обладающий чувством черного юмора, выкинул эту шутку специально для меня. И этот некто прекрасно осведомлен о моей привычке читать отдел личных объявлений в «Геральд трибюн».

Судя по адресу, место, куда следовало явиться, находилось всего в сотне ярдов от моего кафе. Я перечел объявление еще раз, потом оплатил addition *, оставил приличные чаевые, прошел к киоску, купил «Старз энд страйпз», дошел до «Американ экспресс», получил деньги, забрал почту и отправился на вокзал. До следующего поезда на Тулон оставался еще час, и я зашел в бар, заказал пива и расположился за столиком.

Мама огорчалась, что я не застал их в Висбадене. В письме сообщалось о болезнях ребятишек, о высоких ценах на Аляске и выражалось сожаление, что им пришлось покинуть Германию. Я сунул конверт в карман и взялся за «Старз энд страйпз».

И тут же прочел: «Вы трус?» — это было то же самое объявление — от начала до конца. С проклятием я отшвырнул газету прочь.

Было еще три письма. Одно приглашало меня прислать пожертвование атлетической ассоциации моего бывшего колледжа. В другом предлагалось помочь мне в выборе выгодных объектов для инвестирования денег за 48 долларов в год. Самое последнее письмо было заключено в простой конверт без марки и явно принесено в «Американ экспресс» посыльным.

В конверте лежала газетная вырезка, начинавшаяся словами «Вы трус?». Она ничем не отличалась от того, что я уже прочел, кроме того, что слова «Обращаться лично» были жирно подчеркнуты.

Схватив такси, я помчался на рю Данте. Если я потороплюсь, то еще успею разобраться с автором этой шутки и попасть на свой тулонский поезд. Номер 17-й был в верхней части города. Я взбежал по ступенькам и, уже подходя к квартире Д, столкнулся с человеком,

---

* Счет в ресторане (*фр.*).

который из нее выходил. Он был шести футов ростом, с красивым лицом и классной фигурой, по которой его легко можно было принять за гермафродита.

Табличка на дверях гласила на английском и французском языках: «Доктор Бальзамо. Прием по договоренности». Имя показалось мне знакомым и с какой-то примесью фальши, но я не стал вспоминать, откуда его знаю. Я толкнул дверь.

Приемная была обставлена так, как любят обставлять свои конторы пожилые французские стряпчие или новомодные проходимцы. За письменным столом восседало нечто похожее на гнома с насмешливой улыбкой, жесткими глазами, необычайно розовым лицом и лысиной и с неопрятной седой бахромой за ушами. Он пристально поглядел на меня и хихикнул:

— Привет! Так это ты и есть герой? — Внезапно гном выхватил револьвер, длиной чуть ли не в половину собственного роста и наверняка такой же тяжелый, и направил его на меня. Сквозь дуло вполне мог бы проехать целый «фольсваген».

— Да не герой я! — мрачно буркнул я в ответ. — Я трус. И пришел сюда, чтобы выяснить, кто занимается этими дурацкими шуточками. — Тут я скользнул в сторону, отбил вбок страшенную пушку, ударил гнома по запястью и отнял у него револьвер. После чего вручил его обратно: — Не надо играть с такими игрушками, иначе мне придется забрать его насовсем. Я тороплюсь. Это вы Бальзамо? Вы дали объявление?

— Тихо, тихо, тихо! — произнес гном, вовсе не казавшийся рассерженным. — Ишь какой порывистый юноша! Нет, доктор Бальзамо — там! — И он повел бровями в сторону двух дверей в левой стене, потом нажал кнопку на столе (в комнате это была единственная вещь моложе Наполеона). — Иди. Она ждет.

— Она? А в какую дверь?

— Ах, трудно догадаться, где леди, а где тигр? Да какое это имеет значение? Особенно в далекой перспективе? Герой выберет правильно, трус же ошибется, будучи уверен, что я совру. Allez-y! Vite, vite! Schnell! * Твой выход, Мак!

---

* Иди же! Скорей, скорей! (*фр.*) Торопись! (*нем.*).

Я хмыкнул и рванул правую дверь.

Доктор стояла спиной ко мне возле какого-то прибора у дальней стены. На ней был один из тех белых, застегнутых до самой шеи халатов, которые так любят медики. Слева от меня находился хирургический стол для осмотров, справа — очень современная шведская кушетка. Были там еще шкафы из нержавейки и стекла, а на стенах дипломы в рамках. Комната выглядела так же современно, как не современно — приемная.

Когда я закрыл дверь, она обернулась, взглянула на меня и тихо сказала:

— Я очень рада, что ты пришел. — Потом улыбнулась, чуть слышно прошептала: — Ты прекрасен! — и оказалась в моих объятиях.

4

Минуту и сорок секунд плюс несколько столетий спустя доктор Бальзамо-Елена Прекрасная оторвала свои губы от моих, отвела их на расстояние дюйма и шепнула:

— Отпусти меня, разденься и ляг на стол для осмотра.

Я чувствовал себя так, будто проспал часов девять, принял душ Шарко и сделал несколько глотков холодного как лед аквавита на голодный желудок. Все, что было угодно ей, было желанно и для меня. Но ситуация требовала особо остроумной реплики, так что я открыл рот:

— А?

— Ну, пожалуйста! Я знаю, что ты — тот, кто нужен, но тем не менее должна осмотреть тебя.

— Ну... ладно... — согласился я. — Тут ты командуешь, — и начал расстегивать рубашку. — А ты действительно доктор медицины?

— Да, это тоже, среди прочих профессий.

— Но зачем тебе нужно осматривать меня? — спросил я, сбрасывая туфли.

— Хотя бы из-за ведьминских меток. Их, конечно, нет, я знаю. Но нужно выяснить и много других показателей. Чтобы защитить тебя.

Стол был очень холодным. И почему не делают теплых подкладок?

— Тебя зовут Бальзамо?

— Это одно из моих имен, — ответила она рассеянно, нежно трогая меня пальцами то тут, то там. — Это семейное имя.

— Обожди-ка! Граф Калиостро?

— Это один из моих дядюшек. Да, он носил это имя. Хотя, вообще-то говоря, оно ему принадлежало не более, чем имя Бальзамо. Дядя Жозеф был плохой человек и довольно большой лгун. — Она дотронулась до старого маленького шрама: — Тебе вырезали аппендикс?

— Да.

— Отлично. Покажи-ка свои зубы.

Я широко раскрыл рот. Возможно, лицо у меня и подгуляло, но зубы вполне годятся для рекламы «Пепсодента».

— Следы флюорита. Ладно, а теперь мне надо взять у тебя кровь для анализа.

Она могла бы, если б хотела, прокусить мне прямо вену на шее, и я бы не только не удивился, а вернее всего попросту ничего не заметил бы. Однако она сделала все как обычно, взяв у меня 10 миллиграммов из вены на сгибе локтя. Отлила немного в пробирку и поместила ее в аппарат, стоявший у стены. Тот заурчал и защелкал, а она вернулась ко мне.

— Послушай, принцесса, — начал я.

— Я не принцесса.

— Но я же не знаю, как тебя зовут, ты намекнула, что твоя фамилия вовсе не Бальзамо, а доктором я тебя звать не хочу. — Я и в самом деле не хотел звать ее доктором — эту самую очаровательную женщину, которую когда-либо видел, не хотел, особенно после того поцелуя, который стер память о других поцелуях, сколько бы их ни было раньше. Вот уж нет!

Она подумала.

— У меня много имен... а как бы ты хотел меня звать?

— А одно из этих имен, случаем, не Елена?

Ее улыбка была как скользящий солнечный зайчик, и я увидел, как от улыбки у нее появляются ямочки на щеках. Выглядела она лет на шестнадцать, совсем девушка, надевшая свое первое бальное платье.

— Ты очень галантен. Нет, она мне даже не родственница. Это было так давно, так давно! — Она повернулась ко мне: — Хочешь, зови меня Иштар *.

— Это одно из твоих имен?

— Пожалуй, только надо сделать скидку на транскрипцию и акцент. Можно, и это будет очень близко, звать меня Астар, или Эстер, или даже Эстерлитта.

— Астар! — повторил я. — Стар — Звезда. Счастливая Звезда.

— Я и хочу быть для тебя счастливой звездой, — сказала она серьезно. — В общем, называй меня как хочешь. А как я буду звать тебя?

Я задумался. Мне, разумеется, не хотелось вытаскивать на свет Божий старую спортивную кличку «Флэш». Армейское прозвище, которое продержалось дольше других, просто невозможно было произнести в дамском обществе. Хотя я сам предпочитал его имени, данному при крещении. Видимо, мой отец очень гордился своими предками, но разве это основание для того, чтобы назвать ребенка мужского пола Ивлин Сирил? Из-за него мне пришлось научиться драться куда раньше, чем читать. Пожалуй, кличка, приставшая ко мне в госпитале сойдет лучше всего.

— О, Скар **, пожалуй, не такое плохое имя.

— Оскар, — повторила она. — Гордое имя! Имя для настоящего героя, — своим голосом она как будто ласкала это имя.

— Нет, нет! Не Оскар, а «Скар» — «Меченый». Из-за этого вот.

— Нет! Теперь твое имя будет Оскар, — сказала она твердо. — Оскар и Эстер, Шрам и Звезда. — Она легко прикоснулась к шраму. — А тебе не нравится эта метка героя?

— Что? О нет. Я к нему уже привык. Он помогает мне понять, кто это такой, когда я смотрюсь в зеркало.

— Хорошо, мне он нравится, ведь он был у тебя, когда мы встретились впервые. Но если ты захочешь убрать его, только скажи.

---

* Богиня из ассиро-вавилонского пантеона богов.

** Шрам (*фр.*).

Аппарат у стены снова щелкнул. Она повернулась и вытащила из аппарата длинную ленту, пробежала ее глазами и тихонько присвистнула.

— Это займет немного времени, — сказала она весело и подкатила прибор к столу. — Лежи тихо, пока Хранитель будет подключен к тебе, расслабься и дыши ровно. — Она прикрепила ко мне около полудюжины датчиков, и они крепко присосались в тех местах, куда она их приложила. На собственную голову Стар водрузила нечто сначала показавшееся мне каким-то странным стетоскопом, хотя в надетом виде он закрыл ей оба глаза.

— Изнутри ты тоже хорош, Оскар. Нет, помолчи-ка еще. — Она положила руку мне на плечо, и я замер. Минут через пять Стар сняла руку и отсоединила все датчики. — Вот и все, — оживленно произнесла она. — Больше ты никогда не испытаешь простуды, мой герой, не будет у тебя и приступов расстройства желудка, подхваченного в джунглях. А теперь пройдем в другую комнату.

Я слез со стола и взялся за свои шмотки. Стар сказала:

— Там, куда мы направляемся, они не нужны. Там ты получишь полную экипировку и оружие.

Я остановился, держа в одной руке туфли, а в другой брюки.

— Стар?..

— Да, Оскар?

— Скажи мне, в чем дело? Это ты дала объявление? И оно действительно предназначалось мне? Ты в самом деле собираешься нанять меня для выполнения какого-то замысла?

Она глубоко вздохнула и спокойно ответила:

— Объявление дала я. Оно предназначалось тебе, и только тебе. Да, есть работа, которую ты должен выполнить... как мой рыцарь. Будут и увлекательные приключения, и несметные сокровища, и большие опасности, так что, возможно, ни один из нас не доживет до конца. — Она посмотрела мне прямо в глаза: — Итак, сэр?

Мелькнула мысль, что, видимо, уже давно, незаметно для себя, я попал в сумасшедший дом. Вслух я, однако, ничего не сказал, так как там, где я сидел, Стар

уж никак не могла быть. А мне безумно хотелось, хотелось больше всего на свете, быть с ней. Я сказал:

— Принцесса... ты получила своего мальчика на побегушках.

Стар с облегчением вздохнула:

— Тогда быстрее. Времени мало. — Она провела меня через дверь, находившуюся за шведской кушеткой, расстегивая по пути халат, распуская молнию на юбке и сбрасывая одежду прямо на пол. В мгновение ока она оказалась в том же виде, что тогда — на пляже.

Стены комнаты были окрашены в темный цвет, в ней не было окон, и тусклый свет падал неизвестно откуда. Два низких ложа стояли рядом друг с другом, они были черного цвета и походили на гробы. Другой мебели не было и в помине. Когда дверь за нами закрылась, я поразился мертвой тишине, стоявшей в комнате — голые стены не отражали ни звука.

Оба ложа стояли в центре круга, очерченного мелом или белой краской на голом полу и являющегося частью более сложного узора. Мы вошли внутрь рисунка, Стар повернулась ко мне спиной и, присев на корточки, провела какую-то завершающую линию. Даже в этой позе она не казалась вульгарной, даже на корточках, даже с грудью почти касающейся пола.

— Что это? — спросил я.

— Карта, пользуясь которой, мы отправимся туда, куда нам надо.

— Она больше похожа на пентаграмму.

Стар пожала плечами:

— Пусть будет так. Это действительно Пятиугольник Мощи. А лучше сказать — схема соединения. Но, мой герой, у меня нет времени для объяснений. Пожалуйста, ложись скорее.

Я лег на указанное мне правое ложе, но не мог оставить тему без завершения:

— Стар, ты колдунья?

— Если хочешь. Но прошу тебя, прекрати разговоры. — Она легла и протянула мне ладонь. — Соединим руки, милорд. Так надо.

Ее рука была мягкой, теплой и безукоризненно красивой. Внезапно свет стал красным, потом погас. Я заснул.

5

Проснулся я от пения птиц. Рука Стар все еще лежала в моей. Я повернул к ней лицо, и она улыбнулась:

— Доброе утро, милорд!

— Доброе утро, принцесса. — Я осмотрелся. Мы все еще лежали на тех черных ложах, только теперь они стояли под открытым небом в поросшей травой лощине, окруженной деревьями, а где-то совсем рядом тихонько журчал ручей. Место было такое живописное, что, казалось, его собирали листок к листку неторопливые руки японских садовников. Теплый солнечный свет струился сквозь решето листьев, расцвечивая золотистое тело Стар. Я глянул на солнце.

— Это утро? — Мог быть и полдень, и даже после полудня, но тогда, значит, солнце садилось, а не вставало.

— Здесь снова утро.

Внезапно моя «шишка направления» полностью вышла из повиновения, и голова закружилась. Неспособность определить направление оказалась для меня чувством совершенно непривычным и малоприятным. Я не мог определить, где находится север. Спустя несколько секунд все стало на свои места. Север был вон там, вверх по течению ручья, а стало быть, солнце действительно вставало, было эдак часов девять утра, и вскоре солнцу предстояло пройти через северный квадрант неба. Значит — Южное полушарие. Пугаться нечего. Подумаешь, делов-то! Просто сделали дураку укол какого-то наркотика, когда проходил медосмотр, сунули его на борт «Боинга-707», перебросили в Новую Зеландию, дозаправив его зельем во время полета. Когда понадобится — разбудят.

Однако я ничего не сказал вслух, да... и не все додумал до конца, поскольку дело обстояло совсем не так, как я полагал.

Стар села.

— Ты голоден?

Тут я почувствовал, что омлет, съеденный несколько часов назад (а сколько именно, никто не знает), явно недостаточен для ребенка, вошедшего в период роста. Я тоже сел и перебросил ноги на траву.

— Съел бы целую лошадь.

Она улыбнулась:

— Боюсь, что лавка La Societe Anonyme de Hippophage * уже закрыта. Может, ограничимся форелью? Нам все равно придется немного подождать, так что времени для приготовления завтрака у нас сколько угодно. И не бойся. Это место защищено.

— Защищено?

— Да, безопасно.

— Ладно. А как насчет удилища и крючков?

— Сейчас покажу. — Но показала она мне, не как ловить рыбу на удочку без наличия последней, а как ловить ее руками.

С этим способом, впрочем, я был знаком с детства. Мы вошли в прелестный ручей, с приятно-прохладной водой, стараясь двигаться как можно тише, и выбрали местечко как раз под нависшей скалой, местечко, где форели любят собираться и общаться, едва-едва поводя плавниками. Что-то вроде рыбьего эквивалента клуба для джентльменов. Данный способ лова основан на том, что вы добиваетесь доверия рыбы, а потом ее бесчестно обманываете. Уже через две минуты я поймал форель фунта на два-три и выбросил ее на берег, а Стар ухватила почти такую же.

— Сколько ты можешь съесть? — спросила она.

— Вылезай и обсушись, — отозвался я. — Попробую выловить еще одну штучку.

— Тогда, пожалуй, лучше возьми еще две или три, — подытожила она. — Скоро придет Руфо.

— Кто?

— Твой слуга.

Спорить я не стал. Подобно Черной Шахматной Королеве, я готов был до завтрака поверить целым семи нелепостям, а потому занялся добычей этого самого завтрака. Я ограничился всего двумя рыбами, так как последняя оказалась самой крупной из всех когда-либо виденных мной форелей. Рыбы, казалось, сами становились в очередь на право быть пойманными.

К этому времени Стар уже развела костер и тут же принялась чистить рыбу с помощью острого кремня.

---

* Анонимное общество любителей конины (*фр.*).

Что ж, любой скаут женского пола и любая колдунья должны уметь разводить костер без спичек. Я и сам — если дадут несколько часов и гарантируют удачу — могу сделать то же самое при помощи двух кусков сухого дерева. Однако я не заметил таких кусков поблизости. Я сел на корточки и, перехватив у Стар ее работу, начал чистить форель.

Вскоре она вернулась с какими-то фруктами, похожими на яблоки, но почти вишневого цвета, а также с изрядным количеством грибов, вроде шампиньонов. Все это она несла на широком листе, схожем с листом канны или ти, но только еще больше, почти как у банана.

У меня потекли слюнки:

— Эх! Еще бы чуточку соли.

— Поищи. Только боюсь, что она будет хрустеть на зубах.

Стар приготовила рыбу двумя способами: обжарила на огне, подвесив на свежесрубленной зеленой ветке, и испекла на плоской известняковой плите, на которой разводила костер. Угли она сгребла в сторону, а на раскаленную плиту положила рыбу и зашипевшие сразу же грибы. В таком виде рыба показалась мне вкуснее всего.

Маленькая нежная травка оказалась местной разновидностью зеленого лука, а крошечный клевер по вкусу не отличался от щавеля. Эти травки вместе с солью (грубой и действительно скрипевшей на зубах, а возможно, и многократно лизанной какими-нибудь животными, что мне было абсолютно безразлично) придавали форели совершенно неописуемый вкус. Думаю, сюда внесли свою лепту еще и погода, и живописная местность, да и сама компания Стар, последнее в особенности.

Я все раздумывал, как бы это поделикатнее сказать: «Как насчет того, чтобы нам провести тут вдвоем ближайшую тысячу лет, и как угодно — в браке или без? А кстати, ты замужем?» Но тут нас прервали. И очень жаль, так как мне как раз удалось сложить в уме довольно изящную и очень оригинальную фразу для выражения этой простой, но старой как мир мысли.

Пожилой лысый гном — владелец револьвера-переростка — возник за моей спиной и тут же принялся браниться. Я был совершенно уверен, что он ругался на чем свет стоит, хотя язык мне был незнаком. Стар повернулась к гному, что-то спокойно сказала ему на том же языке, подвинулась, освобождая место, и протянула ему форель. Он схватил рыбу и откусил от нее огромный кусок, бормоча уже по-английски:

— В следующий раз ничего ему не заплачу. Вот увидишь!

— А не надо было пытаться обжуливать его, Руфо. Возьми-ка грибов. А где багаж? Мне надо переодеться.

— Вон там! — И он снова принялся пожирать рыбу. Руфо был прекрасным доказательством того, что некоторым людям лучше всегда быть одетыми. У него была ярко-розовая кожа и весьма солидный животик. В то же время мускулатура у него была что надо, чего я и не подозревал, иначе был бы куда осторожнее, отнимая у него «пушку». В глубине души я решил, что, если нам придется схватиться в индийской борьбе, мне придется прибегнуть к какой-нибудь нечестной уловке.

Он взглянул на меня сквозь полтора фунта форели и спросил:

— Не желает ли милорд переодеться?

— А? После того как ты позавтракаешь. И к чему этот титул «милорд»? Ведь последний раз, когда мы встречались, ты запросто тыкал мне в физиономию своей пушкой.

— Очень сожалею, милорд. Но Она велела так поступить... А когда Она приказывает, приходится повиноваться, сами понимаете.

— Меня это устраивает. Кто-то же должен командовать. А меня зови просто Оскар.

Руфо глянул на Стар, она кивнула. Он ухмыльнулся:

— О'кей, Оскар. Претензий нет?

— Никаких.

Он положил рыбу на камень, вытер ладонь о голое бедро и протянул мне:

— Отлично. Значит, вы будете рубить, а я вывозить.

Мы пожали друг другу руки, причем каждый попытался испытать силу другого. Кажется, мне удалось чуть

перебороть Руфо, но я вынес впечатление, что не иначе он когда-то занимался кузнечным ремеслом.

Стар казалась очень довольной, у нее снова появились ямочки на щеках. Она уютно устроилась у огня и стала похожа на лесную нимфу, занятую чаепитием во время обеденного перерыва. Внезапно она протянула мне свою сильную тонкую руку и положила ее поверх наших.

— Мои храбрые друзья! — сказала она серьезно. — Мои славные мальчики. Руфо, все будет хорошо.

— Вам был Знак? — с интересом спросил он.

— Нет, только предчувствие. Я совершенно спокойна.

— Вряд ли можно что-нибудь утверждать определенно, — возразил Руфо, — пока мы не рассчитались с Игли.

— Оскар справится с Игли. — Стар поднялась каким-то необыкновенно гибким движением. — Кончай с рыбой и распаковывай. Мне нужна одежда. — Она сразу стала очень деловой.

Стар была многолика — ничуть не меньше, чем целый взвод из женской вспомогательной службы. И заметьте — это не гипербола. В этой женщине заключились все прочие — от Евы, раздумывающей, какой из двух фиговых листков пойдет ей больше, до современной дамы, которая жаждет оказаться в недрах самого модного магазина совершенно голой, но с чековой книжкой в руках. Когда я встретил ее впервые, она казалась чуть ли не «синим чулком», интересующимся проблемами одежды не более, чем я сам. У меня же лично одежда не вызывала вообще никаких эмоций. Быть представителем нынешнего поколения нерях — значит получить существенную добавку к студенческому бюджету, ибо самые простые джинсы считаются тут au fait *, а пропахшая потом рубашка последним писком моды.

При второй встрече Стар была одета в лабораторный халат и узкую юбку, в которой умудрилась выглядеть одновременно и деловой женщиной, и славным парнем. Но сегодня — в это утро, или как его там называть, она была полна женственности и жизни. Она отдавалась

---

* *Здесь*: вполне допустимыми (*фр.*).

рыбной ловле с такой страстностью, что не могла сдержать восторженных воплей. А через несколько секунд она уже превратилась в девчонку-скаута, с пятнами сажи на щеках, с волосами, небрежно заброшенными за плечо, чтобы уберечь их от огня, пока готовится завтрак.

Теперь же это была Вечная Женщина, которой предстояло заняться разборкой Новых Нарядов. Я-то понимал, что надеть на Стар платье было все равно что покрасить масляной краской королевские драгоценности, но следовало признать, что если мы собираемся играть в «Я — Тарзан, ты — Джейн» в этой лощине до времени, пока нас не разлучит смерть, то какая-то одежда, хотя бы для того, чтобы охранять великолепную кожу Стар от сучков и терниев, определенно понадобится.

Багаж Руфо оказался чем-то вроде небольшой черной шкатулки, размерами и формой походившей на пишущую машинку. Он раскрыл ее.

И еще раз раскрыл.

И раскрыл очень много раз.

И продолжал раскрывать до тех пор, пока эта штуковина не приобрела размеры небольшого грузовичка, доверху набитого множеством вещей. Поскольку дома меня прозвали «Правдивым Джеймсом» сразу же, как я начал говорить, то вам придется предположить, что я стал жертвой галлюцинаций, вызванных гипнозом или наркотиками.

Что касается меня лично, то я твердой точки зрения не имею. Всякий, кто изучал математику, знает, что внутренняя поверхность предмета теоретически не обязательно меньше наружной, а каждый, кому довелось видеть, как какая-нибудь толстуха пролезает сквозь узкую щель, знает, что эта теория находит и практическое доказательство. Шкатулка Руфо была лишь расширенным изданием указанного постулата.

Первым делом Руфо достал из шкатулки здоровенный сундук из тикового дерева. Стар тут же открыла его и принялась вытаскивать из таинственных глубин всевозможные прозрачные прелести.

— Оскар, что ты думаешь об этом? — Она прижимала к груди длинное зеленое платье, разглаживая

юбку на одном из бедер для лучшего обозрения. — Тебе нравится?

Еще бы мне не нравилось! Если это был оригинал (а я и подумать не мог, что Стар наденет жалкую копию), то не стоило пытаться даже вообразить его цену.

— Шикарная тряпочка! — сказал я. — Но, послушай, мы же вроде собирались путешествовать?

— Совершенно верно.

— Но я не вижу поблизости ни одной стоянки такси. Ты не боишься, что платье порвется?

— Оно не рвется. И я не собираюсь его носить. Я хочу только показать его тебе. Разве оно не великолепно? Хочешь, я пройдусь в нем, как манекенщица? Руфо, где мои сандалии на высоких каблуках, ну те, что с изумрудами?

Руфо ответил на том языке, на котором ругался в минуту своего прибытия. Стар лишь пожала плечами и сказала:

— Успокойся, Руфо. Игли подождет. И кроме того, мы все равно не сможем с ним встретиться раньше завтрашнего утра. Да и милорду Оскару еще надо выучиться здешнему языку... — И все же она бросила это зеленое роскошество обратно в сундук.

— А вот и еще одна прелестная штучка, — продолжала Стар, поднимая в воздух нечто. — Это просто шутка, больше ни на что она не годится.

Я понял, что она имеет в виду. «Штучка» была по преимуществу юбкой, с крохотным корсажем, который лишь все поддерживал, но ничего не скрывал — стиль изобретенный на древнем Крите и, как мне приходилось слышать, все еще пользующийся популярностью в «Оверсиз уикли», «Плейбое» и в ночных клубах. Этот стиль превращал паданцы в настоящие буфера. Впрочем, Стар в этом не нуждалась.

Руфо тронул меня за плечо.

— Босс! Не хотите ли взглянуть на арсенал и выбрать что нужно?

— Руфо, жизнь надо украшать, а не подгонять, — с упреком заметила Стар.

— У нас останется куда больше жизни для украшения, если Оскар выберет то, что применит с наибольшим эффектом.

— Оружие ему все равно не понадобится, пока мы не уладим отношения с Игли. — Стар, однако, перестала настаивать на демонстрации новых моделей, и, хотя мне было дьявольски приятно смотреть на нее в это время, я все же с готовностью взялся за инспекцию оружия, которым мне предстояло пользоваться, поскольку предназначенная мне работенка явно того требовала.

Пока я любовался организованным Стар показом мод, Руфо успел разложить коллекцию, которая была чем-то средним между армейским арсеналом и музеем: шпаги, пистолеты, копье футов в двадцать длиной, огнемет, две базуки, между которыми лежал автомат Томпсона, медные кастеты, мачете, гранаты, луки, стрелы, «кинжал милосердия»...

— А почему нет пращи? — спросил я для подначки.

Руфо оказался на высоте:

— Какой тип вам угодно иметь, Оскар? С вилкообразной рукоятью? Или обыкновенную пращу?

— Извини, что затронул эту тему. Из рогатки я никогда и ни во что не попаду. — Я поднял «Томми», убедился, что магазин пуст, и начал разборку. Автомат был почти новехонький, но пристрелянный настолько, чтобы механизм работал как часы. Вообще-то говоря, «Томми» не намного точнее бейсбольной биты, да и радиус у него лишь чуть больше. Есть, конечно, и свои достоинства — если из него попадешь в человека, так тот обязательно упадет и не встанет. Оружие это, короткое и не очень тяжелое, обеспечивает большую плотность огня на нужное время. Подходящая игрушка для боев в зарослях и для схваток, близких к рукопашной.

Я-то сам, признаться, больше уважаю что-нибудь со штыком на конце для случаев, так сказать, интимного характера и что-нибудь, обеспечивающее высокую точность попадания в тех случаях, когда враждебные действия ведутся с дальних рубежей. Поэтому я отложил «Томми» и взял «Спрингфилд», правда изготовленный на заводе в Рой-Айленде, что было видно по серийному номеру, но все равно «Спрингфилд». Эта винтовочка пробудила во мне те же чувства, что и австралийский «Альбатрос» — ведь некоторые виды механизмов столь

совершенны, что единственное средство улучшить их — это сконструировать заново.

Я передернул затвор, сунул палец в ствол, осмотрел мушку. Ствол сверкал, никаких потертостей, на мушке была отчетливо видна малюсенькая звездочка. Чудесное оружие!

— Руфо, а какова местность там, куда мы двинемся? Такая же, как тут?

— Сегодня будет такая же. Но... — он виновато принял винтовку из моих рук. — Здесь пользоваться огнестрельным оружием запрещено. Шпаги, ножи, стрелы — все, что рубит, колет, режет с помощью человеческой руки, пожалуйста. Но не огнестрельное.

— А кто это распорядился так?

Он пожал плечами:

— Спросите лучше у Нее.

— Но если пользоваться нельзя, то зачем ты их брал вообще? Да и боеприпасов я не вижу.

— Боеприпасов хватит. Позже, когда мы доберемся до... до другого места... живыми, я имею в виду... А что вам понравилось из разрешенного оружия? Вы из лука стреляете?

— Пока еще не знаю. Покажи-ка, как это делается.

Руфо хотел что-то сказать, но, пожав плечами взял лук. Надел кожаную перчатку и тщательно выбрал стрелу.

— Вон то дерево, — указал он, — то, у корней которого лежит белый камень. Я буду целиться на высоту груди.

Он наложил стрелу, поднял лук, натянул тетиву и спустил стрелу, все это одним плавным, текучим движением. Стрела вонзилась в ствол дерева в четырех футах от земли.

— Хотите посоревноваться? — ухмыльнулся Руфо.

Я не ответил. Знал, что попасть не смогу, разве что по чистой случайности. В детстве у меня был лук, подаренный на день рождения. Попадал я из него редко, а потом и стрелы куда-то запропастились. Тем не менее, я весьма картинно стал выбирать себе лук, отыскав самый большой и тяжелый.

Руфо вежливо откашлялся.

— Разрешите обратить ваше внимание, что этот лук очень тут и тяжел для начинающего.

Я натянул тетиву.

— Найди мне перчатку. — Перчатка подошла, словно была скроена по мне (а может быть, и была?). Я взял стрелу, даже не осматривая, они все казались мне одинаковыми и прямыми. Никакой надежды попасть в это распроклятое дерево у меня не было. Находилось оно ярдах в пятидесяти и имело около фута в диаметре. Я просто намеревался пустить стрелу повыше, рассчитывая, что такой тугой лук обеспечит достаточно пологую траекторию. Больше всего мне хотелось наложить стрелу, поднять лук, натянуть его и спустить стрелу таким же слитным движением, как у Руфо, хотелось выглядеть настоящим Робин Гудом, не будучи им в действительности.

Но когда я поднял и согнул этот лук, когда ощутил его мощь, то почувствовал внезапный прилив уверенности — этот инструмент был для меня! Мы были сотворены друг для друга.

Ни о чем не думая, я пустил стрелу.

Она, задрожав, впилась в дерево на расстояние ладони от стрелы Руфо.

— Отличный выстрел! — воскликнул Руфо.

Руфо глянул на дерево, поморгал, потом с обидой перевел глаза на Стар. Она ответила ему надменной улыбкой.

— Ни в чем не виновата, — заявила она. — Ты же знаешь, что на такие проделки я не способна. Соревнование шло честно... оба отличились.

Руфо задумчиво посмотрел на меня.

— Хм-м! А не желает ли милорд заключить маленькое пари... на его собственных условиях... что милорду не удастся повторить свой выстрел...

— Не буду и биться об заклад, — ответил я. — Что я — дурачок, в самом деле! — Но тут же взял другую стрелу и положил ее на тетиву. Мне нравился лук, приятен был даже звук, с которым тетива ударялась о перчатку. Я решился на еще одну попытку, просто чтобы вновь ощутить слияние с оружием.

Я спустил тетиву.

Третья стрела выросла в точке, расположенной между двумя предыдущими, чуть ближе к стреле Руфо.

— Отличный лук! — сказал я. — Я его возьму себе. Поищи-ка колчан.

Руфо молча затопал прочь. Я снял тетиву и принялся копаться в ножевом товаре. В глубине души я очень надеялся, что из лука мне больше никогда не придется стрелять — даже профессиональный игрок не может рассчитывать на нужный расклад каждый раз, когда он сдает карты, и моя следующая стрела вполне могла превратиться в бумеранг.

Тут было бесконечное разнообразие лезвий, начиная от двуручного меча до крошечного кинжальчика, который дама может спрятать в колготках. И каждый клинок я брал в руки и пробовал... пока наконец не нашел такого, который был мне по руке так, как Эскалибур — по руке короля Артура.

Я никогда не видел ничего похожего, а потому даже не знаю, как следует по науке назвать этот клинок. Скорее всего — саблей, поскольку он был слегка изогнут и заточен, как бритва, примерно на половину длины тыльной части. Конец клинка был остр, как у рапиры, а изгиб лезвия имел столь большой радиус, что клинок мог с одинаковым успехом работать и как шпага, и как сабля. Гарда изгибалась вдоль кулака и плавно переходила в получашие. Хотя точка равновесия располагалась только в двух дюймах ниже рукояти, клинок был достаточно тяжел, чтобы разрубить любую кость. Оружие давало ощущение естественного продолжения руки.

Рукоять, обтянутая шершавой акульей кожей, прямо вливалась в ладонь. На клинке был выбит какой-то девиз, но он был плохо виден среди завитушек дамасской стали, и я не стал возиться с расшифровкой из-за нехватки времени. Этот клинок был мой, мы с ним составляли неразрывное целое. Я вложил его в ножны и застегнул пояс с ножнами на голой талии, чувствуя себя этаким капитаном Джоном Картером, Джедакком из Джедакков, плюс знаменитым гасконцем и его тремя друзьями одновременно.

— Ты не хочешь одеться, милорд Оскар? — спросила Стар.

— Что? О, разумеется. Я только примерял на себя пояс. Но... разве Руфо захватил сюда мою одежду?

— Ты захватил, Руфо?

— Его одежду? Не хочет же он носить тут то, что надевал в Ницце?

— А что, собственно говоря, плохого в сочетании фирменных джинсов и гавайки? — запротестовал я.

— Как вы изволили сказать? Да, конечно, ничего плохого, милорд Оскар, — поспешно заговорил Руфо. — Живи сам и давай жить другим, как я говорю. Я знал когда-то человека, который носил... впрочем, неважно, что он носил... Разрешите показать, что я для вас приготовил.

Мне предоставлялся огромный выбор — от плаща из болоньи до железных лат. Последние я нашел малопривлекательными, так как само их присутствие говорило о возможности ситуации, когда они могут понадобиться. Кроме солдатской каски, никаких доспехов я не носил, не стремился носить и не знал, как их носить — и, честно говоря, не собирался водить компанию с теми грубиянами, которые нуждались в чем-либо подобном.

Кроме того, я не видел нигде поблизости лошадей, скажем, першеронов или клайдсдейлов, а вообразить себя двигающимся пешим порядком в этой железной утвари я вообще не мог. Надо думать, я ходил бы как на костылях, гремел бы как вагон подземки, а чувствовал бы себя точно в душной раскаленной телефонной будке. Поту сходило бы с меня фунтов десять на каждые пять миль пути. Стеганых длинных курток, что полагалось поддевать под все эти железки, и одних хватило бы за глаза при такой чудной погоде, а уж сталь поверх стеганок превратила бы меня просто в бродячую печь и сделала бы слабым и неуклюжим даже для сражения в очереди к билетной кассе.

— Стар, ты сказала, что... — начал я и умолк. Она, оказывается, закончила переодеваться, и результат был — что надо! Мягкие кожаные туфли, вернее мокасины, коричневые облегающие брюки, короткая зеленая куртяшка — среднее между жакетом и лыжной курточкой... А на голове кокетливая шапочка. Костюм был опереточной версией костюма стюардессы — ловкой, изящной, толковой и сексапильной.

А возможно, и костюмом «вольных стрелков», поскольку он дополнялся двоякоизогнутым луком, колчаном и кинжалом.

— Ты выглядишь так, как та штучка, из-за которой начался мятеж.

Стар продемонстрировала свои ямочки и вежливо присела. Стар никогда не «выставляется»: она знает, что женственна, что выглядит чудесно, и не скрывает, что это доставляет ей истинное наслаждение.

— Ты сказала только что, будто в моем оружии в ближайшее время нужды не будет. Так есть ли основания натягивать на себя один из этих скафандров? Мне лично они не кажутся комфортабельными.

— Сегодня я опасности не жду, — не торопясь, проговорила Стар, — но это не место, где можно рассчитывать на помощь полиции. Ты должен сам решать, что нужно делать.

— Но... черт возьми, принцесса, ты же знаешь эту страну лучше, чем я. Мне нужен совет.

Она промолчала. Я повернулся к Руфо. Тот с подчеркнутым вниманием рассматривал что-то в кроне дерева. Тогда я приказал:

— Руфо! Одевайся!

Он задрал одну бровь:

— Что угодно милорду Оскару?

— Шнелль! Vite, vite! Давай пошевеливайся!

— О'кей! — Руфо быстро натянул костюм, который был мужским повторением костюма Стар, с шортами вместо женских облегающих брюк.

— Оружие! — приказал я, начав одеваться в том же духе, хотя и решил включить в свой туалет высокие сапоги. Тут я, однако, заметил пару мокасин прямо моего размера и подумал — не попробовать ли, каковы они на ноге. Они обтянули ноги как перчатка и... да и подошвы у меня так затвердели за месяц хождения босиком на Иль де Леван, что надобность в сапогах сама отпала. Выглядели мокасины вполне современно — с молнией спереди и этикеткой «Fabrique en France»* внутри.

---

* Сделано во Франции (*фр.*).

Руфо взял лук, из которого только что стрелял, шпагу и кинжал вдобавок. Я вместо кинжала выбрал золингеновский охотничий нож. С грустью посмотрел на армейский пистолет 45 калибра, но даже не дотронулся до него. Раз «они», кто бы «они» там ни были, приняли местный вариант закона Салливана *, буду ходить без оружия.

Стар приказала Руфо паковаться, а затем присела со мной на песчаном пятачке у ручья и набросала маршрут нашего похода. Путь шел на юг вниз по течению ручья (кроме отдельных участков для спрямления дороги) вплоть до Поющих Вод. Там мы и остановимся на ночлег.

Я запомнил все детали маршрута.

— О'кей! О чем-нибудь еще я должен быть предупрежден? Следует ли нам стрелять первыми? Или надо ждать, пока в нас бросят бомбу?

— Сегодня я ничего такого не ожидаю. Ах да, тут есть хищники размером раза в три крупнее льва, но они жуткие трусы — на движущегося человека не нападают.

— Вот такие мне по душе! Ладно, в крайнем случае, будем все время двигаться.

— Если же мы встретимся с людьми, чего я не предполагаю, будет, пожалуй, мудро приготовить лук и стрелы, но не поднимать лук без необходимости. Впрочем, я ничему не должна тебя учить. Все решаешь ты один. Руфо тоже не будет стрелять до тех пор, пока не увидит, что ты почел за благо применить силу.

Руфо кончил упаковывать наши пожитки.

— О'кей! Пошли! — приказал я.

И мы двинулись в путь. Маленькая шкатулка Руфо была закреплена у него за плечами как рюкзак, и я не переставал дивиться, как это он волочит на своей спине более двух тонн груза. Может, это что-то вроде антигравов, что встречаются в научной фантастике? А может, у него в жилах течет кровь китайских кули? Черная магия? Да и вообще в рюкзаке не мог бы поместиться и один тиковый сундучок Стар, даже будучи уменьшен в масштабе тридцать к одному, не говоря уже об арсенале и прочих причиндалах.

---

* Закон Салливана регулирует продажу и ношение оружия (США).

Не стоит, пожалуй, удивляться, что я не выжал из Стар сведений касательно того, где мы находились, почему мы там находимся, что собираемся там делать, а также относительно деталей тех опасностей, с которыми мне предстояло бороться. Слушай — как тебя там, — Мак, ну если тебе снится самый роскошный сон всей твоей жизни и ты добрался уже чуть ли не до самой кульминации, так неужто ты остановишься и начнешь обсуждать с самим собой вопрос, что логически невозможно, чтобы данная девица располагалась в данной копне сена рядом с тобой в данную минуту, а от этого возьмешь да и проснешься? Я знал, в полном соответствии с логикой, что все происходящее со мной после прочтения того дурацкого объявления, не могло существовать наяву.

Потому-то я и отбросил логику ко всем чертям.

Логика, дружище, — хрупкая штучка. «Логика» доказала, что аэропланы летать не могут, что водородная бомба теоретически невозможна и что камни с неба не падают. Логика — это способ выражения идеи: что не случилось вчера, не может случиться и завтра.

Мне ситуация, в которой я находился, очень нравилась. И я вовсе не желал проснуться в собственной постели, а тем более в отделении какой-нибудь психушки. А особенно мне было бы противно, проснувшись, опять оказаться в джунглях, со свежей раной на лице и без вертолета в обозримом будущем. Или — в то самое мгновение, когда шоколадный братишка заканчивает трудиться надо мной и отправляет меня в свою Валгаллу *. Так вот, эта самая Валгалла мне была очень даже по душе.

Тут я прогуливался с верной шпагой на боку, которая постукивала меня по левому бедру при каждом шаге, с симпатичнейшей девицей, вполне отвечающей моим запросам, с чем-то вроде раба-крепостного-слуги, шагавшего сзади и в поте лица тащившего весь груз, да еще защищавшего нас с тыла, Пели птички, пейзаж был такой, что его, видимо, спроектировали лучшие специалисты ландшафтной архитектуры, а воздух пьянил и

---

* Валгалла — в скандинавской мифологии обиталище богов и героев.

благоухал. И даже в случае, если мне никогда больше не светило прочесть заголовки в утренней газете или окликнуть такси на улице, вышеописанная ситуация меня полностью устраивала.

Признаюсь, мой длинный лук мне здорово мешал, но также мешала бы и М-1 *. У Стар ее маленький лук ловко висел за спиной, доставая ей от плеча до бедра. Я попробовал было носить свой в той же манере, но он запутался в ногах. Кроме того, меня не оставляла мысль о необходимости быть готовым к стрельбе в любую минуту, поскольку Стар упоминала о возможности такой ситуации. Тогда я снял лук с плеча и, натянув тетиву, понес его в левой руке.

За весь утренний переход случилась только одна тревога. Я услыхал, что тетива Руфо пропела «тванг», обернулся, держа лук с уже наложенной стрелой и натянутой тетивой, хотя еще не успел разобраться, в чем дело. На земле лежала птица, похожая на тетерку, которую Руфо сбил с ветки, прострелив ей шею. Я еще раз подумал о нежелательности совместного выступления с ним на стрелковых соревнованиях, разве что он даст мне пять очков форы.

Руфо обернулся и довольно осклабился:

— Обед! — На протяжении следующей мили он ощипывал тетерку, а потом подвесил ее к поясу.

На ленч (где-то около полудня) мы остановились в живописнейшем месте, которое, как поспешила меня успокоить Стар, было «защищено». Руфо раскрыл свою шкатулку до размеров чемодана и сервировал завтрак: холодное мясо, тертый сыр-провансаль, хрустящий французский хлеб, груши и две бутылки шабли. После завтрака Стар предложила устроить сиесту. Идея была недурна — я славно закусил, так что птичкам остались одни крошки, но все же удивился:

— Разве мы не должны поторапливаться?

— У тебя будет урок языка, Оскар.

Теперь я могу сказать тем, кто учил меня языкам в средней школе Понсе де Леона **, что существуют и

---

* М-1 — винтовка в армии США.

** Понсе де Леон — город во Франции, названный в честь испанского мореплавателя, открывшего полуостров Флориду.

лучшие методики обучения. Ты ложишься на мягчайшую травку вблизи смеющегося ручейка и в окружении дивного ландшафта, а самая прекрасная женщина мира склоняется над тобой и смотрит тебе в глаза. Она начинает что-то тихо говорить на неизвестном языке. Время бежит, ее глаза становятся больше... больше... больше... и ты тонешь в них...

Потом, сколько-то времени спустя, Руфо говорит:

— Erbas, Оскар, 'T knita voorsh.

— О'кей! — отвечаю я. — Я уже встаю. Нечего меня подгонять.

Эти последние слова я произнес на языке, коему наш алфавит просто тесен. Потом были еще уроки, но о них я тоже писать не буду, важно то, что с этого момента все мы разговаривали только на указанном выше диалекте, за исключением тех случаев, когда необходимо было заполнить какие-то языковые лакуны английского языка.

Язык этот богат ругательствами и терминами, относящимися к любовным делам, а также превосходит английский по технической терминологии. Существуют и пропуски: нет, например, слова «адвокат».

Спустя час мы подошли к Поющим Водам. По пути мы пересекли довольно высокое лесистое плато. Ручей, в котором мы ловили форель, принял множество притоков и превратился в приличную реку. Под нами, в том месте, куда мы еще не дошли, река падала мощным, превосходящим Йосемитский по высоте водопадом, срываясь с высоких утесов. Но там, где мы остановились на ночлег, она прорыла в плато ущелье и в ее русле образовались каскады, предваряющие появление водопада.

Слово «каскады» слабо передает действительность. Выше и выше по течению, куда только достигал взгляд, вы видели одни водопады — большие, футов по тридцать-пятьдесят в высоту, и маленькие, которые и мышь могла бы перескочить, а между этими крайностями — все переходы размеров и форм. Были там и террасы, и целые лестницы террас, были и тихие заводи, где волна казалась ярко-зеленой от свисающих с берега ветвей, были и полосы ослепительно белой, как взбитые сливки, воды, вскипающей клоками пены.

Слух их тоже воспринимал.

Крохотные водопадики пели серебристым сопрано, большие — гудели глубокими басами. На той зеленой лужайке, где мы разбили лагерь, все эти тона смешивались в величественный хорал, а у самой воды, чтобы услышать друг друга, приходилось кричать во всю мочь.

Кольридж* явно побывал тут в одном из своих горячечных снов:

По склонам зеленой отарой
Сбегали леса, что древнее
Холмов, подставляющих солнцу
Округлые мягкие спины.
А в темном глубоком ущелье,
Как будто тяжелой секирой
Рассекшим кедровую рощу,
Под вечер, едва восходила
Луна с искривленной улыбкой,
Являлся рыдающий призрак,
Взывавший в смятенье и муке
К любовнику — Падшему Духу...

Надо думать, Кольридж шел по тому же маршруту и добрался до Поющих Вод. Неудивительно, что он испытал горячее желание прикокнуть этого «Человека из Поллока»**, вломившегося в его лучший сон. Когда я буду умирать, положите меня возле Поющих Вод, пусть они будут последним, что я увижу и услышу.

Лагерь был устроен на поросшей нежной травой террасе, плоской, как мысль глупца, и мягкой, как поцелуй. Я стал помогать Руфо распаковываться, так как мне хотелось раскрыть фокус роста размеров шкатулки. Фокус остался нераскрытым. Каждая стенка откидывалась в сторону совершенно просто и естественно, подобно тому, как раскладывается доска для глаженья, а размер шкатулки увеличивался после этого также просто и естественно.

Сначала мы достали палатку для Стар. Не какую-нибудь армейскую б/у, а изящный павильон из расшитого

---

* Кольридж — английский поэт (1772—1834).

** Персонаж из «страшного» рассказа Г. Уэллса «Колдун из племени Порро».

шелка; ковер, который мы расстелили вместо пола, наверняка создавался тремя поколениями бухарских художников-ткачей.

— Вам нужна палатка, Оскар? — спросил Руфо.

Я посмотрел на небо, на спускающееся к горизонту солнце. Воздух был как топленое молоко, и даже мысль о дожде не приходила в голову. Я не люблю спать в палатках, особенно если есть хоть ничтожная вероятность нападения.

— А ты будешь в палатке?

— Я? О нет! Но Ей палатка нужна. Хотя потом Она нередко располагается на траве.

— Мне палатка не нужна (а ну-ка вспомни, не должен ли рыцарь спать у порога своей повелительницы с оружием в руках? Я не очень-то разбираюсь в этикете такого рода, его ведь не проходят на школьных занятиях по обществоведению).

Стар к этому времени вернулась и сказала Руфо:

— Защищено. Охранители на месте.

— Перезарядили? — забеспокоился он.

Стар дернула его за ухо.

— Я пока еще не впала в детство. — И добавила: — Мыло подай, Руфо. Оскар, пойдешь со мной, раскладываться — его работа.

Руфо раскопал кусок «Люкса» подал ей, оглядел меня оценивающе и выдал мне кусок «Лайф-бью».

Поющие Воды — лучшая баня на свете, к тому же бесконечно разнообразная. Тихие заводи образуют то мелкие ножные ванны, то бассейны для плавания, то сидячие ванны, в которых вода слегка пощипывает кожу, то душевые, в которых она или падает мелким дождем, или бьет острыми струями, могущими свести с ума, если стоять под ними слишком долго.

Нетрудно подобрать и нужную температуру. Выше каскада, которым мы пользовались, в главный поток впадал ручеек горячей воды, а чуть ниже — из берега бил подводный ледяной родник. Просто требовалось передвинуться чуть ниже или чуть выше по течению, чтобы получить воду нужной температуры, или спуститься туда, где вода была теплой и нежной, как поцелуй матери.

Сначала мы просто резвились, Стар вскрикивала и хихикала, когда я брызгал на нее холодной водой, и пыталась «утопить» меня. Резвились мы как дети, я и в самом деле чувствовал себя мальчишкой. Стар разыгрывала девчонку, но играла она сильно — под бархатной кожей чувствовалась сталь мышц.

Потом я взял мыло, и мы стали мыться. Когда она намылила волосы, я подошел сзади и помог их промыть. Стар разрешила помочь ей, так как явно не справлялась с могучей гривой, раз в шесть длинней, чем носят современные девицы.

Это были незабываемые минуты (особенно учитывая занятость Руфо и его отсутствие). Казалось, создалась вполне подходящая обстановка, чтобы сначала схватить Стар, стиснуть, а потом быстро перейти к решительным действиям. Я далеко не уверен, что она оказала бы мне даже притворное сопротивление. Весьма вероятно, она пошла бы на сближение охотно, с открытой душой.

Черт, я знаю, что притворного сопротивления не было бы. Она либо поставила бы меня на место высокомерным словом или хорошей оплеухой, либо — сдалась бы с радостью.

И все же я не мог решиться. Не мог решиться даже начать. Не знаю почему. Мои намерения в отношении Стар колебались от самых бесчестных до самых-рассамых порядочных и обратно с того самого момента, как я впервые ее увидел. Нет! Не так! Лучше изложим это иначе: мои намерения были постоянно абсолютно безнравственны, но с полной готовностью превратиться в высоконравственные попозже, как только удалось бы раскопать какого-нибудь занюханного мирового судью.

И все же я даже пальцем не дотронулся до Стар, кроме тех мгновений, когда помогал смыть мыло с волос.

Пока я пытался разгадать эту загадку, погружая обе руки в ее тяжелые волосы, мой мозг все еще не мог выдать ответа на вопрос — что же мешает мне обхватить эту сильную тонкую талию, находящуюся от меня на расстоянии нескольких дюймов. В эту минуту я вдруг услыхал пронзительный свист и мое имя — мое новое имя. Я оглянулся.

Руфо в своем малопривлекательном «в чем мать родила», с перекинутыми через плечо полотенцами, стоял на берегу, футах в десяти от нас, и пытался перекричать рев водопада, чтобы привлечь мое внимание.

Я подошел к нему на несколько футов ближе.

— Ну, чего тебе надо? — Можно сказать, что я почти рычал.

— Я спрашиваю — вы будете бриться? Или станете отращивать бороду?

Подсознательно, видимо, я ощущал кактусообразное состояние своей физиономии, еще когда вел внутренний спор о том, совершать или нет преступные действия в отношении Стар, и это сыграло свою роль в принятии отрицательного решения. «Жиллет», «Аква-Вельва», «Бирма Шейв»* и прочие создали у несчастного американского мужчины (я имею в виду себя) чувство неполноценности, мешающее ему соблазнить или изнасиловать даму не будучи свежевыбритым. А у меня щетина была уже двухдневной давности.

— У меня нет бритвы! — заорал я.

Руфо продемонстрировал мне наличие опасной бритвы.

Стар возле меня зашевелилась. Она протянула руку и большим и указательным пальцем ощупала мой подбородок.

— А ты будешь великолепным с бородой, — сказала она. — Что-то в духе Ван-Дейка, с торчащими усами.

Раз таково мнение Стар, то кто я такой, чтобы возражать. Кроме того, растительность на лице частично может скрыть шрам.

— Как скажешь, принцесса.

— И все же я предпочту тебя таким, каким увидела в первый раз. Руфо отличный брадобрей. — Она обернулась к Руфо. — Подай руку и полотенце.

Стар пошла к лагерю, вытираясь полотенцем на ходу. Я бы охотно помог ей в этом, если бы она попросила о такой услуге. Руфо проговорил устало:

— И чего вы не боретесь за свои права? Но раз Она велит побрить вас, то теперь мне уже некуда деваться, придется с собственным мытьем поторопиться, а то Она не терпит опозданий.

---

* Марки бритвенных лезвий.

— Если у тебя найдется зеркало, я и сам побреюсь.

— Вы когда-нибудь имели дело с опасной бритвой?

— Нет, но могу научиться.

— Еще перережете себе глотку, а Ей это может не понравиться. Давайте вон там на бережку, где я смогу стоять в теплой водичке. Нет! Нет! Не садитесь, а ложитесь так, чтобы голова опиралась о камушек. Я не могу брить человека, когда он сидит. — Руфо стал втирать мыльную пену мне в подбородок. — А знаете почему? Я учился на покойниках, вот почему. Наводил на них красоту, чтобы родственникам было приятно. Тихо, вы! Вы же чуть не лишились половины уха! А мне нравится брить жмуриков: во-первых, они не жалуются, во-вторых, ни о чем не просят, в-третьих, ни с чем не спорят и всегда лежат тихонько, в-четвертых, самая что ни на есть разлюбезная работа. Что же касается существа дела... — Руфо прервал бритье и, держа лезвие у моего кадыка, начал изъяснять свои горести. — Разве у меня были выходные по субботам? Черта с два, у меня и по воскресеньям-то они были не всегда! А продолжительность рабочего времени?! Два дня назад я читал в газете, что одно похоронное бюро в Нью-Йорке... Вы в Нью-Йорке бывали?

— Был я в Нью-Йорке! И убери эту чертову гильотину от моего горла, раз ты вошел в раж и так размахиваешь руками!

— Если будете болтать, то не миновать вам быть порезанным сразу в нескольких местах. Так вот, эта контора подписала контракт на обслуживание из расчета двадцатипятичасовой рабочей недели. Недели! А я работал по двадцать пять часов в сутки! Знаете, сколько часов без перерыва мне пришлось как-то раз поработать?

Я сказал, что не знаю.

— Ну вот, вы опять болтаете! Более семидесяти часов, и будь я проклят, ежели вру! А ради чего? Ради славы? А что такое слава? Для кучки сожженных костей? Богатство? Оскар, я скажу вам как родному: я обработал больше покойников, чем какой-нибудь султан — одалисок. И никогда ни один из них гроша ломаного не дал бы за то, чтоб покоиться в одеяниях, украшенных рубинами размером с ваш нос и вдвое

более красных, а не в рубище. Зачем мертвому богатство? Скажите мне, Оскар, как мужчина мужчине, пока Она не слышит, ну зачем вы позволили Ей втянуть себя в эту историю?

— А мне это дело нравится. Пока.

Руфо шмыгнул носом:

— Именно так сказал один мужчина, когда пролетал мимо окон пятнадцатого этажа Эмпайр-Стейт-Билдинг. А ведь внизу его, как известно, ждала мостовая. Однако, — добавил он туманно, — пока дело с Игли не выяснилось, проблем нет. Если бы со мной был мой служебный чемоданчик, я бы так загримировал ваш шрам, что все бы сказали: «Смотрите, совсем как живой».

— Не твое дело. Ей нравится этот шрам (черт его побери, опять забыл и дернулся).

— Ну еще бы! Я ведь какую идею пытаюсь вам внушить: если вы вступили на Дорогу Доблести, то знайте, что найдете вы на ней по преимуществу булыжники. Лично я на эту дорогу не напрашивался. Мои представления о хорошей жизни вполне укладываются в маленькую тихую похоронную контору с хорошим выбором гробов на все цены и с прибылью, позволяющей иногда оказать посильную помощь родственникам усопших. И с продажей гробов в рассрочку для тех, кто достаточно проницателен, чтобы все спланировать заранее, ибо все мы смертны, Оскар, все мы смертны, и разумный человек может с полным успехом посиживать с доброй кружкой пива в хорошей компании и одновременно заключать контракт с надежной похоронной фирмой.

Он доверительно наклонился ко мне.

— Послушайте, милорд Оскар... Если мы чудом выберемся отсюда живыми, замолвите за меня словечко перед Ней. Пусть Она поймет, что я слишком стар для Дороги Доблести. А я уж найду, чем скрасить ваши преклонные годы... если вы отнесетесь ко мне по-товарищески...

— Мы же с тобой, кажется, пожали друг другу руки?

— Ах да, действительно... — Руфо вздохнул. — Один за всех и все за одного и так далее и тому подобное... Все, с вами покончено.

Когда мы вернулись в лагерь, было еще светло, Стар сидела в своей палатке, а моя одежда была выложена снаружи. Я начал было артачиться, когда увидел этот костюм, но Руфо сказал:

— Раз Она распорядилась, чтобы вечерний костюм, то это значит — черный костюм и черный галстук.

Я с трудом надел все, даже запонки (это были большие черные жемчужины); фрак был явно или сшит на меня, или куплен в магазине готового платья человеком, который знал мой рост, вес, ширину плеч и талии. Торговая марка на подкладке гласила «Английский Дом. Копенгаген».

Но галстук меня доконал. В разгаре борьбы с ним появился Руфо, заставил меня лечь (я уж и не стал спрашивать почему) и завязал его в мгновение ока.

— Вам нужны ваши часы, Оскар?

— Мои часы? — Я полагал, что они остались там — в смотровой врача в Ницце. — Они у тебя?

— Да, сэр. Я захватил все, кроме... — его передернуло, — кроме вашей одежды.

Руфо не преувеличивал. Здесь было все — не только содержимое моих карманов, но и то, что было в сейфе «Американ экспресс» — деньги, паспорт, военное удостоверение, даже билеты тотализатора с Чанг-Эли.

Я хотел было спросить, как Руфо залез в мой сейф, но воздержался. У него был ключ, а способ проникновения мог быть и очень прост — например поддельная доверенность, а мог быть и сложен — вроде магической черной шкатулки. Я горячо поблагодарил Руфо, и он отправился готовить ужин.

Сначала я решил выбросить все это барахло, кроме паспорта и денег, но мусорить в таком дивном месте, как Поющее Воды, было просто преступлением. Пояс, на котором висела шпага, имел кожаный карманчик, куда я и запихал все, включая давно остановившиеся часы.

Руфо накрыл стол прямо перед палаткой Стар, сделал электропроводку, пустил ее на дерево, под которым стояла палатка, на стол поставил горящие свечи. Когда Стар вышла, стало ясно, как было темно до ее появления. Стар вышла и остановилась. Я же все сообразил: она ждет, чтобы ей предложили руку. Подведя Стар к

ее месту за столом, я пододвинул ей стул, а Руфо сделал то же самое для меня. На Руфо была ливрея сливового цвета.

Ухаживать за Стар было чистым наслаждением. Она была в том самом зеленом платье, в котором хотела показаться мне утром. До сих пор не знаю, пользовалась ли Стар косметикой, но выглядела она так, будто не имела ничего общего с той страстной Ундиной, что пыталась утопить меня всего лишь час назад. Казалось, такой экспонат нуждался в хранении под стеклом. Это была Элиза Дулитлл * на своем первом балу.

Звуки «Ужина в Рио» сливались с хоралом Поющих Вод. Белое вино к рыбе, розовое — к дичи, красное — к ростбифу. Стар смеялась, щебетала и сверкала остроумием. Один раз Руфо, наклонившись ко мне, чтобы предложить какое-то блюдо, шепнул: «Обреченные обедали с аппетитом». Я так же шепотом послал его ко всем чертям.

К десерту подали шампанское. Руфо почтительно предложил мне оценить его. Я молча кивнул. Интересно, как бы он поступил, если бы я отказался от шампанского?.. Угодно ли еще вина... к кофе — «Наполеон»... и сигареты.

О сигаретах я мечтал весь день. Это были «Бенсон и Хенджес» №5, а я в целях экономии последнее время смолил эту черную французскую дешевку.

Закурив, Стар поблагодарила Руфо за ужин, он принял ее комплименты со всей серьезностью, я их поддержал от всего сердца. До сих пор не знаю, кто готовил этот ужин. Большую часть, конечно, — Руфо, но Стар также внесла немалую лепту, пока меня брили на берегу.

Неторопливо бежало счастливое время, мы сидели, попивая кофе с коньяком, а вечерний свет постепенно тускнел, пока не осталась лишь одна горящая свеча, оживлявшая игру драгоценностей Стар и освещавшая снизу ее лицо. Наконец Стар сделала еле заметное движение, как будто отодвигая от себя стол, и я тут же вскочил, чтобы проводить ее к палатке. Стар остановилась у входа:

— ...Милорд Оскар...

---

* Героиня пьесы Б. Шоу «Пигмалион».

И тогда я поцеловал ее и последовал за ней в...

Как бы не так! Я был настолько загипнотизирован, что склонился над ее рукой, поцеловал ее... и все.

После чего мне не оставалось ничего другого, как вылезти из своего обезьяньего костюма, отдать его Руфо и попросить у него одеяло. Руфо выбрал для ночлега место по одну сторону палатки, так что мне осталась только другая сторона, где я и растянулся. Стояла такая теплынь, что и одеяло не требовалось.

А заснуть я не мог. Дело в том, что у меня есть застарелая привычка, привычка куда худшая, чем курение марихуаны, но более дешевая, чем употребление героина. Я, конечно, могу поднапрячься и в конце концов заснуть, но сейчас меня вряд ли стимулировал к этому свет в палатке Стар и ее силуэт, не отягощенный никакой одеждой.

Дело в том, что я заядлый читатель. Книжонки из серии «Голд медал ориджинал» по 35 центов за штуку вполне достаточно, чтобы отправить меня в глубокий сон. Или романа о Перри Мейсоне... Даже объявления в старом номере «Paris-Match» *, в который кто-то завернул селедку, для меня лучше чем ничего.

Я встал и обошел палатку кругом.

— Эй, Руфо!

— Да, милорд? — он вскочил с кинжалом в руке.

— Слушай, нет ли на твоей свалке какого-нибудь чтива?

— Каково именно?

— Да любого. Лишь бы слова шли подряд.

— Минуту. — Он исчез, и я слышал, как он роется в своей куче багажа, похожей на обломки кораблекрушения. Вскоре он вернулся, неся книгу и небольшую походную лампу. Я поблагодарил, вернулся к себе и лег.

Это была любопытная книжечка, написанная неким Альбертусом Магнусом ** и явно украденная из Британского музея. Альберт предлагает длинный список рецептов для осуществления самых удивительных дел: как утишить бурю, как летать выше облаков, как торжест-

---

* «Пари-матч» — парижская газета.

** Альбертус Магнус (Альберт Великий) — средневековый немецкий теолог и алхимик. Канонизирован как святой в 1931 г.

вовать над врагами и как заставить женщину соблюдать верность. Вот например, каков рецепт последнего средства: «Ежели ты восхочешь, чтобы жена не заглядывалась на мужчин и не желала бы их, то возьми срамные части волчца и власы, что растут на щеках его или с бровей его, а также власы, растущие ниже подбородка, сожги все это, а пепел дай ей выпить и чтобы не знала она, что пьет, и тогда не возжелает она мужа другого».

Думаю, рецепт этот вряд ли понравился бы «волчцу», а если бы я оказался на месте той жены, то он и меня огорчил бы немало — смесь, видимо, довольно мерзкая. Саму же формулу я передаю точно, так что, если у вас есть жалобы на вашу даму, а под руками имеется «волчец», то попытайте счастья. А мне сообщите о результате. Только письменно, а не лично.

Было там еще несколько рецептов, как заставить женщину, которая вас не любит, влюбиться в вас без ума, но «волчец» в них был самым простым ингредиентом.

Наконец я отложил книгу, погасил свет и стал следить за движущимся силуэтом на полупрозрачном шелке палатки. Стар причесывалась, Чтобы больше не мучиться, я перевел взгляд на звезды. Я ничего не знал о звездной карте Южного полушария — в таком дождливом регионе, как Юго-Восточная Азия, звезд никогда не видно, да и не очень-то в них нуждается парень, у которого есть «шишка направления».

Это южное небо было великолепно! Я пристально всматривался в одну из звезд или планет — довольно большой диск — и внезапно обнаружил, что она движется.

Я так и сел.

— Эй, Стар!

— Что, Оскар? — откликнулась она.

— Пойди-ка сюда. Тут спутник! И большущий!

— Иду. — Свет а палатке погас, и она тут же возникла рядом со мной, равно как и старый добрый папа Руфо, зевающий и почесывающийся. — Где, милорд? — спросила Стар.

— Вон! Вон! — показал я. — Только, пожалуй, это не спутник, скорее один из метеорологических зондов. Уж очень велик и ярок.

Она посмотрела и отвела глаза. Руфо молчал. Я снова внимательно взглянул на спутник, потом на Стар. Она явно наблюдала за мной, а не за спутником. Я снова посмотрел на спутник, как он движется на фоне звездных декораций.

— Стар! — воскликнул я. — Это не спутник! И это не зонд. Это луна, настоящая луна.

— Да, милорд Оскар.

— Но тогда это не Земля!

— Твоя правда.

— Хм! — Я снова посмотрел на маленькую луну, бодро пробирающуюся меж звезд с запада на восток.

— Ты не боишься, мой герой? — тихо спросила Стар.

— Чего?

— Оказаться в чужом мире?

— Он мне кажется очень славным.

— Он таков и есть, — согласилась она. — Во многих отношениях.

— Мне он нравится, — подтвердил я. — Может быть, пришло время узнать о нем побольше? Где мы находимся? В скольких световых годах или в чем еще там измеряются расстояния? И в каком направлении?

— Я попытаюсь, милорд, — вздохнула Стар. — Но это будет не легко, ты ведь не изучал метафизической геометрии и... многого другого. Представь себе книгу. — Книга Альберта Великого все еще была у меня под мышкой, Стар взяла ее у меня. — Каждая страница очень похожа на соседнюю. И в то же время она совершенно иная. Эта страница соприкасается с другой во всех точках, а от третьей полностью отделена. Вот и мы так близки сейчас к Земле, как две страницы, следующие друг за другом. И тем не менее, мы удалены на такое расстояние, что никакими световыми годами этого не выразить.

— Послушай. Не надо так усложнять. Я же смотрел по телеку «Сумеречную зону». Ты имеешь в виду другое измерение. Я это усек.

Стар явно пребывала в затруднении.

— Что-то в этом роде, но...

— Утром нам предстоит иметь дело с Игли, — перебил ее Руфо.

— Да, — согласился я. — Если утром намечается беседа с Игли, то, возможно, нам лучше поспать. Извините. А между прочим, кто такой этот самый Игли?

— Это вы узнаете в свое время, — отозвался Руфо.

И я завернулся в свое одеяло как настоящий герой (одни мускулы и никаких извилин), Стар и Руфо — тоже. Она не стала зажигать свет, так что смотреть было не на что, если не считать стремительных лун Барсума.

Я просто попал в том научной фантастики.

Оставалось только надеяться, что все обойдется, что автор оставит меня в живых для участия в будущих приключениях. Во всяком случае, до нынешней главы герою, пожалуй, грех было жаловаться. Вон и Дэя Торис * спит в своих шелках в каких-нибудь двадцати футах от меня.

Я всерьез задумался, не подползти ли ко входу в палатку и не шепнуть ли ей о необходимости обсудить несколько вопросов из области метафизической геометрии и смежных наук. А может быть, просто намекнуть, что становится холодно и нельзя ли мне...

Ничего этого я не сделал. Старый верный Руфо свернулся в клубочек с другой стороны палатки, а у него был пренеприятный обычай просыпаться внезапно и притом с кинжалом в руке. И еще он обожал брить покойников. А я, если мне дать выбор, всегда за мир.

Я долго рассматривал стремительные луны Барсума. Пока не заснул.

6

Пенье птиц лучше звонка будильника и уж совсем не напоминает о Барсуме. Я с удовольствием потянулся, вдыхая запах кофе, и подумал, хватит ли времени, чтобы искупаться до завтрака. День был не хуже вчерашнего: прозрачный, голубой, солнце только что встало, и я чувствовал себя вполне способным уложить до

---

* Героиня романа Э. Берроуза.

завтрака парочку каких-нибудь драконов. Тех, что поменьше, разумеется.

Я зевнул и вскочил на ноги, Чудесная палатка Стар исчезла, и черная шкатулка была наполовину уложена — размером она уже не превышала коробку для кабинетного рояля. Стар стояла на коленях перед костром и уговаривала кофе вскипеть побыстрее. В это утро она явно изображала пещерную женщину, одетую в шкуру, весьма красивую, но менее впечатляющую, чем ее собственная кожа. Может, это была шкура с оцелота. А может, от Дюпона *.

— Привет, принцесса! А что у нас на завтрак? И где наш повар?

— Завтрак будет позже. А сейчас могу предложить тебе чашечку кофе — очень черного и очень горячего. От него злее будешь. А Руфо уже начал дразнить Игли. — Она налила мне кофе в бумажный стаканчик.

Я выпил полстакана, обжег рот и сплюнул кофе на землю. Кофе существует пяти убывающих по качеству сортов: «Настоящий кофе», «Ява», «Джамук», «Джо» и «Толченый уголь». Этот кофе был явно не выше четвертого сорта.

И тут я остолбенел, увидев Руфо и его компанию, я бы сказал, очень оживленную компанию. На краю нашей речной террасы кто-то, видно, разгрузил целый Ноев ковчег. Там были все, кто угодно — от африканского трубкозуба до зебры, причем большинство обладало большими желтыми зубами. Руфо стоял примерно футах в десяти от их передовых пикетов, и как раз против него находился самый крупный и безобразный субъект. В это мгновение стаканчик в моих руках расклеился и горячий кофе обжег мне пальцы.

— Хочешь еще? — спросила Стар.

Я подул на пальцы.

— Нет, спасибо. А это и есть Игли?

— Ну, да — тот, что в центре. Тот, которого дразнит Руфо. Остальные-то просто явились поглазеть на забаву, так что о них можешь не беспокоиться.

— Но они кажутся мне очень голодными.

---

* Модный магазин одежды.

— Некоторые из них, особенно крупные, подобно страшилищу Кювье *, травоядны. Вон те львы-переростки сожрут нас, если Игли выиграет дело. Но только в этом случае. Наша главная проблема — Игли.

Я принялся внимательно разглядывать Игли. Он был похож на отпрыска того человека из Данди — здоровущий подбородок и никакого лба. В нем сочетались самые непривлекательные черты великанов и людоедов из «Красной Книги Волшебных Сказок». С детства терпеть не могу эту книгу.

В общем он был человекообразен, если применять этот термин в расширительном смысле. По росту он превосходил меня на пару футов, а по весу — фунтов на 300—400. Я, пожалуй, имел перед ним преимущество только в благообразности. Волосы на Игли росли пучками, вроде как на заброшенном газоне, и вы сразу же понимали, даже не получив специального извещения, что он в жизни не пользовался дезодорантом, выпускаемым для так называемых мужественных мужчин. Узлы его мышц свивались в клубки, а ногти явно никогда не подстригались.

— Стар, — спросил я, — а что мы не поделили с Игли?

— Ты должен убить его, милорд.

Я снова пригляделся к Игли.

— А нельзя ли нам договориться о мирном сосуществовании? Ну там взаимная инспекция, культурный обмен и так далее?

Она покачала головой:

— Для этого он слишком глуп. Он явился сюда, чтобы перекрыть нам дорогу в долину, и тут кто-то должен умереть — или он, или мы.

Я перевел дух.

— Принцесса, я принял решение. Человек, который повинуется всем законам без исключения, еще более глуп, чем тот, который их постоянно нарушает. Пожалуй, не стоит нам беспокоиться о том, нарушим мы или нет местный закон Салливана. Мне нужны огнемет,

---

* Кювье Жорж Леопольд (1769—1832) — знаменитый французский ученый-натуралист. Автор гипотезы катастроф, якобы вызывавших вымирание древних ящеров.

базука, несколько гранат и самая крупнокалиберная винтовка из нашего арсенала. Покажи, где их взять.

Она помешала угли.

— Мой герой, — медленно заговорила она. — Я искренне сожалею, но... все не так просто. Ты заметил, что вчера вечером, когда мы курили за столом, Руфо зажигал нам сигареты от свечей? Он не пользовался даже зажигалкой.

— Н-н-н-ет, я этому не придал значения.

— Этот закон против огнестрельного оружия и взрывчатых веществ не из тех законов, которые существуют у вас на Земле. Он иной. Здесь применение таких вещей просто физически невозможно. В противном случае они будут обращены против нас.

— Ты хочешь сказать, что они просто не сработают?

— Не сработают. Вернее сказать, на них тут наложено заклятие.

— Стар! Посмотри мне в глаза. Ты, может быть, веришь в заговоры. Я — нет. И готов поставить семь против двух, что автомат Томпсона в них тоже не верит. Я хочу устроить проверку. Помоги мне распаковаться.

В первый раз за все время разговора она показалась мне встревоженной.

— О милорд! Умоляю тебя — не делай этого.

— Почему?

— Даже попытка может привести к катастрофе. Верь мне, я знаю о бедах, опасностях и законах этого мира больше, чем ты. Верь мне, я не желаю тебе вреда и более того — вся моя жизнь и благополучие полностью зависят от тебя. Пожалуйста, верь мне.

Невозможно не поверить Стар, когда она говорит всерьез.

— Может, ты и права. Не хватает еще только, чтобы этот тип таскал на боку в качестве личного оружия шестидюймовую мортиру. Ладно, Стар. Тогда у меня есть идея получше. Почему бы нам не вернуться обратно тем же путем и не пожить в тех местах, где мы ловили форель? За пять лет мы создадим там приличную ферму, а через десять, когда о нас разнесется молва, откроем небольшой приличный мотель с бассейном для нудистов и шикарным газоном.

Она даже не улыбнулась.

Она даже не улыбнулась.

— Милорд Оскар, назад пути нет.

— Это еще почему? Да я его с закрытыми глазами найду.

— Они и там отыщут нас. Не Игли, а множество подобных ему будет послано, чтобы прогнать нас и истребить.

Я снова вздохнул.

— Что ж, так значит так. К тому же говорят, что открывать мотель вдали от шоссе — верный проигрыш. Слушай, в этом арсенале есть хороший боевой топор. Может, мне удастся отрубить Игли ногу прежде, чем он меня заметит.

Она снова покачала головой.

— А теперь в чем дело? Что, я должен драться с ним, привязав к ноге ведро, что ли? Я думал, будто все режущее и рубящее, все приводимое в действие моими собственными мышцами, вроде бы разрешено?

— Разумеется, милорд, но оно не сработает.

— Это как?!

— Игли нельзя убить. Понимаешь? Он не совсем живой. Он создан, сконструирован, сделан неуязвимым и предназначен только для одной цели. Шпаги, ножи и даже топоры против него бессильны. Они отскакивают. Я видела это своими глазами.

— Ты хочешь сказать, что он робот?

— Нет, если под этим подразумевать провода, шестеренки и печатные схемы. «Голем» — это уже ближе. Игли — имитация жизни. — Стар добавила: — В некотором смысле эта форма жизненной силы лучше обычной, поскольку нет способа — во всяком случае я его не знаю, — чтобы его убить. Но эта жизненная сила и хуже, так как Игли очень глуп и плохо сбалансирован. У него очень высокое мнение о себе и нет здравого смысла. Руфо играет на этом в настоящую минуту, подготавливая его для тебя и стараясь разозлить до такой степени, чтобы он вообще перестал соображать.

— Вот как! Господи! Не забыть бы мне поблагодарить Руфо за это. Большущее ему спасибо. Принцесса, так что же все-таки я должен сделать?

Она всплеснула руками, как будто это само собой разумелось.

— Когда ты будешь готов, я отключу защиту и ты его убьешь.

— Но ты же только что сказала... — Я замолчал. Когда расформировали французский иностранный легион, то для нас — романтиков — почти не осталось приятных легких заданий. С этим наверняка легко справился бы Умбопа. И разумеется, Конан. Или Хок Карси. Да еще Дон Кихот, поскольку этот Игли был ростом почти с ветряную мельницу. — Ладно, принцесса, давай начинать. А можно мне хотя бы поплевать на ладони? Или тут и это запрещено?

Она улыбнулась, но ямочки на щеках не появились, и ответила очень серьезно:

— Милорд Оскар, мы все поплюем на ладони. Руфо и я будем сражаться с тобой бок о бок. Мы или победим... или умрем.

Мы пошли и присоединились к Руфо. Тот показывал Игли ослиные уши и вопил:

— А кто твои родители, Игли?! Мать твоя — мусорная корзина, а вот кто твой отец? Нет, вы только гляньте на него! У него пупка нет! А-а-а!

Игли ответствовал:

— А твоя мать лает на прохожих, а у сестры — желтый билет! — Однако отвечал он, как мне показалось, без особого энтузиазма. Было очевидно, что замечание насчет пупка попало в цель — пупка у него действительно не было. Что вообще-то для такой образины вполне естественно.

Все сказанное выше передает реплики с обеих сторон далеко не точно, за исключением разве что ремарки о пупке. Мне бы очень хотелось привести весь разговор в оригинале, так как в невианском языке оскорбления — высокое искусство, по меньшей мере равное поэзии. Фактически, вершиной литературного мастерства является обращение к врагу (публичное), облеченное в труднейшую поэтическую форму, например в виде секстины, где каждое слово источает жгучий яд.

Руфо издевательски закудахтал:

— Сделай себе пупок, Игли. Ткни пальцем в брюхо, вот тебе и пупок!..

Руфо продолжал в сторону на английском:

— Каким ты хочешь его получить, босс? Зажаренным или чуть сыроватым?

— Позабавься с ним еще немножко, пока я подумаю. По-английски он не понимает?

— Ни крошки!

— Ладно. Как близко я могу к нему подойти, чтобы он меня не сграбастал?

— Как угодно близко, пока работает защита. Но, босс, послушайте, мне не следует давать вам советы, однако, когда мы ввяжемся в драку, не давайте ему хватать себя за мягкие места.

— Постараюсь.

— Будьте осторожны. — Руфо отвернулся от меня и заорал: — А-а-а! Игли ковыряет в носу и жрет козявок! — И мне: — Она отличный доктор, одна из лучших, но тем не менее, будьте осторожны.

— Хорошо. — Я остановился совсем рядом с невидимым барьером и стал присматриваться к Игли. Он окинул меня злобным взглядом и свирепо зарычал, а я в ответ показал ему нос и обложил его на сочном крепком жаргоне Бронкса *. Ветер дул в мою сторону, и было ясно, что Игли ни разу не мылся за последние 30—40 лет. От него воняло хуже, чем от туалета в тюряге.

Это подало мне мысль:

— Стар, а этот херувимчик умеет плавать?

— Честно говоря, не знаю, — удивилась она.

— Может быть, его на это не запрограммировали? А ты хорошо плаваешь, Руфо?

Руфо даже обиделся:

— А вы испытайте меня, попробуйте! Я и рыбу могу поучить, как надо плавать. Эй, Игли! Расскажи нам, почему это с тобой даже свиньи не хотят целоваться!

Стар плавала, как тюлень, мой стиль несколько напоминал движения парома, но держаться на воде я мог.

— Стар, эту штуковину убить нельзя, но ведь он дышит! Стало быть, у него кислородный обмен, даже если он работает на керосине. Ежели нам удастся

---

* Район Нью-Йорка.

сунуть его голову под воду на достаточно долгое время, гарантирую, огонь погаснет.

Ее глаза стали большими-большими.

— Милорд Оскар... мой рыцарь... я не ошиблась в тебе...

— Только предупреждаю, это будет еще та работенка. Руфо, ты играешь в водное поло?

— Я сам его изобрел!

— Надеюсь, что это так и есть. — Я тоже играл в поло. Один раз. Как и спуск по перилам крутой лестницы, это испытание довольно любопытное, но одного раза вполне достаточно на всю жизнь. — Руфо, ты можешь заманить нашего общего друга к самому берегу? Я так понимаю, что линии защиты совпадают с линией, по которой расположилась его свита в мехах и перьях? Если это так, то мы можем заманить Игли до бугра над обрывом, который прямо нависает над глубоким омутом — тем самым, где ты, Стар, пыталась меня вчера утопить.

— Это легко, — отозвался Руфо. — Мы побежим, а он последует за нами.

— Я бы хотел, чтобы он бежал как можно быстрее. Стар, сколько времени надо, чтобы снять защиту?

— Я могу сделать это мгновенно.

— О'кей! Тогда вот наш план: Руфо, я хочу, чтобы ты заставил Игли гнаться за тобой, причем на максимальной скорости. Потом свернешь в сторону и помчишься к тому берегу, вернее к той его точке, которая ближе всего подходит к реке. Стар, когда Руфо это проделает, снимай барьер, снимай сразу, не дожидаясь моей команды. Руфо, ты прыгнешь в воду и поплывешь изо всех сил, не давая Игли схватить себя. Если нам повезет, то такая огромная и тяжелая скотина обязательно рухнет вниз, независимо от того, хочет он этого или нет. Я же побегу рядом, чуть-чуть отставая от него. Если Игли попробует затормозить, я дам ему подножку и сшибу в воду. А там уж мы все сыграем в водное поло.

— Я водного поло даже не видела, — засомневалась Стар.

— Неважно, судьи тут не будет. Все дело в том, чтобы втроем навалиться на Игли, погрузить его голову под воду и держать ее там как можно дольше, одновре-

менно пресекая попытки Игли сунуть туда же наши головы. Поскольку он огромен и тяжел, а мы, предположительно, плаваем лучше, Игли окажется в затруднительном положении, мы же будем держать его, пока он полностью не выдохнется. Главное — не давать ему дышать. А потом уж, для полной уверенности, привяжем к нему камни и пустим на дно — живого ли, мертвого ли. Вопросы есть?

Руфо ухмыльнулся, как химера:

— Вот будет забава так забава!

Оба эти пессимиста, видимо, пришли к выводу, что дело пойдет, а поэтому пришлось начинать. Руфо проорал такую оскорбительную ложь насчет личных привычек Игли, что даже «Олимпия пресс» сочла бы нужным подвергнуть такое сообщение цензуре, а затем предложил Игли догнать его — Руфо, выдвинув в качестве премии за победу нечто чудовищно неприличное.

Игли потребовалось немалое время, чтобы привести свою тушу в движение, но когда привел, то задвигался быстрее Руфо и далеко за собой оставил свою свиту из взвинченных до предела птиц и животных. Я бегаю хорошо, и то мне с трудом удалось занять нужную позицию сбоку и чуть позади великана. Я надеялся, что Стар не снимет защиту, если поймет, что на суше Игли может догнать Руфо.

Однако Стар сняла барьер и в ту же секунду, когда Руфо добежал до условленной линии, и он, достигнув берега, сделал великолепнейший прыжок в воду, ни на йоту не замедлив бега, как и планировалось. Все остальное пошло наперекосяк.

Думаю, Игли был слишком глуп, чтобы сразу же оценить исчезновение барьера. Он продолжал еще несколько мгновений бежать в прежнем направлении уже после того, как Руфо круто свернул к берегу, а когда сам сделал левый поворот, оказалось, что скорость потеряна и никаких препятствий торможения не существует.

Я кинулся на него, схватил его за ноги запрещенным приемом, так что Игли рухнул, но... не в воду. А у меня обе руки оказались заполненными сопротивляющимся и весьма вонючим големом.

Тут мне на помощь пришла свирепая, как дикая кошка, Стар, а затем подоспел и промокший до нитки Руфо.

Позиция создалась почти тупиковая, стало ясно, что, если битва затянется, мы ее проиграем. Игли по весу превосходил нас всех троих вместе взятых, он, казалось, состоял из одних мышц, дурного запаха, когтей и зубов. Мы обогатились синяками, ссадинами и ранами, тогда как Игли не понес никакого видимого ущерба. О, конечно, он вопил, как телевизионная фонограмма в фильме ужасов, когда кто-нибудь из нас начинал рвать ему ухо или ломать палец, но все это мелочи, по сравнению с теми потерями, которые он наносил нам. И не было никаких шансов спихнуть эту тушу в воду.

Я начал сражение с захвата колен Игли и продолжал долгое время цепляться за его ноги, тогда как Стар пыталась, повиснув на одной из его рук, согнуть ее и опустить вниз, а Руфо старался проделать то же самое с другой рукой. Но ситуация менялась — Игли извивался, как гремучая змея с перебитым хребтом, и непрерывно выдирал то одну руку, то другую, надеясь или раздавить нас, или загрызть. Мы оказывались в самых невозможных позициях, я, например, обнаружил себя вцепившимся в одну из Иглиных мозолистых ступней и пытающимся выдернуть ее из сустава, притом глаза мои смотрели прямо в открытую пасть Игли, широкую, как медвежий капкан, но значительно менее привлекательную. Зубы его явно нуждались в чистке.

И тогда я сунул большой палец Иглиной ноги прямо в эту пасть.

Игли завизжал, а я продолжал засовывать эту ногу ему в глотку так, что там вскоре не осталось места для визга. Я пихал ее все глубже. Когда Игли проглотил свою левую ногу до колена, он вырвал свою правую руку из хватки Стар и попробовал вытащить ею проглоченную ногу, но тут я ухватил его запястье.

— Помоги мне! — крикнул я Стар. — Запихивай!

Она поняла и принялась вместе со мной заламывать ему руку. Рука ушла в глотку по локоть, а нога — по бедро. В это момент к нам присоединился Руфо, который согнул левую руку Игли и тоже засунул ее в

широкую пасть великана. Теперь Игли уже не мог бороться так отчаянно, как раньше, а потому отправить туда же большой палец правой ноги было уже делом чистой техники: Руфо оттягивал вверх его волосатые ноздри, я давил коленом на подбородок, Стар — засовывала ногу.

Мы продолжали скармливать его самому себе по дюйму в минуту, ни на мгновение не ослабляя усилий. Игли все еще извивался и пытался освободиться, но мы продолжали его упихивать так, что вскоре и бедра, и вонючие подмышки были уже близки к исчезновению.

Это было похоже на то, как катают снежный ком, только наоборот: чем больше катали его, тем меньше он становился, тем сильнее растягивалась его пасть — самое жуткое из виденных мной зрелищ. Вскоре Игли уменьшился до размеров медицинского мяча, потом до футбольного, бейсбольного, а я все катал его между ладонями, все уплотнял... мяч для гольфа... горошина... наконец, ничего, кроме жирной грязи на пальцах.

Руфо глубоко втянул воздух:

— Думаю, это научит его не брать в рот ноги в присутствии старших. Кто будет завтракать?

— Сначала хотелось бы помыть руки, — отозвался я.

Мы искупались, потратив уйму мыла, потом Стар занялась нашими ранами, а Руфо — ее, под ее же руководством. Руфо был прав, Стар — первоклассный доктор. Мази, которыми она пользовалась, не жгли, разрезы мгновенно стягивались, повязки не нуждались в смене и отпадали сами, когда в них исчезала надобность, а шрамы проходили бесследно.

У Руфо был сильный укус — Игли вырвал у него из левой ягодицы кусок мяса на сорокацентовый гамбургер, но, когда Стар с этим покончила, Руфо уже мог сидеть и укус его нисколько не тревожил.

Руфо попотчевал нас золотистыми блинчиками и жирными немецкими сардельками, а также несколькими галлонами настоящего кофе. Уже миновал полдень, когда Стар снова отключила защиту и мы начали свой спуск с плато.

7

Обрыв к долине Невии, если считать от начала Большого Водопада, составлял не менее тысячи футов и был очень крут. Уступ нависает над долиной, и ты спускаешься на веревке, медленно вращаясь вместе с ней, подобно пауку на паутинке. Никому не советую проводить такой эксперимент — голова кружится, и я чуть было не потерял только что съеденные удивительно вкусные блинчики.

Вид сверху такой, что теряешь дар речи. Сбоку виден водопад, свободно низвергающийся с уступа, так что вода даже не смачивает каменную стену, а отвесно летит в пропасть, разбиваясь внизу на мириады брызг, взлетающих ввысь облаком водяной пыли. Если же оторвать взгляд от суровой каменной стены, то перед тобой открывается широкая долина, такая пышная, зеленая и прекрасная, что глазам собственным не веришь; болота и леса у подножья обрыва, обработанные поля за ними, а еще дальше — затянутые дымкой предгорья и четкие абрисы вершин могучей стены снежных гор.

Стар нарисовала мне план долины.

— Сначала нам придется пробиваться через болота. Потом будет легче, там опасность представляют только кровожадные коршуны. Затем мы выйдем на кирпичную дорогу, очень хорошую.

— Дорога вымощена желтым кирпичом?

— Да. Он из глины, которую добывают поблизости. А в чем дело?

— Ни в чем. Просто хочу, чтобы ты была более точной. А потом?

— Потом мы остановимся на ночевку в одной семье, у местного деревенского сквайра. Хорошие люди, тебе понравятся.

— А потом путешествие станет особенно опасным, — вмешался Руфо.

— Руфо, перестань накликивать беду! — рассердилась Стар. — Будь добр, воздержись от своих комментариев, разреши уж Оскару самому разбираться с проблемами по мере их возникновения. Разве тебе известен кто-нибудь еще, кто бы мог так расправиться с Игли?

— Ну раз вы так ставите вопрос, то... нет, неизвестен.

— Да, я ставлю его именно так. Сегодня мы будем спать в роскошных условиях. Разве этого мало? Ты будешь наслаждаться этим как и все...

— Вы тоже.

— А когда я отказывалась от радостей жизни? Придержи язык. Теперь вот что, Оскар. У подножья скалы нас ждут Рогатые Призраки — обойти их нельзя, они увидят нас, когда мы будем спускаться. Если нам очень повезет, то мы избежим встречи со Сворой Холодных Вод и она не вылезет из своего тумана. А если не повезет и мы столкнемся с ними обоими, то возможен еще один неплохой вариант — они накинутся друг на друга, и мы проскользнем незамеченными. Тропа через болота очень хитрая, и будет лучше, если ты ее хорошенько заучишь по этому чертежу. Твердая земля встречается только там, где растут желтые цветочки, в остальных местах, даже если они кажутся сухими, скрываются «окна». Как ты сам увидишь, даже если удастся тщательно придерживаться этих безопасных примет, нам встретится множество боковых тропок и тупичков, по которым можно плутать целый день, но, если нас застанет там темнота — мы пропали и уже никогда не выберемся.

А как хотелось бы, чтобы Рогатые Призраки оказались действительно призраками! Но это вполне реальные двуногие скоты, всеядные, пожирающие все, включая друг друга, но прямо-таки обожающие путешественников. От брюха и выше, как мне сказали, они очень похожи на Минотавра, а ниже — на козлоногих сатиров. Верхние конечности — короткие руки, но кисть у них не настоящая — нет больших пальцев. Зато рога! Рога у них как у техасских лонгхорнов *, только растут вверх и вперед.

Есть только один способ перевести Рогатого Призрака в настоящего — это такое мягкое местечко на черепе между рогами, вроде «родничка» у ребенка. Поскольку эти деятели опускают голову вниз, намерева-

---

* Техасская порода крупного рогатого скота. Отличается необыкновенно длинными рогами.

ясь вас проколоть насквозь, то до уязвимого места добраться сравнительно легко. Все, что требуется — твердо стоять на земле, не трусить, целиться в эту точку и попадать в нее.

Так что задача моя была проста — спуститься первым, убить побольше этих скотов, чтобы у Стар оказалась безопасная площадка для приземления, а потом защищать ее до тех пор, пока не спустится Руфо. После этого нам предстояло пробить себе дорогу к лесу... Если, конечно, к нашему празднику не подоспеет Свора Холодных Вод...

Я попытался усесться в петле троса поудобнее — у меня затекла левая нога — и глянул вниз. Сотней футов ниже уже собралась вся комиссия по встрече. Сверху она выглядела как грядка спаржи. Или как рота с примкнутыми штыками.

Я дал сигнал остановить спуск. Далеко вверху Руфо придержал трос. Я висел, потихоньку вращаясь и пытаясь найти наилучший выход из ситуации. Если я опущусь прямо в эту толкучку, то успею уложить одного-двух, прежде чем они проткнут меня. А может, и не успею. Точно одно — я буду мертв задолго до того, как мои друзья спустятся вниз.

С другой стороны, кроме указанного выше уязвимого места между рогами у этих обормотов имеется еще мягкое подбрюшье, как будто специально созданное для стрел. Если Руфо опустит меня еще немного...

Я просигналил наверх. Спуск шел медленно, но рывками, и Руфо чуть не пропустил мой сигнал о новой приостановке спуска. Пришлось подобрать ноги — некоторые из этих ребятишек скакали и подпрыгивали прямо передо мной, пихая друг друга в попытке подцепить меня рогами. Один из них — видно, местный Нижинский * — умудрился пропороть кожу на моем левом мокасине, так что я покрылся гусиными пупырышками чуть ли не до подбородка.

При наличии такого здорового стимула, я подтянулся на руках по тросу и встал ногами на петлю, чтобы зря не рисковать своей мягкой частью. Я стоял в этой петле, попеременно поднимая то правую, то левую ногу, пыта-

---

* Знаменитый танцор.

ясь снять с плеча лук и натянуть тетиву. Вся эта операция сделала бы честь любому акробату, но сомневаюсь, чтобы ему удалось сгибать лук и пускать стрелу, стоя в петле на конце тысячефутового троса и держась за него одной рукой!

Наверняка он бы растерял свои стрелы. Я потерял три и чуть не потерял себя самого.

Тогда я попытался пристегнуться к тросу с помощью своего пояса. Это привело к тому, что я повис вниз головой, что обошлось мне еще в несколько стрел и мою робин-гудовскую шляпу. У моей аудитории это вызвало взрыв восторга, она зааплодировала (если, конечно, это были аплодисменты), требуя повторения. Я попробовал передвинуть пояс с живота на грудь, что позволило бы мне удерживать стоячую позицию, и в процессе этой попытки потерял еще одну-две стрелы.

И чуть не потерял шпагу.

До сих пор главным результатом моей деятельности было привлечение новых зрителей («Мама, посмотри на этого смешного человечка») и то, что я начал раскачиваться взад и вперед словно маятник.

Хотя последнее обстоятельство было весьма малоприятно, оно все же подало мне одну идейку. Я стал увеличивать амплитуду колебания, как это делают на качелях. Дело шло медленно, так как период качания маятника, где я играл роль гири, был около минуты, а с этим приходится считаться — тормозить маятник нельзя, можно только следовать его качаниям. Я очень надеялся, что мои друзья догадаются о моем замысле и не испортят его.

Прошло довольно много времени, прежде чем я добился качания по полной дуге, длиной футов в сто, над самыми головами своей аудитории, совпадавшей с самой низкой точкой дуги. К противоположным концам дуги движение замедлялось до полной остановки в конечной точке. Сначала эти рогачи бегали за мной, повторяя движение маятника, но потом, видимо, устали, сбились в месте наибольшего сближения дуги с землей и стали ждать, двигая только головами, как зрители при просмотре замедленной съемки теннисного матча.

Однако всегда находится какой-нибудь идиот — любитель новаций. Я сначала рассчитывал, что спрыгну с

троса в конце дуги почти у самой скалы и сразу займу позицию спиной к стене. Там было что-то вроде холмика или осыпи, так что падать было невысоко. Однако один из этих рогатых кошмаров догадался о моем намерении и затопал к тому концу дуги. За ним еще двоетрое.

Это меняло все. Значит, прыгать придется на противоположном отрезке дуги. Но юный Архимед и это сообразил. Он оставил своих дружков у стены, а сам поскакал за мной. Я опередил его на самой низкой точке дуги, но он догнал меня задолго до того, как я достиг мертвой точки в конце. Ему предстояло пробежать футов сто за тридцать секунд, что можно было сделать и шагом. В общем, он оказался подо мной как раз тогда, когда я готовился прыгать.

Передумывать было поздно. Я освободил ноги, повис на одной руке, выхватил шпагу еще на отрезке замедления движения и спрыгнул. Я надеялся хотя бы плюнуть в его уязвимое темечко до того, как ноги коснутся земли.

Все получилось не так — я промахнулся, он тоже, мы столкнулись, он полетел вверх тормашками, я последовал его примеру, быстро вскочил на ноги и помчался к ближайшей скале, ткнув по дороге этого новоявленного стратегического гения своей шпагой прямо в брюхо.

Этот, возможно, не очень спортивный удар спас меня. Друзья и родственники усопшего притормозили, дабы принять участие в склоке на предмет того, кому достанутся самые вкусные ребрышки, и только после этого всей массой кинулись на меня.

Это дало мне время вскочить на кучу осыпавшихся с утеса камней, где можно было прекрасно сыграть в «Короля в замке», бросил шпагу в ножны и приготовил стрелу.

Я не стал ждать, пока они набросятся на меня. Просто выждал, когда они окажутся на нужном расстоянии, чтобы не промахнуться, прицелился под дых самому крупному самцу, бежавшему впереди, и пустил стрелу со всей силы моего мощного лука.

Стрела пронзила его насквозь и попала в следующего, что бежал позади.

Это привело к новой свалке из-за отбивных котлет. Они сожрали все — от зубов до кончиков ногтей. В этом и заключалась слабина Призраков — аппетита много, ума — мало. Если бы они объединились, они бы схватили меня в то самое мгновение, когда я коснулся земли. Они же предпочли завтрак.

Я взглянул вверх. Высоко надо мной Стар казалась крошечным паучком, висящим на паутине, но она быстро увеличивалась в размерах. Я боком, как краб, скользнул вдоль утеса, пока не оказался в сорока футах от места ее вероятного приземления.

Когда Стар приблизилась футов на пятьдесят к поверхности, она дала сигнал Руфо прекратить травить трос, вытащила свою шпагу и салютовала мне: «Великолепно, мой герой!» Мы теперь все носили шпаги. Стар выбрала дуэльное оружие с широким клинком, вообще-то великоватое для женщины, но Стар — крупная девушка. Кроме того, она положила в сумочку, висевшую на поясе, кое-какие медицинские препараты и принадлежности. Это обстоятельство могло бы послужить для меня предупреждением о грядущих опасностях, но я ее — эту сумочку — вовремя не заметил.

Я выхватил шпагу и ответил на ее салют. Призраки пока не беспокоили меня, хотя некоторые — те, что кончили завтракать или были оттеснены от стола — шлялись поблизости и поглядывали на меня с интересом. Тогда я вложил шпагу в ножны и приготовил новую стрелу.

— Начинай раскачиваться, Стар. Прямо в моем направлении. Скажи Руфо, чтобы он еще немного спустил тебя.

Она спрятала шпагу и просигналила Руфо. Он медленно опустил ее на высоту девяти футов от земли, где она снова просигналила остановку.

— Теперь раскачивайся! — крикнул я. Кровожадные туземцы совсем забыли обо мне и внимательно следили за Стар — во всяком случае те, кто не был занят обедом из кузена Эбби или дядюшки Джона.

— Порядок! Но у меня есть швартовый тросик. Поймаешь?

— Ох ты моя умница! — Видно, она наблюдала за моими маневрами и поняла, что требуется. — Подо-

жди-ка минуту. Тут необходима какая-то диверсия! — Я покопался в колчане, висевшем за плечом, и пересчитал стрелы. Семь! А начинал я с двадцатью, с толком истратил только одну, остальные потерялись, выпали. Теперь я послал три стрелы почти одновременно — направо, налево и в центр, выбирая цели почти на пределе меткости, целясь в середину туловища и веря в то, что мой удивительный лук направит стрелы точно и мощно. Как и ожидалось, толпа набросилась на свежее мясо, как налогоплательщики на государственное пособие. — Давай!!!

Через десять секунд я уже держал ее в своих объятиях, принимая быстрые поцелуи, как плату за проезд.

А еще через десять минут до нас добрался Руфо, который использовал ту же тактику, что обошлось мне еще в три стрелы, а Стар — в две, только меньших по размеру. Руфо спускался без помощи, стоя в петле, а свободный конец троса был обвязан вокруг его туловища. Он тут же начал собирать канат в бухту.

— Брось! — резко сказала Стар. — У нас нет времени, а трос слишком тяжел, чтобы тащить его с собой.

— Я спрячу его в рюкзак!

— Нет!

— Это хороший трос, — настаивал Руфо. — Он нам еще пригодится.

— Тебе пригодится саван, если мы до темноты не выберемся отсюда.

Стар повернула голову ко мне:

— Когда двинемся в поход, милорд?

Я огляделся. Перед нами и слева от нас все еще шаталось несколько этих клоунов, явно опасавшихся подойти поближе. Справа и над нами гигантское облако, образовавшееся у подножья водопада, отражалось в небе яркими радугами. Прямо перед нами — примерно в трех сотнях ярдов — стояла группа деревьев, между которыми лежал проход к болотам, начинавшимся дальше.

Мы двинулись вниз по склону, держась тесным клином: я на его острие, Руфо и Стар по флангам, все держа в руках взведенные луки. Я приказал им браться за шпаги, если какой-нибудь Рогатый Призрак прибли-

зится на расстояние пятидесяти футов. Ни один, однако, не подошел. Какой-то идиот сунулся было к нам, но Руфо положил его стрелой на вдвое большей дистанции. Когда мы подошли к рощице, Руфо вытащил кинжал.

— Брось! — прикрикнула Стар. Она явно нервничала.

— А я хочу забрать самородки и подарить их Оскару!

— И чтобы мы погибли? Если Оскару нужны самородки, он их получит.

— Какие еще самородки? — спросил я, не останавливаясь.

— Золотые, босс. У этих мерзавцев желудки устроены как у кур. Только вместо песка они заглатывают золото. У старых экземпляров набирается в желудке фунтов по тридцать-сорок.

Я присвистнул.

— Тут полно золота, — сказала Стар. — У подножья водопада целые груды — там, в этом облаке — намытого за бесчисленные годы. Из-за него и идет война между Призраками и Сворой Холодных Вод, ибо Призраков гонит за золотом это странное пристрастие и они иногда рискуют залезать в облако, чтобы удовлетворить свой аппетит.

— Я пока не видел никого из Своры Холодных Вод, — заметил я.

— Ну и благодарите Бога за это, — ответил мне Руфо.

— Тем больше причин углубиться в болота, — добавила Стар. — Свора туда не ходит, даже Призраки избегают забираться далеко. Невзирая на свои копыта, они попадают в «окна» и тонут.

— А сами болота опасны?

— Еще бы! — ответил Руфо. — Главное — держаться желтых цветов.

— Ты сам смотри, куда ставить ногу! Если карта верна, я вас не потеряю. А как выглядят члены Своры Холодных Вод?

— Тебе когда-нибудь приходилось видеть человека, утонувшего неделю назад?

Я предпочел переменить тему.

Прежде чем углубиться в болота, я приказал закинуть луки за спину и обнажить клинки. И именно под защитой деревьев они на нас и напали. Я имею в виду Призраков, а не Свору. Засада была устроена со всех сторон, и я не знаю, сколько Призраков приняло в ней участие. Руфо убил четырех или пятерых, Стар — по меньшей мере — двух, а я прыгал взад и вперед, стараясь выглядеть очень занятым, а главное — остаться живым.

В общем, чтобы идти дальше, нам пришлось перебираться через гору трупов, так что сосчитать их было невозможно.

Мы уходили в болота, следуя путеводным золотистым цветам и зигзагам и поворотам тропок, запечатленным в моей памяти. Примерно через полчаса мы вышли на лужайку размером в двойной гараж. Стар проговорила еле слышным голосом:

— Пожалуй, отошли достаточно. — Она держалась рукой за бок, но до этого категорически отказывалась остановиться, несмотря на то что кровь пропитала ее накидку и текла по левому бедру.

Теперь она позволила Руфо заняться раной, а я в это время сторожил проход на лужайку. Честно говоря, я радовался, что моя помощь не требуется, так как, когда мы сняли со Стар куртку, мне стало дурно при виде большой колотой раны, хотя сама она не издала даже стона. Это золотое тело — ранено! Как странствующий рыцарь, я оказался круглым болваном.

Стар, однако, после того как Руфо выполнил указания, стала опять весела как птичка. Она занялась Руфо, потом мной, у каждого было до полудюжины ранений, но по сравнению с ее раной — это всего лишь царапины.

После того как Стар заштопала меня, она спросила:

— Милорд Оскар, сколько времени нам нужно, чтобы выйти из болот?

Я прикинул в уме.

— Дорога дальше будет еще хуже?

— Нет, чуть получше.

— Тогда не больше часа.

— Отлично. Нет смысла надевать эти грязные тряпки. Руфо, распакуй багаж, достань чистую одежду и побольше стрел. Оскар, они нам пригодятся против

кровожадных стервятников, как только мы выберемся из леса.

Маленькая черная шкатулка заняла чуть ли не всю лужайку, прежде чем развернулась настолько, чтобы из нее можно было достать одежду и пополнение нашего арсенала. Чистая одежда и полный колчан помогли мне ощутить себя новым человеком, особенно после того, как Руфо выудил пол-литра коньяку и мы распили его прямо из горла на троих. Стар пополнила свою аптечку, после чего я помог Руфо уложить вещи.

Вероятно, Руфо немного ослабел от коньяка и голода, а может, и от потери крови. А может, причина лежала в невезении: он не заметил полоску скользкой грязи. В эту минуту он как раз держал в руках свою шкатулку и собирался сложить ее в последний раз, то есть довести до размеров рюкзака, и тут он поскользнулся, попытался было восстановить равновесие, но шкатулка вылетела у него из рук в шоколадную жижу.

Упала она довольно далеко от нас. Я закричал:

— Руфо, снимай ремень! — И начал расстегивать свой.

— Нет! Нет! — вопил Руфо. — Назад! Немедленно уходите!

Уголок шкатулки еще торчал из «окна». С помощью веревки, уверен, я вытащил бы его, даже если «окно» было бездонным. Так я и сказал. Весьма раздраженно.

— Нет, Оскар, — сказала с тревогой Стар. — Руфо прав. Надо уходить.

И мы пошли — я впереди, Стар, дыша мне в затылок, Руфо, наступая ей на пятки.

Мы отошли примерно на сотню ярдов, когда позади нас поднялся грязевой вулкан. Звук был приглушен — такой басовый низкий гул плюс маленькое землетрясение и грязевой дождь. Стар остановилась.

— Что ж, так — значит так, — обращаясь ко мне, сказала она.

— Там осталась вся наша выпивка! — жалобно простонал Руфо.

— Ах, какие пустяки! — воскликнула Стар. — Спиртное можно найти где угодно. А у меня там были новые платья, такие красивые, Оскар! Я так мечтала их тебе показать! Я и купила-то их ради тебя!

Я не ответил. Я думал об огнемете, об М-1 и ящиках амуниции. И о выпивке, разумеется.

— Ты слышал, что я сказала, милорд? — наставала Стар. — Я хотела носить их только ради тебя.

— Принцесса! — ответил я. — Самый лучший твой наряд всегда с тобой. — Я услышал радостное хихиканье, всегда предшествующее появлению ямочек.

— Уверена, что ты это уже говорил другим, и неоднократно. И всегда, надо думать, с успехом.

Мы выбрались из болот задолго до наступления темноты. Вскоре мы уже шагали по великолепной кирпичной дороге. Кровожадные коршуны-стервятники оказались не очень опасными. Это такие свирепые зверюги, что если пустить стрелу им наперерез, то коршун делает кульбит и пытается схватить стрелу, получая ее прямо в брюхо. Таким образом мы вернули обратно почти все свои стрелы.

Вскоре мы очутились среди плодородных полей, и стервятников стало куда меньше. Уже на закате мы увидели огоньки и хозяйственные постройки усадьбы, в которой Стар решила переночевать.

8

Милорд Дораль'т Гьюк Дорали должен был бы родиться техасцем. Я не хочу сказать, что Дораля можно было принять за уроженца Техаса, но характер у него был такой же, знаете, типа — «ты-платишь-за-завтрака-я-уж-уплачу-за-кадиллак».

Дом Дораля был величиной с цирк-шапито и богат, как стол в День Благодарения — пышная роскошная резьба и инкрустации из драгоценных камней. И тем не менее, дом имел весьма неряшливый и нежилой вид, и если вы плохо смотрели под ноги, то легко могли наступить на детскую игрушку, забытую на ступеньке, просчитать собственной спиной все ступеньки лестницы и приземлиться со сломанной ключицей. Повсюду под ногами путались собаки и дети, самые юные из которых еще не привыкли «проситься на горшок». Дораля это не беспокоило. Дораля вообще ничто не беспокоило — Дораль наслаждался жизнью.

По его полям и лугам мы шли долгие мили (почва богатая, как в Айове, а зим тут вообще не бывает. Стар говорила, что они собирают по четыре урожая в год), но поскольку уже вечерело, то видели мы только отдельных батраков, если не считать повозки, которую встретили, выйдя на дорогу. Мне показалось, что ее везет упряжка из двух пар лошадей. Как выяснилось, я ошибся, упряжка состояла только из одной пары, а животные эти вовсе не лошади — у каждой было по восемь ног.

Таково все в долине Невии — обыденность сочетается с дикой экзотикой. Люди тут обыкновенные, собаки — тоже, а лошади — вовсе не лошади. Подобно Алисе, никак не справлявшейся со своим фламинго, я все время натыкался на какой-то новый фокус, когда казалось, что экзотика уже исчерпана до конца.

Человек, управляющий упряжкой этих восьминогих, посмотрел на нас с удивлением, но не потому, что мы были как-то странно одеты — он был одет так же, как я. Он просто уставился на Стар, но кто бы на его месте поступил иначе? Люди, работавшие на полях, одевались во что-то вроде лава-лава. Этот наряд состоит из куска материи, обернутого вокруг бедер, и служит здесь эквивалентом наших комбинезонов и джинсов как у мужчин, так и у женщин. А то, что носили мы — эквивалент серых фланелевых костюмов или женских выходных платьев. Что же касается вечерних туалетов — то это вопрос особый.

Едва мы вошли на территорию усадьбы, как нас встретила волна собак и детей, впереди которых мчался какой-то малыш, а когда мы подошли к большой террасе главного дома, из широко открытой парадной двери вышел сам милорд Дораль. Он был одет во что-то вроде короткого саронга *, бос и без шляпы. Густая шевелюра кое-где была испещрена сединой, имелась еще импозантная борода, и вообще он очень походил на генерала Гранта **.

Стар помахала рукой и крикнула:

---

* Национальная одежда в Индонезии и Малайзии.

** Генерал Грант — президент США в 1869—1877 гг.

— Джоко! Эй, Джоко! (Имя милорда было Гьюк, но мне послышалось «Джоко», так пусть он и остается Джоко.)

Дораль уставился на нас в изумлении, потом пошел вперед как танк.

— Эттибу! Да будут благословенны твои голубенькие глазки! Да будет благословен твой пышный маленький задик! Почему ты меня не известила заранее! (Мой перевод очень бледен — невианские идиомы не соответствуют нашим. Попробуйте перевести некоторые французские идиомы на английский, и вы поймете, что я имею в виду. Дораль вовсе не был вульгарен, наоборот, он был официален и в высшей степени вежлив по отношению к своему старому и высокочтимому другу.)

Он сграбастал Стар в объятия так, что ее ножки оторвались от земли, расцеловал в обе щеки и в губы, нежно укусил за ушко, затем опустил на землю, продолжая обнимать одной рукой.

— Игры и праздники! Три месяца каникул! Скачки и состязания в силе ежедневно! Оргии каждую ночь! Призы для сильнейших, красивейших и остроумнейших!

— Милорд Дораль!.. — остановила его Стар.

— А? А самый главный приз из призов — за первого ребенка, который родится...

— Джоко, дорогой! Я нежно тебя люблю, но завтра мы уезжаем. Все, что нам нужно — это какая-нибудь косточка на ужин и уголок для ночлега.

— Чушь! Ты не можешь так со мной поступить!

— Но ты же понимаешь, что я должна.

— Да будь она проклята, эта политика! Я умру у твоих ножек, мой сладчайший пирожочек! Сердце бедного старого Джоко перестанет биться! Вот оно — я чувствую приближение смертельного приступа! — Он пощупал грудь. — Вот где-то тут!

Стар потыкала его пальцем в живот.

— Ах ты старый плут! Ты умрешь так же, как жил, а не от разрыва сердца. Милорд Дораль...

— Да, миледи?

— Я привела к тебе Героя.

Дораль удивленно поморгал.

— Уж не о Руфо ли ты говоришь? Здорово, Руфо, старый хорек! Как насчет новеньких анекдотов? Иди-ка на кухню и выбери чего хочешь по вкусу.

— Благодарю вас, милорд Дораль. — Руфо шаркнул ножкой, низко поклонился и вышел.

— Милорд Дораль, с вашего разрешения! — настойчиво теребила его Стар.

— Внимаю.

Она освободилась от его объятий, вытянулась как стрела и начала декламировать:

К Смеющимся Пляшущим Водам
Пришел героический рыцарь.
Оскар был могуч и прекрасен,
И был хитроумен к тому же.
Он Игли поймал на приманку,
Запутал его в парадоксах,
В пасть Игли он Игли засунул,
Скормил ему руки и ноги.
Не знали Поющие Воды...

Это продолжалось довольно долго — не то чтобы чистое вранье, но и не то чтобы чистая правда — все было расцвечено, как в сообщении пресс-агентства. Например, Стар упомянула, что я убил двадцать семь Рогатых Призраков, причем одного — голыми руками. Я такого количества вообще не помню, а что касается «голых рук», так это чистая случайность. Я только что заколол одного из Призраков, как вдруг еще один рухнул мне прямо под ноги — его толкнули сзади. У меня не было времени вытащить застрявшую шпагу, поэтому я поставил одну ногу на один рог и со всей силы рванул к себе другой, так что череп развалился на две части, подобно грудной дужке у курицы. Но я это сделал от отчаянья, а не по расчету.

Стар провела даже кое-какие экскурсы в героическое прошлое моего родителя, добавила, что мой дед руководил атакой на Сан-Хуан-Хилл, а затем перешла к прадедам. Но когда она начала повествовать Доралю о том, как я получил шрам от глаза до челюсти, тут она сняла все тормоза. Но вы послушайте, ведь Стар выжала из меня многое еще при первом нашем свидании, кое-что я добавил, отвечая на ее вопросы во время

нашего вчерашнего марша. Но я не сообщил ей и половины той информации, которую она сейчас выдавала Доралю. Чтобы собрать все эти данные обо мне, ей потребовалось бы многомесячная работа Сюрте, ФБР и Арчи Гудвина * вместе взятых! Она даже назвала команду, с которой мы играли, когда я сломал себе нос, а уж об этом я и подавно ей не рассказывал.

Я стоял, сгорая от стыда, а Дораль не сводил с меня глаз, время от времени издавая свист или сопение, означавшие, по всей видимости, одобрение. Стар закончила рассказ обычным — «Так все это и было», а Дораль шумно втянул воздух и попросил:

— Нельзя ли повторить ту часть, где говорилось про Игли?

Стар согласилась и продекламировала все снова, пользуясь другими оборотами и уснащая повествование новыми деталями. Дораль, то хмурясь, то кивая головой в знак внимания, жадно слушал.

— Героическое решение, — произнес он. — Значит, он еще и математик? Где же он учился?

— Он прирожденный гений, Джоко!

— Получается так! — Он подошел ко мне, посмотрел прямо в глаза, положил руки мне на плечи. — Герой, победивший Игли, достоин любого жилья. Не окажет ли он честь моему дому, приняв гостеприимство кровли... и стола... и постели?

Он говорил очень серьезно, упорно глядя мне в глаза. У меня не было возможности перекинуться взглядом со Стар, не говоря уже про Руфо, чтобы получить указания. А они мне были необходимы. Человек, который самодовольно толкует, что хорошие манеры всюду одинаковы, что люди — везде люди, явно никогда не отъезжал от своего захолустья дальше нескольких километров. Я не могу похвалиться мудростью, но достаточно поболтался по свету, чтобы постичь эту простую истину. То, что происходило, имело официальный характер, даже, можно сказать, протокольный и требовало такого же официального ответа.

---

* Арчи Гудвин — герой детективных романов Рекса Стаута — частный сыщик. Сюрте — тайная полиция во Франции.

Я постарался быть на уровне. Положил свои руки ему на плечи и серьезно ответил:

— Я благодарю вас за эту честь, далеко превосходящую мои заслуги, сэр.

— Но ты принимаешь ее? — настаивал он с тревогой в голосе.

— Принимаю от всего сердца (сердце — довольно близко по смыслу, я еще плохо владел здешним языком).

Он перевел дух с явным облегчением:

— Дивно! — схватил меня в свои медвежьи объятия, расцеловал в обе щеки, и только быстрое и решительное движение головой спасло меня от лобзания в уста.

Затем Дораль вытянулся во весь рост и завопил:

— Вина! Пива! Шнапса! Где тот несчастный вахлак, которому надо задать трепку! Я сдеру с него шкуру ржавыми щипцами! Кресла сюда подать! Обслужить Героя! Куда все запропастились!!!

Последнее заявление не соответствовало действительности: пока Стар занималась декламацией о том, какой я есть развеликий герой, на веранде уже собрались человек двадцать-пятьдесят, которые, толкаясь и проталкиваясь, старались меня получше рассмотреть. Среди них, вероятно, находились и слуги, ибо тут же в одной руке у меня появилась кружка эля, а в другой — четырехунциевый стакан с огненной водой 100° крепости, причем все это еще до того, как хозяин кончил орать. Джоко осушил свой стакан одним глотком, я последовал его примеру, после чего рухнул на стул, подставленный мне кем-то. Во рту у меня горел пожар, а черепушка, казалось, взорвалась, так что оставалось лишь надеяться, что пиво загасит это пожар.

Какие-то люди буквально заваливали меня кусками сыра, холодного мяса, маринадами, непонятными закусками и заедками, впрочем, очень вкусными, не дожидаясь, пока я их возьму, а просто засовывая их мне в рот, когда я открывал его, чтобы произнести: «Gesundheit!»* Я поглощал все это по мере появления, и скоро закуски притушили фосфорную кислоту, что я выпил вначале.

---

* Ваше здоровье! (*нем.*).

Тут Дораль начал представлять мне членов своей семьи. Было бы лучше, если бы на них имелись какие-нибудь опознавательные знаки, так как я никак не мог разнести их по табели о рангах. Одежда тут не помогала, так как сквайры одевались так же, как батраки, а вторая горничная могла (а часто так и делала) навесить на себя целый груз золотых украшений и напялить вечерний туалет. Да и представляли их мне без соблюдения этих самых рангов.

Хорошо хоть вовремя усек, кто тут хозяйка дома — жена Джоко, вернее, его старшая жена. Это была очень видная зрелая женщина, брюнетка с несколькими лишними фунтами веса, однако весьма завлекательно распределенными по фигуре. Одета она была так же просто, как и сам Джоко, но, к счастью, я заметил, что она подходила здороваться со Стар и обе обнялись как старые подруги. Поэтому я навострил уши, когда через несколько минут ее представили мне как Дораль (со специальной приставкой, которую носил и Джоко, только женского рода).

Я тут же вскочил с кресла, взял ее за руку, склонился над ней и поцеловал. Это в малой степени походило на невианские обычаи, но вызвало клики восторга, а миссис Дораль покраснела и приосанилась, тогда как Джоко гордо ухмыльнулся.

Встал я только перед ней. Мужчины и мальчики шаркали мне ножкой, женщины от шести до шестидесяти лет низко приседали, но не так, как это делается у нас, а по обычаю Невии. Больше всего это напоминало па из твиста. Сначала балансируют на одной ноге, как можно сильнее отклоняя назад туловище, потом — на другой, так же сильно наклоняясь вперед и при этом вибрируя всем телом. Выраженные в словах, эти движения не кажутся грациозными, но в действительности они именно таковы, а в семье Доралей благодаря им не было случаев артрита или повреждения позвоночных дисков.

Джоко не затруднял себя произнесением имен. Женщины все представлялись мне как «лапочки», «красотки» и «очаровашки», а мужчины, даже те, что были старше Джоко по возрасту — как «сыночки». Вполне возможно, что многие действительно были его детьми.

В семейных и общественных отношениях Невии я так и не разобрался. На первый взгляд, это было что-то вроде феодализма, но кем была это толпа — рабами, крепостными или членами одной огромной семьи — не знаю. И то и другое, полагаю. Титулы тоже ничего не проясняли. Единственный титул, который был у Джоко и выделял его из прочих, была приставка «сам» — Сам Дораль, что отличало его от двух сотен просто Доралей. В своих воспоминаниях я направо и налево бросаюсь титулом «милорд», поскольку Стар и Руфо пользовались им в своей английской речи, но в общем-то это была просто вежливая форма обращения, отдаленно сходная с невианской. «Freiherr»* вовсе не эквивалентно «свободному человеку», а «месье» — «милорду», такие понятия точно не переводятся. Стар украшала свою речь «милордами» только потому, что она была хорошо воспитана и физически не могла сказать: «Эй, ты, Мак!» даже своим близким друзьям (между прочим, одно из самых ласкательных имен на невианском языке принесло бы вам в Нью-Йорке хорошую зуботычину).

Когда наконец все присутствующие были представлены Гордону Первоклассному Герою, мы разошлись, чтобы подготовиться к банкету, которым Джоко решил вознаградить себя за обманутые надежды на трехмесячные каникулы. Это не позволило мне поговорить со Стар и уж, естественно, с Руфо. Две служительницы повлекли меня в мои покои.

Вы не ослышались — женщины. Во множественном числе. Хорошо еще, что я несколько попривык к женской обслуге в мужских банях европейского типа и еще больше свыкся в Юго-Восточной Азии и на Иль дю Леван. В американских школах не обучают искусству обращения со служительницами, особенно если они молоды, очаровательны и в высшей степени готовы ко всем услугам, а ты имеешь за спиной долгий, полный опасности день. Я еще после своего первого участия в патруле узнал, что ничто так не повышает физиологическую активность, как ружейный обстрел и выход из него живым.

---

* Барон, в дословном переводе — свободный человек (*нем.*).

Если бы прислужница была одна, то я наверняка опоздал бы к ужину. Но в сложившейся ситуации одна была дуэньей для другой, и наоборот, хотя и без всякого умысла. Я похлопал рыженькую по попке, когда отвернулась вторая и, как мне показалось, установил с ней взаимопонимание на более поздний час.

Ну, ничего! Когда тебе скребут спину — это тоже удовольствие. Подстриженный, с головой, вымытой шампунем, доведенный до глянца, выбритый, побывавший под душем, пахучий, как пышная роза, разодетый в самые роскошные одеяния, я был препровожден своими девами в банкетный зал точно в назначенное время.

Однако костюм проконсула, в который я был облачен, выглядел рабочим комбинезоном в сравнении с нарядом Стар. Все свои роскошные платья она, как известно, потеряла сегодняшним утром, но хозяйке дома удалось откопать кое-что из своих запасов.

«Верхнее платье», закрывавшее фигуру Стар от подбородка до колен, было прозрачно, как зеркальное стекло. Оно имело голубовато-дымчатый цвет, тесно облегало тело спереди, а сзади пышно пенилось. Под ним было надето «нижнее платье». Казалось, Стар окутывает вьющийся плющ — но плющ золотой и затканный весь сапфирами. Он обвивался вокруг ее прекрасного тела, отходившие от плюща ветки окружали ее грудь, это прикрытие скрывало меньше, чем самое модное бикини, но поражало взор сильнее, а стало быть, было и более эффектным.

На ногах у нее были сандалии из какого-то прозрачного и пружинистого материала. Они держались каким-то чудом — ни ремешков, ни пряжек. Очаровательные ножки Стар смотрелись как босые, они будто висели в воздухе в четырех дюймах от земли, причем сама Стар казалась стоящей на цыпочках.

Грива ее светлых волос преобразовалась в сложное сооружение, походившее на корабль под всеми парусами и сверкавшее сапфирами. Похоже, Стар несла на себе по меньшей мере два состояния в сапфирах: одно на голове, другое на теле. Впрочем, не буду детализировать.

Она увидела меня в то самое мгновение, когда я увидел ее.

— Мой Герой, ты прекрасен! — осветилось ее лицо.

— Гм-м... А ты тоже не теряла времени. Можно я сяду с тобой? Мне нужна помощь.

— Нет, нет! Ты будешь сидеть с джентльменами, а я с дамами. Никаких трудностей не предвидится.

Весьма недурная организация банкета, надо признать. Оба пола имели отдельные низкие столы, мужчины сидели лицом к дамам, разделенные расстоянием примерно футов пятнадцать. Светская болтовня с дамами становилась необязательной, а смотреть на них было приятно, и даже очень. Леди Дораль сидела как раз напротив меня и вполне могла соревноваться со Стар при дележе золотого яблока. Ее платье кое-где было прозрачно, но в местах совершенно неожиданных. Большую часть платья составляли бриллианты. На мой взгляд, правда. Хотя вряд ли тут стали бы делать поддельные камни таких огромных размеров.

За столами сидело человек двадцать, вдвое или втрое больше — прислуживали, забавляли или просто болтали. Например, три девицы занимались только тем, что заботились обо мне — чтоб не умер от жажды или голода: я ведь не знал, как пользоваться невианскими столовыми приборами. Мне до них даже дотронуться не дали. Девушки стояли возле меня на коленях, я же восседал на большой подушке. А Джоко так тот к концу вечера уже просто лежал на спине, покоясь головой на женских коленях, и служанки клали ему кусочки еды прямо в рот и подносили к губам бокалы с вином.

У Джоко, как и у меня, были три прислужницы. Стар и миссис Джоко имели по две. Остальным приходилось обходиться одной на каждого. Эти девы-прислужницы так закрутили мне голову, что я не сумел даже прикинуть, какова будет дальнейшая вечерняя программа. Хозяйка дома и Стар были одеты так, чтобы убивать зрителей наповал, но одна из моих стюардесс — шестнадцатилетняя первая претендентка на титул мисс Невии — носила вообще одни драгоценности, но их было так много, что она казалась одетой куда скромнее, чем Стар или Дораль Летва — леди Дораль.

Вели они себя не как служанки, за исключением того, что выполняли безукоризненно свой долг, заключавшийся в том, чтобы обкормить и напоить меня. Они

болтали между собой на жаргоне тинейджеров *, отпускали шуточки насчет моей мускулатуры, как будто я и не присутствовал за столом. Было очевидно, что от героев никто не ждал разговорчивости, ибо, как только я открывал рот, мне в него что-нибудь совали.

Все время что-то происходило: танцовщицы, фокусники, певцы — все они выступали и проходах между столами. Вокруг бегали ребятишки, все время хватавшие кусочки прямо с подносов, которые слуги несли к столам. Крошечная куколка лет трех уселась на полу напротив меня — два широко открытых глаза и такой же рот — и смотрела на меня пристально и серьезно, заставляя танцоров обходить ее по мере возможности. Я попробовал подозвать ее к себе, но она лишь молча рассматривала меня и шевелила пальчиками ног.

Какая-то девица с цимбалами в руках ходила вдоль стола и что-то напевала. Тут все предположительно: и что инструменты — цимбалы и что девица — девица.

Бал длился уже более двух часов, когда Джоко встал и заревел, требуя тишины, громко рыгнул, стряхнул с себя двух прислужниц и начал полупеть-полудекламировать.

Те же стихи, но на другой мотив — он расписывал мои приключения. Я считал, что он слишком пьян даже для того, чтобы прочесть какой-нибудь лимерик **, но стихи лились рекой, скандировались сложные внутренние рифмы, звучные аллитерации — роскошный праздник виртуозной поэзии. Джоко держался линии, намеченной Стар, но сильно расцветил ее. Я слушал его с возрастающим восхищением, любуясь, с одной стороны, им как поэтом, а с другой — могучим рыцарем Гордоном — этой армией из одного человека. Я решил, что такой мужчина не может не быть всюду победителем, и, когда Джоко кончил — встал я.

Мои девочки гораздо больше преуспели в накачивании меня спиртным, нежели едой. Большая часть блюд была мне совершенно не известна, хотя и вкусна. Но было там одно блюдо холодной закуски — маленькие

---

* Подростки (*англ.*).

** Лимерик — пятистрочные шуточные стихи, рифмующиеся как аа-бб-а.

лягушкоподобные существа на льду, причем не разрезанные. Их надо было окунать в острый соус и съедать в два приема.

Девушка в драгоценностях схватила одну лягушку, окунула в соус и подала мне, чтобы я откусил кусочек. А та взяла и очнулась от сна. Это маленькое существо — назову его Элмер — закатило глаза и посмотрело на меня как раз в ту минуту, когда я намеревался закусывать. Тут я внезапно потерял аппетит и резко откинул голову назад.

Мисс Ювелирный Магазин весело рассмеялась, снова окунула Элмера в соус и показала, как надо с ним поступать. Нет больше бедняги Элмера!

Некоторое время после этого, я не мог есть вообще, зато пил слишком много. Каждый раз, когда мне подносили закуску, я вспоминал дрыгающиеся ножки Элмера, исчезающие во рту, глоток... и хватался за бокал.

Вот поэтому-то я и поднялся.

Раз ты встаешь, так сразу наступает тишина. Замолкла музыка, поскольку музыканты соображали, чем они будут сопровождать мою поэму.

И тут я понял, что говорить-то мне нечего. Абсолютно нечего. Я не мог вспомнить даже молитвы, которую можно было бы преобразовать в благодарственную поэму, добавив в нее несколько изящных комплиментов, и произнести на невианском языке. Черт, я и на английском этого бы не сделал.

Стар смотрела на меня, взор ее был серьезен и полон уверенности во мне.

Это решило все. Правда, на невианский язык я не отважился. Сейчас я не мог бы на нем даже спросить, где туалет. Потому я дал залп из обоих стволов по-английски. Это было линдсеевское * «Конго».

Все, что я помнил — примерно страницы четыре текста. Все, что я мог передать — это захватывающий ритм и схему рифмовки, сбиваясь в словах, с ходу заменяя забытые, но зато изо всех сил нажимая на «Лупите палкой по столам! Бум! Бум! Бум! Бум! Бум! Бум!». Оркестр подхватил ритм, и загремели тарелки на столах.

---

* Линдсей Вачел (1879—1931) — американский поэт.

Аплодисменты оглушили меня, а мисс Тиффани * припала к моей коленке и целовала ее. Тогда я выдал в качестве десерта «Колокола» Э. А. По. Джоко облобызал меня в левый глаз и распустил слюни на моем плече.

После этого встала Стар и объяснила в четких и рифмованных строках, что в своей собственной стране, на собственном языке и среди собственного народа, состоящего сплошь из воинов и художников, я столь же известен как поэт, как и герой (вот уж истинная правда — ноль всегда ноль), и что я оказал им честь, прочтя свое величайшее произведение, да еще на алмазно-жемчужном собственном языке, как дар благодарности Дорало и дому Дораля за гостеприимство кровли, стола и постели, и что она — Стар — попробует когда-нибудь напрячь свои слабые силы и передать музыку этого языка на невианском диалекте.

Вдвоем мы явно заслужили премию Оскара **.

Затем подали piece de resistance ***, нечто зажаренное целиком, доставленное четырьмя слугами. По форме и величине это вполне мог быть зажаренный целиком мужчина. Но он, по крайней мере, был явно мертв, и от него шел восхитительный запах. Я съел здоровенный кусок и протрезвел. После жаркого было еще восемь-девять блюд — супы, шербеты и прочая дребедень. Банкет все больше терял свою официальность, участники уже не придерживались разделения мест по полам. Одна из моих девиц заснула и разлила мою чашу вина. Тут я наконец заметил, что большая часть гостей уже разошлась.

Дораль Летва, сопровождаемая двумя девушками, провела меня в мои покои и уложила в постель. Они притушили свет и удалились, пока я пытался составить на их языке галантное пожелание доброй ночи.

Вскоре они вернулись, сняв с себя все драгоценности и прочие украшения, и остановились возле моего ложа, изображая три грации. Я решил, что обе молодые девушки были дочками Летвы. Старшей было лет восем-

---

* Тиффани — совершенно прозрачная ткань из шелка или хлопка.

** Премия Оскара ежегодно присуждается за достижения в кинематографии.

*** *Здесь*: «гвоздь программы» (*фр.*).

надцать, в полном соку и портрет мамаши в эти годы. Младшая была лет на пять моложе сестры, она едва вступила в брачный возраст, тоже красотка, и весьма уверенная в себе. Она зарумянилась и опустила глаза долу, когда я взглянул на нее. Старшая сестра наоборот ответила на мой взгляд прямым взглядом своих пламенных глаз. Их мамаша, обнимавшая девушек за талии, объяснила мне очень просто, но в стихах, что я уже оказал честь их кровле и их столу, а теперь оказываю их постели. Так что же будет угодно Герою? Одну? Двух? Или всех трех?

Я трус. Вы уже знаете это. Если бы тут не было этой младшей сестрички, ростом как раз с тех шоколадных сестренок, что напугали меня в прошлом, возможно, я действовал бы с большим апломбом. Но, черт возьми, двери тут не запирались. Их вообще не было — одни арки. И грубиян Джоко мог проснуться в любую минуту, я даже не знал, где он спит. Не буду отрицать, мне приходилось спать с замужними женщинами и с дочерьми людей, под крышей которых я останавливался, но и в таких случаях соблюдались определенные правила, свойственные американцам. А такое откровенное предложение напугало меня хуже Рогатых Козлов, то бишь Призраков.

Я постарался облечь свое решение в поэтическую форму. Это мне не удалось, но негативность решения до них дошла. Малышка зарыдала и исчезла с невероятной быстротой, ее сестра, похоже, была готова взяться за кинжал и, фыркнув «тоже мне герой», вышла за ней. Мамаша только одарила меня взглядом и удалилась.

Минуты через две она вернулась. Она говорила со мной очень серьезно, полностью контролируя свои чувства, она умоляла сказать, нет ли в доме другой женщины, которая соответствовала бы вкусам героя. Как ее имя? Как она выглядит? Или мне будет угодно, чтобы все женщины дома продефилировали передо мной, чтобы я мог узнать ее?

Я изо всех сил пытался ей разъяснить, что если бы я мог сделать выбор, то он пал бы на нее, но что я устал и хочу спать в одиночестве.

Летва сморгнула слезу, пожелала мне геройского сна и вновь покинула меня, уже гораздо более быстры-

ми шагами. В один момент мне даже показалось, что она готова дать мне пощечину.

Через пять минут я вскочил с постели и кинулся искать ее. Но она уже ушла, галерея была темна.

Заснул я как убитый, мне снилась Свора Холодных Вод. Они были еще более отвратительными, чем их описывал Руфо, и пытались скормить мне золотые самородки, у которых были выпученные глазки Элмера.

9

Руфо сильно встряхнул меня.

— Босс! Вставайте! Немедленно!

Я натянул на лицо простыню.

— Убирайся вон! — во рту стоял привкус тухлой капусты, в голове что-то жужжало, уши заложило.

— Немедленно! Это Ее приказ!

Я встал. Руфо был уже в одежде «вольных стрелков», при шпаге, поэтому я оделся так же и пристегнул свою. Мои служанки отсутствовали, равно как и роскошное одеяние, данное мне накануне. Спотыкаясь, я последовал за Руфо в огромный банкетный зал. Там уже была Стар, одетая для путешествия и очень мрачная. Прекрасная обстановка вчерашнего праздника улетучилась. Зал был холоден и гол, как заброшенный сарай. Стоял лишь стол, на котором ничего не было кроме куска холодного мяса, покрытого пупырышками застывшего жира; рядом лежал нож.

Я взглянул на мясо без всякого удовольствия.

— Это еще что?

— Твой завтрак, если он тебе нравится. Я же ни минуты под этой крышей не останусь и есть эти объедки не буду. — Такого тона и таких манер я у Стар еще ни разу не наблюдал.

Руфо потянул меня за рукав.

— Босс, давайте-ка уходить, и побыстрее.

Так мы и поступили. Ни одной души в поле нашего зрения не появилось — ни в доме, ни во дворе, не было даже детей или собак. Но три быстрых скакуна нас ожидали. Я имею в виду этих восьминогих «пони» — лошадиную версию гончих, оседланных и готовых к

отъезду. Седловка у них сложная. Над каждой парой ног надевается что-то вроде кожаного хомута, а груз распределяется при помощи двух шестов, протянутых вдоль боков, на которые поставлено кресло со спинками, мягким сидением и подлокотниками. К каждому подлокотнику тянулись поводья. Слева находился рычаг для замедления или убыстрения хода, и мне не хотелось бы рассказывать, каким именно путем распоряжения всадника передавались животному. Впрочем, последние, кажется, особенно не возражали.

Конечно, это были не лошади. Головы у них лишь отдаленно сходны с лошадиными, а ноги — без копыт и заканчивались мягкими подушечками, как у хищников. Они всеядны, а не травоядны. Когда привыкнешь, к ним можно даже и привязаться. Моя «лошадь» была черная с белыми пятнышками — ну просто само очарование. Назвал я ее Арс Лонга*. Глаза у нее были понимающие.

Руфо привязал мой лук и колчан к багажной полке за креслом, показал, как на него влезать, укрепил ремень безопасности, поставил мои ступни на специальные подножки (стремян не было), отрегулировал спинку, сделав ее положение удобным, как в салоне первого класса авиалайнера.

Сначала мы тронулись трусцой, потом перешли на бег со скоростью около десяти миль в час. Многоножки знают только одну побежку — иноходь, но качка смягчается благодаря креплению кресла в восьми точках, так что впечатление от езды сходно с впечатлением от поездки в автомобиле по гравийной дороге.

Стар ехала впереди, не проронив за все время ни полслова. Я попытался было заговорить с ней, но Руфо дотронулся до моей руки:

— Когда она в таком настроении, лучше не трогать.

Позже, когда мы с Руфо ехали бок о бок, а Стар была впереди за пределом слышимости, я спросил:

— Руфо, ради Бога, скажи, что случилось?

Он нахмурился:

---

* Арс Лонга — кличка многоножки Гордона вместе с кличкой «лошади» Стар (Вита Бревис) образуют известное латинское изречение: «Жизнь коротка, искусство вечно».

— Вряд ли мы об этом узнаем. У них с Доралем произошла бурная ссора, это ясно. Но лучше сделать вид, что ничего не случилось.

Руфо замолчал, я — тоже. Может, Джоко ей нахамил? Он же был пьян, легко мог войти в раж. Только трудно представить, чтобы Стар не справилась с любым мужчиной. Думаю, она прекраснейшим образом отшвырнула бы насильника, но при этом умудрилась бы не оскорбить его мужского самолюбия.

Эти размышления привели меня к другим, еще более мрачным. Ах, если бы старшая сестра пришла одна... если бы мисс Тиффани не опьянела вечером... если бы моя служаночка с рыжей шевелюрой явилась раздевать меня, как мы договорились... О дьявол!

Руфо распустил свой пояс безопасности, опустил спинку пониже, закрыл лицо носовым платком и захрапел. Немного погодя я последовал его примеру — спал я мало, завтрака не получил, опохмелиться после вечернего пьянства не дали. «Лошадь» в моей помощи не нуждалась — и моя, и Руфова слепо следовали за «конем» Стар.

Проснувшись, я почувствовал себя куда лучше, если не думать о жажде и голоде. Руфо все еще храпел, «конь» Стар скакал в пятидесяти футах от нас. Ландшафт был по-прежнему красив и пышен, а впереди на расстоянии полумили виднелся дом — не помещичий, а скорее фермерский. Я увидел колодезный журавль и представил себе покрытое холодной росой ведро с ледяной водой, а может, и с тифозными бактериями... впрочем, мне же сделали предохранительные прививки в Гейдельберге... Очень хотелось пить. Я имею в виду воду. А еще лучше пиво... они тут его здорово варят.

Руфо зевнул, спрятал платок и поднял спинку кресла.

— Должно быть, вздремнул, — сказал он с глупой ухмылкой.

— Руфо, видишь тот дом?

— Да, а что такое?

— Завтрак, вот что! Я уже напутешествовался на пустой желудок и мне хочется пить так, что мог бы сжать камень и выцедить из него сыворотку.

— Тогда лучше так и сделайте.

— Что?

— Милорд, мне очень жаль... я тоже погибаю от жажды... но там мы не остановимся. Ей это не понравилось бы.

— Не понравилось бы, вот как! Руфо, скажу тебе прямо: хоть миледи Стар и мила, но это не может служить причиной, чтобы я ехал весь день без воды и пищи. Ты поступай как хочешь, а я остановлюсь позавтракать. Кстати, у тебя есть деньги? Местные?

Он покачал головой.

— Так поступать нельзя, во всяком случае, здесь. Босс, потерпите еще часок. Пожалуйста!

— Это еще почему?

— Потому, что мы все еще на земле Дораля, вот почему! Мы не знаем, может, он уже разослал приказ стрелять в нас при первой же встрече. Джоко — добродушный старый мерзавец. Я бы лично сейчас очень хотел иметь на теле добрую кольчугу — свист стрелы меня бы нисколько не удивил, равно как и сеть, которую на нас могут сбросить вот в той роще.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Все зависит от того, насколько он зол. Помню случай, когда один парень разозлил его по-настоящему. Дораль приказал раздеть этого несчастного донага, украсил его фамильными драгоценностями и сунул... — тут Руфо сглотнул, и его чуть не вырвало. — Прошлая ночь была чрезмерно оживленной, мне немного не по себе. Поговорим о более приятных вещах. Вы упомянули сыворотку из камня... Надо думать, вы имели в виду Могучего Малдуна?

— Черт побери, не уклоняйся в сторону! — Голова у меня раскалывалась. — Я не поеду сквозь эту рощу, а парень, который пустит стрелу, пусть подготовит свою кожу для пробоин. Я хочу пить.

— Босс, — умолял Руфо. — Она не будет ни пить, ни есть на земле Дораля, даже если ее будут коленопреклоненно просить об этом. Вы не знаете здешних обычаев. Здесь принимают только то, что дается от чистого сердца... даже ребенок здесь не потянет руку к тому, в чем ему было отказано. Еще пяток миль! Неужели же Герой, победивший Игли до завтрака, не может подождать еще пяти миль?

— Ну... Ладно, ладно! Но это какая-то психованная страна, согласись. Абсолютно спятившая.

— М-м-м... — ответил он. — А вам приходилось бывать в городе Вашингтоне?

— Согласен, — смущенно улыбнулся я. — Touche*! Я забыл, что это твоя родная страна. Совсем не хотел тебя обидеть.

— Это вовсе не моя страна! Почему вы так решили?

— Как! — Я попытался привести свои мысли в порядок. — Ты знаешь местные обычаи и говоришь на их языке, как туземец.

— Милорд Оскар, я давно уже позабыл, сколько знаю языков. Когда я слышу какой-нибудь из них, то сразу начинаю на нем разговаривать.

— Но ты же не американец? И, кажется, не француз.

Он весело улыбнулся:

— Могу показать вам метрики, выданные в обеих этих странах; вернее, мог бы, если бы не утопил их вместе с багажом вчера утром. Нет, нет! Я не с Земли.

— Так откуда же ты?

Руфо явно колебался:

— Лучше бы вам спросить об этом у Нее.

— Вздор! Связали меня по рукам и ногам, да еще мешок на голову натянули. Просто свинство!

— Босс, — сказал Руфо серьезно, — Она ответит на любой ваш вопрос, который вы ей зададите. Надо только уметь его поставить.

— И поставлю!

— Тогда поговорим на другие темы. Вот вы упомянули Могучего Малдуна...

— Это ты его упомянул!

— Возможно. Я-то с Малдуном не встречался, хотя и бывал в той части Ирландии. Отличная страна и единственный народ на земле, который логически мыслит. Факты не могут сбить ирландцев с толку перед лицом Высшей Истины. Восхитительный народ! Я слыхал о Малдуне от одного из моих дядей — человека правдивого, много лет работавшего «писателем-призраком» и сочинявшего речи для политических деятелей. Но в то время, в связи с печальным недоразумением,

---

* В фехтовании — «задет» (*фр.*).

возникшем при подготовке речей для соперничавших кандидатов, он оказался в отпуске и стал независимым корреспондентом одного американского синдиката, специализирующегося на сенсационных рассказах для воскресных приложений. Он услыхал о Могучем Малдуне, выяснил, где тот живет, и отправился к нему сначала на дублинском поезде, потом на местном автобусе, а там уж в наемной повозке. Дядя увидел человека, вспахивающего поле с помощью одноконного плуга. Только этот мужик толкал плуг перед собой, не пользуясь услугами лошади, и оставлял сзади себя аккуратную восьмидюймовую борозду.

«Ага!» — сказал себе дядя и крикнул:

— Мистер Малдун!

Фермер остановился и откликнулся:

— Благослови тебя Бог, приятель, за твою ошибку! — Потом поднял плуг одной рукой и махнул ею в сторону. — А Малдуна ты найдешь вон там. Вот он — так силен!

Дядя поблагодарил фермера и поехал дальше, пока не встретил другого человека, устанавливавшего изгородь, забивая столбы в землю голыми руками. А земля была довольно каменистая. Дядя снова назвал этого мужика Малдуном.

Человек так удивился, что уронил десять или двенадцать столбов диаметром в шесть дюймов, которые он держал под мышкой.

— Убирайся ты со своей болтовней! Надо же знать, что Малдун живет дальше по дороге. Вот он силен!

Следующего местного селянина дядя застал за строительством каменной стены. Он строил ее без цемента, работа была тонкая. Человек этот обтесывал камни без молотка и зубила, разрубая их ударом ладони, а пальцами убирая мелкие шероховатости. Дядя окликнул его тем же славным именем.

Человек начал было отвечать, но глотка у него явно пересохла от каменной пыли, и голос ему изменил. Тогда он взял большой камень, сжал его так, как ты Игли, выдавил из него воду, как будто это был бурдюк, и выпил ее. Потом сказал:

— Это не я, дружище. Он ведь очень силен, как известно. Господи, сколько раз мне приходилось видеть, как он засовывает свой мизинец...

Мой мозг отвлекся от серии этих дурацких баек при виде девки, копнившей сено за кюветом. Она отличалась чудовищно развитыми грудными мышцами, так что лава-лава ей очень шла. Девка поймала взгляд, ответила мне таким же, да еще тряхнула грудью.

— Что ты сказал? — переспросил я.

— Что? ...только до первого сустава и так держит себя в воздухе часами!

— Руфо, — сказал я, — никогда не поверю, что это длилось больше нескольких минут. Слишком велика нагрузка на ткани, и все такое...

— Босс, — ответил обиженно Руфо, — я могу привести вас к тому самому месту, где могучий Дуган проделывал эту штуку.

— Ты же говорил, что его звали Малдун!

— Дуган — это девичья фамилия его матери, он очень гордился ею. Вам будет приятно узнать, что уже видна граница владений Дораля. Завтракать будем через несколько минут.

— С радостью. Плюс галлон чего угодно, включая чистую воду.

— Утверждается единогласно. По правде говоря, милорд, я себя чувствую не своей тарелке. Мне нужно поесть, выпить и хорошенько отдохнуть перед тем, как завяжется драка. Иначе я могу зевнуть в момент защиты. Это была Великая Ночь.

— Я тебя на банкете не видал.

— Присутствовал мысленно. На кухне еда горячее, выбор богаче, а компания менее претенциозна. Но я не думал, что это растянется на всю ночь. Ложись пораньше — вот мой девиз. Умеренность во всем, как сказал Эпиктет. Но пирожница... Она напомнила мне мою другую знакомую — партнершу по почтенному занятию, контрабанде. Ее девизом было: «Все что приятно делать, следует делать вдвойне», чего она и придерживалась на практике. Она перевозила двойную порцию контрабанды — в порядке личной инициативы, сохраняя это от меня в секрете, так как я держал на учете каждый предмет и передавал соответствующий список таможенникам со взяткой, чтобы они знали — я веду дело честно. Но женщине трудно пройти через таможню — в одном направлении толстой, как откормленная

гусыня, а двадцать минут спустя в другом — тощей, как цифра один (нет, она-то не была такой — это просто фигуральное выражение), и при этом не вызвать удивления. Если бы не странное поведение собаки ночью, эти любопытные накололи бы нас.

— А что странного было в поведении собаки той ночью?

— Да то же самое, что в моем — в прошлую ночь. Шум разбудил нас, и мы успели убежать через крышу — свободными, но без единого цента из денег, заработанных тяжелым шестимесячным трудом... Да еще с ободранными коленками... Но эта пирожница... Вы видели ее, милорд... русые волосы, голубые глаза, и все прочее, удивительно напоминающее Софи Лорен.

— Смутно что-то вспоминается...

— Значит, вы ее не видели, ничего смутного в отношении Налии быть не может. В общем, я собрался вести прошлой ночью безгрешную жизнь, зная, что сегодня нам предстоит кровавый бой. Вы же помните:

Настала ночь — гони свет прочь,
Пришел рассвет — вставай, мой свет...

так сказал классик, но с Налией я кое-что не учел. Именно поэтому я не выспался и остался без завтрака, а вечером могу оказаться лежащим в луже собственной крови, и все это в значительной степени по вине Налии.

— Ничего, я побрею твой труп, Руфо, обещаю тебе это. — Мы проехали мимо пограничного столба с соседним графством, но Стар не замедлила бега своей «лошади». — Между прочим, а где ты научился похоронному делу?

— Что?! А! Очень далеко отсюда. А вот за вершиной того холма, за теми деревьями стоит домик, где мы и позавтракаем. Чудесные люди!

— Отменно! — Мысль о завтраке была светлым пятном на темном фоне моих сожалений о бойскаутском поведении прошлой ночью. — Руфо, ты все перепутал, говоря о странном поведении собаки ночью.

— Милорд?

— Собака ничего не делала ночью, вот в чем странность.

— Ну, пожалуй, она действительно не издала ни одного звука, — с сомнением сказал Руфо.

— Разные собаки в разных местах. Извини. Я-то хотел сказать вот что: забавная штука произошла со мной, когда я отправился вчера спать... Вот уж я действительно вел безгрешную жизнь.

— В самом деле, милорд?

— На деле, но не в мыслях. — Мне было необходимо с кем-нибудь поделиться, а Руфо был как раз таким проходимцем, которому можно было довериться. И я изложил ему историю Трех обнаженных.

— Ну не мог же я рисковать! — заключил я. — С божьей помощью рискнул бы, если бы только эту девчонку уложили в ее собственную постель — одну и в тот час, как это полагается детям. Во всяком случае, думаю, рискнул бы, невзирая даже на дробовики и прыганье из окон. Скажи мне, Руфо, почему самые прелестные девицы имеют или отцов, или мужей? Говорю тебе — вот так они стояли: Большая обнаженная, Средняя обнаженная и Совсем маленькая обнаженная, так близко, что можно было коснуться их, и все готовые с радостью согреть мою постель, а я... ничего, ну совсем ничего... Ну, смейся же! Я заслуживаю этого.

Он не смеялся. Я посмотрел на него — лицо его выражало глубокое смятение.

— Милорд! Оскар, мой старый товарищ! Скажите, что это неправда!!!

— Это правда, — ответил я раздраженно. — И я тут же пожалел обо всем, но было уже поздно. А ты еще жалуешься на свою ночь!

— О Боже! — Руфо перевел своего скакуна на большую скорость и умчался.

Арс Лонга бросила на меня через плечо вопросительный взгляд и продолжала идти прежним аллюром.

Руфо поравнялся со Стар. Они остановились, чуть не доехав до дома, где нас ждал ленч, и ждали, когда я к ним присоединюсь. Лицо Стар было непроницаемо. Руфо же выглядел смущенным.

Стар приказала:

— Руфо, иди и попроси приготовить нам завтрак. Потом принесешь его сюда. Я хочу поговорить с милордом наедине.

— Слушаюсь, миледи! — Он исчез почти мгновенно.

Тем же невыразительным тоном Стар спросила меня:

— Милорд Герой, это правда? То, что доложил мне ваш слуга?

— Я не знаю, что он вам доложил.

— Относительно вашей неспособности... вашей мнимой неспособности... прошлой ночью.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, говоря о неспособности. Если вы хотите знать, что я делал после банкета, то я спал один. Точка.

Она перевела дух, но выражение ее лица осталось неизменным.

— Я хотела услышать это из твоих уст. Чтобы не быть несправедливой. — И тут лицо ее выразило такое бешенство, какого я никогда не видел. Низким, почти бесцветным голосом она начала меня разделывать под орех. — Ах ты Герой! Жалкий безмозглый олух! Невежа, нескладеха, толстолобый идиот!

— Замолчи!

— Нет, это ты замолчи, я с тобой еще не покончила! Ты оскорбил трех ни в чем неповинных женщин! Ты унизил верного старого друга!

— Заткнись!!!

Мой голос раскалился громом. Я гремел, не давая ей опомниться:

— Никогда не смей со мной так разговаривать, Стар. Никогда!

— Но...

— Попридержи-ка язык, уж больно ты его распустила! Ты не имеешь права так говорить со мной! И ни одна баба в мире такого права никогда не получит! Ты будешь всегда — запомни! — всегда обращаться ко мне вежливо и почтительно! Еще одно грубое слово — и я выдеру тебя так, что слезами изойдешь!

— Только посмей!

— А ну, убери руку с эфеса — или я отберу у тебя шпагу, спущу штаны и тут же по дороге отлуплю тебе твоей же шпажонкой! До тех пор пока твой зад не станет алым и ты не начнешь просить прощения. Стар, я не дерусь с женщинами, но гадких детей наказываю. С дамами я обращаюсь как с дамами, с испорченным

отродьем — как с испорченным отродьем. Стар, ты можешь быть королевой Великобритании или императрицей Галактики в одном лице, но еще одно дерзкое слово — и я стащу с тебя штанишки, и уж недельку тебе придется полежать на животе. Поняла?

— Я поняла, милорд, — тихонько ответила Стар.

— А кроме того, я увольняюсь с должности Героя. Я не собираюсь вторично выслушивать такие речи и не желаю работать на человека, который хотя бы раз обошелся со мной подобным образом. — Я вздохнул, поняв, что снова потерял свои капральские нашивки. Но я всегда чувствовал себя без них свободнее и проще.

— Да, милорд. — Я еле разбирал ее слова. Мне показалось, что мы с ней снова там — в Ницце. Но меня это не тронуло.

— Хорошо, тогда больше не о чем говорить.

— Да, милорд. — Она тихо добавила: — Но можно мне объяснить, почему я так говорила?

— Нет.

— Хорошо, милорд.

Наступило долгое молчание, длившееся вплоть до возвращения Руфо. Он остановился, не подходя к нам, чтобы не слышать, о чем мы говорим. Я жестом велел ему подойти.

Мы ели молча, причем я почти не ел — уж больно пиво было хорошее. Руфо попытался завести светскую беседу насчет какого-то своего очередного дядюшки, но эта история не вызвала бы улыбки даже в Бостоне.

После ленча Стар повернула своего скакуна в обратную сторону — этих лошадей трудно разворачивать, в боевых условиях это приходится делать, ведя их в поводу.

— Миледи? — обратился к ней Руфо.

— Я возвращаюсь к Доралю, — ответила бесстрастно Стар.

— Миледи! Пожалуйста, не надо!

— Милый Руфо, — ответила она нежно и печально. — Ты можешь остаться в этом доме, и, если я через три дня не вернусь, ты свободен. — Она посмотрела на меня, потом отвела взгляд. — Я надеюсь, что милорд Оскар проводит меня. Я не прошу об этом — не имею права. — И она тронула «коня». Мне потребовалось

немало времени, чтобы развернуть Арс Лонгу — не было опыта. Стар сильно опередила меня. Я так и поехал в некотором отдалении.

Руфо стоял неподвижно и кусал ногти, пока я разворачивался, потом взобрался на свое кресло и догнал меня. Мы ехали бок о бок, держась футах в пятидесяти от Стар. Наконец он произнес:

— Это самоубийство. Вы-то это понимаете?

— Нет, не понимаю!

— Ну так постарайтесь понять!

— И именно поэтому тебе кажется затруднительным добавлять слово «сэр»?

— Милорд? — Руфо коротко хохотнул и сказал: — Возможно. В этой чепухе нет смысла, раз все равно едем умирать.

— Ты ошибаешься.

— В чем?

— «В чем, милорд», с твоего разрешения. Попробуй хотя бы попрактиковаться. И пусть так останется и дальше, даже если нам осталось прожить всего лишь тридцать минут. Поскольку я теперь намерен командовать, а не разыгрывать роль «чего изволите». И не хочу, чтоб у тебя остались хоть малейшие сомнения, когда начнется свалка, в том, кто тут хозяин. Иначе поворачивай лошадь, а я ее хлестну по заду, чтобы придать тебе первоначальное ускорение. Слышишь?

— Да, милорд Оскар. — Руфо добавил задумчиво: — Я знал, что вы босс, с той самой минуты, когда вернулся с фермы. Хоть и не понимаю, как вы этого добились. Милорд, я никогда не видел ее такой растерянной. Могу ли я узнать...

— Нет, не можешь. Но разрешаю спросить у нее самой. Если ты сочтешь это благоразумным, конечно. А теперь расскажи мне об этом «самоубийстве» и не вздумай увиливать, что, мол, она не желает, чтобы ты давал мне советы. С этой минуты ты будешь давать мне советы всякий раз, когда я их буду спрашивать. Но если не спрошу — держи рот на завязочке.

— Слушаюсь, милорд. Так вот о перспективе самоубийства... Шансы тут рассчитать довольно трудно. Все зависит от того, насколько зол Дораль. Только это не будет поединок. Нас или забьют в ту самую минуту,

когда мы высунем нос... или мы останемся целы до той минуты, пока не покинем его владения — это в том случае, если он прикажет нам немедленно поворачиваться и убираться. — У Руфо было такое выражение лица, будто он решал труднейшую задачу. — Милорд, тут невозможно угадать. Полагаю, вы оскорбили Дораля так, как никто не оскорблял его за всю его долгую и небезгрешную жизнь. Держу девяносто против десяти, что через несколько минут после того, как мы свернем с дороги, из нас будет торчать больше стрел, чем из святого Себастьяна.

— А причем же тут Стар? Она же ничего не сделала? И ты тоже? — И про себя добавил: «и я тоже». Ну и страна!

Руфо вздохнул.

— Милорд, сколько миров — столько и обычаев. Джоко вовсе не хочет навредить Стар. Она ему нравится. Он к ней чудесно относится. Можно сказать, он даже любит ее. Но если он убьет вас, он должен будет убить и ее. Иначе, по его стандартам, это было бы не гуманно, а он высокоморальный человек, о чем здесь все широко осведомлены. Убьет он и меня, но я не в счет. Он обязан убить ее, хотя с этого начнется целая цепь событий, которые уничтожат самого Джоко, ибо его можно считать мертвецом с той минуты, как новость о смерти Стар разнесется по свету. Вопрос вот в чем — должен ли он убивать вас? Думаю, обязан, насколько я понимаю этот народ. Мне очень жаль... милорд.

Я переваривал сказанное.

— Тогда почему же ты здесь, Руфо?

— Милорд?

— Можешь на часок отбросить этих «милордов». Почему ты здесь? Если твоя оценка верна, то ни твоя шпага, ни твой лук в конечном счете ничего изменить не могут. Она дала тебе верный шанс остаться в стороне. Так что это? Гордость? Или ты влюблен в нее?

— О Боже! Конечно — нет. — Руфо был искренне шокирован. — Извините меня, — продолжал он, — вы застали меня врасплох. — Он подумал. — По двум причинам, я полагаю. Первая — если Джоко разрешит нам объясниться, то... Она ведь отличный оратор. Второе, — тут он глянул на меня, — я суеверен, надо

признаться. Вы же — человек удачи, в чем я убедился. Поэтому мне хочется быть поближе к вам, даже если разум советует бежать. Вы можете в любой момент провалиться в выгребную яму и все же...

— Чушь! Послушал бы ты историю моих злоключений!

— Ну, это в прошлом, я почти готов биться об заклад, что сейчас расклад совершенно ясен. — Руфо замолчал.

— Оставайся здесь, — приказал я, ускорил ход «коня» и подъехал к Стар.

— Вот мой план, — сказал я ей. — Когда мы доберемся до места, ты и Руфо останетесь на дороге. Я поеду один.

Она испугалась.

— О милорд! Нет!

— Да.

— Но...

— Стар, ты хочешь, чтобы я вернулся к тебе? Как твой рыцарь?

— Всем сердцем.

— Хорошо. Тогда поступай так, как я хочу.

Она долго молчала, потом ответила:

— Оскар...

— Что, Стар?

— Я поступлю, как ты прикажешь. Только разреши мне объяснить кое-что перед тем, как ты начнешь продумывать свою речь.

— Давай.

— В этом мире место путешествующей дамы — рядом с ее рыцарем. И именно там я и хочу находиться, мой герой, даже в минуту гибели. Особенно в эту минуту. Но молю я тебя не из сентиментальности и не ради проформы. Зная то, что я знаю теперь, я могу с полной уверенностью предсказать, что ты будешь убит немедленно, а потом умрем я и Руфо — как только они нас догонят. А это произойдет быстро — наши «кони» слишком устали. С другой стороны, если отправлюсь я одна...

— Ни в коем случае!

— Ну, выслушай же, милорд! Я же ни на чем не настаиваю. Если бы поехала я одна, я, вероятно, умерла бы так же быстро, как умер бы ты. А может быть,

вместо того чтобы скормить меня свиньям, Дораль сохранил бы мне жизнь и позволил кормить своих свиней и быть забавой для его свинарей — судьба лучшая, нежели то полное унижение, которое ожидает меня в будущем, если я вернусь без тебя. Но я нравлюсь Доралю и думаю, что он оставит мне жизнь, только жизнь скотницы и чуть-чуть лучшую, чем жизнь свиней. На этот риск я готова пойти, если необходимо, и буду ждать своего шанса бежать — гордость для меня слишком дорогое удовольствие. Нет у меня ее — есть только необходимость. — Ее голос был хриплым от непролитых слез.

— Стар! Стар!

— Что, мой любимый?

— Как? Что ты сказала?

— Можно, я еще раз повторю это? У нас больше времени не будет. — Она как слепая потянулась ко мне, я схватил ее за руку. Стар наклонилась и прижала меня к своей груди.

Затем выпрямилась, продолжая сжимать мою руку:

— Теперь я спокойна. Я всегда становлюсь женщиной в тот момент, когда это наименее оправдано. Мой любимый Герой, у нас есть лишь одна возможность спастись — это отправиться навстречу опасности бок о бок, с гордо поднятыми головами. Это не только самый надежный, это еще и единственный путь, который я предпочла бы, будь у меня гордость. Я купила бы тебе Эйфелеву башню для забавы и другую, если бы ты эту сломал, но гордость купить нельзя.

— А почему это самый безопасный путь?

— Потому что Дораль может — повторяю, может — дать нам возможность вступить в переговоры. Если мне дадут сказать десять слов, то он выслушает и сто, а потом и тысячу. И может так случиться, что я залечу его рану.

— Согласен. Но, Стар... Что я такое совершил, что так глубоко его ранило? Я же ничего не сделал. Наоборот, я старался ничем не ранить его.

Она немного помолчала, потом произнесла:

— Ты американец...

— Ну и что с того! При чем тут это! Джоко об этом и не знает.

— Видно, очень даже при чем. Нет, Америка для Джоко в лучшем случае только название, он ведь проходил курс «Вселенные», но никогда не путешествовал. Но... Ты на меня не рассердишься снова?

— А? Давай-ка поставим на прошлом большой крест. Говори что хочешь, лишь бы все прояснилось. Только не надо меня клевать в макушку. А, черт, клюй, если хочешь, но только в последний раз. Не надо делать из этого привычку... любимая.

Она сжала мою руку:

— Больше никогда! Моя ошибка была в том, что я забыла, что ты американец. Я плохо знаю Америку, во всяком случае знаю ее не в тех аспектах, в которых с ней знаком Руфо. Если бы Руфо присутствовал в зале... Но его там не было. Он жуировал на кухне. Я предположила, когда тебе даровали гостеприимство кровли, стола и постели, что ты поведешь себя так, как повел бы себя на твоем месте француз. Если бы я знала, я бы придумала для тебя тысячу отговорок. Принятый обет, например. Священный день твоей религии. Джоко был бы разочарован, но не был бы оскорблен. Он человек чести.

— Но... будь оно проклято, я все равно не понимаю, почему он хочет убить меня за то, что я не сделал чего-то такого, за что меня наверняка пристрелили бы в моей стране, сделай я это там. Что, в этой стране мужчины обязаны принимать предложение, сделанное любой женщиной? И почему она бежит к мужу и жалуется? Почему не держит это в секрете? Она же даже не попыталась скрыть. И еще дочек в это вовлекла.

— Но, милорд, это никогда не было секретом! Дораль сделал тебе предложение публично, ты публично принял его. Как бы ты себя вел, если бы твоя невеста в брачную ночь турнула тебя из спальни? «Кровля, стол и постель». Ты согласился.

— Постель! Стар, в Америке постель — вещь многоцелевая. Иногда в ней спят, просто спят. Я ничего не понимаю.

— Зато я теперь поняла. Ты просто не знал, что это идиома. Вина моя. Но и ты теперь знаешь, как глубоко он был унижен, к тому же еще и публично.

— Да, конечно, но он сам виноват. Чего же он спрашивал при всех? Было бы еще хуже, если бы я ответил — нет.

— Совсем наоборот! Ты не обязан соглашаться. Мог бы отказаться — вежливо, изящно. Лучше всего было бы — хотя это чистая ложь — сослаться на трагическую невозможность — временную или постоянную — от ран, полученных в той битве, где ты проявил себя как Герой.

— Впредь буду знать. И все же я не понимаю, почему Джоко был так поразительно щедр?

Стар посмотрела мне в лицо:

— Любимый, можно мне сказать, что ты поражаешь меня каждый раз, когда я говорю с тобой? А я-то думала, что давным-давно разучилась чему бы то ни было удивляться.

— Взаимно. Ты меня тоже поражаешь. Однако мне это по душе, кроме одного раза.

— Милорд Герой, как часто, по твоему мнению, простой деревенский сквайр имеет шанс получить в свою семью сына Героя и воспитать его как собственного? Можешь ли ты вообразить его разочарование, когда у него отняли то, что он считал твердо обещанным и всецело принадлежащим ему? Можешь ли вообразить его стыд? Его гнев?

Я немного подумал.

— Ладно. Виноват. Так бывает и в Америке. Только там этим не хвастают.

— Сколько стран, столько и обычаев. Известную роль сыграло и то, что Герой оказал ему честь, отнесся к нему как к брату, и при особой удаче, он мог рассчитывать, что Герой станет членом дома Доралей.

— Погоди-ка минутку! Что ж, он для того и прислал всех трех? Чтобы повысить шансы?

— Оскар! Да он бы с радостью прислал тебе тридцать... если бы ты намекнул, что настроен достаточно героически и совладаешь с ними. А так он послал тебе старшую жену и двух любимых дочерей. — Стар заколебалась. — Вот что мне до сих пор неясно... — И задала прямой вопрос.

— Господи! Нет, конечно! — запротестовал я, вспыхнув. — Уже с пятнадцати лет... Главной причиной, что

выбила меня из седла, была эта девчонка. Только она, я уверен в этом.

Стар пожала плечами.

— Возможно. Но она не ребенок. В Невии она уже женщина. И даже если она еще сохраняет невинность, то готова спорить, что месяцев через двенадцать она уже будет матерью. И уж если ты испугался ее, то почему не выпроводил из спальни и не взялся за сестричку? Эта пичужка потеряла девственность задолго до того, как стала оформляться физически, насколько я знаю. И я слыхала, что Мьюри — «блюдо с начинкой» — кажется, у американцев есть такая идиома.

Я пробормотал что-то, думая о том же. Но мне почему-то не хотелось эту проблему обсуждать со Стар.

Она сказала:

— Pardonne-moi, monsieur. Tu as dit * ?

— Я сказал, что мне простится, должно быть, шесть грехов за этот великий пост.

Она удивилась:

— Но великий пост давно прошел на Земле. А здесь его вообще не бывает.

— И очень жаль.

— И все же я рада, что ты не выбрал Мьюри раньше Летвы. Иначе Мьюри задрала бы нос перед матерью. Но правильно ли я поняла, что ты готов исправить дело, если мне удастся договориться с Дорaлем? — Она добавила: — Мне это очень важно знать, в зависимости от этого я буду строить свою дипломатию.

(Стар, Стар... это тебя я хочу в свою постель...)

— Если тебе так угодно, любимая.

— О, это сильно помогло бы.

— О'кей. Тут ты командир. Одну... две... тридцать... умру, но не сдамся. Только, пожалуйста, никаких девочек... маленьких...

— Нет проблем. Дай-ка мне подумать. Ах, если бы только Дораль дал мне сказать хотя бы пять слов! — Она замолкла. Рука ее сохраняла ровную теплоту. Я тоже примолк, задумавшись. Эти странные обычаи имели последствия, важность которых я до сих пор не смог

---

* Извините, месье. Вы что-то сказали? (*фр.*)

полностью оценить. Например, почему, если Летва немедленно сообщила мужу, какой я олух...

— Стар, а где ты провела эту ночь?

Она бросила на меня острый взгляд:

— Милорд, позвольте сказать вам, что вам лучше не совать нос не в свои дела.

— Разрешаю. Только все почему-то суют нос в мои.

— Извини. Я очень встревожена, и мои самые главные тревоги тебе пока неизвестны. Это был прямой вопрос, и он заслуживает прямого ответа. Гостеприимство здесь всегда сбалансировано и честь оказывается одновременно двум сторонам. Я спала в постели Дораля. Однако, если это важно, а для тебя это может быть важным — я все еще плохо понимаю американцев — вчера я, как известно, была ранена и рана еще беспокоила меня. Джоко — широкая и добрая душа. Мы спали. И только.

Я постарался, чтобы мой голос прозвучал беззаботно:

— Твоя рана меня беспокоит. Как она сегодня?

— Не болит. Повязка сама отпадет завтра к утру. Но... вчера — это не первый раз, когда я пользовалась гостеприимством кровли, стола и постелей в доме Дораля. Джоко и я — старый друзья, близкие друзья, вот почему мне кажется, что можно рискнуть в надежде получить несколько секунд до того, как он станет нас убивать.

— Что ж, я и сам начал догадываться кое о чем.

— Оскар, по твоим стандартам, по тем, в которых ты воспитан, я — стерва.

— О нет! Ты — принцесса!

— Стерва! Но я не из твоей страны, и я воспитана по другому кодексу. По нашим стандартам, а они кажутся мне правильными, я — высокоморальная женщина. Ну а теперь... я все еще твоя любимая?

— Моя любимая!

— Мой любимый Герой! Мой рыцарь! Обними меня крепче и поцелуй. Если мы умрем, я хочу, чтобы наши губы были согреты дыханием друг друга. Въезд к Дораю — за тем поворотом.

— Знаю.

Мы ехали со шпагами в ножнах и луками за плечами, горделиво приближаясь к зоне обстрела.

10

Три дня спустя мы уезжали снова. На этот раз завтрак был чудовищно обилен. На этот раз наш выход сопровождал оркестр музыкантов. На этот раз Дораль ехал с нами. На этот раз Руфо подвели к его скакуну две девицы, которых он обнимал за талии, одновременно держа в каждой руке по бутылке спиртного, после смачных поцелуев от дюжины других лиц женского пола он был водружен в свое кресло и пристегнут ремнем в почти лежачем положении. Руфо заснул и захрапел еще до того, как мы отправились в дорогу.

Сколько поцелуев получил я на прощание, счесть просто невозможно, и многие из них были от тех, кто, честно говоря, не имел для этого больших оснований — я ведь пока еще только начинающий Герой, только постигающий основы этого мастерства.

Это неплохая профессия, несмотря на большие затраты времени, профессиональные заболевания и полное отсутствие социальной защищенности; у нее есть и свои достоинства, причем наибольшие перспективы на продвижение имеют тут люди упорные и готовые учиться. Дораль казался наверху блаженства.

За завтраком он воспел мои достижения на текущий момент в тысячах звучных строк. Но я был трезв и не позволил его хвалам вскружить голову созерцанием собственного величия. Я-то знал себе цену. Ясное дело — какая-то пичуга регулярно приносила ему новости, но эта пичуга — врунья. Джон Генри Стальной Человек и тот не мог бы сотворить то, что делал я, если верить Джоковой оде.

Я принял все как должное, ничего не отразив на своем геройском благородном лице, а затем встал и выдал им «Кейси в Бате», вложив сердце и душу в строку «Кейси могучий вынул его».

Стар в свободной манере интерпретировала мое выступление. Я (согласно ее переводу) восхвалял всех леди из дома Дораля, причем мои мысли явно ассоциировались с образом мадам Помпадур, Нелл Гвин, Нинон Ланкло и Ренджи Лил *. Стар не называла этих знаме-

---

* Имена знаменитых куртизанок, оставивших след в истории Франции и Англии.

нитостей по именам, но зато изощрялась в хвалах на невианский манер, применяя термины, которые наверняка сразили бы даже Франсуа Вийона.

Мне пришлось выступить на «бис». Я продекламировал им «Дочурку Рейли» и «Бармаглота»*, сопровождая текст жестикуляцией.

Стар интерпретировала и это в должном духе. Она сказала именно то, что сказал бы я сам, будь я в состоянии слагать поэтические строфы. Вечером, на второй день пребывания в гостях, мы встретились со Стар в парилке сауны Дораля. Около часа мы пролежали, закутанные в простыни на ложах, стоящих рядом, изгоняя вместе с потом вредные шлаки и восстанавливая силы. Я тут же выложил ей свое удивление происходящим и удовольствие по тому же поводу. Вообще-то на такие темы говорить трудно, но Стар — из тех немногих, перед кем я отваживаюсь открыть душу.

Она внимательно выслушала меня. Когда же я закончил, тихо сказала:

— Мой Герой, как ты знаешь, я плохо знакома с Америкой, но из того, что мне рассказал Руфо, я усвоила, что ваша культура уникальна в сравнении с культурами других Вселенных.

— Да, я понимаю, что Соединенные Штаты не так наловчились в этих делах, как, например, Франция...

— Франция! — Тут она неподражаемо пожала плечами. — Латиняне — никудышные любовники! Это утверждение я слышала неоднократно и готова его подтвердить, исходя из собственного опыта. Оскар, насколько я понимаю, ваша культура — единственная из полуцивилизованных, в которой любовь не рассматривается как высшее искусство и не исследуется так глубоко, как того заслуживает.

— Ты хочешь сказать, что мы в чем-то сходны с Невией? Как бы не так! «Это слишком хорошо для простого народа!»

— Нет, я не имею в виду, что вы такие же. — Стар говорила по-английски. — Хотя я и очень люблю своих здешних друзей, но это варварская культура, и их искусство — тоже варварское. О, по-своему это пре-

---

* Стихи Л. Кэрролла.

красное искусство, даже превосходное. Но... если мы переживем все то, что нам еще предстоит пережить, и когда трудности останутся позади, я хочу, чтобы ты попутешествовал по разным Вселенным. И ты поймешь, что я имею в виду. — Стар встала, придерживая простыню, как тогу. — Но я рада, что ты доволен, мой Герой. Я тобой горжусь.

Я полежал еще немного, обдумывая услышанное от Стар. «Высшее искусство», а там — дома — мы даже не изучаем его, а еще менее — преподаем. Да и как это делать? Обучение балету требует многих лет, а в «Метрополитен Опера» не приглашают петь за громкий голос. И почему у нас любовь классифицируется как инстинкт?

Разумеется, сексуальный аппетит — это инстинкт, но разве аппетит превращает обжору в гурмана, а кухарку из забегаловки — в изысканного ресторанного повара? Черт возьми, но ведь даже чтобы стать кухарем в обжорке — надо учиться.

Я вышел из парилки, насвистывая «В мире все лучшее — даром», но тут же замолчал, чувствуя сожаление ко всем своим несчастным компатриотам, ограбленным еще в день своего появления на свет самым колоссальным жульничеством в Истории.

Проводив нас на милю за пределы своих владений, Дораль попрощался с нами, обняв меня, расцеловал Стар и взъерошил ей волосы. Потом, вместе со всем эскортом, выхватил шпагу и отдавал нам салют до тех пор, пока мы не скрылись за ближайшим холмом. Я ехал со Стар, Руфо храпел позади.

Я взглянул на Стар, у нее чуть подрагивали уголки губ. Она поймала мой взгляд и чопорно произнесла:

— Доброе утро, милорд.

— Доброе утро, миледи. Каково почивали?

— Благодарю вас, недурно, милорд. А вы?

— Спасибо, тоже недурно.

— Вот как? А с собакой ничего странного этой ночью не произошло?

— Собака ночью ничего не делала, и это было самым странным, — сказал я, старясь сохранять на лице полную серьезность.

— Неужели? Такая жизнерадостная собака?! А тогда кто был тот рыцарь, которого я видела с некой леди?

— То было не ночью. Еще — варкалось *.

— Понятно. Значит, у тебя «взы-взы» стрижает меч? О светозарный мальчик мой!

— Брось свои бармаглотовы штучки, ты чересчур игривая девчонка! — Я старался быть серьезным. — У меня есть друзья, и они подтвердят мое алиби. А кроме того — во мне сила десяти мужей, ибо чист я сердцем.

— Да, это-то мне известно — ваши друзья просветили меня насчет силы десятерых, милорд. — Тут она захохотала, шлепнула меня по бедру и принялась во все горло распевать припев из «Дочурки Рейли». Вита Бревис застыдилась, Арс Лонга запрядала ушами и посмотрела на Стар с явным неодобрением.

— Перестань! — одернул я ее. — Ты шокируешь лошадей.

— Во-первых, она не лошади, во-вторых, их невозможно шокировать. Ты видел, как они занимаются этим? Несмотря на свое многоножие? Сначала они...

— Придержи язык! Арс Лонга — леди, чего не скажешь о тебе.

— Я же предупреждала тебя, что я — стерва. Сначала она ложится на бок...

— Да видел я! Мьюри думала, что это может позабавить меня. А я получил приступ комплекса неполноценности, длившийся весь вечер.

— Рискну поспорить, что не весь вечер, милорд. Ну раз так, давай споем «Дочурку Рейли». Ты начинай, я буду вторить.

— Что ж... Но тогда — не очень громко, иначе разбудим Руфо.

— Его не разбудить. Он набальзамирован.

— Тогда разбудишь во мне зверя, а это куда хуже. Стар, милая, а где и когда Руфо был похоронных дел

---

* «Варкалось. Хливкие шорьки», «О светозарный мальчик мой» — строки из знаменитого стихотворения Л. Кэрролла «Jabberwocky» (в русском переводе «Бармаглот»).

мастером? И как из похоронной конторы он попал в наши дела? Его выгнали, что ли?

— Могильщик? Руфо? Не может быть! — удивилась Стар.

— Он говорил со мной с полным знанием дела.

— Вот как! Милорд, у Руфо множество недостатков, но правдивость не входит в их число. Кроме того, в нашем мире могильщиков не бывает.

— Не бывает? Что же вы делаете со своими покойниками? Нельзя же оставлять их в своих гостиных? Это было бы негигиенично.

— Я тоже так думаю, но мой народ именно так и поступает: держит покойников в своих гостиных. Во всяком случае, по нескольку лет. Обычай основан на чистой сентиментальности, но мы и есть сентиментальный народ. Хотя даже у нас кое-кто перебарщивает с этим делом. Одна из моих теток держала в собственной спальне всех своих усопших мужей — там была страшная теснотища, а кроме того, она непрерывно о них говорила, все время повторяясь и путаясь. Я даже перестала ходить к ней в гости.

— Ничего себе! Она их чистила пылесосом?

— О да! Она была очень хорошая хозяйка.

— М-м-м... И сколько их было?

— Семь или восемь, не считала.

— Понятно. Стар, быть может, убийство мужей у тебя в семье является наследственной чертой?

— Что? Ох, любимый, да в каждой женщине сидит потенциальная склонность к вдовству. — На ее лице появились ямочки, и она, протянув руку, погладила меня по колену. — Но тетя их не убивала. Поверь мне, мой Герой, женщины в моей семье слишком любят своих мужей, чтобы терять их зазря. Нет, тетя очень расстраивалась, когда они умирали. Я считала, что это глупо — надо смотреть вперед, а не назад.

— И пусть мертвое прошлое само хоронит своих мертвецов... Слушай, если твой народ держит покойников в своих домах, то и у вас должны быть похоронных дел мастера. Ну хотя бы бальзамировщики. Иначе воздух...

— Бальзамировщики... О нет! Их погружают в стасис*, как только убеждаются, что человек умер... или

---

* Состояние, в котором время не движется (*фант.*).

умирает. С этим может справиться даже школьник. — Подумав, она добавила: — Пожалуй, я несправедлива к Руфо. Он провел очень много лет на Земле и, вполне возможно, занимался там и похоронным делом. Только мне кажется, что эта профессия слишком честна и прямолинейна, чтобы увлечь Руфо.

— Ты, однако, не сказала мне, что же в конце концов у вас делают с трупами.

— Во всяком случае, не погребают в земле. Нашим людям это показалось бы шокирующе глупым. — Стар вздрогнула. — Даже мне, которая путешествовала по Земле и ряду других Вселенных и привыкла спокойно относиться к самым странным обычаям.

— И все-таки что же?

— Ну, примерно то же, что ты сделал с Игли. Применяют геометрический перенос, вот и все.

— Ох, Стар, а куда подевался Игли?

— Не знаю, милорд. Не было времени для решения этой задачи. Возможно, это известно тем, кто его сотворил. Но не думаю, что они были бы удивлены больше меня.

— Думаю, я ужасно туп, Стар. Ты называешь это геометрией, Дораль назвал меня «математиком», а я всего лишь делал то, что заставляли меня делать обстоятельства. Не понимаю я этого.

— Вернее было бы говорить об обстоятельствах, давивших на Игли, милорд Герой. Что получится, если приложить огромное давление к массе, такое, что масса больше не сможет оставаться в данном месте, хотя деваться ей некуда? В метафизической геометрии это задачка для школьника и называется парадоксом невыносимого давления и неподвижной массы. Масса взрывается изнутри — она вытесняется из этого мира в какой-то иной. Именно таким путем люди одной Вселенной открывают себе путь в другую, но чаще это сопровождается последствиями, подобными тем, которые ты создал для Игли. Могут пройти бесчисленные годы, пока этот процесс будет поставлен под контроль. Надо думать, что еще очень долго такие вещи будут считаться явлениями «магическими», иногда будут получаться, чаще — нет, иногда оборачиваться смертельной опасностью для самого мага...

— И это ты называешь «математикой»?

— А как же иначе?

— Я бы назвал это магией.

— Разумеется. Я так и сказала Джоко: ты — природный гений. Ты мог бы стать могучим колдуном.

Я пожал плечами с некоторой долей неловкости.

— Я не верю в магию.

— Я тоже, — отозвалась Стар. — В том виде, в котором ты ее понимаешь. Но я знаю, что она существует.

— Так я же об этом и говорю! Не верю в фокусы-покусы. Что случилось с Игли, вернее, то, что, по-видимому, с ним произошло — не могло произойти на самом деле, так как нарушает закон сохранения массы-энергии. Должны быть другие объяснения.

Стар вежливо промолчала.

Тогда я ввел в действие грубый здравый смысл безграмотности и предубеждения:

— Слушай, Стар, я не могу поверить в невозможность только потому, что видел что-то своими глазами. Законы природы — есть законы природы. Ты должна это признать.

Мы проехали несколько десятков метров в молчании, потом она ответила:

— С твоего разрешения, милорд, мир не таков, каким мы его хотим видеть. Он таков, каков есть. Нет, я немного упрощаю. Возможно, он действительно таков, каким он нам представляется, но и в этом случае он таков, каков есть. Le voila! Смотри, вот он перед тобой. Das Ding an sich! Попробуй ее на зуб! Ai-je raison *? Я верно говорю?

— Так и я говорю то же самое! Вселенная такова, какова есть и не может быть изменена какими-то фокусами. Она подчинена определенным законам, как подчинена им машина. — Я помолчал, вспомнив автомобиль, который у нас был когда-то. Это был явный ипохондрик. Он «заболел» и «выздоравливал», как только механик дотрагивался до него. Я сказал твердо: — Законы природы не берут отпусков. Неизменность законов природы — краеугольный камень науки.

---

* Вот так! (*фр.*)... Вещь в себе! (*нем.*)... Не так ли? (*фр.*)

— Верно.

— Ну и... — потребовал я.

— Ну и тем хуже для науки.

— Но... — Я замолчал и ехал дальше обиженный и нахохленный.

Потом нежная рука легла на мое плечо и погладила его.

— Рука, крепкая как шпага, — проговорила мягко Стар. — Милорд Герой, можно, я поясню?

— Валяй, — разрешил я. — Если ты убедишь меня, ты и папу римского сможешь обратить в мормонскую веру. Я упрям.

— Неужели я выбрала бы тебя из сотен миллиардов людей как своего рыцаря, не будь ты таков?

— Сотен миллиардов? Ты хочешь сказать «из миллионов».

— Выслушай меня, милорд, и будь снисходителен и терпелив. Давай поступим по правилам Сократа: я буду задавать тебе хитрые вопросы, а ты будешь давать на них простые ответы. Потом — твоя очередь спрашивать, а моя — подавать глупые реплики. О'кей?

— Ладно. Начинай первая.

— Отлично. Вопрос первый: что, обычаи дома Доралей совпадают с теми, которые существуют в твоем мире?

— Что?! Ты же знаешь, что нет. Никогда в жизни не был так поражен, с того самого времени, когда дочка причетника затащила меня на колокольню, пообещав показать Святого Духа. — Я глупо хмыкнул. — Я бы наверняка до сих пор краснел, если бы не перегорели мои пробки скромности.

— И тем не менее, главное различие между невианскими обычаями и вашими заключается в одном-единственном постулате. Милорд, существуют миры, где мужчины убивают женщин, как только те отложат яйца, существуют и другие — там женщины съедают мужчин в момент оплодотворения, как та мужеубийца, которую ты навязывал мне в родственницы.

— Но я же не это имел в виду, Стар.

— И я не обиделась, мой любимый. Оскорбление — как выпивка — действует, лишь когда оно принято. А гордость — слишком тяжелый багаж для моего путе-

шествия. У меня ее нет. Оскар, тебе те миры кажутся более странными, чем Невия?

— Ты же говоришь о пауках или о чем-то в таком роде. Это не люди.

— Нет, я говорю о людях, о доминирующих расах в каждом из этих миров. И притом высокоцивилизованных.

— Не может того быть!

— Ты бы воздержался от своего «не может того быть», если бы их увидел. Они так сильно обличаются от нас, что их семейная жизнь уже не имеет для нас особого значения. Наоборот, Невия похожа на Землю, и тем не менее ваши обычаи так шокировали бы старого Джоко, что он лишился бы языка. Дорогой мой, твой мир имеет обычай, который уникален и не встречается нигде, вернее, ни в одной из Двадцати Вселенных, известных мне из тысяч или миллионов Вселенных. В известных мне Двадцати Вселенных только Земля обладает таким поразительным обычаем.

— Ты говоришь о войне?

— О нет! Большинству миров война знакома. Только эта Невия... она одна из тех немногих, где убийство — дело розничное, а не оптовое. Тут есть герои, тут убийства возникают на почве страстей. Это мир любви и человекоубийства, причем и то и другое происходит с жизнелюбивой непринужденностью. Нет, я говорю о чем-то таком, что шокирует гораздо больше убийства. Попробуй догадаться сам.

— Гм... Телевизионные коммерческие передачи?

— Близко по духу, но от цели далеко. У вас есть такое выражение — «древнейшая профессия». Здесь и в других мирах она не числится даже в списке новейших. Никто о ней и не слыхивал, да и не поверит, если услышит. Мы — те немногие, кто побывал на Земле — не говорим об этой профессии. Впрочем, это не имеет значения, кто же верит россказням путешественников?

— Стар, ты хочешь сказать, что во всей Вселенной больше нигде нет проституции?

— Во всех Вселенных, милый. Нигде.

— Ты знаешь, моего первого сержанта от такого известия мог бы хватить удар. Как, вообще нет?

— Я хочу сказать, — резко ответила она, — что проституция, видимо, чисто земное изобретение. Сама

идея проституции могла бы довести Джоко до полной импотенции.

— Будь я проклят! Видимо, мы просто кучка дегенератов.

— Я не хотела тебя оскорбить, Оскар. Я придерживаюсь голых фактов. Но эта странность землян нисколько не кажется странной в земном контексте. Любой товар производится, чтобы быть проданным и купленным, он дается взаймы, сдается в аренду, служит для бартерных сделок, является основой существования всей системы торговых отношений, стимулируется государственной политикой, подвергается инфляции, реализуется на черном рынке, облагается законной пошлиной, обесценивается и т. д., а следовательно, и «женский товар», как его называли на Земле в менее ханжеские времена, не может служить исключением. Единственное, что вызывает удивление, так это чудовищная мысль, что женщина может рассматриваться как товар. Господи, это так удивило меня, что я однажды... Впрочем, это к делу не относится. Все можно сделать товаром. Когда-нибудь я покажу тебе цивилизации, существующие в космосе, не на планетах или на какомлибо другом фундаменте, а просто в космосе. Далеко не все вселенные имеют планеты. Так вот, у этих цивилизаций глоток жизни продается так же, как килограмм масла в Провансе. На других же планетах существует такая перенаселенность, что привилегия жить облагается налогом, а малолетних преступников немедленно уничтожают в Министерстве Вечных Доходов, и никто из жителей не возражает, наоборот, все очень довольны.

— Боже мой! Да почему же?

— Смерть — единственное решение их проблем, поскольку большинство не может эмигрировать, несмотря на обилие незаселенных планет. Но мы с тобой говорили о Земле. Проституция не только не известна нигде, кроме Земли, но нигде не известны и ее мутационные производные: приданое, выкуп невесты, алименты, раздельное проживание, то есть все те варианты, которые так специфичны для многих земных институтов, все те обычаи, которые, иногда весьма отдаленно, связаны с невероятным предположением, что все, чем

обладают женщины — товар, который можно запасать впрок и продавать на аукционах.

Арс Лонга издала звук, говоривший об обращении. Нет, я не думаю, что она что-нибудь поняла. Кое-что она понимает по-невиански, но Стар говорила на английском. Словарь невианского языка слишком беден для такой темы.

— Даже ваши вторичные обычаи, — продолжала она, — формируются под воздействием этого уникального института. Одежда, например. Ты заметил, что в Невии нет существенных различий между одеждой обоих полов. Сегодня утром я надела облегающие брюки, а ты — шорты, но если бы мы поменялись одеждой, никто бы не обратил внимания.

— Как же, не заметили бы! Твои штаны на меня не полезут.

— Они растягиваются. А стыд перед обнаженным телом — это же тоже следствие узкой половой специализации одежды! Здесь обнаженность так же обычна, как на том очаровательном маленьком островке, где я встретила тебя. Все лысые покрывают чем-то лысину, все остальные, независимо от прически, украшают свои волосы драгоценностями, но табу на обнаженное тело существует только там, где плоть является товаром, который упаковывают и помещают на витрину. И все это есть на Земле. Между прочим, все это близко таким вещами, как объявление «Грейпфруты руками не мять» или как двойное дно в ящиках для ягод. Если вам не намерены всучить какое-то гнильцо, то зачем прятать его под пологом таинственности?

— Следовательно, если мы откажемся от одежды, то разделаемся и с проституцией?

— Господи, да нет же! Ты все ставишь вверх ногами. — Она нахмурилась. — Я понятия не имею, как ликвидировать проституцию на Земле. Она, в сущности, часть всего вашего образа жизни.

— Стар, ты ошибаешься! В Америке проституции практически нет.

— В самом деле? — удивилась она. — Но разве слово «алименты» изобрели не в Америке? А такие слова, как «золотоискательница»? «Девушка по вызову»?

— Да, но проституция как таковая почти вымерла. Черт возьми, я даже не знаю, как задать вопрос, есть ли публичный дом, в каком-нибудь военном поселке. Не хочу сказать, что у нас негде «поваляться на сене», но это же не за деньги! Стар, если даже о какой-нибудь американке говорят, что она «легкого поведения», то, если ей предложат пять или двадцать долларов, в девяти случаев из десяти можно получить по морде.

— А как же это делается?

— Ну, ты обращаешься с ней вежливо. Ведешь ее поужинать, может быть — в театр. Покупаешь ей цветы — девушки их обожают. Ну а затем делаешь ей в деликатной форме предложение.

— Оскар, разве этот ужин, театр, а возможно, и цветы, не стоят больше пяти долларов? Или даже двадцати? Я слышала, что цены в Америке выше, чем во Франции.

— Да, конечно. Но нельзя же ожидать, что тебе стоит лишь раскланяться, как девушка тут же готова лечь. Толстый кошелек...

— Все! Обвинительное заключение вручено. Все, что я говорила, сводится к одному: обычаи могут резко отличаться в различных мирах.

— Это верно даже для Земли... Но...

— Пожалуйста, не торопись, милорд. Я не буду оспаривать достоинства американок и не буду их критиковать. Если бы я выросла в Америке, думаю, потребовала бы как минимум бриллиантовый браслет, а не ужин или киношку. Но все это лишь подходы к вопросу о законах природы. Разве презумпция неизменности законов природы не является ничем не обоснованной даже на Земле?

— Ну... Ты неправильно формулируешь. Это действительно презумпция, насколько я понимаю. Но пока не было случаев, чтобы она не подтвердилась.

— Значит, черных лебедей не бывает? Разве не может быть, что исследователь, увидев исключение, предпочтет не поверить собственным глазам? Точно так же как ты не хочешь поверить, что Игли съел самого себя при твоей помощи, мой Герой? Впрочем, не в этом дело. Давай оставим Сократа его Ксантиппе. Законы природы могут быть неизменными в пределах какой-то

Вселенной, особенно из категории «устойчивых». Хорошо известно, однако, что законы природы варьируются от Вселенной к Вселенной, и тебе следует смириться с этим, милорд, иначе никто из нас долго не проживет.

Я задумался. Черт, но куда же в самом деле девался Игли?

— К такой мысли трудно привыкнуть!

— Не более трудно, чем свыкнуться со сменой языков и обычаев при переезде из одной страны в другую. Скажи, как много химических элементов на Земле?

— Девяносто два, да еще несколько производных, так что всего сто шесть или сто семь.

— В Невии примерно столько же. Тем не менее, земной химик испытал бы здесь сильный шок. Электроны тут не вполне те же и ведут себя не совсем так, как на Земле. Водородная бомба здесь не сработает, динамит не взорвется.

Я воскликнул громче чем требовалось:

— Подожди-ка! Уж не хочешь ли ты доказать, если смотреть в корень, что электроны и протоны тут не такие?

Она пожала плечами.

— Может — да, а может — нет. А что такое электроны, как не математическая абстракция? Ты какой-нибудь из них пробовал на вкус? Пытался насыпать соли на хвост кванту? Разве в этом дело?

— Конечно, в этом! Ведь человек может умереть от нехватки некоторых элементов так же легко, как от отсутствия хлеба!

— Это правда. В некоторые миры мы — люди — должны брать с собой пищу, когда отправляемся туда, ну например, если нам необходимо туда попасть для пересадки с места на место. Но в Невии и в каждой из Вселенных и бесчисленных планет, где живем мы — люди, нам нет нужды беспокоиться: местная пища вполне пригодна для еды. Конечно, если бы ты жил тут долгие годы, а потом вернулся на землю, и вскоре умер там, и было бы сделано вскрытие, то патологоанатомы, должно быть, не поверили бы своим глазам. Однако желудку до этого дела нет.

Я подумал о своем желудке, набитом удивительной пищей, о воздухе — чистом и прекрасном... Телу моему явно было безразлично, существуют ли различия, о которых говорила Стар. Затем я вспомнил об одном деле, где мелкие отклонения могут вызвать важнейшие последствия. Я спросил Стар об этом.

Ее взгляд был светел и невинен:

— А что тебе до этого, милорд? Когда у Дораля возникнут проблемы, тебя уж тут давно не будет. Я считала, что все эти три дня у тебя была лишь одна цель — помочь мне в решении моей задачи. Получая известное удовольствие от этой работы, ты отдался ей душой и телом...

— Дьявольщина, да прекрати ты смеяться надо мной, Стар! Правильно, я все это делал ради тебя! Но поинтересоваться-то все-таки можно?

Она хлопнула меня по мягкому месту и захихикала:

— Ох, мой милый, мой родной! Не надо так напрягаться — человеческие расы во всех Вселенных могут скрещиваться. Некоторые результаты такой операции очень хороши, в других случаях дело кончается тем же, чем у мулов. Но этот случай — иной. Ты можешь жить в Невии сколько угодно долго, даже не возвращаться на Землю. И ты не стерилен, это я установила во время осмотра твоего великолепного тела в Ницце. Разумеется, прогнозировать с точностью, как лягут игральные кости, нельзя, но думаю, у Дораля не будет оснований для разочарования.

Она склонилась ко мне:

— А не ознакомишь ли ты своего врача с более точными данными, чем те, о которых распевал Дораль? Тогда бы я могла определить статистическую вероятность. Или даже воспользоваться Знанием.

— Ни в коем случае! Нечего тут вынюхивать!

— Вынюхивать? Вот даже как? Ну, как угодно милорду. Тогда, если отрешиться от личностей, то факт возможности скрещивания людей различных рас из разных Вселенных, равно как и таких животных, как кошки и собаки, — вопрос в высшей степени интересный. Единственно, что установлено точно — это то, что человеческие существа процветают лишь во Вселенных, обладающих химическим обменом столь сходным,

что элементы, составляющие ДНК, практически не различимы.

Что же до остального, то у каждого ученого — свои гипотезы. Некоторые прибегают к теологическим объяснениям, считая, что человек возникал в каждой Вселенной, которая могла обеспечить его развитие, как результат или Божественного промысла, или Слепой необходимости, что заставляет последователей этих ученых принимать религию в чистом виде или разбавлять ее содовой водичкой.

Другие думают, что мы возникли (или сотворены) лишь однажды и только потом постепенно проникали в другие Вселенные. Они очень любят рассуждать о том, какая именно Вселенная была родиной Человечества.

— А какие тут могут быть споры? — возразил я. — Земля обладает археологическими доказательствами, рисующими всю эволюцию человека. Другие планеты или имеют такие же, или — нет, так что вопрос должен решаться просто.

— Ты уверен, милорд? Я слышала, что генеалогическое древо человека на Земле имеет не меньше пунктирных линий, чем число бастардов в королевских семействах Европы.

Я опять заткнулся. Я ведь читал только научно-популярные брошюрки, так что, возможно, она права. Раса, которая не может выяснить, кто и что именно сделал кому-то в войне, случившейся лишь двадцать лет назад, уж конечно, не может знать, что какой-нибудь Алле-Оп сделал третьей горничной миллионы лет назад, поскольку от доказательств осталась лишь одна косточка. А подделок разве не было? Этот... Пилтдаунский человек *, или как его там...

Стар продолжала:

— Какова бы ни была истина, но между мирами существуют связи. На твоей собственной планете исчезновения людей исчисляются сотнями тысяч. И это отнюдь не одни беглецы и мужья, бросившие жен. Чаще всего исчезновения происходят на полях сраже-

---

* Пилтдаунский человек — останки якобы древнего человека, обнаруженные в Англии где-то в 1909—1915 годах. В 1953 г. доказано, что это подделка.

ний. Давление становится столь невыносимым, что человек проваливается сквозь дыру, о которой и не подозревал, и оказывается в списках пропавших без вести. Иногда, но очень редко, другие люди наблюдают такие исчезновения. Один из ваших писателей — Бирс или Пирс * — коллекционировал подобные истории, пока сам не попал в такую коллекцию.

Но Земля имеет и обратные связи, например известный Каспар Хаузерс — человек ниоткуда, говоривший на непонятном языке и так и не поведавший, кто он такой.

— Минутку! Но почему только люди?

— А я не говорила «только люди». Тебе приходилось слышать о дождях из лягушек? Из камней? О кровавых дождях? Кто будет интересоваться местом рождения бродячего кота? Все ли «летающие тарелки» — оптическая иллюзия? Могу твердо сказать, что нет. Некоторые из них — несчастные астронавты, ищущие дорогу домой. Мой народ редко прибегает к космическим путешествиям, так как передвижение быстрее света — самый надежный способ заблудиться между Вселенными. Мы предпочитаем более безопасный метод метафизической геометрии, или «магии» в просторечии. — Стар задумалась, а потом сказала: — Милорд, твоя Земля — возможный Дом Человечества. Так считают многие ученые.

— Почему?

— Она соприкасается со многими мирами. Занимает первое место по числу пересадочных мест. Если народы Земли сделают ее непригодной для жизни — что маловероятно, но возможно, — то будут разорваны связи со многими Вселенными. Земля имела свои «круги фей», «врата» и «мосты» на протяжении множества веков. Врата, которыми мы пользовались в Ницце, существуют как минимум с доримских времен.

— Стар, как можно говорить о точках «соприкосновения» Земли с другими мирами, якобы существующими множество столетий? Ведь Земля движется вокруг Солнца со скоростью что-то вроде 20 миль в секунду.

---

* Бирс Амброз, известный американский писатель, пропавший без вести в Мексике в 1931 г.

Кроме того, она вращается вокруг своей оси, на нее оказывают воздействие другие тела Солнечной системы, что делает ее орбиту невероятно сложной, а скорость движения трудновычислимой. Как же можно обеспечить «постоянство касания»?

Некоторое время мы ехали молча, потом Стар спросила:

— Мой Герой, сколько времени тебе потребовалось, чтобы изучить дифференциальное исчисление?

— Я его не изучил. А учился ему два года.

— Скажи мне, частица может быть волной?

— Что? Стар, это же квантовая механика, а не дифференциальное исчисление. Я мог бы попытаться объяснить, но это бессмысленно. Я же плохо владею высшей математикой — инженеру это не нужно.

— Было бы проще, — сказала она мягко, — ответить на твой вопрос словом «магия», как ты ответил мне термином «квантовая механика». Но ты это слово не любишь. Поэтому мне придется сказать, что после того, как ты изучишь высшую геометрию, метафизическую, вероятностную, равно как топологическую и здравомысленную — если ты решишься предпринять это, — я тебе с удовольствием отвечу. Впрочем, тогда тебе уже незачем будет и спрашивать.

(Вам когда-нибудь говорили: «Подожди пока вырастешь, тогда и поймешь»? Я в детстве не любил получать такой ответ от взрослых, каково же мне было услышать его сейчас, когда я давно вырос, да еще от любимой!)

Стар не позволила мне погрузиться в мрачное состояние и переменила тему:

— Скрещивание происходит не только в результате внезапных перемещений или космических перелетов. Слышал ли ты когда-нибудь об инкубах и суккубах *?

— Разумеется. Только никогда не забивал голову мифами.

— Это не мифы, милый, сколько бы раз легенды ни использовались для объяснения весьма непривлекательной ситуации. Колдуны и колдуньи далеко не всегда святые, и у некоторых из них появляется страсть к

---

* Персонажи средневековой демонологии.

насилию. Колдуны, узнавшие, как отворяются врата, могут легко удовлетворить свой порок. Он — или она — могут напасть на спящего — девственницу, добродетельную жену, невинного мальчика — и подчинить их волю, а потом исчезнуть до крика петуха. — Стар вздрогнула. — Грех во всем своем безобразии! Если мы их ловим, то убиваем на месте. Мне посчастливилось схватить нескольких и уничтожить. Это страшный грех, даже если жертве начинает нравиться ее судьба. — Ее снова передернуло.

— Стар, а каково твое определение греха?

— А разве их несколько? Грех — это жестокость, несправедливость, все остальное — пустяки. О, понятие греха идет от нарушения обычаев твоего племени. Но нарушение обычаев — не есть грех, даже если ощущается как таковой. Грех — причинение вреда другому человеку.

— А как же грех перед Господом Богом?

Она бросила на меня быстрый взгляд:

— Опять бреем брадобрея? Тогда скажи, милорд, что ты понимаешь под Богом.

— Я просто хотел услышать, как ты выберешься из ловушки.

— Ну в такую-то ловушку я не попадалась уже многие-многие годы. Это для меня все равно что попытаться сделать выпад с вывихнутой рукой или войти в пентаграмму одетой. Кстати о пентаграммах, милорд. Мы едем не в том направлении, в каком намечали три дня назад. Теперь мы направляемся к другим вратам, которыми я не намеревалась воспользоваться. Они более опасны, но тут уж выбирать не приходится.

— Моя вина. Я очень сожалею, Стар.

— Это моя вина, милорд. Но мы не в полном проигрыше. Когда мы потеряли наш багаж, я была в большем отчаянии, чем могла позволить себе показать, хотя я всегда чувствую себя плохо, когда перевожу огнестрельное оружие через мир, где к нему нельзя прибегнуть. Но наша складная шкатулка заключала в себе кое-что гораздо более важное, чем оружие — вещи, без которых мы становились беззащитными. Время, которое ты потратил на излечение сердечных ран дам дома Дораля, я, частично во всяком случае, использова-

ла, чтобы выудить у Джоко новую шкатулку, в которой есть все, что может пожелать душа, кроме огнестрельного оружия, Так что у нас — не одни потери.

— Мы направляемся в другой мир?

— И не позже завтрашнего утра, если доживем до него.

— Какого черта, Стар! Вы с Руфо разговариваете так, будто каждый вздох может быть последним.

— Именно так и может произойти.

— Но сейчас-то ты не ждешь засады! Мы все еще находимся на земле Дораля. Однако Руфо полон страшных предчувствий, как в плохой мелодраме. Да и ты не многим лучше его.

— Очень сожалею. Руфо волнуется, но он — именно тот человек, которого хорошо иметь за спиной, когда начнется потасовка. Что касается меня, то я стараюсь быть честной, милорд, и предупреждать тебя о том, что ждет нас впереди.

— Ну, пожалуй ты меня скорее сбиваешь с толку. Не думаешь ли ты, что уже пришло время выложить карты на стол?

Стар была в явном затруднении.

— А если первой из них окажется «Висельник»*?

— Плевать! Я могу встретить опасность, не падая в обморок.

— Знаю, что можешь, мой рыцарь!

— Спасибо. Но незнание задачи угнетает меня. Поэтому — говори!

— Я отвечу на любой твой вопрос, милорд Оскар. И всегда была готова ответить.

— Но ты же знаешь, что мне неизвестно, какие именно вопросы следует задать. Возможно, почтовому голубю и не надо знать, из-за чего идет война, но я чувствую себя воробьем в роли волана в бадминтонном матче. Поэтому начнем с начала.

— Как прикажете, милорд... Около семи тысяч лет назад... — Стар замолчала. — Оскар, ты хочешь узнать все перипетии положения мириад миров Двадцати Вселенных в течение многих тысяч лет, приведших к нынешнему кризису, сейчас же? Я постараюсь, если ты

---

* Карта в колоде гадальных карт, предвещающая несчастье.

прикажешь, но даже дать общее представление об этом можно только за гораздо большее время, чем у нас осталось, чтобы пройти через врата. Ты мой рыцарь, сама моя жизнь зависит от твоей храбрости и умения. Тебе нужно знать все изгибы политики, лежащей за моим теперешним бессилием и за почти безнадежным, если исключить надежду на тебя, будущим, или я могу остановиться на тактической оценке ситуации?

(Черт их возьми! Я хочу знать все!)

— Ладно, давай ограничимся тактической стороной. Пока.

— Обещаю, — сказала она серьезно, — что, если мы останемся живы, ты узнаешь все детали. Ситуация же такова: я собиралась пересечь долину Невии на лодке, затем добраться до гор и проникнуть во врата, расположенные за Вечными вершинами. Этот путь безопасен, хотя и длинен. Теперь мы должны торопиться. Мы свернем с дороги после полудня и поедем через дикую местность и местность еще худшую в ночное время. К тамошним вратам мы должны добраться до рассвета. Если повезет, сможем немного поспать. Я надеюсь на это, так как через эти врата мы перенесемся в другой мир к еще более опасному «выходу».

Попав в тот мир — а он называется Хокеш или Карт — в Карт-Хокеш, мы окажемся вблизи, даже опасной близи, от высокой башни — высотой около мили — и тут-то и начнутся главные трудности. В башне находится Никогда-Не-Рожденный Пожиратель Душ.

— Стар, ты хочешь меня запугать?

— Предпочитаю, чтобы ты испугался здесь, если это возможно, а не был захвачен врасплох там. Моя мысль, милорд, такова, что об опасностях надо предупреждать по мере их появления, чтобы ты смог преодолевать их по очереди. Но ты почти силой заставил меня действовать иначе.

— Возможно, ты права. Сделаем так — ты будешь сообщать мне детали каждый раз, когда начнется дело, а пока изложи мне все лишь в общих чертах. Итак, я должен буду сразиться с Пожирателем Душ, да? Это меня не путает. Если он попытается слопать мою, его стошнит. Чем я буду с ним драться? Плевками?

— Это один из способов, — на полном серьезе ответила Стар. — Но при удаче мы не будем с ним драться вообще. Нам нужно только то, что он охраняет.

— А что это?

— Яйцо Феникса.

— Феникс не откладывает яиц.

— Знаю, милорд. Это и делает яйцо уникально ценным.

— Но...

Она перебила меня:

— Так оно называется. Это небольшой предмет, чуть больше яйца страуса, черного цвета. Если я его не получу, произойдет много бед. Из них самая малая — я умру. Говорю об этом, так как тебе это обстоятельство может показаться значительным, да и сказать эту правду легче, чем разъяснять проблему в целом.

— Ладно. Мы украли Яйцо. Что дальше?

— Дальше — мы едем домой. После этого ты можешь отправиться обратно в свой мир. Или остаться в моем. Или отправиться куда хочешь через Двадцать Вселенных и мириады миров. Все, что тебе захочется, все сокровища — твои. Ты заработал право на все и даже больше того... А также на мою невыразимую благодарность и на все, что ты от меня захочешь получить.

(Самый щедрый чек на предъявителя, который когда-либо выписывался, если, конечно, мне удастся его предъявить к оплате.)

— Стар, ты, по-видимому, не думаешь, что мы выживем?

Она глубоко перевела дух:

— Это маловероятно, милорд. Говорю тебе правду. Сделанная мной ошибка заставляет прибегнуть к очень опасной альтернативе.

— Понятно. Стар, ты выйдешь за меня замуж? Сегодня же?

(Да, пойми этих женщин!)

— Эй, полегче! Не падай! — Правда, упасть она не могла — предохраняющий ремень хорошо ее держал. Она только перевесилась через него. Я наклонился и обнял ее за плечи. — И перестань плакать. Ответь мне просто — да или нет, я же все равно буду драться за

тебя. Ох, я забыл! Я люблю тебя. Во всяком случае, думаю, что это любовь. Странное, щекочущее чувство возникает каждый раз, когда я вижу тебя или думаю о тебе, что бывает чаще.

— Я тоже люблю тебя, милорд, — голос Стар слегка охрип. — Люблю с тех пор, как впервые увидела тебя. Да, «странное щекочущее чувство», как будто у меня внутри все тает.

— Ну, у меня не совсем так, — признался я. — Скорее совсем наоборот, но означает оно то же самое. Щекотно, во всяком случае. Бросает в дрожь и в жар. Так как насчет того, чтобы пожениться?

— Но, милорд, любовь моя, ты, как всегда, меня поражаешь. Я знала, что ты любишь меня. Надеялась, что ты скажешь мне об этом до того... ну, в общем, вовремя. Дай мне услышать это еще раз. Но я никак не ожидала, что ты захочешь на мне жениться!

— А почему бы и нет? Я — мужчина, ты — женщина. Дело обычное.

— Но... О мой любимый, я же говорю тебе... На мне вовсе не обязательно жениться! По твоим представлениям, я — стерва.

— Стерва, колдунья, ну и что? Да пес с ним, радость моя! Это твой мир, а не мой. Ты почти убедила меня, что правила, в которых я был воспитан — варварские, а твои — первый сорт. Лучше высморкайся, погоди-ка, у меня где-то был носовой платок...

Стар вытерла глаза и высморкалась, но вместо ожидаемого «да, милорд» она уселась поудобнее и даже не улыбнулась.

— Милорд Герой, а не лучше ли вам попробовать рюмку вина перед тем, как покупать целую бочку?

Я сделал вид, что не понял.

— Пожалуйста, милорд, мой любимый, — настаивала она. — Я говорю серьезно. Вон там, по твою сторону дороги, чуть дальше по курсу, есть зеленая лужайка. Веди меня туда, и я тут же, и охотно, последую за тобой.

Я привстал в кресле и притворился, что внимательно изучаю лужок.

— По-моему, там колючки. Будут царапать.

— Тогда выбери по своему вкусу. Милорд, я хочу, я жажду, я не безобразна, но ты вскоре узнаешь, что я — всего лишь уличный маляр в сравнении с теми художниками, которых ты еще встретишь. Я деловая женщина. У меня не было времени заняться глубоким изучением любви, как она того заслуживает. Поверь мне! Нет, лучше испытай меня! Ты же не уверен, что в самом деле хочешь жениться на мне.

— Значит, ты фригидна и неуклюжа?

— Нет... так бы я не сказала... Просто не очень искусна, но полна энтузиазма.

— Ага, как твоя тетка со своей набитой спальней, это у вас в крови, ты говорила. Давай остановимся на том, что я хочу жениться на тебе, несмотря на все твои очевидные недостатки.

— Но...

— Стар, ты что-то много стала болтать.

— Да, милорд.

— Нам нужно вступить в брак. Как тут это делается? Может быть, местный лорд по совместительству является и мировым судьей? А если да, то не пользуется ли он правом droit du seigneur? У нас нет времени на такие фривольности.

— Каждый сквайр — действительно мировой судья, — в раздумье сказала Стар. — И он действительно заключает браки, хотя большинство жителей Невии обходятся без них. Но... да, он и в самом деле будет ожидать выполнения droit du seigneur, и, как ты справедливо заметил, мы не должны терять время.

— Да это и не входит в мои представления о медовом месяце. Стар, погляди на меня. Я не собираюсь держать тебя в клетке, знаю, ты воспитана иначе. Но сквайра мы искать не будем. А есть тут что-нибудь вроде священников? Только желательно таких, что хранят целомудрие.

— Видишь ли, сквайр — одновременно и священник. В Невии религия не занимает большого места. Молитва о плодородии — вот и все, что их интересует. Милорд, любовь моя, самый простой способ — прыгнуть через шпагу.

— Такова церемония в твоем мире, Стар?

— Нет, скорее, это в твоем:

Шлюха, скачи же, прыгай же, вор —
Будьте супругами вы с этих пор.

Это очень древний обряд.

— М-м-м... Не очень-то по душе мне такой брачный гимн. Возможно, я и разбойник, но мне хорошо известно, что ты думаешь о шлюхах. А что еще предложишь в этом плане?

— Дай подумать. В деревушке, которую мы будем проезжать после завтрака, есть Глашатай. Они иногда женят горожан, которые хотят, чтобы слух об их свадьбе распространился как можно шире. Брачная церемония включает распространение слухов.

— А что за церемония?

— Не знаю. Да и что нам до этого? Мы же все равно будем мужем и женой.

— Молодец! Вот это по-нашему! Не будем завтракать!

— Нет, милорд, — твердо сказала Стар. — Уж если я стану твоей женой, то постараюсь быть хорошей хозяйкой и не позволю тебе ходить голодным.

— Уже начинаешь пилить меня! Придется, видно, тебя поколотить.

— Как вам заблагорассудится, милорд. Но есть все же придется, ведь тебе потребуются все силы для...

— Ну еще бы!

— ...для битвы. Ибо сейчас я в десять раз больше хочу, чтобы мы оба остались в живых. А вот и местечко для завтрака!

И Стар повернула Виту Бревис к обочине. Арс Лонга последовал за ней. Стар глянула на меня через плечо, на щеках у нее появились ямочки.

— Я тебе уже говорила сегодня, любовь моя, что ты прекрасен?

11

Многоножка Руфо последовала за нами на покрытую травой лужайку, выбранную Стар для пикника. Сам Руфо своей вялостью больше всего напоминал мокрый носок, но храпел громко. Я бы не трогал Руфо, но Стар крепко встряхнула его за плечо.

Он моментально проснулся, начал искать шпагу, крича:

— A moi! M'aidez! Les vaches*! — К счастью, какой-то доброжелатель положил шпагу с перевязью подальше на заднюю багажную полку, вместе с луком и новой раскладной шкатулкой.

Потом Руфо встряхнул головой и спросил:

— Сколько их тут было?

— Это было далеко отсюда, старина, — весело ответила Стар. — Мы остановились поесть.

— Есть! — Руфо сглотнул, и его всего передернуло. — Ради Бога, миледи! Избавьте меня от ваших непристойностей! — Он что-то сделал со своим поясом безопасности и выпал из седла. Я успел подхватить его.

Стар порылась в своей сумочке, вынула из нее флакон и протянула Руфо. Тот отшатнулся:

— Миледи!

— Ну что, мне самой зажать тебе нос? — ласково спросила она.

— Сейчас буду в полном порядке... дайте мне только минуту... и чего-нибудь покрепче...

— Разумеется, сейчас ты будешь в порядке! Попросить милорда Оскара, чтобы он придержал тебя за руки?

Руфо жалобно посмотрел на меня. Стар открыла пузырек. Его содержимое запенилось, из горлышка бурно пошел дым.

— Ну же!

Руфо весь перекосился, заткнул нос и выпил до дна.

Не буду утверждать, что из ушей Руфо пошел дым. Но его затрясло, словно брезент на веревке во время грозы, раздались какие-то ни на что не похожие звуки. Затем он как-то вдруг снова оказался в фокусе, как телевизионное изображение. Теперь он стал явно больше по весу, на несколько дюймов выше ростом и несравненно более устойчив. Его кожа приобрела ярко-розовый оттенок вместо прежнего мертвенно-бледного.

— Благодарю, миледи! — сказал он весьма живо, и голос его был чист и свеж. — Надеюсь когда-нибудь отплатить вам той же монетой.

— Разве что когда греки снова начнут отсчитывать время по календам, — согласилась Стар.

---

* Ко мне! На помощь! Фараоны! (*фр.*).

Руфо отвел многоножек в сторонку, накормил их, открыл шкатулку и достал большие куски свежего мяса. Арс Лонга съела не меньше полцентнера, Вита Бревис и Морс Профунда — еще больше. В пути эти животные требуют высокобелковой диеты. Закончив эту работу, Руфо присвистнул и стал готовить стол и стулья для Стар и меня.

— Цветочек, — спросил я Стар, — а что это еще за оживитель?

— Это старый семейный рецепт:

Зев ехидны, клюв совиный,
Глаз медянки, хвост угриный,
Шерсть кожана, зуб собачий
Вместе с пастью лягушачьей *...

— Шекспир, «Макбет».

— ...Вслед за жабой в чан, живей... Нет, милорд, Уилл получил его от меня. Такой уж народ эти писатели — тянут все, что плохо лежит, стачивают напильником заводские серийные номера, а потом говорят, что это ими придумано. Я же получила рецепт от моей тетушки — другой, той, что была профессором медицины по внутренним органам. Стишок облегчает запоминание, настоящие же ингредиенты куда сложнее, ведь никто не знает, когда именно тебе может понадобиться лекарство от похмелья. Я составила его вчера вечером, зная, что Руфо, хотя бы ради целости наших драгоценных шкур, должен быть сегодня в отличной форме. На всякий случай, любовь моя, я приготовила две порции — одну в расчете на тебя. Ты ведь привык прощаться с нашей аристократией в весьма поздний час.

— Семейный недостаток. Ничего не могу поделать.

— Завтрак готов, миледи.

Я предложил Стар руку. Горячие блюда были горячи, холодные закуски — охлаждены. Эта новая шкатулка ярко-зеленого цвета с чеканным изображением герба Дораля имела приспособления, отсутствующие у потерянной. Все было безумно вкусно, а вина — превосходны.

---

* Шекспир У. ПСС в 8 томах. М.: Искусство.

Руфо ел с аппетитом за своим столиком и внимательно поглядывал на нас. Когда он подошел к нашему столу, чтобы добавить вина в салат, я выложил ему новости:

— Руфо, старый товарищ, миледи Стар и я сегодня сочетаемся браком. Прошу тебя быть моим шафером и оказать помощь в этом деле.

Бутылка выпала из рук Руфо.

Потом он принялся обтирать меня и вытирать стол. Когда же он наконец закончил, то заговорил, обращаясь исключительно к Стар.

— Миледи, — с трудом выговорил он. — Я мирился со многим и ни разу не жаловался, по причинам, о которых я умолчу. Но сейчас вы зашли слишком далеко. Я не позволю...

— А ну-ка, прикуси язычок!

— Да, — согласился я, — прикуси, а то я возьму нож и отрежу кусок. Что мы с ним сделаем? Зажарим? Отварим?

Руфо взглянул на меня, потом резко повернулся и ушел к своему столику. Стар сказала тихонько:

— Милорд, любовь моя, мне очень жаль.

— Что это? Кто его укусил? — Затем в голову пришло самое ужасное: — Стар! Руфо ревнует?

Она ужасно удивилась, начала хохотать, потом тут же остановилась:

— Нет, нет! Дело совсем в другом. Руфо... Ладно у Руфо свои странности, но на него можно положиться в главном. А он сейчас просто необходим. Не обращай внимания. Прошу тебя, милорд.

— Как прикажешь. Для того чтобы я перестал себя чувствовать счастливым в такой день, потребуется нечто более существенное.

К столу Руфо вернулся с уже ничего не выражающим лицом и продолжал прислуживать нам. Затем, не говоря ни слова, сложил багаж и мы тронулись в путь.

Дорога привела нас к деревенскому выпасу. Здесь мы оставили Руфо и пошли разыскивать Глашатая. Его лавочка находилась в косом переулке, где обнаружить ее было довольно легко. Подмастерье Глашатая бил в барабан прямо у входа, выкрикивая выборку из сплетен толпе местных жителей. Мы растолкали толпу и вошли в дом.

Сам Глашатай сидел за столом, держа в каждой руке по бумаге. Третий манускрипт служил подставкой для его ног, покоившихся на столешнице. Он поднял глаза, быстро опустил ноги на пол, вскочил, шаркнул ножкой и жестом указал нам на кресла.

— Входите, входите, ваши благородия, — разливался он. — Вы оказываете мне огромную честь, это великий для меня день. И тем не менее, если осмелюсь так выразиться, вы явились по правильному адресу, какова бы ни была ваша проблема и в чем бы вы ни нуждались; вами нужно только намекнуть хорошие новости плохие новости новости любого сорта кроме печальных отмывание пятен с репутаций события прихорашивающие историю прославление заново осмысленных великих дел качество любой работы гарантируется старейшим агентом новостей в Невии новости из всех миров всех Вселенных становление или ликвидация пропаганды или изменение каналов ее распространения гарантируется полное удовлетворение всех желаний заказчиков честность лучшая политика но клиент всегда прав не говорите ничего я все знаю все знаю у меня глаза в каждой кухне и уши в каждой спальне вы без сомнения Герой Гордон и ваша слава милорд не требует герольдов но я польщен что вы разыскали меня вероятно из благородных побуждений биографического характера чтобы биография соответствовала вашим несравненным деяниям например старая нянюшка которая вспомнит своим тоненьким стареньким но убедительным голоском все знамения и предзнаменования предшествующие вашему рождению...

— Мы хотим вступить в брак, — врубилась Стар в его речь.

Рот Глашатая захлопнулся, он бросил острый изучающий взгляд на талию Стар, за что чуть не схлопотал от меня хорошую плюху.

— Какое удовольствие иметь дело с клиентами, которые знают, чего хотят! Я с радостью поддержу такое начинание как имеющее огромное общественное значение. Все эти новомодные бегства с любимыми, гражданские браки и внебрачные ласки даже без поздравлений и благословений парочки родных и знакомых лишь содействуют росту налогов и сокращению доходов, уж

это точно. Я сам глубоко сожалею, о чем неоднократно говаривал своей жене, что у меня не нашлось времени жениться. Теперь, что касается дальнейших планов, то если я могу внести свои скромные предложения...

— Мы хотим повенчаться по законам Земли.

— А, очень разумно... — Глашатай повернулся к шкафу, стоящему рядом со столом, и покрутил наборный диск. Подождав немного, сказал: — Извините, пожалуйста, ваши благородия, но мой мозг перегружен миллионами различных фактов — больших и малых и... как вы сказали... это название начинается с буквы З?

Стар подошла к шкафу, внимательно рассмотрела диск и покрутила его.

Глашатай только хлопал глазами.

— Ах, это та Вселенная? У нас о ней так редко спрашивают! Я часто сожалею, что у меня нет времени на путешествия... все дела, дела, дела... Библиотека!

— Слушаю, мастер, — раздался голос.

— Планета Земля, брачные обычаи... Большое З, потом тета, — и он добавил еще пять групп чисел. — Да побыстрее!

Через несколько минут в комнату вбежал подмастерье с тонким свитком в руках.

— Библиотекарь сказал, что с этим надо поосторожнее... Сказал, что это очень опасно. Он велел...

— Заткнись! Прошу прощения у ваших благородий. — Глашатай вложил свиток в читальную машину и начал сканировать.

Глаза у него полезли из орбит, он приник к экрану.

— Невероятно! Удивительно! — На какое-то время он, казалось, забыл о нашем присутствии и только время от времени издавал возгласы: — Поразительно! Фантастика! — и тому подобное.

— Мы очень торопимся, — дотронулся я до его локтя.

— А? Да, да, милорд Герой Гордон, а также миледи. — Глашатай без всякой охоты оторвался от сканера и сложил ладони у груди. — Вы пришли именно туда, куда надо. Ни один другой Глашатай Невии, полагаю, не смог бы осуществить проект такого значения. Сейчас, думаю — впрочем, это лишь очень приблизительное умозаключение, — для организации свадебной процес-

сии нам придется созвать всех жителей из сельской округи, но для карнавала нужно будет использовать только горожан, если вы хотите, чтобы последний был скромен в соответствии с вашей репутацией любителей скромности и простоты. Итак, скажем, один день на процессию и минимум две ночи для карнавала с гарантированным уровнем шума...

— Хватит!!!

— Милорд? Я же не собираюсь извлекать из этого выгоду! Это будет художественная работа, любовного исполнения — только оплата издержек и маленькая сумма сверх — для вознаграждения моего начальства. Кроме того, как профессионал, скажу, что самоанский обычай, предшествующий свадьбе, более тонок, более трогателен, нежели вовсе не обязательный зулусский. Что касается привнесения некоторого элемента юмора, то это бесплатно. Одна из моих служащих находится сейчас как раз на седьмом месяце, и она с восторгом примет поручение вбежать по церковному проходу и прервать церемонию бракосочетания. Затем нам следует решить вопрос о свидетелях успешного завершения брачных отношений и сколько их понадобится с обеих сторон. Впрочем, этот вопрос может быть отложен на недельку. Нам в первую очередь нужно подумать об украшении и о...

— Пошли отсюда! — я взял Стар за руку.

— Конечно, милорд, — согласилась она.

Глашатай гнался за нами, громко вопя о нарушении контракта. Пришлось положить руку на эфес и показать ему шесть дюймов клинка. На этом торг и закончился.

Руфо, казалось, перестал сердиться и успокоился; он вежливо и даже мило приветствовал нас. Мы сели на коней и поскакали. Когда мы проехали с милю в восточном направлении, я сказал:

— Стар, дорогая!

— Что, милорд, любовь моя?

— Этот прыжок через шпагу — в самом деле брачная церемония?

— Очень древняя, милорд. Думаю, относится ко времени крестовых походов.

— Считаю, что слова нуждаются в модернизации:

Скачи же, принцесса, прыгай же, вор —
Моя жена ты навек с этих пор.

Тебя так устроит?

— Да, да!

— Но ты вторую строчку скажешь так: «Твоя жена я навек с этих пор». Поняла?

— Да, да, да, любовь моя! — воскликнула Стар.

Мы оставили Руфо с многоножками и, ничего ему не говоря, взобрались на невысокий лесистый холм. Невия прекрасна вся, и ни одна консервная банка или использованная бумажная гигиеническая салфетка фирмы «Клинекс» не марает эту райскую красоту, но это место было настоящим храмом под открытым небом: покрытая нежнейшей травой лужайка, окруженная аркадами деревьев, — восхитительное убежище для влюбленных.

Я обнажил свою шпагу, оглядел ее, ощущая сказочную сбалансированность клинка, на котором легкие удары молота мастера-оружейника оставили лишь слабую рябь.

— Прочти девиз, Стар.

Она разобрала надпись: «Dum vivimus, vivamus!» — «Пока мы живы, будем жить!»

— Да, да, моя любовь! — Она поцеловала клинок и отдала его мне. Я положил шпагу на землю.

— Помнишь текст?

— Он навечно в моем сердце.

Я взял ее за руку.

— Прыгай выше. Раз... Два... Три!

12

Когда я свел новобрачную вниз по склону того благословенного холма, обнимая ее за талию, Руфо помог нам сесть на «лошадей». Никаких комментариев с его стороны не последовало. Вряд ли он пропустил мимо ушей, что Стар теперь обращалась ко мне словами «милорд муж». Руфо поехал за нами, соблюдая почтительное расстояние, чтобы не слышать нашу беседу.

Около часа мы ехали, держа друг друга за руки. Каждый раз, когда я видел лицо Стар, она улыбалась, если же она встречала мой взгляд, то на щеках появлялись ямочки. Раз я спросил:

— Скоро ли начнется опасный отрезок пути?

— Когда мы свернем с дороги, милорд муж.

Проехали мы с милю. Наконец Стар застенчиво обратилась ко мне:

— Милорд муж?

— Что, жена?

— Ты все еще думаешь, что я фригидна и неуклюжа?

— М-м-м... — промычал я, как бы обдумывая каждое слово. — «Фригидная» — нет, честно говоря, я это утверждать не могу. А «неуклюжая»... ну, в сравнении с такой артисткой своего дела, как Мьюри, можно сказать...

— Милорд муж!

— Что? Я только говорю...

— Ты что, набиваешься на пинок в брюхо? — И добавила: — Это такая американская идиома.

— Женушка... Уж не ты ли собираешься дать мне пинок в брюхо?

Она помедлила с ответом, голос ее звучал еле слышно:

— Нет, милорд муж. Никогда!

— Рад слышать. Но если бы ты попыталась, что бы произошло?

— Ты... Ты бы меня отшлепал. Моей шпагой. Но не своей. Пожалуйста, не бей меня своей шпагой никогда, муж мой.

— И твоей тоже не буду. Рукой — да. Больно. Сначала отшлепаю тебя, а потом...

— Что будет потом?

— Но не следует доводить меня до этого сейчас. Согласно плану мне предстоит сегодня вечером сражаться. И в будущем меня тоже не перебивай.

— Хорошо, милорд муж.

— Отлично. Теперь, если мы дадим Мьюри судейскую оценку в десять баллов, то по этой шкале ты заслуживаешь... Дай-ка мне посчитать...

— Балла три-четыре? Или даже пять?

— Молчание! Я дал бы тысячу. Да, тысячу плюс-минус один балл. И у меня нет под рукой подходящего измерителя.

— Ах ты плутишка! Любимый мой! Наклонись ко мне и поцелуй. И берегись — как бы я все это не рассказала Мьюри.

— Ничего ты Мьюри не расскажешь, женушка, иначе тебе влетит как следует. И перестань набиваться на комплименты. Ты же сама знаешь о себе все, ты — прыгающая через шпаги девчонка!

— И какова же я?

— Ты — моя принцесса!

— Ох!

— И еще норка с пылающим хвостом. И сама это знаешь.

— А это хорошо? Знаешь, я изучала американские идиомы очень внимательно, но не уверена, что всегда правильно их понимаю.

— Это означает высший класс. Просто такой оборот речи, хотя я лично никогда не был близко знаком с норками. А теперь давай подумаем о вещах более важных, иначе ты можешь стать вдовой в день своего бракосочетания. Так ты говоришь — драконы?

— Они будут только ночью, милорд муж, да, по правде говоря, они не совсем драконы.

— Из твоего описания следует, что разницу ощущают только другие драконы. Восемь футов в холке, вес две тонны, зубы длиной в мою руку, только что пламенем не дышат.

— О нет! Они огнедышащие! Разве я не говорила?

— Нет, не говорила, — вздохнул я.

— По существу-то, они огнем не дышат. Это их бы убило. Они задерживают дыхание, выпуская огонь. Это болотный газ — метан, он вырабатывается в пищеварительном тракте. Всего лишь контролируемая отрыжка с эффектом самовоспламенения, которое вызывается энзимом, скрытым между первым и вторым рядом зубов. Газ вспыхивает уже по выходе из пасти.

— Как они это делают, меня мало интересует, раз уж они все равно огнеметы. Ну и как же ты хочешь, чтобы я с ними расправился?

— Надеюсь, у тебя самого возникнет какая-нибудь идея. Видишь ли, — сказала она извиняющимся тоном, — я ничего не планировала, поскольку не собиралась пользоваться этой дорогой.

— Что ж... Женушка, давай вернемся обратно в ту деревушку. Вступим в конкурентную борьбу с нашим другом — Глашатаем, спорю, мы его переплюнем...

— Милорд муж!

— Ладно, ладно... Если ты желаешь, чтобы я по вторникам и средам убивал драконов, я к твоим услугам. Этот метан... они его выпускают с обоих концов?

— О, только из переднего! Как это так — с обоих?

— Очень просто. Увидишь в модели будущего года. А сейчас — тихо! Мне нужен Руфо. Он-то, думаю, убивал драконов в прошлом?

— Мне не известен ни один человек, который бы это сделал, милорд муж.

— Вот как! Моя принцесса, я, конечно, горжусь доверием, которое ты мне оказываешь. Или тобой двигает отчаяние? Не отвечай, не хочу об этом знать. Помолчи, дай мне подумать.

Доехав до ближайшей фермы, мы отправили туда Руфо, чтобы он договорился о доставке обратно многоножек. Они были наши — дар Дораля, но нам приходилось их отправлять назад; там, куда мы направлялись, они бы не выжили. Мьюри обещала мне присмотреть за Арс Лонга и даже выгуливать ее.

Руфо вернулся, сопровождаемый деревенским парнишкой, восседавшим на тяжелой рабочей скотине — он ерзал между второй и третьей парами ног, чтобы не обременять спину животного, и управлял им голосом.

Когда мы спустились с седел, забрав с собой луки и колчаны, и уже готовились в путь, подошел Руфо:

— Босс, этот навозник мечтает поговорить с Героем и коснуться его шпаги. Гнать его в шею?

Положение обязывает, а не только дает привилегии.

— Зови сюда.

Парень — уже вышедший из детского возраста — с реденькой поросльюю на подбородке, подходил почтительно, заплетающейся походкой, и расшаркивался так, что чуть не упал.

— Держись смелее, сынок! — подбодрил я.— Как тебя звать?

— Паг, милорд Герой, — ответил он ломающимся голосом. (Паг * — сойдет. Значение этого слова на невианском языке сродни грубым шуткам Джоко.)

---

* Мякина, высевка (*англ.*).

— Достойное имя. Кем хочешь стать, когда вырастешь?

— Героем, милорд. Как ты.

Подумал, не рассказать ли ему о булыжниках на Дороге Доблести. Но он и сам обнаружит их очень скоро, если только выйдет на нее, и либо пойдет по ней дальше, не обращая внимания, либо вернется и забудет эти глупости. Я одобрительно кивнул и заверил, что на верхних ступенях геройской профессии всегда найдется место для парня крепкого духом и что чем ниже будет лежать начальная точка отсчета, тем больше славы... Главное — трудиться не покладая рук, учиться изо всех сил и ждать случая. Постоянно быть настороже, беседовать с незнакомыми дамами... и приключения сами найдут тебя. Потом я дал ему дотронуться до своей шпаги — только дотронуться, но не в руки. Леди Вивамус — моя, и я скорее разделю с кем-нибудь свою зубную щетку.

Когда-то, когда я был еще мальчуганом, меня представили конгрессмену. Он всучил мне ту же отеческую жвачку, которую я сейчас произносил от своего лица. Подобно молитве, она не может принести вреда, но способна дать и пользу. Обнаружилось, что я был совершенно искренен, говоря все сказанное выше, как был искренен и конгрессмен. Впрочем, вред возможен — парнишку ведь могут убить на самой первой миле Дороги Доблести. Но это лучше, чем в старости сидеть у огня, жевать смолку и думать об упущенных шансах и о девчонках, которых не потискал. Верно, не так ли?

Я решил, что этот случай достаточно серьезен для Пага и надо отметить его по-настоящему. Я порылся в своей сумке и нашел там американскую монетку в 25 центов.

— Как твое полное имя, Паг?

— Просто Паг, милорд. Из дома Лердики, конечно.

— Теперь у тебя будет три имени: я дам тебе одно из моих. — У меня было одно, в котором я не нуждался, поскольку имя «Оскар Гордон» меня вполне устраивало. И конечно, не «Флэш», этой клички я никогда не признавал. И не мое армейское прозвище — его я даже на стенах уборной не писал бы. «Изи» — было имя, которым я мог пожертвовать. Я всегда предпочитал

писать И. С. Гордон вместо Ивлин Сирил, а в школе «И. С.» превратились в «Изи»*, что в свою очередь происходило из моего поведения на поле — я никогда не бегал скорее или медленнее, чем того требовали обстоятельства.

— Властью, данной мне штабом командования армии США в Юго-Восточной Азии, я, Герой Оскар, повелеваю, чтобы с этого дня ты был известен под именем Лердики 'т Паг Изи. Носи его с честью. — Потом я дал ему четвертак и показал изображение Джорджа Вашингтона на аверсе. — Это глава моего Дома, Герой более великий, чем я смогу стать когда-либо. Он был храбр и горд, он говорил правду и сражался за Право так, как он его понимал, против страшных опасностей. А тут, — я перевернул монету другой стороной, — герб моего Дома, который он основал. Эта птица олицетворяет храбрость, свободу и высшие идеалы.

(Я не сказал ему, что Американский Орел теперь питается падалью, не нападает ни на кого хотя бы даже в своей весовой категории и, вероятно, скоро вымрет вообще. Именно за эти Идеалы он и стоит горой. Символ — это то, что мы сами в него вкладываем.)

Паг Изи яростно кивал головой, из глаз его текли слезы. Я не представил его своей новобрачной — не был уверен, захочет ли она с ним познакомиться. Однако она сама подошла и мягко сказала:

— Паг Изи, запомни слова милорда Героя. Цени их, и они определят всю твою жизнь.

Парнишка хлопнулся перед Стар на колени. Она дотронулась до его волос и проговорила:

— Встань, Лердики 'т Паг Изи. Встань и будь честен и смел.

Я попрощался с Арс Лонга, пожелал ей быть славной девочкой и пообещал когда-нибудь вернуться. Паг Изи отправился на свою ферму с нашими многоножками, а мы вошли в лес с натянутыми луками. Руфо изображал арьергард. На том месте, где мы свернули с желтой кирпичной дороги, был знак, приблизительный смысл которого — «Оставь надежды, всяк сюда входящий».

---

* Тихий, скромный, ленивый (*англ.*).

Буквальный перевод несколько напоминал надписи в Йеллоустонском парке: «Предупреждение: хищники в этих лесах не ручные. Путешественникам рекомендуется оставаться на дороге, иначе возвращение их останков ближайшим родственникам не может быть гарантировано. Милорд Лердики. Его герб».

— Милорд муж...

— Да, Крохотные Ножки? — я не смотрел на нее. Я отвечал за свою сторону тропы и отчасти за сторону Стар, но, кроме того, время от времени приходилось поглядывать и вверх, будто нам угрожала бомбежка, а вернее, нечто вроде коршунов-стервятников, только меньших размеров и целившихся прямо в глаза.

— Мой герой, ты действительно благороден, и ты заставил свою жену гордиться тобой.

— А? Как это? — Я думал сейчас о наиболее вероятных целях: два вида их были наземные — крупные крысы таких размеров, что вполне могли питаться котами, и дикие свиньи, примерно такой же величины, из которых нельзя было бы выкроить даже приличного сандвича с ветчиной, поскольку состояли они исключительно из толстенной шкуры и дурного характера. Мне рассказывали, что свиньи, увидев вас, кидаются тут же и не раздумывая. Посему промах не рекомендуется. Лучше иметь наготове шпагу, ибо пустить вторую стрелу уже вряд ли удастся.

— Я говорю об этом парнишке Паг Изи. Вернее, о том, что ты сделал для него.

— Для него? Накормил его старыми побасенками. Товар дешевый.

— Это был истинно королевский поступок, милорд муж.

— Ерунда, цветочек. Он ожидал услышать от меня громкие слова, и он их услышал.

— Оскар, мой возлюбленный, а можно послушной жене сказать своему мужу, что он несет чепуху и несправедлив к себе? Я ведь знала многих героев, и некоторые из них были такие олухи, что их следовало бы кормить на кухне, если бы своими делами они не завоевали место за парадным столом. Но я знала лишь немногих, кто был благороден, ибо благородство души легко распознается даже в тех, кто тщательно скрывает

свою истинную сущность — как ты, например. Парень ожидал, поэтому ты выдал ему, но nobless oblige* — эмоция, которую способны испытать лишь те, кто истинно благороден.

— Что ж, возможно. Стар, ты опять слишком много болтаешь. Ты что — не думаешь, что у этих скотов есть уши?

— Извини, милорд... Уши такие хорошие, что они слышат шум шагов, разносящихся по земле, задолго до того, как услышат наши голоса. Разреши мне сказать еще одно слово, раз уж сегодня день моей свадьбы. Если ты... Нет, не так... Когда ты галантен к какой-нибудь красотке, например к Летве или Мьюри, черт бы побрал ее красивые глазки, то это не благородство. Такое поведение вытекает, надо полагать, из гораздо более обыденных эмоций, чем nobless oblige. Но когда ты разговариваешь с деревенским дурачком, ноги которого измазаны навозом, дыхание воняет чесноком, сам он весь пропах потом, а лицо его усеяно прыщами, и говоришь мягко, заставляя его на какое-то время почувствовать себя таким же благородным, как ты сам, пробуждая в нем стремление и надежду стать когда-нибудь равным тебе, я знаю, что это не потому, что ты решил позабавиться с этим мальчишкой.

— Ну, не знаю... Мальчишки этого возраста в некоторых кругах ценятся высоко. Если его отмыть, надушить, завить ему волосы...

— Милорд муж, а разрешается ли мне хотя бы подумать о пинке в ваше брюхо?

— За мысль обычно не предают военно-полевому суду, это единственная вещь, которая остается при нас и отобрать которую не могут при всем желании. О'кей, я предпочитаю девочек. В этом отношении я обыкновенен, тут уж ничего не поделаешь. А что ты там говорила про Мьюри? Уж не ревнуешь ли ты, Длинноножка?

Я просто-напросто кожей чувствовал, как на ее щеках выступают ямочки — чтобы увидеть, мне пришлось остановиться.

— Только в день свадьбы, милорд муж. Все остальные дни — твои. Если я застану тебя увлеченным этим

---

* Положение обязывает (*фр.*).

видом спорта, то или сделаю вид, что не замечаю, или поздравлю с успехом, как уж получится.

— Не думаю, что ты меня поймаешь!

— А я уверена, что тебе не удастся поймать меня, милорд-разбойник, — ответила она невозмутимо.

Все-таки ей досталось последнее слово, так как в эту минуту раздался звон тетивы Руфо. Он крикнул: «Попал!» — и тут мы оказались по горло в хлопотах. Эти дикие свиньи были такие страховидные, что в сравнении с ними наши самые безобразные выглядят красавчиками. Я убил одну стрелой, пронзившей ее вонючую глотку, затем — секундой позже — вогнал сталь шпаги в бок ее братишке. Стар направила меткую стрелу в свою цель, но стрела скользнула по кости, боров пошел в атаку, и я ударил его ногой в бок, так как все еще не высвободил шпагу из туши его родича. Наконечник стрелы, попавший ему между ребер, видимо, все же утихомирил его. Стар хладнокровно пустила новую стрелу, а я добил наглеца. Еще одну свинью Стар прикончила шпагой, нанеся удар так, как наносит его матадор, когда наступает «момент истины». Она сделала пируэт, пропуская жертву мимо себя — уже мертвую, но не желающую признать сей факт.

Битва закончилась быстро. Старина Руфо свалил без посторонней помощи троих, но получил серьезную рваную рану. У меня была царапина, а моя новобрачная оказалась целой и невредимой, в чем я поспешил убедиться, как только страсти утихли. Затем я держал вахту, пока наш хирург занимался Руфо. Потом она обратилась к моему, гораздо более легкому ранению.

— Ну как, Руфо, — спросил я, — можешь идти?

— Босс, я не останусь в этом лесу, даже если мне придется из него выбираться ползком. Надо уходить отсюда. Во всяком случае, — добавил он, глядя на гору никому не нужных свиных окороков, — в ближайшее время крысы нам не угрожают.

Я изменил порядок движения, поместив Руфо и Стар во главе колонны, а сам занял позицию в арьергарде, откуда мог прийти им на помощь в любую минуту. Арьергард вообще-то безопаснее головы колонны в обычных условиях, но здесь не тот случай. Кроме того, я дал эмоциям взять верх над расчетом: хотел лично опекать свою любимую.

Заняв это место, я чуть не окосел, одновременно пытаясь углядеть, что происходит и впереди и сзади, чтобы оказаться рядом, если Стар или Руфо окажутся в беде. К счастью, мы получили небольшую передышку, и я несколько отрезвел: нельзя брать на себя работу «за того парня». И тогда отдал все внимание нашему тылу. Руфо, он хоть и стар и ранен, не сдался бы смерти, не убив врага и не доставив ему чести сопровождать себя в ад, как это и положено. Стар тоже не принадлежала к числу героинь, падающих в обморок. Я поставлю на нее сколько угодно против любого мужчины ее весовой категории — с оружием или без оного, и мне очень жаль того мужика, который попытался бы изнасиловать ее: он, надо думать, долго бы еще отыскивал свои cojones *.

Свиньи нас больше не беспокоили, но по мере приближения вечера, мы стали видеть, а чаще слышать гигантских крыс, которые крались за нами, оставаясь практически невидимыми. Они не вступают в бой как берсерки, подобно свиньям, они выжидают удачного момента, как это вообще свойственно крысам.

Крыс я боялся. Однажды, когда я был еще маленьким (отец уже умер, а мать еще не вышла вторично замуж), мы остались без жилья и поселились на чердаке заброшенного дома. Было слышно, как крысы орудуют внутри дома, и дважды они пробегали по мне, когда я спал.

До сих пор иногда просыпаюсь с воплем ужаса.

Крыса отнюдь не становятся лучше, если ее довести до размеров койота. Эти были типичные крысы — вплоть до кончиков усов — с той лишь разницей, что ноги, и особенно ступни, были у них непропорционально большими.

Мы не тратили стрел, если не были уверены в удачном попадании, мы шли зигзагами, стараясь держаться более открытых участков леса, что, однако, увеличивало опасность нападения сверху. Но кроны деревьев были весьма густы, так что атаки с неба не очень беспокоили.

---

* Мужские придатки (*исп.*).

Я убил одну крысу, которая подобралась слишком близко, и почти попал в другую. Нам приходилось расходовать стрелы на тех, что уж очень наглели, это заставляло других быть более осторожными. Однажды, когда Руфо целился в одну из таких, а Стар со шпагой в руке готовилась прийти мне на помощь, один из этих мелких хищников коршуном спикировал прямо на Руфо.

Стар срубила его в воздухе на самой низкой точке его пике, так что Руфо ничего не заметил — он был слишком занят, целясь и пуская стрелу.

К счастью, нам не приходилось волноваться из-за подлеска — лес походил на парк — деревья и трава, без кустарника. Так что этот отрезок пути был не так уж и плох, хотя стрелы у нас все равно кончались. Я как раз с беспокойством думал об этом, когда вдруг обнаружил кое-что:

— Эй, вы, впереди! Вы же сбились с курса! Сворачиваете вправо!

Стар указала мне направление, еще когда мы свернули в лес, держать его было моим делом. «Шишка направления» у Стар работала плоховато, у Руфо — не лучше.

— Извини, милорд, — отозвалась Стар. — Тут уклон больно уж крут.

Я подошел к ним:

— Руфо, как нога?

На лбу у него выступили капли пота. Не отвечая мне, он обратился к Стар:

— Миледи, скоро стемнеет.

— Знаю, — сказала она спокойно. — Поэтому наступило время перекусить. Милорд муж, вон тот большой плоский камень кажется мне подходящим.

Я подумал было, что у нее шарики зашли за ролики, Руфо, видимо, тоже, но по другой причине.

— Миледи, мы же сильно опаздываем.

— И опоздаем еще больше, если я не займусь твоей ногой.

— Лучше бросьте меня тут, — пробормотал он.

— Лучше помолчи, пока твоего совета не спрашивают! — сказал я ему. — Я бы даже Рогатого Призрака не бросил крысам. Стар, как мы поступим?

Большой плоский камень торчал, словно череп, среди деревьев неподалеку от нас. Это была верхушка известкового валуна, глубоко ушедшего в землю. Я занял пост в центре валуна, раненый Руфо уселся рядом, а Стар занялась установкой Охранения. Я не видел, как она это делала, так как во все глаза следил за тем, что происходило у нее за спиной, следил с натянутым луком и положенной на тетиву стрелой, готовый встретить врага. После Стар сказала мне, что Защита ни в малейшей степени не связана с «магией» и вполне доступна для земной технологии, если бы нашелся умник и додумался до изгороди под током, но без изгороди, ну как радио и телефон работают без провода, хотя аналогия тут не вполне точная.

И очень хорошо, что я следил за ситуацией за пределами Охранения, не пытаясь решить загадку того, как устанавливается волшебный круг: Стар была внезапно атакована единственной из встреченных нами крыс, начисто лишенной рассудка. Крыса бросилась на Стар, моя стрела, просвистевшая у Стар возле самого уха, послужила веским предупреждением, и она прикончила крысу ударом шпаги. Это был очень старый самец, беззубый, с седыми усами и, видимо, чокнутый. Величиной с волка и с двумя смертельными ранами на теле, он все еще выглядел олицетворением красноглазой шелудивой ярости.

Когда последний Хранитель был поставлен, Стар сказала, что о небе мне больше не надо беспокоиться, поскольку Защита идет не только по кругу, но и прикрывает нас куполом сверху. Как говаривал Руфо: если Она сказала, значит — все! Пока Руфо караулил, он умудрился частично развернуть шкатулку. Я достал оттуда хирургический чемоданчик Стар, запас стрел и еды. Никаких глупостей по части взаимоотношений слуг и господ мы не придерживались: поели вместе, сидя и лежа, Руфо лежал пластом, давая отдых ноге, а Стар подавала ему пищу и даже особо лакомые кусочки клала ему прямо в рот согласно обряду невианского гостеприимства. Она долго возилась с его ногой, а я светил ей и подавал инструменты. Стар покрыла рану каким-то бледным гелем, прежде чем наложить повязку. Если это и было больно, то Руфо даже не поморщился.

Пока мы ужинали, наступила полнейшая темнота и вдоль всей невидимой стены зажглись огоньки глаз, отражавших свет, при котором мы ели, огоньки столь же многочисленные, как свита Игли в то утро, когда он съел самого себя. Большинство глаз принадлежало, как мне кажется, крысам. Другая группа, державшаяся отдельно и отделенная от крысиных двумя большими промежутками, явно состояла из свиней — их глаза находились на большей высоте.

— Миледи, любимая, — сказал я, — это Охранение будет действовать всю ночь?

— Да, милорд муж.

— Хорошо бы. Сейчас уже слишком темно, чтобы стрелять, а шпагами нам вряд ли удастся прорубить дорогу в такой толпе. Боюсь, нам снова придется пересмотреть график движения.

— Нельзя, милорд Герой. Но забудь об этих животных. Мы полетим.

— Этого я и боялся. Вы же знаете, что у меня от полета начинается морская болезнь! — застонал Руфо.

— Бедняжка Руфо, — нежно проворковала Стар. — Не бойся, мой старый друг, у меня для тебя есть сюрприз. Предвидя такой случай, я еще в Каннах купила драммамин — лекарство, которое, как ты знаешь, решило судьбу вторжения в Нормандию. А может, не знаешь?

— Знаю ли я? Я сам принимал участие в этом вторжении, и у меня, миледи, аллергия на драммамин. Я «травил» всю дорогу до Омаха-Бич. Самая ужасная ночь за всю мою жизнь! Господи, да я уж лучше тут останусь!

— Руфо, ты действительно был на Омаха-Бич?

— Черт побери, еще бы, босс! Выполнял предначертания Эйзенхауэра.

— Но почему же? Ведь это не твоя война?

— А вы спросите себя, почему вы участвуете в этой свалке, босс. В моем случае повинны французские девчонки. Простые, не знающие никаких запретов, веселые и всегда готовые поучиться чему-нибудь новенькому. Помнится, была там одна малышка из Арман-тьера (он произнес это слово без акцента), у которой только и...

Стар прервала наш разговор:

— Пока вы тут предаетесь своим холостяцким воспоминаниям, я подготовлю все, что надо для полета. — Она встала и пошла к шкатулке.

— Ну давай, Руфо! — гадая, как далеко он способен зайти, сказал я.

— Нет, босс, — ответил он грустно, — Ей это не нравится. Видно невооруженным глазом. Босс, вы на нее оказываете колоссальное влияние. Ведет себя точно девочка из пансиона благородных девиц... это же на нее ничуть не похоже! Надо думать, теперь она первым делом подпишется на «Вог»*, а уж куда ее потом занесет и предположить нельзя. Я в этом деле ничего не понимаю, но считаю, что виной тут, прошу прощения, уж никак не ваша внешность.

— Ладно, я не обижаюсь. А расскажешь как-нибудь в другой раз. Если вспомнишь.

— Ну, качку-то я никогда не забуду. Только, босс, насчет морской болезни — это еще далеко не все. Вы считаете, что эти леса опасны, но в тех, куда мы сейчас с дрожащими поджилками направляемся, это я говорю о себе, в тех лесах полным-полно драконов.

— Знаю.

— Значит, она вам сказала? Но чтобы поверить — надо увидеть. Леса буквально кишат ими. Их там больше, чем людей по фамилии Дойл в Бостоне. Большие, маленькие, двухтонные тинейджеры и все голоднющие. Возможно, вам по душе быть съеденным драконом, а мне — нет. Это как-то унижает. И потом — это уже навсегда. Такие места следовало бы опрыскивать каким-нибудь антидраконьим препаратом, это уж точно. Закон специальный следует принять.

Вернулась Стар.

— Никакого такого закона не требуется, — твердо сказала она. — Нечего, Руфо, болтать о вещах, в которых ты не разбираешься. Нарушение экологического баланса — самая худшая ошибка, которую когда-либо может позволить себе правительство.

Руфо, ворча, удалился.

---

* Знаменитый светский журнал для женщин.

— Любовь моя, а зачем нужны драконы? Реши мне эту задачку, пожалуйста.

— Я никогда не занималась экологическими балансами Невии, это лежит вне моей компетенции. Однако могу предложить на выбор несколько вероятных последствий нарушения равновесия, которым явится попытка уничтожить драконов, что, вообще-то, жителям Невии вполне по силам. Ты видел, что на их технологию просто так чихнуть нельзя. Эти крысы и свиньи портят посевы. Крысы контролируют рост численности кабанов, пожирая поросят. Но крысы для полевых культур еще хуже, чем дикие свиньи. Драконы бродят по этим лесам в дневное время — они дневные животные, а крысы ночные — и забираются в крысиные норы, спасаясь от жары. Драконы и свиньи ограничивают рост подлеска, причем драконы в этом дело особенно важны, так как объедают нижние ветви деревьев. Но дракон с удовольствием съест и вкусную крысу. Каждый раз, когда они натыкаются на крысиную нору, они вдувают туда пламя, что, правда, не всегда убивает взрослых крыс, поскольку те для каждого нового помета строят две норы, но уж наверняка уничтожает приплод; после этого дракон разрывает нору и получает свой излюбленный завтрак. Существует давнее соглашение, почти договор, что, пока драконы придерживаются своей территории и занимаются уничтожением крыс, люди их не тревожат.

— Но почему бы сначала не истребить крыс, а потом уж приняться и за драконов?

— И позволить диким свиньям безнаказанно размножаться? Слушай, милорд муж, я не знаю всех ответов на вопросы, которые могут возникнуть по этой проблеме, но зато уверена — нарушение экологического равновесия — вопрос, требующий подхода, основанного на боязни ошибок, длительном размышлении и на сложном компьютерном расчете. Жители Невии, поверь, вполне удовлетворены своим решением не обижать драконов.

— Но, видимо, нам все же придется их потревожить. Это не нарушит договора?

— Это не договор в точном смысле этого слова, это народная мудрость невианцев и условный рефлекс, а

возможно, и инстинкт со стороны драконов. Если нам повезет, мы их не потревожим. Но тактику действий тебе лучше обсудить с Руфо сейчас. Там у нас времени не будет.

Итак, я остался с Руфо обсуждать проблему, как лучше убить дракона, а Стар слушала нас и одновременно заканчивала свои приготовления.

— Что ж, — мрачно подытожил Руфо, — это лучше, чем сидеть тихонько, как устрица на створке своей раковины, и ждать, пока тебя съедят. Так-то более достойно. Я лучше стреляю из лука, милорд, чем вы, или во всяком случае — так же хорошо, а поэтому возьму на себя зад, тем более, что этим вечером я буду менее ловок, чем обычно.

— Смотри, надо быть готовым и к действиям с другого конца, если дракон обернется.

— Это вам надлежит готовиться, милорд. Я-то и без того буду готов, ибо при мне самый лучший стимул — забота о сохранности собственной шкуры.

Стар тоже была готова. Руфо еще во время нашего совещания упаковал шкатулку и приторочил ее к спине. Стар надела нам на каждую ногу чуть выше колен по подвязке, затем усадила на камень так, чтобы лица были обращены к месту назначения.

— Руфо, достань дубовую стрелу.

— Стар, а это часом не из книжки Альбертуса Магнуса?

— Почти, — ответила она. — Только мой рецепт надежнее, а ингредиенты, использованные при изготовлении подвязок, дольше сохраняются. Извини, милорд муж, мне надо сконцентрироваться на моем волшебстве. Положи стрелу так, чтобы она была направлена на пещеру.

Я повиновался.

— Точно ли она нацелена?

— Если карта, которую ты мне показала, верна, то все в порядке. Стрела смотрит туда же, куда был проложен наш курс после того, как мы вошли в лес, свернув с дороги.

— Как далеко от нас Лес Драконов?

— Послушай, любовь моя, уж если мы летим по воздуху, то почему бы нам не миновать этот лес и не причалить прямо к пещере?

Стар терпеливо ответила:

— Я бы очень хотела так поступить. Но там у леса такие густые кроны, что возле пещеры сесть нельзя — не проскочишь сквозь ветви. А те твари, что живут в кронах — куда хуже драконов. Они вырастают...

— Пожалуйста, перестань, — взмолился Руфо. — Меня и без того тошнит, хотя мы еще и не в воздухе.

— Ладно, об этом потом, Оскар, если тебе будет интересно. В любом случае мы не можем рисковать и не станем этого делать. Эти твари живут вне досягаемости драконов. Так как же далек от нас лес?

— М-м-м... Миль восемь с половиной, с учетом того расстояния, которое мы уже прошли. Затем останутся еще мили две до пещеры с вратами.

— Хорошо. Теперь оба вы должны крепко обхватить меня за талию, как можно больше соприкасаясь с моим телом. Сила должна быть распределена равномерно. — Руфо и я обняли ее со спины, и пальцы наших двух рук крепко сомкнулись у нее на животе. — Все правильно. Держитесь крепче! — Стар нарисовала какие-то цифры на скале возле стрелы.

Стрела поднялась в воздух и полетела. Мы за ней.

Не знаю, как можно все это не считать магией, точно так же как не представляю себе, из чего были сделаны эти эластичные подвязки. Если угодно, то считайте, что Стар нас загипнотизировала, а затем воспользовалась своим экстрасенсорным эффектом для телепортации нас на расстояние восьми с половиной миль. Словечко «экстрасенсорный», ясное дело, лучше, чем «магия» — известно, что однослоговые слова куда действеннее многослоговых *, последнее проверено на речах Уинстона Черчилля. Я не понимаю значения ни того ни другого термина, как не понимаю, почему не могу заблудиться. Или — как могут другие люди отличаться от меня в этом отношении!

Когда я летаю во сне, то это происходит двумя путями: один из них в стиле лебединого полета — нырок вниз, затяжное пике, кружение, как в водовороте, посадка, завершающая наслаждение; другой — в

---

* Намек на то, что почти все «неприличные» слова в английском языке однослоговые.

позе сидящего турка, когда летишь медленно, спокойно, управляя полетом с помощью силы воли.

Именно так летели мы в этот раз — будто на планере, но без него. Ночь была прямо предназначена для полета (впрочем, на Невии все ночи таковы — дождь идет только под утро и только в дождливый сезон, как мне говорили), та из лун, что побольше, серебрила поверхность у нас под ногами. Лес кончился и перешел в открытую местность, усеянную отдельными группами деревьев, а тот лес, куда мы летели, казался нам издалека черной стеной, гораздо более высокой и мощной, чем прекрасные лесные массивы, что остались у нас за спиной. На большом отдалении слева были видны поля дома Лердики.

Мы не продержались в воздухе и двух минут, как Руфо сказал «пардон» и отвернул голову в сторону. Дело тут было явно не в пустом желудке: хотя на нас не попало ни капли, струя из него била как из фонтана. Это был единственный инцидент за все время полета.

Когда мы долетели до первых высоких деревьев, Стар быстро шепнула «Амех». Мы зависли в воздухе на манер вертолета, а затем опустились вниз на посадочную площадку, вполне достаточную для наших трех седалищ. Стрела лежала на земле прямо перед нами, уже безжизненная. Руфо положил ее в свой колчан.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я. — Как твоя нога?

Он проглотил слюну.

— Нога ничего. А вот земля ходит под ногами вверх и вниз.

— Тихо! — прошептала Стар. — С ним все будет хорошо. Только тихо! От этого зависят наши жизни.

Несколькими минутами позже мы двинулись в поход, я с обнаженной шпагой впереди, за мной Стар, вслед ей Руфо, с натянутым луком и готовый ко всему.

Переход от лунного света к глубокой лесной тьме нас ослепил, и я шел на ощупь, упираясь в древесные стволы протянутыми руками и моля Бога, чтобы на моем пути, проложенном в нужном нам направлении, не оказалось какого-нибудь дракона. Я, конечно, знал, что по ночам они обычно спят, но как-то не очень доверял им в принципе. А может, у них холостяки стоят на

пути, проложенном в нужном нам направлении, не оказалось какого-нибудь дракона. Я, конечно, знал, что по ночам они обычно спят, но как-то не очень доверял им в принципе. А может, у них холостяки стоят на страже, как у бабуинов? Я с удовольствием уступил бы и свое место, и свою славу святому Георгию, а сам бы пошел за ним в некотором отдалении.

Однажды мой нос остановил меня — запахло застоявшимся мускусом. Я задержал шаг, и вот передо мной медленно «проявилось» нечто, величиной с контору по продаже недвижимости — спящий дракон. Я повел свой отряд мимо него, стараясь не производить ни малейшего шума и надеясь, что сердце у меня бьется не так сильно, как это кажется.

Мои глаза уже стали привыкать к темноте, и я невольно искал светлые полоски лунных лучей, просачивающихся вниз. Появилось и кое-что еще, земля тут была покрыта мхом, который слабо фосфоресцировал, подобно гнилушкам. Слабо. Ох, совсем слабо. Больше всего это походило на свет ночника в темной спальне, почти незаметный, когда входишь в нее, и прилично видимый потом. Теперь я ясно различал стволы, землю и драконов.

Раньше я думал — ну что такое дюжина или около того драконов на большой лес? Много шансов, что мы их вообще не увидим, как можно не увидеть ни одного оленя в оленьем заказнике.

Человек, который возьмет концессию на открытие платной ночной стоянки для драконов в этом лесу, заработает себе целое состояние, — разумеется, если найдет способ заставить драконов выложить денежки. После того как мы «прозрели», мы ни разу не теряли их из поля зрения.

Конечно, это не настоящие драконы. Нет, они еще безобразнее. Больше всего эти драконы похожи на тиранозавров, больше, чем на что-либо другое — колоссальный зад, тяжелые задние ноги, гигантский хвост и маленькие передние лапы, используемые и для ходьбы, и для захвата добычи. Голова преимущественно состоит из зубов. Всеядны, тогда как тиранозавры, как мне говорили, хищники. От этого не легче, поскольку они охотно жрут и мясо, когда есть возможность его

достать, и даже предпочитают. Еще хуже, что эти драконы разработали производство собственного горючего газа. Впрочем, как эволюционное приспособление, этот фокус не может считаться самым удивительным, если мы вспомним для сравнения способы любви у осьминогов.

Однажды довольно далеко от нас, слева, возник гигантский факел газа, сопровождаемый громким кряхтением, подобным тому, что издают старые самцы-аллигаторы. Зарево продержалось несколько секунд, потом погасло. Не спрашивайте меня — что там случилось; возможно, пара самцов поспорила из-за самки. Мы продолжали идти вперед, хотя после того как зарево погасло, пришлось продвигаться медленнее — его было достаточно, чтобы снова ослепить нас, и потребовалось какое-то время для восстановления ночного зрения.

У меня на драконов аллергия — это точно, тут не просто глупый страх. Такая же аллергия, как у бедного Руфо на драммамин, только ближе к той, что у некоторых людей вызывается кошачьей шерстью. Сразу же после вхождения в лес у меня начали слезиться глаза, потом заложило нос, и, прежде чем мы прошли первые полмили, я уже изо всех сил тер верхнюю губу, стараясь хотя бы болью предотвратить чих. Когда же и это не помогло, я принялся зажимать пальцами ноздри, кусать губы и загонять чих внутрь, отчего у меня чуть не лопались барабанные перепонки. И все же это произошло как раз в ту минуту, когда мы огибали южный конец дракона, величиной в грузовик с прицепленным к нему трейлером. Я замер. Остальные — тоже и стали ждать. Дракон не проснулся.

Только мы снова пошли, как моя любимая оказалась возле меня и остановила прикосновением руки. Она порылась в своей сумочке, что-то в ней нашла, втерла мне в нос и в ноздри и затем легким толчком дала знать, что можно идти вперед.

Сначала нос у меня закоченел, как от мази Вика, потом потерял чувствительность, а вскоре начал прочищаться.

Больше часа продолжалось это казавшееся бесконечным, призрачное блуждание между высокими стволами и гигантскими тушами, и я уже считал, что мы

нашли вход в пещеру, причем между ним и нами лежал только один дракон и тот чуть в стороне от нашего пути.

Я поторопился.

Всему виной тот малыш — ростом не больше валлаби* и даже внешне похожий на него, если не считать детских зубов по четыре дюйма каждый. Возможно, он был еще так юн, что просыпался, чтобы попроситься на горшок, не знаю. Все, что мне известно, это то, что, проходя мимо дерева, за которым лежал малыш, я наступил ему на хвост, а он завопил.

Конечно, у него для этого были все основания. Но последствия оказались для нас роковыми. Взрослый дракон, что спал между нами и пещерой, проснулся тут же. Он был и не очень-то велик — так, футов в сорок, включая хвост.

Старина Руфо приступил к делу с такой быстротой, будто тренировался бесконечно много времени — он кинулся к южному концу этой скотины, стрела наготове, лук натянут, готовый стрелять на бегу.

— Заставь его поднять хвост! — крикнул он.

Я помчался к переднему концу дракона и попытался раздразнить зверюгу криками и шпагой, размахивая ею перед самым его носом, одновременно испытывая интерес к вопросу о том, на какое расстояние действует его огнемет. У невианского дракона только четыре места, куда можно всадить стрелу, все остальное — броня потолще носорожьей шкуры. Вот эти четыре места: рот (когда он открыт), глаза (попасть трудно — они маленькие и подслеповатые) и местечко под хвостом, ранимое у многих животных. Я считал, что стрела, посланная в это место, должна сильно повысить то ощущение «резкого жгучего раздражения», о котором оповещается на последних страницах газет в маленьких объявлениях, что толкуют об «ИЗЛЕЧЕНИИ БЕЗ ХИРУРГИИ».

Считал также, что дракон, будучи не слишком умным, получив сильное раздражение с обоих концов, потеряет ко всем чертям координацию, а мы будем продолжать свое дело до тех пор, пока он или не выйдет из строя, или ему все это не надоест и он удерет.

---

* Вид австралийского кенгуру.

Но мне надо было заставить его поднять хвост, чтобы Руфо было куда всадить стрелу. Эти чудовища, такие же тяжелые, как старина тиранозаврус рекс, нападают стремительно, подняв вверх голову и передние лапы, а для равновесия и хвост.

Дракон мотал башкой туда и сюда, я же старался обмануть его и не оказаться на линии огня, когда он включит свой огнемет, как вдруг получил удар метановой струей еще до того, как включился механизм зажигания. Я отступил так быстро, что споткнулся об дракоыша, на которого недавно наступил, перелетел через него и приземлился на плечо, что, по-видимому, меня и спасло. Огонь вылетел на дистанцию футов двадцать. Взрослый дракон продолжал наступление и преотличненько сжег бы меня, если бы не малыш, оказавшийся между нами. Дракон перестал пускать пламя, но тут Руфо заорал:

— Точно в десятку!!!

Причина, по которой я отступил так быстро, заключалась в дурном запахе из драконовой пасти. Считается, что чистый метан не имеет ни цвета, ни запаха. Метан же, производимый в желудочном тракте дракона, не был чист, он оказался так перегружен кетонами и альдегидами домашнего изготовления, что по запаху мог сравниться только с выгребной ямой, не обработанной известью.

Я считаю, что лекарство, которое дала мне Стар для прочистки носа, спасло мне жизнь. Если бы нос был заложен, я бы не учуял даже запаха собственной верхней губы. Все это я продумал уже позже — во время схватки времени было маловато. Как только Руфо попал в «десятку», дракон с видом полнейшего недоумения опять раскрыл пасть, на этот раз без выброса огня, и попытался ухватить свой зад передними лапами. Этого сделать ему не удалось — передние лапы были слишком коротки, но старался он изо всех сил. Я вложил шпагу в ножны, как только увидел длину газового выхлопа, и взялся за лук. Времени вынуть стрелу и выпустить ее у меня хватило — стрела вонзилась в левую миндалину.

Лекарство подействовало моментально. С криком ярости, потрясшим землю, дракон ринулся на меня, рыгнув огнем. И Руфо снова закричал:

— Опять туда же!

Я был слишком занят, чтобы посылать Руфо свои поздравления: эти штуковины для своих размеров слишком быстро передвигаются. Я тоже бегал резво, а степень свободы у меня была больше. Таким махинам трудно резко менять направление, но мой дракон весьма быстро вертел головой с пылающим факелом. Штаны он мне, во всяком случае, прожег, что побудило меня бегать еще быстрее и попытаться зайти ему в тыл.

Стар, тщательно прицелившись, послала ему стрелу в другую миндалину, прямо туда, откуда выходило пламя, а я в это время прилагал все усилия, чтобы увернуться от него. Несчастное животное тщетно пыталось теперь действовать одновременно в двух направлениях, чтобы достать и меня и Стар, но в результате запуталось в собственных ногах и рухнуло, вызвав небольшое землетрясение.

Руфо послал еще одну стрелу в незащищенный зад дракона, а Стар — другую, прошившую язык и застрявшую там перьями, что хотя и нельзя было назвать серьезным ранением, но причиняло сильнейшую боль.

Дракон свернулся в шар, потом вскочил на ноги, бросился вперед и снова попытался сжечь меня. Было ясно: я ему не очень нравлюсь.

Но пламени не было.

Именно на это я и рассчитывал. Настоящий дракон — тот, что с замками и пленными принцессами — имеет столько пламени, сколько ему потребуется, он вроде шестизарядного кольта в ковбойских телесериалах. А эти драконы, ферментирующие собственный метан, не обладают ни мощными собственными газохранилищами, ни такими, в которых его можно держать под большим давлением, надеялся я. Если бы нам удалось заставить дракона быстро израсходовать все свои боеприпасы, то время, нужное для восстановления запаса газа, должно быть весьма продолжительным.

Между тем Руфо и Стар непрерывно тревожили дракона, используя для этого известную тактику. Дракон сделал еще одну попытку сжечь меня, когда я перебегал перед его мордой, стараясь держаться так,

чтобы малыш по-прежнему оставался между нами. Результат был такой же, как у высохшего «Ронсона» — огонь вспыхнул, пламя ударило на шесть жалких футов и погасло. Дракон так старался достать меня этим последним усилием, что опять запутался в ногах и упал.

Я понял, что секунду или две он будет оглушен, как человек, хлопнувшийся на пол с приличной силой, подбежал к нему и ткнул его шпагой прямо в правый глаз.

Его сотрясли конвульсии, и он затих.

(Удачный удар! Говорят, динозавры имели, при всей своей огромной величине, мозг размерами в лесной орех. Этот, надо полагать, обладал мозгом размерами в дыню — и все же это большая удача, если, ткнув наобум в глазницу, ты тут же попадаешь в мозг. Все остальное, что мы делали до сих пор — комариные укусы. А умер он от этого удара шпагой. Святой Михаил и святой Георгий верно направили мой клинок.)

— Босс! Давай к дому! — завопил Руфо.

Драконы всей округи строем двигались на нас. Это было совсем как ученье на базе, где тебе велят отрыть личный окопчик, а затем пропустить над собой танк.

— Сюда!!! — заорал я. — Руфо! Сюда, а не туда!!! Стар!

Руфо резко́ затормозил, мы побежали в одном направлении, и я увидел отверстие пещеры, черное, как грех, приветливое, как материнское объятие. Стар мчалась за нами. Я впихнул ее внутрь, Руфо ввалился следом, а я повернулся, чтобы встретить во славу моей любимой какое угодно множество драконов.

Но она уже кричала:

— Милорд! Оскар! Внутрь, ты, идиот! Я должна установить Защиту!

Я быстренько отступил, а Стар сделала свое дело, причем мне даже в голову не пришло отругать ее за то, что она назвала своего супруга идиотом.

13

Дракон-малютка плелся за нами до пещеры, не из желания отомстить (хотя я и не доверяю никому с такими зубами), а скорее, как я полагаю, из тех же соображений, по которым утенок следует за тем, кто

идет впереди. Он попытался войти за нами в пещеру, но тут же отскочил, коснувшись носом невидимой преграды, подобно котенку, получившему удар статического электричества. После этого дракончик долго болтался возле входа, издавая жалобные стоны.

Мне хотелось узнать, защищает ли Охранение, установленное Стар, от огня драконов. Это я выяснил после того, как появившийся вслед за нами старый дракон сунул свою башку в отверстие, отпрянул назад, как и малыш, оглядел нас и включил свой огнемет.

Нет, Охранение не задерживало пламени.

Мы находились у глубине пещеры на достаточном расстоянии, чтобы не превратиться в угольки, но дым и вонь были ужасны, а пожалуй, могли бы оказаться и смертельными, продолжайся это долго.

Стрела просвистела возле моего уха, и дракон сразу же потерял к нам интерес. Его сменил другой, пока еще сохранявший прежние убеждения. Руфо, а может быть, Стар переубедили его еще до того, как он включил свою паяльную лампу. Воздух очистился — откуда-то из глубины пещеры шел встречный воздушный поток.

Между тем Стар зажгла свет, и драконы тут же устроили митинг протеста. Я бросил взгляд в глубину пещеры, куда уходил узкий ход, спускавшийся вниз и в сторону. Затем я перестал интересоваться пещерой и даже тем, что делали Руфо и Стар: явилась новая комиссия по проводам.

Ее председателю я попал в нежное нёбо еще до того, как он рыгнул. Его место занял вице-председатель, которому удалось подать короткую реплику — футов на пятнадцать, прежде чем он получил повод изменить направление мыслей. Комиссия попятилась и начала склочничать между собой.

Дракончик все это время продолжал слоняться возле пещеры. Когда взрослые удалились, он подошел к входу, задержался чуть дальше того места, где получил ожог. «Ку-верп? — спросил он жалобно. — Ку-верп? Киит?» Он явно просился к нам.

Стар тронула меня за руку.

— С вашего разрешения, милорд муж, мы готовы.

«Киит!»

— Сию минуту, — ответил я и закричал: — Брысь отсюда, малыш. Иди к своей мамочке!

Руфо просунул свою голову рядом с моей.

— Пожалуй, это невозможно, — прокомментировал он. — Похоже, дракон, которого мы убили, и был его мамашей.

Возразить было нечего, Руфо, видимо, был прав. Тот взрослый дракон, которого мы прикончили, проснулся мгновенно, как только я наступил малышу на хвост. Очень похоже на материнскую любовь, если она есть у драконов, чего я не знаю. Но какова, черт возьми, жизнь, если ты не можешь даже дракона убить без того, чтобы потом не ощутить горечи и боли!

Мы отправились в глубь холма, наклоняясь, чтобы избежать сталактитов, и обходя сталагмиты. Руфо с фонарем шел впереди. Вскоре мы оказались в сводчатом зале, пол которого стал гладким и блестящим из-за многовековых отложений кальцита. Сталактиты вдоль стен отличались нежной пастельной окраской, а сверху по центру свисала очаровательная, почти симметричная люстра, под которой сталагмит не рос. Стар и Руфо прилепили к стенам помещения дюжину кусков люминесцентной мастики, которая в Невии играет роль ночников. Она осветила зал мягким светом и рельефно высветила сталактиты.

Руфо показал мене паутину, затянувшую пространство между сталактитами.

— Это безвредные пауки, — объяснил он, — хотя они огромны и безобразны. В отличие от других, эти даже не кусаются. Но... Осторожнее! — Он оттащил меня назад. — А вот до этих штук опасно даже дотронуться. Слепые черви! Они-то нас и задерживают. Прежде чем ставить Охранение у входов, надо убедиться, что внутри все чисто. Теперь, когда Стар начинает возиться с Охранением, я могу проверить все еще раз.

Так называемые слепые черви — полупрозрачные светящиеся существа, ростом с крупную гремучую змею, покрытые слизью наподобие земляных червей. Было приятно знать, что они мертвы. Руфо нанизал их на свою шпагу — чудовищный шашлык — и вынес через тот проход, которым мы пришли.

Он быстро вернулся, и Стар закончила установку Охранения.

— Вот теперь хорошо, — вздохнул Руфо с облегчением, очищая свой клинок. — Их запах в нашем доме мне представляется явным излишеством. Они протухают очень быстро и навевают мне воспоминания о свежесодранных шкурах. Или о копре. Я вам не говорил, как я работал коком на судне из Сиднея? У нас был второй помощник, который никогда не принимал ванны, а в своей офицерской каюте держал пингвина. Женского полу, разумеется. Эта птичка была ничуть не чище помощника, и когда она...

— Руфо, — позвала Стар, — не займешься ли ты багажом?

— Иду, миледи.

Мы вынули еду, спальные матрасы, запас стрел, предметы, необходимые Стар для волшебства, или как оно там называется, а также канистры для воды. Стар еще раньше предупредила меня, что Карт-Хокеш — такое место, где химические процессы плохо совмещаются с человеческим организмом. Поэтому всю воду и питье надо приносить с собой.

Я смотрел на эти литровые канистры без всякого удовольствия.

— Девочка, не слишком ли мы урезываем наш рацион пищи и воды?

— Больше нам, по правде говоря, и не потребуется.

— Линдберг * перелетел через Атлантику на одном бутерброде с арахисовым маслом, — вмешался Руфо. — Хотя я и уговаривал его взять чего-нибудь еще.

— А откуда ты знаешь, что нам не понадобится побольше? — настаивал я. — В частности воды.

— Свою воду я буду разбавлять коньяком, — сказал Руфо. — Будете дружить со мной, поделюсь.

— Милорд муж, вода — тяжелая штука. Если мы нагрузим на себя больше жестко необходимой нормы, то, подобно Белому Рыцарю, слишком утяжелим себя для грядущих боев. Мне нужна сила, чтобы перенести из одного мира в другой трех человек, оружие и мини-

---

* Линдберг Чарлз — американский летчик, совершивший в 1927 г. первый перелет через Атлантику.

мум одежды. Самое простое — живые тела, тут я могу позаимствовать прану у вас обоих. Затем следуют материалы органического происхождения. Ты, надо думать, заметил, что наша одежда сделана из шерсти, луки — из дерева, их тетива — из кишок. Вещи же, которые никогда не были живыми, переносить труднее всего, особенно сталь, а нам необходимы шпаги, а будь у нас огнестрельное оружие, то пришлось напрягать бы все силы, чтобы взять его с собой. Однако, милорд Герой, я тебя только инструктирую. Решать должен ты сам — я же уверена, что смогу захватить с собой... ну... еще около полуцентнера мертвого груза, если будет необходимо. Если ты отберешь сам то, что тебе подскажет твой гений.

— Считайте, что мой гений пошел рыбку половить на покое. Но, Стар, любимая, тут же есть простой ответ — бери с собой все!

— Милорд?

— Джоко нагрузил нас чуть ли не тонной еды, вином, в количестве достаточном, чтобы открыть винную торговлю, и небольшим запасом воды. Плюс обширный набор орудий для убийства, нанесения ран и увечий. Даже латы. И много чего другого. В этой шкатулке хватит запасов, чтобы выдержать осаду в Карт-Хокеше, не пользуясь ни местной едой, ни местным питьем. И все это весит всего лишь пятнадцать фунтов в упакованном виде, то есть куда меньше тех пятидесяти фунтов, которые, как ты сказала, можно перенести при напряжении всех сил. Да я сам привяжу шкатулку на спину и ничего не замечу. Даже шага не замедлю. Более того, шкатулка убережет меня от искривления позвоночника. Годится?

Выражение лица Стар больше всего подошло бы матери, чье дитя задало один из «вечных» вопросов и она терпеливо пытается разъяснить ему весьма деликатную проблему.

— Милорд муж, масса будет непомерно велика. Я очень сомневаюсь, чтобы какой-нибудь колдун или колдунья могли бы передвинуть ее без помощи со стороны.

— Но я же говорю о сложенной шкатулке!

— Это ничего не меняет, милорд, масса все равно присутствует и, надо сказать, опасно присутствует. Пред-

ставь себе мощную пружину, сжатую до тугого и очень малого объема энергии. Необходима колоссальная сила, чтобы перенести сложенную шкатулку из этого мира в другой, ибо она может просто взорваться.

Я вспомнил грязевой вулкан, промочивший нас до нитки, и перестал спорить.

— Ладно. Я ошибся. Но есть еще вопрос: если масса присутствует постоянно, почему же она весит так мало в сложенном виде?

На лице Стар снова возникло то же выражение затрудненности.

— Извини, милорд, но у нас с тобой отсутствует общий язык, имею в виду математический, который позволил бы мне ответить на вопрос. Во всяком случае, сейчас. Обещаю тебе, что потом, если ты захочешь, то сможешь досконально изучить эту проблему. Или представь себе массу, столь удаленную — в каком-то другом измерении — от граней шкатулки, что местное тяготение просто может не приниматься в расчет.

(Я вспомнил эпизод, когда моя бабушка попросила меня объяснить ей телевизор — его внутренне устройство, а не бегущие картинки. Существует множество вещей, которые нельзя усвоить за десять коротких уроков, нельзя и популяризировать для широкой массы населения. Для этого нужны долгие годы работы мозга, чтобы черепушка стала мокрой от пота. Конечно, подобный взгляд можно рассматривать как тяжкое преступление в век, где правит невежество, а взгляд одного человека считается не хуже взгляда любого другого. Но факт остается фактом. Как говорит Стар — мир таков, каков он есть, и он не прощает невежества.)

Однако любопытство продолжало грызть меня.

— Стар, а ты можешь объяснить мне, почему одни вещи проходят через пространство легче других. Я говорю о шерсти и стали?

Вид у нее был грустный.

— Нет, не могу — сама не знаю. Магия — не наука, это комплекс подходов, которыми достигается определенный результат, подходов, которые работают, а почему — неизвестно.

— Похоже на инженерное проектирование. Замысел рождается из теории, а разработка идет методом тыка.

— Да, милорд муж. Волшебник — это инженер-эмпирик.

— А философ, — вмешался Руфо, — это ученый без эмпирики. Я — философ. Это лучшая из всех профессий.

Стар ничего не ответила, достала чертежный блок и познакомила меня с данными, которыми она располагала насчет Высокой Башни, из которой нам предстояло увести Яйцо Феникса. Этот блок представлял собой куб из плексигласа. Во всяком случае, он был похож на плексиглас, был таков же на ощупь и так же, как плексиглас, покрывался отпечатками пальцев.

В руке Стар держала длинную указку, которая погружалась в куб столь же легко, как в воздух. Кончиком указки Стар могла рисовать в трех измерениях. Указка оставляла тонкие светящиеся линии разных цветов — своего рода грифельная доска, но трехмерная.

Это была не магия, это была передовая технология, которая преобразит к чертовой матери все наши методы инженерного проектирования, когда мы додумаемся до того, как это делается; эта штука сыграла бы огромную роль при проектировании сложных узлов, например в авиационном моторостроении или в производстве ЭВМ. Блок имел грани около тридцати дюймов по краю, рисунок внутри можно было рассматривать под любым углом, в том числе повернув вверх ногами.

Башня-Высотой-в-Милю имела форму не шпиля, а огромного монолита и несколько напоминала ступенчатые небоскребы Нью-Йорка, только куда выше. Внутри ее лабиринт.

— Милорд рыцарь, — начала Стар виновато, — когда мы покидали Ниццу, в нашем багаже лежал законченный чертеж Башни. Теперь мне приходится восстанавливать его по памяти. Однако я так часто рассматривала тот чертеж, что, кажется, могу изобразить все точно, хотя и с нарушением пропорций. Я уверена в направлении верных проходов, что ведут к Яйцу. Вполне возможно, что фальшивые ходы и тупики я помню хуже. Ведь им я уделила меньше времени.

— Не думаю, чтобы это имело значение, — успокоил я ее. — Если я буду знать правильные ходы, то все,

чего не знаю — фальшиво. И мы ими пользоваться не будем. Разве что спрячемся туда в случае чего.

Стар нарисовала верный путь пылающим красным цветом, а фальшивые ходы — зеленым, причем зеленого на чертеже было куда больше, чем красного. У парня, что спроектировал эту башню, мозги были явно набекрень. Ходы, которые шли от того, что казалось главным входом, вели вглубь, шли то вверх, то вниз, раздваивались, сходились, расходились, проходили совсем рядом с Залом Яйца, опускались вниз, поворачивали обратно, шли окольными путями и выбрасывали вас наружу, совсем как в паноптикуме П. Т. Барнума.

Другие входы вели внутрь и запутывали вас в лабиринте, который совсем не подчинялся правилу «держитесь левой стороны». Если вы придерживались этого правила, то обрекали себя на голодную смерть. Даже путь, прорисованный красным, и тот был неимоверно труден. И если не знать комнаты, где хранилось Яйцо, можно было путаться там целый год плюс еще следующий январь в бесплодных и бессмысленных поисках.

— Стар, ты была в Башне?

— Нет, милорд. Я была в Карт-Хокеше, но далеко от Башни, в Гротто-Хиллз. Башню видела лишь издалека.

— Но кто-то ведь там был? Уверен, что это не твои... оппоненты снабдили тебя этим чертежом.

— Милорд, шестьдесят три смельчака погибли, добывая информацию, которую я вручила тебе.

(Значит, сегодня шестьдесят четвертая попытка!)

— А можно мне сосредоточиться только на красных линиях? — спросил я.

— Конечно, милорд. — Стар коснулась кнопки контроля, зеленый линии померкли. Красные начинались от трех входов — «от двери» и двух «окон».

— Это единственная дверь из тридцати или сорока, которая ведет к Яйцу? — Я показал на самый нижний вход.

— Точно так.

— Тогда именно возле этой двери они и будут поджидать нас, надеясь прикончить.

— Весьма вероятно, милорд.

— Хм-м! — Я повернулся к Руфо: — Руфо, в твоих запасах нет ли длинной, крепкой и тонкой веревки?

— Есть то, что Джоко использует в подъемниках. Она похожа на толстую леску, но выдерживает вес до полутора тысяч фунтов.

— Молодчина!

— Я так и думал, что она вам пригодится. Тысячи ярдов хватит?

— Вполне. А что-нибудь полегче есть?

— Шелковая леска для форели.

Через час мы закончили все приготовления, учтя все, что мне казалось важным, а план лабиринта сидел в моей памяти так же прочно, как алфавит.

— Стар, милая, мы готовы. Хочешь приступить к своему волшебству?

— Нет, милорд.

— Почему же нет? Чем быстрее, тем лучше.

— Потому, что не могу, любимый, Эти врата — не настоящие врата в том смысле, что тут необходима точная привязка по времени. Эти откроются всего лишь на несколько минут примерно через семь часов, а потом будут закрыты в течение нескольких недель.

Мне в голову пришла вполне естественная мысль:

— А ведь если тем типам, с которыми нам придется иметь дело, это известно, то они могут ударить по нам в ту минуту, когда мы будем выходить из врат?

— Надеюсь, нет, милорд рыцарь. Они будут думать, что мы появимся где-то в Гротто-Хиллз, поскольку им известно о существовании врат в том районе и я, действительно, собиралась ими воспользоваться. Что касается этих врат, то, если они даже известны нашим противникам, сами врата расположены для нас столь неудобно, что трудно поверить, будто мы решимся к ним прибегнуть.

— Каждое твое слово укрепляет мои надежды. Не скажешь ли ты еще что-нибудь об ожидающих нас опасностях? Что нас ждет — танки? Кавалерия? Зеленые великаны с волосатыми ушами?

Стар явно чувствовала себя не в своей тарелке.

— Все, что я скажу, может тебя только запутать. Мы вправе предположить, что их войско будет состоять скорее из сконструированных, чем из живых существ,

а это значит, что их внешний вид может быть любым. Кроме того, многое, возможно, будет иллюзией. Я говорила тебе о гравитации?

— Не думаю, наверное — нет.

— Извини, я устала, мозг работает хуже. Гравитация тут колеблется сильно и внезапно. Горизонтальная поверхность может вдруг наклониться вниз или круто пойти вверх. Другие вещи... они легко могут оказаться иллюзиями.

— Босс, если оно движется — стреляйте, — вмешался Руфо. — Если оно говорит — режьте ему глотку. Таким путем вы уничтожите немало иллюзий. Особая программа действий вам не нужна: вот они — мы, а вот они — прочие. Стало быть, сомневаешься — убивай. И не надо зря напрягаться.

— Не напрягаться, значит! О'кей, волноваться будем, когда доберемся. А посему — кончай разговоры.

— Да, милорд муж, — поддержала Стар, — будет лучше, если мы несколько часов поспим.

Что-то в ее голосе было новое. Я взглянул на нее, какие-то легкие изменения обнаружились и во внешнем облике. Она казалась меньше, мягче, более женственной и слабой, чем та амазонка, которая лишь два часа назад палила из лука в зверюгу, в сотни раз превосходящего ее по весу.

— Отличная мысль, — проговорил я неторопливо и огляделся. Пока Стар рисовала чертеж Башни, Руфо упаковал все, что мы оставляли здесь, и — теперь я это заметил — положил одну спальную подстилку у одной стены, а две других рядышком — у другой, самой дальней.

Я задал свой вопрос без слов, показав взглядом на Руфо и пожав плечами с видом «а что потом?». Ее ответный взгляд не сказал мне ни «да» ни «нет». Вместо этого она приказала:

— Руфо иди спать и дай ноге отдых. Ляг на живот или носом в стену.

Впервые Руфо показал, что не одобряет наших действий. Он ответил резко, но не на то, что Стар сказала, а на то, что подразумевалось.

— Подглядывать я не нанимался!

Стар сказала так тихо, что я едва разобрал слова:

— Извини его, милорд муж. Он стар, у него свои слабости. Когда он ляжет, я погашу свет.

— Стар, любимая, — шепнул в ответ я, — все это никак не соответствует моим представлениям о медовом месяце.

— Ты так хочешь, милорд, мой возлюбленный? — заглянула она мне в глаза.

— Да. По рецепту медового месяца полагается кувшин вина и ломоть хлеба, но там ничего не говорится о дуэньях мужского полу. Я очень сожалею.

Она положила свою легкую руку мне на грудь и опять посмотрела в лицо.

— Я очень рада, милорд.

— Рада? — Не понимаю, зачем ей понадобилось так говорить?

— Да. Нам обоим нужен сон. Из-за завтрашнего дня. Эта сильная рука, привыкшая держать шпагу, дарует нам еще много ночей и рассветов.

Я сразу почувствовал себя лучше и улыбнулся ей.

— О'кей, принцесса. Только сомневаюсь, что засну.

— Ах, конечно, заснешь.

— Побьемся об заклад.

— Выслушай меня, милорд, мой любимый. Завтра, после того как ты победишь... мы сразу же отправимся ко мне, домой. Никаких отсрочек, чтобы ты выучил язык моей страны и не чувствовал себя там чужаком. Я хочу, чтобы моя страна стала твоим домом, и немедленно. Пусть мой муж приготовится ко сну, ляжет на спину и позволит дать ему урок языка. Ты заснешь, ты же знаешь, что заснешь.

— Что ж, отличная мысль. Но тебе же сон нужен еще больше, чем мне.

— Прошу прощения, милорд, но это не так. Четыре часа сна сделают мой шаг снова пружинистым, а на устах вновь заиграет улыбка.

— Ладно!

Через пять минут я уже вытянулся на подстилке, глядя в самые дивные в мире глаза и слушая любимый голос, мягко выговаривавший слова на чуждом для меня языке.

14

Руфо тронул меня за плечо.

— Завтрак готов, босс. — Он сунул мне в одну руку сандвич, в другую — кружку пива. — Хватит для дракона, а ленч уже упакован. Я приготовил вам чистую одежду и оружие... помогу одеться, как только вы поедите. — Он был уже одет и подпоясан ремнем.

Я зевнул, откусил кусок сандвича (анчоусы, ветчина и майонез с чем-то отдаленно похожим на помидоры или латук) и осмотрелся. Место рядом со мной пустовало, но, судя по всему, Стар только что встала. Она еще не оделась. Стояла на коленях в центре зала и рисовала на полу какой-то узор.

— Доброе утро, болтушка, — сказал я. — Опять пентаграмма?

— М-м-м... — Стар не подняла даже глаз.

Я подошел поближе, чтобы рассмотреть, что она делает. Что бы это ни было, но рисунок исходил не из пятиугольной звезды. Он имел три главных центра, был очень сложен, включал несколько надписей в разных местах — я не разобрал ни языка, ни алфавита. Мне показалось, рисунок чем-то походит на проекцию гиперкуба.

— Уже позавтракала, птичка?

— Я встала давно.

— То-то ты у меня похудела. Это тессаракт *?

— Хватит! — Она откинула волосы назад, взглянула на меня и смущенно улыбнулась. — Прости меня, дорогой. Колдуньи — стервы как на подбор, это уж точно. Но, пожалуйста, не заглядывай мне через плечо. Я ведь работаю по памяти — книги пропали в болоте, и мне дьявольски трудно. И еще — прошу тебя, сегодня никаких вопросов... Ты можешь нарушить мою уверенность в себе, а я должна быть совершенно уверенной.

— Прошу извинения у миледи, — расшаркался я.

— И не надо быть со мной таким официальным, родной. Просто люби меня и быстренько поцелуй, а потом оставь в покое.

---

* Тессаракт, или гиперкуб — куб, имеющий четыре измерения.

Я наклонился к ней и наградил высококалорийным поцелуем с майонезом, после чего оставил в покое. Одевался я, одновременно приканчивая сандвич и пиво, потом зашел в естественный альков, в сторонке от Хранителей, установленных в проходе, в тот самый, что служил нам мужским туалетом. Когда я вернулся, Руфо уже ожидал меня с моей шпагой и перевязью в руках.

— Босс, вы опоздаете даже на собственное повешенье.

— Очень надеюсь.

Через несколько минут мы уже стояли на этой пентаграмме, Стар, так сказать, на площадке питчера *, а я с Руфо — на второй и третьей центральных точках. Оба мы были обвешаны вещами: я — с двумя канистрами, со шпагой Стар и с ее боевым поясом, застегнутым на самую первую дырочку, и с моим собственным оружием, а Руфо — с двумя колчанами, с луком Стар, с ее медицинской сумочкой и нашим ленчем. Наши луки с натянутыми тетивами мы зажали под левыми подмышками. Каждый держал в правой руке обнаженную шпагу. Штаны Стар я засунул сзади под ремень, откуда они торчали неряшливым хвостом, а Руфо поступил так же с ее жакетом. Что же касается ее мокасинов и шляпы, их мы распихали по карманам. Выглядели мы с ним словно уличные торговцы.

Левые руки у меня и Руфо были свободны. Мы смотрели прямо вперед, шпаги наголо, левые руки откинуты назад, каждую из них крепко держала Стар. Она занимала позицию точно в центре — ноги расставлены, прочно стоят на земле, одета так, как того требует профессия ведьм, занятых тяжелой работой, — даже заколки в волосах и той не было. Смотрелась она великолепно — волосы копной, глаза горят, лицо пылает, так что я очень жалел, что приходится стоять к ней спиной.

— Вы готовы, мои храбрецы? — возбужденно произнесла она.

— Готов! — подтвердил я.

---

* Питчер — подающий в бейсболе.

— Ave, Imperatrix, moriture te * ...

— Руфо, прекрати... Молчание! — Она затянула песнь на незнакомом мне языке. По затылку побежали мурашки.

Стар кончила петь, еще сильнее сжала наши руки и крикнула:

— Пошел!

Внезапно, как внезапно захлопывается дверь, обнаружилось, что я (нормальный герой Бута Таркингтона) попал в ситуацию, привычную скорее героям Микки Спиллейна **. У меня не было времени даже простонать. Вот оно — прямо передо мной, это существо, готовящееся срубить меня, и я воткнул ему клинок прямо в брюхо, выдернул его обратно, пока оно решало, в какую именно сторону упасть. Сразу же — его приятель, которого пришлось успокоить тем же способом. Еще один скорчился внизу, пытаясь нанести мне удар в ногу, просовывая оружие между ног своих товарищей по службе. Я метался как голый однорукий среди муравейника и даже не заметил, как Стар сорвала с меня свою шпагу. Зато увидел, как она зарубила противника, намеревавшегося стрелять в меня. Стар была повсюду одновременно, голая как лягушка и вдвое более ловкая. Переход между мирами вызвал чувство, сходное с ощущением, которое испытываешь в быстро опускающемся лифте, и, надо думать, резко изменившаяся гравитация была бы для нас трудным испытанием, будь у нас время об этом подумать.

Стар даже воспользовалась этим обстоятельством. Прикончив парня, нацелившегося пристрелить меня, она проплыла над моей головой и головой еще одного надоеды, ткнув его по пути шпагой в шею, после чего он навсегда потерял желание к кому-либо приставать.

Я считал, что она помогает и Руфо, но времени для наблюдений у меня не было. Я слышал, как он кряхтит за моей спиной, из чего следовало, что он все еще больше выдает, чем получает.

Тут он заорал:

---

* Императрица, идущие на смерть (приветствуют) тебя (*лат.*).

** Бут Таркингтон (1869—1946) — американский романист и драматург; Микки Спиллейн — один из родоначальников жанра «крутого» детектива.

— Ложись! — И что-то ударило меня под колени, я упал, приложившись весьма капитально, и уже готовился вскочить на ноги, когда сообразил, что виновником падения был Руфо. Он лежал на брюхе рядом со мной и из чего-то, что могло быть пистолетом, палил по движущимся целям — там, на равнине, прячась за трупом одного из участников этой игры.

Стар тоже лежала, но уже не сражаясь. Что-то пробило дырку в ее правой руке между локтем и плечом.

Вблизи от меня ничего живого не наблюдалось, но на расстоянии четырехсот-пятисот футов от нас ясно виднелись какие-то цели, весьма быстро передвигающиеся. Я видел, как одна из целей упала, услышал странное гудение и почуял запах горелой плоти. Одно из странных ружей валялось на трупе, лежавшем слева от меня. Я схватил его и попытался понять принцип действия. Там был приклад и какая-то трубка — видимо, ствол, все остальное не лезло ни в какие ворота.

— Вот так, мой Герой, — Стар подползла ко мне, волоча за собой раненую руку и оставляя кровавый след. — Прижми его к плечу как винтовку и смотри в него. Там, под большим пальцем левой руки, есть кнопка. Нажми на нее. Вот и все — ни поправки на ветер, ни поправки на дальность.

И никакой отдачи, как я обнаружил, выследив одну из бегущих фигур и нажав на кнопку. Возник клубочек дыма, и фигура упала. «Луч смерти», или лазерный луч, или что-то еще — а ты цельсь, нажимай кнопку — и кто-то далеко от тебя закончит пикник с прожженной в теле дырой.

Я сбил еще парочку, работая слева направо, и с помощью Руфо прикончил все мишени. Ничто, насколько я мог видеть, больше нигде не шевелилось.

— Лучше продолжать лежать, босс. — Руфо подкатился к Стар, открыл ее медицинскую сумочку, висевшую на его поясе, и торопливо наложил ей грубую повязку на раненую руку.

Потом повернулся ко мне:

— Как сильно вы ранены, босс?

— Я? Ни царапины!

— А что это на рубашке? Кетчуп? Когда-нибудь вам влепят хороший заряд. Давайте посмотрим.

Я позволил ему расстегнуть куртку. Кто-то, с помощью зазубренного, как пила, лезвия, проделал мне в левом боку, пониже ребер, изрядную дырку. Я ее не заметил и боли не чувствовал — до тех пор пока не увидел, а уж тогда она заныла, да так, что голова закружилась. Дело в том, что я совершенно не одобряю насилия, когда оно обращено к моей персоне.

Пока Руфо делал перевязку, я смотрел в сторону, чтобы не видеть рану.

Вблизи нас валялось около дюжины убитых, плюс почти половина этого количества лежали вдали — бежавшие; думаю, уничтоженные поголовно. Как? А как собака весом в шестьдесят фунтов, имеющая на вооружении только зубы, хватает, валит на землю и держит до зубов вооруженного человека? Ответ: благодаря атакующему мужеству.

Думаю, что мы прибыли в Карт-Хокеш в то самое время, когда производилась смена караула у врат, и, если бы мы появились со шпагами в ножнах, нас тут же зарубили бы. А получилось, что мы убили многих прежде, чем они поняли, что драка уже началась. Они были рассеяны, деморализованы, и нам удалось уничтожить их всех, включая и бежавших. Карате и ряд других видов рукопашной (кроме бокса и тех игр, в которых действуют жесткие правила) основаны на том же — нападай, бей на уничтожение и не пугайся. Все эти виды — не столько умение, сколько отношение к делу.

У меня было время, чтобы рассмотреть наших противников — один из них лежал ко мне лицом с распоротым брюхом. «Иглины дети» назвал бы я их, только более экономичной модели. Ни красоты, ни пупков, ни ума, созданные, надо думать для одной цели — драться и стараться выжить. Это, правда, и к нам относится, но мы были пошустрее. Зрелище это действовало мне на пищеварение, поэтому я перевел взгляд на небо. Тут было нисколько не лучше — небо было какое-то ненастоящее, виделось как бы вне фокуса. Оно нависало, и цвет был неправильный, что раздражало, как картина абстрактного живописца. Я снова посмотрел на наши

жертвы — теперь, в сравнении с небом, они казались почти приятными.

Пока Руфо перевязывал меня, Стар вползла в свои брюки и мокасины.

— А можно я сяду, чтобы надеть и жакет? — спросила она.

— Нет! — ответил я. — Может, они считают нас мертвецами. — Руфо и я помогли ей одеться, не высовываясь над баррикадой мертвых тел. Боюсь, что руку мы ей растревожили, хотя все, что она сказало, было:

— Шпагу перевесьте мне на правый бок. Что будем делать дальше, Оскар?

— Где твои подвязки?

— У меня, но я не уверена, что они тут сработают. Это очень странное место.

— Уверенность в себе! Вот о чем мы говорили всего лишь несколько минут назад. А ну-ка, заставь свой крохотный умишко напрячься, веря, что из этого кое-что получится.

Мы собрались в кучку, вместе с имуществом, дополненным тремя «ружьями» плюс чем-то вроде пистолетов, затем нацелили дубовую стрелу на крышу Башни-Высотой-в-Милю. Она возвышалась над всей округой — скорее гора, чем здание, черная и страшная.

— Готовы? — спросила Стар. — И вы тоже верьте! — Она нарисовала что-то пальцем на песке. — Вперед!!!

И мы полетели. Уже в воздухе я понял, какую роскошную мишень мы собой представляли, но и на земле мы тоже были легкой добычей для каждого, кто сидел в Башне, так что было бы гораздо хуже, двинься мы к Башне пешедралом.

— Быстрее! — орал я в ухо Стар. Пусть она летит еще быстрее!

Так и вышло. Воздух завыл у меня в ушах, мы ныряли вниз, взмывали вверх, скользили вбок, пролетая над теми гравитационными возмущениями, о которых предупреждала Стар. Возможно, это нас и спасло — как цель мы очень потеряли в качестве. Впрочем, если мы перебили весь сторожевой отряд, то в Башне могли еще и не знать о нашем прибытии.

Земля под нами лежала серо-черной пустыней, окруженной горным кольцом вроде лунного кратера, причем Башня играла роль главного пика. Я рискнул бросить взгляд на небо и попытался понять, что с ним такое. Солнца не было. Звезд не было. Небо ни черное, ни голубое — свет идет отовсюду, и оно распадалось на ленты, клубящиеся формы и провалы теней — всех цветов радуги.

— Во имя Господа Бога, что же это за планета?! — воскликнул я.

— Это не планета, — прокричала в ответ Стар. — Это место в совершенно уникальной Вселенной. Жить здесь нельзя.

— Кто-то же живет там, — указал я на Башню.

— Нет, нет, тут никто не живет. Она построена только для того, чтобы хранить Яйцо.

Мне еще не до конца была ясна вся чудовищность этой идеи. Тут я вспомнил, что мы не осмеливаемся здесь ни есть, ни пить и поразился, как это мы дышим тут воздухом, если местная химия для нас отрава? Грудь у меня стеснило, где-то внутри появилось жжение. Тогда я спросил об этом Стар, а Руфо застонал (он вполне имел право на два-три стона — его до сих пор не вырвало, во всяком случае, я не видал).

— О, по меньшей мере двадцать часов, — ответила она. — Забудь об этом. Это не имеет значения.

Пусть так, но грудь у меня действительно болела, я даже застонал.

Сразу же после этих слов, мы сели на крышу Башни. Стар еле успела произнести свое «Амех» — мы чуть не проскочили мимо.

Крыша была плоская, покрытая вроде бы черным стеклом, площадью в двести квадратных ярдов. И не было там никакой хреновины, к которой можно было бы привязать веревку.

А я-то рассчитывал по крайней мере на вентиляционную трубу!

Яйцо Феникса лежало прямо под нами на глубине ста ярдов. В мозгу у меня было два плана на случай, если мы все же доберемся до Башни. В ней были три отверстия (из сотен), от которых шли верные ходы к Яйцу и

к Никогда-Не-Рожденному Пожирателю Душ — местному военному полицейскому, сторожившему Яйцо.

Одно отверстие было на уровне земли — я его сразу исключил. Второе — в сотне футов от земли, и я о нем размышлял всерьез: пустить стрелу с тонкой леской так, чтобы она обмоталась вокруг чего-нибудь точно над окном, пользуясь леской, подтянуть более толстую веревку, подняться по ней — пустяк для опытного альпиниста, каковым я не был, но Руфо — был.

Но, как выяснилось, на Башне ничего не торчало — истинно современный дизайн, доведенный до абсурда.

Второй план заключался в том, чтобы добраться до крыши Башни, спуститься вниз по тросу до третьего «настоящего» отверстия, которое находилось почти на одном уровне с Яйцом. И вот мы там, все готово, кроме штуки для крепления веревки.

Мысли задним числом — всегда самые наилучшие... И почему же я не попросил Стар прямо подлететь вместе с нами к этой дыре в стене?!

Ну, во-первых, потребовалось бы очень точно нацеливать эту дурацкую стрелу, во-вторых, мы могли ошибиться «окошком», а в-третьих, и в главных — я просто об этом вовремя не подумал.

Стар сидела и нянчила раненую руку. Я спросил:

— Детка, а ты можешь медленно и спокойно слететь с нами вниз на пару сотен футов и доставить нас к дыре, которая нам нужна?

Она просмотрела на меня и ее лицо вытянулось.

— Нет.

— Ну что ж, плохо.

— Мне не хотелось об этом говорить, но я пережгла подвязки, летя на такой скорости. Теперь они никуда не годятся, пока их не перезарядить. Но того, что мне нужно, тут нет — заячья кровь, волшебные травки и тому подобное.

— Босс, — вмешался Руфо, — а как насчет того, чтобы использовать как столбик для крепления троса всю Башню?

— Это как?

— Да ведь веревки у нас до черта!

Это была вполне рабочая гипотеза — обойти крышу по периметру с веревкой в руках, затем завязать узел

и спустить свободный конец вниз. Так мы и сделали, но свободными у нас остались только сто футов троса из всей длины в тысячу ярдов.

Стар внимательно наблюдала за нами. Когда же мне пришлось сознаться, что нам не хватает примерно сотни футов троса, что почти так же плохо, как и его полное отсутствие, она произнесла задумчиво:

— Интересно, а не сгодится ли Ааронов посох?

— Сгодится, если он будет держаться на этом столе-перекрестке для пинг-понга. А что такое Ааронов посох?

— Он делает твердые вещи мягкими, а мягкие — твердыми. Нет, нет, не это! Впрочем, это — тоже, но я-то предлагаю уложить веревку поперек крыши, спустив примерно десять футов по задней стене Башни. Затем сделать этот конец и ту часть, что лежит на крыше, твердыми как камень и прочными как сталь — получится что-то вроде крюка.

— И ты можешь это сделать?

— Не знаю. Это из «Ключа Соломонова», такое заклинание. Не уверена, что мне удастся его вспомнить, и не знаю, работают ли подобные вещи в этой Вселенной.

— Уверенность, уверенность и еще раз — уверенность! Должно получиться!

— Не помню, как оно начинается... Дорогой, а ты не смог бы меня загипнотизировать? Руфо не может, во всяком случае меня.

— Но я же об этом деле и представления не имею!

— А ты сделай как я, когда даю тебе уроки языка. Смотри мне в глаза, говори нежно и спокойно, прикажи мне вспомнить Слово. А может быть, лучше сначала уложить этот трос?

Так мы и сделали, причем я спустил с крыши не десять а целых сто футов, по принципу «чем больше, тем лучше». Стар легла на спину, а я стал уговаривать ее, раз за разом тихо повторяя одни и те же слова (без особой убежденности).

Стар закрыла глаза и, казалось, уснула. И вдруг начала бормотать что-то на непонятном языке.

— Эй, босс! Эта проклятущая штуковина крепка, как утес, и сурова, как пожизненный приговор!

Я немедленно приказал Стар проснуться, и мы начали спуск со всей доступной нам скоростью, молясь, чтобы трос над нами не размягчился. Мы ничем не укрепляли свободный конец, я просто попросил Стар «накрахмалить» его до уровня окошка и спустился по нему, убедясь, что оно именно то, которое нужно — в третьем ряду, четырнадцатое по счету. Затем ко мне соскользнула Стар, и я принял ее прямо в свои объятия. Потом Руфо спустил наш багаж — преимущественно оружие — и последовал за ним.

Мы были в Башне, пробыв на планете, извиняюсь, в «месте», называемом Карт-Хокеш, всего лишь каких-нибудь сорок минут.

Я остановился и стал приводить план Башни, хранившийся в моей памяти, в соответствие с реальной обстановкой, устанавливая местонахождение Яйца и направление верных ходов.

О'кей! Осталось лишь пройти несколько сот ярдов, схватить Яйцо Феникса и бежать. Грудь перестала болеть.

15

— Босс, — сказал Руфо, — взгляните-ка на равнину.

— На что?

— Ни на что, — ответил он. — Мертвяков-то не видно! А мы, готов поклясться, должны были бы их видеть на фоне черного песка, где нет даже кустика, способного загородить перспективу.

Я не стал смотреть.

— Это проблемы крыс и мышей, будь они прокляты. А нам надо работать. Стар, ты можешь стрелять левой рукой? Ну хотя бы из этих пистолетов?

— Разумеется, милорд.

— Держись футов в десяти от меня, стреляй в любую движущуюся мишень. Руфо, ты пойдешь за Стар с натянутым луком и стрелой наготове. Бей во все, что покажется подозрительным. Повесь на плечо одно из этих ружей, вместо ремня возьми кусок веревки. — Я подумал еще. — Большую часть багажа придется бросить. Стар, ты лук натягивать не сможешь, так что оставь его здесь, хоть он и очень красив. Брось и

колчан. Мой колчан Руфо повесит на спину вместе со своим — стрелы у нас одинаковые. Жаль бросать мой лук, я к нему привык. Но надо. Будь оно все неладно.

— Я понесу его, мой Герой.

— Нет, все барахло, которым мы не будем пользоваться, надо выбросить. — Я отцепил свою канистру, сделал несколько больших глотков и передал ее остальным. — Пейте и выбросьте.

Пока Руфо пил, Стар перекинула мой лук через плечо.

— Милорд муж, он очень легок и ничуть не помешает мне стрелять. Ну как?

— Если он будет мешать, обрежь тетиву и забудь. Теперь пейте сколько нужно и пошли. — Я поглядел в глубь коридора, в котором мы находились — пятнадцать футов в ширину, столько же в высоту, освещенный неизвестно чем и неизвестно откуда, заворачивающий направо, что полностью соответствовало картинке в моем мозгу. — Готовы? Будьте начеку. Если не сможем изрубить всех в капусту, будем стрелять и колоть, почести павшим отдадим потом. — Я обнажил шпагу, и мы двинулись походным маршем.

Почему со шпагой, а не с одним из этих лучевых ружей? У Стар было такое, и она разбиралась в нем получше меня, я даже не знал, как долго надо жать на кнопку. Стрелять Стар умела, это доказывало ее обращение с луком, а в битве она была столь же хладнокровна, как Руфо или я.

Я расположил свое войско и роды оружия в силу своего разумения. Руфо в тылу с запасом стрел мог воспользоваться ими в любую минуту, но в то же время имел возможность в случае нужды перейти либо на шпагу, либо на одно из «ружей» — как подсказал бы ему разум.

Мне не надо было подавать советы — он и сам был с усами.

Итак, с тылу меня подкрепляло оружие дальнего боя — древнее и ультрамодерновое, находившееся в руках людей, умевших им пользоваться, а также обладающих боевым темпераментом — последнее особенно важно (вы знаете, сколько человек во взводе действительно

стреляют в схватке? От силы — шесть. Вернее — три. Остальные — обмирают).

И все же — почему я не вложил шпагу в ножны и не взял одно из этих удивительных ружей?

Хорошо сбалансированная шпага — самое универсальное оружие, из всех изобретенных для ближнего боя. Пистолеты и винтовки — они для нападения, а не для обороны. Кинься на противника рывком, он даже не успеет выстрелить из своей винтовки, а ведь ему надо остановить тебя на приличном расстоянии. А если броситься на человека, вооруженного клинком, то он проткнет тебя как жареного голубя, конечно, в том случае, если у тебя самого нет клинка или ты им владеешь хуже, чем он.

Шпагу никогда не заклинит, ее не нужно перезаряжать: она всегда готова к бою. Основной ее недостаток — она требует большого искусства в обращении и спокойной, «любящей» практики в овладении этим искусством. Научить этому необученных рекрутов нельзя ни за несколько недель, ни за несколько месяцев.

Но главное (а это и есть основная причина) — радость ощущать эфес Леди Вивамус, чувствовать ее готовность врубиться во вражескую плоть, придавали мне смелость в той ситуации, которая страшила меня до потери слюны во рту — ее не хватило бы даже для плевка.

Они (интересно, кто такие эти «они»?) могли стрелять в нас из засады, травить нас газами, готовить для нас ловушки и многое другое. Сделать это они могли и в том случае, если бы я был вооружен одним из тех странных ружей. Со шпагой же в руках я чувствовал себя свежим и смелым — и это ставило мой маленький отряд почти что вне опасности. Если командир считает нужным таскать с собой заячью лапку, пусть таскает, а эфес этой чудесной шпаги был куда лучшим талисманом, чем все заячьи лапки штата Канзас.

Коридор тянулся вдаль, прямой, ровный, казалось не таивший ни звука, ни угрозы. Вскоре вход в него остался позади. Большая Башня была пуста, но не мертва. Она жила, как по ночам живет музей — сборище призраков старины и древнего зла. Я еще крепче сжал

рукоять шпаги и лишь усилием воли расслабился и чуть-чуть разжал пальцы.

Мы подошли к крутому повороту налево. Я резко затормозил.

— Стар, этого поворота на чертеже не было!

Она не ответила. Я стал настаивать:

— Да, не было. Или был?

— Я не уверена, милорд.

— Ладно. Но я уверен. Хм-м...

— Босс, — сказал Руфо. — А вообще-то вы уверены, что мы вошли в правильное окно?

— Уверен. Я могу ошибиться, но я уверен, так что, если я ошибся, то мы можем считать себя мертвецами. М-м-м... Руфо, возьми лук, надень на него шляпу, высунь его, будто это человек, выглядывающий из-за угла, и держи ее на высоте человеческого роста, пока я сам посмотрю, что там делается, но только с более низкой позиции. — Я лег на живот.

— Готов? Давай... — Я умудрился выставить глаз в шести дюймах от пола, пока Руфо вызывал огонь на более высокую точку.

Ничего там не было, кроме пустого коридора, стрелой уходившего вдаль.

— О'кей, следуйте за мной! — Мы зашли за угол.

Пройдя несколько шагов, я встал:

— Что за черт!

— Что-нибудь не так, босс?

— Все! — Я обернулся и понюхал воздух. — Тут все не так. Яйцо находится вон там, — проговорил я и показал: — Примерно, ярдах в двухстах, если верить чертежу в блоке.

— А чем это плохо?

— Не знаю. Дело в том, что именно такими были направление и угол до того, как мы свернули в это колено коридора. Теперь же Яйцо должно было быть справа от нас, а там его нет.

— Босс, послушайте, а почему бы нам просто не следовать теми проходами, которые вы запомнили хорошо? Вы же не можете помнить все мелкие детали.

— Заткнись. Смотри вперед, следи за коридором. Стар, стань на углу и следи за мной. Я кое-что хочу проверить.

Оба встали на свои места. Руфо — «впередсмотрящим» и Стар, которая могла смотреть у поворота направо в обе стороны. Я вернулся в первый «рукав» коридора, потом пошел обратно. Не доходя до поворота, закрыл глаза и шагнул вперед. Сделав десяток шагов вперед, я остановился и открыл глаза.

— Теперь все ясно, — сказал я Руфо.

— Что ясно?

— А то, что никакого поворота не существует, — и я показал на поворот.

— Босс, как вы себя чувствуете? — он попытался потрогать мой лоб.

— Нет у меня жара. Идите за мной. — Я повел их обратно футов на пятьдесят в глубину первого «рукава» и остановился. — Руфо, выпусти стрелу вон в ту стену, в которую упирается коридор. Пусти ее так, чтобы она ударилась футах в десяти от пола.

Руфо вздохнул, но повиновался. Стрела взвилась и... исчезла в стене. Руфо пожал плечами:

— Попал в какую-то дыру! Из-за вас потерял стрелу, босс.

— Возможно. Теперь пошли обратно. — Мы завернули за угол и там обнаружили нашу стрелу, лежащей на полу довольно далеко от поворота. Я позволил Руфо поднять стрелу, он внимательно рассмотрел ее, потрогал вытесненный на ней герб Дораля и положил ее обратно в колчан. Мы пошли дальше.

Потом мы подошли к месту, где ступени лестницы повели нас вниз, тогда как моя «шишка направления» утверждала, что мы поднимаемся и место нашего назначения соответственно с этим меняло и направление и угол. Я закрыл глаза для проверки и физически ощутил, что поднимаюсь. Значит, глаза меня обманывали.

Это было похоже на один из этих «хитрых» домов в парках отдыха, где горизонтальный пол оказывается вовсе не горизонтальным — очень похоже, но только в степени, возведенной в куб.

Я перестал сомневаться в правильности чертежа Стар и шел по его трассе, независимо от того, что подсказывало мне мое зрение. Когда коридор вдруг разветвился на четыре, тогда как память мне говорила, что тут только два ответвления, из которых одно —

тупик, я решительно зажмурил глаза и шагнул туда, куда глядел мой нос — и Яйцо осталось там, где оно и должно было быть по моим расчетам.

Но Яйцо отнюдь не обязательно должно было приближаться к нам с каждым новым поворотом или с новой развилкой, и правило, что прямая — это кратчайшее расстояние между двумя точками пути, не работало. Наш путь был запутан, как кишки в животе человека — архитектор явно предпочитал кренделя прямым линиям и углам. Еще хуже получилось в том случае, когда мы взбирались по лестнице вверх, тогда как по чертежам тут был горизонтальный отрезок, гравитационная аномалия обрушилась на нас с огромной силой, и мы оказались на потолке.

Особого вреда нам это не причинило, но, когда мы достигли предела, гравитация снова изменилась и нас сбросило с высоты на пол. С вылезающими из орбит глазами я помог Руфо собрать рассыпанные стрелы, и мы двинулись дальше. Мы приближались к логову Никогда-Не-Рожденного и к Яйцу.

Коридоры стали сужаться, их стены приобрели грубую фактуру, обманные проходы также стали уже и ничем не отличимыми от настоящих, а свет стал меркнуть.

И это было еще не самое плохое. Я не боюсь темноты и тесных помещений. Только намертво забитый людьми подъемник в универсаме в день дешевой распродажи может вызвать во мне ощущение клаустрофобии. Но я услышал крыс!

Крысы, множество крыс, бегали и визжали в стенах — вокруг нас, под нами, над нами. Я покрылся потом и стал жалеть, что выпил столько воды. Темнота и теснота усиливались, теперь мы уже ползли через узкий тунель, пробитый в камне, сначала на четвереньках, потом на брюхе, в полной тьме, как будто это было подземелье замка Иф. И крысы перебегали нам дорогу с писком и шорохом когтей.

Нет, я не заорал. Стар ползла за мной, она не визжала и не стонала из-за раненой руки — и я не имел права кричать. Она похлопывала меня по ноге каждый раз, как мы продвигались вперед на считанные

дюймы, давая знать, что с ней все в порядке и с Руфо все тоже о'кей. Мы не могли тратить силы на разговоры.

Я увидел что-то едва различимое — два призрачных пятна где-то впереди, остановился, всмотрелся, моргнул слезящимися глазами, снова всмотрелся. Потом шепнул Стар:

— Я что-то вижу. Побудь тут, а я поползу вперед и узнаю, что это такое. Поняла?

— Да, милорд Герой.

— Повтори это Руфо.

А потом я совершил единственный по-настоящему смелый поступок за всю мою жизнь — пополз вперед. Смелость — это когда ты продолжаешь идти вперед, несмотря на то что смертельно напуган, напуган так, что твой сфинктер * уже не держит, сердце готово разорваться, ты не можешь даже вздохнуть. Вот это и есть точное описание (на данный момент) состояния И. С. Гордона — бывшего пехотинца и героя по профессии. Я был почти уверен, что знаю, чем были эти два тусклых отблеска, и чем ближе я к ним подползал, тем больше росла моя уверенность — я мог даже обонять эту пакость, я даже начал различать ее очертания.

Крыса. Нет, не обычная крыса, что живет на городских помойках и иногда кусает детей. Нет, гигантская крыса, чей размер позволяет ей заблокировать эту нору, но будучи все же меньше меня, она обладает большей свободой маневра для наступления, той свободой, которой у меня нет вообще. В лучшем случае я мог только протискиваться вперед, держа перед собой шпагу и пытаясь так направить ее острие, чтоб встретить нападающую крысу, заставить ее подавиться острой сталью, ибо если она избежит клинка, то у меня останутся только голые руки да надежда использовать их, несмотря на тесноту. Крыса бросится мне в лицо.

Я проглотил кислую слюну с запахом блевотины и преодолел еще несколько дюймов. Глаза крысы опустились к полу, как будто она готовилась к прыжку.

Но прыжка не последовало. Оба огонька теперь стали более четкими и как бы разошлись в стороны, и, когда я продвинулся вперед еще на два-три фута, я с

---

* Сфинктер — запирательная мышца, сжиматель.

потрясающим облегчением понял, что это не крысьи глаза, а что-то другое, причем мне уже было абсолютно наплевать, что именно.

Еще дюйм, еще. Яйцо находилось где-то совсем рядом, а я до сих пор не знал, что оно такое, а поэтому было бы лучше сначала взглянуть самому, а уж потом позволить Стар ползти сюда.

«Глаза» оказались двумя дырками в занавесе, который прикрывал выход из крысиной норы. Я увидел, что это гобелен, увидел обратную сторону вышивки и наконец обнаружил, что вполне могу заглянуть в одну из дырок, когда доползу до нее.

За занавесом находилась большая комната, пол которой лежал примерно на фут ниже пола туннеля. В дальнем конце, футах в пятидесяти от меня, рядом со скамьей стоял человек и читал книгу. Я рассматривал его, а он, подняв глаза от книги, глянул в мою сторону. Казалось, он пребывал в нерешительности.

Я не колебался ни секунды. Нора в этом месте была пошире, так что мне удалось подобрать под себя ноги и рвануться вперед, откинув в сторону гобелен своей шпагой. Я споткнулся, вскочил на ноги, готовый к бою.

Он был так же быстр, как я. Швырнул книгу на скамейку, выхватил свою шпагу и двинулся мне навстречу в то самое мгновение, когда я вылетел из норы.

Он принял стойку ан-гард — колени согнуты, кисть напряжена, левая рука за спиной, клинок нацелен мне в лицо — ну прямо учитель фехтования. Он оглядел меня с ног до головы, наши вытянутые клинки разделяло три-четыре фута.

Я не кинулся на него. Есть такая рискованная тактика — «Мишень для уколов», иногда практикуемая самыми опытными фехтовальщиками, заключающаяся в стремительном наступлении с вытянутыми в одну линию рукой, кистью и шпагой — все нацелено на атаку и ничего для защиты от шпаги противника. Но эта позиция результативна только в том случае, если момент нападения тщательно рассчитан, если вы видите, что ваш противник на мгновение расслабился. В противном случае — это самоубийство.

И в данном случае это было бы самоубийство: он был начеку, словно выгнувший спину бродячий кот, готовый к драке.

Я попытался оценить его боевые качества, а он, в свою очередь, так же внимательно изучал меня. Это был маленький ловкий человек с руками явно более длинными, чем полагалось иметь по росту. Не могу сказать, что это сулило мне какие-нибудь преимущества, тем более что он обладал старомодной рапирой, более длинной, чем Леди Вивамус (возможно, это обстоятельство могло повлиять на скорость его движений, разве что кисть у него окажется очень сильной). Одет он был так, как одевались в Париже при Ришелье, а не по моде Карт-Хокеша. Нет, тут я не прав: Большая Башня была вне моды, иначе и я бы тут выглядел старомодно в моем стилизованном робин-гудовском костюме. «Иглины дети», которых мы встречали, вообще были без одежды.

Это был очень некрасивый и дерзкий человек с озорной улыбкой и самым крупным носом к западу от Дюранс *, заставивший меня вспомнить нос моего первого сержанта, который не терпел, когда его поддразнивали кличкой «Носач». Впрочем, на этом сходство между ними и заканчивалось — мой сержант никогда не улыбался, а глазки у него были злые и свинячьи. У этого человека глаза были веселые и гордые.

— Ты христианин? — Тон был очень требовательный.

— А тебе-то что?

— Ничего. Кровь есть кровь, тут разницы нет. Но если ты христианин, то покайся в грехах. Если язычник — обратись к своим ложным богам. Я дам тебе не больше трех схваток. Но я сентиментален и всегда хочу знать, кого мне предстоит убить.

— Я американец.

— Это страна? Или болезнь? И что вообще ты делаешь в Хоуксе **?

— Хоуксе? Или Хокеше?

Свое безразличие он выразил только глазами, острие рапиры даже не дрогнуло.

— Хоукс, Хокеш — вопрос географии и произношения. Этот замок находился где-то в Карпатах, поэто-

---

* Нижний приток р. Роны, южная Франция.

** Грубая шутка, обман (*англ.*).

му «Хокеш» правильнее, если сознание твоей правоты доставит тебе удовольствие перед смертью. Ну а теперь начнем наш дуэт.

Он скользнул ко мне так быстро и так плавно, что, казалось, плыл по воздуху, и наши клинки зазвенели, когда я парировал его в позиции сикста и сделал ответный выпад, и был отбит — ремиз, реприз, снова выпад — схватка лилась так легко, так долго и с таким разнообразием приемов, что посторонний зритель принял бы ее не за бой, а за салют дуэлянтов *.

Но я-то знал! Этот первый выпад должен был убить меня на месте, и на это же было рассчитано каждое его движение в течение всей схватки. И одновременно он испытывал меня, испытывал крепость кисти, искал слабые места, изучал, боюсь ли я ударов в нижнюю часть тела, постоянно возвращался к выпадам в верхнюю часть туловища, а возможно, и изыскивал способ обезоружить меня. Мне практически ни разу не пришлось сделать выпад, не было даже отдаленного шанса на это, каждая часть схватки была навязана мне, я лишь отвечал, стараясь изо всех сил сохранить жизнь.

Уже через три секунды я понял, что против меня стоит фехтовальщик гораздо более высокого класса, чем я, — со стальной кистью, столь же гибкий, как нападающая змея. Это был единственный фехтовальщик из всех мне известных, который пользовался примой и октавой, пользовался, я имею в виду, так же часто, как сикстой и квартой. Их, разумеется, изучают все, мой собственный учитель заставлял меня практиковаться в них столько же, сколько и в остальных шести, но большинство фехтовальщиков прибегают к ним, лишь когда к этому вынуждают обстоятельства — из страха потерять очко.

Мне же грозила опасность потери не очка, а жизни, и я знал, знал еще задолго до окончания первой затянувшейся схватки, что, каковы бы ни были ставки, жизнь я потеряю.

---

* Здесь и далее в тексте содержатся термины, имеющие отношение к фехтованию: позиция (прима, секунда, сикста и др.) и приемы (рипорт, реприз, ремиз и т. д.), принятые во французской школе фехтования.

А этот идиот при первом же лязге скрестившихся шпаг принялся скандировать!

Мне жаль вас! Где вам воевать?
Зачем вы приняли мой вызов?
Куда же вас пошпиговать,
Прелестнейший из всех маркизов?
Бедро? Иль крылышка кусок?
Что подцепить на кончик вилки?
Так, решено: сюда вот, в бок,
Я попаду в конце посылки * ...

Стихи были достаточно длинны, чтобы прикрыть по меньшей мере тридцать почти увенчавшихся успехом покушений на мою жизнь, а на последнем слове нападающий отступил так же плавно и неожиданно, как вступил в бой.

— Что ж ты, дружок? Подхватывай! Уж не хочешь ли ты, чтобы я пел один? Хочешь умереть как клоун перед глазами прекрасных дам? Пой! И сумей сказать свое «прости» грациозно, так, чтобы последняя твоя рифма бежала бы вперегонки со смертным хрипом в твоей глотке! — Он несколько раз притопнул правым ботфортом, будто собирался танцевать фламенко. — Пробуй же! Цена-то все равно будет одна — и так и этак!

Я не опустил глаза к полу, когда раздалось щелканье сапога — это старый гамбит, некоторые фехтовальщики притопывают при каждом выпаде и даже при ложных выпадах, надеясь, что резкий звук действует на нервы противника, выбивает его из темпа, заставляет отшатываться назад и таким образом доставляет им желанное очко. Последний раз, когда я попался на эту удочку, относится ко времени, когда я еще и бриться не начал.

Но его слова подтолкнули мою мысль. Его выпады были коротки — глубокие выпады противопоказаны рапире, они слишком опасны в настоящем бою. Я уже начал отступать, медленно, так как за спиной была стена. Сразу же, как начнется новая схватка, я либо

---

* Эдмун Ростан «Сирано де Бержерак» (пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник).

превращусь в пришпиленную к обоям бабочку, либо споткнусь обо что-нибудь, полечу вверх тормашками и тогда он нанижет меня на рапиру, как нанизывают на острый штырь бумажные обрывки в скверах. И тем не менее, я не осмеливался покинуть стену.

Хуже всего было то, что Стар могла в любую минуту появиться из крысиной норы, что находилась за моей спиной, и тогда ее убили бы в самый момент появления, и даже если бы я тут же пронзил шпагой моего противника, это бы ничего не изменило. Но если бы мне удалось развернуть его в другую сторону... Моя любовь была практичной женщиной, и никакие «спортивные соображения» не удержали бы ее шпагу от погружения в спину врага.

Тут же в голову пришла и другая счастливая мысль: если я подыграю его безумию, попробую рифмовать и декламировать, то он, возможно, еще поиграет со мной, прежде чем решится меня заколоть.

Но и затягивать эту игру было нельзя. Я не заметил, когда он успел задеть мне руку ниже локтя. Это была просто царапина, которую Стар залечила бы в несколько минут, но она могла ослабить мою кисть и поставить меня в трудные условия при парировании ударов в нижнюю часть тела — кровь сделает рукоять скользкой.

— Первая строфа, — объявил я, делая шаг вперед и слегка поигрывая клинком. Он отнесся к этому с полным пониманием, не стал напирать, а начал как бы играть с кончиком моей шпаги, еле прикасаясь к нему легкими парирующими движениями.

Это было именно то, на что я надеялся. Я стал передвигаться вправо, одновременно декламируя, и он разрешил мне это.

Раз Твидлдам и Твидлди
Решили скот украсть.
Сказал братишке Твидлди:
«Свою взнуздаю часть!»

— Ну, ну, старина, — сказал он ворчливо, — воровать-то нехорошо. Лучше быть честным, дружок. К тому же и рифма, и размер хромают. Оставь-ка своего Кэрролла в покое.

— Постараюсь, — согласился я, опять чуть-чуть сдвигаясь в сторону. — А вот и вторая строфа:

С двумя девицами из Бирмингама
Произошла скандальнейшая драма...

И тут я кинулся на него.

Не все вышло так, как я задумал. Он, как я и надеялся, немного расслабился, ожидая, видимо, что я продолжу валять дурака с этими едва соприкасающимися клинками все время, пока буду декламировать.

Я застал его врасплох, но он не отступил, мощно парируя мой выпад, и мы неожиданно оказались в незащитимой позиции — корпус к корпусу, клинки скрещены у эфесов — почти полный тет-а-тет.

Он захохотал мне прямо в лицо и прыгнул назад — почти в то же мгновение, что и я, что снова поставило нас в позицию ан-гард. Но кое-что я все же выиграл. До сих пор мы довольствовались лишь колющими выпадами. Острие опаснее лезвия, но мое оружие обладало и тем и другим, а человек, привыкший действовать только острием, далеко не всегда готов отразить рубящий удар. В тот момент, когда мы расходились, я обрушил свой клинок ему на голову.

Я надеялся развалить ее надвое. Но для такого удара не хватило ни силы, ни времени, однако он получил рану, которая рассекла ему лоб до брови.

— Touche! — крикнул он. — Отличный удар! Да и песенка ничего себе. Давай дальше!

— Ладно, — согласился я, тщательно парируя и выжидая, пока кровь зальет ему глаза. Рана в лоб — одна из самых кровоточащих среди поверхностных ранений, и на этом я строил теперь свой расчет.

Поединок на шпагах — страшная штука — ум в нем участия не принимает, он не успевает за темпом сражения. Думает твоя кисть, она отдает приказы ногам и телу, что им делать, а мозг она обходит стороной — ты мыслишь «на потом», превращая мозг в склад инструкций и указаний на будущее, во что-то подобное компьютеру с его программой.

Я продолжил:

Теперь они уже в суде
За нарушения в...

Я задел ему руку — почти как он мне — только серьезнее. Теперь, решил я — он мой! Но тут он сделал то, о чем я только слышал, а видеть не приходилось: он быстро отступил и перебросил клинок из одной руки в другую.

Да уж — удачей это не назовешь! Фехтовальщик, действующий правой рукой, терпеть не может левшей — это выбивает его из седла, тогда как левша прекрасно знаком со всеми приемами праворучного большинства. Этот сукин сын владел левой рукой так же, как и правой. Еще хуже — теперь ко мне была обращена незалитая кровью глазница.

Он снова задел меня — на этот раз в коленную чашечку, причинив мне сильнейшую боль и существенно ограничив подвижность. Несмотря на его раны, куда более серьезные, чем мои, я понимал, что долго не продержусь.

Выбора не было.

В позиции секунда есть рипост — отчаянно опасный, но блистательный, если его, конечно, удастся провести. Он доставил мне немало побед в рее *, где на карту не ставилось ничего, кроме очков. Начинается все с сиксты. Сначала ваш противник нападает, но вместо парирования и кварты, ты жмешь, атакуя с зажимом, твой клинок скользит вдоль и вокруг его клинка штопоровидным движением, пока острие не входит в его плоть.

Беда с этим приемом в том, что если он не удался, то времени для защиты у тебя уже нет, для рипоста — тоже, твоя грудь открыта для клинка, клинка противника.

Я не пытался использовать этот прием, особенно против такого фехтовальщика. Я только подумал о нем.

Мы продолжали практически на равных. Затем он слегка отступил, парируя, и поскользнулся в собственной крови. Моя кисть сама выполнила все: клинок скользнул с захватом, как то полагалось в секунде, и шпага пронзила его насквозь.

Он будто несказанно удивился и поднял клинок рапиры, салютуя, а затем рухнул на колени, и рапира

---

* *Здесь*: соревнование по фехтованию (*фр.*).

выпала из его руки. Я шагнул вперед вслед за моим клинком, намереваясь вытащить его из раны.

Он схватился за мой клинок.

— Нет, нет мой друг, пожалуйста, оставь его. Он на время закупорит мое вино. Твоя логика остра, она дошла до моего сердца. Как твоя имя, сэр?

— Оскар из Гордонов.

— Гордое имя. Не могу позволить, чтобы меня убивал незнакомец. Скажи мне, Оскар из Гордонов, ты когда-нибудь бывал в Каркасоне *?

— Никогда.

— Побывай там. Любить девчонок, убивать мужей, писать книги, слетать на Луну — я все это испытал. — Он задохнулся, и пена пошла у него изо рта, розовая пена. — На меня даже дом падал! И какова цена чести, раз на голову тебе может обрушиться балка! Какое разорительное остроумие!

Он закашлялся и продолжал:

— Темнеет. Давай обменяемся последними дарами, если ты согласен. Мой первый дар состоит из двух частей. Часть первая: ты счастливец и умрешь не в постели.

— Надеюсь, что ты прав.

— Постой... Часть вторая: бритва отца Гильоме никогда не бреет брадобрея, она слишком тупа. А теперь твой дар, мой старый... и поторопись, у меня уже нет времени... но сначала — как кончается твой стишок?

Я сказал ему. Он прошептал, колотушка смерти уже стучала у него в горле.

— Очень славно. Старайся. А теперь — твой дар, я более чем готов для него... — Он попытался перекреститься.

И я преподнес ему дар милосердия, потом устало постоял, подошел к скамье и рухнул на нее, затем вытер оба клинка — сначала узкий золингеновский охотничий нож, после него — особенно тщательно — Леди Вивамус. Я нашел силы встать и отсалютовать ему блестящим клинком. Знакомство с ним было для меня большой честью. Жаль, не спросил его имени. А он, казалось, думал, что оно мне известно.

---

* Город в Гаскони, откуда происходил Сирано.

Я снова тяжело опустился на скамью, поглядел на гобелен, закрывавший крысиную нору в дальнем конце комнаты, и подумал — почему же не пришли Стар и Руфо. Все это лязганье стали, все эти разговоры...

Я думал, не пойти ли к норе и не крикнуть ли им. Но сейчас слишком мало сил, чтобы двигаться. Я вздохнул и закрыл глаза.

Из-за свойственной мальчишкам живости (и безалаберности, за которую меня постоянно бранили) я разбил дюжину яиц. Мама увидела яичницу, и я понял, что она сейчас расплачется. Я тоже зарыдал. Тогда она вытерла глаза, нежно взяла меня за плечо и сказала:

— Все в порядке, сынок. Яйца не стоят того. — Но мне было мучительно стыдно, я вырвался и убежал.

Я мчался вниз по склону, не ведая, куда бегу, почти скользя над землей, и внезапно понял, что сижу за рулем, а машина вышла из-под контроля. Я пытался нащупать тормозную педаль, но она «утопилась» с той легкостью, которая свидетельствует о падении давления тормозной жидкости. Что-то появилось на дороге впереди, но я не видел, что именно, не мог даже повернуть головы, а глаза ничего не различали: их что-то залило. Я крутанул руль, но ничего не произошло — толкающая штанга отсутствовала.

Вопль в моих ушах, когда мы столкнулись!.. И тут я понял, что проснулся в собственной постели и что вопли — тоже мои. Я мог опоздать в школу, что было бы проступком, которому нет извинения. Нет пощады, только агония стыда, ибо пустует школьный двор, другие мальчишки — отмытые и добродетельные — уже сидят за своими партами, а я не могу найти свой класс. Мне даже не хватило времени зайти в уборную, и вот я сижу за партой со спущенными штанами, готовый сделать то, чего не успел сделать раньше, когда торопился бежать из дома, а все ребята тянут руки вверх, но учитель вызывает именно меня. А я не могу встать, так как мои штаны не только спущены, а отсутствуют вообще и, если я встану, это увидят все, мальчишки начнут хохотать, девчонки отвернутся, морща носы. Но самым не-

смываемым стыдом было то, что я не знал ответа на вопрос!!!

— Ну отвечай же, — сердито говорила мне учительница, — не трать наше дорогое время, И. С.! Ты не выучил свой урок!

Что ж, верно, не выучил. Да, я учил, но она написала на доске «Вопросы 1—6», а я подумал, что это значит первый и шестой. А она задает мне четвертый! Но она мне все равно не поверит, да и объяснение довольно вшивенькое. Нам нужны голы, а не объяснения.

— Понимаешь ли, Изи, — продолжал мой тренер, голосом скорее печальным, чем сердитыми, — длина общего пробега это хорошо, но ты не заработаешь ни цента, если не пересечешь линию у ворот противника с яйцом под мышкой. — Он показал на футбольный мяч, лежавший на столе. — Вот оно как. Я приказал его позолотить и надписать к началу сезона, ты казался мне в отличной форме, и я был полностью уверен в тебе, так что он должен был достаться тебе на банкете в честь окончания сезона и нашей победы. — Тут лоб тренера наморщился, он говорил так, будто заставлял себя быть справедливым. — Не могу сказать, чтобы наше спасенье полностью зависело только от тебя. Но ты действительно относишься к делу слишком легко, Изи, может, тебе надо просто поменять имя. Ведь если дорога становится труднее, нам приходится прикладывать больше усилий. — Он вздохнул. — Моя ошибка — должен был раскусить это дело пораньше. Вместо этого стал разыгрывать что-то вроде родительского отношения к тебе. Хочу, однако, доложить, что ты не один пострадаешь из-за происшедшего — ведь в мои годы не так легко найти себе новую работенку.

Я натянул простыню на голову, ибо не мог видеть выражения его лица. Но почему он не хочет оставить меня в покое? Кто-то стал трясти меня за плечо.

— Гордон!!!

— Отстань от меня!

— Гордон, проснись! И тащи свою задницу в офис! У тебя крупные неприятности!

Так оно и было, и я об этом догадывался, едва только вошел в офис. Во рту у меня был кислый привкус блевотины, и чувствовал я себя жутко — будто стадо

бизонов проскакало надо мной, время от времени наступая своими копытами. Вонючих бизонов к тому же.

Первый сержант даже не глянул на меня, когда я вошел. Дал мне настояться и пропотеть, скотина. Он поднял глаза и долго изучал меня, прежде чем заговорить.

Потом сказал медленно и раздельно, давая мне возможность попробовать каждое слово на вкус:

— Уход в самоволку, оскорбление и нападение на туземных женщин, незаконное использование государственного имущества, скандальное поведение, неповиновение, похабная брань, сопротивление аресту, нанесение побоев полицейскому... Гордон, почему ты заодно не украл лошадь? Мы ведь тут вешаем за конокрадство. Все было бы проще.

Сержант ухмыльнулся своему остроумию. Старый мерзавец всегда считал себя остряком. И обычно был прав процентов на пятьдесят.

Но мне было плевать на то, что он говорил. Я же совершенно отчетливо понимал, что все это сон, один из тех снов, что часто мне снились в последние дни, как результат страстного желания вырваться из этих джунглей. Даже она и то не была реальностью. Моя... как же ее звали... Даже и имя ее я вообразил... Стар... Моя счастливая звезда. О Стар, любимая — тебя не существует!

Он продолжал:

— Я вижу, ты снял свои лычки? Что ж, это экономит время, но лишь это обстоятельство и можно считать удачей. Ты одет не по форме. Не брит. Твоя одежда в грязи. Гордон, ты позор для армии Соединенных Штатов! Ты сам знаешь это, не правда ли? Из такой ситуации дешево не выберешься. У тебя нет ни личного номера, ни пропуска, ты назвался чужим именем. Ну, Ивлин Сирил, мой мальчик, теперь-то мы воспользуемся твоим нежным именем. Официально. — Он повернулся на своем вращающемся кресле, из которого не вынимал своей жирной задницы с тех самых пор, как прибыл в Азию — патрульная служба для него вроде бы не существовала. — И еще — меня интересует одна вещь: где ты подцепил это? И что побудило тебя его спереть? — Он кивнул на шкаф, стоявший за креслом.

Я узнал то, что лежало на шкафу, хотя, когда я видел его в последний раз, оно было покрыто золотой краской, а теперь было измазано в той черной липкой грязи, которую они специально производят в Юго-Восточной Азии. Я пошел на него:

— Это мое!

— Нет, нет! — вскинулся он. — Смотри, обожжешься, обожжешься, мальчик! — Он отодвинул футбольный мяч подальше к стене. — Кража еще не делает его твоей собственностью. Я взял его на хранение в качестве вещественного доказательства. К твоему сведению, поддельный герой, врачи думают, что он помрет.

— Кто?

— А тебе-то что? Два доллара против Бангкокского храма, что ты не спрашивал его имени, когда проломил ему башку. А ты не имеешь права шляться тут и разбивать головы туземцам только потому, что надрался по уши, у них тоже есть права, даром, что ты об этом не знаешь. Тебе разрешается их лупить только там и только тогда, когда получишь приказ.

И вдруг он улыбнулся. Это нисколько не улучшило его внешность. С его длинным острым носом и маленькими налитыми кровью глазками он, как я внезапно осознал, был вылитая крыса.

А он продолжал улыбаться и говорить:

— Ивлин, мой мальчик, а может, ты снял свои лычки слишком рано, раньше чем нужно?

— Как это?

— А вот так. Из этой грязной истории, возможно, есть выход. Садись! — Он еще раз громко прикрикнул: — Садись!!! — Я сел. — Если бы дело зависело только от меня, я бы просто подвел тебя под восьмую статью и забыл бы обо всем — все, что угодно, лишь бы от тебя отделаться! Но у ротного другие соображения — вот уж поистине блестящая мысль, с помощью которой можно и насовсем твое дело закрыть. На нынешнюю ночь планируется рейд. И поэтому... — Тут он нагнулся и достал из ящика своего письменного стола два стакана и бутылку «Четыре розы». А потом щедро наполнил стаканы. — Пей!

Об этой бутылке знали все, все, разве что кроме ротного, но никто еще не слыхивал, чтобы наш сержант

кому-нибудь предложил выпивку, за исключением того случая, когда он явился к арестованному объявить, что тот передается военно-полевому суду.

— Спасибо, нет.

— Брось, брось, выпей. Ну налей хоть на собачий волосок. Тебе же это пригодится. Потом сходи прими душ, приведи себя в порядок, хоть ты небось и не знаешь, что это такое, а потом иди к ротному.

Я встал. Мне очень хотелось выпить. Просто безумно хотелось. Я готов был проглотить какое угодно пойло, а «Четыре розы» отличное питье, я выпил бы сейчас любую огненную воду, как бы ее там ни называли, даже если от нее у меня лопнут барабанные перепонки.

А вот с ним я пить не мог. С ним я и капли бы не выпил. И есть бы не стал...

И тогда я плюнул ему в рожу.

Он так удивился, что стал таять. Я вытащил шпагу пошел на него. Свет погас, но я продолжал рубить шпагой, иногда попадая во что-то, иногда — нет.

16

Кто-то тряс меня.

— Проснись!

— Отваливай!

— Проснитесь! Босс, ну пожалуйста, проснитесь!

— Да, мой Герой, ради меня, проснись!

Я открыл глаза и улыбнулся ей, потом попробовал оглянуться по сторонам. Господи, ну и бойня же здесь была! А посреди бойни, чуть поближе ко мне, стоял черный стеклянный столб — футов пять в высоту, а на нем Яйцо.

— Это оно?

— Ага, — подтвердил Руфо. Выглядел он потрепанным, но веселым.

— Да, мой рыцарь, — удостоверила и Стар. — Это и в самом деле Яйцо Феникса. Я проверила.

— Хм... — Я снова взглядом окинул комнату. — А где же Пожиратель Душ?

— Ты убил его. Убил еще до того, как мы сюда добрались. Ты продолжал сжимать в руке шпагу и

крепко держал под мышкой левой руки это Яйцо. Нам стоило большого труда отобрать его у тебя, ведь без этого я не могла заняться тобой.

Я посмотрел на свою грудь и понял, что она имела в виду, а потому поспешил отвести глаза. Красный цвет не принадлежит к числу моих любимых. Чтобы уйти от темы хирургии, я спросил Руфо:

— А почему вы так задержались?

Ответила Стар:

— Я боялась, что мы тебя вообще не найдем.

— А как же нашли?

— Босс, потерять вас по-настоящему было бы трудновато. Мы просто пошли по кровавому следу, даже когда он уходил в стены. Она исключительно упряма.

— Хм... Видели каких-нибудь мертвецов?

— Трех или четырех. Все нам не известны, да нам до них и дела не было. Судя по всему — искусственники. Мы на них времени не тратили. Кстати, нам следует поторопиться с уходом отсюда, если вы чувствуете себя достаточно заштопанным и можете идти. Время не ждет.

Я осторожно согнул правое колено. Там, где меня ранили в чашечку, боль все еще ощущалась, но наложенное Стар лекарство уже начинало действовать.

— Нога в порядке. Идти могу, как только Стар закончит свою работу. Но я вовсе не жажду снова ползти по той крысиной норе. У меня от крыс поджилки трясутся.

— Какие крысы, босс? И какая нора?

Я рассказал им все.

Стар никак не отреагировала, просто продолжала обклеивать меня пластырем и накладывать повязки, зато Руфо обрисовал обстановку.

— Босс, вы вдруг встали на колени, а потом поползли — это было в таком же самом коридоре, как и прочие. Я в этом не видел никакой нужды, но, поскольку вы уже доказали, что ничего не делаете зря, мы не стали спорить и последовали вашему примеру. Потом вы велели нам ждать, пока пойдете на разведку, мы подчинились и ждали вас очень долго, пока Она наконец не решила идти на поиски.

Мне нечего было сказать.

Мы ушли сразу же, воспользовавшись вторым путем и не встретив никаких препятствий — ни иллюзий, ни ловушек, ничего, кроме того, что путь был долог и утомителен. Руфо и я были начеку и шли в том же порядке — со Стар, несущей Яйцо, в середине.

Ни Стар, ни Руфо не знали, грозит ли нам опасность атаки, да и вряд ли мы сейчас могли отразить что-нибудь пострашнее отряда бойскаутов. Согнуть лук был в состоянии один Руфо, а я не смог бы даже шпагу поднять. Поэтому наша задача заключалась только в том, чтобы дать Стар время для уничтожения Яйца — не отдавать же его!

— Не надо беспокоиться, — объяснил мне Руфо. — Это будет все равно что оказаться рядом с атомной бомбой. Даже не заметишь, что произойдет.

Выйдя из Башни, мы проделали довольно долгий пеший переход к Гротто-Хиллз, где находились другие врата. Завтракали мы на ходу — я был дико голоден — и разделили между собой коньяк Руфо и воду Стар, последней было не очень-то много. Даже небо, которое было вовсе не небом, а чем-то вроде крыши, даже странные прыжки гравитации нам не мешали.

Диаграмма, или пентаграмма, в пещере уже была нарисована. Стар пришлось ее только чуть-чуть подновить, потом надо было подождать немного — мы так торопились сюда, поскольку должны были попасть обязательно до закрытия врат. Когда они закроются, то станут недоступны на несколько недель или месяцев: слишком долго, чтобы люди могли выжить в атмосфере Карт-Хокеша.

Мы были готовы даже раньше времени. Я был одет как Владыка Марса — без всего, если не считать перевязи и шпаги. Нам пришлось бросить все пожитки, так как Стар утомилась и даже перенос органики был для нее слишком тяжел. Она очень хотела взять с собой мой лук, но я наложил вето. Однако она настояла на Леди Вивамус, и тут я, признаться, сопротивлялся куда слабее. Стар прикоснулась к шпаге и сказала, что это не мертвый металл, а часть меня самого.

Руфо нес на себе только свою далеко не прекрасную розовую кожу плюс бинты. Он считал, что шпага — это только шпага, у него дома есть и получше. Стар из

профессиональных соображений имела одежды не больше, чем Руфо.

— Еще долго? — спросил Руфо, когда мы соединили наши руки.

— До начала отсчета осталось две минуты, — ответила Стар. Часы в ее голове работали не хуже моей «шишки направления». Она никогда не пользовалась настоящими часами.

— Ты ему сказала? — спросил Руфо.

— Нет.

Руфо воскликнул:

— И тебе не стыдно? Тебе не кажется, что давно пора прекратить водить его за нос? — Он говорил на удивление жестко, и я уже намеревался сделать ему выволочку за такое обращение со Стар, но она сама оборвала его. Сначала она запела, потом крикнула: «Пошел!»

Мы тут же оказались в другой пещере.

— Где мы? — спросил я. Тяготение тут было побольше.

— В Невии, — ответил Руфо. — По другую сторону Вечных гор, и у меня есть большое желание выйти тут и повидать Джоко.

— Скатертью дорога! — сердито откликнулась Стар. — Слишком много болтаешь!

— Только в том случае, если мой дружок Оскар пойдет со мной. Хочешь, старый товарищ? Я доведу тебя туда за недельку. И никаких драконов. Тебя встретят с радостью, особенно Мьюри.

— Оставь Мьюри в покое! — в голосе Стар появились визгливые нотки.

— Не нравится, а? — откликнулся едко Руфо. — Молодая женщина, и все такое...

— Ты же знаешь, что дело не в этом!

— Еще как в этом! — возразил он. — И как долго ты думаешь так тянуть? Это бесчестно сейчас и всегда было бесчестным. Это...

— Молчание! Отсчет начинается! — Мы соединили руки и... Ух! Оказались в новом месте. Это тоже была пещера, частично открытая наружу, воздух разреженный, жгуче холодный, внутрь залетал снег.

— Где мы? — опять спросил я.

— На твоей планете, — ответила Стар. — Эта страна называется Тибет.

— Тут ты можешь пересесть на другой поезд, — вмешался Руфо, — если Она перестанет упрямиться. Или можешь просто уйти, хотя дорога длинная и тяжелая. Я ее однажды прошел.

Я не соблазнился. Последний раз, когда я слышал о Тибете, он находился в руках мрачных борцов за мир.

— И долго мы тут пробудем? Местечко нуждается в центральном отоплении. — Хотелось услышать что угодно, кроме этой перебранки. Стар была моей возлюбленной, и я просто не мог вынести грубого обращения с ней, но и Руфо стал моим кровным братом — по количеству пролитой крови, — и я не раз был обязан ему жизнью.

— Недолго, — ответила Стар. Она выглядела усталой и похудевшей.

— Но достаточно, чтобы объясниться! — давил свое Руфо. — Тебе наконец следует принимать решение самому, а не позволять таскать себя, как кота в мешке. Ей следовало уже давно рассказать тебе все. Она...

— По местам! — резко выкрикнула Стар. — Начинается отсчет до нуля! Руфо, если ты не замолчишь, я брошу тебя тут и тебе придется опять тащиться пешком — босиком и по горло в снегу.

— Валяй, — отозвался он. — Угрозы делают меня таким же упрямым, как ты. А это забавно. Оскар, Она...

— Молчать!

— Императрица Двадцати Вселенных...

17

Мы очутились в большой восьмиугольной комнате с роскошными, очень красивыми серебристыми стенами.

— ...и моя бабка! — закончил Руфо.

— Не «императрица», — заговорила Стар. — Это глупое слово, оно не передает сути дела.

— Еще как передает.

— А что касается второго утверждения, то это скорее мое несчастье, чем недостаток. — Стар вскочила на ноги, оживленная, сбросившая груз усталости и

обняла меня за талию, продолжая держать Яйцо в другой руке.

— О мой дорогой! Я так счастлива! Мы добились своего! Приветствую тебя дома, мой Герой!

— Где это! — У меня в голове была такая каша — слишком много часовых поясов, слишком много посещенных мест, слишком большие скорости.

— Дома. У меня дома. Теперь и у тебя дома, если ты захочешь. В нашем доме.

— Понимаю... Императрица...

Она топнула ногой:

— Не смей меня так называть!

— Правильная форма обращения, — вмешался Руфо, — будет «Ваша Мудрость». Не так ли, Ваша Мудрость?

— Ах, Руфо, заткнулся бы ты! Пойди и раздобудь нам одежду.

Он покачал головой.

— Война кончена, я только что демобилизовался. Ищи сама, бабуля.

— Руфо, ты просто невозможен!

— Сердишься, бабуля?

— Рассержусь, если ты и дальше будешь звать меня бабулей. — Тут она передала Яйцо мне, обняла Руфо и поцеловала его. — Нет бабушка на тебя не сердится, — сказала она мягко. — Ты ведь всегда был несносным ребенком, и я никогда не забуду устриц, которых ты положил мне в кровать. Надеюсь, ты достал их честным путем. — Она поцеловала его еще раз и потрепала за седой венчик волос. — Бабушка любит тебя. Бабушка будет всегда любить тебя, почти как Оскара. Я считаю тебя близким к совершенству, если только забыть какой ты трудновыносимый, лживый, испорченный, непутевый и никого не уважающий свиненок.

— Вот так-то лучше! — ответил он. — Если подумать, то и я отношусь к тебе примерно так же. Что ты хочешь надеть?

— М-м-м... Нам нужно очень многое. Как же давно у меня не было приличного гардероба! — Она повернулась ко мне. — А что хотел бы ты, мой Герой?

— Не знаю. Я тут вообще ничего не знаю. Все, что сочтет подходящим... Ваша Мудрость.

— О милый, пожалуйста, не зови меня так! Никогда не зови! — Казалось она сейчас разрыдается.

— Хорошо. А как же мне называть тебя?

— Стар — вот имя, которое ты мне дал. Если хочешь иначе, зови меня «принцесса». Я не «принцесса». Но я и не «императрица» — это просто плохой перевод. С радостью буду «твоей принцессой», как ты называл меня раньше. А хочешь — «гадкой девчонкой» или любым другим из многих имен, которыми ты меня называл когда-то. — Она посмотрела на меня уже более спокойно. — Как раньше. И навсегда.

— Я постараюсь... моя принцесса.

— Мой Герой!

— Но есть, видимо, много вещей, о которых я не имею представления.

Стар перешла с английского на невианский.

— Милорд муж, я хотела рассказать тебе все. И милорду расскажут все, до последней мелочи. Но я страшно боялась, что, если милорду сообщат все слишком рано, он откажется следовать за мной. Нет, не в Большую Башню, а сюда. В наш дом.

— Возможно, ты поступила правильно, — сказал я на том же языке. — Но теперь я здесь, миледи жена, моя принцесса. Поэтому говори. Я хочу знать все.

Она снова перешла на английский.

— Я скажу. Я все скажу. Только на это нужно время. Любимый, придержи немного своих коней. Ты был так терпелив со мной, так терпелив, любимый, и так долго...

— О'кей, — кивнул я. — Согласен подождать. Но, послушай, я ведь не знаю, так сказать, даже улиц в этом микрорайоне. Мне нужны советы. Помнишь ту ошибку, которая получилась у меня с Джоко только потому, что я не знал местных обычаев?

— Да, милорд, обязательно. Но не бойся, обычаи тут просты. Примитивные общества всегда сложнее цивилизованных, а это общество — не примитивное.

Появился Руфо и бросил груду одежды к ногам Стар. Она повернулась, все еще держа мою руку в своей, и приложила палец к губам, а взгляд ее был серьезен, почти тревожен.

— Ну-ка, давай подумаем, что же мне надеть?

«Сложность» — понятие относительное. Я обрисую лишь контуры. «Центр» — столичная планета Двадцати Вселенных. Но Стар — не императрица, а Вселенные — не империя.

Я буду называть ее Стар, поскольку у нее сотни имен, и буду говорить «империя» и «императрица», поскольку не знаю более точных терминов. Буду даже собственную жену называть императрицей.

Никто не знает числа Вселенных. А в теории оно бесконечно, как бесконечно число комбинаций законов природы, а каждый набор соответствует отдельной Вселенной. Все это лишь теория, и «бритва Оккама»* слишком тупа. Известны же лишь двадцать Вселенных, которые были открыты, которые имеют свои собственные законы природы, многие имеют свои собственные планеты, а иногда «места», где живут человеческие существа. Не знаю, кто живет в остальных Вселенных.

Двадцать Вселенных включают в себя множество реально существующих империй. Наша Галактика в нашей Вселенной столь огромна, что наша человеческая раса могла бы никогда не встретиться с другой, если бы не врата, соединяющие Вселенные. На некоторых планетах врата неизвестны. На Земле их много, что придает ей особое значение. Иначе она бы считалась отсталым захолустьем.

Семь тысяч лет назад зародилось стремление разрешить важнейшие политические проблемы, которые сами по себе были невероятно сложны и велики. Все началось с малого: как можно управлять планетой без видимых форм управления? Народ этой планеты имел талантливых экспертов-кибернетиков, хотя в других отношениях он вряд ли опережал нас, ибо все еще был готов сжигать амбары, чтобы избавиться от мышей, и нередко оставлял свои пальцы в машинах. Эти экспериментаторы избрали себе выдающегося правителя и решили помочь ему.

---

* Одно из правил формальной логики («Не следует умножать сущности сверх необходимости») принадлежит средневековому философу Оккаму.

Никто не знает, почему этот парень оказался столь удачливым, но он им был, и этого довольно. Эти ребята не очень-то молились на теорию, но решили оказать правителю практическую помощь своей кибернетической наукой. Они изучили и записали ход всех кризисов в своей истории, все известные детали этих кризисов, все, что было сделано для их разрешения, и все, что из этого вышло, и организовали дело так, что правитель мог получать нужные консультации так же легко, как если бы он консультировался с собственной памятью.

Все вышло так, как было задумано. Через какое-то время правитель уже распространил свое влияние на всю планету «Центр» — прежде-то она называлась иначе. Он не правил ею в буквальном смысле этого слова, а только распутывал образовавшиеся узлы.

В Банк Памяти занесли все, что сделал первый «император» — и хорошее и дурное — для пользы его приемников.

Яйцо Феникса и есть кибернетический Банк Памяти, хранящий сведения о деятельности 203 «императоров» и «императриц». Большинство которых «управляли» уже всеми известными Вселенными. Подобно складной шкатулке, Яйцо изнутри больше, чем снаружи. В «развернутом» виде, оно, надо думать, куда как превосходит пирамиду Хеопса.

Легенды о Фениксе распространены во всех Вселенных — о существе, которое умирает и в то же время бессмертно, так как возникает в расцвете сил из собственного пепла. Яйцо — представляет собой такое же чудо: оно не просто библиотека, а запись всего, в том числе и личных качеств всех императоров, начиная от Его Мудрости IX до Ее Мудрости CCIV — миссис Оскар Гордон.

Трон тут не наследственный. Предки Стар включают Его Мудрость I-го и множество других «Мудростей», но есть еще несколько миллионов людей, в чьих жилах течет та же «королевская» кровь. Ее внук — Руфо не был избран, например, хотя имеет тех же предков, что и Стар. А может быть, он отказался? Я не спрашивал. Ему бы это могло напомнить о временах, когда кто-то из его дядюшек совершил какой-то непристойный и

недоступный пониманию поступок. Да и вообще таких вопросов не задают.

Намеченный кандидат получает образование очень широкое — от умения приготовить похлебку из требухи до высочайшей математики, не говоря уже о знании всех видов личной защиты, поскольку еще тысячу лет назад было установлено, что, как бы хорошо ни охранялся император, он проживет дольше, если сам умеет драться как взбесившаяся циркулярная пила. Я обнаружил это, задав своей любимой какой-то неприятный для нее вопрос.

Я все еще пытался привыкнуть к тому факту, что женат на бабушке, чей внук выглядит старше меня и который на самом деле старше, чем он выглядит. Люди Центра живут гораздо дольше, чем мы, но к тому же Стар и Руфо прошли специальную процедуру, дарующую дополнительное долголетие. Ко всему этому надо привыкнуть. Я спросил Стар:

— Как долго живете вы — Мудрые?

— Не слишком долго, — ответила она почти зло. — Обычно нас убивают! (Мой рот раскрылся широко-широко.)

Обучение кандидата включает также путешествие во многие миры, хотя и не на все планеты и «места», населенные людьми. Так долго никто не живет. Но на многие. После того как кандидат все это выполнит, начинается курс аспирантуры: вводится в действие Яйцо. На мозг наследника (наследницы) накладываются и личные характеристики всех прежних императоров. Он (она) становятся как бы интегрированным воплощением их всех. Стар плюс. Супер-Нова. Ее Мудрость.

Оригинальная личность кандидата, конечно, доминирует, но оно тоже присутствует! Без Яйца Стар могла бы вспомнить все, что произошло с людьми, умершими много сотен лет назад, но с Яйцом, то есть став частью этой кибернетической системы, она хранит в себе самой семь тысяч лет свежих, можно сказать, вчерашних воспоминаний.

Стар призналась мне, что лет десять она колебалась, принять это предназначение или нет. Она не хотела превратиться во всех этих людей. Ей хотелось остаться самой собой, жить, как она того пожелает. Но методы,

используемые при подборе кандидатов (я их не знаю, они заложены в самом Яйце), практически безошибочны. За всю историю отказались только трое.

Когда Стар стала императрицей, она едва-едва начала вторую стадию своего образования, на нее были наложены личности всего лишь семи предшественников. Импринтинг не требует очень большого времени, но «жертвы» нуждаются в довольно большом отдыхе между двумя операциями, ибо они включают в себя перенос самых незначительных мелочей, когда-либо случившихся с бывшими правителями — плохих и хороших: жестокое обращение с собакой или кошкой в детстве, стыд за этот поступок, испытанный в более поздние годы, потеря девственности, трагические переживания, связанные с первым заболеванием, и так далее и тому подобное!

— Я должна пережить их ошибки, — говорила мне Стар. — Ибо ошибки это единственный надежный путь познания.

Таким образом, вся эта утомительная процедура нацелена на одно — сделать личность носителем знаний о всех жалких ошибках, совершенных за семь тысяч лет.

К счастью, Яйцо используется не так уж часто. Большую часть времени Стар остается сама собой и «привитые» ей воспоминания мучают ее не больше, чем вас — память о выговоре, полученном в школе второй ступени. Почти все проблемы Стар решает, так сказать, стреляя с бедра, фактически не прибегая к своему Черному Кабинету и всей этой гигантской системе знаний.

Ибо главным принципом, который выявился в результате эмпирического развития управления империей, является то, что ответом на большинство проблем служит девиз: «Не делай ничего».

Царь Чурбан всегда лучше царя Журавля: «Живи и давай жить другим», «Время — лучший врач», «Не буди спящую собаку!», «Оставь их в покое, и они сами прибегут, виляя хвостом» и т. д.

Даже позитивные эдикты в империи обычно носят негативный характер: «Не взрывай планеты ближнего твоего» (своею — валяй, сколько хочешь), «Руки прочь от хранителей врат», «Не судите и не судимы будете».

А главное — никогда не ставить серьезную проблему на народный референдум. Нет, законов против местной демократии у них нет, в виду имеется имперская проблематика. Старина Руфо, ох, извините, доктор Руфо, один из крупнейших экспертов в области сравнительной культурологии, сказал мне, что каждая человеческая раса проходит через всевозможные формы политического устройства и что демократия существует во многих примитивных обществах, но что он не знает ни одной цивилизованной планеты, где бы принцип «Vox populi — vox Dei»* не переводился бы как «Господи, да как же мы вляпались в такую кашу».

Впрочем, Руфо обожал демократию — каждый раз, когда у него портилось настроение, он вспоминал Вашингтон, а ужимки французского парламентаризма стояли у него на втором месте после ужимок французских красоток.

Я спросил его, как происходит управление в цивилизованных обществах. Брови у него сдвинулись:

— Практически никак! — А затем указал на нынешнюю императрицу Двадцати Вселенных — большей частью она ничего не делала.

Впрочем, иногда делала. Она могла, например, сказать: «Дела пойдут лучше, если вы возьмете этого беспокойного типа... как ваше имя?.. ваше, ваше, ну — того, что с бородкой... и расстреляете его. Так и поступите!» — я присутствовал при этом. Они так и сделали. Он был главой делегации, представившей на суд Стар какую-то проблему — что-то касающееся столкновений интересов галактических торговых империй в Седьмой Вселенной. Заместитель главы делегации тут же сковал ему руки, остальные делегаты выволокли его во двор и прикончили. Стар продолжала пить кофе. (Кофе тут лучше, чем у нас дома, и я так разволновался, что тоже налил себе чашечку.)

Настоящей власти у императора нет. И тем не менее, если бы Стар решила, что планета имярек должна быть уничтожена, люди немедленно бы принялись за дело и на небе появилась бы еще одна новая. Стар такого бы никогда не допустила, но в прошлом такие случаи

---

* Глас народа — глас Божий (*лат.*).

известны. Случаи редкие — Их Мудрости долго, очень долго будут обшаривать свои души (и Яйцо), прежде чем предложат нечто столь бесповоротное даже в том случае, если гипертрофированный здравый смысл императора будет твердить ему, что иного решения не существует.

Император — единственный источник имперского законодательства, единственный судия, единственная исполнительная власть, но действует он редко, и у него нет механизма для проведения своих решений в жизнь силой. Все, что он или она имеет, так это колоссальный престиж системы, которая функционирует уже семь тысяч лет. Эта квазисистема цементирует всех благодаря тому, что не настаивает ни на универсальной общности, ни на полном униформизме, не ищет единых идеалов, не опирается на утопии — она лишь дает ответы, достаточно хорошие, чтобы существовать дальше, и предоставляет большую степень свободы множеству подходов и оценок.

Все местные проблемы решаются на местах. Детоубийство — это ваше дело, дело вашей планеты. Проблемы взаимоотношений родителей и учителей, цензуры в кино, помощи в случае стихийных бедствий — все это проблемы, в которых империя компетенции не имеет.

Кризис из-за Яйца разразился еще до моего рождения. Его Мудрость CCIII был убит, а Яйцо украдено — оба происшествия имели место одновременно. Какие-то дурные мальчики рвались к власти, а Яйцо благодаря своим огромным возможностям было отличным ключом к такой власти, о которой даже Чингисхан и мечтать не мог.

И кому она нужна — такая власть? Не понимаю. Но кое-кто понимает и действует.

В результате Стар вступила на престол только наполовину подготовленной и перед ней возникла кризисная ситуация, равной которой империя не знала, причем сама Стар была отрезана от Склада Мудрости.

Впрочем, бессильной она тоже не была. Импринтинг опыта семи гиперразумных личностей был уже закончен, а кроме того, к ее услугам были кибернетические системы всех Вселенных, за исключением самой совершенной из них — Яйца. Первым делом надо было узнать, что стало с Яйцом. Организовывать атаку на планету, где жили мерзавцы, было небезопасно — они могли уничтожить Яйцо.

Были способы, которыми можно было заставить заговорить любого человека, если вы решились бы их применить. Стар ничего против них не имела. Нет, я не имею в виду ничего грубого — вроде клещей или дыбы. Эти способы можно сравнить со сниманием слоев с головки лука, а им пришлось ободрать не одну луковицу.

Карт-Хокеш — место столь губительное, что его даже назвали по имени двух единственных исследователей, которым удалось там побывать и вернуться живыми. (Мы-то были, можно сказать, в его парковой зоне, остальная часть куда хуже.) Мерзавцы, о которых шла речь, даже не сделали попытки там обосноваться. Они лишь спрятали Яйцо, установили охрану, организовали ловушки на путях к нему и вокруг него.

— А какой толк был им от Яйца, если оно находилось там? — спросил я Руфо.

— Никакого, — согласился он. — Но они очень скоро выяснили, что от него толку нет нигде, если рядом не будет Ее. Значит, требовалось либо захватить весь штат кибернетиков, обслуживающих Яйцо, либо Ее Мудрость. Открыть Яйцо они не могли. Без посторонней помощи это могла сделать только Она. Поэтому-то они установили ловушку для Нее и положили в ловушку наживку. Поймать Ее Мудрость или убить Ее — лучше поймать, но в случае нужды можно и прикончить, — а затем попытаться захватить власть на Центре. На попытку захвата власти, пока Она жива, они рискнуть не могли.

Стар начала исследовать обстоятельства, обеспечивающие наибольшую вероятность возвращения Яйца. Атаковать Карт-Хокеш? Машины ответили: черта с два! Я бы тоже сказал — нет. Как можно высадить десант в то место, где люди не могут ни пить, ни есть ничего

местного, и им даже нельзя дышать тамошним воздухом более нескольких часов? Кроме того, массированная атака могла привести к разрушению Яйца. Да еще условия, когда плацдармами могли служить только двое врат нерегулярного пользования.

Компьютеры давали только один глупый ответ, в каких бы формах ни задавался им вопрос.

Они называли меня!

«Героя», то есть человека с выносливой спиной, слабым умом и высокой степенью бережливости в отношении собственной шкуры. Плюс ряд других качеств. Рейд такой личности, при условии участия в нем самой Стар, мог привести к успеху. Руфо был добавлен по наитию самой Стар (интуиция Ее Мудрости приравнивается тут к озарениям гения), и машины дали «добро».

— Я был зачислен, — говорил Руфо, — и отказался. Но моего здравого смысла всегда не хватает, когда я имею дело с Ней, будь Она неладна! Стар испортила меня своим воспитанием, еще когда я был ребенком.

Затем последовали долгие годы поисков нужного человека (опять — я, а почему — не знаю). А другие смельчаки в это время вели разведку и особенно картирование Башни. Самой Стар тоже пришлось принимать участие в рекогносцировке и познакомиться с обычаями Невии.

(Невия — это часть империи? И да и нет. Невия — единственная планета, у которой есть врата на Карт-Хокеш, разумеется, кроме планеты негодяев, и отсюда проистекает ее важность для империи, хотя для Невии империя никакого значения не имеет.)

«Героя» скорее всего можно было найти на какой-нибудь варварской планете вроде Земли. Стар пришлось рассмотреть и отвергнуть бесчисленное множество кандидатов, набранных из числа примитивных и грубых народов, прежде чем ее обоняние сказало, что могу подойти я.

Я спросил Руфо, какие шансы давали нам машины.

— А зачем тебе знать? — задал он контрвопрос.

— Ну, я кое-что знаю в кибернетике.

— Это тебе так кажется. И все же... Да, машины дали прогноз. Примерно 13% — за успех, 17% — против и 70% — за то, что нас всех ждет гибель.

Я присвистнул.

— А чего ты свистишь? — рассердился Руфо. — Ты-то знал не больше, чем знает кавалерийская лошадь, и потому не боялся!

— Боялся.

— Да у тебя не было времени бояться! Так и было запланировано. Наш единственный шанс на успех заключался в невероятной быстроте и полной неожиданности действий. Но я-то знал! Сынок, когда ты предложил нам ждать там, в Башне, а сам ушел и не вернулся, я был так напуган, что уже ни о чем не мог даже сожалеть.

Намеченный рейд прошел так, как я это изложил выше. Или почти так, поскольку я видел лишь то, что было на самом деле. Я имею в виду «магию». Сколько раз бывало, что дикари называли магией то, что для цивилизованного человека было делом обычным, но чего дикари понять на могли. И как часто какая-нибудь этикетка вроде слова «телевидение» вполне устраивала «культурного» дикаря, хотя для этого явления «магия» — самое подходящее определение.

Впрочем, Стар на этом слове никогда не настаивала. Она применяла его в тех случаях, когда я сам настаивал на нем.

А я был бы страшно разочарован, если бы все, что я видел, оказалось чем-то, что «Вестерн Электрик» будет выпускать после того, как лаборатория Белла раскусит эти шутки. Должна же где-то существовать магия, хотя бы для поддержания интереса к жизни!

О, конечно, погружение меня в сон во время первого перемещения между мирами должно было просто предохранить беднягу дикаря от психологического потрясения. Да и «черные ложа» вовсе не переносились с нами — это было постгипнозное внушение, сделанное экспертом, моей собственной женой.

А говорил ли я, что случилось с мерзавцами? Их просто изолировали до тех пор, пока они не начнут строить межзвездные корабли. Это вполне в духе свободных нравов империи. Ее Мудрость никогда не таит зла.

18

Центр — дивная планета земного типа, но у нее нет тех недостатков, которые свойственны Земле. За многие тысячелетия она была перестроена и превращена в страну чудес. Пустыни, снега, джунгли, все это сохраняется для развлечений, а наводнения и прочие стихийные бедствия при помощи техники и науки изъяты из обращения.

Она не перенаселена, но для своих размеров — а она с Марс, хотя имеет океаны — обладает весьма многочисленным населением. Сила тяжести почти земная (что, видимо, является константой для планет такого типа). Около половины населения — приезжие, поскольку красоты планеты и ее уникальные культурные возможности делают ее фокусом для всех Двадцати Вселенных и раем для туристов. Для комфорта приезжающих делается все возможное, все глубоко продумано, как в Швейцарии, но с применением техники, Земле неизвестной.

У нас со Стар было около дюжины резиденций в разных местах планеты (и бесконечное множество в других Вселенных), которые варьировались от дворца до крохотной рыбачьей избушки, где Стар сама готовила еду. Но главным образом мы жили в апартаментах, расположенных в искусственных горах, где было спрятано Яйцо и жил обслуживающий его персонал. К нашим апартаментам примыкали холлы, конференц-залы, секретариат и т. п. Если у Стар возникало желание поработать, то — пожалуйста. Но посланники и даже путешествующие императоры с сотен планет имели столько же шансов быть приглашенными в наше частное жилище, сколько бродяга, постучавшийся в заднюю дверь дворца на Биверли-Хиллз, имеет шансов быть званым в гостиную.

Однако, если Стар кто-нибудь нравился, она могла затащить его к нам на вечерок. Так однажды она позвала крошечного симпатичного гномика с четырьмя руками и с привычкой сопровождать свою жестикуляцию отплясыванием чечетки. Стар никогда не устраивала официальных приемов и не считала для себя обязательным появляться на общественных мероприятиях.

Она не давала пресс-конференций, не произносила речей, не принимала депутаций, не закладывала зданий, не открывала Дней чего-то там, не подписывала бумаг, не опровергала слухов и не делала много другого, пожиравшего время, из того, что делают у нас на Земле важные шишки и суверены.

Она давала консультации отдельным людям, иногда вызывая их из других Вселенных, она имела в своем распоряжении информацию отовсюду, информацию, организованную в систему, сложившуюся за многие столетия. Благодаря этой системе она узнавала о проблемах, требующих ее внимания. Постоянно раздавались жалобы на то, что империя игнорирует «жизненные интересы», что она и делала в действительности. Ее Мудрость давала советы лишь по тем вопросам, которые она сама выбирала, а фундамент, на котором держалась вся империя, заключался в том, что большинство проблем решалось без вмешательства извне.

Мы часто бывали на приемах. Мы любили балы и вечеринки, и для Ее Мудрости и ее консорта * их выбор был весьма обширен. В протоколе был один важный пункт: Стар не принимала и не отдавала визитов, а показывалась в гостях, только когда ей хотелось, причем не терпела, чтобы за ней ухаживали. Это была прямая противоположность тем порядкам, которые существовали в столичном обществе при ее предшественнике, в чьи времена протокол был строже, чем в Ватикане.

Одна из наших хозяек пожаловалась мне, что общественная жизнь стала куда скучнее при новых порядках, и намекала на желательность моего вмешательства. Я сделал, что мог — нашел Стар, передал ей эти замечания, и мы тут же ушли — прямиком на бал к пьяницам-художникам — это было то еще зрелище!

Центр — такое смешение культур, рас, обычаев и стилей, что тут обязательны лишь немногие правила. Одно из самых жестких гласит: «Не навязывайте мне ваши обычаи». Люди одеваются так, как они привыкли одеваться дома, или же экспериментируют с чужими моделями. Любое общественное сборище выглядит как

---

* Консорт — супруг царствующей королевы, не являющийся сам королем.

костюмированный бал. Гость может появляться на званом обеде в чем мать родила, и это не вызовет никаких разговоров. Некоторые так и поступают — меньшинство, конечно. Я говорю не о негуманоидах или гуманоидах с шерстяным покрытием — им одежды и так не нужны. Я говорю о людях, которые, будь они одеты в американские костюмы, и в Нью-Йорке были бы не отличимы от прочих, а также о других людях, что привлекли бы внимание даже на Иль дю Леван, так как у них вообще нет волос — даже бровей. Для них это источник гордости, демонстрация превосходства над нами — волосатыми обезьянами, и они этим гордятся, как гордится мужлан из Джорджии отсутствием меланина *. Поэтому они ходят голыми чаще других представителей человеческих рас. Мне они казались удивительно странными, но ко всему ведь можно привыкнуть.

Стар вне дома носила платье постоянно, я тоже. Она никогда не упускала возможности приодеться — единственная и простительная слабость, которая иногда могла заставить Стар забыть о своем императорском статусе. Она никогда не одевалась дважды в одно и то же платье и постоянно рядилась во что-то новенькое, очень обижаясь, если я этого не замечал. Некоторые ее новинки могли вызвать инфаркт даже на Ривьере. Стар считала, что женская одежда никуда не годится, если у мужчины не возникает желания сорвать ее ко всем чертям.

Самым эффектным из костюмов Стар оказался простейший. Руфо случайно зашел к нам, и ей захотелось одеться так, как мы были одеты во время похода за Яйцом. И вот — раз-два — то ли костюмы уже ждали нас, то ли их заказали и исполнили мгновенно, что вернее, так как невианская одежда — редкость на Центре.

Луки, стрелы, колчаны появились с той же быстротой, и мы тут же превратились в «вольных стрелков». Я был рад возможности пристегнуть к поясу Леди Вивамус, которая со времен Большой Черной Башни одиноко висела на стене моего кабинета.

---

* Меланин — красящий пигмент в коже негроидных народов.

Стар стояла, широко расставив ноги, уперев кулаки в бедра, с гордо откинутой головой, сверкающими глазами и пылающими щеками.

— Ах, как это замечательно! Мне так хорошо, я снова чувствую себя молодой! Любимый, обещай мне, обещай без обмана, что когда-нибудь мы снова отправимся на поиски приключений! Меня просто тошнит от того, что постоянно приходится сдерживать себя.

Она говорила по-английски, ибо язык Центра не подходит для выражения таких эмоций. Он вроде пиджин-инглиша * — сложился за тысячи лет языковых заимствований, изменений, крайне унифицирован, невыразителен и функционален.

— Годится! — согласился я. — А как насчет Руфо? Хочешь выйти на Дорогу Доблести?

— Только если ты зальешь ее асфальтом.

— Чушь! Пойдешь, я тебя знаю... А когда и куда, Стар? Да черт с ним — куда! Просто — когда? Давай не пойдем на вечеринку и отправимся тотчас же!

Все ее оживление внезапно угасло.

— Любимый, ты же знаешь — не могу. Я еще и трети обучения не прошла.

— Надо было взорвать это Яйцо в ту минуту, как я его нашел.

— Не сердись, милый. Поедем на вечеринку и развлечемся.

Так мы и сделали. Поездки на Центре осуществлялись с помощью искусственных врат, не требующих «магии» (а может, наоборот, требующих ее в гораздо больших масштабах). Вы устанавливаете место прибытия, как устанавливается нажатием кнопки в кабине лифта этаж, так что транспортных проблем в столице не существует, равно как и тысячи других неприятных вещей. Нет, в их городах инфраструктурного костяка не увидишь!

В этот вечер Стар решила выйти, не доезжая до места назначения и пройтись через парк, а уж потом явиться на вечеринку. Она прекрасно знает, как ей идут

---

* Пиджин-инглиш — диалект английского, обогащенного некоторыми правилами китайской грамматики и словами местных языков. Распространен в странах Океании и Юго-Восточной Азии — бывших колониях Великобритании.

облегающие брюки, отлично обрисовывающие ее стройные ноги и пышный задик. Она раскачивала бедрами не хуже индусской танцовщицы.

Братцы! Это была сенсация! На Центре не носят шпаг, разве что приезжие. А луки и стрелы тут такая же редкость, как зубы у курицы. Мы вызвали столько же интереса, сколько вызвал бы рыцарь в латах на Пятой авеню.

Стар была счастлива, как ребенок, играющий в прятки. Я тоже. Мне казалось, что в плечах у меня косая сажень и я хоть сейчас могу отправиться за драконами.

Этот бал не походил на земные. Согласно Руфо все наши расы во всех Вселенных имеют одинаковую основу развлечений: собираются вместе, толпой, для танцев, выпивки и сплетен. Он утверждает, что обычаи мальчишников и девичников — симптомы больной культуры. Я с ним не спорю. Мы спустились по грандиозной лестнице, музыка тут же прекратилась, гости разинули рты и пялили глаза, а Стар наслаждалась произведенным эффектом. Потом музыканты, сбиваясь, принялись опять за работу, а гости с большим усилием вернулись к той «незамечающей вежливости», которую обычно требовала императрица. Все же мы остались в центре внимания. Я думал, что история похода за Яйцом — государственная секрет, поскольку мне никогда не приходилось слышать даже намека на нее. А если эта история и известна, то уж никак не с теми деталями, которые знакомы только нам троим.

А оказалось, вовсе не так. Все понимали, что означает наш костюм, и даже более того. Я был в буфете, попивая коньяк и коктейли собственного изобретения, когда меня наколола какая-то сестренка Шахразады, впрочем, весьма хорошенькая. Она принадлежала к человеческой расе, но отличалась от нас. Одета она была в рубины величиной с большой палец и в хорошо просвечивающую ткань. Ростом пять футов и пять дюймов, босоногая, весом около ста двадцати фунтов, с талией не больше пятнадцати дюймов в обхвате, что зрительно преувеличивало величину двух остальных объемов, хотя они в этом вовсе не нуждались. Брюнетка и обладательница самых раскосых глаз из всех, какие я видел в жизни. Она походила на очаровательную кошечку и смотрела на меня, как кошка на птичку.

— Лично, — объявила она.

— Говори.

— Сверлани. Мир (название и код — я о них не слыхивал). Изучаю дизайн пищи. Математико-сибарит.

— Оскар Гордон. Земля. Солдат. — Я не знал личного номера Земли, но ей и без этого было известно, кто я такой.

— Вопросы?

— Спрашивай.

— Есть шпага?

— Есть.

Она посмотрела на шпагу, зрачки расширились.

— Есть-была шпага, разрушить искусственного стража Яйца? («Является ли находящаяся здесь шпага прямой преемницей в пространственно-временных изменениях, без учета возможных теоретических аномалий, связанных с межвселенскими переходами, той шпаги, которая использовалась при уничтожении Никогда-Не-Рожденного?» Такая конструкция фразы полностью исключает концепцию, что неизменность есть бессмысленная абстракция, и заменяет простой вопрос — «Не этой ли шпагой, в повседневном смысле, ты пользовался, и не дури мне голову, я не девчонка».)

— Была-есть, — подтвердил я («Я был там и гарантирую, что следовал за ней всю дорогу, так что это она и есть»).

Она тихо ахнула, и ее соски напряглись. Вокруг каждого из них был нарисован или вытатуирован широко известный во многих Вселенных символ — троянская стена. Ее волнение было столь велико, что эти укрепления рухнули вновь.

— Тронуть? — попросила она с мольбой в голосе.

— Тронуть.

— Тронуть вдвойне? («Пожалуйста, нельзя ли мне подержать ее подольше, чтобы расчувствовать как следует? Пожалуйста, ну пожалуйста, умоляю вас. Я знаю, что прошу слишком много, вы вправе мне отказать, но я гарантирую, что никакого вреда не нанесу». Они тут укорачивают фразы, и эмоциональная нагрузка передается манерой произношения.)

Мне очень не хотелось... Ну ладно бы, это была не Леди Вивамус... но для хорошеньких девчонок я — легкая добыча.

— Тронуть... вдвойне, — пробурчал я. Обнажил шпагу и вручил ее — рукоятью вперед, готовый тут же отнять, если она станет угрозой для чьего-нибудь глаза или если девушка захочет уронить ее себе на ноги.

Она приняла шпагу осторожно, глаза и рот широко распахнулись, она взяла ее за гарду, а не за рукоять. Пришлось показать ей. Кисть ее была слишком мала (у нее и кисти рук и стопы ног были под стать талии — ультратонкие).

Она увидела девиз:

— Значение?

«Dum vivimus, vivamus» плохо переводится, и не потому, что они не могут схватить смысл, а потому, что это для них все равно что для рыбы вода: ну а как можно жить иначе? Но я попытался.

— Тронуть вдвойне жизнь. Есть. Пить. Радоваться.

Она задумчиво кивнула, затем ткнула клинком в воздух. Кисть согнута, локоть торчит. Этого вынести я не мог, отобрал у нее шпагу, встал в позицию секунда, сделал глубокий выпад в верхнюю часть тела, отступил, подняв клинок — движение столь изящное, что даже большие волосатые мужчины смотрятся в нем хорошо. Вот почему балерин учат фехтованию.

Отсалютовал и отдал ей шпагу обратно, потом показал, в каком положении должны находиться кисть и локоть правой руки, а где левая рука. Она сделала выпад, чуть не проткнув правый сосок какого-то гостя.

Я снова отобрал шпагу, вытер клинок и бросил его в ножны. Вокруг нас собралась порядочная толпа. Я взял свой коктейль, но она со мной еще не покончила: «Сама прыгать шпагу?»

Я подавился. Если она понимает смысл сказанного, то, значит, мне только что сделали предложение, самое вежливое по форме из всех полученных мною на Центре. Обычно это делается гораздо проще. Но ведь не могла же Стар распространяться о деталях нашей брачной церемонии? Тогда — Руфо? Я ему не говорил, но Стар могла.

Я ничего не ответил, и она высказалась еще яснее, нисколько не понижая голоса: «Лично не девственница, не рожавшая, не беременная и фертильная».

Я ответил так вежливо, как позволяет этот язык, а он сильно хромает в этом отношении, что я уже анга-

жирован. Она тут же сменила тему и обратила внимание на коктейль: «Кусочек пробовать вкус?»

Это другое дело — я отдал ей стакан. Она сделала приличный глоток, пожевала губами в раздумье и осталась очень довольна: «Гостеприимно. Крепко. Сильно диссонирует. Произведение искусства». И уплыла прочь, оставив меня в полном недоумении.

Через минут десять тот же самый вопрос снова встал передо мной. Я получил больше предложений, чем на любом другом вечере на Центре, и уверен, что главной причиной этой рыночной толкотни была шпага. Честно говоря, предложения мне делались на каждой вечеринке и на каждом балу — ведь я был консорт Ее Мудрости. Даже если бы я был орангутангом, предложения поступали бы все равно.

Некоторые «шерстистые» мало чем отличались от орангутангов, однако, принимались в обществе. Я мог бы и пахнуть, как обезьяна, и вести себя хуже. Истина была в том, что многих дам волновал вопрос о том, что же такое заполучила императрица в свою постель; а также тот факт, что я был дикарь, в лучшем случае, варвар. Все это дразнило их любопытство. Никаких табу на выяснение этого вопроса, естественно, не существовало, так что многие пытались.

Но у нас все еще продолжался медовый месяц. Кроме того, если бы я принял все эти предложения, у меня не осталось бы ни минуты для жизни с поднятыми занавесками на окнах. Выслушивать предложения было в общем приятно, особенно когда я примирился с тем, что они звучали почти как: «Вам с содовой? Или имбирного пива?» Моральный уровень мужчины повышается, когда ему предлагают.

Ночью, раздеваясь, я спросил:

— Ну как, хорошо повеселилась, лапочка?

Стар зевнула и засмеялась:

— Безусловно. Но и ты тоже, мой доблестный старый скаут. Почему ты не отвел кошечку домой?

— Какую кошечку?

— Отлично знаешь какую! Ту самую, которую ты обучал фехтованию!

— Мяу-у!

— Нет, нет, милый. Ты просто должен послать за ней. Я слышала, как она делала тебе предложение, и

знаю, что существует строгая корреляция между хорошей кухней и хорошей...

— Женщина, а не слишком ли много ты болтаешь?

Она перешла с английского на невианский:

— Больше с моих истомившихся по любви губ не сорвется ни единого звука, который был бы не желанен тебе.

— Моя возлюбленная женушка... Стихийный дух Поющих Вод...

Невианский язык куда больше годится для определенных ситуаций, чем тот жаргон, который они употребляют на Центре.

Центр — приятнейшее местечко, и консорт Ее Мудрости тут может кататься словно сыр в масле. Как-то после нашего первого визита в рыбачью хижину Стар я намекнул, что было бы очень славно как-нибудь снова съездить половить форель в том чудесном ручье у врат, через которые мы прибыли в Невию. Как жаль, что он не на Центре!

— Хочешь, он будет здесь?

— Стар, ты что — можешь его перенести? Я знаю, что некоторые врата открыты для коммерческих нужд и через них идут грузы, но если это даже так...

— Нет, нет. Речь идет о другом, но тоже интересном. Дай-ка подумать. Нужен день, чтобы снять стереокопии, произвести замеры, взять пробы воздуха, состава воды и т. д. А пока... За этой стеной ничего ценного нет — так, электростанция и все такое... Скажем, тут будет дверь, а там — то место, где мы жарили рыбу — в сотне ярдов отсюда. Все будет готово за неделю, иначе придется сменить архитектора. Годится?

— Стар, это же невозможно!

— Почему, родной?

— Разрушить целый дом для того, чтобы дать мне ручей с форелью? Фантастика!

— Да нет же, уверяю тебя.

— Нет, фантастика! И тем не менее, солнышко, я предлагаю тебе не ручей сюда перенести, а самим отправится туда. На каникулы.

— Ах, как я хотела бы уехать на каникулы! — вздохнула она.

— У тебя сегодня был сеанс импринтинга? Голос звучит иначе.

— Я так устала от этого, Оскар!

— Стар, ты проводишь сеансы слишком часто. Ты истощаешь себя.

— Возможно. Но в этом деле только я могу быть судьей, как ты знаешь.

— Как я не знаю! Ты, возможно, и способна судить о ходе этого проклятого процесса, и ты действительно тут судья, я это понимаю, но я твой муж и должен быть судьей состояния твоего здоровья, и я обязан прекратить такую растрату сил.

— Любимый мой!

И таких инцидентов было немало.

Я не ревновал ее. Этот призрак моего дикарского прошлого был похоронен еще на Невии и меня больше не посещал.

Да и Центр не то место, где этот призрак может разгуляться. Здесь столько же брачных обычаев, сколько культур, — тысячи. Они нейтрализуют друг друга. Некоторые гуманоиды моногамны по инстинкту, ну как лебеди, что ли. И это трудно считать «добродетелью». Как смелость есть преодоление страха, так и добродетель есть правильное поведение перед лицом искушения. Если нет соблазна, нет и добродетели. Но с этими несгибаемыми моногамщиками никаких неприятностей не бывает. Если кто-нибудь, по неграмотности, сделал бы гнусное предложение одной из этих достойных дам, он не рисковал ни получить пощечину, ни тем более удар кинжалом. Она просто отвергла бы его и продолжала болтать о погоде. И если бы ее муж подслушал разговор между ними, беды бы тоже не случилось. Ревность не может существовать у расы автоматически моногамной. Я, впрочем, сам этого не проверял. Мне — по виду и запаху — они казались похожими на черствую корку хлеба. Где нет соблазна — нет и добродетели.

А вот у меня были случаи, когда я проявлял добродетель. Эта кошечка с осиной талией очень соблазняла меня. Я узнал, что она из той цивилизации, где женщины не выходят замуж, пока не докажут, что способны к деторождению, как это принято у нас на островах

южных морей и в некоторых странах Европы. Этим она никак не нарушает табу своего племени. Еще больше меня привлекала другая девушка — очаровашка с дивной фигуркой, с отличным чувством юмора и одна из лучших танцовщиц Вселенной. Свое предложение она отнюдь не писала на всех стенах, а просто дала мне знать, что не очень занята и вполне заинтересована, использовав местный жаргон с талантливой недосказанностью.

Это освежало. Это было почти по-американски. Я справился (стороной) об обычаях ее племени и узнал, что, хотя они очень строги в делах брака, в прочих отношениях нравы весьма свободны. В качестве зятя я бы там не подошел, но окно было бы открыто, даже если двери запирались крепко-крепко.

В общем, я струсил. Я покопался как следует в своей душе и нашел там подтверждение наличия в себе такого же сокрушительного любопытства, как у тех женщин, которые делали мне предложения только потому, что я был консортом Ее Мудрости. Миленькая маленькая Зай-и-ван принадлежала к числу тех, кто не носил одежды. Последнюю она выращивала сама — от кончика носа до крошечных пальчиков на ногах ее покрывала мягкая блестящая серая шерсть, удивительно похожая на мех шиншиллы. Потрясающе!

Я не должен был причинить ей зло — такому славному маленькому существу.

В соблазне я признался Стар, и она мягко намекнула, что я, видно, отношусь к роду животных, усиленно шевелящих длинными ушами, поскольку Зай-и-ван славится как выдающаяся артистка даже среди собственного народа, который заслужил славу наиболее талантливых поклонников Эроса.

Я так и остался трусишкой. Роман с такой чудесной девочкой обязан основываться на любви, хотя бы частично, а тут была не любовь, а просто интерес к дивному меху плюс страх, что связь с Зай-и-ван может перерасти в любовь, а моей женой она не может быть, даже если бы Стар меня и отпустила.

А если бы не отпустила? На Центре нет законов против полигамии. В некоторых религиях такие законы есть, в других она поощряется, но смешивание культур приводит к такому же смешиванию религий, которые «погашают» друг друга наподобие того, как погашают

друг друга разные обычаи. Культурологи утверждают, что закон о религиозной свободе инвариантен: религиозная свобода обратно пропорциональна силе самой распространенной религии. Это, видимо, есть частный случай более широкой инвариантности, заключающейся в том, что все виды свобод вырастают из конфликтов между культурами, поскольку обычай, которому не противостоит противоположный ему, становится обязательным и рассматривается как «закон природы».

Руфо с этим взглядом не согласен. Он считает, что его коллеги (у них в голове дырки) включают в уравнение вещи, которые не могут быть измерены количественно и даже недоступны для точного определения. Свобода — это счастливое исключение, так как тупая толпа во всех расах ненавидит и боится любых свобод, не только для соседа, но и для себя, и уничтожает их всюду, где это только возможно.

Но вернемся к нашей теме: на Центре пользуются любыми видами брачных контрактов. Они практикуют и домашнее партнерство, и свободное сожительство, и проживание для целей деторождения, и любовь, и дружбу, но все это вовсе не обязательно с одним партнером. Контракты могут быть очень сложными, например такими же, что заключаются у нас при слиянии фирм. Они могут включать в себя продолжительность, цель, обязанности, ответственность, число и пол детей, методы генетической селекции, проблемы подборки матерей, условия прекращения или продления отношений — все, кроме пункта о «супружеской верности». Здесь считается аксиомой, что это обязательство не может внедряться насильно, а значит, не подлежит и внесению в контракт.

И тем не менее, супружеская верность тут встречается чаще, чем на Земле, просто она не подзаконна. У них есть древняя поговорка «Женщины и кошки». Это значит: «Женщины и кошки делают что хотят, а мужчины и собаки к этому приноравливаются». Есть и другая — «мужчины и погода», которая грубее, но столь же стара, поскольку погода на Центре уже давно под контролем.

Самый распространенный вид контракта — вовсе и не контракт. Он перевозит в дом свои вещи и остается там, пока она не выбросит их за порог. Большая популярность этой формы объясняется высокой стабильно-

стью таких браков — женщине, которая «выбросила его туфли», очень трудно найти нового мужа, достаточно смелого, чтобы выносить ее скверный нрав.

Мой контракт со Стар был бы именно такого типа, в том случае, разумеется, если бы контракты, законы и обычаи были обязательны для императрицы, чего нет и быть не может. Но вовсе не это стало причиной моей растущей тревоги.

Поверьте мне — я не ревнив. Но тем более меня раздражали все эти мертвяки, толпившиеся в мозгу Стар.

Однажды вечером, когда мы одевались, чтобы пойти куда-то, Стар рявкнула на меня. Я беззаботно болтал о том, как прошел мой день, в частности занятия по математике, и, без сомнения, был так же интересен, как ребенок, рассказывающий о событиях в его детском саду. Но я пылал энтузиазмом — передо мной открывался новый мир, а Стар была всегда так терпелива со мной.

Но теперь она рявкнула на меня, да еще баритоном!

Я так и замер.

— У тебя сегодня опять был сеанс импринтинга?

Казалось, я слышу, как она переключает рычаги скоростей.

— Ох, прости меня, мой любимый! Нет, я сегодня не в себе. Я — Его Мудрость CLXXXII.

Я быстро подсчитал.

— Это же четырнадцатый с тех пор, как мы вернулись из похода за Яйцом! А ты приняла только семь за все годы до этого. Какого черта ты воображаешь! Ты хочешь выгореть дотла? Стать идиоткой?

Она начала было повышать голос, но потом ответила мягко:

— Такого риска нет.

— А я слышал совсем другое!

— То, что ты слышал, Оскар, не имеет значения, так как никто не может судить ни о моих возможностях, ни о том, что такое импринтинг. Разве что ты говорил с моим наследником?

— Нет. — Я знал, что он у нее есть, и подозревал, что он прошел сеанса два-три в качестве предосторожности на случай убийства Стар. Но я с ним не встречался, встречи не искал и даже не знал, кто он такой.

— Тогда забудь, что тебе говорили. Это бессмыслица. — Она вздохнула. — Любимый, если ты не возра-

жаешь, я сегодня не буду выходить. Лучше лягу в постель и посплю. Старый вонючка CLXXXII — самая мерзкая личность из всех, кем я побывала. Блистательные успехи в критической ситуации, ты обязательно о нем почитай. Но внутренне он был злобной скотиной, ненавидевшей даже тех людей, кому помогал. Он совсем еще свеж во мне, так что его следует крепко держать на цепи.

— Ладно, пойдем ляжем.

Она покачала головой.

— Спать, — строго сказал я.

— Нет, я воспользуюсь самовнушением, так что к утру ты даже не вспомнишь, что он был тут. А ты пойди на вечеринку. Может, наткнешься на какое-нибудь приключение и забудешь про свою трудную жену.

Я пошел, но был слишком зол, чтобы думать о приключениях.

«Старая вонючка» не был самым худшим. Я могу постоять за себя, и Стар, хоть и амазонка, а все же недостаточно сильна, чтобы командовать мною. Если она начинала грубить, то получала хорошую выволочку. Вмешательства охраны я не опасался, поскольку с самого начала было установлено, когда мы дома одни — мы ведем частную жизнь. Присутствие третьего меняло дело, и если Стар была одна, то частная жизнь исключалась, даже если она принимала ванну. Была ли ее охрана женской или мужской — я не знаю, да и Стар это было безразлично. Охранников я даже не видел. Так что наши ссоры никому не были известны и, пожалуй, приносили нам даже пользу, давая разрядку.

«Святой» был еще хуже, чем «Мерзавец». Это был Его Мудрость CXLI, и его отличали такое благородство и духовность, и он по этой причине так задирал нос, что я уехал на трехдневную рыбалку. Стар в жизни была полнокровной, живой и веселой, а этот тип не пил, не курил, жвачку не жевал, грубых слов не произносил. Так что над головой Стар все эти дни, которые она находилась под его влиянием, можно было видеть нечто вроде сияния.

А что было еще хуже, он проклял секс с тех пор, как занялся вселенскими делами, и это оказало на Стар глубокое и неожиданное воздействие: плаксивая покор-

ность никогда не была в ее стиле. Вот я и поехал на рыбалку.

Стар сказала мне, что это был один из самых неэффективных императоров в их длинном ряду, обладавший гениальной способностью совершать грубые ошибки, исходя из наилучших побуждений. Поэтому от него она узнала больше, чем от всех остальных. Он совершил все мыслимые ошибки. Его убили разъяренные граждане после всего лишь пятнадцатилетнего правления — срок явно недостаточный для того, чтобы разрушить столь массивное образование, как империя из многих Вселенных.

Ее Мудрость CXXXVII была женщиной, и Стар отсутствовала двое суток. Придя домой, она объяснила:

— Пришлось, дорогой мой! Я всегда считала себя выдающейся стервой, но она шокировала даже меня.

— Каким образом?

— Лучше я промолчу, хозяин. Мне пришлось проделать солидную работенку по ее захоронению так глубоко, чтобы ты с ней никогда не встретился.

— Но мне же интересно!

— Я понимаю, но именно потому я и вбила ей в сердце осиновый кол — неприятная работа, ведь она мой прямой предок. Но я побоялась, что она может тебе понравиться больше меня. Ох, какая подлая проститутка!

Мне любопытно до сих пор.

Большинство предшественников были неплохие ребята. Однако наш брак был бы куда благополучнее, если бы они в нашем доме не болтались вовсе. Легче иметь жену чуть тронувшуюся, нежели такую, что состоит из нескольких взводов — и преимущественно из мужчин. Сознание их призрачного присутствия даже тогда, когда личность Стар доминировала, отрицательно действовало на мое либидо *.

Должен, однако, согласиться и с тем, что Стар понимала мужскую точку зрения куда лучше других женщин в истории какой угодно страны. Ей не приходилось гадать, что для мужчины приятно. Она знала об этом больше меня из «опыта» и ни в коем случае не желала делиться с кем-нибудь этим уникальным знанием.

---

* Либидо — в сексологии — половое влечение.

В общем, у меня отсутствовали видимые причины для жалоб.

А я жаловался, я винил ее в том, что она носит в себе всех этих людей. Стар выносила эти несправедливые жалобы лучше, чем я — свои собственные ощущения несправедливости всей ситуации, когда я должен постоянно быть vis-a-vis всей этой толпы дурацких призраков.

Однако призраки были отнюдь не самым плохим, что плавало в нашей похлебке.

У меня не было работы. Я говорю не о службе от девяти до семнадцати, стрижке газона по субботам и пьянстве в загородном клубе по субботним вечерам. Я говорю об отсутствии цели в жизни. Вы когда-нибудь видели льва-самца в зоопарке? Свежее мясо в положенное время, сколько угодно женского полу, никаких охотников — вроде как добился чего хотел, не правда ли?

Тогда почему же у него такой угнетенный вид?

Сначала я не понимал всей глубины своей проблемы. У меня была очаровательная и любящая жена; я был так богат, что мое богатство нельзя было счесть; я жил в самом великолепном доме, находящемся в городе, куда более прекрасном, нежели любой город Земли; все, с кем я встречался, были ко мне расположены; на втором месте после моей удивительной жены я бы поставил возможность повышать, не считаясь с затратами времени, свое образование, получая его таким, какое недоступно никому на Земле, и при этом ни в какой мере не связанным с футболом. Не существовало никаких ограничений в тематике, и гарантировалась любая помощь. Представьте, друзья, что сам Альберт Эйнштейн бросает все свои дела, чтобы помочь вам разобраться с алгеброй, а «Рэнд корпорейшн» и «Дженерал электрик» объединяются в усилиях разработать методику, облегчающую вам решение какой-нибудь простенькой задачки.

Это роскошь большая, чем богатство.

Вскоре я обнаружил, что не могу выпить океан, даже если его поднесут к самым моим губам. Научные знания и на Земле так разрослись, что один человек не в состоянии охватить их в полной мере, так вообразите себе, как велик их объем в Двадцати Вселенных, каждая из которых имеет свои законы, свою историю и только одна Стар знает — сколько цивилизаций.

Говорят, на конфетных фабриках рабочим разрешается есть сколько угодно сладостей. А они вскоре на сладкое и смотреть не хотят.

Учиться я, конечно, не бросал. Но моим занятиям не хватало цели. Тайное имя Бога так же невозможно узнать в Двадцати Вселенных, как и в одной, и точно так же дело обстоит и с другими крупными вопросами, если, конечно, у вас нет интереса к какой-нибудь очень узкой проблеме.

У меня такого интереса не было, я — дилетант, и это я понял сразу, как только увидел, насколько моим учителям со мной скучно. Тогда я их почти всех отпустил, оставил себе математику да еще историю империи, но и здесь скользил по поверхности.

Подумывал я и о том, чтобы заняться бизнесом. Но чтобы заниматься бизнесом, получая от этого удовольствие, надо было быть бизнесменом в душе (чем я не был) либо нуждаться в деньгах. А у меня деньги были. Все, что я мог — это потерять их, а в том случае, если бы я выиграл, обязательно возник бы вопрос, не было ли тут специального правительственного указания: «Не обижайте консорта императрицы, все убытки мы вам компенсируем».

Так же вышло и с покером. Я ввел эту игру в обиход, и она начала быстро распространяться. К сожалению, вскоре обнаружилось, что играть в нее я не могу. Покер требует серьезного отношения, иначе он становится неинтересен. Однако, если денег у тебя — океан, то возможность добавить или потерять несколько капель превращает игру в ничто.

Должен объясниться. Цивильный лист Ее Мудрости, возможно, и не столь велик, как траты многочисленных богачей Центра: планета ведь невероятно богата. Но он таков, каким его хочет видеть Стар, то бишь бездонный кладезь богатства. Не знаю, из скольких миров состоит империя, но предположим, из двадцати тысяч, со средним числом жителей три миллиарда человек в каждом. На самом деле цифры эти гораздо больше.

Один пенни от каждого из 60 000 000 000 000 человек составит шестьсот миллиардов долларов. Эти цифры ничего не значат, кроме одного — они показывают, что изъятие у населения ничтожнейшей доли их средств, такой ничтожной, что ее и заметить нельзя, создает

капитал, которому я при всем желании не мог нанести заметного урона. Разумеется, квазиуправление Стар стоило этой квазиимперии очень больших денег, но ее персональные траты (и мои), как бы безумны они ни были, оставались на этом фоне просто неразличимыми.

Царь Мидас, как известно, потерял всякий интерес к своему дурацкому банку. И я тоже. Ох, конечно, я тратил деньги, хотя делал это только в случае необходимости. Наша «квартира» (не буду называть ее дворцом) имела гимнастический зал, которому и в подметки не годились гимнастические залы всех университетов на Земле. Я распорядился пристроить к нему манеж и очень много занимался фехтованием. Я приказал изготовить рапиры, способные поспорить с Леди Вивамус, и лучшие фехтовальщики нескольких миров занимались со мной. Я добавил еще и стрельбище, велел доставить мне из врат Карт-Хокеша мой большой лук и тренировался в стрельбе из него и других видов оружия.

О, я тратил деньги как хотел.

И вот однажды я сидел в своем кабинете, ни черта не делая, а просто о чем-то размышляя и поигрывая сосудом, наполненным драгоценными камнями.

Когда-то я немного интересовался дизайном ювелирных изделий. Этим я увлекся еще в средней школе. Я даже проработал одно лето у ювелира. Я немного рисовал и очень любил красивые камни. Ювелир дал мне кой-какие книги, а другую литературу я брал в городской библиотеке. Однажды он даже сделал по моему рисунку одну вещицу.

У меня было Призвание.

Но ювелиры не имеют отсрочку от призыва, так что пришлось это дело бросить... во всяком случае до приезда на Центр.

Понимаете, здесь у меня не было другой возможности делать Стар подарки, кроме как изготовлять их собственными руками. Так я и поступил. Я стал делать бижутерию из настоящих камней, изучая основы мастерства (разумеется, с помощью экспертов), заказывая богатейшие наборы камней, набрасывая собственные рисунки и отсылая камни и рисунки настоящим ювелирам для окончания обработки.

Я знал, что Стар обожает бижутерию, знал, что в этой любви есть нечто пикантное — не в том смысле,

чтоб получить удовольствие от нарушения каких-то табу (ими тут и не пахло) — а просто она любила пускать пыль в глаза, подчеркнуть то, что в этом и не нуждалось.

Вещички, которые я придумывал, были бы вполне на месте во французском ревю, с той разницей, что мои делались из настоящих драгоценных камней. Сапфиры и золото очень подходили к белокурой красоте Стар, и я ими пользовался широко. Но ей шли и другие цвета, поэтому я не отказывался и от прочих камней.

Она была в восторге от моей первой попытки и надела украшения в тот же вечер. Я очень гордился этим. Идею я извлек из воспоминания о костюме, который носила участница стриптиза во франкфуртском ночном клубе, куда я попал в день демобилизации из армии. Набедренная повязка, прозрачная длинная юбка с разрезом на одном из бедер и покрытая блестками (вместо них я взял сапфиры), а также штука, которую трудно назвать бюстгальтером — скорее, нечто лишь подчеркивавшее естественные формы, — состоявшая из одних драгоценных камней, соответствовавших диадеме в волосах.

Стар очень радовалась и этой, и другим вещицам, которые за ней последовали.

Но вскоре я заметил кое-что. Я же не настоящий дизайнер ювелирных изделий и конкурировать с профессионалами, которые обслуживают богатеев Центра, естественно, не мог. Я понял, что Стар надевает мои поделки лишь потому, что это мои подарки, точно как мама пришпиливает на стену рисунок своего малыша, принесенный им домой из детского садика.

На этом мое увлечение и кончилось.

Сосуд с драгоценными камнями пылился в моем кабинете уже несколько недель. Яркие опалы, сардониксы, сердолики, бриллианты, бирюза, рубины, лунные камни, гранаты, изумруды, сапфиры, хризолиты и многие другие, для которых нет названий на английском языке. Я пропускал их сквозь пальцы, любуясь игрой разноцветных огней и чувствуя себя все более несчастным. Интересно, сколько стоят эти прелестные камешки на Земле? Вероятно, миллионы долларов.

Я их даже не запирал на ночь. А ведь я — тот самый парнишка, который когда-то бросил колледж из-за отсутствия денег на оплату учебы и гамбургеров на обед.

Я отодвинул камни прочь и подошел к окну. У меня было окно, так как я сказал Стар, что кабинет без окон мне не нравится. Это случилось сразу же после нашего приезда, и только спустя несколько месяцев я узнал, сколько зданий пришлось снести, чтобы доставить мне удовольствие. Я-то думал, что они просто пробьют в стене окно.

Вид был чудесный — скорее парк, чем город, прекрасные здания не громоздились друг на друга, а были разбросаны в беспорядке. Трудно было поверить, что город этот по размерам не уступает Токио. Его инфраструктурный костяк не был виден, а население работало чуть ли не в другом полушарии планеты.

Слышался шум — слабый как гудение пчел, отдаленно напоминавший приглушенный гул Нью-Йорка, говоривший о том, что вокруг меня живут люди, у каждого из которых есть работа, есть цель, есть своя функция.

А моя функция? Консорт!

Жиголо *!

Стар, сама не подозревая того, ввела проституцию в мир, который до того ее не знал. В невинный мир, где мужчины и женщины ложились в постель вместе только потому, что им этого хотелось.

Принц консорт — не проститутка. У него есть работа, часто очень утомительная — он представляет свою супругу, он присутствует при закладке зданий, он произносит речи. Кроме того, у него есть обязанность быть королевским производителем — следить, чтобы королевская порода не вымерла.

У меня ничего подобного не было. Даже обязанности развлекать Стар — черт побери, да в радиусе десяти миль от меня найдется не менее миллиона мужчин, которые с радостью ухватятся за такой шанс.

Предыдущая ночь была плохая. Она плохо началась и перешла в одну из тех утомительных постельных конференций, которые бывают у всех супружеских пар и которые гораздо хуже приличного скандала. У нас как-то был такой — очень домашний, какой бывает у тружеников, замученных начальством и счетами.

---

* Жиголо — наемный танцор, сутенер.

Кроме того, Стар сделала то, чего никогда не делала — внесла в дом свою работу. В виде пяти человек, имеющих отношение к какой-то межгалактической склоке, я так и не узнал к какой, так как спор продолжался несколько часов и иногда они говорили на незнакомом мне языке.

Меня они начисто игнорировали, будто я мебель. На Центре людей редко представляют, и, если вы хотите с кем-то заговорить, вы говорите ему «лично» и ждете. Если вам не ответят — отходите. Если вам ответят — обменяйтесь биографическими данными.

Никто из них ничего подобного не сделал, а уж я и подавно. Раз уж они пришли в мой дом, то это их обязанность. Они же вели себя так, будто это не мой дом.

Я сидел как человек-невидимка и все больше распалялся.

Они доказывали что-то свое, Стар слушала. Вдруг она позвала своих служанок, и они стали ее раздевать и причесывать. Центр — не Америка. У меня не было причины считать себя шокированным. То, что Стар сделала, было грубостью по отношению к ним, она показала, что относится к ним как к мебели (она, значит, оценила их поведение со мной).

Один из них сказал обиженно:

— Ваша Мудрость, я хотел бы, чтобы вы выслушали нас, как обещали (я расширительно передаю их жаргон).

Она холодно ответила:

— Только я одна могу судить о своем поведении. Больше никто.

Верно. Она могла судить о своем поведении, они — нет. И, подумал я с горечью, я — тоже нет. Я злился не нее (хотя и понимал, что это мелочь) за то, что она вызвала служанок, за то, что готовится ко сну в присутствии этих болванов, и я намеревался ей сказать, чтобы такое никогда не повторялось. Потом раздумал.

Вскоре Стар оборвала их:

— Он прав. Вы — не правы. Так и делайте. Уходите.

И все же я решился затронуть этот вопрос под соусом возражения против приглашения в наш дом «деловых» людей.

Однако Стар нокаутировала меня с ходу. В ту же минуту, когда мы остались одни, она сказала:

— Любимый, прости меня. Я согласилась выслушать этих глупых путаников, а дискуссии длились бесконечно, и тогда я подумала, что дело кончится быстрее, если я вытяну их из кресел, заставлю постоять и дам понять, что мне все это надоело. Я и не предполагала, что они снова сцепятся здесь и что пройдет столько времени, прежде чем я ухвачу смысл разногласий. А я знала, что, если перенести дело до завтра, оно опять затянется на долгие часы. Сама проблема очень важна, и оставлять ее без решения нельзя. — Она вздохнула. — Но этот ужасный человек... И вот такие пролезают на самый верх! Я даже подумала не устранить ли его физически, а вместо этого пришлось ему же поручить исправление собственных ошибок, иначе та же ситуация могла возникнуть заново.

Я не смог даже намекнуть ей, что ее решение родилось просто под влиянием раздражения. Человек, которого она только что осуждала, был тем самым, в пользу которого она вынесла решение. Поэтому я сказал:

— Пошли спать, ты устала. — И сам же не удержался, чтобы в душе не осудить ее.

19

И мы отправились спать.

Тут она сказала мне:

— Оскар, ты сердишься.

— Я этого не говорил.

— Но я чувствую. И не только сегодня, и не только из-за этих тупиц. Ты ушел в себя, ты несчастлив.

— Пустяки.

— Оскар, все, что беспокоит тебя, не может быть пустяками для меня. И я ничего не смогу с этим поделать, пока не узнаю, в чем причина.

— Что ж... Я чувствую себя чертовски бесполезным.

Она положила свою мягкую сильную руку мне на грудь.

— Для меня ты очень полезен. А почему ты чувствуешь себя бесполезным для себя? Лично?

— А ты посмотри на эту кровать? — Эта кровать была такой, о которой американцы не могут даже и

мечтать. Она делала все, разве кроме поцелуя на сон грядущий. И была, подобно этому городу, очень красива и, подобно ему, скрывала свой «костяк». — Такое ложе стоило бы на Земле больше, если бы его умели там соорудить, чем самый лучший дом из тех, в которых жила моя мать.

Старо подумала.

— Ты хотел бы послать матери денег? — Она потянулась к стоящему у изголовья коммуникатору. — Достаточно ли дать адрес «Военно-воздушная база Элмендорф, Америка»?

(Не помню, чтобы когда-нибудь называл ей адрес матери.)

— Нет, нет! — Я сделал знак передающему устройству заткнуться. — Ничего я ей не хочу посылать. Ее муж получает достаточно, и от меня он денег не возьмет. Не в этом дело.

— Тогда я не вижу, в чем оно. Кровать ничего не значит, значение имеют лишь те, кто в ней лежит. Если тебе не нравится эта кровать, мы достанем другую. Или будем спать на полу. Кровать ничего не значит.

— Эта кровать о'кей. Единственно чем она плоха, так это тем, что не я за нее платил. Платила ты. И за этот дом. И за мою одежду. И за мою еду. Все это мои... мои игрушки. Все, что у меня есть, дала мне ты. Ты знаешь, кто я такой, Стар? Жиголо! А ты знаешь, кто такой жиголо? Что-то вроде мужчины-проститутки.

Одна из наиболее раздражающих привычек моей жены заключалась в том, что она отказывается прикрикнуть на меня, если я явно напрашиваюсь на ссору. Она внимательно посмотрела мне в глаза.

— В Америке ведь все работают, верно? Люди работают все время, особенно мужчины?

— Вроде того.

— Но этот обычай существует не везде, даже на Земле он неповсеместен. Француз, например, счастлив, если у него много свободного времени. Он заказывает еще чашечку cafe au lait *, и стойка блюдечек на его столике быстро растет. Да и я не очень люблю работать. Оскар, я испортила вечер из-за своей лени — не хоте-

---

* Кофе с молоком (*фр.*).

лось завтра с утра заниматься этой тягомотиной. Этой ошибки я больше не повторю.

— Не в этом дело, Стар. С тем вопросом мы покончили.

— Знаю. Но первый вопрос редко оказывается ключевым. Да и второй — тоже. А иногда и двадцать второй. Оскар, но ты же не жиголо.

— А как прикажешь меня называть? Если что-то выглядит как утка, крякает как утка и ведет себя как утка, то я называю это уткой. А если ты назовешь ее букетом роз, то она от этого крякать не перестанет.

— Нет. Все, что нас окружает, — она повела рукой, — кровать. Эта чудесная спальня. Пища, которую мы едим. Мое платье и твое. Наш милый бассейн. Ночной дворецкий, на случай, если нам захочется получить певчую птицу или спелый арбуз. Наши дивные сады. Все, что мы видим, ощущаем, что используем или хотим иметь — и еще тысячи вещей, находящихся вдали от нас, все это заработано твоей собственной могучей рукой. Все это твое по праву.

Я засопел.

— Именно так, — настаивала она. — Таков был наш контракт. Я обещала тебе много приключений, больше сокровищ и еще больше опасности. Ты сказал: «Принцесса, вы получили своего мальчика на побегушках». — Она улыбнулась. — Такого большого мальчика! Мой любимый, думаю, что опасностей было больше, чем ты ожидал... И поэтому мне до сего дня доставляло огромное наслаждение делать так, чтобы и сокровищ было больше, чем ты мог себе когда-нибудь представить. Пожалуйста, прими их без ложной скромности. Ты заработал и их, и гораздо больше — столько, сколько ты захочешь иметь.

— Хм-м... Если даже ты права, то этого слишком много. Я тону в них, как в болоте.

— Но, Оскар, ты же не обязан брать ни крошки сверх того, что тебе нужно. Мы можем жить скромно. В одной комнате, с кроватью, которая убирается в стену, если тебе так будет лучше.

— Это не решение.

— А может быть, тебе нужно холостяцкое убежище где-то за городом?

— Хочешь выбросить мои туфли, а?

Она сказала ровным голосом:

— Если ты хочешь, чтобы твои туфли были выброшены, тебе придется это сделать самому. Я прыгнула через твою шпагу. И не буду прыгать обратно.

— Полегче! Ведь это ты предложила. Если я не так понял тебя, то прошу прощения. Я знаю, что своего слова ты обратно не берешь. Но может быть, ты о нем сожалеешь?

— Я не сожалею. А ты?

— Нет, Стар, нет... Но...

— Слишком большая пауза для такого короткого слова, — ответила она очень серьезно. — Ну, скажи же мне.

— Хм... Ну, просто так... А почему ты мне не сказала?

— Не сказала, что именно, Оскар? Существует множество вещей, о которых можно говорить.

— Господи, да о многом! О том, что нам предстояло. О том, что ты императрица... особенно перед тем, как ты позволила мне прыгнуть через шпагу...

Ее лицо не изменилось, хотя по щекам потекли слезы.

— Я могла бы ответить, что ты меня об этом не спрашивал...

— Я же не знал, о чем спрашивать!

— Это правда. Но я должна заметить, что если бы ты спросил, то я бы тебе на все ответила. Я могла бы сказать тебе, что не я «позволила» тебе прыгать через шпагу, а ты отверг все мои заверения, что нет нужды предлагать мне честь стать твоей женой по законам твоего народа... и что я девчонка, которую ты можешь тискать сколько пожелаешь.

Я могла бы указать тебе на то, что я не императрица и не королева, а просто трудящаяся женщина, чья работа не дает ей даже такой роскоши, как право на благородство. Все это правда. Но я не буду прятаться за этой правдой. Я отвечу на твой вопрос. — Стар перешла на невианский язык: — Милорд Герой, я боялась только одного — если я не отдамся на твою волю, ты меня бросишь.

— Миледи жена, неужели ты думала, что твой рыцарь бросит тебя в твоих горестях? — Тут уж я перешел на английский: — Что ж, вот все и выяснилось! Ты

вышла за меня замуж только потому, что тебе было необходимо освободить это проклятущее Яйцо, а твоя мудрость подсказывала, что я — непременное условие для удачи этого предприятия и что я могу задать стрекача, если ты не сделаешь того-то. Что ж, могу сказать, твоя мудрость в данном случае оказалась слабаком — я бы не сбежал. Хоть это и глупо, но я очень упрям. — И я стал вылезать из кровати.

— Милорд, мой любимый! — теперь она рыдала уже в открытую.

— Извини, мне нужна пара туфель. Посмотришь, как далеко я их зашвырну! — Я был зол, как только может быть зол мужчина, гордость которого глубоко уязвлена.

— Ну пожалуйста, пожалуйста, Оскар! Сначала выслушай меня.

Я тяжело вздохнул.

— Давай выкладывай.

Она так крепко ухватилась за мою руку, что я лишился бы пальцев, если бы попробовал вырваться.

— Выслушай меня! Мой возлюбленный, все совсем не так! Я знала, что нашего дела ты не бросишь, пока мы его не завершим или пока все не погибнем. Это я знала! И не только потому, что у меня были сведения о твоем характере задолго до того, как я тебя увидела впервые, но и потому, что мы уже делили и радость, и опасности, и трудности. Я знала, что ты храбр. Но если бы это было необходимо, я опутала бы тебя паутиной слов, уговорила бы пока ограничиться только помолвкой — пока еще дело не будет завершено. Ты же романтик, ты бы согласился. Но, мой любимый! Я так хотела выйти за тебя замуж! Связать тебя с собой твоим обрядом, чтобы... — Она остановилась, чтобы смахнуть слезы и высморкаться. — ...чтобы, когда ты увидишь вот это, и это, и это, и все вещи, которые ты назвал только что «твоими игрушками», ты бы все равно остался со мной. Эта была не политика, это была любовь — любовь романтическая, любовь безумная, любовь к тебе самому.

Она уткнулась лицом в ладони, и я еле слышал, что она говорит:

— А я так мало знала о любви! Любовь — бабочка, которая сверкает, пока живет, и улетает, когда захочет.

Ее нельзя удержать цепями. Я согрешила. Я пыталась связать тебя. Это несправедливо и жестоко по отношению к тебе, я это вижу теперь. — Стар криво улыбнулась. — Даже у Ее Мудрости может не хватить ума, когда она становится просто женщиной. Но хоть я и глупая баба, я все же не так упряма, чтобы не признать, что причинила своему возлюбленному зло, особенно если эта правда смотрит мне прямо в глаза. Иди неси свою шпагу. Я прыгну назад, и мой рыцарь получит свободу и выйдет из этой шелковой клетки. Иди, милорд Герой, иди, пока мое сердце сохраняет твердость.

— Иди отыскивай свою шпагу, девчонка! Порка давно плачет по тебе.

Тут она широко улыбнулась — чистый сорванец!

— Но мой милый, моя-то шпага осталась в Карт-Хокеше. Разве ты не помнишь?

— На этот раз так просто ты не отделаешься! — Я схватил ее в охапку. Стар крепка, ловка и на удивление мускулиста. Только я-то покрупнее, да она и не отбивалась по-настоящему. И все же я потерял лоскуток кожи и приобрел несколько синяков, прежде чем мне удалось придавить ей ноги и одну из рук. Я дал ей пару горячих, очень горячих, таких, что оставили четкие отпечатки каждого пальца. Но тут же потерял всякий интерес к этому делу. Ну а теперь вы скажите мне — шли ли ее слова от сердца или была разыграна сценка с участием самой ловкой женщины во всех Двадцати Вселенных?

Спустя некоторое время Стар сказала мне:

— Как я рада, что грудь у тебя не такая колючая, как у других мужчин, мой прекрасный!

— Я с детства был хорошеньким ребенком. А сколько грудей ты проверила?

— Достаточно репрезентативную выборку. Дорогой, значит, ты решил еще немного подержать меня?

— Пока. Все будет зависеть от твоего хорошего поведения, как ты понимаешь.

— Лучше бы от плохого. Но... раз ты так расчувствовался... И если ты... лучше уж мне полностью облегчить душу и, если надо, выдержать еще одну порку.

— Ишь разохотилась! Раз в неделю — это максимум, слышишь!

— Как вам угодно, сэр. Слушаюсь, мой хозяин. Я прикажу доставить сюда мою шпагу, и ты можешь

выпороть меня ею в свободное время. Если, конечно, поймаешь. И все же мне надо сказать тебе кое-что и снять тяжесть с груди.

— Нет там у тебя никакой тяжести, если не считать...

— Перестань! Ты лучше скажи, как часто ты ходишь к терапевтам?

— Раз в неделю. — Первое, что сделала Стар, она заставила меня пройти такую проверку здоровья, что медосмотр перед вступлением в армию кажется сущей безделицей. — Главный костоправ говорит, что мои раны не вполне зажили, но я ему не верю — никогда так хорошо себя не чувствовал.

— Он тянет, Оскар... Тянет по моему приказу. Ты уже полностью здоров, но я достаточно опытный врач, а я была очень внимательна. Но, мой дорогой, я сделала это из чисто эгоистических соображений, и теперь ты снова можешь сказать, что я жестоко и несправедливо отнеслась к тебе. Признаюсь — я иногда хитрю. Но мои намерения вполне достойны. Однако из личного и профессионального опыта мне известно, что благие пожелания чаще становятся источниками бедствий, чем все другие обстоятельства вместе взятые.

— Стар, я никак не возьму в толк, о чем ты? Известно, что источник всех бед — женщины.

— Да, милорд. Поскольку у них всегда благие намерения — я это могу доказать. Мужчины иногда действуют исходя из разумных побуждений или из эгоистических. Но не всегда.

— Это потому что половина их предков — женщины. Но зачем же я хожу на прием к докторам, если они мне не нужны?

— Я не говорила, что они тебе не нужны. И ты не должен так думать. Оскар, ты уже весьма далеко продвинулся в процедуре Продления Жизни.

Она взглянула на меня, готовая и к обороне и к наступлению.

— Вот так штука, будь я проклят!

— Ты возражаешь? На этой стадии еще можно повернуть назад.

— Я об этом никогда не думал. — Я знал, что на Центре можно получить Долголетие, как знал и то, что разрешение на него связано с жесткими ограничения-

ми. Его мог получить всякий, кто намеревался эмигрировать на слаборазвитые планеты. Местные же жители должны были стареть и умирать. Это был тот случай, когда один из предшественников Стар счел возможным вмешаться в местные дела. Центр, где все болезни были побеждены, обладал очень высоким жизненным уровнем и стал основой существования мириадов людей, а теперь начал приобретать черты перенаселенности, особенно с тех пор, как Долгожительство сильно отодвинуло средний срок наступления смерти.

Тогда-то и были установлены достаточно жесткие правила, которые должны были решить проблему. Некоторые люди проходили процедуру в молодом возрасте и через врата отправлялись на дикие планеты. Другие выжидали, пока появятся первые признаки приближения смерти, и тогда решали, что они еще вполне годятся для продления жизни. Третьи сидели, ждали и умирали, когда полностью приходило их время.

Мне понятна была их мука — это знание подарил мне удар боло в джунглях.

— Думаю, у меня не будет возражений.

Она вздохнула с облегчением.

— Не знаю, вероятно, я не должна была делать это тайком от тебя. Заслужила я трепку?

— Мы добавим этот пункт к списку других прегрешений, и ты получишь за все сразу. Есть шанс стать инвалидом. Стар, а как это долго — Долголетие?

— Трудно сказать. Мало кто из получивших его, умер своей смертью. Если будешь жить той активной жизнью, которую я переставляю себе на основании знания твоего характера, то маловероятно, что ты умрешь от старости. Или от болезни.

— И никогда не состарюсь? — К этому надо было привыкнуть.

— Нет, ты можешь состариться. Даже больше того, маразм может развиться сообразно с возрастом. Если ты себя до этого доведешь. Если это допустят те, кто окружает тебя. Однако... Любимый, скажи, сколько мне лет на твой взгляд? Нет, не отвечай мне сердцем, ответь на основании внешнего вида. По земным стандартам. Будь откровенен, мне-то истина известна.

Я всегда с радостью любовался Стар, но сейчас я смотрел на нее по-новому, отыскивая признаки насту-

павшей осени — в уголках глаз, на руках, в малейших изменениях кожи, но... Черт! Никаких признаков, а я-то знал, что у нее есть внук!

— Стар, когда я увидел тебя впервые, я решил, что тебе восемнадцать, потом посмотрел поближе и немного поднял планку. Теперь, разглядывая в упор, не давая никаких скидок — не более двадцати пяти. И это еще потому что выражение лица у тебя сейчас серьезное. А когда смеешься — ну просто тинейджер. Если же ты дурачишься, или испугана, или восхищаешься котенком или щенком, то тебе трудно дать больше двенадцати. Это если от подбородка и выше. А если от подбородка и ниже — никогда не больше восемнадцати.

— Весьма пышные восемнадцать! — добавила она. — Двадцать пять земных лет, что ж, это именно та цель, которую я ставила перед собой. Это время, когда женщина перестает расти и начинает входить в зрелость. Оскар, твой видимый возраст в условиях Долголетия — дело собственного выбора. Возьми, например, моего дядюшку Джорджа, того самого, что иногда зовет себя графом Калиостро. Он выбрал тридцать пять лет, поскольку считает, что все, кто моложе — мальчишки. Руфо предпочитает выглядеть старше. Он говорит, что это придает ему респектабельность, удерживает его от участия в пьянках и драках молодежи и все же позволяет ему вызвать шок у какого-нибудь молодого человека, если драка состоится.

— Или же шок у молодой женщины, — предположил я.

— Когда имеешь дело с Руфо, все возможно. Любимый, я еще не закончила. Часть задачи — научить собственное тело самолечению. Вспомни свои уроки языка на Центре — ни один из них не проходил без присутствия гипнотерапевта, который ждал, чтобы дать урок твоему телу, используя твое подсознание после урока языка. Частично, видимый возраст есть результат косметической терапии — Руфо вовсе не обязан быть лысым, — но главное — мозговой контроль. Когда ты решишь, какой возраст ты хочешь принять, тебе начнут делать импринтинг.

— Подумаю. Не хочу выглядеть намного старше тебя.

Стар была в восторге:

— Спасибо, дорогой. Видишь, какая я эгоистка?

— Не понимаю в чем?

Она положила руку на мою.

— Не хочу, чтобы ты старился и умирал, а я бы оставалась юной.

Я похлопал глазами:

— Боже, леди, это действительно эгоистично, не правда ли? Но ведь ты могла бы законсервировать меня и поставить в своей спальне. Как твоя тетушка.

Она состроила гримасу:

— Противный. Она их вовсе не консервировала.

— Стар, а я еще ни разу не видел этих почитаемых мертвецов у кого-нибудь в доме.

— Так то же на планете, где я родилась! В этой Вселенной, только звезда другая. Очень славное место. Разве я тебе не говорила? — удивилась она.

— Стар, милая, ты вообще ничего не говоришь.

— Извини, Оскар! Я вовсе не собиралась преподносить тебе сюрпризы. Спрашивай. Сейчас же. И все, что хочешь.

Я обдумал это предложение. Меня удивляло одно обстоятельство — вернее, его отсутствие. Впрочем, возможно, у женщин ее расы другой ритм? Но меня останавливал тот факт, что я женился на бабушке, и еще вопрос — каких лет?

— Стар, ты беременна?

— Конечно нет, милый! О! Ты хочешь, чтобы я забеременела! Хочешь, чтобы у нас были дети?

Я запинался, пытаясь объяснить, что не был уверен в такой возможности и не знал, как она на это смотрит. Она, казалось, была в затруднении:

— Наверняка, я опять тебя огорчу. И все-таки лучше сказать правду. Оскар, я так же, как и ты, родилась не в роскоши. Хорошее детство, мои родители были владельцами ранчо. Я вышла замуж совсем молодой, он был просто учителем математики в школе, а в качестве хобби занимался вероятностной и метафизической геометрией. Ну иначе — магией. У нас было трое ребят. И мы с мужем жили очень дружно до тех пор, пока... пока меня не выдвинули. Не выбрали, а только наметили кандидатом для экзаменов и возможной тренировки в будущем. Муж знал, что генетически я кандидат, знал,

еще когда женился на мне, но таких миллионы. Это казалось неважным.

Он хотел, чтобы я отказалась. Я почти подчинилась. Но когда я все же приняла предложение, он... ну, он выбросил мои туфли. Там мы делаем это официально. Опубликовал заявление, что больше я ему не жена.

— Вон оно как! Хочешь, я найду его и сверну ему шею?

— Милый! Милый! Это было так давно и так далеко отсюда! Он давно уже умер. И значения это не имеет никакого.

— Ну, если он умер... А твои ребятишки — один из них был отцом Руфо... или его матерью?

— О нет, это случилось позже.

— Как так?

Стар перевела дух:

— Оскар у меня было около пятидесяти детей.

Меня это добило. Слишком много ударов, что, надо думать, было заметно по моей физиономии. На лице Стар выразилось неподдельное сочувствие.

Она торопливо разъяснила: когда ее выбрали наследницей, в ее организме были произведены изменения — хирургические, биохимические и эндокринные. Нет, нет, ничего существеннее стерилизации, только преследовавшей совсем иные цели и осуществленной гораздо более тонкими методами, нежели те, которые существуют у нас на Земле. В результате образовалось около двух с половиной сотен зародышей будущих Стар — живые яйцеклетки и латентные, которые должны были храниться при температуре близкой в абсолютному нулю.

Около пятидесяти были оплодотворены с помощью императоров уже давно умерших, но чья живая сперма также находилась на хранении — генетическая рулетка с расчетом получить одного или двух будущих императоров. Стар их не рожала — время наследницы было слишком драгоценно. Большую часть своих детей она даже не видела. Исключением был отец Руфо. Она не говорила, но думаю, что Стар захотелось иметь около себя ребенка, с которым можно было играть, которого можно было любить, что и продолжалось, пока не наступили первые напряженные годы ее правления, а потом и поисков Яйца, не оставившие ей времени на подобные забавы.

Произведенные в организме Стар изменения, преследовали две цели: во-первых, получить несколько сот «элитных» детей от одной матери и, во-вторых, освободить ее от любых материнских обязанностей. Путем специально разработанного эндокринного контроля Стар освободили от унаследованного от праматери Евы физиологического ритма, хотя во всех других отношениях она продолжала оставаться совершенно молодой женщиной — только не нуждавшейся ни в гормональных вливаниях, ни в «пилюлях». Все эти изменения носили позитивный характер. Разумеется, они были осуществлены не для ее удовольствия, а чтобы ее суждения в качестве Верховного Судьи не испытывали воздействия со стороны желез внутренней секреции.

— Это очень разумно, — сказала Стар серьезно. — Я до сих пор вспоминаю дни, когда я была готова уничтожить своего ближайшего друга или тут же закатить истерику. Как же можно сохранить способность мыслить трезво в обстановке подобных эмоциональных бурь?

— А... А все это как-нибудь еще отразилось на твоем организме? Я имею в виду твои желания...

Стар весело усмехнулась.

— А как с твоей точки зрения? — И добавила серьезно: — Единственное, что действует на мое либидо, точнее, что изменяет его к худшему, это те, не знаю, как правильно выразиться по-английски, те надоеды, чьи характеры наложены на мой. Иногда они воздействуют в одну сторону, иногда — в другую. Ты же помнишь ту женщину, имя которой мы даже не будем произносить вслух, что так жестоко повлияла на меня и я не смела даже подойти к тебе, пока не изгнала из себя ее черную душу. Недавний импринтинг действует сильнее, так что я никогда не приступаю к рассмотрению важных дел, если во мне еще не улеглись ощущения, вызванные предыдущим сеансом. Как же мне хочется, чтобы все это уже было позади!

— Еще бы! Мне тоже.

— Ну мне все же сильнее. Но если отбросить в сторону проблемы, связанные с импринтингом, то я как женщина мало меняюсь. Я всегда все та же — не очень приличная девица, закусывающая перед завтраком молодыми людьми и соблазняющая их прыгать через шпаги.

— И много их было, этих шпаг?

Стар бросила на меня острый взгляд.

— С тех пор как мой первый муж выгнал меня из дому, я ни разу не была замужем, пока не вышла за вас, мистер Гордон. Но если вы имели в виду не совсем то, о чем спросили, то не думаю, что у вас есть право упрекать меня за вещи, случившиеся еще до вашего рождения. Если же вам нужны определенные сведения, начиная с этого события, я готова удовлетворить ваше любопытство. Ваше нездоровое любопытство, смею сказать.

— Хочешь похвастаться? Девочка, я не собираюсь баловать тебя.

— Не желаю я хвастаться! Да и хвастать, собственно, нечем. Кризис из-за Яйца почти не оставлял мне времени на то, чтобы быть женщиной, будь он неладен. И так было до тех пор, пока не появился Петух Оскар. За это и приношу ему благодарность.

— А заодно не забудь и о вежливости.

— Слушаюсь, сэр. Милый петушок! Но давай вернемся к нашим баранам, милый! Если ты хочешь иметь детей, то я согласна, любимый. В фонде есть около двухсот тридцати яйцеклеток, и ими распоряжаюсь только я. Не потомки. Не милые славные народы, Бог да благословит их маленькие жадные сердца. Не те разыгрывающие Господа Бога манипуляторы — генетики. Только я! Другой собственности у меня, по правде говоря, и нет. Все что нас окружает — это ex officio *. А яйцеклетки — мои. И если они тебе нужны, то они и твои тоже, мой единственный.

Мне следовало сказать «да» и поцеловать ее. А я сказал:

— Гм-м, не будем торопиться.

Ее лицо омрачилось.

— Как будет угодно милорду Герою-мужу.

— Послушай, оставь в покое невианские обычаи и официальность — тоже. Я же понимал под этим только то, что ко всему новому надо привыкнуть. К этим шприцам и прочим штукам. К вмешательству, как я полагаю, всякого технического персонала. И к тому же у тебя, думаю, нет времени на то, чтобы самой вынашивать ребенка.

---

* По положению (*лат.*).

Я пытался объяснить ей, что с тех пор как мне разъяснили насчет того, что не аисты приносят ребятишек, я был полностью удовлетворен старым добрым способом и искусственное осеменение представляется мне дурацкой штукой, даже в том случае, если оно проделывается с коровой, а предлагаемая мне работа чем-то сходна с работой субподрядчиков и заставляет меня вспомнить о прорезях для опускания монет в автоматах и писем — в почтовых ящиках. Мне бы еще немного времени — и я, пожалуй, приспособлюсь к этому. Так же, как Стар приспособилась к проклятому импринтингу.

Она схватила меня за руку.

— Милый, но тебе же не надо!

— Не надо чего?

— Чтобы техники возились с тобой. И время, чтобы выносить твоего ребенка, я найду. Если, конечно, ты не станешь возражать, чтобы мое тело стало большим и уродливым. А это с ним произойдет неизбежно — я же помню, но я с радостью пойду на это. У нас все будет так, как бывает у простых людей, во всяком случае во всем, что касается тебя. Никаких шприцев, никаких техников. Ничего такого, что могло бы ранить твою гордость. О, я все, все продумаю. А я... я привыкла, чтобы со мной поступали как с коровой-медалисткой. Это же почти так же просто, как вымыть голову шампунем.

— Стар, неужели ты готова пройти через девять месяцев болезненного состояния, даже через угрозу смерти, ради того, чтобы избавить меня от нескольких минут раздражения?

— Я не умру. Вспомни — у меня было трое детей. Нормальные роды, никаких неприятностей.

— Но, как ты сказала сама, это было «много лет назад».

— Неважно!

— Гм-м! Но как много? («Сколько же тебе лет, моя любимая?» — вопрос, который я не мог заставить себя задать.)

— Разве это так важно, Оскар? — У нее был расстроенный вид.

— Гм-м... Полагаю, нет. Ты же знаешь о медицине гораздо больше меня.

— Ты спрашиваешь, сколько мне лет, не правда ли? — произнесла медленно Стар. Я не ответил. Она помолчала, потом, не дождавшись ответа, продолжала: — Старая поговорка твоего мира гласит — «Женщине столько лет, на сколько она себя чувствует». А я чувствую себя юной, и, значит, я действительно юна, у меня не растрачен интерес к жизни. Я могу носить в своем чреве ребенка или даже многих детей. Но я знаю... О, я знаю! Знаю, что твои тревоги связаны не с тем, что и слишком богата или занимаю положение, иногда ставящее мужа в затруднительное положение. Да, это все я отлично понимаю — мой первый муж из-за этого развелся со мной. Но он был моим ровесником. Самая же большая жестокость и несправедливость, которую я совершила, заключается в том, что я знала, что мой возраст — вопрос для тебя серьезный. Знала и промолчала.

Вот почему был так взбешен Руфо. После того как мы провели ту ночь в пещере в Лесу Драконов, он высказал мне это в словах, полных яда. Он сказал, что знал о моей способности кружить головы молодым людям, но он никогда не думал, будто я паду так низко, что завлеку одного из них в брачную ловушку и ни слова ему не скажу. Руфо никогда не был высокого мнения о своей бабке, он мне это прямо сказал, но на этот раз...

— Замолчи, Стар!

— Да, милорд.

— Все это ровно ничего не значит, — сказал я так же уверенно, как чувствовал это в глубине души. — Руфо не знает моих чувств. Ты моложе завтрашнего рассвета и всегда будешь такой. И я больше не желаю слышать об этом.

— Да, милорд.

— И это ты тоже брось. Просто скажи: «О'кей, Оскар».

— Да, Оскар, о'кей.

— Вот так-то лучше. Если, конечно, ты не нарываешься на новую порку. А я для этого слишком притомился. — Я сменил тему: — Теперь о том, о чем мы говорили. Нет никаких причин растягивать этот прелестный животик, раз существует другая возможность. Я деревенский вахлак, вот и все. Я не привык к городским

обычаям. Когда ты сказала, что сделаешь все сама, ты имела в виду, что они тебя вернут в то состояние, в котором ты была до операции?

— Нет, я просто стану приемной матерью в дополнение к тому, что являюсь матерью генетически. — Она улыбнулась, и я понял, что иду по правильному пути. — Это сэкономит приличную денежку из тех средств, которые ты не хочешь тратить. Эти здоровые крепкие женщины, что вынашивают чужих детей, берут очень дорого. Четыре ребенка — и уже можно больше не работать, а десяток делает их богатыми людьми.

— Ну а как же им не брать дорого! Стар, я не возражаю против траты денег. Я согласен, раз ты уверена, что я заработал их больше, чем транжирю, своим трудом Героя. Впрочем, работа эта изрядная!

— Да, ты их заработал.

— Этот городской способ делать детей... Ты можешь выбирать? Мальчик, девочка?

— Конечно. Мальчиковые сперматозоиды гораздо более шустрые, их легко отсортировать. Вот почему Их Мудрости одни мужчины. Я — кандидат незапланированный. У тебя будет сын, Оскар.

— Можно и девочку. У меня к ним слабость.

— Хочешь девочку, хочешь мальчика, хочешь обоих сразу... Только прикажи.

— Стар, дай мне время проработать этот вопрос. Тут столько проблем, а я мыслю медленно, куда медленнее тебя.

— Ну уж!

— Ну, если ты не умнее меня, то нас когда-нибудь здорово околпачат. М-м-м... Мужское семя так же легко хранить, как женские яйцеклетки?

— Легче.

— Ну вот и ответ, который нам нужен. Я ведь не так уж и боюсь всяких шприцев — провел достаточно времени в очередях на обследования в армии. Я отправлюсь в клинику, или как она там у вас называется, а затем мы не станем спешить. Когда мы решим (тут меня передернуло), мы отправляем открытку, там устроят соединение, и мы станем родителями. С этой минуты техники и те здоровенные бабы могут приниматься за дело.

— Да, ми... Оскар, любимый!

Так, уже лучше. Снова почти спокойное девичье лицо. Да, конечно, снова лицо шестнадцатилетней девчонки, завороженной своим первым бальным нарядом и мальчиком — этой вызывающей дрожь восхитительной опасностью.

— Стар, ты говорила, что часто истинное значение имеет не вторая проблема, а какая-нибудь двадцать вторая?

— Да.

— Я знаю, что со мной плохо. Я расскажу тебе это и, может быть, Ее Мудрость найдет правильное решение.

— Если ты сумеешь рассказать мне, любимый, то Ее Мудрость, конечно, сумеет разрешить этот вопрос, даже если для этого придется снести этот дворец и построить новый размером отсюда и до ближайшей Галактики. Или я брошу заниматься этим бизнесом — Мудростью.

— Ну вот это уже больше похоже на мою Счастливую Звезду. Ладно, это не потому, что я — жиголо. Я заработал по меньшей мере на кофе с пирожками. Пожиратель Душ почти что сжевал мою, он вызнал ее размер и форму... он узнал вещи, о которых даже я давно позабыл. Это было страшно, и плата должна быть высока. Но это и не твой возраст, любимая. Кому какое дело до того, сколько лет Елене Троянской! У тебя всегда будет нужный возраст. И разве можно не быть счастливым, когда находишься рядом с тобой? И я не ревную к твоему положению — мне оно не нужно, даже если его сахаром осыпят. И я не ревную тебя к тем мужчинам, что были в твоей душе — к этим счастливым трупикам. И даже сейчас не буду ревновать, если только не наткнусь на одного из них, направляясь в туалет.

— В моей жизни сейчас нет никаких других мужчин, милорд муж.

— У меня нет причин сомневаться в этом. Но ведь всегда есть еще следующая неделя, и ты не можешь ничего знать об этом наперед, любимая. Ты учила меня, что брак — не есть форма смерти, а ты явно не мертва, ты — самая игривая из всех девчонок.

— Ну, знать тут, конечно, ничего нельзя, но ведь есть еще чувства...

— Я бы на это ставку не делал. Я ведь читал доклад Кинси *.

— Какой такой доклад?

— Он разрушил теорию русалок. О замужних женщинах. Ладно, забудь. Вот гипотетический вопрос: если бы Джоко посетил Центр, тебя бы удержали эти чувства? Ведь нам пришлось бы оставить его ночевать.

— Дораль никогда не покинет Невии.

— Не могу его осуждать за это. Невия чудесное местечко. Но я сказал «если бы». Если бы он приехал — ты бы предложила ему кров, стол и постель?

— Это, — сказала Стар твердо, — будешь решать ты.

— Тогда скажем иначе: думаешь ли ты, что я смогу унизить Джоко, не отдав ему долг гостеприимства? Храброго галантного Джоко, который отпустил нас живыми, хотя имел право убить? Чей дар — стрелы и многое другое, включая медицинскую сумочку, позволили нам отвоевать Яйцо?

— По невианским обычаям вопрос о кровле, столе и постели решает муж, милорд муж.

— Мы не на Невии, здесь женщины сами располагают умом и своими правами. Ты увиливаешь от ответа, девочка.

— А что твое «если» включает и Мьюри? — Она озорно улыбнулась. — Или Летву? Обе они его любимицы, Дораль без них не поехал бы путешествовать. А как насчет той малышки... как ее там... нимфетки?

— Сдаюсь. Я просто пытался доказать, что прыжок через шпагу механически не превращает живую девушку в монашку.

— Мне это хорошо известно, мой Герой, — ровным голосом произнесла Стар. — Все, что я могу сказать по этому поводу, сводится вот к чему: эта девчонка никогда не доставит своему Герою даже минутного огорчения, а я обычно выполняю свои решения. Недаром же я ношу титул Ее Мудрости.

— Хорошо. Я никогда и не предполагал, что ты принесешь мне горе таким способом. Я пытался только показать тебе, что задача эта не слишком затруднитель-

---

* Доклад доктора Кинси (США) о половом поведении американок.

на. Черт возьми, мы опять ушли в сторону. Вот в чем моя настоящая беда: я ни на что не годен. Я никому не нужен.

— Как, родной?! Ты нужен мне.

— Но не себе. Стар, жиголо я или нет, но я не могу быть комнатной собачкой. Даже твоей. Смотри, у тебя есть работа. Она поглощает тебя, и она важна. А я? Мне нечего делать, совсем нечего, я ни на что не способен, разве что на изготовление плохой бижутерии. Знаешь, кто я такой? Я герой по призванию. Так мне сказала ты. Ты меня завербовала. Теперь я в отставке. Знаешь ли ты во всех Двадцати Вселенных вещь более бесполезную, чем отставной герой?

Она тут же выдала мне парочку примеров.

— Ты опять увиливаешь. Они-то хоть нарушают монотонность мужской грудной клетки. Я говорю серьезно, Стар. Вот та проблема, которая не дает мне вписаться в нынешнюю жизнь. Любимая, я прошу тебя, напряги ради меня силу своего ума и ума всех этих твоих призрачных помощников. Отнесись к этой проблеме так, как ты относишься к великим имперским проблемам. Забудь, что я твой муж. Рассмотри мою ситуацию во всей ее широте, используя все, что ты знаешь обо мне, и скажи, что мне делать с этими руками, с этой головой, с этим временем, скажи, как мне применить себя. Себя — такого, каков я есть.

Молчание длилось несколько бесконечных минут, лицо Стар дышало тем профессиональным спокойствием, которое отличало ее в тех случаях, когда я видел ее занятой работой.

— Ты прав, — сказала она наконец. — На этой планете нет ничего достойного приложения твоих сил.

— Тогда что мне делать?

— Ты должен уехать.

— Как?

— Ты думаешь, мне нравится этот ответ, мой муж? Ты думаешь, мне нравится большинство ответов, которые я даю? Но ты попросил подойти к твоей проблеме профессионально. Я повиновалась. И вот ответ. Ты должен покинуть эту планету и... меня.

— Значит, мои туфли все же будут выкинуты?

— Не надо горьких слов, милорд. Таков ответ. Я могу уклоняться от правды и по-женски хитрить в частной жизни. Я не могу отказаться думать, раз я согласилась на положение Ее Мудрости. Ты должен покинуть меня. Нет, нет, нет, твои туфли никто не собирается выкидывать. Ты уйдешь потому, что должен уйти, а не потому, что я этого хочу. — Ее лицо осталось спокойным, но по нему текли слезы. — Нельзя оседлать кошку... торопить улитку... научить летать змея. Или превращать героя в пуделя. Я знала это, но предпочла смотреть сквозь пальцы. Ты должен делать то, что должен. Но твои туфли навек останутся под моей кроватью. Не я отсылаю тебя прочь. — Она смахнула слезу. — Не могу лгать тебе. Лгать, хотя бы умолчанием. Не скажу, что там не появятся другие туфли... если ты уйдешь надолго. Я была одинока. Нет слов, чтобы передать, как одинока я на этой работе. Когда ты уйдешь... я буду более одинока, чем когда-либо. Но ты найдешь свои туфли, когда вернешься.

— А когда я вернусь? Что говорит твое знание?

— Нет, милорд знание молчит. Только предчувствие... что, если ты будешь жив, ты вернешься... и, возможно, будешь возвращаться много раз. Но герои не умирают в своих постелях. Даже в таких, как эта. — Она снова смахнула слезы, которые продолжали течь, но голос ее окреп. — А теперь, милорд муж, если ты не возражаешь, мы притушим свет и попробуем отдохнуть.

Так мы и сделали, и она положила голову на мое плечо и больше не плакала. Но мы не могли уснуть. После долгого молчания я спросил:

— Стар, слышишь ли ты то же, что слышу я?

Она подняла голову.

— Я ничего не слышу.

— Город. Ты не слышишь его? Машины. Люди. Даже мысли, которые улавливаешь всей своей плотью и не слышишь ушами.

— Да. Я знаю эти звуки.

— Стар, тебе нравится тут?

— Нет, но от меня и не требуется любить все это.

— Слушай, черт побери, ты сказала, что я уеду. Едем вместе!

— О, Оскар!

— Разве ты им что-нибудь должна? Разве мало того, что мы вернули им Яйцо? Пусть ищут себе другую жертву. Выйдем со мной опять на Дорогу Доблести? Есть же где-нибудь работа по моей специальности?!

— Работа для героев всегда найдется.

— О'кей! Давай наладим совместное предприятие — ты и я. Быть героем — совсем неплохая работа. Ордена дают нерегулярно, жалованье — задерживают, но зато от скуки не помрешь. Давай дадим объявление: «Гордон и Гордон, Любые Героические Дела. Решают любые проблемы — большие и маленькие. Истребление драконов по договорам, полное удовлетворение гарантируется, в противном случае плата не взимается. На прочие виды работ, как-то: освобождения, спасение дев, поиски золотого руна круглые сутки, — цены договорные».

Я пытался развеселить ее, но Стар не поддавалась. Она ответила совершенно серьезно:

— Оскар, если я уйду в отставку, я должна сначала подготовить преемника. Правда, никто мне приказать не может, но подготовить замену — мой долг.

— И сколько времени это займет?

— Недолго. Лет тридцать.

— Тридцать лет?!

— Думаю, что можно уложиться и в двадцать пять.

— Стар, ты знаешь сколько мне лет? — вздохнул я.

— Да, еще нет и двадцати пяти. Но ты же не состаришься!

— Но сейчас мне двадцать пять. Это то время, которое мне дано. Еще двадцать пять лет жизни комнатной собачки, и я перестану быть героем и вообще перестану быть чем-либо. Я сойду со своего жалкого умишка.

Она подумала.

— Да, это правда. — Стар отвернулась и сделала вид, что спит.

Позже я почувствовал, что плечи ее содрогаются, и понял, что она плачет.

— Стар?

Она не повернула головы. Был слышен лишь ее задыхающийся голос:

— О мой любимый, мой любимый! Если бы я была помоложе хоть на сотню лет!

20

Я все еще пропускал сквозь пальцы мои драгоценности и бесполезные камешки, потом тихонько отодвинул их... Если бы я был хоть на сотню лет старше!

И все же Стар права. Она не может покинуть свой пост, не дождавшись смены. Смены достойной в ее понимании, а не в моем или в чьем-либо еще. А я больше не могу оставаться в этой обитой шелками тюрьме, разве что разобью себе голову о ее решетки.

И оба мы жаждем быть вместе.

А самое страшное заключалось в том, что я знал — точно так же, как и она, — что каждый из нас забудет. Во всяком случае — многое. Настолько многое, что будут и другие туфли, и другие мужчины, и она снова будет смеяться.

И то же самое произойдет и со мной, и Стар предвидит это, и серьезно, мягко, с точно выверенным учетом моих чувств, дает мне понять, что я не должен страдать от комплекса вины, если начну волочиться за какой-нибудь другой девчонкой в некой чужой стране, где-то там — далеко-далеко.

Но тогда почему же я ощущаю себя таким подонком?

Как я вляпался в эту ловушку, где нельзя повернуться без того, чтобы не оказаться перед выбором — ранить свою возлюбленную или начисто спятить с ума самому?

Где-то я читал о человеке, который был принужден постоянно жить высоко в горах из-за астмы — убийственной, удушающей астмы, а его жена была прикована к побережью, так как плохое сердце не позволяло ей жить на больших высотах. Иногда они видели друг друга в подзорную трубу.

Утром разговор об отставке Стар не возобновился. Несформулированное qui pro quo * было таково: если она планирует уйти, то я буду болтаться поблизости (тридцать лет!) в ожидании этой минуты. Но видимо, Ее Мудрость понимала, что для меня это не годится, и

---

* Одно вместо другого, недоразумение (*лат.*).

молчала. Мы чудесно позавтракали, но каждый думал о своем, тая мысли от другого.

И о детях тоже не говорили. О, я, конечно, мог отыскать ту клинику и сделать что положено. Чтобы Стар, если захочет смешать свою элитную линию с моей плебейской кровью, могла бы сделать это хоть завтра, хоть через сотню лет. А не захотела бы — так просто улыбнулась бы и выкинула все вместе с прочим мусором.

Из моей семьи никто не поднимался даже до звания мэра нашего городишка, а рабочую лошадь не тренируют для участия в Ирландском тотализаторе. Если бы Стар решилась иметь ребенка и соединила бы наши гены, это была бы чистейшая сентиментальность, вроде ожившей открытки в Валентинов день*, она просто завела бы себе карликового пуделя, чтобы играть с ним, пока не придет время выпустить его на свободу. Это была бы сентиментальность столь же слюнявая, хоть и не такая мрачная, как у ее тетушки с ее мужьями-покойниками, ибо империи не было ни малейшей надобности в моих генах.

Я посмотрел на свою шпагу, висевшую на стене. Я не притрагивался к ней с тех пор, как вернулся с той вечеринки, когда Стар захотела одеться в костюм для Дороги Доблести. Я снял шпагу со стены, пристегнул ее к поясу, обнажил клинок и вдруг ощутил приток жизненной силы, а перед глазами возникло видение уходящей вдаль дороги и замка на холме.

Есть ли долг у рыцаря перед дамой, если все обеты исполнены?

Прекрати вилять, Гордон! Если долг у мужа перед его женой?

Это ведь та самая шпага... «Скачи же, принцесса, прыгай же, вор. Моя жена ты навек с этих пор...» в богатстве и в бедности, в беде и в благополучии, чтобы любить и лелеять, пока не разлучит нас смерть. Именно это имел я в виду, когда произносил тот стишок, и Стар это знала, и я это знал точно так же, как знал в эту самую минуту.

---

* День св. Валентина, когда влюбленные обмениваются подарками и шуточными посланиями.

Когда мы обручились, было похоже, что смерть разлучит нас в тот же день, но это обстоятельство никак не повлияло на крепость наших обетов и на ту веру, которую я вкладывал в них. Я прыгал через шпагу не для того, чтобы поваляться с девчонкой на траве, прежде чем погибнуть. Это я мог получить и даром. Нет, я хотел любить и лелеять ее до тех пор, пока нас не разлучит смерть.

Стар выполнила свой обет до последнего слова. Так почему же у меня так и чешутся пятки?

Поскреби героя и получишь бродягу.

А отставной герой — ничуть не лучше тех лишенных престола королей, которыми кишит вся Европа.

Изо всех сил хлопнув дверью нашей «квартиры», со шпагой на поясе, не обращая внимания на удивленные взгляды, я телепортировал к врачам, узнал от них, куда мне нужно обратиться, перелетел туда, сделал все, что нужно, сказал главному биохимику, что именно ему следует передать Ее Мудрости, и чуть не оторвал ему башку, когда он стал задавать лишние вопросы.

Отсюда опять к ближайшей телепортационной кабинке... И тут я заколебался: мне нужна была компания, подобно тому, как алкоголику, вступающему в общество трезвости, нужна чья-нибудь дружеская рука. Но друзей у меня не было — так, сотни знакомых. Консорту императрицы друзьями обзаводиться трудновато.

Значит — Руфо! Однако за все месяцы, что я прожил на Центре, я никогда не был у Руфо дома. Центр не практикует варварского обычая «забегать на огонек», и я встречался с Руфо только в резиденции или на вечерах. Домой он меня никогда не приглашал. Нет, нет, никакого охлаждения в наших отношениях не было, мы виделись часто, но всегда он приходил к нам.

Я поискал его в списке абонентов телепортации — неудача. Со списком абонентов телекоммуникационного канала — такая же история. Я вызвал резиденцию и потребовал офицера коммуникационной службы. Он ответил, что «Руфо» это не фамилия, и хотел отключиться.

— Только попробуй, разжиревший чинуша! Только попробуй отключиться — и я гарантирую, что через час ты станешь смотрителем дымовых сигналов где-нибудь в Тимбукту! Теперь слушай, мне нужен парень — пожилой, лысый, по имени, полагаю, Руфо, известный

специалист в области сравнительной культурологии. И к тому же — внук Ее Мудрости. Думаю, ты прекрасно знаешь, кто это такой, и валяешь дурака только из-за обычного чиновного гонора. У тебя есть пять минут, после чего я обращусь к Ее Мудрости и спрошу ее, а ты будешь складывать свои вещички!

Меньше чем через пять минут изображение Руфо заполнило весь экран.

— Ну, — сказал он, — а я-то думал, у какого это важняка хватило влияния нарушить мой запрет на включение?

— Руфо, можно зайти к тебе?

Его лоб собрался в морщины:

— Мышка попала в суп, сынок? Твое лицо напоминает мне о времени, когда мой дядюшка...

— Руфо, пожалуйста...

— Ладно, сынок, — отозвался он ласково. — Сейчас отправлю танцовщиц по домам. Или не отправлять?

— Мне все равно. Как тебя найти?

Он сказал как, я нажал кодовые кнопки, добавил свой код для оплаты и сразу оказался в нескольких тысячах миль от точки отправления. Жилищем Руфо служил особняк такой же пышный, как у Джоко, но в тысячу раз хитроумнее оборудованный. У меня сложилось впечатление, что у Руфо был самый обширный на Центре штат прислуги — и исключительно женской. Возможно, я ошибался, но вся женская обслуга, все гостьи, все кузины, дочери и т. п. выстроились в качестве комиссии по встрече — поглазеть на соложника императрицы. Руфо прикрикнул на них, они разбежались, и он провел меня в свой кабинет. Какая-то танцовщица, загримированная под секретаршу, возилась с бумагами и пленками, Руфо выпроводил ее, шлепнув по заднице, показал мне на удобное кресло, предложил сигареты, уселся сам и замолчал.

Курение на Центре не поощрялось: табак тут заменяется разумом. Я взял сигарету.

— «Честерфилд»! Господи Боже мой!

— Контрабанда, — отозвался он. — Только теперь он уже не тот, что был. Мусор с мостовой и рубленое сено.

Я не курил многие месяцы. Хотя Стар сказала, что о раке и тому подобном я могу забыть навсегда. Я зажег

сигарету и... закашлялся, как невианский дракон. Даже в пороках необходимо постоянное упражнение.

— Так какие новости на Риальто? — задал вопрос Руфо и бросил внимательный взгляд на мою шпагу.

— Так пустяки. — Помешав работе Руфо, мне было как-то неловко говорить о собственных домашних неприятностях.

Руфо сидел, курил и помалкивал. Надо было с чего-то начинать, и американская сигарета напомнила мне об одном инциденте, который тоже внес лепту в мое нынешнее состояние. Примерно неделю назад на одном званом вечере я встретил человека, лет тридцати пяти по виду, спокойного, вежливого, но с тем видом превосходства, который говорит «ваша ширинка расстегнута, старина, но я слишком хорошо воспитан, чтобы указать вам на это».

И все же я был в восторге от встречи с ним — он говорил по-английски!

Я полагал, что Стар, Руфо и я — единственные люди на Центре, которые знали английский. Мы часто говорили на нем, Стар — ради меня, Руфо — для практики. Он владел диалектом кокни *, как уличный торговец фруктами, бостонским — как уроженец Бикон-Хилла, австралийским — как кенгуру. Руфо знал все английские диалекты.

Этот парень говорил на отличном американском.

— Небби — моя имя, — сказал он, пожимая мне руку (в стране, где никто рук не подает). — А ваше — Гордон, я знаю. Рад познакомиться.

— Я тоже, — ответил я. — Это ведь и сюрприз и удовольствие — услышать свой родной язык.

— Это моя профессия, старина. Специалист в области сравнительной культурологии — лингво-историко-политик. Дайте подумать минутку... Глубокий Юг, но родились не там... Скорее в Новой Англии. Явно ощущается влияние Среднего Запада, а возможно, и Калифорнии. Лексикон упрощенный. Выходец из нижнего слоя среднего класса.

Этот лощеный нахал был специалистом высокой марки. Мама и я жили в Бостоне, пока отец был на войне в 1942—1945 годах. Тамошние зимы я не скоро забуду.

---

* Пренебрежительное прозвище лондонского обывателя.

Приходилось носить гетры с ноября по апрель. Жил я и на глубоком Юге — в Джорджии и Флориде, в Калифорнии — тоже, во время Корейской войны, и еще потом — когда учился в колледже. «Нижний слой среднего класса»? Мама бы с этим не согласилась.

— Близко к истине, — согласился я. — У меня есть знакомый среди ваших коллег.

— Знаю, кого вы имеете в виду — «Безумного ученого». В высшей степени эксцентричные теории. Но, скажите, как обстояли дела, когда вы уезжали? Особенно, как там насчет Славного Эксперимента, проводимого в США?

— Славного Эксперимента? — Мне надо было подумать. Антиалкогольная кампания кончилась еще до моего рождения. — О, его пришлось пересмотреть.

— Вот как! Пора снова отправляться в экспедицию. И кто же у вас теперь король? Я так и думал, что ваша страна пойдет по этому пути, но не предполагал, что так скоро.

— О нет, нет! — воскликнул я. — Я говорил об антиалкогольном законе.

— Ах, об этом... Симпатичен, но не очень важен. Я же имел в виду этот забавный принцип правления болтунов. «Демократию». Умилительная бредятина — будто суммирование нулей может дать какое-то иное число. Но на земле вашего племени этот эксперимент поставлен в гигантском масштабе. Он начался еще до вашего рождения, без сомнения. Я-то подумал, что вы скажете, будто даже труп сего явления уже унесен в небытие. — Он улыбнулся. — Значит, еще до сих пор есть и выборы, и все такое прочее?

— В последний раз, когда я там был — да, существовали.

— Поразительно! Фантастично, просто фантастично. Нам надо обязательно встретиться. У меня множество вопросов к вам. Я изучаю вашу страну давно — удивительная патология в уже известных структурах! Пока! Пусть у вас никогда не будет деревянных денег, как говорят ваши соплеменники!

Я рассказал об этом Руфо.

— Руфо, я знаю, что происхожу с варварской планеты, но разве это может служить извинением для его

грубости? Но, может быть, это не грубость? Я ведь не знаю, каков здесь идеал хороших манер!

Руфо нахмурился.

— Повсюду проявлением плохих манер считается, когда хулят место рождения кого-то или его племя, или его обычаи. Если кто-то так поступает, он сильно рискует. Если бы ты его убил, наказание тебе бы не грозило. Разве что Ее Мудрость была бы несколько шокирована. Конечно, ежели допустить, что ее можно чем-то шокировать.

— Я не убью его. Не такое уж важное дело.

— Тогда забудь, Небби — просто сноб. Знания его малы, понимания сущности дела — никакого, но он уверен, что Вселенная была бы куда совершеннее, если бы ее делали по его проекту. Проигнорируй.

— Ладно. Это просто... Послушай, Руфо, конечно, моя страна далека от совершенства, но от чужака мне это слышать неприятно.

— Еще бы. Я люблю твою страну, в ней есть «изюминка». Но... Я не чужак и не смотрю на вас сверху вниз. Небби прав.

— Это еще как?

— За исключением того, что он судит слишком поверхностно. Демократия работать не может. Математики, крестьяне, скоты и тому подобные демократией считаются автоматически равными. Но ведь мудрость не суммируется, ее максимум — умнейший человек в каждой из групп.

Однако демократическая форма правления, хотя и не работает, но все же хороша. Любая социальная организация хороша в том случае, пока она не застыла. Форма, каркас не имеют особого значения до тех пор, пока они обеспечивают определенную степень свободы, позволяющую человеку проявить свои таланты во многих областях. Большинство так называемых ученых-социологов думают, что организация — это все. А она — почти ничто, кроме тех случаев, когда превращается в смирительную рубашку. Важна частота встречаемости героев, а не разброс нулей. — Потом он добавил: — Твоя страна имеет систему, гарантирующую достаточную степень свободы, чтобы герои могли заниматься своим делом. И она будет существовать еще долгое

время до тех пор, пока эта свобода не будет разрушена изнутри.

— Надеюсь, ты прав.

— Я прав. Этот вопрос я изучил, и я не так глуп, как думает Небби. Он прав насчет безнадежности «суммирования нулей», но не понимает того, что сам является нулем.

— Нет смысла позволять нулю выводить меня из равновесия, — усмехнулся я.

— Никакого! Особенно раз ты сам не нуль. А ты, куда бы ни пошел, всюду будешь заметен и никогда не станешь частицей стада. Я уважаю тебя, а я уважаю не многих. И никогда не уважаю людей в массе, так что демократом в душе мне не быть. Для того чтобы требовать «уважать» или даже «любить» огромную людскую массу с хамством на одном ее полюсе и грязными ногами — на другом, нужна бессмысленная, слепая, слюнявая тупость, которая часто наблюдается у попечителей детских садиков, у спаниелей и у миссионеров. Это не политическая система, а заболевание. Но могу тебя порадовать — твои американские политиканы этой болезнью не заражены. А обычаи в твоей стране позволяют существовать и таким организациям, где дураков нет.

Руфо взглянул на мою шпагу.

— Дружище, но ты же пришел сюда не только для того, чтобы обсуждать поведение Небби?

— Нет. — Я тоже взглянул на свой верный клинок. — Я принес ее сюда, чтобы побрить тебя, Руфо.

— Э?

— Я обещал побрить твой труп. Я ведь твой должник за ту ловкую работенку, которую ты проделал надо мной. И вот я тут, чтобы побрить брадобрея.

Он медленно проговорил:

— Но ведь я еще не труп. — Он не сделал ни единого движения. Двигались лишь глаза, оценивая расстояние между нами. Руфо не очень-то доверял моим «рыцарским чувствам» — для этого он был слишком опытен.

— О, это можно организовать, — ответил я живо, — если я не получу от тебя правдивых ответов.

Руфо чуть-чуть расслабился.

— Я постараюсь, Оскар.

— И, пожалуйста, старайся как следует. Ты мой последний шанс. Руфо, все это должно остаться между нами. Даже для Стар.

— Полная тайна. Даю слово.

— Со скрещенными пальцами, без сомнения... Но смотри не шути со мной, дело серьезное. И, пожалуйста, ответы — только честные и прямые, мне других не надо. Мне нужны советы по проблеме моего брака.

Руфо, казалось, очень расстроился.

— А я ведь собирался сегодня уйти по делам! И вместо этого решил поработать! Оскар, я скорее предпочту отозваться при даме нелестно о ее первенце, или о ее вкусе в выборе шляпок, или даже соглашусь учить акулу кусаться — это безопаснее. Что будет, если я откажусь?

— Тогда я тебя побрею.

— Ты уж побреешь своими ручищами, чертов палач! — Он снова нахмурился. — Прямые ответы... Да они тебе и не нужны... Тебе жилетка нужна, чтобы в нее поплакаться.

— Возможно, она тоже. Но мне необходимы честные ответы, а не вранье, которое ты можешь сочинить даже спросонок.

— Значит, в обоих случаях я проигрываю. Рассказать мужчине правду о его браке — самоубийство. Думаю, правильнее будет сидеть, молчать и надеяться, что у тебя не хватит духу хладнокровно зарубить меня.

— О Руфо! Я готов сунуть шпагу в какой-нибудь ящик и доверить тебе ключ от него, если хочешь. Ты же знаешь, я никогда не обнажу ее против тебя!

— Ничего такого я не знаю, — буркнул он сварливо. — Ведь все случается когда-нибудь впервые. Если поведение мерзавца всегда можно вычислить, то ты-то — человек чести, и это меня пугает. А может, мы провернем это дело через коммуникатор?

— Брось, Руфо. У меня нет больше никого, к кому я мог бы обратиться. И я хочу, чтобы ты говорил откровенно. Знаю, что адвокаты по брачным делам действуют по своим правилам и, разумеется, должны быть гарантированы от ударов по морде. В память о той крови, что мы пролили вместе, я прошу дать мне совет. И от чистого сердца, разумеется.

— Даже так — разумеется! А в последний раз, когда я рискнул дать его тебе, ты был готов отрезать мне язык! — Он посмотрел на меня без удовольствия. — Но в делах дружбы я всегда был ослом. Слушай, я предлагаю тебе честный вариант: ты будешь рассказывать, я буду слушать... и если получится так, что твой рассказ окажется слишком долог, а мои больные почки не выдержат и мне придется покинуть твою приятную компанию на некоторое время... Что ж, тогда ты поймешь меня неправильно и в гневе удалишься, после чего мы никогда больше не вернемся к этому предмету. Идет?

— О'кей.

— Тогда председательствующий предоставляет вам слово. Начинайте.

И я начал. Я изложил свою дилемму и свой крах, не жалея ни себя, ни Стар (я же делал это и ради ее самой, а говорить о самых интимных делах нужды не было — тут все было в порядке). Я подробно рассказал о наших ссорах и о многом другом, чему, вообще-то говоря, лучше оставаться в узком семейном кругу. Но — пришлось.

Руфо слушал. Потом встал и начал прохаживаться, вид у него был встревоженный. Раз он с сожалением поцокал языком — это когда речь зашла о просителях, которых Стар привела в дом.

— Ей не надо было звать своих горничных. Но забудем об этом, парень. Она никогда не понимала, что мужчины могут смутиться, видя женщин, действующих согласно своей натуре. Давай-ка забудем об этом. — Потом он сказал: — Не надо ревновать к Джоко, сынок. Он же простак — сапожные гвозди загоняет кузнечным молотом.

— Я не ревную.

— Так и Менелай говорил то же самое. Надо уметь и брать и давать, каждый брак нуждается в этом.

Наконец я иссяк и закончил речь предположением Стар, что я должен буду уехать.

— Я ни в чем ее не виню, а наш с тобою разговор обо всех этих делах мне многое прояснил. Теперь я считаю возможным начать трудиться не покладая рук, тщательно следить за своим поведением и стараться быть хорошим мужем. Она приносит огромные жертвы ради своего дела, и самое меньшее, что я могу для нее

сделать — это облегчить ей выполнение ее задач. Она так мила, так нежна и так добра...

Руфо остановился на некоторым расстоянии от меня, спиной к своему столу.

— Ты и вправду так думаешь?

— Я уверен в этом.

— Она — шлюховатая старая баба!

В мгновение ока я выпрыгнул из кресла и кинулся на него. Шпагу я не обнажил, даже не подумал об этом, времени не было. Мне надо было схватить его за горло и научить, как следует говорить о моей возлюбленной.

Руфо перепрыгнул через стол, как мячик, и, когда я покрыл разделявшее нас расстояние, он уже стоял по ту сторону стола, запустив руку в ящик.

— Нехорошо, нехорошо, — говорил он. — Оскар мне не хочется тебя брить.

— Иди сюда и дерись как мужчина!

— Ни в коем случае, мой старый добрый друг! Еще один шаг — и из тебя получится отличный корм для собак. А все твои обещания и мольбы? «Не получать по морде», — говорил ты! «Говори откровенно», — говорил ты! «Действуй по своим правилам», — говорил ты. А ну, садись вон в то кресло!

— Говорить откровенно не значит бросаться оскорблениями!

— А кто будет судьей? И должен ли я давать свои выражения на твою апробацию, прежде чем их произносить? Не отягощай нарушения обещаний еще и детской нелогичностью. Ты что, хочешь заставить меня покупать новый ковер? Я всегда выбрасываю те, на которых мне приходится убивать друзей — пятна навевают на меня грусть. Сядь! Сядь вон в то кресло!

Я сел.

— Теперь, — продолжал Руфо, оставаясь на своем месте, — ты будешь слушать то, что скажу я. А можешь встать и уйти. В этом случае я могу или так восхититься перспективой больше никогда не увидеть твою образину, что разрешу тебе уйти, или, наоборот, так разозлюсь на то, что ты меня прервал, что тут же уложу тебя, прямо в дверях, ибо я слишком долго сдерживался и теперь мне надо разрядиться. Так что — выбирай. Я сказал, — продолжал он, — что моя бабка — шлюховатая старая баба. Сказал это грубо, чтобы

снять твою напряженность, и теперь, похоже, ты не будешь так резко реагировать на многие малоприятные вещи, которые я выскажу. Она стара, ты это знаешь; без сомнения, ты нашел способ вспоминать об этом как можно реже. Я и сам об этом обычно забываю, хотя она была старой, уже когда я был малышом, писал на пол и радостно лепетал при виде ее милого лица. А что она шлюховатая баба — так тебе это известно лучше, чем кому-нибудь другому. Я мог бы сказать «многоопытная женщина», но мне хотелось больной зуб вырвать у тебя сразу. Ты и сам это знал о ней, недаром все время уходил в сторону, болтая о том, как хорошо тебе все известно и как тебе до этого нет никакого дела. Да, бабушка — шлюховатая старая баба, и это наша главная отправная точка.

А почему бы ей не быть таковой? Ответ можешь дать сам. Ты же не глуп, а только молод. У нее же есть только две радости в жизни, но второй она воспользоваться не может.

— И какова она — эта вторая?

— Подавать дурные советы и получать от этого садистское удовлетворение — вот то, чего она не осмеливается делать. Поэтому возблагодарим Небо, что в тело Стар встроен этот безобидный вентиль, иначе бы всем нам пришлось бы куда как скверно, пока какому-нибудь ловкому убийце не удалось бы к ней подобраться. Сынок, дорогой сынок, ты только представь себе, как смертельно устала она от всего сущего на свете! Твой собственный жар начал угасать уже через несколько месяцев. Подумай же, каково ей год за годом выслушивать разговоры все об одних и тех же унылых ошибках и не надеяться ни на что, кроме появления хитроумного убийцы. И будь доволен, что эта старая шлюховатая баба все еще находит наслаждение в единственном доступном ей невинном наслаждении.

Итак, она — шлюховатая старая баба, в чем нет ничего унижающего ее. И я отдаю дань тому благодетельному равновесию, которое существует между этими двумя ипостасями и дает Стар возможность продолжать свою работу.

И Стар не перестала быть тем, что она есть, повторив вслед за тобой тот глупый стишок на склоне холма в некий прекрасный день. Ты думаешь, что с тех пор она

взяла отпуск и прилепилась к одному тебе? Может, это и так, если ты процитировал ее слова точно, а я понял их правильно. Она всегда говорит правду.

Но никогда — полной правды. А кто ее говорит? И, говоря правду, она превратилась в самого талантливого лжеца, талантливее и не встретишь. Я уверен, твоя память упустила кое-какие невинно звучащие слова, которые дали Стар возможность уклониться от истинной правды и в то же время не нанести удар по твоим чувствам.

И если это так, если она не хотела их ранить, то можно ли требовать большего? Ты ей нравишься, это очевидно, но из этого вовсе не вытекает, что она должна стать фанатичкой. Все ее воспитание, весь ее внутренний настрой направлены на то, чтобы избегать фанатизма и вечно искать практический компромисс. И хотя, возможно, она до сих пор не смешивает туфли под своей кроватью, но, если ты останешься еще на неделю, на год или на двадцать лет, придет время, когда она захочет сделать это и найдет пути исполнить желание, не только не солгав тебе на словах, но и ничем не омрачив свою совесть, ибо таковой у нее не имеется. Только разум, абсолютно прагматичный.

Руфо прочистил горло.

— Теперь последует опровержение, контрапункт и задом-на-перед. Мне моя бабушка нравится, я ее даже люблю, насколько это позволяет моя черствая натура, и я почитаю ее целиком, включая ее хитроумную душу... и я убью тебя и кого угодно другого, кто встанет на ее пути или сделает ее несчастной. Все это лишь частично потому, что она отбросила на меня тень собственного «я» и позволила понимать себя. И если она избежит кинжала убийцы, взрыва бомбы или яда, она войдет в историю как «Великая». Но ты говорил о ее «огромных жертвах»? Чушь! Ей нравится быть Ее Мудростью, то есть той осью, вокруг которой вращаются все миры. И в то, что она готова отказаться от этого ради тебя или даже пятидесяти еще лучших, я тоже не поверю. Опять же она тут не солгала, раз, как ты передавал, она сказала «если», зная, что за тридцать лет или за двадцать пять многое может произойти и среди этих грядущих событий наиболее вероятно то, что ты так долго не выдержишь. Уловка, конечно.

Но это лишь последний из фокусов, которые она с тобой проделала. Она обманывала тебя с той минуты, когда ты впервые увидел ее, и даже задолго до этого. Она обманывала тебя всеми возможными способами, заставляла тебя клевать горох вместе с шелухой, то расточая тебе хвалы, какие ты заглатывал с наслаждением, то выпуская из тебя пар, когда ты что-то начинал подозревать, и загоняла тебя обратно в намеченную линию поведения, возвращая к запланированной для тебя судьбе — и все это так, чтобы ты постоянно был доволен. Стар никогда не стесняла себя в выборе методов, она одновременно обманула бы и Пресвятую Деву и вступила бы в союз с самим Сатаной, если бы это было нужно для осуществления ее целей.

О, тебе, конечно, заплатили — и заплатили очень щедро, — она никогда не мелочится. Но теперь пришло время узнать, что ты был обманут. Заметь, я ее не критикую, я ей аплодирую, и я ей помогал... за исключением одного деликатного момента, когда я вдруг сжалился над невинной жертвой. Но ты был уже так околдован, что не пожелал услышать, даже если бы к тебе взывал святой. Я на какое-то время сильно расстроился, представляя, как ты идешь к омерзительной гибели с широко раскрытыми невинными глазами. Однако она оказалась хитрее меня, да и всегда была хитрее.

И еще! Мне она нравится. Я чту ее. Я восхищаюсь ею. Я даже немного люблю ее. Люблю всю целиком, не только ее светлые стороны, а даже ее нравственную нечистоплотность, которая делает ее такой несгибаемой, какой может быть только закаленная сталь. Ну а как вы, сэр? Каковы твои чувства к ней, когда ты знаешь, что она обманывала тебя, знаешь, какова она есть?

Я все еще сидел в кресле. Возле меня стоял стакан с выпивкой, до которого я не дотронулся за весь этот долгий монолог. Я взял стакан и встал: «За величайшую шлюховатую бабу всех Двадцати Вселенных!»

Руфо перескочил стол и схватил свой стакан.

— Вот так и говори — громко и почаще! И даже ей — она такое любит. Да благословит ее Бог, если он существует, и да хранит он ее. Мы уже никогда не встретим равной ей, вот ведь какая жалость! А ведь такие требуются дюжинами!

Мы опрокинули стаканы и разбили их об пол. Руфо достал новые, наполнил их, уселся в своем кресле поудобнее и сказал:

— Ну а теперь выпьем как следует и посидим. Рассказывал ли я тебе о времени моего...

— Рассказывал. Руфо, я хочу больше знать об этом жульничестве.

— О каком?

— Понимаешь, я многое теперь вижу иначе. Взять хотя бы наш первый полет.

Руфо всего передернуло.

— А вот этого не надо!

— Тогда я не задумывался. Но ведь, если Стар могла лететь, то, значит, мы могли прекраснейшим образом миновать Игли, Рогатых Призраков, болото и не тратить зря время у Джоко...

— Разве зря?

— Я имею в виду — для ее цели. А также не иметь дела с крысами, свиньями и даже с драконами. Просто полететь от первых врат до вторых. Верно?

Он покачал головой:

— Неверно!

— Не понимаю.

— Если сделать допущение, что Стар могла осуществить столь дальний перелет, что, надеюсь, мне никогда не придется проверять, она, конечно, имела возможность доставить нас к нужным вратам. Но что, в таком случае, было бы с тобой? С перенесенным сразу из Ниццы в Карт-Хокеш? Кинулся бы ты вперед и стал бы драться как росомаха, как было на самом деле? Или сказал бы: «Мисс, вы сделали ошибочку. Где тут выход из этого паноптикума?..» Нет-нет, я серьезно.

— Не думаю, что я запросил бы пардону.

— Да, но победил бы ты без этого? Оказался ли бы ты в том состоянии боевой готовности, которое требовалось для победы?

— Понятно. Эти первые раунды были вроде тренировки в условиях, максимально приближенных к боевым. Было ли это первой частью обмана? Может быть, был применен еще и гипноз, чтобы получить нужный настрой? Она ведь в этом деле эксперт, видит Бог! Может быть вообще не было никаких опасностей, пока мы не достигли Черной Башни?

Руфо снова передернуло.

— Нет, нет! Оскар, в любом из этих эпизодов мы могли быть убиты. Никогда еще за всю свою жизнь я не сражался так отчаянно и никогда еще так не боялся. И ни одного эпизода миновать было нельзя. Я не знаю всех ее резонов, я же не Ее Мудрость. Но она никогда не рискнула бы своей жизнью, если бы в этом не было необходимости. Она скорее пожертвует десятью миллионами храбрецов, сочтя это более подходящей ценой. Свою цену она знает хорошо. Но она дралась с нами, дралась изо всех сил... Да ты же сам видел! Значит, это было необходимо.

— И все же мне не ясно...

— И не будет. И мне — тоже. Если бы можно было, она послала бы тебя одного. В тот последний момент наивысшей опасности, если бы эта штуковина — Пожиратель Душ, прозванный так потому, что погубил уже многих смельчаков, если бы он погубил и тебя, то Стар и я попытались бы пробиться назад, я был к этому уже готов. Я не вполне уверен в том, что скажу, но если бы нам удалось бежать — что навряд ли, — Стар не пролила бы по тебе ни слезинки. Или совсем чуть-чуть. А потом она опять трудилась бы еще двадцать, тридцать или еще сто лет, чтобы найти, опутать и натренировать другого рыцаря и драться так же свирепо, но уже на его стороне. У нее много храбрости, у этой старушки. Она знала, сколь малы наши шансы. Ты — не знал. Но разве она струсила?

— Нет.

— А ключом ко всему был ты. Сначала тебя надо было вычислить, а потом огранить, чтоб годился в дело. Ты действовал сам, ты никогда не был марионеткой, иначе бы победы не одержал. И только она могла подтолкнуть такого человека, как ты, обольстить его, поставить его в условия, где он должен был действовать. Фигура меньшего масштаба не справилась бы с таким героем, какой нужен был Ей. И поэтому она и шарила по свету до тех пор, пока не нашла тебя... а уж тогда сумела подмаслить тебя просто великолепно. Скажи, почему ты выбрал шпагу? Ведь в Америке это редкость?

— Почему? — Пришлось подумать. Чтение. «Король Артур», «Три мушкетера», удивительные марсиан-

ские романы Берроуза. Но ведь это чтиво — для всех ребятишек. — Когда мы переехали во Флориду, я записался в скауты. Мастером скаутов у нас был француз, учитель из школы. Он начал учить фехтованию и нас — мальчишек. Мне нравилось фехтовать, это было то, что у меня хорошо получалось. Потом в колледже...

— А ты поразмысли-ка, как это иммигрант мог получить такое место в вашем городишке? И еще напроситься на занятия со скаутами? Или подумай о том, почему это в твоем колледже была фехтовальная команда, когда в других таких команд не было вовсе. Куда бы ты ни приезжал, там было и фехтование — и у «Молодых христиан», и всюду. А разве на твою долю не выпадало больше рукопашных схваток, чем это бывает обычно?

— Еще бы!

— Могли бы и укокошить в какой-нибудь. Тогда Стар пришлось бы обратиться к следующему кандидату, которого уже начали тренировать. Сынок, я не знаю, как тебя отбирали или каким образом из юного панка получился герой, которым ты был в потенции. Это не моя работа. Моя была проще — хоть и опаснее — стать твоим слугой и «хранителем тыла». Оглянись-ка! Неплохое жилье для слуги, а?

— Прекрасное. А я почти и забыл, что ты считался моим слугой.

— Считался, черта с два! Я трижды ездил в Невию в качестве ее слуги! Джоко и по сей день ничего не знает. Если я туда снова попаду, то, думаю, меня встретят там хорошо, но только на кухне.

— Но зачем? Мне эта затея кажется глуповатой.

— Вот как! Когда мы заманивали тебя в ловушку, твое «эго» было в зачаточном виде, Его надо было укрепить, выпестовать. Отсюда и обращение «босс» и прислуживание за столом, где я стоял, а ты с ней сидел — все это часть одной задачи. — Он похрустел суставами пальцев с очень раздраженным видом. — Я до сих пор думаю, что она смухлевала с теми двумя стрелами. С удовольствием сражусь с тобой еще раз, только чтоб ее не было рядом.

— Можешь обмануться в ожиданиях. Я с тех пор много тренировался.

— Ладно, забудем. Мы добыли Яйцо, а это главное. А вот и бутылочка есть, это тоже важно. — Он снова наполнил стаканы. — Ну, так получил все, что хотел, босс?

— Черт тебя побери, Руфо! Да, я получил все, старый добрый негодяй! Ты меня возродил. Или снова обманул, кто знает, что вернее.

— Без обмана, Оскар, клянусь совместно пролитой нами кровью. Я сказал тебе всю правду, которую знаю сам, хотя говорить мне ее было больно. Мне не хотелось — ты ведь мой друг. Наш поход пешедралом по каменистой Дороге Доблести будет всегда вспоминаться, как самые драгоценные дни моей жизни.

— Гм... Да... Мне — тоже... И вообще все, что было.

— Тогда почему ты хмуришься?

— Руфо, теперь я ее хорошо понимаю и... уважаю беспредельно, даже люблю больше, чем раньше. Но я не могу быть ничьей игрушкой — даже ее.

— Я рад, что это сказал ты сам, а не я. Да, она права. Она всегда права, будь она неладна. Ты должен уйти. Ради вас обоих. О, ее это ранит не так сильно, а вот ты, если задержишься, станешь конченым человеком. А если будешь упорствовать, тебя уничтожат.

— Что ж, будет лучше, если я вернусь... и выкину свои туфли. Я чувствую себя уже почти хорошо, будто сказал хирургу — «Валяй ампутируй!»

— Ни в коем случае!

— Это почему?

— А зачем? Не надо делать бесповоротных шагов. Если брак имеет шанс быть долгим — а твой имеет, то и каникулы должны быть долгими. И никаких поводков, сынок, никакой даты возвращения, никаких обещаний. Она знает, что странствующие рыцари ночи проводят в грешных делах. Она это знает и этого ожидает. Так было испокон веков — un droit de la vacation *, — и это неизбежно. Просто об этом не пишут в детских книжках там, откуда ты явился. Поэтому поезжай, погляди, что новенького в твоей профессии появилось в мире, и ни о чем не заботься. Возвращайся года через четыре, или через сорок, или через сколько захочешь,

---

* Право на отдых, на отпуск (*фр.*).

и тебе будут рады. Герои всегда сидят за верхним столом, это их право. И они приходят и уходят, когда захотят, и это тоже их право. Ведь в несколько меньшем масштабе ты такой же, как она.

— Ничего себе комплимент!

— Я же сказал «в меньшем масштабе». Оскар, часть твоих неприятностей происходит из желания побывать дома. В твоей родной стране. Чтобы обрести перспективу и понять — кто ты такой. Это чувство свойственно всем путешественникам, мне самому время от времени приходится его переживать. Когда оно приходит, я поступаю так, как оно того требует.

— Я не испытывал ностальгии. А она, надо думать, есть.

— Возможно, Стар это уловила. Возможно, она и подтолкнула тебя. Лично я взял бы за правило отправлять на каникулы всех своих жен, как только их лица становятся мне слишком знакомыми, тем более что им, вероятно, мое — учитывая, как я выгляжу — надоедает еще больше. А почему бы и нет, парень? Я тоже вскоре собираюсь туда, потому и расчищаю эти бумажные завалы. Возможно, мы окажемся там одновременно... выпьем стаканчик... или десяток стаканчиков... посмеемся... обменяемся анекдотами... ущипнем официантку и посмотрим, что она скажет! Почему бы и нет?

21

О'кей, вот я и здесь!

Уехал я не на той же неделе, но очень скоро. Мы со Стар провели потрясающую, полную слез ночь накануне моего отъезда, и она снова заплакала, целуя меня на прощание (au'voir *, а не прощай). Но я знал, слезы ее высохнут, как только я скроюсь из виду, и ей было известно, что я это знаю, и я был уверен, что она тоже считает, что так лучше, потому и уехал. Хотя тоже со слезами.

«Пан-Американ» работает хуже коммерческих врат. Меня мгновенно перекинули через три промежуточных

* До свидания (*фр.*).

станции без всяких там фокусов-покусов. Какая-то девица скомандовала: «Занимайте места, пожалуйста» — и... готово!

Я вышел на Земле, одетый в лондонский костюм, с паспортом и другими бумагами в кармане, с Леди Вивамус в коробке, которая была совсем не похожа на ящик для шпаги. В других карманах лежали чеки на золото, поскольку я вдруг обнаружил, что не имею ничего против оплаты геройства. Высадился я около Цюриха, но точного адреса не знаю — об этом заботятся врата. Вместо этого меня обеспечили средствами для передачи сообщений.

Вскоре мои аккредитивы превратились в номерные счета в трех швейцарских банках, что было сделано с помощью юриста, к которому мне было велено обратиться. Я приобрел дорожные чеки в нескольких туристических бюро, часть из них отправил письмами в США, часть взял с собой, так как ни в коем случае не хотел отдавать Дяде Сэму девяносто один процент.

Когда начинаешь жить по новому календарю, как-то теряешь способность следить за ходом времени. У меня осталась неделя-другая до срока прибытия, указанного в моих бумагах. Я решил придерживаться этой даты — не следовало вызывать подозрений. Так я и сделал, отправившись на старой четырехмоторной машине по маршруту Прествик—Нью-Йорк.

Улицы показались мне грязнее, дома ниже, а заголовки газет — хуже прежнего. Я перестал читать газеты и решил тут не задерживаться — думал о Калифорнии, как о своем «доме». Я позвонил маме, она сердилась за мое долгое молчание, и я пообещал приехать на Аляску, как только смогу. Как они поживают? (Я подумал, что моим сводным братьям и сестренкам, возможно, потребуется денежная помощь для получения образования.) В общем, все было в порядке. Отчим еще летал и даже получил повышение по службе. Я попросил всю корреспонденцию пересылать на адрес тетки.

Калифорния выглядела лучше, чем Нью-Йорк. И все же это была не Невия. И даже не Центр. Народу было куда больше, чем мне помнилось. Все, что можно сказать о калифорнийских городах, это то, что они лучше многих других. Я побывал у тетки с дядей, они были

всегда добры ко мне, и я намеревался истратить часть швейцарского золота на выкуп дяди у его первой жены. Оказалось, что она уже умерла, и теперь они поговаривали о строительстве собственного бассейна.

Поэтому я сидел тихо. Один раз меня уже чуть не погубило богатство, в результате чего я заметно повзрослел. Решил следовать правилу Их Мудрости: лучшее — враг хорошего.

Студенческий кампус казался меньше, а студенты — совсем юными. Я им, вероятно, представлялся стариком. Я как раз выходил из пивнушки, что напротив административного корпуса, когда туда вошли двое в своих лозунговых свитерах, отпихнув меня в сторону. Второй из них сказал:

— Куда прешь, папаша!

Я оставил его в живых.

Футбол был восстановлен в правах, тренер новый, новые раздевалки, стойки выкрашены, поговаривали о собственном стадионе. Тренер слыхал обо мне. Он знал мои рекорды и намеривался сделать себе имя.

— Ты ведь вернешься в команду?

Я ответил, что не думаю.

— Ерунда! — сказал он. — Ты же должен получить этот дурацкий диплом. Будет глупо, если ты позволишь армейской службе погубить свою карьеру. Послушай... — И он понизил голос. — Говорить о месте уборщика в спортзале не приходится — руководство на это не пойдет. Но ведь может же парень жить на стороне, что устроить вовсе не трудно. А если жалование он будет получать из рук в руки, то кому какое дело? Помалкивай в тряпочку, и порядок... А ветеранские денежки пойдут на карманные расходы.

— Так у меня их нет, ветеранских-то.

— Ты что, старина, газет не читаешь? — У него была вырезка. Пока я отсутствовал, на участников моей «невойны» распространили права ветеранов.

Я обещал обдумать его предложение.

Впрочем, такого намерения у меня не было. А вот завершить инженерное образование я решил, так как вообще люблю завершать все свои дела. Только не в этом колледже.

Этим же вечером я получил весточку от Джоан, от той девчонки, что так здорово проводила меня в армию,

а потом выскочила замуж. Я и сам намеревался отыскать ее и завернуть к ним с мужем домой, но до сих пор не узнал ее новой фамилии. Но она сама повстречала мою тетку и позвонила.

— Изи! — воскликнула она, и, казалось, с радостью.

— Кто это? Минутку... Джоан!

Прийти к ним сегодня же ужинать? Отлично! Что ж, я с нетерпеньем буду ждать встречи с тем счастливчиком, который стал ее мужем.

Джоан была все такой же хорошенькой, наградила меня смачным поцелуем, ознаменовавшим радость встречи, чисто сестринским, но сочным. Потом я познакомился с ребятишками — один еще в колыбельке, другой уже учился ходить.

Муж был в Лос-Анджелесе.

Мне следовало бы тут же взяться за шляпу. Но... — все хорошо, ничего такого не произошло, — муж позвонил уже после разговора со мной, чтобы сказать, что задерживается в Лос-Анджелесе на ночь, он ведь видел, как я играю в футбол, и уж, конечно, я был бы просто обязан повести ее в ресторан поужинать и, может быть, мы договоримся на завтра, ей не удалось договориться на сегодня с приходящей няней, а кроме того, сейчас должны забежать «на стаканчик» ее сестра с мужем, они на ужин не смогут остаться, так как уже с кем-то договорились, да ты же знаешь мою сестру, вон они уже на крыльце, а я еще и детей не уложила...

Сестра и ее муж пришли только на один стаканчик. Джоан с сестрой пошли укладывать ребятишек, а муж остался со мной и спросил, как дела в Европе, поскольку он знал, что я только что вернулся оттуда, после чего он рассказал мне, как идут дела в Европе и что там надо изменить.

— Вы знаете, мистер Джордан, — говорил он, похлопывая меня по колену, — человек, занимающийся торговлей недвижимостью, подобно мне, становится тонким знатоком человеческой натуры, он обязан стать таким. И хотя я в Европе не был, в отличие от вас, так как не имел на это времени, и вообще — должен же кто-то оставаться дома, платить налоги и приглядывать за делами, пока вы, молодые счастливчики, гоняете по всему миру. Но человеческая натура повсюду одинако-

ва, и если бы мы сбросили одну единственную бомбочку на Минск, или Пинск, или еще куда-нибудь, они тут же прозрели бы, а мы прекратили бы дергаться из стороны в сторону, что так вредит делам. Вы со мной согласны?

Я ответил, что в чем-то он, возможно, и прав. Они ушли, но перед уходом он пообещал позвонить мне завтра и показать несколько превосходных участков, которые отдаются почти задаром, но цены на которые должны взлететь вверх благодаря строительству здесь в недалеком будущем ракетного завода. «Было очень приятно выслушать историю ваших странствий, мистер Джордан, чрезвычайно приятно. Когда-нибудь расскажу вам кое о чем, что случилось со мной в Тихуане, но это уже, когда моей женушки рядом не будет, х-ха!»

— Не понимаю, почему она вышла за него? — пожала плечами Джоан. — Налей-ка мне двойной, милый, мне это просто необходимо. Пойду выключу плиту, ужин подождет.

Мы выпили по двойному, потом еще по двойному, ужинать сели только в одиннадцать, и Джоан принялась хныкать, когда около трех я стал настаивать на уходе. Она обозвала меня трусом, и я согласился. Она сказала, что все могло бы быть иначе, если бы я не решил уйти в армию, и я опять согласился. Она велела мне убираться через заднюю дверь и не зажигать свет и заявила, что не желает меня больше видеть во веки веков, после чего сообщила, что Джим семнадцатого собирался ехать в Сусалито.

На следующий день я вылетел в Лос-Анджелес.

Нет, слушайте, я не виню Джоан. Мне она симпатична. Я ее уважаю и всегда буду вспоминать о ней с благодарностью. Она прекрасный человек. Поставьте ее в соответствующие условия — скажем, перенесите в Невию, и она была бы о-го-го! Да и так она девчонка что надо. Дом у нее вылизан, ребятишки чистенькие, здоровенькие и ухоженные. Она щедра, умна и характер у нее отличный.

Себя я тоже виновным не считаю. Если мужчина хоть немного уважает чувства женщины, то уж в одном-то он ей не может отказать — во встрече, если она ее домогается. И притворяться, что я этой встречи не хотел, тоже не стану.

И все-таки во время полета в Лос-Анджелес я чувствовал себя скверно. Нет, нет, не из-за мужа, ему-то что? И не из-за Джоан — мир под ее ногами не перевернулся, угрызений совести она, надо думать, не испытывала. Джоан — хорошая девочка и очень здорово умеет приспосабливать свой характер к внешним условиям.

И все же мне было скверно.

Мужчина не должен критиковать самые тайные качества женщины. Должен сказать, что теперешняя Джоан была так же мила и так же щедра, как и та юная Джоан, что провожала меня в армию и дала мне возможность ощутить собственную мужественность. Вина была моя — я изменился.

Мои претензии относятся ко всей нашей культуре, отдельные люди несут на себе лишь частички этой общей вины. Разрешите мне процитировать многоопытного культуролога и распутника, доктора Руфо.

— Оскар, когда ты попадешь домой, не ожидай слишком многого от своих соплеменниц. Ты наверняка будешь разочарован, но бедняжки ни в чем не виноваты. Американские женщины, из которых воспитанием вытравили все инстинкты пола, компенсируют это всепроникающим интересом к ритуалам, совершаемым над мертвой шелухой секса... причем каждая уверена, что интуитивно знает тот главный ритуал, который способен оживить этот труп. Она знает, и никто ее не переубедит... особенно же тот мужчина, который имел несчастье попасть к ней в постель. Так что и не старайся. Ты или доведешь ее до бешенства, или убьешь в ней уверенность в себе. Ведь ты покусишься на самую священную из коров — на миф, что женщина знает о сексе все, уже только потому, что она женщина. — Здесь Руфо наморщил лоб. — Типичная американская женская особь уверена в том, что она гениальная портниха, гениальная повариха, гениальный дизайнер домашнего интерьера и превыше всего — гениальная куртизанка. Чаще всего — она ошибается во всех четырех пунктах. Но не пытайся им это доказывать.

Потом он добавил:

— Разве что отобрать девчонку не старше двенадцати лет и изолировать ее полностью, особенно от матери... Но и это, думаю, поздновато. Ты пойми меня

правильно — все это вы заслужили. Ведь американский мужчина тоже убежден, что он великий воин, великий политик и великий любовник. Проверка показывает, что он ошибается так же, как и она. Или еще больше. С историко-культурной точки зрения существуют неопровержимые доказательства, что американский мужчина в большей степени, чем женщина, виновен в убийстве секса в вашей стране.

— И что же мне делать?

— Время от времени сматывайся во Францию. Француженки столь же неграмотны, как и американки, но не столь тщеславны, а иногда даже способны к обучению.

Когда мой самолет приземлился, я выбросил эти мысли из головы, ибо на время решил стать анахоретом. Я еще в армии понял, что проблема секса легко решается денежным обеспечением, размер которого достаточен лишь для поддержания жизни. А планы у меня были большие.

Я решил стать добропорядочным обывателем, каким являюсь по своей природе, усиленно трудиться в поте лица и иметь ясную цель. Конечно, я мог бы воспользоваться своими швейцарскими вкладами и вести жизнь плейбоя, но я уже побывал в плейбоях — это не по мне.

Я участвовал в самой что ни на есть увлекательной заварушке в Истории и, если бы не привезенная с собой добыча, наверняка сам не поверил бы в случившееся. Теперь пришло время остепениться и войти в ассоциацию Неизвестных героев. Быть героем — порядок. Но отставной герой — во-первых, зануда, во-вторых, бродяга.

Первым делом я отправился в Калифорнийский политехнический. Теперь я мог себе позволить выбирать лучшее, а единственный соперник Калтеха находился там, где секс вообще объявлен вне закона *. На это мрачное кладбище я достаточно нагляделся в 1942—1945 годах.

Декан по приему не особенно обнадеживал:

— Мистер Гордон, вы должны знать, что мы отсеиваем гораздо больше народу, чем принимаем, И мы не

---

* Намек на Массачусетский технологический институт, находящийся в Новой Англии, которая и сейчас считается оплотом пуританства.

можем полностью доверять представленной вами выписке. Не хочу сказать ничего плохого о вашем прежнем колледже, и мы с радостью делаем некоторые поблажки бывшим солдатам, но требования у нас гораздо более высокие. И еще одно — в Пасадине вы не найдете дешевого жилья.

Я ответил, что с радостью займу любое место, которого, по их мнению, заслуживаю, и показал ему мою чековую книжку (одну из них), предложив тут же выписать чек за первый год обучения. Он отказался, но слегка оттаял. Я ушел, унося впечатление, что место для И. С. Оскара Гордона может найтись.

После этого я отправился в центр города и начал процедуру, которая должна была юридически превратить меня из Ивлина Сирила в Оскара. Потом пошел искать работу.

Ее я нашел в Долине — место младшего чертежника в отделе филиала корпорации, занятой изготовлением шин, оборудования для пищевой промышленности и кой-чего еще — в данном случае, ракет. Это была часть Гордоновского Плана Оздоровления. Несколько месяцев, проведенных за кульманом должны были привести меня в форму. Заниматься я планировал по вечерам, а кроме того решил стать пай-мальчиком. В Сутелле я нашел меблированную комнату и приобрел подержанный «форд» для поездок на работу.

Теперь я чувствовал себя спокойнее. «Милорд Герой» был погребен, и глубоко. Все, что осталось от него — Леди Вивамус, висевшая над телевизором. Сначала я частенько снимал ее оттуда и держал в руке, получая от этого истинное наслаждение. Я решил найти salle d'arms * и вступить в клуб. В Долине я видел стрельбище для лучников, а вероятно, где-нибудь было и стрельбище для членов американской ассоциации любителей ружейной стрельбы. Надо же поддержать форму.

На время я решил забыть о швейцарских вкладах. Их должны были выплачивать в золоте, а это не пустяки, и я предпочитал к ним не прикасаться — ценность их будет все время расти, от инфляции больше, чем от инвестирования, так что когда-нибудь они превратятся

---

* Зал для фехтования (*фр.*).

в большой капитал, которого хватит для основания собственной фирмы.

Вот о чем я думал — как стать боссом. Раб на зарплате, даже если он принадлежит к той категории, у которой Дядя Сэм отбирает больше половины доходов, все равно раб. А я знал от Ее Мудрости, что для того, чтобы стать боссом, нужна тренировка. Титул «босс» за деньги не продается.

Поэтому-то я и остепенился. Имя я сменил; технологический сообщил, что я могу начинать подыскивать себе квартиру в Пасадине. Тут-то подоспела и почта — мама переслала ее тетке, та — на адрес отеля, который я ей дал сначала, и вот теперь она добралась до меня. Тут были письма, прибывшие в США еще год назад, пересланные в Юго-Восточную Азию, потом в Германию, затем на Аляску и еще на разные адреса, пока наконец я не получил их в Сутелле.

Одно письмо предлагало мне ту же сделку насчет инвестиций, только теперь я должен был отстегнуть им еще больше процентов. Другое было от тренера из колледжа — на простой почтовой бумаге, подписанное каракулями. Он писал, что «некие лица» хотят, чтобы сезон начался победой. Устраивает ли меня двести пятьдесят в месяц? Позвонить ему по домашнему телефону, разговор оплачен. Я разорвал это письмо.

Следующее было от администрации по делам ветеранов, датированное днем моей демобилизации, в коем сообщалось, что согласно прецеденту «Барон против правительства США», я являюсь «военным сиротой» и должен получать сто десять долларов в месяц для завершения образования вплоть до достижения двадцатитрехлетнего возраста.

Я хохотал до колик в животе.

Потом шла всякая ерунда, а за ней — письмо от моего конгрессмена. Он имел честь уведомить меня, что он, совместно с ассоциацией ветеранов заморских войск, разработал пакет законопроектов с целью исправления ошибок, допущенных при определении статуса «сирот войны», что эти законопроекты были одобрены и он счастлив сообщить, что один из них касается и меня и дает мне право получать пенсию для завершения образования вплоть до исполнения мне двадцати семи лет,

поскольку мое двадцатитрехлетие прошло до принятия поправки. Искренне ваш и все такое.

Смеяться я уже не мог. Я подумал о том, насколько меньше дерьма или чего-то еще я бы нахлебался со дня своего вступления в армию, если бы знал об этих ста десяти долларах в месяц. Я написал конгрессмену благодарственное письмо, постаравшись, чтобы оно звучало получше.

Следующее письмо по виду было совершеннейшей чепухой. Оно было от Госпитального Фонда Лимитейд и, надо думать, содержало просьбу о денежной помощи или информацию о больничной страховке, но я никак не мог взять в толк — почему кто-то в Дублине решил внести меня в свой список.

Госпитальный Фонд запрашивал меня, не являюсь ли я владельцем Ирландского госпитального тотализатора номер такой-то и такой-то и соответствующего талона к нему? Этот билет был продан Дж. Л. Уезерби, эсквайру. Указанный номер выиграл во втором туре розыгрыша, и эта лошадь пришла к финишу первой. Дж. Л. Уезерби был об этом информирован и известил фонд, что передал этот билет некому И. С. Гордону, которому отослал и талон к нему. Не тот ли я Гордон, есть ли у меня билет тотализатора и талон? Фонд желал бы быть уведомленным как можно скорее.

Последнее письмо имело обратный адрес командования группы американских войск в Европе. В нем был талон к билету Ирландского тотализатора и приписка «Так мне и надо, дураку, чтоб не играл в покер. Желаю выиграть. Дж. Л. Уезерби». Штемпель на конверте был годичной давности.

Я долго рассматривал его, потом достал бумаги, пронесенные мною через несколько Вселенных. Нашел нужный билет. Он был весь измазан кровью, но номер был виден хорошо.

Еще раз перечитал письмо Фонда. Второй раунд розыгрыша...

Потом пересмотрел все билеты под ярким светом. Все были подделкой, но гравировка этого билета и талона к нему были четкой как на деньгах. Не знаю, где его купил Уезерби, но ясно, что не у того воришки, у которого я приобрел свой.

Второй раунд... А я и не знал, что их больше одного! Оказывается, число турниров зависит от числа проданных билетов — на каждый «пакет» стоимостью 120 тыс. фунтов стерлингов — тур розыгрыша. А я видел только результат первого...

Уезерби отослал талон и расписку моей матери в Висбаден, он, вероятно, уже был в Элмендорфе, когда я находился в Ницце, потом был отправлен в Ниццу, потом обратно в Элмендорф, т. к. Руфо оставил этот адрес в «Американ экспресс». Руфо, разумеется, знал обо мне все и предпринял нужные шаги, чтобы прикрыть мое исчезновение.

В то утро, ровно год назад, я сидел в кафе в Ницце, держа в руках выигравший билет, а талон к нему уже лежал в конверте. Если бы я, читая «Геральд трибюн», пошел бы дальше отдела личных объявлений, то обнаружил бы там результаты второго тура розыгрыша и не ответил бы на объявление.

Я забрал бы 140 тысяч долларов и никогда больше не увидел бы Стар.

Неужели Ее Мудрость потерпела бы поражение?

Неужели я отказался бы следовать за ней только потому, что мои карманы лопались от денег?

Позволю себе усомниться: я все равно вышел бы на Дорогу Доблести.

Во всяком случае, надеюсь на это.

На следующий день я позвонил на завод, а потом отправился в банк, где повторилась та же рутина, через которую я дважды проходил в Ницце.

Да, этот билет действителен. Может ли банк быть мне полезен при получении денег? Я поблагодарил их и ушел.

Маленький человек из налогового управления уже стоял у меня на крыльце... Почти что так: он позвонил снизу, когда я писал ответ Госпитальному Фонду.

Я ответил ему, что скорее пойду к чертовой матери, чем соглашусь. Я оставлю деньги в Европе, а он пусть свистит в кулак! Он вежливо посоветовал мне изменить позицию, считая ее за простое «выпускание паров», тем более что налоговое управление терпеть не может платить деньги информаторам, но принуждено будет так поступить, если мои действия покажут, что я хочу избежать уплаты налогов.

В общем, они меня доконали. Я получил 140 тысяч долларов, и заплатил Дяде Сэму 103 тысячи. Маленький тихенький человечек сказал, что так будет лучше — многие люди откладывают уплату налогов и попадают в неприятную историю.

Будь я в Европе, получил бы 140 тысяч золотом, а тут выдали 37 тысяч бумажками — свободные и суверенные американцы не имеют права держать на руках золото. С ним они то ли войну начнут, то ли в коммунизм перейдут, то ли еще что сотворят. И вообще это противозаконно. Люди из управления были в высшей степени вежливы.

Десять процентов — 3700 долларов — я отослал сержанту Уезерби и написал про все. Остальные 33 тысячи долларов положил в банк, учредив фонд для оплаты образования моих сводных братишек и сестренок, причем одним из условий управления фонда было то, чтобы родственники узнали о деньгах только тогда, когда они понадобятся. Я помолился, чтобы новость о моем выигрыше не долетела до Аляски. В лос-анджелесских газетах об этом ничего не было, но сведения как-то просачивались: я почувствовал себя занесенным в списки многочисленных попрошаек — получал письма, предлагающие необычайные возможности, просьбы о займах или требования подарков.

Через месяц я узнал, что позабыл о существовании еще и калифорнийского штатного налога.

22

И вот я снова вернулся к своему кульману, снова гнул вечерами спину над учебниками, иногда смотрел телевизор, а по субботам занимался фехтованием.

А ночами мне снился сон...

Впервые я увидел его, когда поступил работать, а теперь он являлся каждую ночь...

Я ехал по длинной-длинной дороге, потом она круто изгибалась и вдали вырисовывался замок, стоящий на возвышенности. Он был великолепен, флаги развевались на его башнях, извилистая тропа вела к подъемному мосту. Но я знал — непонятно откуда, — что в подземелье замка томится прекраснейшая из принцесс.

Эта часть сна была всегда одинакова, варьировались лишь детали. А потом на дороге появлялся маленький спокойный человек из налогового управления и заявлял, что надо оплатить дорожный сбор, который всегда на десять процентов превышал сумму, которой я располагал.

В другой раз это был полицейский, который, прислонясь к моей лошади (иногда у нее было четыре ноги, иногда — восемь), выписывал мне штраф за нарушение правил движения, за появление с просроченной лицензией на право езды, за проезд на красный свет и дерзкое неповиновение власти. Он хотел знать, есть ли у меня разрешение на ношение копья, и сообщал, что я должен нацепить бирку на каждого убитого мной дракона согласно закону об охоте.

Иногда, и это было самое неприятное, я за поворотом попадал в мощный транспортный поток, несшийся прямо на меня по пяти полосам дороги.

Писать то, что я пишу сейчас, я начал после появления этих снов. Я понимал, что пойти к специалисту по мозгам и сказать ему: «Послушайте, док, я герой по профессии, а жена моя — императрица другой Вселенной» — нельзя, а еще меньше мне улыбалась перспектива лечь на его кушетку и рассказывать, как мои родители плохо обращались со мной в детстве (чего не было) и как я узнал все про маленьких девочек (а это уж никого не касается).

И я решил рассказать все своей пишущей машинке.

Самочувствие от этого улучшилось, но сны остались. Зато я узнал новое слово — «окультуривание». Это то, что происходит, когда представитель одной культуры попадает в другую и переживает крайне печальное время, ощущая себя чужим. Например, индейцы в городах Аризоны, которые бездельничают и проводят все время, глазея на витрины магазинов. Окультуривание. Не вписываются.

Я садился в автобус, чтобы повидать врача по уху, горлу и носу — Стар обещала мне, что ее лечение плюс процедуры, полученные на Центре, навсегда освободят меня от насморка, что и произошло, но даже терапевты, обеспечивающие Долголетие, не могут защитить человеческие ткани от ядовитых газов. Лос-анджелесский смог меня достал. Глаза жгло, нос заложен —

дважды в неделю мне приходилось проходить чудовищные процедуры из-за этого носа. Обычно я парковал свою машину и ехал автобусом до Уилтшира, так как там места для парковки не найти.

В автобусе я подслушал разговор двух дам: «...и несмотря на то что я их совершенно не переношу, я не могла устраивать вечеринку, не пригласив Силвестеров...»

Это было похоже на какой-то экзотический язык. Я прокрутил фразу в мозгу несколько раз и наконец уловил ее смысл.

Но тогда зачем приглашать этих Силвестеров? Если она их не переносит, то почему бы просто не перестать их замечать или даже не уронить им на башку кирпич? Почему, во имя Господа Бога, надо устраивать вечеринки с коктейлями? Люди, которые не очень любят друг друга, стоят (стульев обычно не хватает), говорят о вещах для них неинтересных, пьют напитки ими не любимые (зачем вообще выделять специальное время для выпивки) и напиваются так, что даже не замечают, как им смертельно скучно. Зачем?

И тут я понял, что идет процесс окультуривания. И что я в него не вписываюсь.

Тогда я стал избегать автобусов, в результате чего заплатил пять штрафов и поломал бампер. Учиться я тоже бросил. В книгах я никак не мог докопаться до смысла. Нет, не таким способом обучался я на старом добром Центре.

А за работу чертежника я держался. Я всегда хорошо чертил, и вскоре мне стали поручать важные заказы.

Однажды меня вызвал начальник отдела и сказал:

— Послушайте, Гордон, вот этот узел, который вы делали...

Я гордился этой работой. Я вспомнил кое-что, виденное мной на Центре, и начертил это, уменьшив число трущихся деталей и улучшив первоначальный проект, придав ему компактность. Я был доволен. Работа сложная, пришлось добавить еще одну проекцию.

— А, что такое?

Он отдал мне чертеж:

— Переделать! Сделать как надо!

Я объяснил ему те изменения, которые внес, сказал, что улучшил проект, чтобы...

Он оборвал меня:

— Мне не надо, чтобы вы улучшали, мне надо, чтобы вы работали, как того требую я!

— Ваше право, — согласился я и проголосовал за свою отставку, громко хлопнув дверью.

В этот час дня моя квартира показалась мне какой-то странной. Я начал читать «Сопротивление материалов», но отбросил учебник в сторону. Потом встал и взглянул на Леди Вивамус.

«Dum vivimus, vivamus!» Посвистывая, я пристегнул ее к поясу, обнажил клинок и почувствовал, как вверх по руке пробежал ток.

Потом вложил клинок в ножны, собрал кое-какие вещички, в основном дорожные чеки и наличные деньги, и вышел. Я шел не в определенное место, а просто куда глаза глядят.

Не прошел я и двадцати минут, как патрульная машина подрулила к тротуару, и меня отвезли в полицейский участок.

Почему я ношу эту штуковину? Я объяснил, что джентльмены обычно носят шпаги.

Если я скажу им, в какой киностудии работаю, то телефонный звонок все уладит. Или я работаю на телевидении? Департамент полиции охотно пойдет навстречу, но хорошо бы его информировать заранее...

Есть ли у меня лицензия на ношение скрытого оружия? Я ответил, что нисколько его не скрывал. Они заявили, что скрывал — шпага в ножнах. Тут я сослался на Конституцию, но мне возразили, что в Конституции, это уж точно, ничего не говорится про хождение по городу с шашлычными шампурами. Коп шепнул сержанту:

— Вот на чем мы его возьмем, сержант — на клинке, что длиннее... думаю трех дюймов.

Трудности начались, когда они захотели отобрать у меня Леди Вивамус. Наконец они меня заперли со шпагой и прочим.

Двумя часами позже мой адвокат добился изменения формулировки на «мелкое хулиганство» и я был отпущен, выслушав целую проповедь о том, как себя надо вести.

Я заплатил адвокату, поблагодарил его, взял такси до аэропорта и вылетел в Сан-Франциско. В аэропорту купил большой чемодан, в который по диагонали ложилась Леди Вивамус.

Вечером в Сан-Франциско я попал на вечеринку. Встретил я этого парня в баре, поставил ему выпивку, он мне — другую, я ему — обед, а потом мы, захватив галлон вина, поехали к его друзьям. Я все пытался объяснить новому знакомому, что нет смысла учиться в школе по одному предмету, когда давно известен другой, лучший. Это так же глупо, как обучать индейцев охоте на бизонов. Бизоны ведь бывают только в зоопарках! Окультуривание, вот что это такое!

Чарли полностью соглашался и говорил, что его друзьям будет очень интересно меня послушать. И мы поехали туда, я заплатил таксисту за ожидание, но чемодан забрал с собой.

Друзья Чарли вовсе не собирались выслушивать мои теории, но вину обрадовались, так что я сел на пол и стал слушать народные песни.

У мужчин были бороды, что облегчало дело, так как позволяло отличать мужчин от женщин. Один бородач встал и начал читать поэму. Старый Джоко, даже будучи смертельно пьяным, и то сочинил бы лучше.

Все это не походило на пирушку в Невии, а еще меньше — на нее же на Центре, за исключением одного — я получил предложение. Возможно, я и рассмотрел бы его, если бы девушка не носила сандалии. Пальцы ног у нее были грязные. Я припомнил Зай-и-ван, ее изящный и чистенький мех, поблагодарил девушку и сказал, что дал обет.

Борода, что читал стихи, подошел и уставился на меня:

— Парень, а в какой драке ты подцепил такой шрам?

Я ответил, что дело было в Юго-Восточной Азии. Он посмотрел на меня с отвращением:

— Наемник?

— Ну, не всегда, — ответил я. — Иногда дерусь для удовольствия. Сейчас, например.

Шмякнул его об стену, забрал чемодан и отправился в аэропорт, оттуда в Сиэтл, потом в Анкоридж на Аляске и наконец оказался в Элмендорфе — чистый, трезвый и с Леди Вивамус, загримированной под удочку в чехле.

Мама мне обрадовалась, детишки вроде тоже — я успел купить им подарки между двумя рейсами в Сиэтле, а отчим и я обменялись байками.

На Аляске я сделал одно хорошее дело: слетал на мыс Барроу. Там я нашел, что искал: тишину, отсутствие запаха пота и мало людей. Смотришь на ледяное пространство и знаешь, что там нет ни черта, кроме Северного полюса, нескольких эскимосов и еще меньше белых.

Эскимосы тут такие же милые, как на картинках. Их детишки никогда не плачут, а взрослые никогда не сердятся, дурным нравом отличаются только собаки, шляющиеся среди хижин.

Но эскимосы теперь тоже окультуриваются — старые времена проходят. В Барроу можно купить пиво в банках, в небе летают самолеты, а завтра на них могут оказаться и ракеты.

И все же они продолжают охотиться на тюленей среди своих ледяных торосов; деревня пирует, когда забивают кита, и голодает, когда китов нет. Времени они не считают и, по всей видимости, их ничто не тревожит; спроси эскимоса, сколько ему лет, он ответит: «О, я уже взрослый». Совсем как Руфо. Вместо «до свидания» они говорят «когда-нибудь опять», что значит «когда-нибудь мы снова увидимся».

Они позволили мне участвовать в их танцах. В этом случае полагается надевать перчатки (в вопросах этикета они так же строги, как Джоко), и ты пляшешь и поешь под грохот бубна — я даже заплакал. Сам не знаю от чего. Танец рассказывал про старичка, у которого нет жены и который вдруг видит тюленя...

Я сказал им «когда-нибудь опять» и вернулся в Анкоридж, оттуда вылетел в Копенгаген. С высоты 30 тысяч футов полюс выглядел как покрытая снегом прерия, странные черные линии были водой. Никогда не думал, что увижу Северный полюс.

Из Копенгагена я отправился в Стокгольм, Марьятта жила отдельно от родителей, но в том же квартале. Она накормила меня шведским обедом, а ее муж оказался славным парнем. Из Стокгольма я перед выездом позвонил в отдел личных объявлений парижского издания «Геральд трибюн».

Это объявление печаталось ежедневно, а я сидел в кафе напротив «Двух радостей», пил коньяк, накапливая стопки коньячных блюдечек и пытаясь сохранить

спокойствие. Рассматривал гуляющих француженок и думал, что же мне делать.

Если мужчина хочет где-нибудь осесть лет, скажем, на сорок или около того, то почему бы ему не выбрать Невию? О'кей, в ней водятся драконы. Зато нет ни мух, ни комаров, ни смога. Нет проблем парковки, нет транспортных развязок, выглядящих как рисунок в учебнике полостной хирургии. И нигде нет фонарей на дорогах.

Мьюри будет рада меня видеть. Могу даже жениться на ней. А возможно, и на ее маленькой сестренке, не помню ее имени. Почему бы и нет? Брачные отношения не всюду такие, как в какой-нибудь Падьюке *. И Стар будет довольна, она с радостью породнится с Джоко таким образом.

Но сначала я хотел бы повидать Стар, во всяком случае — в ближайшее время, чтобы вымести из-под кровати накопившуюся там груду чужих туфель. Однако там я не останусь, формула «когда-нибудь опять» лучше всего устроит Стар. Эта формула — одна из немногих, точно переводимых на жаргон Центра и полностью соответствующих духу языка.

«Когда-нибудь опять», поскольку другие девы или, во всяком случае, их приятные эрзацы есть повсюду и все они жаждут освобождения. Где-то. А мужчинам только и остается, что делать свою работу — обстоятельство, которое мудрые жены хорошо понимают.

Кто-то хорошо сказал: «От путешествий не устают. Надо пить чашу жизни до капли». Дальняя дорога, тропа, королевский путь, на котором нет уверенности в том, где и когда перекусишь, получишь ли ночлег и с кем его разделишь. Но где-то ждет тебя Елена Троянская и множество ее сестричек, и есть славная работа, которая только и дожидается того, кто ее выполнит.

За месяц можно составить множество стопок из коньячных блюдечек, и я уже начал злиться, вместо того чтобы подремывать. Куда, к черту, провалился Руфо? Свои записки я довел до этой минуты, держась на одних нервах. Может, Руфо вернулся обратно? Или умер?

А может, его и не было никогда? Может быть, я просто психопат, но что же тогда таскаю я с собой,

---

* Город в США. Символ американской «глубинки».

каждый раз, как выхожу из дому? Шпагу? Я боюсь посмотреть, да, боюсь, а теперь мне страшно даже задавать себе этот вопрос. Однажды я встретил старого сержанта, тридцатилетнего мужчину, который был уверен, что владеет алмазным прииском в Африке. Целые дни он проводил, копаясь в бухгалтерских отчетах прииска. Может, и я пребываю в таком же упоительном заблуждении? Может, эти франки — все, что осталось у меня от месячного пособия по инвалидности?

Дано ли человеку дважды воспользоваться предоставленным ему шансом? Всегда ли «калитка в стене» исчезает при втором взгляде на нее? Где садятся на корабль, отплывающий в волшебные страны? Боже мой, как это похоже на объявление в почтовом отделении Бруклина: «Вход отсюда туда запрещен».

Я даю Руфо еще две недели...

От Руфо пришло известие! Газетную вырезку с моим объявлением ему переслали, но у него возникли какие-то осложнения. По телефону он не стал о них распространяться, но я усек, что он связался с какой-то хищной Fraulein * и перешел границу почти что sans culottes **. Но сегодня он приезжает! Он выразил полное согласие с моей идеей сменить планеты и даже Вселенные и сказал, что придумал кое-что любопытное. Возможно, сопряженное с риском, но зато не скучное. Уверен, что он прав и в том и в другом смысле.

Руфо способен украсть у ближнего сигарету, а уж девчонку и подавно, но с ним не скучно, и он умрет, защищая твою спину.

Завтра мы выйдем на каменистую Дорогу Доблести.

Как там у вас с драконами? Не желаете ли их истребить?

---

* Девушка (*нем.*).

** Без штанов (*фр.*).

Содержание

Кукловоды, роман,
перевод с английского А. Корженевского 5

Дорога доблести, роман,
перевод с английского В. Ковалевского, Н. Штуцер 249

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

В двадцати пяти книгах

Книга первая

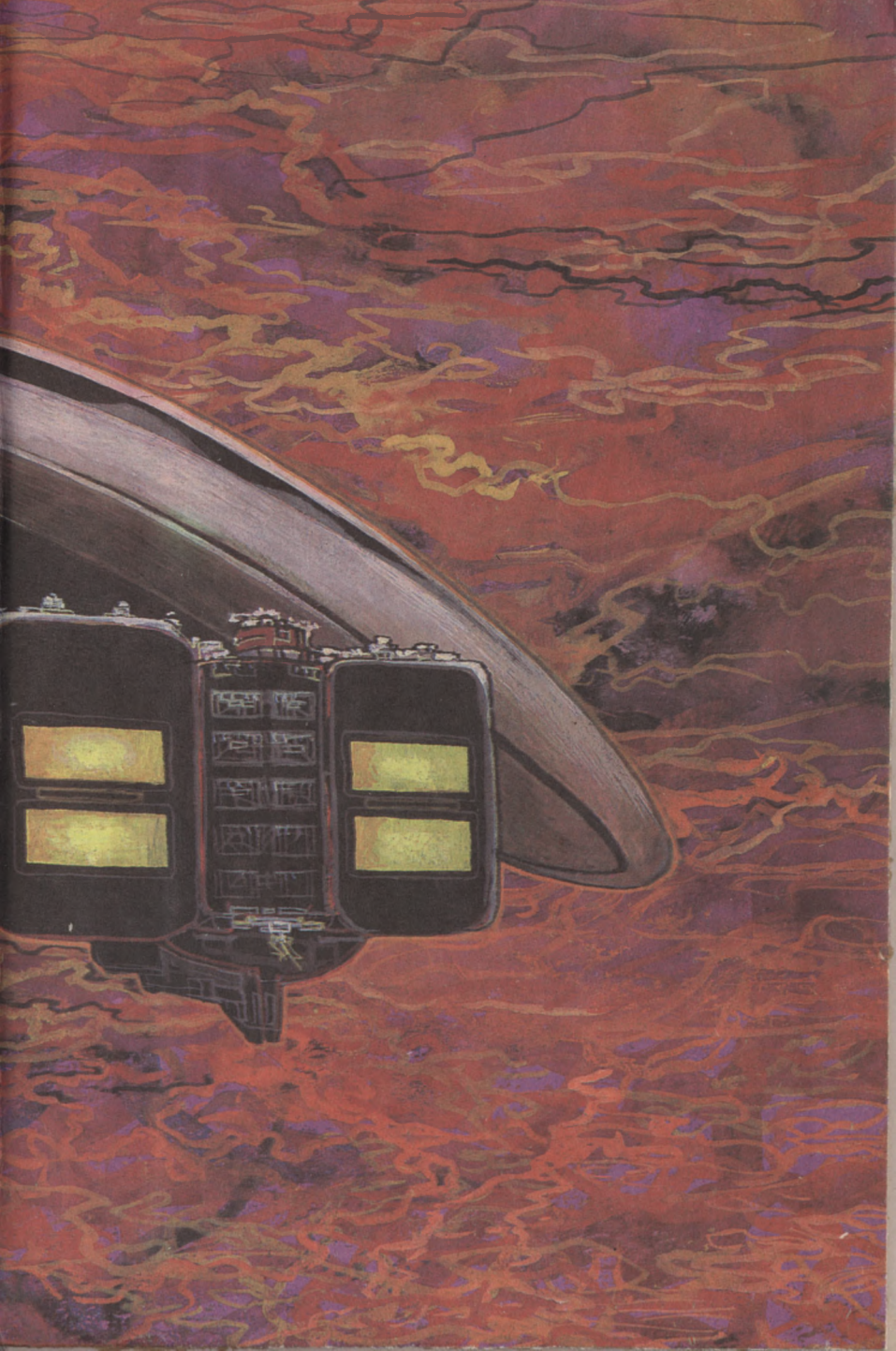
Составитель *В. Быстров*
Главный редактор *А. Захаренков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *Л. Усачева*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Т. Куликова, Е. Ошуркова*
Оператор компьютерной верстки *А. Дашкевич*
Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Оформление: *А. Кириллов, А. Сергунин*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.10.94.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская.
Гарнитура Балтика. Печать высокая.
Усл. печ. л. 29,40. Усл. кр.-отт. 30,4. Уч.-изд. л. 30,6.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 4-378.

Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.
Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers